И. М. ½
№ 563.

РИМСКІЙ КАТОЛИЦИЗМЪ

ВЪ РОССІИ.

1197
2683
1107
2281
2815

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

ГРАФА ДМИТРІЯ А. ТОЛСТАГО.

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе и типографія В. Ө. Демакова. Новый пер., д. № 7.
1877.

12
22648

H. eccl. 3197 t-2

НОЛИНСКИЙ
МУЗЕЙ

12

РИМСКІЙ КАТОЛИЦИЗМЪ
ВЪ РОССІИ.

4407

FgT 187/4696

РИМСКІЙ КАТОЛИЦИЗМЪ

ВЪ РОССІИ.

№2815

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

ГРАФА ДМИТРІЯ А. ТОЛСТАГО.

МОЛОТОВСКИЙ РАЙМУЗЕЙ
краеведения 951.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе и типографія В. Ѳ. Демакова. Новый пер., д. № 7.
1876.

22648 одм. 96

T. 2.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРАГО ТОМА.

СТРАН.

VII.—Состояніе латынской церкви въ Россіи въ царствованіе императрицы Екатерины II. 1

VIII.—Состояніе римско-католической церкви въ Россіи въ царствованіе императора Павла 101

IX.—Система управленія латынскимъ духовенствомъ при императорѣ Александрѣ I. 151

X.—Іезуиты при императорѣ Александрѣ I. . . . 176

XI.—Управленіе римско-католическимъ духовенствомъ по изгнаніи іезуитовъ.—Состояніе бѣлаго духовенства при императорѣ Александрѣ I. 230

XII.—Монашескіе ордена въ царствованіе императора Александра I 272

XIII.—Общій взглядъ на положеніе латынскаго духовенства въ царствованіе императора Александра I.—Пропаганда и ея способы.—Установленный порядокъ сношеній духовенства съ римскимъ дворомъ. 293

XIV.—Состояніе армяно-католической и греко-уніатской церквей въ царствованіе императора Александра I. 344

XV.—Сношенія русскаго кабинета съ римскимъ дворомъ при императорѣ Александрѣ I. 398

Заключеніе 428

ПРИЛОЖЕНІЯ:

1-е. Численность іезуитовъ въ Россіи съ 1786 по 1817 годъ 3

2-е. Обязанности и наименованія главнѣйшихъ членовъ капитула 4

СТРАН.

3-е. Формы епископской присяги римской и измѣненной императрицею Екатериною 6
4-е. Списокъ львовскихъ армяно-католическихъ архіепископовъ. 10
5-е. Преданіе о чудотворной иконѣ пресвятой Дѣвы Богородицы въ армяно-католической церкви въ г. Каменцѣ. 12
6-е. Бреве папы Климента XIII королю Станиславу Августу. 14
7-е. Посланіе конклава къ императору Павлу 17
8-е. Объ іерархіи римско-католической церкви въ Россіи. 20
9-е. О властяхъ, данныхъ аббату Николю 34
10-е. Инструкція іезуитамъ 39
11-е. Записка генерала іезуитскаго ордена Бржозовскаго о возведеніи полоцкой коллегіи въ академію . . . 41
12-е. Грамата императора Александра I о возведеніи полоцкой іезуитской коллегіи на степень академіи . . 51
13-е. Просьбы генерала іезуитскаго ордена Бржозовскаго о возстановленіи этого ордена въ Испаніи. . . . 54
14-е. Указъ Александра I правительствующему сенату (20 декабря 1815 г). 57
15-е. Его Императорскому Величеству министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія докладъ (13 марта 1820 г). 59
16-е. Высокопреподобному отцу декану (предписаніе во исполненіе вышеозначеннаго доклада) 68
17-е. Списокъ римско-католическихъ епархіальныхъ и викарныхъ (суффрагановъ) епископовъ въ Россіи, въ царствованіе императора Александра I. 71
18-е. Извлеченіе изъ каноничессаго права и высочайшихъ указовъ о правахъ ктиторства. 75
19-е. О монашескихъ орденахъ виленской епархіи . . 78
20-е. Списокъ монастырямъ доминиканскаго ордена въ литовской и русской провинціяхъ, имѣвшимъ фундуши (1824 г). 82
21-е. Бернардинскіе монастыри 93
22-е. Списокъ кармелитскихъ монастырей 97
23-е. Кармелиты босые (discalceati) въ западной Россіи. 103
24-е. О заведеніи и содержаніи училищъ въ волынской, подольской и кіевской губерніяхъ. 104
25-е. Прошеніе полоцкаго повѣтоваго училища катихизатора Голодковскаго 106

СТРАН.

26-е. Вѣдомость о капитальныхъ суммахъ бѣлаго и монашествующаго духовенства шести римско-католическихъ и одной армяно-католической епархій, за 1822 годъ. 108

27-е. Жалоба несвижскаго бенедиктинскаго монастыря настоятельницы на епископа Дедерку, 1813 года . . 109

28-е. Вопросные пункты, данные свидѣтельствующимъ о точныхъ качествахъ епископа суффрагата могилевскаго Іоахима Грабовскаго и пр. 111

29-е. Письмо директора департамента народнаго просвѣщенія Тургенева къ аббату Лангенмейеру, отъ 1 августа 1823 г. 119

30-е. Именный указъ, данный бѣлорусскому военному губернатору, генералу отъ кавалеріи Михельсону (4 іюля 1803 г) 121

31-е. Письмо полоцкаго архіепископа Ираклія Лисовскаго къ князю Голицыну, отъ іюня 1805 г 123

32-е. Число базиліанскихъ монастырей и монаховъ въ 1804 году 130

33-е. Вѣдомость о капитальныхъ суммахъ бѣлаго и монашествующаго духовенства четырехъ греко-уніатскихъ епархій, за 1822 годъ 132

Алфавитный списокъ лицъ, упоминаемыхъ въ обоихъ томахъ 133

VII.

СОСТОЯНІЕ ЛАТЫНСКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ РОССІИ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II.

Устройство римско-католической іерархіи въ Бѣлоруссіи. — Предѣлы папской власти въ Россіи. — Избраніе Сестренцевича въ епископа бѣлорусскаго, 1773 г.—Біографическія свѣдѣнія о Сестренцевичѣ, 1731—1826 гг. — Подчиненіе всего монашествующаго и бѣлаго духовенства епископу.— Улучшенія, введенныя Сестренцевичемъ въ монастыри.— Учрежденіе семинаріи въ Могилезѣ, 1778 г. — Планъ воспитанія въ семинаріи. — Противодѣйствіе іезуитовъ Сестренцевичу. — По уничтоженіи ордена іезуитовъ, императрица Екатерина даетъ имъ убѣжище въ Бѣлоруссіи.— Польза и вредъ этой мѣры.—Возведеніе Сестренцевича въ санъ архіепископа, 1782 г. — Назначеніе коадъютора ему, Бениславскаго. — Отношенія русскаго правительства къ римскому престолу. — Открытіе іезуитскаго новиціата въ Бѣлоруссіи.—Волненіе римскаго двора и богословская полемика по этому поводу. — Высказавшееся въ этой полемикѣ понятіе іезуитовъ о папской власти надъ монашескими орденами и объ отношеніи ея къ свѣтскимъ правительствамъ.—Сношенія Екатерины съ Піемъ VI объ утвержденіи Сестренцевича въ санѣ архіепископа и о посвященіи Бениславскаго въ епископы.—Посольство нунція Аркети въ С.-Петербургъ, 1783 г.—Организація могилевскаго капитула.—Измѣненія, сдѣланныя императрицею Екатериною въ формѣ присяги епископской.—Старанія императрицы Екатерины доставить Сестренцевичу кардинальскую шапку, 1785 г.— Довольно обширныя духовныя власти, данныя папою Се-

стренцевичу, 1786 г.—Дозволеніе вызывать священниковъ изъ за границы.—Церковь св. Людовика въ Москвѣ, 1790 года. — Постройка церквей въ Новороссіи и саратовской губерніи.—Мѣры по отношенію къ недвижимымъ имѣніямъ монашескихъ сословій. — Учрежденіе епархій инфляндской, пинской и летичевской, 1795 г.—Проэктъ уменьшить число монастырей, 1795 г.—*Армяно-католическая церковь въ Россіи.* Ученіе первобытной армянской церкви.—Латынская пропаганда между армянами.—Галанъ, 1650—1659 гг.—Маркизъ Серпозъ.—Мекитаръ, 1676—1749 гг.—Армяно-католическая академія въ Венеціи. — Введеніе латынства въ армянскую церковь.—Армяне на Волыни и Подоліи.—Пропаганда Бембуса между ними, 1630 г. — Торосовичь, въ 1626 году посвященный въ львовскіе армяно-григоріанскіе епископы, перешедшій въ латынство. — Насильственныя обращенія львовскихъ армянъ въ латынство, 1631 г. —Отцы театины, прибывшіе во Львовъ, основываютъ тамъ *collegium pontificum.*—Латынская пропаганда между армянами въ Каменцѣ-Подольскомъ и Могилевѣ на Днѣстрѣ. — Армяно-католики въ южной Россіи. — Латынская пропаганда въ Грузіи. — Подчиненіе армяно-католическихъ церквей и духовенства могилевскому архіепископу, 1784 г. — Большинство народонаселенія въ западныхъ областяхъ принадлежало къ Церкви православной и греко-уніатской.—*Народъ греческаго обряда, преслѣдуемый католиками, постоянно умоляетъ русскихъ государей о помощи.*—Участіе императрицы Екатерины въ судьбѣ православныхъ литовцевъ. — Папа Климентъ XIII обязываетъ Станислава-Августа ничего не дѣлать въ пользу диссидентовъ. — Императрица Екатерина рѣшается употребить вооруженную силу и добивается свободы богослуженія для православныхъ.—*Положеніе уніатской церкви въ западныхъ областяхъ.*— Базиліане. — Ихъ насилія противъ уніатскаго бѣлаго духовенства.— Антагонизмъ между бѣлымъ духовенствомъ и базиліанами. — Императрица Екатерина учреждаетъ уніатскую епархію въ Бѣлоруссіи.—Ираклій Лисовскій, наименованный архіепископъ полоцкій, 1784 г.—Подчиненіе базиліанъ власти архіепископа. — Возсоединеніе уніатовъ съ православною Церковію въ Бѣлоруссіи, Волыни и Подоліи.—Мѣры противъ базиліанъ.—Унія, лишенная всей жизненной силы, необходимо должна была пасть сама собою.—Смѣшанные браки.— Общее сужденіе о мѣропріятіяхъ императрицы Екатерины въ церковной области.

Мы описали то іерархическое устройство, въ какомъ русское правительство застало римско-католическое духовенство при постепенномъ подчиненіи ему католическихъ епархій вмѣстѣ съ западнымъ краемъ, по троекратному раздѣлу Польши.

По первому раздѣлу, въ 1772 году, Россія получила Бѣлоруссію по правую сторону Двины. Почти вся эта страна составляла въ духовномъ отношеніи часть виленской епархіи, за исключеніемъ нѣсколькихъ латынскихъ приходовъ, принадлежавшихъ къ инфляндской епархіи, и четырехъ костеловъ, образовавшихъ въ то время епархію смоленскую. Первымъ актомъ русскаго правительства было торжественное обезпеченіе свободы вѣроисповѣданія въ этихъ провинціяхъ ([1]) и іерархическое устройство въ нихъ римско-католической церкви. Прежде чѣмъ глава этой церкви подумалъ о судьбахъ ея, императрица Екатерина, по собственному побужденію, учредила для бѣлорусскихъ и другихъ латынскихъ церквей въ Россіи званіе католическаго епископа, которому и предоставила управлять ими на основаніи регламента 1769 года для петербургскаго костела, то есть, подъ высшимъ надзоромъ не Рима, а, какъ мы видѣли, юстицъ-коллегіи ([2]).

Присоединяя къ Россіи народонаселеніе католи-

([1]) Полн. собр. зак. т. XIX, № 13850.

([2]) Это іерархическое устройство потребовало, разумѣется, времени, — болѣе года. До тѣхъ же поръ, для удовлетворенія духовныхъ нуждъ своихъ новыхъ подданныхъ, императрица оставила духовенство въ подчиненіи польскихъ епископовъ, тѣхъ самыхъ, которые отказались дать ей присягу. Одинъ католикъ по этому поводу сказалъ: «Какой римско-католическій государь это сдѣлалъ бы? Римъ не долженъ бы забывать эти императорскія милости католикамъ».

ческое, имѣющее главою своею патріарха, не только Россіи неподвластнаго, но и соединяющаго въ себѣ съ этимъ саномъ свѣтскую власть государя отдѣльной страны, Екатерина въ самомъ началѣ нашла нужнымъ опредѣлить отношенія папской власти къ государственной въ Россіи и обозначить ихъ предѣлы. Не только не нарушая догматовъ и обрядовъ латынскаго народонаселенія въ Бѣлоруссіи, но и скрѣпляя ихъ учрежденіемъ іерархіи, она не признала за Римомъ права вмѣшательства, подъ предлогомъ религіи, въ распоряженія внутренняго устройства католическаго духовенства въ своей имперіи и въ дѣла правительственныя, и слѣдуя примѣру главнѣйшихъ католическихъ державъ, объявила въ томъ же 1772 году, что никакія папскія буллы и повелѣнія, а также предписанія заграничныхъ духовныхъ властей не могутъ быть обнародованы въ Бѣлоруссіи прежде разсмотрѣнія ихъ бѣлорусскимъ генералъ-губернаторомъ и высочайшаго утвержденія ([1]). Положеніе это, измѣнившее существенно отношенія высшаго польскаго духовенства къ правительству и къ Риму, распоряжавшемуся прежде неограниченно его дѣлами черезъ своего нунція, проживавшаго въ Варшавѣ, составило коренный государственный законъ въ Россіи, постоянно подтверждаемый всѣми русскими императорами, несмотря на частыя колебанія въ самой системѣ управленія латынскою церковію; онъ существуетъ доселѣ, и, должно ожидать, не будетъ измѣненъ впослѣдствіи, ибо уничтоженіе его можетъ быть только послѣдствіемъ безсилія государственной власти.

([1]) Указъ 14 декабря 1772 года.

Предоставляя бѣлорусскому католическому народонаселенію высшую іерархію, но не рѣшаясь сама избрать епископа, государыня просила виленскаго римско-католическаго епископа Массальскаго указать ей на человѣка достойнаго столь высокаго назначенія. Выборъ Массальскаго палъ на виленскаго каноника Сестренцевича, посвященнаго для того въ 1773 году въ епископы маленскіе *in partibus*. Этому замѣчательному человѣку суждено было управлять латынскою церковію въ Россіи болѣе полувѣка, служить четыремъ русскимъ императорамъ, сдѣлаться предметомъ уваженія однихъ и непримиримой злобы другихъ; потому необходимо хотя нѣсколько ознакомиться съ его личностію. И уваженіе и ненависть снискалъ Сестренцевичь потому, что онъ выходилъ изъ ряда обыкновенныхъ польскихъ ксендзовъ своего времени, какъ по характеру и дарованіямъ, такъ и по просвѣщенію и направленію ума, воспитавшагося въ иной средѣ, при другихъ условіяхъ и обстоятельствахъ. Родился онъ 3 сентября 1731 года; родители его были литовскіе дворяне реформатскаго вѣроисповѣданія, потому и отдали его въ ученье въ слуцкую реформатскую школу, учрежденную Радзивилломъ во время самаго разгара реформаціи въ Польшѣ, оставшуюся и впослѣдствіи центромъ польскихъ реформатовъ и существующую понынѣ подъ названіемъ гимназіи. Природный умъ и наклонность къ наукамъ обратили на него вниманіе: по окончаніи курса въ слуцкой школѣ, его отправили, для дальнѣйшаго усовершенствованія, во франкфуртскій университетъ, гдѣ онъ остался три года, съ 1748 по 1751 г., путешествовалъ по Европѣ, побывалъ въ Амстердамѣ и Лондонѣ и изучилъ

нѣсколько европейскихъ языковъ. Но реформатское духовное званіе, къ которому его готовили, мало привлекало къ себѣ пылкаго и даровитаго юношу; страсти сопутствовали жаждѣ знанія, и молодой Сестренцевичь изъ предположеннаго богослова сдѣлался сначала прусскимъ гусаромъ, а потомъ прапорщикомъ литовской гвардіи; служилъ въ ней около десяти лѣтъ, а вышедши въ 1761 году въ отставку съ чиномъ капитана, не имѣя средствъ къ жизни, поступилъ въ семейство князя Радзивилла воспитателемъ дѣтей. Когда утихли страсти первой молодости, обозначилось и призваніе Сестренцевича. Близость имѣнія Радзивилла отъ Вильны, этого центра католицизма на Литвѣ, частыя посѣщенія князя виленскимъ епископомъ и другими католическими духовными, познакомили лучше Сестренцевича съ католическою религіей; онъ рѣшился перейти въ эту вѣру и сталъ ревностно изучать ея догматы: въ 1762 году онъ слушалъ курсъ богословія въ главной коллегіи піяровъ въ Варшавѣ; въ 1763 году миссіонеры наставляли его въ церковныхъ обрядахъ, и въ томъ же году, уже вполнѣ знакомый съ новою вѣрою, онъ посвященъ былъ въ духовное званіе. Нѣтъ основанія предполагать, что къ этому званію склоняли Сестренцевича расчеты, а не призваніе, потому что тогда ни онъ и никто не могъ знать, что̀ ожидало его на новомъ поприщѣ, тогда какъ, оставаясь въ реформатскомъ законѣ и вступая въ число его богослововъ, онъ обезпечивалъ себя вполнѣ: слуцкіе учители знали и цѣнили его, слуцкая школа воспитывала его на свой счетъ, на ея средства продолжалъ онъ учиться и за границею; ему готовилась блестящая будущность. Но враги и

завистники Сестренцевича, до самаго конца жизни его, ставили ему въ преступленіе его рожденіе въ кальвинской вѣрѣ, какъ-бы отъ него зависѣло родиться въ другой, и во всѣхъ его распоряженіяхъ по церковному управленію, отступавшихъ отъ обычной рутины, видѣли какія-то остававшіяся, по ихъ мнѣнію, оттѣнки кальвинизма. Сестренцевичь извлекъ и сохранилъ изъ своего реформатскаго воспитанія не богословскія тонкости, не полемику на католицизмъ, а умственное просвѣщеніе, съ умысломъ убитое іезуитскою регулою, въ которой воспитаны были почти всѣ его современники духовнаго званія. Это именно и ставило его выше ихъ и возбуждало ихъ зависть и негодованіе. Ревностный къ вѣрѣ, онъ до конца своихъ дней любилъ науку, и къ величайшему удивленію латынскихъ фанатиковъ, не скрывалъ своего сочувствія къ разумному просвѣщенію; занимался литературою, исторіею, агрономіею, даже медициною. Все это было такъ ново и странно для окружавшихъ его, что они объясняли себѣ такое направленіе его ума какимъ-то сокровеннымъ отступничествомъ отъ католицизма; по ихъ взгляду, умъ и наука никакъ не могли сочетаться съ вѣрою. Въ вину ему ставили, напримѣръ, сдѣланный имъ, около 1765 года, переводъ съ англійскаго на польскій языкъ сочиненія Макензія о здоровьѣ и средствахъ сохранять оное, за что̀ однако, по одобренію польскаго короля Станислава-Августа, онъ получилъ настоятельство гомельскаго прихода; укоряли его даже въ недостаточномъ уваженіи къ латынскому языку, который онъ называлъ трупомъ. Но достоинства взяли свое, нуженъ былъ только случай, чтобы они могли высказаться, и этотъ случай представился

по отъѣздѣ въ 1771 году епископа Массальскаго за границу. Будучи тогда въ званіи каноника, онъ, по порученію епископа, вступилъ во временное управленіе (ad interim) виленскою епархіею и въ короткое время умѣлъ возстановить между духовенствомъ пошатнувшееся значеніе епископской власти, входилъ самъ во всѣ дѣла епархіи, преслѣдовалъ безпорядки, однимъ словомъ, показалъ, что онъ не только человѣкъ умный и образованный, но и характерный; это именно свойство умножило впослѣдствіи число его враговъ. Такого пастыря рекомендовалъ епископъ Массальскій для Бѣлоруссіи. Императрица не знала его еще тогда лично; онъ извѣстенъ ей былъ только по проповѣди, сказанной имъ 13 ноября 1771 года въ Вильнѣ, по случаю злоумышленія на жизнь короля Станисла-Августа, котораго, какъ извѣстно, конфедераты, подъ главнымъ предводительствомъ Пулавскаго, чуть не захватили въ улицахъ Варшавы и ранили саблею въ голову. Просвѣщенный епископъ могъ цѣнить мудрую государыню и способствовать благимъ ея намѣреніямъ на пользу русскихъ католиковъ; Екатерина, узнавъ Сестренцевича, всегда потомъ его уважала и доказывала это уваженіе дѣломъ.

Указомъ 22 ноября 1773 года императрица назначила Сестренцевича епископомъ бѣлорусскимъ, а каѳедру и мѣстопребываніе для него въ Могилевѣ, и обезпечила его весьма приличнымъ званію содержаніемъ, именно: десять тысячъ тогдашнихъ рублей серебромъ опредѣлено ему въ жалованье и кромѣ того предоставлены ему три бенефиціи,—прелата декана виленской каѳедры, бобруйскаго настоятеля и гомельская, съ принадлежавшими къ нимъ въ раз-

ныхъ губерніяхъ значительными недвижимыми имѣніями, такъ что Сестренцевичь получалъ не менѣе 60 т. руб. въ годъ.

Въ 1774 году организовано было императрицею, безъ сношенія съ римскимъ дворомъ, управленіе бѣлорусскою епархіею. Въ самой Бѣлоруссіи было мало католиковъ ([1]), ибо ее населяли преимущественно уніаты и отчасти православные, но тѣмъ неменѣе необходимо было, для пользы бывшихъ тамъ католическихъ церквей и народа, устранить существенные непорядки, вкравшіеся въ духовное сословіе при польскомъ владычествѣ. Главнѣйшіе изъ нихъ были, какъ мы видѣли: необразованность, распущенность монашескихъ орденовъ, не подчинявшихся власти епископской; къ тому же нужно прибавить и изъятіе изъ подъ епископскаго распоряженія даже нѣкоторой части бѣлаго духовенства, посредствомъ существовавшаго обычая ктиторства, состоящаго въ томъ, что епископъ не можетъ назначать къ приходамъ, учрежденнымъ и обезпеченнымъ частными людьми, какъ только того священника, который будетъ избранъ учредителемъ, или его наслѣдниками. Такихъ ктиторскихъ приходовъ было довольно много въ Литвѣ; нѣкоторые изъ нихъ принадлежали королю, потому что учреждены были королями; къ такимъ приходамъ священники назначались королевскою властію. Такимъ образомъ мона-

([1]) Уже послѣ окончательнаго раздѣла ольши, когда къ могилевской епархіи присоединено было архидіаконство кіевское и нѣкоторые бѣлорусскіе уѣзды, остававшіеся въ виленской епархій, въ архіепископствѣ было менѣе двухъ сотъ приходскихъ церквей, считая и тѣ, которыя находились внѣ западнаго края, въ самой имперіи. Священниковъ же было до 700 человѣкъ.

шеское духовенство было вовсе изъято изъ подъ власти епископовъ, а бѣлое тоже отчасти отъ нихъ не зависѣло, по крайней мѣрѣ при первоначальномъ опредѣленіи. Такое устройство породило немало безпорядковъ при правительствѣ католическомъ, а подъ русскимъ правительствомъ оно было почти невозможнымъ, въ особенности относительно монашескаго сословія: провинціалы монастырей различныхъ орденовъ, бывшихъ въ Бѣлоруссіи, оставались въ подданствѣ Польши, гдѣ и жили, слѣдственно были внѣ предѣловъ государства, потому и нельзя имъ было поручить завѣдываніе монастырями бѣлорусскими. По всему этому основаніемъ благоустройства духовнаго управленія было возможное расширеніе власти епископа, поставленіе его въ такое положеніе, чтобы онъ былъ въ состояніи и управлять своею паствою, и устроять ее. Именно это имѣла въ виду императрица, подчиняя епископу Сестренцевичу вполнѣ какъ бѣлое, такъ и монашествующее духовенство его епархіи, и запрещая всякія непосредственныя сношенія съ заграничными властями.

Сдѣлавшись хозяиномъ въ своемъ управленіи, и мало заботясь о внѣшней пышности,—о капитульномъ штатѣ, объ устройствѣ себѣ дома, Сестренцевичь, ознакомившись съ дѣлами своей епархіи, посвятилъ почти цѣлый 1777 годъ на подробную личную ревизію или визиту всѣхъ костеловъ Бѣлоруссіи, и былъ немало огорченъ упадкомъ монашеской жизни, невѣжествомъ и дурнымъ поведеніемъ монаховъ, а также совершеннымъ запущеніемъ монастырскихъ училищъ. Не оставалось ничего болѣе, какъ преобразовать монашескіе ордена, несмотря на ихъ

устарѣлые уставы; иначе они оставались бы не только въ тягость краю, но и продолжали бы вредить самой вѣрѣ, какъ это и дѣйствительно было въ Польшѣ. Это преобразованіе епископъ основалъ на просвѣщеніи всѣхъ вообще орденовъ, къ какой бы регулѣ они ни принадлежали, избѣгая при этомъ, разумѣется, всего того, что противно догматамъ католической вѣры. Чтобы учить другихъ, нужно самому быть образовану; потому прежде улучшенія монашескихъ училищъ слѣдовало подумать о воспитаніи монаховъ, которые въ нихъ обучали. Съ этого и началъ епископъ. Онъ вмѣнилъ въ обязанность всѣмъ монахамъ учиться проповѣдничеству, исторіи, географіи, отечественной словесности, французскому языку, математикѣ и даже физіологіи; чтобы дать на это достаточно времени, облегчилъ разныя монашескія обыкновенія, освободилъ отъ процессій и другихъ церемоній, происходившихъ во время уроковъ, запретилъ отлучаться изъ монастыря въ эти часы, распредѣлилъ всѣ занятія, время отдохновенія и пищи, при чемъ предостерегалъ отъ водки и положилъ себѣ за правило каждый годъ осматривать всѣ монастыри. При каждомъ монастырѣ велѣно было сдѣлать пристройку для училища дѣтей, или отдѣлить на него часть монастырскаго зданія. Издавая эти постановленія, Сестренцевичь въ такихъ словахъ обращался къ монахамъ: «да не смотрятъ братія наша на народное просвѣщеніе какъ на пагубу, но пусть стараются о приготовленіи честныхъ гражданъ, вселяютъ въ нихъ расположеніе и милость ко всѣмъ людямъ, несмотря на вѣру, страну и сословіе; пускай учатъ ихъ не предпочитать почести истинѣ, врачуютъ ихъ сердца, прі-

учаютъ ихъ къ труду и вѣрному служенію государынѣ и отечеству». Устраивая такимъ образомъ иноческія обители, Сестренцевичь имѣлъ полное право сказать въ томъ же обращеніи къ духовенству: «въ наше время, когда такъ справедливо жалуются на развращенность и упадокъ монашескихъ сословій и когда почти никто не думаетъ о томъ, какъ сдѣлать ихъ полезными для государства, суждено было златому вѣку Россіи и безсмертной Екатеринѣ обратить ихъ на пользу другихъ своихъ подданныхъ» ([1]).

Но образованіе монаховъ не могло предвѣщать скораго успѣха, ибо требовало времени, да и не легко было привязать къ наукѣ людей по большей части пожилыхъ и облѣнившихся, а церкви нужны были тогда же слуги благочестивые и разумные. Для приготовленія такихъ пастырей епископъ учредилъ въ 1778 году въ Могилевѣ семинарію на двадцать клириковъ, поручивъ ее завѣдыванію монаховъ сословія св. Викентія а Пауло; часть клириковъ были въ ней свѣтскіе, а другіе присылались изъ монастырскихъ училищъ и должны были поступать потомъ въ монашество; это было необходимо по совершенному разстройству этихъ училищъ, отъ которыхъ епископъ ничего хорошаго не ожидалъ; всѣ монастыри обложены были сборомъ на воспитаніе клириковъ ихъ сословій. Подъ могилевскую семинарію отведены были земля и небольшой домъ, принадлежавшій кармелитамъ, а на содержаніе ея назначено было первоначально отдѣлить по-

([1]) Sbiór wiadomości o kościele i religii katolickiey w cesarstwie Rossyskiem. Poznań. 1843. стр. 27—36.

ловину доходовъ, получавшихся миссіонерами на маленькую семинарію, учрежденную въ 1756 году въ Краславлѣ (въ динабургскомъ уѣздѣ витебской губерніи, на границѣ Курляндіи) графами Платерами [1].

Сестренцевичь задумалъ планъ воспитанія столь же обширный, сколько просвѣщенный, наперекоръ установившейся системы умственнаго порабощенія, принятой въ латынскихъ училищахъ. «Прежде всего», говорилъ онъ, «нужно исправить образъ мышленія учащихся и многому ихъ разучить». Цѣль воспитанія должна была сообразоваться съ призваніемъ духовныхъ, съ тою сферою, въ которой имъ предназначено провести свою жизнь, то есть, они должны были приготовиться отправлять богослуженіе по догматамъ и обрядамъ ихъ церкви, проповѣдывать и внушать своимъ прихожанамъ чувства добрыхъ христіанъ и честныхъ подданныхъ, и для этого посѣщать прихожанъ, заслужить ихъ уваженіе своимъ здравымъ смысломъ, добрымъ сердцемъ и общеполезными познаніями. Сообразно съ такимъ назначеніемъ, и науки должны были преподаваться въ семинаріи въ смыслѣ не схоластическомъ, а практически понятномъ и разумномъ. Изъ наукъ духовныхъ излагались: богословіе догматическое, богословіе нравственное, краснорѣчіе духовное, исторія Церкви, каноническое право и обряды. Понятіе Сестренцевича о существѣ этихъ наукъ и о духѣ, въ которомъ онѣ должны излагаться, заслуживаетъ вниманія. «Непремѣнная наука, la science de metier въ

(1) Это заведеніе носило только названіе семинаріи: миссіонеры воспитывали въ немъ только двухъ клириковъ.

семинаріи, говоритъ онъ, есть богословіе. Монастырское богословіе почти не заслуживаетъ этого имени, потому что это наука однихъ силлогизмовъ; ее нельзя понять, не бывъ издавна къ ней приготовленнымъ особаго рода логикою и метафизикою, не заслуживающею большаго уваженія. Въ нашъ просвѣщенный вѣкъ достигли до того, что догматъ соединяется со смысломъ и богословіе читаютъ для того, чтобы сдѣлать людей добрыми и счастливыми». Для подобнаго преподаванія всего необходимѣе пріискивать способныхъ учителей. «Другая наука», продолжаетъ онъ, «которая должна быть частію первой, есть нравственное богословіе; къ несчастію ее отдѣляютъ отъ догматическаго богословія, чтобы внушить къ ней болѣе уваженія нравственнымъ гнётомъ, который проповѣдуютъ, и мракомъ, который на нее разливаютъ, тогда какъ нравственное богословіе, по самому существу своему, должно быть наукою ясною, ибо она заключаетъ въ себѣ правила, коими человѣкъ долженъ руководствоваться въ жизни. Если и оставить это подраздѣленіе одной и той же науки, то пускай по крайней мѣрѣ преподаетъ ихъ тотъ же профессоръ. Проникая догматы понятіями нравственными, и полагая въ основаніе ученія благо и спасеніе людей, профессоръ не будетъ останавливаться на вопросахъ безполезныхъ, какъ напримѣръ, на языкѣ ангеловъ, на біографіи Іисуса Христа отъ двѣнадцати до тридцатилѣтняго возраста, и т. п.»—Духовное краснорѣчіе такъ понималось Сестренцевичемъ: «священникъ долженъ изучать эту науку не для того, чтобы размышлять о ней, сложивши руки у огня своего камина, а для того, чтобы ею пользоваться на каѳедрѣ, на исповѣди,

у изголовья умирающаго. Не много правилъ, но много примѣровъ, взятыхъ изъ Бурдалу и Массильона, образовали великихъ проповѣдниковъ». Исторія Церкви должна была читаться по Флёри. Опредѣленіе каноническаго права вполнѣ выражаетъ мысль Сестренцевича объ обязанностяхъ духовенства и его отношеніяхъ къ властямъ свѣтской и духовной, потому почитаемъ нужнымъ привести его здѣсь: «по несчастію, не всѣ люди руководствуются разумомъ, противъ многихъ нужно употреблять принужденіе; законы приводятъ таковыхъ къ той цѣли, которая имъ была предписана и отъ которой они отклонились. За хлѣбъ, коимъ питается духовный, и за доставляемую ему въ имперіи безопасность, онъ долженъ быть преданъ и вѣренъ государю, не воображая, что особенность одѣянія его отъ того освобождаетъ. Онъ не обязанъ знать всѣ государственные законы, ибо это было бы сверхъ его силъ, но только тѣ, которые до него касаются и подъ коими правительство сохраняетъ церковь и духовенство. Потому въ семинаріи будетъ преподаваться *каноническое право въ томъ видѣ, какъ оно будетъ утверждено государемъ для католической церкви, пользующейся въ имперіи его покровительствомъ*». Кромѣ наукъ духовныхъ, въ воспитаніе клириковъ должны были входить: философія, физика, гигіена, исторія, географія, языки русскій, съ объясненіемъ дѣловыхъ формъ присутственныхъ мѣстъ, латынскій, преподаваемый не по испорченному нарѣчію книгъ каноническихъ, а по первоначальнымъ образцамъ, нѣмецкій, французскій и итальянскій, необходимые въ нѣкоторыхъ приходахъ, гдѣ были люди этихъ націй (1).

(1) De la hierarchie de l'église catholique dans l'Empire.

Весь этотъ планъ воспитанія, отчасти уже примѣненный въ могилевской семинаріи при ея учрежденіи, развивался постепенно, по мѣрѣ способовъ и людей, приготовленныхъ для важнаго званія преподавателей не тѣхъ мертвыхъ наукъ, которыми обыкновенно утрудняли въ латынскихъ училищахъ память воспитанниковъ, затмѣвая намѣренно ихъ разсудокъ, но наукъ, проникнутыхъ здравымъ смысломъ и направленныхъ къ образованію не касты, а истинно духовныхъ людей, полезныхъ и своей паствѣ и всему вообще обществу, людей не чуждающихся государства, но желающихъ быть его дѣятельными членами.

Дѣлая преобразованія столь существенныя, Сестренцевичь, безъ сомнѣнія, долженъ былъ встрѣтить и большое противодѣйствіе; но у него было довольно твердости воли, чтобы настоять на исполненіи и взять верхъ надъ предразсудками и невѣжествомъ, еслибъ присвоенная ему власть оставалась во всѣхъ случаяхъ за нимъ. Но онъ встрѣтилъ сильную преграду своимъ дѣйствіямъ въ іезуитахъ, не признающихъ другой власти, какъ собственнаго ордена, и съ которыми Сестренцевичь не могъ симпатизировать, не раздѣляя ни ихъ направленія, ни ихъ фанатическихъ цѣлей. Получивъ Бѣлоруссію, императрица Екатерина дала въ 1772 году такое предписаніе губернаторамъ этихъ провинцій: «езуитскимъ монастырямъ, школамъ и училищамъ сдѣлайте особую перепись. Вы за сими наипаче смотрѣть имѣете, яко за коварнѣйшими изъ всѣхъ прочихъ латынскихъ орде-

Написанъ Сестренцевичемъ и находится въ рукописи въ Моск. арх. м. и. д. (См. приложеніе 6-е).

новъ, ибо у нихъ безъ согласія начальниковъ подчиненные ничего предпріять не могутъ».

Въ слѣдующемъ году папа Климентъ XIV уничтожилъ этотъ орденъ, а государыня, писавшая эти строки, оставила іезуитовъ въ Бѣлоруссіи, дала имъ притонъ и продлила существованіе этого вреднаго закона до того времени, пока, съ перемѣною обстоятельствъ, римскій дворъ снова не возстановилъ его. Не знаешь, чему тутъ болѣе удивляться: явному ли ослушанію ордена, не повиновавшагося папѣ, котораго онъ называлъ себя вѣрнѣйшимъ слугою, или покровительству, ему оказанному образованнѣйшею монархинею своего времени, которая, въ ущербъ истинному народному просвѣщенію, запрещала даже всякую полемику противъ іезуитскаго ордена ([1]). Объяснить дѣйствія въ этомъ случаѣ Екатерины можно только тѣмъ, что, желая утвердить свою власть во

([1]) 23 сентября 1784 года предписывала государыня московскому оберъ-полицмейстеру Архарову: «Увѣдомившися, что будто бы въ Москвѣ печатаютъ ругательную исторію ордена езуитскаго, повелѣваемъ запретить таковое напечатаніе; а ежели бы оная издана была, то экземпляры отобрать; ибо, давъ покровительство наше сему ордену, не можемъ дозволять, чтобъ отъ кого-либо малѣйшее предосужденіе оному учинено было». «Es gab Leüte, die sich bemüheten die von 200 Jahren her gewöhnliche Verfolgungsglocke gegen die Jesuiten anzuziehen, das ist verleumderische Schriften gegen dieselbe anzustreuen. Dieses geschah durch die öffentlichen in der Stadt Moskau gedruckte Zeitungen, in welchen man anfing eine Kurze mit den gröbsten Unwahrheiten angefüllte Geschichte des Jesuiten-Ordens unter das Publikum zu bringen. Diese Bosheit aber wurde sogleich von Hofe aus erstickt, und mussten sogar alle versendete Exemplarien wieder nach Moskau eincassirt, und von dannen nach St. Petersburg geschickt werden». (Merkwürdige Nachrichten von den Jesuiten in Weissreüssen, in Briefen. Aus dem italienischen. Zweite Auflage. Frankfurt und Leipzig. 1786. S. 365).

вновь присоединенной странѣ, она не могла выбрать болѣе удобнаго для этого орудія, какъ іезуитовъ, людей не имѣющихъ отечества, заключившихся въ тѣсномъ кругу своего ордена, составляющихъ въ полномъ смыслѣ слова *status in statu*. Въ числѣ бѣлорусскихъ іезуитовъ были люди всевозможныхъ націй: итальянцы, французы, нѣмцы, и сами поляки переставали быть поляками, какъ скоро дѣлались іезуитами. Поддерживая всякаго рода правительства, лишь бы онѣ благопріятствовали ихъ ордену, іезуиты конечно могли въ первое время быть полезны русскому правительству въ Бѣлоруссіи, въ смыслѣ полицейскомъ. Но эта временная, второстепенная польза соединялась съ вредомъ продолжительнымъ и значительнымъ: они мѣшали разумному просвѣщенію, они своею пропагандою не только укоренили въ латынствѣ весьма еще неокрѣплыхъ въ немъ уніатовъ бѣлорусскихъ, но и совратили много православныхъ, значитъ лишили правительство большаго народонаселенія, которое, безъ вліянія іезуитовъ, осталось бы по прежнему православнымъ и русскимъ, чтò, какъ увидимъ, однозначительно. Итакъ, къ сожалѣнію, нельзя не сознаться, что оставленіе въ Россіи іезуитовъ было важною государственною ошибкою. Кромѣ небольшихъ школъ, іезуиты имѣли въ Бѣлоруссіи шесть коллегій и богатыя имѣнія, которыя и были имъ сохранены въ той части страны, которая отошла къ Россіи, то есть, по правую сторону рѣки Двины, составлявшей тогда границу съ Польшею; числомъ ихъ было до ста человѣкъ во время возсоединенія Бѣлоруссіи, впослѣдствіи же времени оно болѣе чѣмъ утроилось ([1]).

([1]) См. приложеніе 1-е.

Кромѣ вреда государственнаго, іезуитскому ордену должно приписать и помѣшательсто въ правильномъ устройствѣ духовнаго католическаго управленія въ Россіи: они устранили себя, по обыкновенію и на основаніи привиллегій своего ордена, отъ власти епископа въ то именно время, когда эта власть наиболѣе была нужна для пользы церкви, когда нужно было создать іерархію и пересоздать духовенство. Начались интриги противъ Сестренцевича, всевозможные происки у вельможъ въ Петербургѣ и при самомъ дворѣ. Вмѣсто того, чтобы спокойно совершать свое призваніе, епископъ долженъ былъ оберегаться отъ іезуитовъ, принужденъ былъ дать имъ волю, только чтобъ жить въ ладу съ этимъ сильнымъ орденомъ и не мѣшаться въ ихъ дѣла: такъ изъ общаго распоряженія о монашескихъ сословіяхъ іезуиты были изъяты. Для распространенія ордена открытъ былъ въ 1777 году, по просьбѣ провинціала Черневича, іезуитскій новиціатъ; оставившіе было въ исполненіе папскаго декрета этотъ орденъ со всѣхъ странъ стекались въ Полоцкъ и основались въ этой мѣстности. Проѣзжая въ 1780 году черезъ Полоцкъ, Екатерина посѣтила іезуитскую коллегію и была тамъ встрѣчена провинціаломъ рѣчью на итальянскомъ языкѣ; осмотрѣла все заведеніе и была весьма милостива съ іезуитами. Въ 1782 году іезуиты достигли полнаго отдѣленія отъ власти епископа: имъ дозволено было избрать между себя генеральнаго викарія, подъ начальство котораго поступали провинціалы, а власть епископская осталась только номинальною. «Хотя сей орденъ», сказано въ указѣ, «и обязанъ надлежащимъ повиновеніемъ истинному своему пастырю—архіепи-

скопу могилевской церкви, но помянутый архіепископъ имѣетъ наблюдать, дабы правила онаго ордена въ цѣлости и безъ малѣйшаго къ нимъ прикосновенія сохраняемы были, поколику оныя согласны съ гражданскими нашими установленіями» ([1]).

Іезуиты не любили Сестренцевича; онъ могъ имъ быть опасенъ и по своему уму, и по своему просвѣщенію, и всего болѣе по своему твердому характеру. Но какъ ни малоудобенъ былъ онъ для нихъ, они не смѣли явно ему противоборствовать и думать объ устраненіи его отъ управленія дѣлами церкви,— Екатерина знала и цѣнила его. Отдѣливъ отъ него іезуитовъ, она однако не лишила его возможности править по своему усмотрѣнію остальнымъ духовенствомъ. Въ 1779 году подтверждено было, чтобы монашескіе ордена (іезуиты изъ этого исключались) подчинялись вполнѣ епископу, и чтобы заграничныхъ духовныхъ, подъ именемъ провинціаловъ, визитаторовъ и тому подобныхъ, никакъ въ Бѣлоруссію не пропускать, а тѣмъ менѣе дозволять имъ мѣшаться въ распоряженія о монастыряхъ, какъ то, перемѣны въ нихъ начальниковъ, переводы монаховъ изъ однихъ монастырей въ другіе и т. п., такъ какъ подобныя дѣйствія «по многому не полезны» ([2]). Въ слѣдующемъ 1780 году было объявлено: «Какъ въ имперіи нашей, при свободномъ исповѣданіи римско-католическаго закона, главное церковное начальство сего закона, по волѣ нашей, ввѣрено епископу бѣлорусскому Станиславу Сестренцевичу; то дабы сіе соизволеніе наше вездѣ въ точности исполняемо было, повелѣваемъ со стороны нашихъ генералъ-губерна-

([1]) Полн. собр. зак. т. XXI, № 15443.

([2]) Полн. собр. зак. т. XX, № 14891.

торовъ и прочихъ начальствъ наблюдать, чтобъ отъ всѣхъ монастырей и церквей римскихъ, въ Россіи обрѣтающихся, ему епископу должное повиновеніе оказываемо было» (¹).

Въ видахъ возвышенія католической іерархіи въ Россіи и представителя ея, императрица переименовала въ 1782 году епископство могилевское въ архіепископство, а Сестренцевича возвела въ санъ архіепископа, при чемъ онъ получилъ еще бо́льшія значеніе и власть. Юстицъ-коллегіи запрещено было вовсе вмѣшиваться въ дѣла католической церкви, а апелляціи на архіепископскую консисторію должны были поступать прямо въ сенатъ; все духовенство должно было оставаться въ полномъ повиновеніи архіепископа, который назначалъ священниковъ ко всѣмъ приходамъ (чѣмъ устранялось право ктиторства) и завѣдывалъ непосредственно монашескими орденами, которымъ поставлялось въ обязанность: «не дерзать навлекать для себя зависимости отъ какой-либо духовной власти, внѣ имперіи пребывающей, высылать имъ доходы или части оныхъ, или же имѣть къ нимъ какое-либо отношеніе, подъ опасеніемъ мірскаго суда за преступленіе въ неповиновеніи верховной власти». Въ помощь архіепископу назначался, конечно не по нуждѣ, а для внѣшняго блеска архіепархіи, коадъюторъ. Этою новою должностію воспользовались іезуиты, помѣстивъ на оную своего приверженца, каноника Бениславскаго; Сестренцевичь или не могъ этому противиться, или не хотѣлъ для успокоенія іезуитовъ и въ видѣ примиренія съ ними, впрочемъ нисколько не искренняго;

(¹) Полн. сбор. зак. т. XX, № 14966.

между тѣмъ, одно это назначеніе парализировало, какъ увидимъ, всѣ преимущества, предоставленныя архіепископу.

Устрояя и возвышая въ своей имперіи католическую церковь, государыня строго держалась разъ назначенныхъ предѣловъ папской власти въ своемъ государствѣ, и издавая изложенныя постановленія, явно клонившіяся ко благу своихъ католическихъ подданныхъ, она однако прибавила къ нимъ: «Подтверждаемъ прежніе указы наши о непринимaніи никакихъ буллъ папскихъ, или отъ имени его писанныхъ посланій, повелѣвая отсылать оныя въ нашъ сенатъ, который, разсмотря содержаніе ихъ и особливо не находится ли въ нихъ чего-либо несходственнаго съ гражданскими законами всероссійской имперіи, съ правами самодержавныя власти, отъ Бога Намъ данныя, обязанъ будетъ мнѣніе свое Намъ представить и ожидать позволенія или запрещенія нашего на обнародованіе подобныхъ буллъ и посланій» [1]. Указъ объ учрежденіи архіепископства выставленъ былъ во всѣхъ костелахъ, для общаго свѣдѣнія.

Такъ независимо отъ Рима пеклась Екатерина о католической церкви въ своей имперіи и никогда не встрѣчала сопротивленія въ исполненіи своихъ благихъ намѣреній. Не спрашивая папы, призвала она въ Бѣлоруссію Сестренцевича, назначила его потомъ бѣлорусскимъ епископомъ, и Сестренцевичь пользовался этимъ титуломъ, не ожидая утвержденія римскаго двора, наконецъ возвела его собственною властію въ санъ архіепископа; образовала цѣлое

[1] Полн. собр. зак. т. XXI, № 15326.

духовное управленіе этой церкви, по внушеніямъ собственнаго разума и соотвѣтственно съ нуждами подвластнаго ей католическаго народа; не обращая вниманія на папскую буллу, оставила въ Бѣлоруссіи іезуитовъ и дала этому ордену будущность, дозволивъ ему учредить въ Полоцкѣ новиціатъ (¹); наконецъ не признавала никакихъ распоряженій двора римскаго, противныхъ русскимъ государственнымъ законамъ. Не могъ не сознавать Римъ, что главнѣйшія мѣры, принятыя русскимъ правительствомъ, дѣйствительно благодѣтельны для его паствы (²), потому обыкновенно кончалось тѣмъ, что онъ ихъ утверждалъ; но такія утвержденія были гораздо нужнѣе для самого Рима, чтобы хотя наруж-

(¹) Учрежденіе іезуитскаго новиціата послѣдовало вслѣдствіе слѣдующаго именнаго указа, даннаго въ 1777 году бѣлорусскому генералъ-губернатору графу Чернышеву: «Изъ приложенной при письмѣ вашемъ копіи съ письма полоцкаго езуитскаго провинціала Черневича о учрежденіи въ Бѣлоруссіи ордена ихъ новиціата, усмотрѣла Я, что онъ проситъ о исходатайствованіи подтвержденія на то, чрезъ нашего въ Варшавѣ министра, отъ находящагося тамъ нунціуса. На что объявите ему, что представленіе его отъ Насъ пріемлется за благо, и что, пока по желанію ихъ совершится, о чемъ Я мало сомнѣнія имѣю, повелѣваю, чтобъ они начали строеніе новиціата». Полн. собр. зак. т. XX, № 14582.

(²) Потому-то русское правительство считало себя въ правѣ писать въ своей нотѣ къ папскому нунцію (въ 1783 году): «L'Imperatrice n'ayant cessé jusqu' à présent de deployer Sa haute bienveillance envers les sujets catholiques de Son empire, en leur accordant non seulement le libre exercice de leur culte, mais en réglant celui-ci sur un pied qui vise directement à l'exaltation de la religion catholique dans ses États, a vu avec plaisir que le souverain pontife, appréciant des procédés pareils, se soit empressé de donner à Sa Majesté des preuves de la déférence qu'elle pouvait à si juste titre se promettre de sa part».

нымъ образомъ показать, что ничего въ управленіи латынскимъ духовенствомъ безъ него не дѣлается, чѣмъ для правительства, которое не ожидало подобныхъ конфирмацій для восполненія своихъ предначертаній. При самомъ призывѣ Сестренцевича на бѣлорусскую епархію, предоставлено было въ его непосредственное завѣдываніе, какъ видѣли, все монашеское духовенство, хотя это не соотвѣтствуетъ римскимъ обыкновеніямъ; и только въ 1778 году послѣдовалъ декретъ папскій, уступившій это право епископу на три года. Но польза церкви требовала, чтобы и впослѣдствіи это право не нарушалось, и императрица, не смотря на истеченіе льготныхъ лѣтъ, оставила его въ 1782 году за вновь пожалованнымъ ею архіепископомъ.

Употребленіе этой власти надъ монашескими орденами послужило поводомъ къ неудовольствію со стороны папы, именно потому, что, основываясь на декретѣ, Сестренцевичъ, по волѣ государыни, далъ разрѣшеніе открыть іезуитскій новиціатъ. По уничтоженіи іезуитскаго ордена, римскій дворъ, разумѣется, не могъ признавать іезуитовъ за монашеское сословіе и допустить открытіе для нихъ новиціата, такъ какъ новиціаты дозволены только въ монастыряхъ *признанныхъ*, канонически существующихъ орденовъ. Съ своей стороны, Екатерина почитала себя въ правѣ разрѣшить іезуитамъ открытіе новиціата, потому что въ Россіи папскія буллы имѣютъ дѣйствіе только съ утвержденія правительства, булла же объ уничтоженіи іезуитскаго ордена въ Россіи принята не была, значитъ императрица продолжала почитать іезуитовъ за монашескій орденъ легально существующій, а такъ какъ папа

предоставилъ Сестренцевичу исправленіе и устройство монастырей, то онъ, согласно законамъ государственнымъ, почитая іезуитовъ за монашескій орденъ, не затруднился дозволить имъ, по желанію императрицы, открытіе новиціата. Римскій дворъ взволновался: кардиналъ статсъ-секретарь Паллавичини объявилъ циркулярно всѣмъ нунціямъ о неправильномъ открытіи Сестренцевичемъ іезуитскаго новиціата въ Полоцкѣ, называя поступокъ архіепископа безчестнымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ приглашалъ Сестренцевича уничтожить новиціатъ. Въ богословскихъ сферахъ открылась по этому поводу ожесточенная полемика: въ 1780 году появилась брошюра въ Венеціи, доказывавшая, что Сестренцевичь не имѣлъ никакого права примѣнять къ іезуитамъ данную ему папою 9 августа 1778 г. делегацію на визитацію и исправленіе монастырей своей епархіи, потому что іезуитскій орденъ уничтоженъ папою, значитъ канонически не существуетъ, что дѣйствія въ этомъ случаѣ архіепископа противны основаніямъ св. апостолической римской церкви, и что такой поступокъ составляетъ настоящій скандалъ (un vero scandalo) (¹). Въ томъ же году напечатано было въ Венеціи подробное опроверженіе этихъ обвиненій, въ защиту Сестренцевича и іезуитовъ (²), которое

(¹) Dubbi proposti in Roma a teologi e canonisti sulle facolta e concessioni Appostoliche, accordate al prelato visitatore della Russia Bianca, e sull'uso da lui fattone quanto a chierici della sopressa compagnia di Gesu, con parecchie osservazioni canoniche, atte ad illustrar convenientemente un si grave e interessante argomento. Venezia. 1780 (in 8°, 96 страницъ). Имени автора нѣтъ; но извѣстно, что брошюра эта написана доминиканиномъ Филиппомъ Бекети (Becchetti). Изложена въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ, которыхъ восемь.

(²) Lettere critiche in schiarimento del vero stato attuale dei

въ 1785 году переведено на нѣмецкій языкъ и напечатано во Франкфуртѣ и Лейпцигѣ ([1]). Одинъ псевдонимъ, подъ названіемъ адвоката, въ историческомъ очеркѣ перваго вѣка монашескихъ орденовъ сервитовъ и бонифратровъ, доказывалъ, что всѣ ордена, уничтоженные папами, повиновались имъ и закрывали свои монастыри, а іезуиты явно ослушаются папы, остаются въ своихъ монастыряхъ и для распространенія своего ордена открыли новиціатъ въ Бѣлоруссіи. Возраженіе на эту брошюру напечатано было въ 1783 году на нѣмецкомъ языкѣ ([2]), а въ 1784 году переведено на польскій ([3]). Всѣ эти полемическія сочиненія—анонимныя; но несомнѣнно, что защитниками іезуитовъ явились сами іезуиты, и въ этомъ собственно отношеніи полемика эта такъ замѣчательна, такъ рѣдко приходилось слышать отъ іезуитовъ тѣ мысли, которыя они здѣсь

Gesuiti nella Russia Bianca, e loro difesa nel noviziato da essi apertoci, col segnito delle altre cose favorevoli ai medesimi accordate negli stati dell' Imperatrice delle Russie, del ré di Prussia, nel Portogallo, ed altrove; dirette al Sig. Marchese... In Firenze. 1780.

([1]) Merkwürdige Nachrichten von den Jesuiten in Weissreüssen, in Briefen. Aus dem italienischen. Frankfurt und Leipzig. 1785.—Въ 1786 г. вышло тамъ же второе изданіе (въ 16 долю листа, 384 страницы). Мы пользовались этимъ послѣднимъ изданіемъ.

([2]) Schreiben an den Herrn Advokaten NN, Verfasser der Merkwürdigkeiten über die Geschichte des ersten Jahrhunderts der Diener Mariä und der barmherzigen Brüder des heiligen Johann von Gott. Zur Beleüchtung des Geschichte der annoch existirenden Jesuiten in Weissreüssen. 1783. (99 страницъ). Мѣсто печатанія не означено.

([3]) List do Imci Pana adwokata NN, autora uwag nad historią pierwszego wieku XX. Serwitow i Bonifratelow, dla objasnienia historyi ocalonych Jezuitow na Bialey Rusi. (76 страницъ). Мѣсто печатанія не означено.

выражаютъ, что намъ кажется необходимымъ передать читателямъ, какъ въ этомъ случаѣ понимали іезуиты степень папской власти надъ монашескими орденами, и въ какое отношеніе они ее ставили со свѣтскими правительствами.

Христіанскій государь имѣетъ полное право̀, говорили іезуиты, не допускать исполненія церковнаго постановленія, если онъ почитаетъ, что это постановленіе вредно для его подданныхъ, и что отъ него страдаютъ интересы государства, народа, или частныхъ лицъ. Въ настоящее время всѣ римско-католическіе государи имѣютъ власть воспротивиться такимъ римскимъ велѣніямъ, если только онѣ не касаются догматовъ вѣры. Такую же власть имѣли и короли польскіе, непосредственные предшественники Екатерины въ западной Россіи. По какому же праву думаютъ оспаривать эту власть у русской императрицы? Не потому ли, что въ настоящее время римскій дворъ пользуется въ Россіи такимъ же почетомъ, какъ и тогда, когда польскій край управлялся римско-католическими государями, не потому ли Римъ этимъ не довольствуется? Благоразумно ли требовать отъ православной императрицы большей подчиненности, чѣмъ римскій дворъ могъ когда-либо достичь съ величайшимъ трудомъ отъ римско-католическаго государя? Утверждать же, что императрица не имѣетъ права дѣлать въ своемъ государствѣ то, что̀ могутъ и дѣлаютъ другіе государи, не значитъ ли нарушать права верховной власти? Начиная съ римскаго императора, не убѣдите вы ни одного государя, что будто нужно папское дозволеніе на непринятіе такого папскаго бреве, которое не касается догматовъ вѣры. Спросите Фран-

цію: ходатайствовала ли она о папскомъ разрѣшеніи, чтобы не допустить у себя дисциплинарныхъ правилъ тридентинскаго собора? Спросите германскую имперію: ожидала ли она папскаго соизволенія, чтобы отвергнуть буллу «In coena Domini»? Спросите наконецъ у всѣхъ римско-католическихъ монарховъ: добивались ли они согласія папы на то, чтобы римскіе декреты не иначе допускались въ ихъ государствахъ, какъ съ разрѣшенія верховной власти? Русскіе іезуиты, говорите вы, отвергли свѣтскую власть церкви. Но что значитъ: свѣтская власть церкви? Можетъ, вы хотите сказать: свѣтская власть папы, то мы спросимъ: находятся ли русскіе или находились ли они когда-нибудь подъ свѣтскою властію папы, входятъ ли они въ составъ папскихъ владѣній? За симъ приводятся изъ исторіи многочисленные примѣры неповиновенія римско-католическихъ королей папскимъ булламъ.

Не въ правѣ ли мы были сказать, что не часто приходится слышать столь здравыя мысли отъ іезуитовъ, этихъ передовыхъ людей ультрамонтанизма? Когда папство легло на нихъ своимъ тяжелымъ гнетомъ, они заговорили какъ люди государственные, какъ какіе-нибудь Порталисы или Дюпени; они поняли, что государства и народы не обречены на рабство теократіи, что власть духовная, какъ бы она ни была высоко поставлена, имѣетъ свои предѣлы, что верховная свѣтская власть не составляетъ исполнительной инстанціи римской диктатуры, что между обѣими властями, духовною и свѣтскою, должны существовать правильныя отношенія, которыя доставляли бы надлежащій просторъ какъ для одной, такъ и для другой, каждой въ своей сферѣ. Все

это стало тогда яснымъ для іезуитовъ, но не надолго, до тѣхъ поръ, когда они снова завладѣли римскою куріею; во всякомъ случаѣ, эти воззрѣнія іезуитовъ на папство должны быть отмѣчены въ исторіи, забывать ихъ не слѣдуетъ.

Переходя къ іезуитамъ бѣлорусскимъ и къ открытію новиціата въ Полоцкѣ, іезуитскіе полемики, на основаніи приведенныхъ выше разсужденій о папской власти, старались прежде всего доказать, что булла объ уничтоженіи ихъ ордена не могла относиться до іезуитовъ, оставшихся въ Россіи. Они увѣряли, что знали объ этой буллѣ не болѣе какъ простой народъ, то есть, только по наслышкѣ, или же изъ газетныхъ статей, которыя естественно не имѣютъ того характера достовѣрности, который приличенъ актамъ оффиціальнымъ. Мы не видѣли, говорили іезуиты, точной засвидѣтельствованной копіи этой буллы съ приложеніемъ печати, значитъ какъ же намъ вѣрить однимъ слухамъ? Этого акта они и получить не могли въ Россіи, гдѣ правительство собственною властію продолжало существованіе іезуитскаго ордена. Кромѣ того, и по содержанію буллы, іезуиты давали видъ, что они не вѣрятъ въ ея подлинность. Съ какого права, кричали они, папа Климентъ XIV осмѣлился уничтожить ихъ орденъ? Никакой смертный не можетъ налагать наказанія безъ судебнаго изслѣдованія, безъ формальнаго процесса, не предоставивъ обвиненному права защиты, наконецъ безъ доказаннаго преступленія; между тѣмъ не только іезуиты, но никто въ свѣтѣ, не исключая злѣйшихъ враговъ ордена, не знаютъ доселѣ, за что іезуиты были наказаны. Ганганелевское бреве (такъ называли іезуиты буллу объ уничтоженіи ихъ

ордена) не было объявлено въ Римѣ съ свойственными судебному приговору церемоніями, не внесено будто бы въ папскій регистръ, не вручено іезуитской общинѣ въ Римѣ, эта община не была собрана для выслушанія его ни трубами, ни звономъ колоколовъ, а то, что оно было объявлено іезуитскому генералу, то это недостаточно, ибо въ минуту объявленія онъ низлагался этимъ же самымъ бреве съ своей должности, а генералъ, лишенный своего званія, не можетъ почитаться болѣе главою ордена. Обращаясь къ своему оппоненту, іезуитскій полемикъ продолжаетъ такъ: Если вы понимаете всю силу, всю святость контракта, то вы должны согласиться, что контрактъ обязателенъ для обѣихъ сторонъ. Это условіе, этотъ контрактъ привязываетъ на вѣки монаха къ своему ордену, а орденъ къ служенію церкви; но въ то же время онъ обязываетъ и папъ защищать и сохранять орденъ; они не смѣютъ его уничтожить безъ важныхъ причинъ; ежели бы они это сдѣлали, то нарушили бы интересы частныхъ лицъ, составляющихъ орденъ, ихъ семействъ, къ которымъ они должны были бы вернуться, наконецъ интересы благотворителей ордена, которые были бы обмануты въ употребленіи ихъ пожертвованій. Такимъ образомъ папы разрушили бы церковь Христа и уронили бы собственное свое значеніе, потому что народы перестали бы вѣрить честности намѣстниковъ Христовыхъ. Бѣда тому папѣ, который, по самонадѣянности, или изъ мірскихъ расчетовъ, вздумалъ бы уничтожить какой-либо изъ священныхъ монашескихъ орденовъ, ибо въ день судный лучше было бы для него «да обѣсится жерновъ осельскій на выи его и потонетъ въ пучинѣ морстѣй». За

симъ слѣдуютъ самыя неприличныя ругательства на папскихъ министровъ, кардиналовъ, нунціевъ; о Климентѣ XIV говорится, что у него французская горничная раздавала скуфьи и кардинальскія шляпы, и т. п. Развѣ іезуиты, восклицаютъ ихъ пишущіе собратія, рабы папы? нисколько, они овцы Христова стада;—какъ католическіе духовные, они, разумѣется, подчинены папѣ, но подданные они русской государыни. Отъ этихъ двухъ, равно законныхъ властей, они получаютъ противорѣчащія приказанія; поэтому они пріостановились до тѣхъ поръ, пока обѣ эти власти между собою согласятся. Впрочемъ не скрываютъ, что въ этомъ случаѣ они имѣютъ основаніе скорѣе слушаться императрицы, чѣмъ папы, потому именно, что 1) ея повелѣнія имъ выгодны, а папскія самопроизвольны; 2) воля правительства объявлена имъ законнымъ образомъ, а папское бреве не было и не можетъ быть имъ объявлено, какъ слѣдуетъ; 3) опасно не повиноваться императрицѣ. Кромѣ того, іезуиты не составляютъ исключительно монашескаго ордена, учрежденнаго единственно для блага церкви, они представляютъ собою и политическое учрежденіе, призванное государями для пользы ихъ народовъ, потому существованіе и прекращеніе ихъ зависятъ отъ обѣихъ властей, духовной и свѣтской; какъ папа не можетъ ввести іезуитовъ въ независящія отъ него государства, точно также онъ не можетъ ихъ тамъ уничтожить, безъ воли монарховъ, потому въ особенности, что іезуиты содержатъ училища, которыя въ Бѣлоруссіи получили свои фундуши не отъ папы, а отъ польскихъ королей, изъ имѣній отнятыхъ у православнаго духовенства.

Высказавши все это о папѣ, съ тѣмъ смиреніемъ, которое конечно оцѣнятъ читатели, іезуиты хладнокровно и открыто ставятъ вопросъ: «укажите же намъ во всей исторіи Церкви хотя одинъ примѣръ подобнаго повиновенія папѣ».

Много было писано объ изворотливости, лукавствѣ и коварствѣ іезуитовъ, о томъ, что для нихъ нѣтъ ничего святаго; но защитники ихъ обыкновенно объясняютъ эти обвиненія увлеченіемъ партій, личною ненавистію, или расчетами. Въ настоящемъ случаѣ мы оставили говорить самихъ іезуитовъ, и признаемся, слушали ихъ съ изумленіемъ. Это ли защитники папства, это ли столпы Ватикана? Папу они не слушаютъ, потому что не собралъ ихъ общины съ колокольнымъ звономъ или подъ трубные звуки, буллъ его не признаютъ, потому что не видятъ на нихъ печати, потому что до свѣдѣнія ихъ дошло, что бреве не записано въ исходящій журналъ, подчиняютъ папскіе декреты власти правительственной, ругаютъ римскій дворъ, и послѣ всего этого ставятъ себя въ образецъ послушанія высшей духовной власти.

Какъ бы то ни было, императрица Екатерина, рѣшившись разъ сохранить въ своей имперіи этотъ предательскій орденъ, должна была согласиться на открытіе новиціата, изъ коего только орденъ и могъ пополняться. Какъ представительница свѣтской власти, она нисколько не обязана была повиноваться папскимъ велѣніямъ, какъ должны бы были подчиниться имъ іезуиты, и потому имѣла несомнѣнное право поручить Сестренцевичу открыть іезуитскій новиціатъ, и епископъ исполнилъ ея волю. За это то папа сталъ негодовать на Сестренцевича; но

Екатерина въ это самое время возвела его въ архіепископы и требовала каноническаго утвержденія его въ семъ званіи. Какъ открыто и съ какимъ достоинствомъ сознавала Екатерина значеніе государственной власти въ дѣлахъ духовныхъ и насколько предоставляла она вліянія въ нихъ римскому двору, лучше всего можно видѣть изъ слѣдующаго замѣчательнаго посланія ея къ папѣ Пію VI, писаннаго въ 1782 году: «По всякой просьбѣ вашей, державный государь, не отречемся Мы оказывать вамъ по возможности всякую угодность. Но вы по себѣ вѣдаете, что обязанности престола претятъ иногда государямъ слѣдовать своимъ склонностямъ... Относительно до особы могилевскаго епископа Станислава Сестренцевича, о которомъ вы, державный государь, изволили отозваться, будто онъ рескриптъ вашъ во зло истолковалъ и данную ему власть распространилъ далѣе надлежащихъ предѣловъ, не можемъ и не хотимъ Мы оставить безъ примѣчанія. Терпя, по примѣру предковъ нашихъ, въ предѣлахъ обширнаго владѣнія нашего всѣ вѣры безъ изъятія, въ томъ числѣ и римскій законъ, не могли Мы всеконечно согласиться, чтобъ исповѣдники ихъ зависѣли въ чемъ-либо безпосредственно отъ какой-нибудь посторонней державы; вслѣдствіе сего всѣ отъ римскаго стула издаваемыя буллы не инако какъ по повелѣнію нашему въ имперіи нашей публикуются. А какъ булла папы Климента XIV о езуитахъ по сіе время въ областяхъ нашихъ не обнародована, то и часть общества ихъ, въ Бѣлоруссіи всегда бывшая, оставалась въ неприкосновенной цѣлости, какъ институтъ полезный и удобнѣйшій для воспитанія юношества, въ чемъ никто еще замѣнить

его не могъ, слѣдовательно и не могъ никогда настоять и вопросъ объ уничтоженіи или реформѣ сего ордена въ государствѣ нашемъ. Итакъ, когда помянутый прелатъ, имѣя отъ васъ, державный государь, помянутый рескриптъ касательно посѣщенія и поправленія монастырей, исполнилъ волю нашу и приступилъ къ открытію новиціата для езуитскаго ордена, могъ ли онъ исполненіемъ долга присяги своей навлечь на себя негодованіе ваше и учинить себя неспособнымъ къ полученію архіепископскаго сана и вашего на оной палліума? Сей санъ, какъ степень внѣшняго церковнаго управленія, зависѣлъ всегда и вездѣ отъ самодержавной власти государей, даже и тѣхъ, кои римскому исповѣданію слѣдуютъ, и потому считаютъ себя по духовенству въ нѣкоторой зависимости отъ папскаго стула».

«Таковое преимущество государей есть неоспоримое, а особливо въ имперіи нашей; и Мы, побуждаясь усердіемъ къ римской церкви, добропорядочнымъ управленіемъ ввѣренной паствы и многими о пользѣ общей стараніями помянутаго епископа Сестренцевича, заблагоразсудили нынѣ пожаловать его саномъ архіепископа могилевскаго, а въ помочь ему каноника и настоятеля динебургскаго Іоанна Бениславскаго въ коадъюторы, и поручить имъ всѣ приходы и монастыри римскаго закона, находящіеся какъ въ могилевскомъ и полоцкомъ намѣстничествахъ, такъ въ обѣихъ нашихъ столицахъ и во всѣхъ мѣстахъ всероссійской имперіи, прося васъ, державный государь, единственно для сохраненія обрядовъ римской церкви, снабдить новаго архіепископа обыкновеннымъ палліумъ, а коадъютора его поставить во епископы, что Мы почтемъ за пріят-

ное отъ васъ снисхожденіе и оному при случаяхъ взаимною нашею готовностію соотвѣтствовать не откажемъ».

«Мы соединяемъ гласъ нашъ съ православною нашею Церковію, молящею о соединеніи всѣхъ» ([1]).

Эта политическая исповѣдь не требуетъ поясненій; достаточно сказать, что 10 января 1784 года на Сестренцевича возложенъ былъ торжественно палліумъ и онъ посвященъ въ санъ архіепископа, съ соблюденіемъ всѣхъ каноническихъ правилъ, въ петербургскомъ костелѣ; Бениславскій же посвященъ во епископа. Для подтвержденія распоряженій императрицы, римскій дворъ прислалъ въ Петербургъ своего варшавскаго нунція Аркети, который издалъ именемъ папы Пія VI буллу 8 декабря 1783 года о возведеніи могилевской каѳедры на степень архіепископской съ капитуломъ изъ четырехъ прелатовъ, восьми канониковъ и шести викарныхъ, изъ которыхъ пять человѣкъ должны были присутствовать въ консисторіи, а остальные составляли болѣе штатъ архіепископскій, чѣмъ были нужны для дѣла. Нужно замѣтить, что каноническими постановленіями число членовъ капитула не опредѣляется положительно; оно зависитъ отъ числа предназначенныхъ на то фундушей, почему и можетъ иногда чрезмѣрно и безъ нужды увеличиваться, или же значительно уменьшаться ко вреду церковнаго управленія. На содержаніе могилевскаго капитула, при самомъ учрежденіи епархіи, то есть, по присоединеніи Бѣлоруссіи, назначены были восемь приходскихъ бенефицій такимъ образомъ, что половина дохода съ каждой бе-

([1]) Моск. гл. арх. мин. ин. д. (Lettres de Cabinet. Saint Siége. связка I).

*

нефиціи употреблялась на содержаніе приходскаго священника, а другая половина обращалась на жалованье членовъ капитула, что̀ и было подтверждено нунціемъ Аркети (¹). Обративъ въ надлежащія по римскимъ обычаямъ формы распоряженія по духовной части императрицы, Аркети готовился посвящать новаго архіепископа; но государыня не согласилась принять введенной на этотъ случай Римомъ присяги, не соотвѣтствующей правамъ самодержавной власти и тому вниманію и уваженію, которыми обязана религія терпимая передъ господствующею (²), именно присягающій епископъ долженъ былъ произносить: «я буду преслѣдовать, сколько силы мои позволятъ, схизматиковъ, и всѣхъ отступниковъ Господа Христа и его помазанниковъ», то есть, папъ. Кромѣ того, въ этой присягѣ заключались понятія о подчиненности епископскихъ имѣній римскому двору въ словахъ, что епископъ клянется не отчуждать принадлежащихъ его каѳедрѣ имѣній и вообще не распоряжаться ими иначе, какъ съ соизволенія папы. Императрица требовала, чтобы эти два пред-

(¹) Объ обязанностяхъ и наименованіяхъ главнѣйшихъ членовъ капитула см. приложеніе 2-е.

(²) Въ нотѣ къ папскому нунцію, утвержденной императрицею 27 октября 1783 года, сказано: «Le rituel de l'église latine adopté à ce sujet ne s'accorde point avec les droits de souveraineté de l'empire de Russie et blesse les égards indispensables qu' une religion tolerée est dans le cas d'observer vis-à-vis de la religion dominante du pays où elle se trouve établie... Il est entièrement conforme à la nature des choses qu' un serment prêté par un évêque catholique dans les états d'un souverain qui professe une religion différente ne heurte en rien contre les devoirs de fidélité et de soumission ni les rapports de bienséance auxquels la diversité d'opinions ne saurait jamais soustraire un sujet».

мета были исключены изъ присяги, и чтобы, напротивъ того, къ концу ея прибавлено было слѣдующее клятвенное изреченіе: «я тѣмъ болѣе соблюду всѣ пункты произнесенной мною присяги, что я вполнѣ убѣжденъ, что ни одинъ изъ нихъ не противорѣчитъ присягѣ вѣрноподданнической, данной мною законной моей государынѣ и ея наслѣдникамъ» ([1]). Аркети настаивалъ на своемъ, и показывая Сестренцевичу римскую форму присяги, сказалъ: «si non vis, ego tibi pallium non dabo» (если не захочешь по ней присягнуть, не дамъ тебѣ палліума); но нунцію было объявлено, что если не будутъ сдѣланы въ присягѣ указанныя измѣненія, то императрица находитъ возможнымъ и вовсе безъ нея обойтиться, а только возложить на Сестренцевича палліумъ, знакъ архіепископскаго достоинства, ибо онъ уже разъ присягалъ папѣ при посвященіи въ епископы. Воля императрицы была исполнена, и Сестренцевичь не только посвященъ былъ нунціемъ (10 января 1784 г.) со всею торжественностію, въ присутствіи посланниковъ австрійскаго, неаполитанскаго, польскаго, сардинскаго и резидентовъ испанскаго и португальскаго, въ великолѣпномъ облаченіи, приготовленномъ графинею Борхъ, супругою канцлера польскаго, чему прежде такъ противился римскій дворъ, но и присягнулъ папѣ такъ, какъ желала Екатерина и какъ требовало достоинство господствующей Церкви и верховной власти. Мало того: принимая Аркети на прощальной аудіенціи, государыня поздравила его съ возведеніемъ, по ея

([1]) Формы присяги римской и измѣненной императрицею Екатериною см. въ приложеніи 3-мъ.

ходатайству, въ санъ кардинальскій, о чемъ папскій нунцій еще тогда и не зналъ.

Учрежденіемъ архіепископства возвышалась католическая іерархія. Этого именно и желала императрица, но конечно не для внѣшней помпы, не для совращенія ею людей иной вѣры, для чего учреждалъ обыкновенно епархіи Римъ, а для того, чтобы архіепископъ, получивъ по этому высокому сану и болѣе обширныя духовныя власти, могъ независимѣе отъ римскаго двора продолжать благодѣтельное преобразованіе католическаго духовенства и сдѣлать его дѣйствительно полезнымъ, не будучи обязанъ на каждомъ шагу останавливаться и медлить, за неимѣніемъ достаточныхъ полномочій. Нѣтъ сомнѣнія, что съ этою цѣлію старалась государыня достигнуть возведенія Сестренцевича въ кардинальское достоинство, и поручила ходатайство объ этомъ одолженному ей кардинальскою мантіею Аркети, бывшему тогда на пути въ Римъ. Независимо отъ того, повелѣно было въ 1785 году посланнику нашему въ Туринѣ князю Юсупову отправиться въ Римъ съ оффиціальнымъ порученіемъ поблагодарить папу за возведеніе въ кардинальство Аркети, по просьбѣ императрицы, но дѣйствительно за тѣмъ, чтобы достигнуть того же отличія для Сестренцевича. Принятый ласково Піемъ VI, Юсуповъ передалъ ему желаніе своей государыни въ первой, данной ему, аудіенціи 21 января. «Вы знаете», сказалъ папа, «что кардиналовъ мы производимъ въ странахъ, гдѣ государи исповѣдуютъ католическую вѣру; иначе король прусскій будетъ домогаться того же, и я буду очень затрудненъ. Будьте однако увѣрены, что я всегда радъ доказать мое уваженіе Ея Величеству».

Юсуповъ замѣтилъ, что возвышеніе человѣка, покровительствуемаго императрицею, послужило бы къ бо́льшему скрѣпленію существующихъ дружественныхъ отношеній. Выждавъ болѣе двухъ мѣсяцевъ, нашъ посланникъ попросилъ второй аудіенціи и повторилъ на ней свое ходатайство. Папа отвѣчалъ также, какъ и въ первый разъ, но положительно не отказывалъ. «Дѣло это требуетъ времени», сказалъ онъ, «мнѣ нужно узнать основательно объ образѣ мыслей архіепископа, а это скоро сдѣлать нельзя». Въ сущности папа не только склонялся на предложеніе, но даже былъ польщенъ просьбою императрицы; противились же этому дворы французскій и испанскій. Въ это время достигли въ Римъ извѣстія о нѣкоторыхъ распоряженіяхъ Сестренцевича, о коихъ скажемъ далѣе, которыя тамъ не понравились, потому что сдѣланы были безъ разрѣшенія римскаго двора; это еще болѣе помѣшало успѣху миссіи князя Юсупова. Главною причиною, или, вѣрнѣе, предлогомъ отказа поставлено было то, что Сестренцевичь былъ крещенъ и оставался до 23-го года своей жизни въ реформатской вѣрѣ. Пробывъ полгода въ Римѣ, Юсуповъ принужденъ былъ возвратиться въ Туринъ, не достигнувъ цѣли своего посольства ([1]).

Не успѣвъ въ возвышеніи Сестренцевича, правительство достигло однако того, что римскій дворъ согласился расширить его права: 28 августа 1786 года даны были папою архіепископу довольно обширныя духовныя власти, числомъ 29, на десять

([1]) Гл. моск. арх. мин. и. д. (сношенія съ папами. III. Rome. связка 8, № дѣла 23).

лѣтъ. Насколько власти эти были пространнѣе обыкновенно предоставляемыхъ, настолько католическое управленіе въ Россіи стало, каноническимъ образомъ, то есть, формально, независимѣе отъ Рима; въ дѣйствительности же, безъ этихъ письменныхъ актовъ, оно всегда, какъ уже видѣли, дѣйствовало самостоятельно. И въ этомъ случаѣ, получивъ отъ папы власти, архіепископъ представилъ ихъ на утвержденіе сената. «Сенатъ», какъ сказано въ его опредѣленіи, «по довольномъ и внимательномъ разсмотрѣніи папскаго посланія, пріемлетъ за главнѣйшее основаніе, побуждающее дозволить означенному архіепископу принять таковое посланіе шестой на десять онаго пунктъ, въ коемъ изображено: архіепископу Сестренцевичу разрѣшать во всѣхъ казусахъ, престолу папскому предоставленныхъ; ибо посредствомъ сего всякія впредь со стороны архіепископа Сестренцевича по частнымъ случаямъ переписки и связь съ Римомъ уменьшится, а особливо ежели утвердить, чтобы сіи данныя отъ имени папы архіепископу Сестренцевичу дозволенія не на десять только лѣтъ, какъ въ томъ посланіи значится, но навсегда силу свою имѣли, и по сей единственно причинѣ не можетъ не апробовать онаго посланія». Изъ него только исключенъ и не дозволенъ къ обнародованію одинъ пунктъ, по которому дозволяется архіепископу читать еретическія книги, «яко заключающій въ себѣ нѣкоторый видъ стѣсненія умовъ и родъ явнаго отвращенія къ другимъ исповѣданіямъ» (¹). Въ 1790 и 1795 годахъ вновь подтверждено о недопущеніи папскихъ буллъ безъ

(¹) Полн. собр. зак. т. XXII, № 16521.

предварительнаго ихъ разсмотрѣнія и утвержденія (1).

При самомъ присоединеніи Бѣлоруссіи запрещено было опредѣленіе къ приходамъ въ Россіи иностранныхъ духовныхъ безъ разрѣшенія епископа, и постановленіе это было неоднократно объявляемо, именно въ указахъ 3 іюля 1779 года, 2 января 1780 года и 4 ноября 1783 года. Но такъ какъ изъ католическаго духовенства Бѣлоруссіи не было знающихъ иностранные языки, то въ 1784 году дозволено было архіепископу вызывать для иностранцевъ, живущихъ въ Россіи, священниковъ изъ за границы, съ тѣмъ, чтобы они давали присягу на подданство (2). Архіепископъ предоставилъ это право синдикамъ петербургскаго и московскаго костела, что̀ не нравилось римской конгрегаціи. Главное ея неудовольствіе началось съ тѣхъ поръ, когда императрица, по жалобамъ прихожанъ петербургской церкви на ихъ духовенство, позволила въ 1769 году имъ самимъ выписывать для себя священниковъ, чрезъ посредство правительства, не завися въ этомъ нисколько отъ пропаганды. Римскій дворъ думалъ сначала помѣшать присылкѣ священниковъ, назначеніе которыхъ у него было отнято, и въ 1770 году отказалъ посланнику нашему на сеймѣ ратисбонскомъ послать требовавшихся четырехъ францисканов, до тѣхъ поръ, пока пропагандѣ не уступлены будутъ прежнія ея права и не будетъ высланъ изъ Петербурга ксендзъ Франкенбергъ, интригамъ коего приписывали невыгодное для Рима постановленіе правительства. Въ этомъ дѣлѣ легко обошлись безъ

(1) Полн. собр. зак. т. XXIII, №№ 16933 и 17379.

(2) Тамъ же, т. XXII, № 15943.

Рима, но пропаганда и впослѣдствіи доискивалась возстановленія вкравшихся обычаевъ, предлагая всевозможныя уступки насчетъ контроля надъ церковнымъ имѣніемъ ([1]); домогательства эти были оставлены безъ вниманія, архіепископъ распоряжался безъ участія пропаганды, и, разумѣется, этимъ самымъ умножалъ нерасположеніе къ себѣ Рима. Французская революція привела въ Россію множество эмигрантовъ аббатовъ, которые однако по большей части искали у насъ не священническихъ мѣстъ, а должностей гувернеровъ въ частныхъ домахъ и преподавателей въ училищахъ; для французскихъ эмигрантовъ построена была въ 1790 году въ Москвѣ особая католическая церковь во имя св. Людовика. По присоединеніи новороссійскаго края, Сестренцевичь объѣхалъ его въ свитѣ князя Потемкина, возобновилъ тамъ развалины построенныхъ еще генуезцами католическихъ храмовъ, воздвигулъ новые, какъ напримѣръ въ Херсонѣ, производившемъ въ то время значительную заграничную торговлю и потому наполненномъ иностранцами, и ко всѣмъ этимъ церквамъ опредѣлилъ священниковъ. Колоніи въ саратовской губерніи и Новороссіи получили также и церкви и духовенство.

Монашескія сословія продолжали обращать на себя вниманіе правительства, заботившагося сдѣлать ихъ дѣйствительно полезными обществу и дать имъ направленіе чисто духовное, чему при польскомъ владычествѣ мѣшали въ особенности, какъ мы видѣли, стяжательныя его наклонности. Еще при подчиненіи Польшѣ ограничены были поимущественныя

([1]) Моск. главн. ар. м. ин. д.

права этихъ сословій; при присоединеніи Бѣлоруссіи къ Россіи, имѣнія монаховъ, не присягнувшихъ на подданство, и монастырей, оставшихся за границею въ Польшѣ, отобраны были казною; прочіе же монастыри оставлены были *въ управленіи* ихъ имѣній *до дальняго о семъ опредѣленія* (1). Нѣтъ сомнѣнія, что Екатерина имѣла уже тогда въ виду поручить завѣдываніе этими имѣніями свѣтскому правительству, точно также, какъ это было сдѣлано съ населенными деревнями православнаго духовенства; но политическія обстоятельства, окончаніе раздѣла Польши только за годъ до ея кончины, не дали времени. Пріобрѣтеніе же монастырями недвижимыхъ имѣній, на основаніи постановленій польскихъ сеймовъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, было совершенно воспрещено въ 1786 году, и потому не дозволено совершать на оныя никакихъ крѣпостей и записей (2). Епископы и бѣлое духовенство дворянскаго происхожденія не лишены были этого права, потому что, по ихъ смерти, такія имѣнія должны поступать не обществамъ духовенства, а законнымъ ихъ наслѣдникамъ (3). Въ отношеніи монашеской дисциплины предписано было въ 1784 году не терпѣть монаховъ, проводящихъ жизнь въ праздности или только въ прошеніи милостыни (4).

Католическое народонаселеніе Россіи получило огромное приращеніе въ концѣ XVIII вѣка, присоединеніемъ въ 1793 году, на основаніи гродненскаго сейма, областей волынской, подольской и

(1) Полн. собр. зак. т. XIX, № 13808.
(2) Полн. собр. зак. т. XXII, № 16333.
(3) Тамъ же, № 16616 (годъ 1788).
(4) Тамъ же, № 16333.

минской, и въ исходѣ 1794 года—литовской и гродненской по Нѣманъ и Курляндіи. Для духовнаго управленія этихъ областей императрица учредила въ 1795 году три епархіи: 1) инфляндскую, въ замѣнъ прежней виленской, для литовской губерніи, съ епископскою каѳедрою въ Вильнѣ, 2) пинскую, вмѣсто луцкой и кіевской, въ составъ которой вошли какъ волынская губернія, и прежде бывшая въ той же епархіи, такъ и минская, составлявшая прежде часть виленской епархіи, и 3) летичевскую, вмѣсто каменецкой, для губерній подольской, брацлавской и вознесенской ([1]). Епископомъ инфляндскимъ назначенъ былъ Коссаковскій, летичевскимъ—графъ Сѣраковскій, а пинскимъ оставленъ кіевскій епископъ Цѣцишевскій. Этотъ епископъ, присягнувшій государынѣ, сохранилъ епископскія имѣнія своей каѳедры, а въ остальныхъ двухъ епархіяхъ онѣ отобраны были въ казну, потому что виленская, по умерщвленіи епископа Массальскаго въ Варшавѣ, оставалась праздною, а каменецкій епископъ Красинскій не хотѣлъ подчиниться русскому правительству и остался въ Польшѣ. Епископамъ, не имѣвшимъ столовыхъ имѣній, назначено было жалованье изъ казны: инфляндскому по 4,000 р., а летичевскому по 3,000 руб. въ годъ.

Епископамъ этихъ трехъ епархій предоставлены были тѣ же права относительно бѣлаго и монашествующаго духовенствъ, какими пользовался Сестренцевичь въ архіепископствѣ могилевскомъ. Они были полными начальниками своихъ управленій, а не подчиненными исполнителями распоряженій архіепи-

([1]) Полн. собр. зак. т. XXIII, №№ 17379 и 17380.

скопа, и отъ нихъ единственно должны были зависѣть монашескіе ордена ихъ епархій ([1]). Всѣ прочія основныя постановленія императрицы по духовной католической части распространены были и на эти новыя епархіи: духовенству вмѣнено въ обязанность не подчиняться никакой власти, внѣ имперіи находящейся; призывъ заграничныхъ духовныхъ лицъ и пребываніе ихъ въ этихъ губерніяхъ былъ запрещенъ; а не присягнувшіе на подданство мѣстные духовные отрѣшались отъ должностей ([2]).

Правительство имѣло намѣреніе оставить и въ этихъ областяхъ, какъ въ Бѣлоруссіи, изъ огромнаго числа существовавшихъ тамъ монастырей только тѣ, которые могутъ быть полезными исповѣдникамъ католической вѣры, а ненужные и обременительные для общества упразднить. Потому въ 1795 году государыня повелѣла литовскому генералъ-губернатору князю Рѣпнину истребовать отъ католическихъ епископовъ подробныя вѣдомости о всѣхъ монастыряхъ, съ означеніемъ: какіе изъ нихъ занимаются дѣлами богоугодными, служеніемъ немощнымъ, призрѣніемъ убогихъ и просвѣщеніемъ юношества, «заключающимся въ истинномъ почитаніи Творца и въ повиновеніи поставленной отъ Него верховной власти», и какіе остаются въ праздности «безъ всякаго ближнему пособія» и «живутъ въ тягость міру». Перваго рода монастыри велѣно было сохранить, а о другихъ представить вѣдомости на усмотрѣніе императрицы, «дабы Мы», какъ сказано въ указѣ, «во славу Божію и на пользу общества могли о всемъ томъ учредить наилучшимъ по возможности обра-

(1) Полн. собр. зак. т. XXIII, №№ 17379 и 17380.
(2) Тамъ же.

зомъ» ([1]). Правительство Екатерины признавало монастырскія имѣнія *государственными*, и потому предохраняло ихъ отъ разоренія духовными лицами, которые смотрѣли на нихъ нерѣдко какъ на свою собственность и обезпечивали оными свои частные долги ([2]). Кончина Екатерины продлила надолго существованіе многихъ безполезныхъ монашескихъ обителей, пользовавшихся во вредъ общему благу несоразмѣрными богатствами, во всей западной Россіи. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что онѣ положительно были вредны, и что единственно поэтому правительство намѣревалось ихъ уничтожить. Извѣстно, что приверженцы папской власти, защит-

([1]) Полн. собр. зак. т. XXIII, № 17380.

([2]) 11 августа 1796 года князь Рѣпнинъ далъ въ Гроднѣ слѣдующее предписаніе: «Пріемля попеченіе о сохраненіи всѣмъ и каждому законной собственности, на основаніи высочайшей воли Ея Величества, и усматривая изъ дѣлъ, доходящихъ до моего свѣдѣнія, что нѣкоторые обыватели по собственнымъ долгамъ духовныхъ людей отыскиваютъ платежъ тѣхъ долговъ на имѣніяхъ церковныхъ, коими пользуются тѣ особы на время только пребыванія ихъ при мѣстахъ и церквахъ, къ которымъ сіи имѣнія принадлежатъ, а оныя, бывъ опредѣлены на должное и пристойное содержаніе достоинства церкви Божіей и ея надобностей, *суть имѣнія государственныя*, на сію священную часть отдѣленныя, и слѣдовательно ни по какимъ другимъ опредѣленіямъ, по собственнымъ особеннымъ долгамъ и дѣламъ отвѣчать не могутъ; почему всѣмъ и каждому чрезъ сіе объявляется, чтобы заимодавцы духовнымъ людямъ отнюдь не считали вѣрностію платежа на духовныя имѣнія, которыя ни по какому закону за партикулярные долги духовныхъ людей отвѣчать не должны, а духовнымъ людямъ всякаго званія и чина подтверждается, чтобы сіи имѣнія, принадлежащія только на время, доколь они при мѣстахъ находятся, отнюдь не разоряли и ни подъ какимъ видомъ не расточали, *яко не ихъ*, *а государственныя*, *церкви Божіей принадлежащія*». (Изъ дѣлъ тельшевской римско-католической духовной консисторіи).

ники ультрамонтанистическихъ идей истолковываютъ обыкновенно подобныя мѣры революціоннымъ направленіемъ правительствъ, либеральными учрежденіями, стремленіемъ къ необузданной вольности. Такое мнѣніе, по большей части ошибочное, въ настоящемъ случаѣ было бы очевидно неправильнымъ; ибо извѣстно, что либеральная Екатерина, другъ новѣйшихъ философовъ ея эпохи, перемѣнила совершенно свои политическія убѣжденія послѣ революціи во Франціи, обуздала литературу, отложила многія задуманныя преобразовянія, и въ 1795 году была уже далеко нелиберальною. Одна положительная государственная необходимость, чуждая философическихъ взглядовъ, желаніе спасти вѣру, очистивъ ее отъ поражавшихъ всѣхъ пороковъ и злоупотребленій духовенства, побуждали ее къ уменьшенію вреднаго класса праздныхъ, лѣнивыхъ и утопавшихъ въ роскоши монаховъ, бывшихъ не украшеніемъ, а позоромъ церкви.

Много ненависти пало на память этой великой государыни за прекращеніе политическаго бытія Польши, много оскорбительной неправды преслѣдуетъ доселѣ ея почитаемое въ Россіи имя; но до сихъ поръ не только ни одинъ полякъ, но даже ни одинъ безпристрастный европеецъ не хотѣлъ ей отдать той справедливости, что она, и единственно она одна, поддержала въ присоединенныхъ къ Россіи польскихъ областяхъ упадавшій, опозоренный общественнымъ мнѣніемъ католицизмъ, дала ему новую жизнь исправленіемъ и просвѣщеніемъ духовенства, учрежденіемъ твердой высшей духовной власти, правильнымъ устройствомъ епархій. Не Римъ спасъ тутъ римскую вѣру, а не подчинявшаяся ему

православная Екатерина, конечно не для пропаганды латынскаго ученія, а для благоустройства милліоновъ ея подданныхъ этой вѣры; вотъ почему, по ея волѣ, строились новые костелы, тогда какъ бывшее польское правительство силою отнимало церкви у православныхъ; учреждались новыя епархіи, когда въ Польшѣ уничтожены были давно существовавшія православныя; католическіе епископы получили приличное содержаніе, а у православныхъ отбиралось польскимъ духовенствомъ все, что имѣли; открылись семинаріи и училища для просвѣщенія латынскихъ духовныхъ, а православное духовенство обречено было въ Польшѣ на невѣжество, бѣдность и публичное презрѣніе, все для того, чтобы искоренить православіе. Такъ сильна политическая ненависть, такъ малоизвѣстны историческіе факты и намѣренно искажается исторія!

Въ составъ католическаго народонаселенія Россіи входили, какъ знаемъ, армяно-католики, совращенные въ эту вѣру въ Астрахани. Въ царствованіе императрицы Екатерины число ихъ увеличилось принятіемъ Грузіею покровительства Россіи и возсоединеніемъ западнаго края, гдѣ въ нѣкоторыхъ городахъ были жители армяно-католическаго исповѣданія. Потому не лишне сказать нѣсколько словъ о главныхъ различіяхъ армянской вѣры отъ прочихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій и объ ученіи отдѣлившихся отъ ней армяно-католиковъ, о которыхъ еще будетъ упоминаться въ этомъ изложеніи.

Армяне вмѣстѣ съ православными признаютъ три первые вселенскіе собора; отдѣлились же они отъ вселенской Церкви на соборѣ халкидонскомъ, собранномъ въ 451 году, на которомъ постановлено

признавать въ Іисусѣ Христѣ два естества—божеское и человѣческое неслитно, нераздѣльно и неизмѣнно. Армяне не приняли этого постановленія халкидонскаго собора, который они упрекали въ томъ, будто онъ призналъ въ Іисусѣ Христѣ *два лица*, а не *два естества въ одномъ лицѣ*. Сами же они признаютъ въ Спасителѣ только одно естество—божеское. Раздѣлившись въ мнѣніи по этому предмету, армяне уже не участвовали на остальныхъ вселенскихъ соборахъ и образовали особую христіанскую церковь, получившую отъ имени просвѣтителя армянъ св. Григорія названіе армяно-григоріанской, и управляемую патріархомъ католикосомъ (вселенскимъ), имѣющимъ пребываніе въ Эчміадзинѣ. Патріархъ католикосъ имѣетъ такое же значеніе въ армянской церкви, какъ папа въ римской; ему подчинены армянскіе патріархи Константинополя, Испагани, Іерусалима; армяне турецкіе, персидскіе, индѣйскіе, русскіе признаютъ его своимъ главою, и освященное муро разсылается изъ Эчміадзина во всѣ страны Востока, служа какъ-бы знакомъ высшей духовной власти, имѣющей тамъ свой центръ. Соблюдая свято духовныя постановленія и преданія первыхъ вѣковъ христіанства, армянская церковь сохранила многіе догматы и обряды, признаваемые Церковію православною, и измѣненные въ разное время римскою. Какъ православные, армяне признаютъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца, а не отъ Отца и Сына, какъ учатъ католики; крестятъ троекратнымъ погруженіемъ; причащаются подъ обоими видами—тѣла и крови Господней, какъ православные; отвергаютъ чистилище. Богослуженіе производится у нихъ на древнемъ армянскомъ на-

рѣчіи, а проповѣди говорятся на современномъ армянскомъ языкѣ. Монашествующее духовенство слѣдуетъ, какъ и православное, правиламъ св. Василія великаго, а священники вступаютъ одинъ разъ въ бракъ. Изъ этого видно, что сколько близка церковь армянская къ православной, столько же далека она по своимъ догматамъ и обрядамъ отъ латынской; потому давно задуманное папами соединеніе армянъ съ римскою церковію всегда оставалось малоуспѣшнымъ. Еще со временъ крестовыхъ походовъ римскій дворъ началъ свою пропаганду между армянами. Несчастныя политическія обстоятельства Арменіи, терзаемой турками и персіянами, въ особенности ему помогали; нѣкоторые цари армянскіе принуждены были искать защиты у сильныхъ тогда папъ, коихъ первымъ словомъ и условіемъ было, разумѣется, обращеніе армянъ въ латынство. Но не смотря на всѣ эти удобства, Римъ не успѣлъ въ своихъ планахъ: народъ армянскій никогда не рѣшился оставитъ вѣру отцовъ своихъ. Извѣстно, что на соборѣ флорентійскомъ унія съ римскою церковію подписана была нѣкоторыми армянскими епископами, — они лежатъ у ногъ папы Евгенія IV на фрескахъ ватиканской библіотеки; на это народъ армянскій отвѣчалъ переведеніемъ патріаршей каѳедры изъ Сиса (Sis) въ Эчміадзинъ, какъ городъ болѣе отдаленный отъ центра римской пропаганды, и не призналъ флорентійскаго собора, точно также, какъ не приняли его православные жители западной Россіи.

Съ тѣхъ поръ, то есть, съ 1439 года и до конца XVI вѣка, папы, какъ-бы отчаявшись въ своемъ предпріятіи, оставили въ покоѣ народъ армянскій,

точно также, какъ и русскій; но съ конца этого столѣтія, когда истязанія за вѣру начались въ западной Россіи, ихъ проповѣдническая дѣятельность въ отношеніи къ армянамъ возобновилась съ новою энергіею и на болѣе практическихъ основаніяхъ. Въ 1584 году папа Григорій XIII повелѣлъ съ этою цѣлію основать въ Римѣ училище (collegium) для армянъ, на счетъ суммъ римскаго двора. Но черезъ годъ папа этотъ умеръ, и училище учреждено не было, а коллегія пропаганды принимала на свой счетъ воспитаніе только весьма немногихъ армянъ. Наконецъ, 70 лѣтъ спустя, мысль эта приведена была въ исполненіе папою Александромъ VII. Во главѣ этого училища поставленъ былъ извѣстный миссіонеръ между армянами Клементій Галанъ (1) (Galanus). Съ 1650 и по 1659 годъ Галанъ издаетъ въ Римѣ свое огромное сочиненіе in quarto на армянскомъ и латынскомъ языкахъ, направленное противъ догматовъ и обрядовъ армянской церкви (2). Сочиненіе это однако не только не соединило съ Римомъ армянъ, а напротивъ раздражило ихъ противъ Рима; оно наполнено многими неточностями и выдумками о церкви армянской, такъ что въ послѣдствіи сами р. католики обличили это направленіе Галана и явныя невѣрности его положеній и выводовъ, и

(1) Въ посвященіи своего сочиненія папѣ Галанъ говоритъ: «Isthaec itaque data pietati et munificentiae tuae, maxime pontifex Alexander, ut ad armenos alumnos humanis divinisque scientiis, suo tamen idiomate traditis, excolendos, novam sapientiae officinam Romae seorsim institueret, quoque tot ab armeno schismate seculis piorum vota expectavere, tuo tandem tempore, tuo nutu, ad tuae gloriae successionem prospere patraretur».

(2) Conciliationes ecclesiae Armenae cum Romana ex ipsis armenorum patrum et doctorum testimoniis.

въ особенности Маркизъ Серпозъ (Serpos) въ извѣстномъ сочиненіи объ армянахъ въ Турціи, изданномъ въ концѣ прошлаго вѣка на итальянскомъ языкѣ ([1]). Армянскіе воспитанники римской пропаганды, проникнутые духомъ этого сочиненія, положеннаго въ основаніе ихъ образованія, и почитая Галана какъ-бы за своего оракула, пріѣзжали въ страны армянскія, молодые, неопытные въ жизни, съ совершеннымъ незнаніемъ единоплеменнаго имъ народа, отъ коего были заслонены римскимъ воспитаніемъ, и потому не привлекали армянъ своею пропагандою, а отдаляли ихъ отъ всякаго желанія сблизиться съ римскою церковію. «Nihilo tamen minus», говоритъ Галанъ, «extra Romanam ecclesiam errare hoc tempore, quam antea videbatur Armenios». Замѣчаніе это также справедливо въ отношеніи предшествовавшаго, какъ и послѣдовавшаго, послѣ сочиненія Галана, времени.

Раціональное, такъ сказать, основаніе римской пропаганды между армянами положено было Мекитаромъ (Mékhitar), который самъ былъ армянинъ, потому и зналъ народъ свой ближе итальянскихъ пропагандистовъ. Мекитаръ родился въ 1676 году въ Себастѣ (Sébaste), городѣ Арменіи. Въ первой своей юности, лѣтъ 18-ти, совращенъ былъ въ латынство французскимъ миссіонеромъ Антоніемъ Бовилье (Antoine Beauvilliers). Въ Константинополѣ единовѣрцы до такой степени вознегодовали на него за это, что, для спасенія своего, онъ долженъ былъ укрываться

([1]) Compendio storico di memorie chronologiche concernenti la religione et la morale della nazione Armena suddita dell' imperio ottomano. In Venezia. 1786. 3 тома. Сочиніе это болѣе догматическое, нежели историческое.

у капуциновъ и въ домѣ французскаго посла, и наконецъ бѣжать оттуда въ Морею, а по занятіи ея турками—въ Венецію, куда прибылъ въ 1715 году, и два года спустя получилъ отъ сената Венеціи разрѣшеніе основать монастырь на маленькомъ островѣ (située dans les lagunes), называемомъ Saint-Lazare. Папа Климентъ XI далъ этому монастырскому обществу въ руководство уставъ бенедиктинскій (de Saint-Benoît). Монастырь окончательно былъ устроенъ въ 1740 году и при немъ заведена армянская типографія, а въ 1749 году Мекитаръ умеръ (¹).

Въ концѣ прошлаго вѣка мекитаристы основали свои монастыри также въ Тріестѣ, потомъ въ Вѣнѣ, а въ началѣ текущаго столѣтія ихъ венеціанское братство, безъ измѣненія своихъ правилъ, преобразовано было въ академію. Въ настоящее время академія эта имѣетъ вспомогательное заведеніе (succursale) въ Парижѣ.

Если цѣль Мекитара,—обращеніе армянъ въ латынство, — достигнута доселѣ въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ, то средства, имъ для того употребленныя, дѣйствительно могутъ быть полезны для армянскаго народа, хотя вовсе не въ тѣхъ видахъ, которые имѣлъ основатель общества. Мекитаристы завели армянскія типографіи, изъ коихъ уже вышло довольно значительное число общеполезныхъ сочиненій и переводовъ, они разработываютъ армянскую литературу, армянскую исторію, однимъ словомъ, на-

(¹) A brief occount of the Mechitaristican society founded on the Island of St. Lazaro. Venice. 1825.—Mékhitaristes de Saint-Lazare, par *Le Vaillant de Florival*. Seconde edition. Venise. 1856.

родъ армянскій можетъ воспользоваться предлагаемыми ими способами просвѣщенія, отринувъ, какъ онъ дѣлалъ доселѣ, пропагандическое латынское направленіе, то есть, оставивъ въ сторонѣ эгоистическую цѣль, принять для своей пользы придуманныя лишь для достиженія ея средства, которыя такимъ образомъ обратятся къ цѣли совершенно противоположной — просвѣщенія народнаго, основаннаго на коренныхъ догматахъ армянской вѣры.

Чтò касается до обращенія армянъ въ латынство и до положенія армяно-католиковъ въ римской церкви, то мы должны сказать, что имъ оставлены были армянскіе обряды и богослужебный языкъ, также женатые священники, но они должны были признать верховную власть папы и догматы латынской церкви. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что съ теченіемъ времени и самые обряды стали, незамѣтнымъ образомъ, измѣняться, принимая болѣе сходства съ латынскими, какъ это дѣлалось въ уніатскихъ церквахъ западной Россіи. Въ настоящее время въ русскихъ армяно-католическихъ костелахъ видимъ уже, что облаченіе священниковъ и бóльшая часть обрядовъ — чисто римско-католическіе; богослуженіе хотя и совершается на армянскомъ языкѣ, но уже на второй половинѣ литургіи играютъ органы; остались алтари, но завѣсъ нѣтъ, а на мѣсто ихъ поставленъ жертвенникъ, какъ въ католическихъ церквахъ, такъ что первую часть обѣдни священникъ совершаетъ въ алтарѣ, а вторую у жертвенника. Однимъ словомъ, армяно-католичество въ армянской церкви есть то же, чтò была унія въ православной: та же цѣль, тѣ же средства, словомъ, рѣшительно однѣ и тѣ же способы совращеній. Такъ, разумѣется, по-

нимала и понимаетъ этотъ новый обрядъ и армяно-григоріанская церковь; такъ разумѣло его и русское правительство временемъ Екатерины.

Что касается до Россіи, то уже въ XIV столѣтіи мы находимъ армянъ на Волыни и Подоліи, которые занимались здѣсь торговлею и выстроили церкви, именно, въ Балтѣ, Луцкѣ, Могилевѣ на Днѣстрѣ, Каменцѣ-Подольскомъ, во Львовѣ, въ коихъ и отправляли свободно свое богослуженіе. Но съ первой половины XVII вѣка, римско-католическое духовенство, въ упоеніи успѣха уніи среди православнаго народонаселенія этой страны, начало простирать свои виды и на армянъ. Извѣстный пропагандистъ іезуитъ Матвѣй Бембусъ (Bembus), обращавшійся въ 1629 году къ русскимъ для возсоединенія ихъ съ латынскою церковью [1], сдѣлалъ въ слѣдующемъ 1630 году такое же воззваніе къ армянамъ, въ хронологическомъ порядкѣ первое въ странахъ польскихъ; въ этомъ сочиненіи онъ старался разъединить армянскій народъ съ его духовенствомъ, не расположеннымъ конечно оставить вѣру своихъ предковъ, и затѣялъ даже во Львовѣ словесныя съ нимъ пренія о вѣрѣ. Въ надеждахъ и увѣреніяхъ о неприкосновенности армянскаго богослуженія, объ оставленіи армянамъ женатыхъ священниковъ и т. п. недостатка не было, точно также какъ латынская церковь всегда обѣщала православнымъ и, разумѣется, не исполняла своихъ обѣщаній [2]. Но всѣ эти увѣренія, обнаде-

(1) Wzywanie do jsdności katholickiey narodu Ruskiego religiey Graeckiey z kościolem Rzymckim. Przez X. *Mattheusza Bembusa*, kaplana Societ. Jesu. w Kracowie. 1629.

(2) Ormianskie nabożenstwo y wzywanie ludzi narodu tego zacnego do jedności w wierze y w milośći kośćiola s. katholickiego Rzymskiego, napisane od X. *Mattheusza Bembusa* Soc.

живанія, точно также, какъ и пропаганда изустная и письменная Бембуса, не имѣли однако рѣшительно никакого вліянія на армянъ галиційскихъ, подольскихъ и волынскихъ.

За то сила взяла свое. Римско-католики, не ожидая, повидимому, сами успѣха отъ своей пропаганды между армянами, положили привести ихъ къ латынской вѣрѣ насиліемъ. Въ 1626 году посвященъ былъ во львовскіе армяно-григоріанскіе епископы житель города Львова, нѣкто Николай Торосовичь, 23-хъ-лѣтній юноша, скрытный латинянинъ. Несмотря на то, что онъ клялся сохранить въ чистотѣ свою вѣру и быть послушнымъ эчміадзинскому патріарху, армяне очень хорошо понимали, что это дѣлается только для вида, и чуть не вытащили его изъ церкви во время самаго посвященія. Торосовичь долженъ былъ бѣжать изъ Львова; но покровительст-

Jesu. w Krakowie. 1630.—Въ предисловіи этого сочиненія авторъ говоритъ: «Ormianom zasie naszym nikt wiadomośćia moia w iezyku naszym nie takowego ieszczę na pismie nie podal, czymby się przestzedz, y tac początek iako przyczyny odstepstwa swego od kościola powszechego poznać». И далѣе: «Na duchowne też twoie, teraźnieysze prożno się masz w tey mierze odgladać y odzywać, ktorzy stare bledy przodkow swoich niedbalstwem y zaniechaniew zakryte za prawde maiąc, o nich sie nie pytaia».—Сочиненіе свое кончаетъ Бембусъ слѣдующимъ обращеніемъ къ армянскому народу: «Nie utracisz tym ziednoczeniem nic, zostąnąć w cale zwyczayne ceremonie twoie, ktore się iedno starożytnośći kościola Bożego nie sprzeciwiaią; porzadki insze twoie bynamniey się nie wszusza; pasterze twoi mieysc swoich nie straca. Bedziesz iako drzewo wsadzone nad ciekacymi wodami, ktore czasu swego wydaie z siebie owoc swoy, a liscie iego niegdy zwiednawszy nie spadnie. Na ten czas wszytkie twoie nabożenstwa, posty y modlitwy platne w Pana Boga będa, bo w winnicy Panskiey z dziennego grosza robić będziesz, który cie nieomylnie po wytrwaniu w wierze katholickiey y pobożności przyzeszciu z tego mizernego swiata potka».

вуемый іезуитами и покорнымъ ихъ слугою Сигизмундомъ III, королемъ польскимъ, онъ былъ посаженъ на львовскую каѳедру открытою силою, черезъ магистратъ города Львова; при чемъ, предварительно долженъ былъ уже открыто перейти въ латынство. Двери каѳедральной церкви взломаны были для него полиціею, и такимъ-то образомъ сдѣлался онъ пастыремъ не существовавшаго тогда еще армяно-католическаго стада. Креатура римскаго двора, Торосовичь не упустилъ съѣздить на поклоненіе папѣ Урбану VIII, отъ котораго получилъ подтвержденіе на свою каѳедру, даже возведенъ былъ въ званіе архіепископа, и въ 1630 году подписалъ во Львовѣ латынское исповѣданіе вѣры къ чему успѣлъ склонить изъ армянъ только одного священника, двухъ монаховъ и одного клирика, подписавшихся вмѣстѣ съ нимъ подъ этимъ актомъ (1). Какое впечатлѣніе произвело на львовскихъ армянъ это духовное насиліе, видно изъ сохранившейся жалобы ихъ эчміадзинскому патріарху отъ 25 іюля 1631 года. «Римско-католическіе духовные и полиція города Львова», говорятъ они въ этой жалобѣ, «разломавши замки и запоры церковныхъ дверей, ввели въ храмъ нашъ этого проклятаго, (лучше бы земля поглотила насъ живыхъ, чѣмъ это видѣть!). Этотъ такъ-называемый епископъ не только не оставилъ намъ, вѣрнымъ армянамъ, ни одной церкви, но даже запретилъ отправлять для насъ богослуженіе и хоронить умершихъ; священниковъ, оставшихся вѣрными нашей религіи и не признающихъ его власти, хватаетъ,

(1) *Theiner*, Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae. tom. 3. p. 390.

бьетъ, вяжетъ, сажаетъ въ темницы и не выпускаетъ изъ нихъ до тѣхъ поръ, пока не обратятся въ латынство. Все это сходитъ съ рукъ, ибо за него какъ свѣтскія, такъ и духовныя власти, а въ особенности іезуиты. Мы обратились было къ королю, но слѣдствія и суда добиться не могли, и единому Богу извѣстно, когда того достигнемъ. Да если бы и получили судъ, едвали онъ могъ бы открыть истину, ибо папскій нунцій, находящійся въ Варшавѣ, и другіе латынскіе духовные, болѣе же всего іезуиты, сильно стоятъ за этого проклятаго епископа. Мы были у нунція и жаловались ему на всѣ эти насилія, но онъ намъ отвѣтилъ, что все это ничего не значитъ, ибо точно также, какъ первородный грѣхъ омывается крещеніемъ, такъ и всѣ дѣйствія епископа Торосовича заглаживаются признаніемъ уніи съ святою католическою церковію. Когда же мы стали просить, чтобы намъ, какъ христіанамъ, оставили хотя одну церковь, то ни король, ни нунцій папскій, ни латынскіе духовные на то не согласились, приводя каноны, на основаніи коихъ всѣ церкви слѣдуютъ за епископомъ, какъ за своею главою. Однимъ словомъ, съ нами поступаютъ также, какъ на нашихъ же глазахъ дѣйствуютъ съ церковью греческою, которая вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ не можетъ добиться суда и расправы, и это для того, чтобы заставить насъ потерять энергію, а потомъ склониться къ уніи». Поспѣшаемъ прибавить, что этотъ любопытный историческій документъ обязанъ своею извѣстностію одному римско-католическому духовному, искренно преданному своей церкви, почему достовѣрность его не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣ-

нію (1). Вопль и рыданія армянскаго народа не вымолили справедливости ни у изувѣрнаго короля, ни у фанатическаго духовенства, и Торосовичь, покровительствуемый папою Урбаномъ VIII (2) и украшенный Климентомъ X орденомъ Іисуса и Маріи (3), остался на своей каѳедрѣ 55 лѣтъ (4), по самый годъ его кончины, послѣдовавшей въ 1681 году. Съ него начинается рядъ львовскихъ армяно-католическихъ епископовъ (5), коихъ власть распространялась на всѣхъ армяно-католиковъ, обитавшихъ въ Польшѣ.

На помощь архіепископу Торосовичу для совращенія армянъ римскій дворъ выслалъ во Львовъ отцовъ театиновъ, между коими былъ извѣстный Галанъ; онъ и умеръ во Львовѣ въ 1666 году. Театины, какъ настоящіе латынскіе миссіонеры въ странахъ невѣрныхъ, не подчинены были мѣстному епископу,

(1) Wiadomość o Ormianach w Polszcze. Lwow. 1842.

(2) Этотъ папа писалъ о немъ въ 1637 г. королю Владиславу IV: «Postulamus in praesentia a Majestate Tua, ut non solum regio suo patrocinio venerabilem fratrem Nicolaum archiepiscopum Leopoliensem nationis Armenorum humaniter complectatur, sed religionis ipsius conatibus praesto sit, omneque studium atque auctoritatem adhibeat, ut Unio, quam ille cum apostolica Sede perficiendam curavit, optato eventu nequaquam frustretur». (*Theiner*, Vetera monumenta Poloniae el Lithuaniae. t. 3. p. 414).

(3) Орденъ этотъ установленъ былъ въ 1615 году папою Павломъ V для защитниковъ римской церкви противъ невѣрныхъ: золотой крестъ съ голубою эмалью, на которомъ съ одной стороны было имя Іисуса, а съ другой Маріи.

(4) Въ 1667 году онъ ѣздилъ въ Римъ отдавать отчетъ въ своихъ прозелитическихъ дѣйствіяхъ; кажется, они не были очень успѣшны, ибо въ 1653 году онъ писалъ: «Suscepti hac in parte labores mei, quod hucusque optatum non sint sortiti effectum».

(5) См. приложеніе 4-е.

а зависѣли исключительно и вполнѣ отъ римской пропаганды. Они основали во Львовѣ *collegium pontificum*, въ которой содержали 20 клириковъ: 10 изъ армянъ и 10 изъ русиновъ, а по окончаніи курса наукъ, посылали ихъ миссіонерами на востокъ, и въ особенности въ Крымъ, гдѣ поселились армяне. Въ 1784 году императоръ Іосифъ II выслалъ театиновъ въ Римъ и закрылъ ихъ коллегію.

Изъ Львова театины производили пропаганду въ близь лежащихъ странахъ, подчиненныхъ тогда Польшѣ, и преимущественно, по сосѣдству, въ Каменцѣ-Подольскомъ. Тамъ начало уніи слѣдуетъ отнести къ 1666 году, когда появился въ этомъ городѣ театинъ Пиду (Pidou), парижанинъ; за нимъ послѣдовалъ архіепископъ Торосовичь съ публичными процессіями по улицамъ Каменца. Главными центрами новаго вѣроисповѣданія въ юго-западной Россіи сдѣлались города: Могилевъ на Днѣстрѣ и Каменецъ-Подольскій, въ которомъ находится старинный костелъ этого обряда во имя Божіей Матери, и икона Богородицы, чтимая чудотворною, пользуется большимъ уваженіемъ мѣстныхъ жителей (¹). Около 1742 г. построенъ армяно-католическій костелъ въ Могилевѣ, въ которомъ служило латынское духовенство.

Къ концу XVIII вѣка польскіе армяне совершенно, такъ сказать, окатоличились и ополячились. Мало сохранили они въ своемъ богослуженіи старинныхъ своихъ обрядовъ и молитвъ; чѣмъ чаще стали они ходить въ латынскіе костелы, тѣмъ болѣе привыкали къ латынскому и мѣстному поль-

(¹) Преданіе объ этой иконѣ см. въ приложеніи 5-мъ.

скому языкамъ и отвыкали отъ своего народнаго. Но относительно числительности пропаганда достигла немногаго: въ это время во всѣхъ странахъ Польши армянъ-католиковъ не было и 10 тысячь человѣкъ. Эдуардъ Дюлорье, занимавшійся исторіею армянской церкви, очень справедливо говоритъ: «армяне-католики, разсѣянные въ Италіи, Галиціи и Франціи, почти не имѣющіе церквей, съ трудомъ сохраняютъ свою народность, которая нерѣдко была даже оспариваема у нихъ. Если они рѣдко пріобрѣтаютъ прозелитовъ, причина этому слѣдующая. Чтобы двѣ церкви могли соединиться и произвести сліяніе между собою, для этого простое различіе въ обрядахъ и въ нѣкоторыхъ словахъ легко можетъ быть устранено; но измѣнить вѣру о происхожденіи Св. Духа и о святой евхаристіи, преподавая ее только подъ видомъ хлѣба, вмѣсто того, чтобы причащать подъ обоими видами, извратить порядокъ литургіи, сдѣлать открытымъ жертвенникъ, который вся восточная Церковь таинственно закрываетъ во время святаго жертвоприношенія, наложить безженство на бѣлое духовенство,—это такіе пункты догматики и дисциплины, которые составляютъ существенное различіе» ([1]).

По завоеваніи новороссійскаго края, Россія получила также нѣсколько сотъ подданныхъ армяно-католической вѣры, число которыхъ умножилось впослѣдствіи прибытіемъ туда армянъ этого обряда, для торговыхъ дѣлъ. Такимъ образомъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, армяне-католики были разсѣяны,

([1]) Histoire, dogmes, traditions et liturgie de l'église arménienne orientale, par *Edouard Dulaurier*. Deuxième édition. Paris. 1857. page 57.

хотя и не въ большомъ числѣ, по разнымъ мѣстностямъ южной части Россіи, начиная отъ Грузіи и Астрахани до Каменца-Подольска.

Грузинскій царь Ираклій II призналъ надъ собою, какъ извѣстно, въ 1783 году, покровительство и верховную власть Екатерины и обязался не входить въ сношенія съ заграничными властями иначе, какъ съ согласія нашего резидента въ Тифлисѣ. Съ этого времени начинается законное и положительное вліяніе Россіи на Грузію, какъ въ политическомъ, такъ и въ духовномъ отношеніи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и участіе русскаго правительства въ устройствѣ армяно-католическаго духовенства въ этомъ краѣ. Для болѣе вѣрнаго взгляда на этотъ предметъ необходимо бросить хотя бѣглый взглядъ на постепенное распространеніе католицизма въ Грузіи.

Страну эту начали посѣщать миссіонеры римской пропаганды еще въ началѣ XVII столѣтія. Въ 1615 году прибыло въ Гори нѣсколько монаховъ капуцинскаго ордена въ видѣ медиковъ, наняли тамъ домъ и подъ видомъ занятій мнимымъ званіемъ своимъ, старались сблизиться съ жителями, для обращенія ихъ въ свою вѣру. Папа Урбанъ VIII, узнавъ объ успѣхѣ предпріятій горійскихъ капуциновъ, послалъ въ 1626 году особаго миссіонера, Авита-Боли, къ царю грузинскому съ наказомъ пріобрѣсть благорасположеніе его и основать постоянную миссію въ Гори. Этотъ искусный дипломатъ пропаганды, подъ видомъ врача и почитателя древней Иверіи, успѣлъ найти благорасположеніе царя и войти въ сношеніе съ католикосомъ Захаріемъ, главою всей армянской церкви, чрезъ посредство коего царь въ 1630 г. дозволилъ горійскимъ капуцинамъ имѣть

въ городѣ каплицу. Авита-Боли успѣлъ кромѣ того убѣдить царя войти въ дружескія сношенія съ папою, которыя и ознаменовались въ 1631 году граматами, въ которыхъ царь и католикосъ, между прочимъ, писали папѣ, что вѣра христіанская сохранилась въ Грузіи отъ временъ Константина великаго и что миссіонерамъ горійскимъ дозволено имѣть каплицу; на что папа, съ своей стороны, отвѣчалъ дружескими же граматами. Въ 1635 году пропаганда отправила другихъ миссіонеровъ капуциновъ же въ Грузію съ намѣреніемъ учредить постоянную миссію и въ Тифлисѣ; но узнавъ чрезъ Авита-Боли, что тутъ могутъ встрѣтиться непріятности со стороны народа и приходскаго духовенства, пропаганда приказала миссіонерамъ пріостановиться и обращать виды свои на армянъ по одиночкѣ, дѣйствуя личными, индивидуальными совращеніями; обязала ихъ заниматься медициною, дозволила совершать литургію во всякомъ облаченіи, разрѣшать кающихся отъ всѣхъ грѣховъ, переодѣваться въ разныя платья, держать лошадей и слугъ, имѣть рабовъ, заниматься торговлею, а также давать и брать деньги въ ростъ. Однимъ словомъ, пропаганда хотѣла, чтобы ея миссіонеры приняли хотя внѣшнимъ образомъ всю пышность и всѣ пороки страны и людей, на которыхъ нужно было дѣйствовать, а потому и слѣдовало прежде съ ними сблизиться ихъ обычаями и даже слабостями; просить милостыню и ходить босыми, по правиламъ ордена, капуцинамъ было положительно запрещено. Въ теченіе почти 80 лѣтъ они имѣли въ Тифлисѣ только одинъ домъ для жилища и тайнаго богослуженія; въ народѣ они извѣстны были какъ врачи царскіе и вельможъ. Услуживая и

угождая сильнымъ грузинамъ, они постепенно пріобрѣтали ихъ расположеніе и были ими покровительствуемы; а между тѣмъ, оказывая готовность быть полезными и простому народу, леча и снабжая лекарствами безденежно, они не забывали своего настоящаго предназначенія, старались привлекать въ свою вѣру армянъ, проповѣдывали имъ ученіе христіанское по правиламъ римской церкви, вселяли мало по малу въ умы этихъ невѣждъ мысль, что церковь римская есть единая православная и единая непогрѣшительная, и что внѣ ея нѣтъ спасенія; а въ то же время внушали имъ, что каждый, принявшій римское вѣроисповѣданіе, дѣлаясь православнымъ, не зависитъ уже болѣе отъ своихъ соотчичей. Этими средствами миссіонеры достигли того, что основали постоянныя миссіи въ Кутаисѣ въ концѣ XVII вѣка, а въ Ахалцыхѣ—около половины XVIII. При царѣ Теймуразѣ капуцины вступили въ близкія связи съ домомъ князей Орбеліановыхъ и особенно съ княземъ Сулханомъ, которому помогали въ изданіи грузинскаго словаря. Такими услугами они пріобрѣли особенное покровительство знатныхъ и при Иракліи получили дозволеніе имѣть въ Тифлисѣ каплицу. Достигнувъ такимъ образомъ довѣрія, капуцины чрезъ друзей своихъ вошли въ сношенія съ католикосомъ Антоніемъ. Глава церкви грузинской сдѣлался ихъ могущественнымъ другомъ и даже подозрѣвался въ приверженности къ римской церкви. Царь Ираклій изгналъ этого духовнаго сановника въ Россію и удержалъ тѣмъ въ православной вѣрѣ нѣсколько грузинскихъ фамилій, принявшихъ было католицизмъ. Вѣковымъ трудомъ римскіе миссіонеры успѣли хотя немного въ дѣлѣ со-

вращенія: латынская вѣра, если не была значительно распространена, то прочно утверждена въ Грузіи.

Императрица Екатерина, не допуская въ своей имперіи самоуправства Рима, еще менѣе могла терпѣть явную, открытую латынскую пропаганду и духовенство, не только исключительно зависѣвшее отъ заграничной власти, но и посылаемое съ единственною цѣлію совращеній изъ другихъ вѣръ. Потому главною ея заботою по духовному управленію армяно-католиковъ было освободить исповѣдниковъ этой вѣры отъ чужестранныхъ духовныхъ, доставить имъ образованныхъ священниковъ изъ ихъ же единоплеменниковъ армянъ, подданныхъ Россіи. Въ этихъ видахъ императрица подчинила въ 1784 году армяно-католиковъ своей имперіи въ духовномъ отношеніи архіепископу могилевскому и поручила ему озаботиться открытіемъ школъ для образованія армяно-католиковъ по догматамъ ихъ вѣры, а между тѣмъ отправить нѣсколькихъ армянъ въ городъ Львовъ для обученія въ тамошнемъ армянскомъ училищѣ [1]. Эта послѣдняя мѣра одобрялась и римскимъ дворомъ [2], конечно потому, что не обѣщала

(1) Полн. собр. зак. т. XXII, № 15943.

(2) Въ представленной нашему министерству 20 февраля 1784 года нотѣ нунцій говоритъ: «Les Arméniens catholiques surtout, qui viennent en nombre considérable chercher le bonheur de vivre sous la domination de Sa Majesté Imperiale, dans la juste confiance de pouvoir se livrer à l'exercice paisible de leur religion, demandent à monseigneur l'archevêque des prêtres de leur rite et communion. Le saint-père se croira toujours fort heureux de pouvoir seconder les vues salutaires de l'Imperatrice, et si monseigneur l'archevêque, avec la permission de Sa Majesté Imperiale, juge à propos d'envoyer au collége de Léopol quelque jeune Arménien, sujet de Russie, qui se destine à l'état

скораго успѣха, ибо предполагалось содержать въ львовской коллегіи не болѣе двухъ армянъ; значитъ, миссіонеры этимъ способомъ никогда не могли бы быть замѣнены ни въ Астрахани, ни въ Грузіи природными армянами. Подчиненіе же армяно-католическихъ церквей архіепископу могилевскому полагало конецъ владычеству пропаганды, не смотря на то, что это подчиненіе не было полнымъ, ибо по римскимъ постановленіямъ посвящать въ священническій санъ армяно-католиковъ можетъ только епископъ ихъ обряда, а не римско-католическій, а такъ какъ армяно-католическаго епископа въ Россіи не было, то и слѣдовало прибѣгать къ львовскому, то есть, иноземному, и нерѣдко встрѣчать затрудненія и недоброжелательство. Какъ бы то ни было, зависимость латынскаго духовенства въ Грузіи отъ пропаганды, власти чуждой, была прекращена; Сестренцевичь далъ письменное предписаніе католическимъ священникамъ въ Грузіи не осмѣливаться подчиняться пропагандѣ. Съ этимъ вмѣстѣ должны были кончиться совращенія; а только для нихъ и находились миссіонеры въ Грузіи. Пропаганда встревожилась; Римъ вступился за пропаганду; 19 іюля 1785 года папа пригласилъ къ себѣ князя Юсупова и сказалъ, что Сестренцевичь не долженъ пользоваться своею властію надъ духовенствомъ ар-

ecclésiastique, pour y être élevé aux frais du saint-siége, sa sainteté se fera une gloire de contribuer par là à procurer, avec le temps, des ministres nés sujets de Sa Majesté pour les églises catholiques arméniennes. Pour remplir cet objet, sa sainteté vient d'obtenir de Sa Majesté l'Empereur une declaration portée au recteur du collége du saint-siége à Léopol pour y recevoir de jeunes pensionnaires arméniens de nation». (Моск. арх. м. и. д.).

мяно-католическимъ, у котораго есть свои епископы, но о пропагандѣ и ея миссіонерахъ умолчалъ. Кардиналъ Аркети, съ которымъ Юсуповъ совѣтывался по этому дѣлу, предложилъ ему хлопотать объ учрежденіи въ Россіи армяно-католическаго епископства и тѣмъ избавить духовенство этого обряда отъ зависимости иноземныхъ епископовъ (¹). Но этотъ совѣтъ, какъ и наставленіе папы, не были приняты императрицею; Сестренцевичь остался при своей власти надъ армяно-католическимъ духовенствомъ, хотя и встрѣчалъ постоянно различныя препоны отъ львовскаго армяно-католическаго архіепископа въ рукоположеніяхъ, что однако нисколько не мѣшало армяно-католикамъ въ исполненіи духовныхъ ихъ требъ, ибо, хотя съ трудомъ, но всегда можно было доставлять имъ священниковъ, не смотря на намѣренныя препятствія. Этимъ способомъ устранены были два неудобства: открытый прозелитизмъ католическихъ миссіонеровъ въ государствѣ православномъ и ненужное увеличеніе въ Россіи латынской іерархіи, которая своею внѣшнею помпою исполняетъ ту же роль пропаганды. Извѣстіе объ этихъ распоряженіяхъ дошло до Рима именно въ то время, когда князь Юсуповъ хлопоталъ тамъ о возведеніи Сестренцевича въ кардинальское достоинство, и было одною изъ главнѣйшихъ причинъ неуспѣха миссіи: государственному долгу Сестренцевичь пожертвовалъ кардинальствомъ.

Въ новоприсоединенныхъ отъ Польши областяхъ большинство народонаселенія было не католическое, а уніатскаго обряда, силою отторгнутое отъ право-

(¹) Моск. арх. м. и. д.

славія, и православное, оставшееся въ вѣрѣ своихъ предковъ, не смотря на всѣ гоненія. Народъ этотъ, тѣснимый католическимъ духовенствомъ и польскимъ правительствомъ, въ теченіе вѣковъ искалъ и ожидалъ помощи единственно отъ единовѣрной и единоплеменной Россіи. Политическія обстоятельства часто мѣшали русскимъ государямъ вступаться дѣятельно за православныхъ мучениковъ Литвы; но при всякой возможности русское правительство за нихъ ходатайствовало. Іоаннъ III упрекалъ великаго князя литовскаго Александра за то, что онъ *нудилъ Русь къ римскому закону*, настроилъ множество *божницъ* этого закона во многихъ русскихъ городахъ, и что латынское духовенство насиліемъ обращаетъ въ свою вѣру православныхъ (¹). Царевна Софія, понимая всю пользу, которую могла пріобрѣсти Польша отъ союза съ Россіею, въ то время, когда ей угрожали турки, настояла, чтобы въ заключенномъ съ этимъ государствомъ 6 мая 1686 года мирномъ трактатѣ въ Москвѣ включено было условіе о свободномъ исповѣданіи православными жителями Польши ихъ вѣры. Но договоры, ходатайства и напоминанія обѣщаній мало имѣли вѣса: противъ католическаго изувѣрства нужно было выставить силу, а это было тогда несвоевременно. Напрасно резиденты наши въ Варшавѣ вступались за литовскихъ православныхъ, ссылались на договоры; имъ отвѣчали, что «государямъ московскимъ въ ихъ государ-

(¹) Сборникъ *Муханова* № 71. Самую войну Іоанна Ш съ Александромъ Герберштейнъ объясняетъ тѣмъ, что для Елены Іоанновны не устроено было, какъ слѣдовало по брачному условію, домовой православной церкви, не даны были въ свиту ея женщины греческой вѣры. (*Старчевскій*. т. I. стр. 9).

ствѣ росправлять неприлично, будто они уже невольники; а по ихъ де праву и самъ король и послѣднему шляхтичу не можетъ ничего въ противность указать, и всякой де шляхтичь въ добрахъ своихъ воленъ, и належатъ де уніяты по духовности до Риму» ([1]). По трактату, заключенному царевною Софіею съ Польшею, должны были остаться въ Литвѣ четыре православныя епископства: луцкое, перемышльское, львовское и бѣлорусское (первоначально въ Литвѣ было девять православныхъ епископствъ); но въ противность этому договору, въ царствованіе императора Петра I, православнымъ оставлено одно только бѣлорусское епископство, а три остальныя епископства отданы уніатамъ, и бóльшая часть ихъ монастырей и церквей, а также и прихожане обращены насильно въ унію. Петръ вступился за православныхъ въ Литвѣ, но къ сожалѣнію, безъ настойчивости, требуемой глубокимъ убѣжденіемъ; ему Августъ II былъ одолженъ польскою короною; войска его еще не вышли изъ Польши, когда были двинуты противъ шведовъ, значитъ, голосъ русскаго императора долженъ былъ имѣть вѣсъ, и однакожь его ходатайство не имѣло никакого успѣха. Позднѣе въ граматѣ къ польскому королю отъ 9 марта 1718 года Петръ писалъ, что всѣ ходатайства его въ пользу православныхъ не уважаются, что, противъ трактата, православныя епархіи обращены въ уніатскія, что силою присоединяютъ въ унію противно всенароднымъ правамъ, «ибо совѣсть человѣческая единому Богу токмо подлежитъ, и никакому государю не позволено оную силою въ другую вѣру

([1]) Моск. арх. м. и. д.

принуждать», и что наконецъ онъ проситъ дозволить православнымъ оставаться при ихъ вѣрѣ и не обращать ихъ насильно въ унію. Въ 1720 году государь повторилъ то же ходатайство, и въ этомъ году Августъ II издалъ привиллегію о свободномъ отправленіи православными ихъ богослуженія. Но повелѣнія польскихъ королей рѣдко исполнялись, православные подвергались прежнему гнету, и Петръ, объявившій себя послѣ ништадтскаго мира покровителемъ православныхъ въ Литвѣ, рѣшился обратиться къ самому папѣ. Пользуясь проѣздомъ изъ Китая въ Италію черезъ Россію іезуита Пріамо, графъ Головкинъ, по волѣ государя, отправилъ съ нимъ въ 1722 году письмо къ кардиналу Спинолѣ, въ которомъ, описывая всѣ муки, претерпѣваемыя православными въ Литвѣ отъ католиковъ, просилъ унять польское католическое духовенство, обратить вниманіе на то, что поляки обязались трактатомъ не угнетать православныхъ, и преслѣдуютъ ихъ, тогда какъ русскій императоръ, никакимъ договоромъ въ пользу католиковъ не обязанный, дозволяетъ имъ однако строить въ своей имперіи костелы и отправлять въ нихъ свободно латинское богослуженіе; въ заключеніе графъ Головкинъ прибавилъ, что ежели это справедливое ходатайство уважено не будетъ, то государь, противъ своего желанія, будетъ принужденъ запретить римскимъ священникамъ отправленіе католической вѣры въ Россіи. Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ отдана была іезуиту Пріамо, для представленія римскому двору, краткая записка о послѣдне-полученныхъ отъ резидента нашего въ Варшавѣ князя Долгорукова и бѣлорусскаго православнаго епископа князя Четвертинскаго свѣдѣ-

ніяхъ о гоненіяхъ на православныхъ въ Литвѣ. Въ этой запискѣ папа долженъ былъ прочесть такіе факты: православныхъ священниковъ, не соглашавшихся принять унію, сажали въ темницы, связывали веревками, сѣкли розгами, привязывали нагими къ кольямъ, отсѣкали руки и ноги; іезуиты дѣлали набѣги на православные монастыри, чтобы отобрать изъ нихъ чтимыя народомъ иконы, разгоняли похоронныя процессіи по православному обряду, ломали свѣчи и кресты. Такія раздирающія сердце угнетенія не смягчили христіанскаго Рима: папа ограничился собираніемъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, разныхъ по этому предмету свѣдѣній и справокъ, то отъ нунція своего въ Варшавѣ, то отъ польскаго правительства, подъ предлогомъ, что первыя справки не довольно полны, и все только для того, чтобы протянуть дѣло и ничего не сдѣлать; возражать же противъ вѣрности представленныхъ ему фактовъ онъ не могъ, потому что они были истинны ([1]). Послѣ Петра почти всѣ русскіе государи заступались за православныхъ литовскихъ: Екатерина I, Анна Іоанновна, Елизавета Петровна, Петръ III, убѣждали польскихъ королей и сеймы прекратить постыдныя гоненія, но все было напрасно. Православные мученики предоставлены были самимъ себѣ: защищались терпѣніемъ, вѣрою, усиленіемъ духовнаго просвѣщенія, въ особенности со времени открытія кіевской академіи, и братствами, заслуги которыхъ въ этой кровавой религіозной борьбѣ неисчислимы. Совершеннымъ спокойствіемъ въ дѣлѣ вѣры и безопасностію отправленія богослуженія пользо-

([1]) Моск. арх. м. и. д.

вались только страны, присоединенныя къ Россіи: Малороссія, гдѣ не осталось и слѣда уніи и католицизма, и русскіе города, отторгнутые отъ Польши въ XVII вѣкѣ, о которыхъ въ концѣ этого столѣтія читаемъ: «въ сихъ пограничныхъ уступленныхъ мѣстахъ живали римскія вѣры немногіе люди, а нынѣ въ тѣхъ мѣстахъ римской вѣры людей нѣтъ»; въ царствованіе Петра было нѣсколько католиковъ въ Смоленскѣ, но такъ мало, что не имѣли они тамъ ни церкви, ни священника, а для отправленія богослуженія пріѣзжалъ къ нимъ по временамъ ксендзъ изъ Москвы ([1]). Изъ этихъ пограничныхъ съ Польшею, принадлежавшихъ уже Россіи областей, русское правительство получало подробныя свѣдѣнія о положеніи православныхъ въ Литвѣ.

Дѣятельное участіе въ судьбахъ православныхъ литовцевъ начала принимать Россія только въ царствованіе Екатерины. Съ самаго вступленія своего на престолъ эта государыня обратила особенное вниманіе на единовѣрцевъ нашихъ въ Литвѣ, на ихъ вѣковыя мученія, и съ помощію правительствъ государствъ протестантскихъ, вступившихся за диссидентовъ той же религіи, достигла на дѣлѣ огражденія вѣры и совѣсти православныхъ отъ необузданности фанатизма. Притѣсненія православныхъ, начавшіяся съ появленія въ Литвѣ католицизма, усилившіяся особенно со времени введенія уніи, стали съ 1717 года принимать такіе размѣры, что во второй половинѣ XVIII столѣтія православнымъ запрещено было не только строить, но и поправлять ихъ церкви; они лишены были не только представи-

([1]) Моск. арх. м. и. д.

телей на сеймахъ, но и права занимать какія бы то ни было должности; цензура православныхъ книгъ зависѣла отъ католиковъ; заставляли православныхъ платить десятину ксендзамъ, а священниковъ—разные поборы, участвовать въ католическихъ процессіяхъ, подчиняться католическому суду; епархіи, монастыри, семинаріи и училища православные упразднялись силою. Знаменитый бѣлорусскій епископъ Георгій Конискій былъ ходатаемъ у императрицы за литовскихъ православныхъ; коллегія иностранныхъ дѣлъ мало благопріятствовала его представленіямъ, отсылала ихъ на заключеніе уніатскихъ епископовъ, медлила, отлагала разрѣшеніе многихъ вопросовъ до времени и т. п. (1). Екатерина смотрѣла на дѣло вѣрнѣе: вѣковый опытъ доказалъ, что дипломатическія ноты недостаточны въ сношеніяхъ съ Польшею, по безсилію королевской власти, а убѣжденія и просьбы, какъ бы онѣ ни были уважительны, недѣйствительны надъ католическимъ духовенствомъ тамъ, гдѣ оно преобладаетъ. Узнавъ о просьбахъ диссидентовъ объ облегченіи ихъ участи, папа Климентъ XIII убѣдительно увѣщевалъ Станислава-Августа ничего не дѣлать въ ихъ пользу (2), а когда стало уже ясно, что положеніе ихъ должно улучшиться, передъ самымъ открытіемъ сейма, которому предстояло заняться дѣлами диссидентовъ, послалъ къ нему ожесточенную грамату, говоря въ ней, что

(1) Въ Моск. архивѣ м. и. д. находится рукопись, въ которой изложены просьбы Конискаго, заключенія министерства и резолюціи государыни по нѣкоторымъ изъ нихъ. Года на ней не означено, но несомнѣнно, что она предшествовала сейму 1768 года.

(2) Подлинная грамата на пергаменѣ отъ 18 апрѣля 1767 г. находится въ Моск. арх. м. и. д.

если онъ допуститъ какія-либо льготы въ пользу некатоликовъ, то впуститъ волковъ въ стадо Христово, запятнаетъ свое имя, что царствованіе его будетъ считаться эпохою упадка католицизма, когда уничтожены спасительныя для церкви ограниченія правъ иновѣрцевъ, достигнутыя съ трудомъ въ продолженіе многихъ вѣковъ; стращалъ его судомъ Божіимъ, судомъ потомства, и ставилъ наконецъ такой вопросъ: хочешь ли быть со Христомъ, или противъ Христа, который сказалъ: «кто не со Мною,—противъ меня» ([1]). Такимъ образомъ, не ожидая ничего отъ естественнаго чувства справедливости, не видя вовсе христіанскаго милосердія со стороны главы католическаго христіанства, Екатерина употребила въ помощь литовскимъ православнымъ единственное средство, коимъ ей осталось располагать: князь Рѣпнинъ занялъ своимъ корпусомъ Варшаву, и въ началѣ 1768 года польскій сеймъ отмѣнилъ всѣ узаконенныя съ 1717 года стѣсненія совѣсти православныхъ, дозволилъ имъ строить и исправлять церкви, заводить семинаріи и училища, освободилъ православныхъ священниковъ отъ разныхъ поборовъ, отъ подсудности уніатскимъ епископамъ, допустилъ православныхъ до занятія общественныхъ должностей, обезпечилъ имъ свободу богослуженія по ихъ обрядамъ и запретилъ насильственныя обращенія въ унію. Императрицѣ предоставлено право оберегать преимущества православныхъ. Съ этого времени Екатерина вмѣшивается въ дѣла Польши, участвуетъ въ раздѣлахъ этого государства и довершаетъ

([1]) Списокъ съ папскаго бреве, коего подлинникъ въ томъ же архивѣ, см. въ приложеніи 6-мъ.

его уничтоженіе. Понятна ненависть, которою исполнены поляки къ имени этой государыни; несомнѣнно и то, что впослѣдствіи защита православныхъ, въ числѣ другихъ не исполненныхъ со стороны Польши условій, служила ей поводомъ къ достиженію цѣлей. Но кто же доставилъ эти поводы? кто принудилъ посылкою войскъ обезпечивать въ концѣ XVIII вѣка самыя естественныя первоначальныя права совѣсти, какъ напримѣръ, молиться по своему обряду и въ своей церкви? Сосѣдней могущественной государынѣ было бы преступно не внять мольбамъ угнетенныхъ единовѣрцевъ, а помочь имъ, защитить отъ фанатизма могла она только, какъ научилъ опытъ, выставивъ цѣлую армію. Фанатизмъ, въ числѣ другихъ внутреннихъ неустройствъ, сгубилъ Польшу, а Екатерина была только орудіемъ этой гибели, по видамъ политическимъ, для спокойствія своей имперіи. Утвержденныя конституціею 1768 года права православныхъ подтверждены были въ 1772 году, но снова нарушались и ограничивались: такъ имъ не дозволялось хоронить умершихъ въ то время, когда была служба въ костелахъ, запрещалось звонить въ колокола и т. п. Всѣ эти притѣсненія окончились только съ возсоединеніемъ западнаго края съ Россіей; тогда исполнились вѣковыя желанія и надежды православныхъ литовцевъ и совращенныхъ изъ православія уніатовъ, видѣвшихъ все спасеніе свое въ Россіи.

Предоставляя полную свободу вѣры католикамъ, учреждая для нихъ епархіи, устраивая и улучшая ихъ духовенство, Екатерина, и по чувству справедливости, и по долгу единовѣрности и единоплеменности, еще болѣе должна была заботиться о пра-

вославныхъ и бывшихъ православныхъ подданныхъ своихъ въ западной Россіи, и дѣйствительно добросовѣстно исполнила этотъ долгъ. По мѣрѣ присоединенія къ Россіи польскихъ провинцій, открывались въ нихъ намѣренно упраздненныя католическимъ фанатизмомъ православныя каѳедры, учреждались семинаріи и училища, доставлялось приличное содержаніе духовенству: православные, не смотря на всѣ гоненія сохранившіе въ чистотѣ свою вѣру, наконецъ вознаграждены были за свое вѣковое терпѣніе и могли молиться, жить и умирать безбоязненно и открыто въ своемъ исповѣданіи.

Не меньшія вниманіе и заботливость обращены были на уніатовъ, остававшихся по прежнему въ ложномъ положеніи людей, принадлежащихъ по догматамъ къ одной, а по обрядамъ къ другой вѣрѣ. Духовенство уніатское не только не способствовало рѣшительному и открытому слiянiю своей паствы съ римскою церковію, которое было конечною цѣлію введенія уніи и въ теченіе двухъ вѣковъ могло бы и быть достигнутымъ, но поддерживало это переходное, анормальное состояніе. Причина тому была въ самомъ составѣ этого духовенства, въ рѣзкомъ раздѣленіи сословія монашескаго отъ бѣлаго духовенства: одно тянуло на сторону католицизма, другое ревностно поддерживало народъ въ православныхъ преданіяхъ и не допускало его окатоличиться.

Въ уніатской церкви, какъ и въ православной, былъ только одинъ монашескій орденъ, учрежденный по уставу св. Василія великаго, и называвшійся потому базиліанскимъ. Но орденъ этотъ сохранилъ изъ своего первоначальнаго учрежденія одно названіе; направленіе же и устройство принялъ чисто

римскія. Начало такому устройству ордена положено было іезуитами. Вскорѣ послѣ того, какъ возникла унія, іезуитскій генералъ Аквавива исходатайствовалъ въ 1613 году у папы Павла V общее для всѣхъ членовъ ихъ сословія дозволеніе вступать въ базиліанскій орденъ, не требуя особаго разрѣшенія. Проникнувъ въ уніатское монашество, іезуиты передѣлали его по своему. Въ началѣ XVII столѣтія Іосифъ Вельяминъ Рутскій, поступивъ на уніатскую митрополію, созвалъ въ 1617 году архимандритовъ и монастырскихъ настоятелей и предложилъ имъ: учредить въ одномъ монастырѣ новиціатъ (какъ въ монастыряхъ латынскихъ), въ другомъ школу для латынскихъ наукъ (чтобы приблизить восточное монашество къ римскому воспитаніемъ), и наконецъ принять образъ управленія орденомъ, схожій съ латынскими монашескими орденами, то есть, избирать себѣ на четыре года начальника, который бы завѣдывалъ всѣми ихъ монастырями, приводилъ бы монашествующихъ въ единообразіе въ отношеніи церковныхъ правилъ, одежды и богослуженія (другими словами, чтобы вводилъ между базиліанами правила и обряды римскихъ орденовъ). Этотъ начальникъ монаховъ долженъ былъ находиться въ зависимости отъ митрополита; но мѣстные епархіальные архіереи не имѣли права вмѣшиваться въ управленіе монастырями. Итакъ, избраніе провинціала, заведеніе новиціата, неподчиненность монаховъ епископамъ,— все это было чисто римское учрежденіе, разнствовало же съ нимъ только въ томъ, что базиліанскій провинціалъ поставленъ былъ подъ начальство митрополита. Римская конгрегація *о распространеніи вѣры* нашла, разумѣется, этотъ планъ митрополита

Рутскаго весьма полезнымъ (рѣшеніе 4 октября 1624 года), а папа Урбанъ VIII утвердилъ его 10 августа 1631 года. — Когда впослѣдствіи базиліанскій орденъ сдѣлался гораздо многочисленнѣе, то папа Бенедиктъ XIV, раздѣливъ его въ 1744 ([1]) году на двѣ провинціи—литовскую и русскую, предписалъ базиліанамъ, кромѣ провинціаловъ, выбирать каждыя восемь лѣтъ главнаго начальника или генерала ордена, съ званіемъ протоархимандрита, неизвѣстнымъ въ восточной Церкви; состоя въ тѣхъ же отношеніяхъ къ митрополиту, какъ прежній провинціалъ, онъ подлежалъ высшему завѣдыванію папской нунціатуры въ Варшавѣ.

Устроившись такимъ образомъ, базиліане завели училища, воспитаніе въ коихъ мало различествовало отъ школъ іезуитскихъ, посылали своихъ воспитанниковъ для окончанія наукъ въ разныя папскія коллегіи—въ Римъ, Ольмюцъ, Брунебергъ и Вильну. По уничтоженіи іезуитскаго ордена, базиліане, какъ-бы законные ихъ наслѣдники, увеличили число своихъ училищъ, пріобрѣли себѣ значительныя имѣнія, размножили до крайности число своихъ монастырей, и всѣ эти средства употребили для искорененія уніи, въ которой они числились только по имени и по одеждѣ. Въ сущности же этотъ орденъ сдѣлался чисто римскимъ ([1]), презиралъ своихъ уніатскихъ собратій и оттого пользовался особымъ уваженіемъ и сочувствіемъ латынскаго духовенства, которое при-

([1]) Булла: «Inter plures jucunditatis fructus»...

([2]) Еще въ 1685 г. уніатскіе епископы жаловались Риму, что базиліане отказываютъ въ повиновеніи епископамъ и вводятъ въ своихъ монастыряхъ латынскіе обряды. (*Theiner*, Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae. t. 3. p. 695).

няло его, такъ сказать, въ свою среду, удѣлило ему свои права и привиллегіи, однимъ словомъ, не гнушалось обходиться съ нимъ, какъ равный съ равнымъ. Поэтому именно базиліане должны были раздѣлить судьбы господствовавшаго духовенства: когда въ концѣ прошлаго вѣка общественное мнѣніе въ Польшѣ такъ ярко выразилось противъ любостяжательности, самопроизвола и пороковъ латынскаго духовенства, оно равно распространилось и на базиліанъ; тогда этотъ орденъ, въ постоянномъ безпокойствѣ за свои богатства, права, а можетъ быть, и существованіе, всячески сталъ стараться обезпечить свою будущность, заставить утвердить за нимъ то, что̀ онъ имѣлъ, и то, чѣмъ былъ, и обращался съ этими ходатайствами и къ королю, и къ сеймамъ, и къ папѣ. Въ 1775 году онъ получилъ желаемое подтвержденіе отъ сейма; въ римскомъ дворѣ онъ не могъ сомнѣваться, ибо былъ всегда его послушнымъ и вѣрнымъ орудіемъ, его агентомъ, пользовался особою его благосконностію и чрезъ своего орденскаго генерала былъ въ прямыхъ съ нимъ сношеніяхъ: папа Пій VI обратился въ 1785 году съ убѣдительною просьбою къ польскому королю, чтобы онъ защитилъ на предстоящемъ сеймѣ этотъ орденъ, особенно покровительствуемый Римомъ за его ревность въ дѣлѣ уніи (¹), и не допустилъ бы, чтобы онъ рушился подъ накопившеюся на него ненавистью (²); ту же просьбу повторилъ онъ въ 1786 году (³). Но ежели

(¹) «Nos eandem congregationem pro suo sanctae unionis studio plurima benevolentia prosequamur». (Подлинникъ на пергаменѣ въ Моск. арх. м. и. д.).

(²) «non permittas illam Ruthenorum congregationem in futuris comitiis adversantium odiis succumbere». (Тамъ же).

(³) Подлинникъ въ Моск. арх. м. и. д.

базиліане заслужили ненависть поляковъ, то съ несравненно бо́льшимъ правомъ пользовались ею со стороны бѣлаго уніатскаго духовенства и народа этого обряда. На уніатскихъ священниковъ смотрѣли они съ презрѣніемъ, какъ на нищихъ и невѣждъ, а между тѣмъ сами были виноваты въ томъ, что они были бѣдны и необразованы; имѣя въ своихъ рукахъ епископовъ, знавшихъ силу этого ордена въ Римѣ и потому дорожившихъ имъ, они завладѣли всѣми важными духовными должностями, какъ въ консисторіяхъ, такъ и по приходамъ, и пользуясь своею властію, поотобрали у бѣлаго духовенства лучшіе фундуши, какъ церковные, такъ и назначенные на содержаніе школъ и семинарій, лишили его всѣхъ средствъ и всякаго воспитанія, такъ что бѣлое духовенство состояло изъ бѣдняковъ, вышедшихъ изъ простаго народа, дѣти священниковъ обращены были въ мѣщане, а потомъ уже и просто въ крестьяне ([1]). Базиліане обращались съ бѣлымъ духовенствомъ, какъ-бы съ своими подданными: священниковъ вязали, били и унижали всѣми способами ([2]). Самоуправство базиліанъ надъ приходскимъ

([1]) Конституціею 1764 года дозволено было польскимъ помѣщикамъ укрѣплять себѣ дѣтей бѣлаго уніатскаго духовенства, если кто изъ нихъ до пятнадцати лѣтъ не изберетъ себѣ рода жизни.

([2]) Вотъ что говоритъ о базиліанахъ одинъ польскій писатель, котораго, конечно, нельзя упрекнуть въ недостаткѣ ревности къ правамъ католическаго духовенства: «Duchowieństwo świeckie (unickie) czulo od wielu lat żelazna rózge biskupów nad sobą, którzy czyniác bazylianów w consystorzach swych officjalami, taką ich uzbrajali moça, że kaplani parafialni, nawet najzasluseńsi plebani, i ozdobieni krzyźami od metropolity, lub urzedem dziekanów zaszczyceni, nieinaczej od nich uważani byli, jak wlaśni poddani. Zgroza jest wspomnieć, z jaką

духовенствомъ дошло до того, что наконецъ самъ Римъ, столь приверженный къ базиліанамъ, заступился за уніатскихъ священниковъ, конечно не по симпатіи къ нимъ, но потому, чтобы уже вовсе не отчуждить отъ католицизма ихъ, а съ ними и народъ, который ихъ любилъ, ибо какъ ни бѣдно и невѣжественно было это духовенство, но оно значительно превосходило базиліанскихъ монаховъ числомъ, въ его вѣдѣніи находились церкви, которыхъ было, разумѣется, гораздо болѣе, чѣмъ монастырей, и вліяніе его на народонаселеніе уніатское было несомнѣнное. Всѣ эти соображенія понудили папу Бенедикта XIV обратиться въ 1753 году съ посланіемъ къ митрополиту и епископамъ уніатскимъ и сознаться въ немъ, что великое зло происходитъ отъ невѣжества бѣлаго духовенства, отъ пренебреженія къ нему, отъ того, что оно не допускается до духовныхъ должностей, предоставленныхъ монахамъ, которые заградили священникамъ всѣ пути къ возвышенію. Поэтому папа и предписывалъ устранить такое неустройство, давать мѣста бѣлымъ священникамъ, и доставивъ цѣль ихъ честолюбію, заставить тѣмъ самымъ быть ревностнѣе. Предписаніе это однако исполнено не было, базиліане остались по прежнему владыками надъ всѣмъ духовенствомъ, все болѣе и

srogościa nie jeden z nich byl karany, więziony, wlóczony i poniewierany. Wzgarda świeckiego presbitera, ze strony ich naczelników bazylianów, tak już byla w owym czasie wygórowana, iz ci nie tylko najlepsze beneficia na swe przerobily klasztory i fundusze alumnatu i seminarjów, dla educacji dzieci popów založony, do siebie zagarnęli, a przeto wszelkiej je pozbawili educacji, ale caly kler z prostych, nieumiejętnych i z niskiego urodzenia zložyli kaplanów». (Zbiór wiadomości o kościele i religii katolickiej w cesarstwie Rossyjskiem. pag. 108).

болѣе угождали Риму и къ концу XVIII вѣка сдѣлались орденомъ столь же латынскимъ, какъ и всѣ другія латынскія монашескія сословія, такъ что въ орденъ поступали уже природные католики и поляки, которыхъ и было въ немъ болѣе, чѣмъ уніатовъ. Въ санъ же епископовъ избирались обыкновенно монахи базиліане, то есть, католики ([1]); такимъ образомъ все управленіе уніатскою церковью было въ рукахъ католиковъ. Послѣ этого, понятна ненависть, которою исполнено было къ базиліанамъ бѣлое уніатское духовенство: имъ оно обязано было своимъ униженіемъ, своею нищетою, почитало ихъ, и по справедливости, отщепенцами уніатской церкви, стремившимися къ ея уничтоженію, и если молчало, то только потому, что было безсильно противъ могущественнаго ордена, поддерживаемаго богатствомъ, правами, католическимъ духовенствомъ и польскимъ правительствомъ. На сторонѣ бѣлаго духовенства былъ народъ, но онъ тогда былъ столь же безгласенъ и угнетенъ, какъ и его священники. Въ такомъ распаденіи духовной іерархіи, въ такомъ антагоизмѣ духовенствъ между собою и одной части его съ паствою нашло русское правительство уніатское народонаселеніе при постепенномъ возсоединеніи къ Россіи западныхъ ея областей. Естественно, что

([1]) Въ граматѣ короля польскаго Владислава IV, данной 14 марта 1635 года уніатскимъ митрополитамъ, во время главнаго варшавскаго сейма, сказано: «ручаемся за насъ и пресвѣтлѣйшихъ пріемниковъ нашихъ, что епископствъ и архимандрій никому другому мы и преемники наши не будутъ давать, какъ только заслуженнымъ монахамъ правила св. Василія великаго, пребывающихъ въ соединеніи, которыхъ нынѣшній отецъ митрополитъ уніатовъ и преемники его уніаты представлять намъ и преемникамъ нашимъ будутъ».

этого соединенія желалъ уніатскій народъ, болѣе приверженный къ своимъ православнымъ обрядамъ, чѣмъ къ непонятнымъ для него католическимъ догматамъ, несравненно болѣе русскій по своему нарѣчію, нежели польскій, изъ языка котораго принялъ только немногіе слова и обороты рѣчи; вѣроятно еще съ бо́льшимъ нетерпѣніемъ ожидало спасенія отъ Россіи большинство духовенства этого народа, то есть, все бѣлое духовенство, которое надѣялось освободиться отъ католическихъ угнетеній черезъ посредство православнаго правительства. Одинъ базиліанскій орденъ ничего не могъ выиграть отъ перемѣны власти, а имѣлъ много такихъ преимуществъ, коихъ утрата была бы для него чувствительна; притомъ состоялъ, какъ сказано, по большей части изъ природныхъ поляковъ, значитъ явно былъ враждебенъ Россіи.

Бѣлорусское населеніе, по численности своей, было по преимуществу уніатское и принадлежало къ полоцкому архіепископству, начальникъ котораго, митрополитъ Іассонъ Смогоржевскій, по присоединеніи Бѣлоруссіи къ Россіи, остался въ польскихъ предѣлахъ. Императрица Екатерина учредила для управленія духовенства уніатскаго въ этомъ краѣ особую епархію на тѣхъ же началахъ, на которыхъ устроены были епархіи католическія, то есть, епископу подчинены были вполнѣ какъ бѣлое, такъ и монашествующее духовенство, а въ руководство при управленіи данъ былъ изданный въ 1769 году для петербургскаго костела регламентъ ([1]). Этимъ самымъ упразднилось званіе генерала ордена и сдѣ-

(1) Полн. собр. зак. т. XIX, № 13922.

лались ненужными генеральныя капитульныя его собранія ([1]). Но императрица не торопилась назначеніемъ епископа, ибо уніатскія епископства, какъ мы видѣли и какъ она знала, были не что иное, какъ насиліемъ отнятыя у православныхъ епархіи, для доставленія уніи бо́льшаго блеска, или, другими словами, новаго орудія для ея распространенія между православнымъ народомъ; побужденіе невозможное для православнаго государя. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ епархія эта управлялась консисторіею, къ большому неудовольствію Рима и митрополита Смогоржевскаго, который хотѣлъ изъ Польши править русскими подданными. На жалобы и домогательства по этому предмету римскаго двора императрица такъ отвѣчала въ 1782 году папѣ Пію VI: «Устроенная Нами консисторія управляетъ съ успѣхомъ и къ удовольствію нашему ввѣренною ей паствою, и Мы не находимъ никакой побудительной причины къ отмѣнѣ ея, тѣмъ больше, что и отъ подданныхъ нашихъ сего исповѣданія нѣтъ о томъ никакого прошенія; почему дошедшіе до васъ противные о томъ слухи суть весьма несправедливы» ([2]). Митрополиту же Смогоржевскому объявлено было черезъ бѣлорусскаго генералъ-губернатора графа Чернышова именемъ императрицы, что опредѣленіе архіерея въ епархіи, находящейся въ русской имперіи, «есть единственно дѣло самодержавной власти, слѣдственно заботы и попеченія кого-либо

([1]) Послѣдній генеральный капитулъ базиліанскаго ордена былъ 2 февраля 1772 года въ Брестѣ-Литовскомъ, подъ предсѣдательствомъ луцкаго епископа Сильвестра Рудницкаго.

([2]) Моск. арх. м. и. д. (Lettres de cabinet. Saint-Siège. связка 1).

изъ духовныхъ посторонней державы о праздности сея епархіи, о рукоположеніи священства, и о прочемъ оной управленіи не могутъ здѣсь ни мало быть вмѣстны», и притомъ «какъ можетъ онъ, учинився гражданиномъ и прелатомъ въ другомъ государствѣ, служить вмѣстѣ двумъ разнымъ государямъ» ([1])? Впослѣдствіи, именно въ 1784 году, императрица выбрала сама архіепископа въ полоцкую уніатскую епархію, назначивъ въ сей санъ Ираклія Лисовскаго, и подтвердила вновь, чтобы всѣ монастыри и духовенство состояли въ полной зависимости отъ архіепископа ([2]).

Подчиненіе это не нравилось, разумѣется, базиліанамъ, терявшимъ черезъ то свою католическую отдѣльность; они не только жаловались Риму, но открыто не повиновались епископской власти. Для прекращенія этихъ своевольствъ нѣсколько базиліанскихъ монаховъ высланы были за границу, въ Польшу ([3]), а между тѣмъ находившійся въ 1785 году въ Римѣ князь Юсуповъ выхлопоталъ отъ папы декретъ, по которому базиліане вполнѣ подчинены были архіепискому, а ему дана была власть дѣлать въ продолженіи трехъ лѣтъ всѣ тѣ измѣненія и улучшенія въ монашескомъ сословіи, которыя онъ признаетъ нужнымъ, только чтобы онѣ не были противны постановленіямъ римской церкви ([4]). Достойно замѣчанія, что архіепископъ, которому базиліане отказывали въ послушаніи, былъ монахъ ихъ же ордена,—до такой степени они были проникнуты тѣмъ

([1]) Полн. собр. зак. т. XX, № 15028.
([2]) Тамъ же, т. XXII, № 16122.
([3]) Тамъ же, т. XXIII, № 17168.
([4]) Моск. арх. м. и. д.

духомъ отдѣльности и независимости, который отличаетъ всѣ католическія монашескія сословія.

Но базиліане составляли лишь малую часть уніатскаго народонаселенія. Самый же народъ этого обряда, мучительными притѣсненіями отторгнутый отъ православія, не успѣвъ сдѣлаться католическимъ, свято сохранялъ оставленные ему православные обряды; а пришедши подъ власть русскаго правительства, отъ котораго въ продолженіе двухъ вѣковъ искалъ помощи противъ угнетателей своей совѣсти, не боялся болѣе за свои православныя убѣжденія. Почти все бѣлое духовенство его, близкое къ нему по роду жизни, языку, воспитанію и общимъ гоненіямъ, питало отвращеніе къ католицизму и духовенству этой религіи, постоянно его преслѣдовавшему, и напротивъ того сохранило склонность къ Церкви православной. Религіозное движеніе къ восвріятію православія обозначилось такъ явно въ западномъ краѣ, что даже въ тѣхъ провинціяхъ, которыя еще не были присоединены къ Россіи, народъ спѣшилъ сбросить съ себя унію, такъ что уніатскіе епископы, польскіе подданные, принуждены были увѣщевать свою паству оставаться въ уніи, и обнародовали посланія, въ которыхъ, упрекая дѣлавшихъ различіе между *ляцкой* и *русской* вѣрою, объясняли, что унія и католицизмъ то же самое (1). Не смотря однако на эти внушенія, народъ уніатскій никогда не смѣшивалъ свой обрядъ съ латынскимъ, и по чувствамъ остался гораздо болѣе православнымъ, нежели католическимъ. Присоединенія

(1) Посланіе Стефана Левинскаго, администратора луцкой епархіи, отъ 26 мая 1789 года.

къ православію начинаются съ подчиненіемъ Бѣлоруссіи, то есть, съ того времени, когда можно было безукоризненно называться и быть православнымъ. Ежели обращенія въ вѣру предковъ не были слишкомъ быстры въ этой области, то это приписать должно единственно сильному вліянію тамъ іезуитовъ, безъ которыхъ несомнѣнно народъ не придерживался бы введенной противъ его желанія уніи; такимъ образомъ этотъ орденъ, утвердивъ въ Бѣлоруссіи власть русскаго правительства, лишилъ надолго Россію внутренняго соединенія съ своими одноплеменными единовѣрцами. Но въ южной части западнаго края, гдѣ масса народа успѣла сохранить православіе даже подъ польскимъ владычествомъ, іезуиты твердо основаться не могли, и уніаты, живя между православными, числились въ уніи только по принужденію; а какъ скоро Падолія и Волынія возвращены были Россіи, то жители толпами приходили къ православнымъ священникамъ просить о присоединеніи ихъ изъ уніи. Правительство и Церковь православная конечно не только не препятствовали этому стремленію, но и способствовали къ его осуществленію. Викторъ, архіепископъ изяславскій и брацлавскій, издалъ въ 1794 году съ благословенія Св. Синода слѣдующее посланіе: «Вѣдомо каждому, что въ смутныя времена Россіи, великая часть подданныхъ ея, православную греческую вѣру исповѣдавшихъ, бывъ отторгнута отъ истиннаго тѣла своего подъ иго польское, вскорѣ печальными опытами дознала величайшія въ свободномъ благочестія своего исповѣданіи притѣсненія. Все, что лесть могла только изобрѣтать, употреблено было на совращеніе съ пути истиннаго сыновъ Церкви Хри-

стовой; когда же средства сіи желаемаго не имѣли успѣха, тогда и самыя мучительныя насилія произведены, дабы держащихся православія принудить къ уніи съ латинами. Но судьбы Всевышняго неисповѣдимыя положили предѣлъ терпѣнію и страданію народа сего, въ нѣдрахъ благочестія христіанскаго воспитаннаго, православія же ради отъ поляковъ столь бѣдственно угнетеннаго. Всесильною его десницею исторженъ онъ нынѣ изъ руки чуждой, и возвращенъ подъ кроткій скипетръ истиннаго своего государя. Ея священнѣйшее Величество благочестивѣйшая государыня императрица Екатерина вторая, православной Церкви покровительница, возвративъ подъ державу свою сей единоплеменный народъ и промышляя не только о временномъ, но и о вѣчномъ его благѣ, соизволила установить для паствы сего словеснаго стада священноначаліе и насъ избрать къ таковому служенію. Исполняя долгъ пастыря, коему о спасеніи душъ человѣческихъ ввѣрено неутомимое попеченіе, и совершая волю помазанницы Господней, приглашаемъ мы гласомъ евангельскимъ всѣхъ и каждаго пола и возраста, въ паствѣ нашей обитающихъ, которыхъ праотцы, отцы, или сами они лестію и страхомъ отъ благочестія совращены въ унію съ латинами, возвратиться безбоязненно въ объятія православной восточной Церкви. Никто же да усомнится въ семъ спасительномъ обращеніи страха ради угрозъ, или лживыхъ разглашеній объ отторженіи ихъ отъ обладанія россійскаго, пребывая въ полномъ удостовѣреніи, что власть Всевышняго не попуститъ и никакая рука человѣческая не сильна будетъ отъять ихъ отъ соединенія съ прочими единовѣрными братію ихъ вѣр-

ноподданными Ея Императорскаго Величества. Никто же да убоится властей духовныхъ или мірскихъ римскаго закона, вѣдая, что когда всемилостивѣйшая государыня наша дозволяетъ иновѣрнымъ свободно исповѣдывать законъ, отъ предковъ каждымъ наслѣдованный, то, съ другой, отнюдь не попуститъ, чтобъ кто-либо обращающійся въ вѣру православную, въ имперіи ея господствующую, кольми же паче тѣ, которыхъ предки, или сами они изъ нѣдра благочестія коварно и насильственно исторгнуты, малѣйшія обиды или угнетенія претерпѣли, въ чемъ по волѣ ея монаршей установленныя начальства имѣть будутъ бдѣніе и озлобляемымъ подадутъ руку законныя помощи. Памятуя ученіе Спасителя міра, данное апостоламъ его, внимая наставленіямъ сихъ воли Его исполнителей, взирая на непорочность греко-россійской Церкви, отъ самыхъ временъ Іисуса Христа, святостію ученія и жизни святыхъ оныя Церкви отецъ, прославленныхъ чудесами, и съ благоговѣніемъ исполняя повелѣнія, внушающія святость нашей должности, пастырски увѣщеваемъ васъ: возникните чада Церкви, насладитеся свободою православнаго исповѣданія. Имъ воодушевлены были предки ваши и сами изъ васъ многіе; гоненіе исчезло, престали обуреванія. Прибѣгните во объятія Церкви, матери вашей, да насладитеся тишиною совѣсти, да шествуете путемъ истины, ведущимъ васъ къ состоянію благодати и славы, и да исполняетъ каждый изъ васъ, при исповѣданіи истинъ православныя вѣры, обязательства вѣрности къ государю и государству его, тщательно проходя званіе свое». Ясно, что уніатскій народъ, преданный православію, оставался въ своей смѣшанной вѣрѣ только еще по

побужденію многолѣтняго страха отъ польскихъ помѣщиковъ и католическихъ ксендзовъ, стращавшихъ его даже тѣмъ, что край, въ которомъ онъ жилъ, снова достанется Польшѣ и значитъ онъ пострадаетъ за оставленіе уніи. Когда же правительство и православная Церковь устранили эти вымыслы и ложныя опасенія, то въ теченіе двухъ лѣтъ, съ 1794 по 1796 годъ, почти всѣ уніаты подольской губерніи [1], бо́льшая часть волынской, а также нѣсколько въ минской и Бѣлоруссіи, всего болѣе полутора милліона, приняли православіе [2], въ которое перешло и бѣлое уніатское духовенство этихъ губерній, всегда сочувствовавшее и православной Церкви и народу, за исключеніемъ весьма немногихъ священниковъ; съ ними вмѣстѣ обращены и уніатскія церкви въ православныя [3]. При этомъ не только не было употреблено какого-либо насилія, но даже былъ изданъ и обнародованъ указъ, коимъ именно запрещались всякія подобнаго рода мѣры [4], а священникамъ, пожелавшимъ сохранить уніатское исповѣданіе вѣры, предоставлена полная свобода: или выѣхать за границу, или остаться въ Россіи, и въ

(1) Въ 1795 году въ цѣлой подольской губерніи не оставалось ни одной приходской уніатской церкви, и потому для нѣсколькихъ семействъ уніатовъ въ Каменцѣ-Подольскомъ дозволено было отправлять богослуженіе по ихъ обряду въ костелѣ каменецкихъ кармелитовъ.

(2) Всѣхъ принявшихъ православіе было въ этомъ краѣ 1,572,067 душъ, именно въ губерніяхъ: брацлавской 1,295,471, изяславской 97,598, волынской 48,125, минской 15,879, могилевской 66,005, полоцкой 41,680, да нераздѣльно по двумъ послѣднимъ губерніямъ 7,309.

(3) Указъ Св. Синода 22 апрѣля 1794 года.

(4) Полн. собр. зак. т. XXIII, № 17290.

такомъ случаѣ велѣно производить имъ и ихъ семействамъ ежегодную пенсію (1).

Вновь присоединенные изъ уніи приходы вошли въ составъ православныхъ епархій, потому многіе изъ бывшихъ уніатскихъ епископовъ сдѣлались лишними. Послѣ втораго раздѣла Польши, вошли въ границы русскихъ владѣній уніатскія: митрополія, архіепископство полоцкое, котораго одна часть уже прежде была присоединена къ имперіи съ Бѣлоруссіею, и епархіи пинская, луцкая и брестская. Въ 1795 году епархіи эти, какъ болѣе ненужныя, были упразднены, а немногія ихъ церкви, также монастыри подчинены бѣлорусскому архіепископу Лисовскому, на тѣхъ же основаніяхъ, на коихъ онъ управлялъ прежнею своею епархіею, т. е. съ полнымъ подчиненіемъ ему духовенства и уничтоженіемъ базиліанскаго орденскаго начальства. Митрополиту Ростоцкому и епископамъ: луцкому Левинскому, пинскому Горбацкому, брестскому Млоцкому, а также суффраганамъ митрополита назначены пенсіи: митрополиту 6,000, а епископамъ по 3,000 руб. въ годъ, съ тѣмъ, чтобы Ростоцкій выбралъ себѣ мѣстопребываніемъ или Римъ, въ которомъ онъ былъ воспитанъ, или Петербургъ, но только бы не жилъ въ ново-просоединенныхъ отъ Польши областяхъ. Епископамъ же дозволено или выѣхать за границу, или продолжать жить въ Россіи, а епископскія имѣнія причислены къ казеннымъ (2).

Базиліане, единственные ревнители уніи, потому именно, что были уже не уніаты, а чистые като-

(1) Полн. собр. зак. т. XXIII, № 17384.
(2) Тамъ же, № 17384.

лики, не перешли въ православіе; но многочисленные монастыри ихъ стали совершенно лишними тамъ, гдѣ не было болѣе прихожанъ, а для православія были положительно вредными, потому что цѣлію ихъ ордена сдѣлалось распространять католицизмъ и совращать въ него простой народъ. Поэтому императрица Екатерина, положивъ постепенно ихъ уничтожить, разсмотрѣвъ вѣдомости объ этихъ монастыряхъ, повелѣла закрыть изъ нихъ тѣ, которые, не занимаясь ни просвѣщеніемъ юношества, ни помощію немощнымъ, безполезны для общества, монаховъ размѣстить въ другія обители бѣлорусской епархіи, а въ оставшіеся за тѣмъ монастыри постригать не иначе, какъ съ испрошеніемъ высочайшаго разрѣшенія (1).

«Расторгнувъ такимъ образомъ узы принужденія, угнетавшаго свободу исповѣданія православной вѣры», Екатерина съ полнымъ убѣжденіемъ могла сказать объ уніатахъ: «нѣтъ сомнѣнія, что и прочіе единоплеменные таковому же спасительному примѣру послѣдовать будутъ» (2). Нѣсколько лишнихъ лѣтъ жизни этой государынѣ,—и унія не существовала бы больше, и не потому, что бы правительство уничтожало ее насиліемъ, а потому только, что и по справедливости и по долгу передъ своими православными подданными, оно не хотѣло поддерживать этой искусственной вѣры, которая безъ искусственныхъ подпоръ должна была пасть сама собою.

Дѣйствительно, могъ ли народъ, испытавшій столько мученій за свою стойкость въ православіи, терзаемый и польскими помѣщиками и латынскимъ

(1) Полн. собр. зак. т. XXIII, № 17384.
(2) Тамъ же, № 17618.

духовенствомъ, стоять за вѣроисповѣданіе, навязанное ему насиліемъ тогда, когда вошелъ въ составъ государства, гдѣ господствующая религія есть православная? Могло ли не желать возвратиться къ православной Церкви большинство уніатскаго духовенства, обреченное тѣмъ же католическимъ могуществомъ на нищету, невѣжество и презрѣніе? могло ли оно, находясь всегда между сочувствовавшаго ему народа, не побуждать и его къ тому же? Не новую вѣру принимали они, а возвращались къ той, за которую ихъ праотцы лили кровь, отдавали жизнь. Базиліане составляли какъ-бы секту между уніатскимъ народомъ и духовенствомъ; они одни и остались въ южной части западной Россіи, но уніи не стало въ ней въ теченіе двухъ лѣтъ, и слѣды ея изгладились тамъ до такой степени, что давно нельзя уже отличить древне-православныхъ жителей отъ возсоединенныхъ уніатовъ. Это религіозное движеніе было такъ понятно, такъ естественно, что не только современная Европа, рѣдко благосклонная къ Россіи, не находила въ немъ ничего страннаго, или принужденнаго, но даже въ наше время самые фанатическіе католики иногда сознаются, что симпатія народа, преданность его къ православію, а не сила и власть, разомъ на половину уничтожили число послѣдователей уніатскаго ученія, и что уніатское бѣлое духовенство, имѣя сильное вліяніе на народъ, преимущественно способствовало православнымъ епископамъ къ обращенію уніатовъ ([1]). Значитъ, удивляться ну-

([1]) Авторъ уже упомянутаго нами «Zbiór wiadomości» и пр. на стр. 111 говоритъ: «Okazywala się widoczniejsza ludu prostego sklonność ku połączeniu sie z panującem, niż ku pozostaniu w unijackiem wyznaniu. Ta to scklonność, czy to z daw-

жно не тому, что въ два года полтора милліона перемѣнили унію на православіе, но тому, что послѣ этого почти полвѣка оставалось еще подъ русскою державою столько же людей въ ненормальномъ исповѣданіи, занимавшемъ какую-то неестественную средину между вѣрою, отъ которой оно было отдѣлено, и тою, къ которой было причислено; удивляться слѣдуетъ тому, что смыслъ этого исповѣданія, бытъ и отношеніе къ нему народа, въ него записаннаго, составъ, положеніе и духъ его духовенства, такъ мало извѣстны были образованной Европѣ, что окончательное при имп. Николаѣ уничтоженіе уніи, элементы коей со временъ Екатерины однако нисколько не измѣнились, могло быть ей представлено актомъ одного самовластія, верховнаго произвола, какъ будто въ нашъ вѣкъ вѣра можетъ быть создана, или воспрещена указомъ! Не оставь Екатерина іезуитовъ въ Бѣлоруссіи, проживи она еще нѣсколько лѣтъ, чтобы сократить орденъ базиліанскій, однимъ словомъ, отстрани только русское правительство вмѣшательство, народомъ непрошенное и тягостное какъ для него, такъ и для его духовенства, католицизма духовнаго и свѣтскаго, то есть, ксендзовъ и польскихъ помѣщиковъ,—и унія сдѣлалась бы невозможною. Прямый исходъ уніи былъ, по мысли Рима, католи-

nych wspomnień, czy z zupenego brocku oświaty między ludem i niższém duchowieństwem powstala, najwięcej podobno wplywala na skore i chetliwe przyignięcie ku oglaszanej odmianie. Z niższego duchowieństwa zaledwie, może stu kaplanów, mimo utraconego sposobu życia przez odjęcie im plebanii, przy unii się utrżymalo». Что у оставшихся въ уніи священниковъ отняты были способы существованія, это утвержденіе, какъ видѣли выше, невѣрно, ибо имъ назначена была пенсія. См. также стр. 107—108.

цизмъ; но какъ скоро по этому пути пошли одни базиліане и немногіе ихъ преверженцы, а масса народа съ его духовенствомъ отъ нихъ отдѣлилась, то унія могла только обратиться и придти къ православію; не достигнувъ точки, къ которой ее вели насильственно, она должна была естественно пойти назадъ къ пункту, отъ котораго отправилась; сама же по себѣ унія была состояніемъ переходнымъ, то есть, такимъ, которое рано или поздно должно было уничтожиться. Два вѣка искусственно поддерживалъ унію Римъ, и въ два года (1) не осталось почти слѣда ея въ Подоліи и Волыни; объяснять подобныя явленія однѣми мѣрами административными значило бы приписывать слишкомъ много искусства и проницательности русскому правительству и слишкомъ мало хитрости и умѣнья римскому двору, который однако несомнѣнно дѣйствовалъ систематически, твердо, идя постоянно къ своей цѣли и не упуская ее никогда изъ вида.

Исповѣдники вѣры православной, католической и уніатской жили въ западномъ краѣ по большей части смѣшанно, то есть, обыкновенно въ одномъ и томъ же селеніи или въ селеніяхъ смежныхъ были жители всѣхъ трехъ вѣръ; исключеніе въ этомъ случаѣ составляли: Самогитія и западная часть Литвы, прилежавшая къ королевству польскому, гдѣ, за малыми изъятіями, весь народъ былъ римско-католическаго исповѣданія, и Подоліи, гдѣ, по присоединеніи уніатовъ, большая часть округовъ сдѣлались православными, безъ смѣшенія съ католиками. Въ

(1) Унія введена въ 1596 году, уничтожена въ южной Россіи въ 1794—1796 гг.

западномъ краѣ оставалось еще и немного кальвинистовъ, устоявшихъ противъ іезуитовъ и гоненій польскаго правительства: они разсѣяны были по сѣверной части Самогитіи, на границахъ Курляндіи, и имѣли также церкви въ Вильнѣ и Слуцкѣ. Живя такимъ образомъ, по большей части, вмѣстѣ, обитатели этого края разныхъ христіанскихъ исповѣданій, весьма часто одинаковаго языка и той же народности, вступали въ браки между собою. Этотъ актъ жизни семейной избранъ былъ католическимъ духовенствомъ, какъ новое орудіе для совращенія въ свою вѣру, и орудіе тѣмъ болѣе надежное, что взаимныя склонности, общія хозяйственныя нужды и интересы превозмогаютъ нерѣдко привязанность къ догматамъ вѣры. Католическое духовенство допускало смѣшанные браки не иначе, какъ если иновѣрная сторона приметъ католицизмъ; иначе же такихъ браковъ не благословляло и не допускало. Императрицѣ Екатеринѣ принадлежитъ заслуга уничтоженія столь явнаго угнетенія совѣсти, которое въ особенности было ощутительно по обыкновенности подобныхъ браковъ, вслѣдствіе географическаго размѣщенія народонаселенія разныхъ вѣръ. По заключенному этою государынею въ 1768 году трактату съ Польшею, было постановлено, что смѣшанные браки между католиками, православными, уніатами и кальвинистами никѣмъ не могутъ быть запрещаемы; бракосочетаніе должно быть совершаемо священникомъ той вѣры, къ которой принадлежитъ невѣста; если же католическій священникъ не захотѣлъ благословить такого брака, то онъ можетъ быть совершенъ священникомъ диссидентскимъ; дѣти отъ такихъ браковъ должны быть крещены и воспитываемы:

сыновья въ вѣрѣ отца, а дочери въ вѣрѣ матери, исключая случаевъ, когда брачущіеся дворянскаго сословія совершаютъ поэтому особый предбрачный контрактъ. Постановленія эти были сохранены для жителей западнаго края и по присоединеніи онаго къ Россіи.

Такимъ образомъ, при императрицѣ Екатеринѣ были подняты и отчасти разрѣшены существеннѣйшіе вопросы по управленію римско-католическою церковью. Русское правительство, имѣя впервые дѣло съ организованнымъ, іерархически устроеннымъ католицизмомъ, исповѣдуемымъ многочисленнымъ народонаселеніемъ, дѣйствовало вѣрно, твердо и независимо, какъ-бы правительство, наученное давнишнимъ опытомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что относившіяся до этого предмета постановленія главнѣйшихъ католическихъ державъ, и въ особенности сосѣдней Австріи, могли служить пособіемъ и руководствомъ (¹), но никогда онѣ не употреблялись какъ образецъ, отъ котораго бы считалось невозможнымъ отступить: самое различіе господствующаго вѣроисповѣданія тому препятствовало, да и складъ и интересы Россіи были иные. Распоряжаясь самостоятельно, Екатерина обозначила въ точности всѣ главные предметы по этому управленію, всѣ пункты, въ которыхъ власть правительственная сходится съ духовною, и опредѣлила предѣлы той и другой; многаго не успѣла она сдѣлать, ибо только передъ ея кончиной Россія собрала

(¹) Въ москов. арх. м. и. д. находится въ рукописи сдѣланный во времена Екатерины переводъ на русскій языкъ изданныхъ императоромъ Іосифомъ II постановленій объ управленіи р. к. церковью въ Австріи (IV рубрика. St Siège. связка 1), съ которыми справлялись при производствѣ дѣлъ.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

утраченныя ею нѣкогда области, но почти вездѣ указала на то, что̀ заслуживало наибольшаго вниманія, и научила, какъ дѣлать. Отношенія власти верховной съ папою были опредѣлены ею положительно, и узаконенія ея по этому предмету остались для Россіи тѣмъ, чѣмъ служатъ для Франціи *les maximes des libertés de l' Église gallicane*. Начертанное ею устройство католической іерархіи дало силу и значеніе мѣстной духовной власти, уничтожило произволъ духовенства, и должно было имѣть послѣдствіемъ очищеніе церкви отъ свѣтскихъ влеченій и пороковъ ея служителей, которыя, въ послѣднее время польскаго владычества, унижали католицизмъ въ глазахъ народа и ослабляли вѣру. Съ этою цѣлію помышляла государыня объ отобраніи духовныхъ имѣній, владѣніе коими пріучило духовныхъ къ роскоши и праздности, и изъ людей, которые могли бы быть полезны церкви, сдѣлало весьма плохихъ помѣщиковъ; обратила духовенство, помышлявшее прежде болѣе о дѣлахъ политическихъ и свѣтскихъ, на путь настоящаго ихъ званія и обѣтовъ, то есть, на дѣло вѣры, и вмѣстѣ съ тѣмъ подумала о ихъ просвѣщеніи. Обезпечивъ полную свободу исповѣданія своимъ католическимъ подданнымъ, учредивъ епархіи, поощряя къ открытію духовныхъ заведеній, Екатерина не допустила однако, чтобы, подъ видомъ вѣротерпимости, католицизмъ вторгался въ область другихъ религій свойственною ему пропагандою и въ особенности въ Церковь господствующую; положила конецъ изувѣрствамъ и насиліямъ, производившимся во имя вѣры, доставила каждому возможность молиться и жить по ученію своего вѣроисповѣданія, и возвратила православію половину отнятыхъ у него

силою и лестію исповѣдниковъ. Однимъ словомъ, Екатерина произвела не перемѣны въ управленіи католической церкви, а совершенное преобразованіе какъ въ ней, такъ и ея духовенствѣ, не касаясь священныхъ догматовъ религіи; она свела ее со степени учрежденія политическаго, сдѣлавшаго столько вреда Польшѣ, и возвысила ее до того чисто религіознаго значенія, которое она замѣтнымъ образомъ стала терять; отнимая у духовенства средства быть вреднымъ государству, она дала ему способы быть полезнымъ религіи и паствѣ, которая ищетъ въ священникѣ отца духовнаго, а не человѣка политическаго. Каста была ею недовольна, но народъ благодаренъ. При такомъ переворотѣ ошибки неизбѣжны, и главную изъ нихъ забыть нельзя: то было, какъ видѣли, покровительство іезуитамъ. Но сколько истинно государственныхъ взглядовъ и мѣръ покрываютъ эту ошибку! Не забудемъ того, что перерожденіе католической церкви, упадокъ коей въ концѣ прошлаго столѣтія очевиденъ, начато государынею, не только не принадлежавшею къ этой церкви, но исповѣдовавшею вѣру, еще при ней гонимую въ Польшѣ тѣмъ самымъ католицизмомъ, который, нѣсколько лѣтъ спустя, она старалась очистить и возвысить духовно. Одинъ современный римско-католическій духовный говоритъ: «Папа обязанъ благодарностію Екатеринѣ. Благодушіе императрицы къ католикамъ превзошло все, что̀ можно было ожидать отъ государыни, не принадлежащей къ римско-католической вѣрѣ. Когда мы вспомнимъ, что эта государыня строила на собственный счетъ великолѣпные костелы для католиковъ въ то время, когда римско-католическіе государи отнимали у нихъ церкви, построенныя ихъ

царственными предками; что она дозволяла, чтобы добрыя отношенія между ея подданными римско-католической вѣры и Римомъ сохранялись, тогда какъ въ нѣкоторыхъ римско-католическихъ государствахъ онѣ вовсе были прекращены; что она строго запретила въ своей имперіи непочтительные отзывы о папѣ, тогда какъ въ европейскихъ газетахъ его осыпаютъ ругательствами; что она доставила римско-католическимъ своимъ провинціямъ римско-католическихъ миссіонеровъ, а школамъ—учителей въ эпоху, когда римско-католическіе государи изгоняютъ изъ своихъ странъ католическихъ священниковъ и допускаютъ въ училищахъ иррелигіозную пропаганду,—когда все это мы вспомнимъ, говорю я, то должны будемъ согласиться, что римско-католическая церковь обязана глубокою признательностію императрицѣ Екатеринѣ; ежели же Римъ этого не чувствуетъ, то онъ предъ цѣлымъ свѣтомъ явно доказываетъ свою неблагодарность: римско-католики въ Бѣлоруссіи столь же свободны въ дѣлахъ вѣры, какъ католики въ Альбанумъ и Фраскати» (1).

(1) Merkwürdige Nachrichten von den Jesuiten in Weissreüssen, in Briefen. Aus dem italienischen. Zweite Auflage. Frankfurt und Leipzig. 1786. S. 182—184.

VIII.

СОСТОЯНІЕ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ РОССІИ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА.

Императоръ Павелъ, въ началѣ своего царствованія, осыпаетъ Сестренцевича своими милостями и переименовываетъ его въ митрополита, 1798 г.—Система императрицы Екатерины въ управленіи латынскою церковью продолжается.—Учрежденіе департамента для дѣлъ римскаго духовенства, 1797 г.—Сношенія съ римскимъ дворомъ.—Различіе отношеній къ папству русскаго и австрійскаго правительствъ.—Новое раздѣленіе епархій, 1798 г.—Увеличеніе числа епархій и епископскихъ должностей.—Регламентъ для церквей и монастырей р. католическаго исповѣданія, 1798 г.—Нунціатура графа Литты. —Онъ находитъ себѣ пособниковъ въ членахъ мальтійскаго ордена и французскихъ эмигрантахъ.—Орденъ траппистовъ, введенный въ Россію эмигрантами.—Нунцій утверждаетъ разграниченіе епархій, 1798 г. — Императоръ назначаетъ епископовъ въ эти епархіи. — Нунціатура графа Литты становится постоянною.—Значеніе нунціатуры. — Понятія Сестренцевича объ устройствѣ и управленіи духовенства и монашества, содержащіяся въ его запискѣ, 1798 г.—Понятія Сестренцевича о папской власти и нунціатурѣ.—Вмѣшательство нунція въ политическія дѣла.—Предоставленіе Сестренцевичу начальства надъ латынскимъ духовенствомъ. —Противодѣйствія нунція Литты правительству и высылка его изъ С.-Петербурга, 1799 г.—Усилія папы Пія VII возобновить нунціатуру въ С.-Петербургѣ, 1801 г.—Вражда и интриги іезуитовъ противъ Сестренцевича.—Патеръ Гру-

беръ.—С.-Петербургскій костелъ ввѣряется іезуитамъ.—Немилость императора къ Сестренцевичу.—Его ссылка, 1800 г.—Іезуиты овладѣваютъ управленіемъ р. католической церкви въ Россіи.—Они совершенно разрушаютъ прежнія начала управленія.—Орденъ іезуитовъ распространяется въ Россіи.—Ходатайство императора Павла предъ портою оттоманскою въ пользу іезуитовъ, 1800 г.—Бреве папы о возстановленіи ордена іезуитовъ въ Россіи, по ходатайству правительства, 1801 г.—Францискъ Карё, генералъ этого ордена.—Груберъ, преемникъ Карё.—Сестренцевичь въ своемъ изгнаніи.—*Состояніе уніатской церкви.*—Учрежденіе епархій брестской и луцкой, 1798 г.—Управленіе уніатскою церковію передается католическому департаменту.—Унія поддерживается искусственными средствами.—Латынская пропаганда.

Чтò было системою, дѣломъ убѣжденія при Екатеринѣ, тò сдѣлалось случайностію при ея наслѣдникѣ, и какъ всегда бываетъ, иногда счастливою, иногда неудачною. Главнымъ побужденіемъ императора Павла въ дѣлахъ государственныхъ было, какъ извѣстно, уничтожать то, чтò было исполнено его матерью, дѣлать противное тому, чтò она дѣлала, когда же невозможно было переиначить ею учрежденное, то хотя перемѣнить имя учрежденію. Управленіе латынскою церковью составляетъ однако исключеніе изъ этого общаго плана дѣйствій, дотолѣ пока Сестренцевичь пользовался милостію государя, и заслуга этого изъятія безспорно принадлежитъ одному Сестренцевичу: судьба русскаго католицизма была тогда въ его рукахъ. Императоръ, въ первые годы своего царствованія, благоволилъ къ Сестренцевичу, пожаловалъ ему Андреевскую ленту, въ 1798 году присвоилъ ему титулъ митрополита и выхлопоталъ у Рима для него и его наслѣдниковъ по должности кардинальскую одежду, а что всего важнѣе и знаменательнѣе, какъ выраженіе царской

милости Павла, возвелъ его въ званіе коммандора большаго креста св. Іоанна іерусалимскаго. Въ этотъ періодъ времени управленіе латынскою церковью продолжалось на основаніи положенныхъ Екатериною началъ; власть епископская надъ всѣмъ духовенствомъ была столь же полною, какъ и въ ея царствованіе; отношенія власти правительственной къ духовной не измѣнились; произведены были лишь нѣкоторыя перемѣны въ частностяхъ и границахъ управленія, свидѣтельствовавшія однако иногда, что руководствовавшей руки не стало. Только въ 1797 году учрежденъ былъ при юстицъ-коллегіи особый департаментъ для дѣлъ римскаго духовенства, въ которомъ дѣла производились на русскомъ языкѣ [1]; въ слѣдующемъ году этотъ департаментъ отдѣленъ былъ отъ коллегіи и подчиненъ архіепископу [2], который тѣмъ самымъ получилъ еще большее значеніе, ибо въ департаментъ этотъ поступали на разсмотрѣніе представленія изъ всѣхъ латынскихъ епархій, и апелляціи на консисторіи, помимо мѣстныхъ епископовъ, не составлявшихъ апелляціонной инстанціи. Все это было дѣломъ Сестренцевича. Прямое же участіе принималъ императоръ въ сношеніяхъ съ Римомъ; тутъ самъ онъ давалъ направленіе, вполнѣ сходное съ принятымъ уже прежде русскимъ правительствомъ, и никогда отъ него не отступалъ. Какое вліяніе предоставлялъ онъ римскому двору въ свой имперіи, лучше всего можно видѣть изъ собственноручно написанныхъ имъ въ 1797 году резолюцій въ отвѣтъ на домогательства папы; резолюціи

(1) Полн. собр. зак. т. XXIV, № 17836.

(2) Тамъ же, т. XXV, № 18345.

эти, обозначившія предѣлы папской власти въ Россіи, весьма характеристичны; потому мы передадимъ ихъ здѣсь безъ измѣненій.

ДОМОГАТЕЛЬСТВА РИМА:	ОТВѢТЫ ГОСУДАРЯ:
1. О сохраненіи всѣхъ дарованныхъ правъ и порядка установленнаго относительно католическаго исповѣданія.	Какъ получилъ, такъ и сохраню.
2. О сохраненіи имущества и свободномъ исповѣданіи закона.	То же.
3. О возстановленіи прежняго порядка, еслибъ онъ въ чемъ былъ нарушенъ прежде сего, во всемъ пространствѣ правъ духовенства.	Напрасно онъ симъ занимается.
4. О признаніи католиками верховной власти папы и о назначеніи епископовъ обоихъ исповѣданій соотвѣтственно количеству подданныхъ католическаго исповѣданія въ имперіи.	Что было и есть, то и останется.
5. О сохраненіи іерархіи такимъ образомъ, чтобъ ни одинъ епископъ не исполнялъ своей власти безъ полученія буллъ и установленія каноническаго отъ святаго престола.	Въ семъ случаѣ, государь то прикажетъ сдѣлать, что покажется ему полезнѣйшимъ.
6. О сохраненіи монаховъ и монастырей въ настоящемъ ихъ положеніи и о поправленіи состоянія монашествующихъ.	Государь и самъ не оставитъ заниматься сими статьями. Не его дѣло оставить безъ отвѣта.

Изъ этихъ домогательствъ римскаго двора, кажется, можно безошибочно сдѣлать такіе выводы: Римъ былъ доволенъ дѣйствіями императрицы Екатерины по управленію латынскою церковью, потому и заботился о сохраненіи дарованныхъ ею правъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ искалъ бо́льшаго: ему хотѣлось владычествовать въ Россіи надъ католиками, съ устраненіемъ всякаго вліянія власти государственной, и распространить католицизмъ увеличеніемъ числа епархій; также недовольно было ему преимуществъ,

которыми пользовались русскіе католики: онъ требовалъ письменнаго въ нихъ ручательства, росписки правительства, однимъ словомъ, онъ думалъ о конкордатѣ. Но императоръ Павелъ поступилъ осторожно: не далъ обязательствъ въ томъ, что̀ русскіе государи дѣлали не по контракту, не по принужденію, не изъ страха Рима, а по собственному внушенію и своею властію для пользы ихъ подданныхъ латынской вѣры; другія же домогательства, не соотвѣтствовавшія достоинству власти правительственной, отклонилъ. Достойно замѣчанія, что римскій дворъ сознавался самъ въ упадкѣ своихъ монашествующихъ сословій, уже въ то время безпокоился насчетъ уменьшенія числа монастырей и сохраненія духовенству его недвижимыхъ имуществъ и намѣревался получить въ томъ обезпеченіе,—такъ отобраніе ихъ казалось уже тогда возможнымъ, что̀ впрочемъ доказали на дѣлѣ польскіе сеймы.

Но полагая предѣлы властолюбивымъ стремленіямъ римскаго двора, императоръ Павелъ далеко не былъ врагомъ католицизма и папства; напротивъ, болѣе нѣкоторыхъ католическихъ государей его времени помогалъ двумъ папамъ, своимъ современникамъ, и притомъ съ свойственнымъ ему рыцарскимъ увлеченіемъ. При первомъ извѣстіи о занятіи римской области войсками французской республики, онъ поспѣшилъ предложить папѣ Пію VI вѣрное и почетное убѣжище въ Россіи; потомъ любимою его идеей было возвратить римскому двору завоеванныя французскою республикою легатства и другія земли. Когда, послѣ умерщвленія генерала Дюфо, въ декабрѣ 1797 года, Бертье отправился въ походъ противъ Рима и въ С.-Петербургѣ боялись серьезныхъ опасностей

для восьмидесятилѣтняго больнаго папы, императоръ (24 января 1798 года) пригласилъ къ себѣ митрополита Сестренцевича, указалъ ему стулъ садиться, сѣлъ самъ и сказалъ ему: «вы знаете, что̀ случится въ Римѣ; съ двумя или тремя курьерами я ожидаю извѣстія о смерти папы; его уже напутствовали, пріобщали. Я предвижу, что̀ можетъ случиться: или французы заставятъ избрать папу по ихъ желанію, или его не будетъ вовсе; можетъ быть, въ первомъ случаѣ, онъ будетъ избранъ канонически, но впослѣдствіи времени своими распоряженіями и буллами онъ покажетъ, что мнѣнія его французскія и несогласныя съ догматами католической церкви и Евангелія; пускай онъ будетъ конституціонный. Во всѣхъ этихъ случаяхъ надобно предусматривать и быть готовымъ; дѣло идетъ о десяти милліонахъ овецъ; я уважаю католическую религію и желаю, чтобы она оставалась въ цѣлости. Мы спокойно будемъ ожидать извѣстія о смерти папы, которая не замедлитъ; а до тѣхъ поръ не говорите, кому бы то ни было, о чемъ я говорилъ съ вами; пусть это остается между вами и мною; насъ никто не слышитъ. Но я хочу, чтобы вы были готовы къ этому событію, чтобы оно не возмутило порядка и спокойствія католической церкви въ нашемъ государствѣ. Если мы найдемъ, что новый папа правовѣренъ (orthodoxe), въ добрый часъ; даже если онъ конституціонный, дѣла останутся въ томъ же порядкѣ, какъ доселѣ; распоряженія и буллы его, безъ сомнѣнія, будутъ принимаемы, какъ доселѣ, съ согласія и одобренія государя. Но если будетъ усмотрѣно, что онъ пропагандируетъ французскія правила, или политика заставитъ насъ не довѣрять ему, тогда

я объявлю васъ главою католической церкви въ Россіи, чтобы спасти святыя правила этой церкви. Итакъ повторяю: или будетъ папа, или не будетъ его; когда будетъ такой, который не будетъ правовѣренъ въ своихъ буллахъ, ибо мы судимъ по фактамъ, это значитъ, какъ-бы его не было вовсе, и тогда надобно быть готовымъ, чтобы новость событія не поставила насъ въ затрудненіе. Пятнадцать мѣсяцевъ царствованія, при Божіемъ благословеніи, научили меня предупреждать событія. Одинъ католикъ изрекъ пророчество, что въ 1798 году не будетъ папы, а въ куполѣ собора св. Петра, гдѣ находятся медальоны и рельефы всѣхъ папъ, мѣсто для Пія VI послѣднее» ([1]).

Папа Пій VI скончался въ заточеніи въ Валенсѣ (во Франціи) въ концѣ августа 1799 года; разсѣянные кардиналы собрались въ Венецію для избранія новаго папы ([2]), и только послѣ трехъ съ половиною мѣсяцевъ выборъ палъ на Кіарамонте, принявшаго имя Пія VII. Въ противуположность съ рыцарскими стремленіями императора Павла, поучительно остановиться на эгоистически расчетливой политикѣ Австріи, выразившейся съ особенною яркостію на этомъ конклавѣ. Папство въ это время оставалось безъ владѣній; южная часть ихъ занята была неаполитанцами, легатства и прилегающія къ нимъ земли вплоть до самаго Рима, благодаря успѣхамъ русскаго оружія, отняты у французовъ, которымъ они достались по телентинскому миру, и поступили въ рас-

([1]) Собственноручныя записки митрополита Сестренцевича, остающіяся въ рукописи.

([2]) При этомъ случаѣ конклавъ обратился къ императору Павлу съ посланіемъ, которое см. въ приложеніи 7-мъ.

поряженіе австрійцевъ; папа, какъ сказали, въ заточеніи, кардиналы разбрелись по лицу земли, всеобщее бѣдствіе, всеобщая нищета главенства римско-католической церкви. Въ это-то время правительство римско-католической державы даетъ пріютъ въ своихъ владѣніяхъ такъ называемымъ князьямъ церкви (les princes de l' Église) для избранія главы этой сиротствующей, нищенской и въ ту эпоху дѣйствительно бѣдствующей церкви, но оказываетъ ей особаго рода гостепріимство. Въ это именно время оно руководится одною мыслію: пользуясь несчастными обстоятельствами папства, обобрать его окончательно. Съ этою цѣлію баронъ Тугутъ посылаетъ на конклавъ кардинала Герзана съ порученіемъ достигнуть избранія такого папы, который укрѣпилъ бы добровольно за Австріей случайно доставшіяся ей легатства; кардиналъ интригуетъ, устраняетъ то одного, то другаго кандидата на папскій престолъ, въ которыхъ не находитъ достаточной податливости на австрійскія поползновенія; конклавъ длится чрезмѣрно долго, церковь остается безъ пастыря, и наконецъ, при невозможности выдвинуть свою креатуру, останавливается по неволѣ на человѣкѣ среднемъ, какимъ былъ кардиналъ Кіарамонте. Избраніе папы есть событіе въ странѣ римско-католической; по принятому обычаю, чрезъ недѣлю послѣ избранія, новаго папу торжественно коронуютъ въ Римѣ въ храмѣ св. Петра, а если конклавъ собирался въ другомъ городѣ, то въ главномъ соборѣ этого города. Въ Венеціи такой соборъ—св. Марка. Каково же было удивленіе Пія VII, когда онъ узналъ, что австрійское правительство не позволяетъ ему короноваться въ этомъ соборѣ! Австрія, намѣре-

ваясь присвоить себѣ папскія владѣнія, не желала допустить коронаціи папы, обряда, выражающаго проявленіе власти свѣтской. Нечего было дѣлать; папа, не отказываясь отъ своихъ правъ, рѣшился короноваться въ ближайшей отъ мѣста собранія конклава монастырской церкви; церковь была не убрана; не было ни австрійскихъ войскъ, ни представителей австрійскаго правительства; однимъ словнмъ, намѣренно устранена обычная при этомъ празднествѣ торжественность; даже не было дано стула, на которомъ въ этихъ случаяхъ носятъ папу (sedia gestatoria); уже впослѣдствіи пожертвовалъ его одинъ частный человѣкъ. Таково было гостепріимство Австріи относительно папства въ Венеціи, австрійскомъ городѣ. Но этимъ не кончилось. Папу пригласили пріѣхать въ Вѣну, для того, чтобы лично уговорить его уступить Австріи легатства; папа не согласился на эту поѣздку. Тогда къ нему прислали чиновника уже съ оффиціальнымъ требованіемъ этой уступки, и притомъ съ угрозою, что если онъ этого не исполнитъ, то лишится не одныхъ легатствъ, а и прочихъ владѣній, бывшихъ въ то время въ рукахъ австрійцевъ. Когда и это не удалось, начали торговаться: нельзя ли отдать Австріи хотя два легатства, а третье согласились оставить за папою. Пій VII устоялъ, не уступилъ ничего; но австрійское правительство все еще не теряло надежды. Въ этихъ видахъ оно находило для себя неудобнымъ переѣздъ папы изъ Венеціи въ Римъ по прямой дорогѣ, которая идетъ черезъ легатства; оно опасалось, что появленіе папы въ этихъ областяхъ возбудитъ къ нему сочувствіе въ народонаселеніи. Положено было вывезти папу моремъ до Пезары, города не входившаго въ

составъ легатствъ; ничего не было приготовлено для морскаго путешествія,—ни судна, ни надлежащаго числа опытныхъ матросовъ; несчастнаго папу посадили на первый попавшійся подъ руку фрегатъ, на которомъ негдѣ было испечь хлѣба, приставили къ нему, какъ-бы къ плѣнному, австрійскаго чиновника, въ качествѣ надсмотрщика-шпіона, и такимъ образомъ двѣнадцать дней тащили его до Пезары, тогда какъ переходъ этотъ обыкновенно дѣлался въ одни сутки, и наконецъ высадили на берегъ [1]. Такъ-то поступало съ папствомъ, въ трудныя его годины, австрійское *апостолическое* величество; выше мы видѣли, какъ отнесся къ нему въ то же время *схизматическій* русскій императоръ.

По восшествіи на папскій престолъ Пія VII, императоръ Павелъ, черезъ своего министра при неаполитанскомъ дворѣ, возобновилъ сдѣланное имъ прежде Пію VI предложеніе. Папа былъ этимъ очень тронутъ. «Это новое доказательство вашего благодѣянія и великодушія», отвѣчалъ онъ императору, «проникло наше сердце живѣйшею признательностію». Но онъ прибавилъ: «что касается до нашего отъѣзда, то мы никогда не имѣли никакого намѣренія осуществить его, развѣ въ одномъ только случаѣ, когда современныя обстоятельства потребуютъ того неизбѣжно для блага религіи, безъ всякой особой заботы о нашей личности. Притомъ, сознаемся, дружескія и искреннія намѣренія французскаго правительства избавили насъ отъ всякаго повода къ без-

(1) «Mémoires sur le conclave tenu à Venice pour l'élection du souverain pontife Pie VII», въ сочиненіи: Mémoires du cardinal Consalvi avec une introduction et des notes par J. Crétineau-Joly. Paris. 1864. t. 1. p. 199—291.

покойству въ этомъ отношеніи. Итакъ мы спокойно остались на нашемъ престолѣ, и наша надежда не была обманута. Поведеніе французской арміи въ нашихъ владѣніяхъ совершенно соотвѣтствовало декларацiямъ и приказамъ ея правительства; въ этомъ мы обязаны отдать ей справедливость предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ. Но если мы не имѣли надобности воспользоваться благородными предложеніями Вашего Императорскаго Величества, тѣмъ неменѣе сохранимъ во глубинѣ нашего сердца вѣчную признательность за то участіе и дружбу, которыя оно оказало намъ въ этомъ случаѣ». Папа Пій VII постоянно высказывалъ свою признательность императору Павлу и старался заслужить его благосклонность; такъ, въ собственноручномъ письмѣ къ императору отъ 9 марта 1801 г., этотъ папа выражается такимъ образомъ: «какъ преемникъ Пія VI, мы просимъ о томъ же участіи, какое было оказываемо этому великому первосвященнику съ того дня, когда онъ въ семъ городѣ наслаждался августѣйшимъ присутствіемъ Вашего Императорскаго Величества (императоръ Павелъ былъ въ Римѣ еще великимъ княземъ), до послѣдней минуты, увѣнчавшей его страданія. Одушевляемый этими чувствами удивленія и дружбы къ Вашему Императорскому Величеству, унаслѣдованными отъ нашего предшественника, съ которымъ мы такъ тѣсно связаны, мы надѣемся на то же участіе и доброжелательство съ вашей стороны. Но наше упованіе еще болѣе основывается на томъ великодушіи Вашего Императорскаго Величества, которое конечно не оставитъ римской церкви безъ поддержки и своего высокаго покровительства».

Возвращаясь вновь ко внутреннему устройств

римско-католической церкви въ Россіи, мы должны прежде всего сказать, что въ 1798 году послѣдовало новое раздѣленіе епархій; ихъ учреждено было шесть, именно: 1) архіепископство могилевское для Бѣлоруссіи, губерніи кіевской и всѣхъ церквей имперіи, не входившихъ въ составъ другихъ епархій; 2) епископство виленское для губерній литовской (нынѣшнихъ виленской и гродненской) и курляндской, за исключеніемъ Самогитіи; 3) епископство самогитское въ нынѣшней ковенской губерніи; 4) въ волынской губерніи епископство луцкое; 5) епископство каменецкое въ губерніи подольской, и 6) епископство минское въ минской губерніи. Въ помощь каждому епископу положенъ суффраганъ, а архіепископу приданы три суффрагана: одинъ съ титуломъ суффрагана могилевскаго для управленія на мѣстѣ этою каѳедрою, ибо митрополиту дозволено жить въ Петербургѣ, другой для пребыванія въ Полоцкѣ, а третій въ Кіевѣ ([1]).

Это увеличеніе числа епархій и должностей епископскихъ, хотя, какъ увидимъ, безъ малѣйшаго отступленія отъ принятыхъ прежде главныхъ основаній управленія, не могло бы конечно послѣдовать при императрицѣ Екатеринѣ, ибо для католиковъ оно было ненужно, а для государства православнаго и среди народонаселенія православнаго и уніатскаго положительно вредно. Но винить въ томъ Сестренцевича трудно, ибо все-таки же онъ былъ римскій прелатъ, а не русскій государственный человѣкъ; потому естественно, что распространеніе католицизма не могло быть ему вовсе чуждымъ, и

([1]) Полн. собр. зак. т. XXV, № 18504.

онъ тому способствовалъ, когда не былъ болѣе руководимъ правительствомъ; ревнители папской власти упрекаютъ его даже за то, что онъ не воспользовался гораздо болѣе временемъ царствованія императора Павла для утвержденія римскаго преобладанія (1). (При Екатеринѣ онъ былъ исполнителемъ, при Павлѣ сдѣлался независимымъ устроителемъ въ дѣлахъ церковныхъ). Какъ преждевременно и безполезно было увеличеніе числа епархій, всего явственнѣе можно видѣть изъ того, что еще за три года предъ тѣмъ, при польскомъ правительствѣ, когда римская вѣра была господствующею, область минская не составляла отдѣльной епархіи, а принадлежала сѣверными своими уѣздами къ епархіи виленской, образуя одно только благочиніе, или деканатъ оной, съ 15-ю церквами, а южными уѣздами къ епархіи луцкой. Страна эта, древле православная, начала католизироваться только съ конца XVI столѣтія преимущественно посредствомъ неограниченнаго умноженія монашескихъ орденовъ до такой степени, что въ концѣ прошлаго столѣтія въ минской губерніи число монастырей превышало число приходскихъ церквей (такъ вѣрно, можемъ сказать, высказанное нами въ своемъ мѣстѣ мнѣніе насчетъ дѣйствительнаго значенія и цѣли монашескихъ сословій въ западномъ краѣ). При учрежденіи минской епархіи, въ цѣлой минской губерніи, какъ видно изъ подлинныхъ документовъ (2), не

(1) Zbiór wiadomości и пр. стр. 136: «Tu tylko nad tem należy się zadziwić i ubolewać: dla czego metropolita nie chciał korzystać z tak przychylnych chęci ku kościołowi katolickiemu Cesarza».

(2) Архивъ минской р. к. консисторіи.

было пятидесяти латынскихъ церквей, и на каждую приходилось слишкомъ четыре священника, хотя въ послѣдовавшемъ потомъ утвержденіи Римомъ этой новой епархіи, конечно для доказательства ея необходимости, показано было въ актѣ учрежденія 150 церквей. Понятно, что устройство новой епархіи, въ которой не нуждались католики, имѣвшіе духовенство съ избыткомъ, послужило только для распространенія католицизма и скрѣпленія довольно общей между народонаселеніемъ этой губерніи уніи. Не иную цѣль имѣло и образованіе въ каждой епархіи суффраганій: ежели викарные епископы могли быть нелишними для митрополіи, по случаю пребыванія митрополита не при каѳедрѣ, а въ Петербургѣ, и то конечно не въ числѣ трехъ, и для епархіи виленской, довольно обширной и въ западной своей части сплошь населенной католиками, то несомнѣнно не представлялись они нисколько нужными ни для новой минской епархіи, которая и сама была безполезна, ни для всѣхъ остальныхъ, заключавшихъ въ себѣ только по одной губерніи, и притомъ, за исключеніемъ Самогитіи, такихъ, въ коихъ исповѣдниковъ латынской вѣры и ихъ костеловъ было, относительно принадлежавшихъ къ другимъ вѣрамъ жителей и ихъ церквей, весьма мало; въ волынской губерніи не было и ста костеловъ ([1]), а въ подольской и еще менѣе, ибо по возсоединеніи тамъ уніатовъ, эта страна сдѣлалась по преимуществу православною. Дозволять каждому свободно исповѣдывать свою вѣру есть долгъ каждаго прав-

([1]) Волынскія записки, сочиненныя *Степаномъ Руссовымъ* въ Житомірѣ. Спб. 1809 г. стр. 84—85.

диваго правительства, но распространять искусственно чуждую вѣру въ странѣ, гдѣ признана религія господствующая, и въ ущербъ ея, не можетъ быть обязанностію государей. Въ настоящемъ случаѣ русское правительство дѣйствовало въ интересахъ не государственныхъ, а римскихъ, и заслужило благодарность римскаго двора за особое благоволеніе къ латынской церкви.

Впрочемъ, какъ мы сказали, главныя начала управленія были сохранены: въ указѣ объ учрежденіи епархій подтверждались означенные Екатериною предѣлы власти папской въ имперіи, запрещеніемъ принимать буллы и другія посланія безъ высочайшаго утвержденія, и имѣть сношенія духовнымъ съ заграничными властями; подчиненіе монашескихъ сословій и ихъ провинціаловъ епископамъ и раздача епископами всѣхъ духовныхъ должностей капитульныхъ и приходскихъ, безъ стѣсненія правомъ ктиторства, оставлены на прежнемъ основаніи; итакъ, распространенъ католицизмъ, но устройство его не измѣнено. Эти начала еще болѣе развиты въ изданномъ въ томъ же 1798 году, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, регламентѣ для церквей и монастырей римско-католическаго исповѣданія въ россійской имперіи. Такъ какъ наиболѣе очевидныя неустройства были въ сословіяхъ монашескихъ, съ чѣмъ соглашался даже, какъ видѣли, и Римъ, то на нихъ преимущественно и обращено вниманіе въ регламентѣ. Несмотря на подчиненіе монашескихъ орденовъ епархіальнымъ епископамъ, принятое русскимъ правительствомъ за исходный пунктъ ихъ преобразованія и улучшенія, они сохраняли относительную и значительную даже независимость оставленнымъ

за ними правомъ съѣздовъ для разсужденія о дѣлахъ ордена и избранія какъ провинціаловъ, такъ монастырскихъ настоятелей и другихъ начальствующихъ лицъ. Избранные, будучи обязаны своимъ званіемъ единственно избравшимъ ихъ, нерѣдко уклонялись отъ послушанія епископамъ, которымъ нисколько не были обязаны своею должностью. Потому съѣзды монашескіе, какъ обременительные для монастырскихъ доходовъ, были уничтожены, избраніе же провинціаловъ и другихъ монастырскихъ начальниковъ предоставлено епископамъ съ правомъ посѣщать и осматривать во всякое время монастыри, а жалобы на провинціаловъ должны были подаваться въ мѣстныя консисторіи. Монахамъ не дозволено было не только переходить изъ одной епархіи въ другую и произвольно отлучаться изъ нея, но даже уходить на долгое время изъ монастыря, хотя и въ той же епархіи, безъ письменнаго дозволенія суперіора или настоятеля церкви; запрещено говорить проповѣди, или издавать сочиненія о дѣлахъ политическихъ, въ особенности касающихся правительства, а вмѣнено въ обязанность «упражняться по долгу своему болѣе въ христіанскихъ добродѣтеляхъ и богомысліи». Для предупрежденія поступленія въ монашество людей неувѣренныхъ въ своемъ призваніи и нерѣдко раскаявавшихся въ своемъ незрѣломъ выборѣ, постановлено, по примѣру существовавшаго при польскомъ правительствѣ закона, чтобы отъ находящихся въ монастыряхъ на искусѣ принимать только такъ называемые простые обѣты (*simplicia vota*), торжественные же обѣты (*solemnia vota*) единственно отъ поставленныхъ уже въ иподіаконы, а въ монахини

не допускать не достигшихъ двадцати-двухлѣтняго возраста. Всѣ монастыри, какого бы они ордена ни были, обязывались служить на пользу общества тѣми средствами, коими могли располагать; «каждый монашескій орденъ», сказано въ регламентѣ, «обязанъ всемѣрно служить имперіи и содѣйствовать къ ея благу», именно одни ордена, какъ іезуиты и піары, согласно ихъ правиламъ, обученіемъ юношества, другіе, живущіе въ уединеніи, какъ то: камалдулы, цистерсы и т. п., удѣленіемъ соразмѣрной части своихъ доходовъ на содержаніе богадѣленъ, больницъ и училищъ, наконецъ женскія обители воспитаніемъ бѣдныхъ дѣвицъ, хожденіемъ за больными, призрѣніемъ неимущихъ. Регламентомъ опредѣлено было (и это достойно особаго замѣчанія) настоящее значеніе духовныхъ имуществъ: всѣ онѣ, какъ движимыя, такъ и недвижимыя, числившіяся за бѣлымъ ли, или монашествующимъ духовенствомъ, признаны *общимъ достояніемъ духовенства,* а не принадлежностію отдѣльныхъ церквей и монастырей, которые ими пользовались, потому что на ихъ имя такія имущества были записаны. Сообразно съ этимъ основнымъ понятіемъ о духовныхъ имуществахъ, запрещено монастырямъ продавать ихъ, дарить и вымѣнивать, а епископамъ вмѣнено въ обязанность наблюдать, чтобы церковная собственность не была расточаема (¹). Такимъ образомъ регламентъ подтвердилъ и пояснилъ главныя положенія о внутреннемъ іерархическомъ устройствѣ латынскаго духовенства, принятыя за основныя начала императрицею Екатериною.

(¹) Полн. собр. зак. т. XXV, №№ 18733 и 18734.

Между тѣмъ, Римъ торопился наложить свою печать на новое, изданное императоромъ, разграниченіе епархій и прислать, подъ этимъ предлогомъ, своего уполномоченнаго въ Россію. Желаніе это было не ново: еще въ послѣдніе годы жизни императрицы Екатерины папа старался имѣть своего представителя въ Россіи, предназначая для того своего бывшаго нунція въ Варшавѣ графа Литта, вошедшаго тамъ въ близкія сношенія съ нѣкоторыми вліятельными русскими, имѣвшаго подпору въ своемъ братѣ, министрѣ мальтійскаго ордена въ Петербургѣ, и потому расчитывавшаго на успѣхъ миссіи. Правительство предупреждено было объ этомъ во-время, и императрица въ теченіе полугода не дала никакого отвѣта на домогательства римскаго двора; наконецъ, послѣ новыхъ настояній, государыня въ 1796 году потребовала, чтобы папа предварительно объяснилъ: какія именно порученія онъ намѣренъ возложить на своего повѣреннаго, и какъ обширны будутъ его власти, а вмѣстѣ дала почувствовать, что самыя негоціаціи по этому предмету не могутъ начаться прежде, чѣмъ римскій дворъ не выполнитъ желаній русскаго правительства, между коими главнѣйшее было возведеніе Сестренцевича въ кардинальское достоинство [1]. Чтѣ не удалось Риму при Екатеринѣ, въ томъ онъ успѣлъ при Павлѣ: безъ всякихъ условій и объясненій, папскій нунцій графъ Литта, архіепископъ ѳивскій, прибылъ въ 1797 году въ Петербургъ съ оффиціальнымъ порученіемъ утвердить актомъ новое разграниченіе епархій. Нунцій

[1] Моск. арх. м. и. д. (Ministère. Rome. связка 1. Также: сношенія съ папами. III. Rome. связка 8. № дѣла 23).

нашелъ для себя усердныхъ пособниковъ какъ во французскихъ эмигрантахъ, получившихъ пріютъ въ Россіи, такъ въ особенности въ членахъ столь любимаго императоромъ мальтійскаго ордена. Графъ прованскій, впослѣдствіи Людовикъ XVIII, поселился въ Курляндіи; графъ Д'Артоа, впослѣдствіи Карлъ X, жилъ въ Петербургѣ, а принцъ Конде съ цѣлымъ войскомъ эмигрантовъ расположился въ Волыніи. Всѣ эти эмигранты, болѣе или менѣе вспомоществовали при представлявшихся случаяхъ римскому двору и латынскому духовенству, а принцесса Конде ввела даже съ собою въ Россію монашескій орденъ траппистовъ и сама сдѣлалась настоятельницею этого ордена въ оршанскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, которому, по волѣ государя, уступлены зданія базиліановъ этого города (1). Въ Оршѣ же помѣщены были и монахи трапписты въ тамошнемъ бернардинскомъ монастырѣ (2). Впрочемъ орденъ этотъ существовалъ въ Россіи недолго. «Всѣ ихъ мудрости и добродѣтели», говоритъ одинъ русскій современникъ, «состояли въ ученіи молчать. Государь Павелъ I, находя излишнимъ для столь легкой и безполезной науки содержать особыхъ монаховъ, вскорости послѣ учрежденія его уничтожилъ и воспитанниковъ возвратилъ къ родителямъ, учиться говорить, но съ разсудкомъ» (3). Рыцари мальтійскіе, чтимые государемъ, помогали всего болѣе папскому

(1) Полн. собр. зак. т. XXV, № 18967.

(2) Тамъ же, №№ 18414 и 18702.

(3) Волынскія записки *Руссова*, стр. 86—87. Употреблявшіяся ежегодно изъ доходовъ латынскихъ монастырей на траппистовъ 14,200 рублей обращены въ 1800 г. на содержаніе школъ для бѣдныхъ дѣтей (Полн. собр. зак. т. XXVI, № 19335).

послу, ибо къ нимъ принадлежалъ уважаемый императоромъ братъ Литта, который предложилъ Павлу званіе великаго магистра и покровителя этого ордена.

Актомъ 27 іюля 1798 года нунцій утвердилъ сдѣланное разграниченіе епархій и новоучрежденную минскую каѳедру, составивъ капитулъ оной изъ шести прелатовъ, шести канониковъ и шести простыхъ священниковъ ([1]), и воспользовался этимъ случаемъ, чтобы произвольно увеличить еще число епископовъ суффрагановъ, въ противность указа 26 апрѣля по этому предмету: именно, этимъ указомъ назначено было къ каждому епархіальному епископу, за исключеніемъ архіепископа могилевскаго, по одному суффрагану, и объявлено было о томъ Литта для исполненія, а онъ включилъ въ свой актъ для виленской епархіи четырехъ суффрагановъ, то есть, виленскаго, курляндскаго, трокскаго и брестскаго. Это отступленіе отъ указа никогда и впослѣдствіи не было утверждено высочайшею властію; но въ первое время не было уничтожено вѣроятно потому, что не хотѣли лишать этого званія уже поступившихъ въ оное, а впослѣдствіи стали возводить въ эту должность, не справившись о правильности ея учрежденія, по прежнимъ примѣрамъ. Епископами

([1]) Нунцій Литта, избравъ въ новоучрежденной минской епархіи двѣнадцать церквей, имѣвшихъ богатѣйшія помѣстья, сдѣлалъ настоятелей ихъ каѳедральными прелатами и каноникамии предоставилъ епископу впослѣдстіи, по смерти тѣхъ настоятелей, отдѣлить часть доходовъ отъ этихъ духовныхъ бенефицій для содержанія при каѳедрѣ прелатовъ и канониковъ. Сверхъ того, назначилъ девять другихъ бенефицій, отъ которыхъ также предоставилъ отдѣлить часть доходовъ на содержаніе шести простыхъ священниковъ каѳедры, на музыку и на поправки зданій каѳедры. Особаго утвержденія акта нунція со стороны правительства не было.

были назначены государемъ: виленскимъ—бывшій инфляндскій епископъ Коссаковскій, луцкимъ—бывшій житомірскій Цѣцишевскій, жмудскимъ—прежній тамошній епископъ князь Іосифъ Гедройцъ, въ Каменецъ—сначала Дембовскій, а потомъ Сѣраковскій, и въ Минскъ—прелатъ Дедерко, посвященный во епископа. Луцкому и жмудскому епископамъ сохранены прежнія столовыя имѣнія этихъ каѳедръ, которыя были значительны: именно, къ луцкому епископству причислено было 2,346, а къ жмудскому 4,499 фундушевыхъ крестьянъ, прочимъ же епископамъ назначено содержаніе отъ казны—архіепископу и епископу виленскому тоже, которое повелѣно было имъ производить въ царствованіе Екатерины, а епископамъ каменецкому и минскому по 6,000 руб. въ годъ. Достойно замѣчанія, что уже въ то время римскій дворъ имѣлъ намѣреніе учредить седьмую епархію, именно на югѣ Россіи; послѣ того долго таилъ онъ эту мысль, и съ свойственною ему настойчивостію достигъ сего наконецъ по конкордату 1846 года.

Утвержденіе епархіальнаго разграниченія было только предлогомъ посылки графа Литта; настоящею же цѣлью этой миссіи было основаніе постоянной нунціатуры въ Россіи; это предвидѣла императрица Екатерина, и конечно поэтому не хотѣла допустить въ свою имперію папскаго посла, прежде чѣмъ римскій дворъ не объявитъ, какія именно порученія на него возлагаются. Такъ какъ подобныхъ предосторожностей не было принято впослѣдствіи, то Римъ и достигъ, чего желалъ: окончивъ свое оффиціальное порученіе, графъ Литта остался въ Петербургѣ въ качествѣ постояннаго нунція. Значеніе этой долж-

ности таково, что римскій дворъ получаетъ чрезъ нее не только агента дипломатическаго, который поставляетъ его въ извѣстность о томъ, что̀ можетъ интересовать его въ государствѣ, гдѣ онъ акредитованъ, но и уполномоченнаго, чрезъ котораго онъ управляетъ непосредственно церковью и духовенствомъ того государства. Этотъ характеръ нунціевъ истекаетъ изъ двойственной власти папъ: свѣтской, какъ государей римской области, и духовной, какъ главы латынской церкви; оттого и представители ихъ не простые послы, какъ агенты другихъ государей, но, что̀ всего важнѣе, и правители папскіе по духовной части въ странѣ, гдѣ находятся. Такіе нунціи, во время существованія Польши жили постоянно въ Варшавѣ, и оттуда правили всѣмъ латынскимъ духовенствомъ какъ королевства, такъ и великаго княжества литовскаго; къ нимъ восходили всѣ важнѣйшіе вопросы по этому управленію, они судили епископовъ, раздавали духовныя должности или именемъ папы, или посредственно чрезъ свое вліяніе, распоряжались внутреннимъ устройствомъ духовенства, устраняя совершенно правительство, и распространяя до невозможныхъ въ благоустроенномъ государствѣ предѣловъ власть папскую, до той степени, что черезъ нихъ Римъ какъ-бы переносился въ Польшу; духовенство, составивъ изъ себя въ полномъ смыслѣ слова *status in statu*, почти забыло свою національность и видѣло въ себѣ лишь членовъ римской всемірной касты, оттого и заботилось болѣе о привиллегіяхъ Рима и своихъ собственныхъ, чѣмъ о благѣ отечества. То же угрожало Россіи въ западномъ вновь возсоединенномъ съ нею краѣ, гдѣ латынское духовенство и безъ того разъединено было

отъ имперіи своею народностію и языкомъ, и гдѣ по этому самому внутренняя связь его съ государствомъ должна была составлять постоянную заботу правительства; между тѣмъ, учрежденіемъ постоянной нунціатуры присоединялось къ отчужденію политическому и совершенное отдѣленіе духовное. Къ счастію, успѣхъ Рима былъ непродолжителенъ: сдѣланная ошибка скоро была понята, и нунціатура уничтожена.

Этому всего болѣе способствовалъ государственный взглядъ Сестренцевича, который, бывши добрымъ католикомъ, никогда не скрывалъ своихъ убѣжденій и своего противодѣйствія всѣмъ мѣрамъ, клонившимся къ утвержденію духовно-политическаго самовластія Рима въ Россіи. Эти убѣжденія видны были во всѣхъ преобразованіяхъ, сдѣланныхъ въ латынской церкви при Екатеринѣ и въ первые годы царствованія императора Павла; всѣ онѣ проникнуты желаніемъ возвысить церковь, улучшить духовенство, но самобытно, безъ вмѣшательства римскаго двора, весьма часто заботившагося болѣе о своихъ правахъ, чѣмъ о вѣрѣ, которой обязанъ служить. Всего же явственнѣе высказаны понятія митрополита о притязаніяхъ Рима въ собственноручной запискѣ его, хранящейся въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, подъ названіемъ: *De la Hierarchie de l'Église Catholique dans l'Empire.* На основаніи этой записки составленъ былъ изданный въ 1798 году регламентъ, о которомъ говорили выше; но это законоположеніе есть только извлеченіе изъ первоначальнаго проэкта, и даже весьма неполное, ибо почти исключительно касается только до монашескихъ сословій, тогда какъ первоначально состав-

ленная Сестренцевичемъ записка обнимаетъ въ себѣ всѣ главныя части управленія латынскимъ духовенствомъ, именно: обязанности епископовъ, устройство семинарій, образованіе школъ и т. п., но что̀ всего важнѣе, приводитъ основанія, причины всѣмъ предложеннымъ преобразованіямъ. Вопросъ объ устройствѣ семинарій былъ отдѣленъ отъ общаго проэкта, разсматривался отдѣльно сенатомъ и разрѣшенъ только при императорѣ Александрѣ I; все относящееся до подчиненности епископовъ было также изъ него исключено, такъ что въ сущности и названіе регламента не соотвѣтствовало его содержанію, ибо, за сокращеніемъ основнаго проэкта, онъ не обнималъ уже въ себѣ всѣхъ частей управленія, для коихъ прежде предназначался. Что̀ касается до самыхъ доводовъ, то они конечно не вошли въ законъ потому, что они составляли лишь поясненія, нужныя для оправданія предложенныхъ мѣръ, а не для самаго исполненія закона. Но именно эти поясненія раскрываютъ всю сущность изданныхъ законоположеній, понятія объ отношеніяхъ власти духовной къ свѣтской, значеніе римскаго вліянія, а потому необходимо вникнуть въ нихъ поближе. Проэктъ начинается слѣдующимъ опредѣленіемъ начальства надъ римско-католическою церковью: «Государь имѣетъ право на повиновеніе и вѣрность всѣхъ своихъ подданныхъ, къ какой бы религіи и сословію они ни принадлежали, духовные ли они, или свѣтскіе, и притомъ не въ однихъ ихъ дѣйствіяхъ внѣшнихъ, но и по совѣсти, какъ учитъ священное Писаніе. Какъ помазанникъ Божій, онъ имѣетъ въ своей имперіи власть (suprématie) надъ всѣми христіанскими церквами и духовенствомъ. Что̀ касается до римско-

католической церкви, онъ дозволяетъ и сохранитъ подчиненность ея папѣ, какъ главѣ этой церкви, во всемъ, что̀ относится до догматовъ. Устроеніе же внутренняго порядка (discipline) и управленія римско-католическою церковью въ своей имперіи онъ поручаетъ епархіальнымъ епископамъ, своимъ подданнымъ», назначаемымъ всегда самимъ императоромъ и посвящаемымъ митрополитомъ, съ благословенія папы. Епископамъ предоставляется та духовная власть, которою пользовались эти сановники церкви въ первые десять вѣковъ христіанства, прежде чѣмъ папа Григорій VII у нихъ эту власть отнялъ. Епископы должны подчиняться постоянному собору или синоду, который будетъ устроенъ въ Петербургѣ. «Въ первобытной церкви», говорится въ запискѣ, «прежде чѣмъ папы присвоили себѣ власть надъ внутреннимъ управленіемъ епархій и надъ епископами, созывался обыкновенно архіепископомъ два раза въ годъ соборъ, обсуждавшій споры о догматахъ, бывшіе тогда въ обыкновеніи, судилъ епископовъ и рѣшалъ дѣла апелляціонныя по жалобамъ на генеральныхъ викаріевъ. Такой соборъ будетъ постояннымъ въ Петербургѣ. Государь назначитъ туда своихъ подданныхъ римско-католической вѣры, кого ему будетъ угодно, а архіепископъ будетъ въ немъ предсѣдательствовать, когда пріѣдетъ въ столицу для осмотра церквей его епархіи. Въ этомъ синодѣ будетъ представителемъ свѣтской власти гражданскій прокуроръ, съ правомъ останавливать исполненіе постановленій, которыя покажутся ему сомнительными, превышающими власть духовную, или будутъ противными государственнымъ законамъ; такого рода дѣла онъ будетъ представлять на рѣшеніе сената».

Предположенныя и отчасти исполненныя преобразованія въ монашескихъ сословіяхъ Сестренцевичь объясняетъ такимъ образомъ въ своей запискѣ: «Первые монахи жили въ пустыняхъ. Когда епископы вызвали ихъ въ города, для исполненія духовныхъ требъ, то строгая по внѣшности ихъ жизнь, невѣжество и суевѣріе вѣка послужили къ увеличенію ихъ числа, до такой степени, что въ одномъ предмѣстіи Константинополя считалось болѣе ста тысячь монаховъ, которые возводили и низвергали императоровъ и патріарховъ. Папы римскіе, видя такую власть въ рукахъ духовенства, положили учредить подобную же армію у себя, и зная людскія слабости, они разнообразили до крайности монашескія сословія, чтобы доставить болѣе выбора каждому поступить въ тотъ или другой орденъ. Папы привязали къ себѣ незыблемо монашескія сословія, освободивъ ихъ отъ подчиненности епископамъ и законнымъ государямъ, и предоставивъ управленіе ими вполнѣ орденскимъ генераламъ, живущимъ въ Римѣ: имъ однимъ монахи даютъ обѣтъ повиновенія. Кромѣ того, обязывая монаховъ не имѣть частной собственности и не вступать въ бракъ, они отчуждили ихъ тѣмъ самымъ отъ отечества, родства и семейства, равно какъ и отъ повиновенія власти государственной, такъ что они безпрекословно исполняли повелѣніе своего генерала, въ чемъ бы оно ни состояло, хотя бы въ сложеніи съ подданныхъ присяги повиновенія ихъ законному государю, и въ такомъ случаѣ сами переходили въ чужіе края, въ монастырь ихъ ордена, который замѣнялъ имъ отечество. Такое направленіе уничтожено будетъ до основанія, когда 1) всѣ монашескія сословія подчинены будутъ

исключительно епархіальнымъ епископамъ, 2) когда имъ запретится всякое сношеніе съ ихъ генералами, 3) когда, вступая въ монашество, они будутъ давать обѣтъ духовной подчиненности мѣстному епископу, какъ-бы орденскому ихъ генералу, и 4) произнесутъ предварительно присягу вѣрноподданства государю... Разнообразіе монашескихъ орденовъ, столь же вредное для государства, какъ и слишкомъ большое число монашествующихъ, постепенно могло бы изгладиться, если бы было предписано всѣмъ монахамъ носить, сверхъ одежды ихъ ордена, длинную черную рясу. Старики, привязанные къ правиламъ своего ордена, сохранятъ такимъ образомъ свою одежду; тѣ же, которые предпочтутъ одѣваться сходственно съ другими, а число ихъ несравненно болѣе первыхъ, имѣя внѣшность бѣлаго духовенства, и будучи избавлены отъ прихотей настоятелей и монастырскихъ своихъ собратій, тѣмъ ревностнѣе будутъ исполнять общее положеніе, которое будетъ издано для монастырей и приведено въ исполненіе по епархіямъ, для блага человѣчества». Для сближенія по возможности различныхъ монашескихъ орденовъ, Сестренцевичь полагалъ посылать назначенныхъ епископомъ провинціаловъ визитаторами для осмотра монастырей, не обращая вниманія на то, принадлежитъ ли, или нѣтъ обитель къ тому ордену, въ которомъ находится самъ провинціалъ. Этимъ способомъ могли быть отклонены два неудобства: то, во-первыхъ, что визитатору не нужно было бы объѣзжать всю епархію, отъ одного конца до другаго, чтобы отыскивать въ ней монастыри одного ордена, а ему поручалось бы осматривать извѣстное число монастырей, лежащихъ вблизи одинъ отъ другаго;

а во-вторыхъ, такимъ распоряженіемъ устранено бы было пристрастіе и угодливость къ своимъ орденскимъ собратіямъ, заставлявшія нерѣдко скрывать найденные въ монастырѣ безпорядки (¹).

Нельзя раздѣлить явственнѣе священнаго ученія о догматахъ вѣры, оставленныхъ неприкосновенными, отъ злоупотребленія собственно по устройству и управленію духовенства, коимъ способствовалъ Римъ въ видахъ утвержденія своего полновластія. Уважая догматы, Сестренцевичъ шелъ открыто противъ вкорененныхъ заблужденій о неограниченности власти папской; хотя онъ былъ митрополитъ римской церкви, но не преклонялся безусловно предъ всѣми безотчетными велѣніями Рима; былъ католикъ, но не папистъ; признавалъ папу за главу латынской церкви, но не за самодержавнаго распорядителя оной. Въ этомъ смыслѣ онъ являлся смѣлымъ реформаторомъ, но не догматовъ вѣры, а несообразныхъ съ духомъ ихъ отступленій, сдѣланныхъ въ разное время папами,— преступленіе въ глазахъ ультрамонтанистовъ и огромная заслуга для религіи по понятіямъ людей, желающихъ утвержденія вѣры, а не касты. Въ самомъ дѣлѣ, латынское духовенство, какъ оно устроено Римомъ, заслоняетъ собою религію,—оно на первомъ планѣ, вѣра за нимъ; взгляните на папское бого-

(¹) Проэктъ Сестренцевича подъ заглавіемъ: «De la Hierarchie de l' Église Catholique dans l' Empire, см. въ приложеніи 8-мъ. Подлинникъ находится въ московскомъ гл. арх. мин. ин. дѣлъ. Тамъ же, на лоскуткахъ бумаги, сохранились черновые подлинники этого проэкта, написанные его собственною рукою, одинъ на французскомъ, другой на русскомъ языкѣ, но въ сокращенномъ видѣ. Одна изъ этихъ записокъ облечена въ форму закона, то есть, въ ней говорится отъ лица государя.

служеніе: тутъ служатъ не Богу, а папѣ,—за нимъ едва видѣнъ распятый Спаситель.

Время, въ которое жилъ Сестренцевичь и представилъ свой проэктъ, какъ нельзя болѣе способствовало его выполненію: католицизмъ, оставшійся въ польскихъ губерніяхъ, былъ искаженъ мірскими видами, заподозрѣнъ общественнымъ мнѣніемъ, онъ падалъ; преобразованія были необходимы, а римскому двору было не до нихъ, ему предстояло спасать самого себя отъ революціонныхъ волненій. Поэтому именно возможны были не только частныя, но и основныя преобразованія въ русской латынской церкви; когда шло дѣло о сохраненіи вѣры, тогда можно было принести ей въ жертву честолюбивыя посягательства ея служителей. Исторія представляетъ намъ болѣе разительный примѣръ ограниченія власти папской самимъ католическимъ духовенствомъ: до сихъ поръ существуетъ утрехтская католическая церковь, въ Голландіи, епископы которой, оставшись вполнѣ вѣрными основному ученію римской церкви и почитая папу за ея первосвященника, не только не дозволяютъ ему мѣшаться во внутреннія распоряженія своихъ епархій, но, не испрашивая его разрѣшенія, посвящаютъ даже, на основаніяхъ первобытныхъ постановленій Церкви, собственною властію епископовъ, и только увѣдомляютъ римскій дворъ о посвященныхъ ими.

Послѣ этого, легко себѣ представить, какъ принята была митрополитомъ постоянная нунціатура графа Литта. Едва послѣдовало на это разрѣшеніе государя, онъ представилъ записку подъ заглавіемъ: «*De l'élection des Papes*», въ которой показывалъ, какіе должны быть положены предѣлы папской власти,

доказывая исторіею, что въ первые вѣка христіанства папы избирались духовенствомъ и народомъ, а утверждались императорами, что самое согласіе римскаго двора на посвященіе епископовъ есть не болѣе какъ знакъ духовнаго единства, но что распорядительная власть надъ епархіями принадлежитъ исключительно мѣстнымъ епископамъ, восколько это дозволяется государственными законами [1]. Послѣдующія записки были развитіемъ тѣхъ же убѣжденій съ болѣе положительными доводами о притязаніяхъ папскаго нунція на судъ и расправу въ дѣлахъ духовенства. Сестренцевичь просилъ даже, чтобы не только папскія буллы подлежали утвержденію государственной власти, какъ это всегда и дѣлалось въ Россіи, но чтобы римскій дворъ не присылалъ вовсе никакихъ буллъ иначе, какъ вслѣдствіе требованія митрополита, съ предварительнаго соизволенія на то государя [2].

Нунцій, родной братъ любимца государя, былъ принятъ въ Петербургѣ весьма радушно. Переговоры поручено было вести съ нимъ сначала князьямъ Безбородко и Репнину, а когда Репнинъ отправился въ Литву, то эта обязанность осталась на одномъ Безбородко. Съ самаго пріѣзда нунцій сталъ мѣшаться какъ въ политическія дѣла, такъ и во внутреннія распоряженія по епархіямъ, особенно же въ дѣла уніатовъ, а іезуиты, пользуясь его пребываніемъ, старались выдти изъ подчиненія митрополиту и зависѣть отъ одного генерала ихъ ордена. Государь долго объ этомъ ничего не зналъ, но въ ноябрѣ 1798 года велѣлъ графу Ростопчину сказать Сестрен-

(1) Моск. арх. м. и. д.

(2) Тамъ же.

цевичу, что онъ желаетъ, чтобы нунцій не очень мѣшался въ дѣла; съ этой минуты кончилось расположеніе къ нему государя.

Начальство надъ всѣмъ латынскимъ духовенствомъ предоставлено было митрополиту, съ подтвержденіемъ прежнихъ постановленій насчетъ разсмотрѣнія папскихъ буллъ, «дабы папа, невзирая на изгнаніе его изъ престольнаго града и странствованіе по разнымъ мѣстамъ, не наслалъ къ епископамъ или другимъ начальникамъ духовныхъ католическихъ властей, въ пріобрѣтенныхъ польскихъ губерніяхъ, буллъ, могущихъ произвесть недоумѣнія и клонящихся къ присвоенію себѣ власти управлять онымъ краемъ» ([1]). Признавая достаточными для порядка въ дѣлахъ латынскаго духовенства изданныя узаконенія, императоръ повелѣлъ митрополиту и духовнымъ властямъ управлять ввѣренными имъ паствами на единственномъ основаніи этихъ узаконеній и тѣхъ высочайшихъ повелѣній, которыя впослѣдствіи могутъ быть объявлены, безъ всякаго посторонняго вліянія папскихъ буллъ и посланій, «кои тѣмъ менѣе считаемъ Мы нужными», сказано въ рескриптѣ по этому предмету архіепископу, «что самая власть, отъ коей они проистекаютъ, по настоящему положенію обстоятельствъ, прсбываетъ въ недѣйствіи» ([2]).

([1]) Полн. собр. зак. т. XXV, № 18949.

([2]) Рескриптъ на имя митрополита Сестренцевича отъ 17 марта 1799 года.—Постановленіе насчетъ разсмотрѣнія папскихъ буллъ вновь подтверждено было 5 мая 1799 года, и всегда исполнялось. Такъ, напримѣръ, 21 іюля 1798 г. высочайше повелѣно исполнить представленные Его Величеству при докладѣ на разрѣшеніе буллу папы Пія VI, данную священнику виленской епархіи Чашкевичу на полученіе коадъюторіи, и посланіе папскаго духовнаго правительства іеромонаху піарскаго ордена

*

27 марта 1799 г. императоръ, встрѣтившись съ митрополитомъ, сказалъ ему: «когда нунцій будетъ захватывать царскія права, вмѣшиваться въ судопроизводство и противодѣйствовать даннымъ мною вамъ постановленіямъ, я поручаю вамъ сообщать объ этомъ сперва генералъ-прокурору; въ этомъ я ставлю васъ природнымъ вѣстникомъ; не забывайте обращаться ко мнѣ во всемъ». Спустя недолго, нунцій подалъ въ министерство замѣчанія, съ выраженіемъ неудовольствія на мнимое нарушеніе правъ папскаго престола повелѣніемъ или рескриптомъ императора, даннымъ митрополиту Сестренцевичу отъ 17 марта 1799 года, относительно принятія папскихъ буллъ въ Россіи. Въ отвѣтъ на замѣчанія нунція, министерство вручило ему ноту, въ которой, давъ почувствовать этому послу, что въ рѣшеніяхъ правительства, выраженныхъ въ означенномъ рескриптѣ, нѣтъ никакого преслѣдованія или нетерпимости, въ заключеніе объявило ему: 1) что все относящееся къ свѣтскимъ дѣламъ римско-католической церкви въ Россіи будетъ безусловно подчинено гражданскимъ судамъ; 2) что власть римскаго первосвященника должна ограничиваться единственно духовными дѣлами, то есть, уставами, обрядами и догматами его церкви, отъ чего зависитъ совершенное единство между ея главою и членами; 3) что только

Просцевичу на оставленіе монашества и вступленіе въ бѣлое священство.—Въ отношеніи къ митрополиту статсъ-секретаря Неплюева отъ 20 декабря 1798 года объявлено, что государь императоръ, утверждая представленныя митрополитомъ папскія буллы относительно освобожденія отъ монашескихъ обѣтовъ трехъ монаховъ виленской епархіи: Хойницкаго, Завадскаго и Буйвида, высочайше повелѣть изволилъ принять ихъ тѣмъ порядкомъ, который для папскихъ буллъ установленъ.

къ такого рода предметамъ должны относиться всѣ буллы, которыя папа будетъ присылать въ Россію римско-католическимъ епископамъ и костеламъ; 4) что для большей увѣренности въ томъ, что ни одна изъ этихъ буллъ никогда не переступитъ предписанныхъ границъ, необходимо, чтобы каждый подданный римско-католическаго исповѣданія, желающій испросить одну изъ нихъ, получилъ на это предварительное согласіе Его Императорскаго Величества, чтобы прежде нежели подобныя буллы получатся въ имперіи, представляемы были онѣ императору, и чтобы каждый разъ къ нимъ приложено было необходимое засвидѣтельствованіе.

Противодѣйствіе нунція мѣрамъ правительства наконецъ раздражило императора, тѣмъ болѣе, что оно сдѣлалось видимо систематическимъ. Такъ Литта немедленно протестовалъ противъ сдѣланнаго императоромъ избранія Сѣраковскаго на каменецкую каѳедру, имѣя своего кандидата на это мѣсто въ лицѣ Дембовскаго; князь Безбородко настоятельно просилъ митрополита употребить все свое вліяніе и заставить нунція отказаться отъ своихъ притязаній, напомнивъ ему, что императоръ не отступаетъ отъ своихъ рѣшеній, чему онъ самъ былъ свидѣтелемъ-очевидцемъ. Постоянно упрямый Литта объявилъ, что онъ откажетъ Сѣраковскому въ полномочіяхъ, безъ которыхъ онъ не можетъ управлять епархіей. Императоръ разгнѣвался на это. Узнавъ объ его негодованіи, нунцій препроводилъ къ тогдашнему министру иностранныхъ дѣлъ Ростопчину нужныя Сѣраковскому полномочія для управленія всею епархіею въ продолженіе шести лѣтъ. Но эта снисходительность опоздала: на другой день запрещено было графу

Литта являться во дворецъ, и наконецъ, «нашедъ ненужнымъ», какъ сказано въ указѣ, «всегдашнее пребываніе папскаго посла при дворѣ, а еще менѣе управленіе его католическою церковью въ имперіи» (¹), государь уничтожилъ нунціатуру и повелѣлъ нунцію въ 24 часа выѣхать изъ Петербурга за границу, а Сестренцевичу приказалъ описать папѣ причины, по которымъ нунцій удаленъ изъ Петербурга, и переслать это описаніе Суворову.

Впослѣдствіи времени, при папѣ Піѣ VII, римскій дворъ снова предпринялъ убѣдить русское правительство въ необходимости имѣть нунція въ С.-Петербургѣ. Столь близкія сердцу императора Павла дѣла мальтійскаго ордена способствовали поддержанію довольно постоянныхъ сношеній между обоими дворами; по этому случаю, въ началѣ 1801 года, посланъ былъ въ Римъ сенаторъ Лизакевичь (²), и ему-то

(¹) Полн. собр. зак. т. XXV, № 18949.

(²) Лизакевичь оставался въ Римѣ и первые годы царствованія императора Александра I, когда тамъ былъ русскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ графъ Кассини. Лизакевичь былъ человѣкъ умный и человѣкъ русскій, дорожившій достоинствомъ своего отечества, потому онъ настоятельно требовалъ, чтобы римскій дворъ не выдавалъ французскому правительству Вернега, французскаго эмигранта, принявшаго русское подданство (объ этомъ изложено въ главѣ «о сношеніяхъ императора Александра съ римскимъ дворомъ»), тогда какъ Кассини хлопоталъ только о томъ, чтобы замять дѣло. Эта честная настойчивость Лизакевича заслужила ему слѣдующее невыгодное сравненіе съ Кассини, сдѣланное кардиналомъ Консальви: «Entre ces deux plénipotentiaires régnait une ancienne et profonde aversion. Cassini craignait énormément Lizakevitz, qui ne cessait de le desservir auprès de sa cour. Le caractère intrigant et pervers de ce dernier, caractère, qu'il démasqua durant son ambassade à Gênes, le rendait terrible non seulement au comte Cassini, mais encore à tous ceux qui étaient en relation avec lui ou qui avaient le malheur d'être sous ses ordres». (Mémoires

папа выразилъ все свое желаніе относительно учрежденія нунціатуры въ Россіи; онъ прибавилъ: «мои желанія простираются далѣе: я хотѣлъ бы возсоединить церковь греческую съ церковью католическою; для столь важнаго дѣла, которое обезсмертитъ имя великаго Павла I, я готовъ лично отправиться въ С.-Петербургъ, чтобы бесѣдовать объ этомъ непосредственно съ императоромъ, характеръ котораго въ высшей степени честный, справедливый и рыцарскій».

Послѣ отъѣзда графа Литта Сестренцевичъ недолго оставался хозяиномъ въ своемъ управленіи и блюстителемъ за исполненіемъ начертанныхъ имъ правилъ. Давнишніе враги его іезуиты не могли смотрѣть равнодушно на постепенное увеличеніе власти митрополита; она сдѣлалась для нихъ опасною, тѣмъ болѣе, что Сестренцевичъ не любилъ и не уважалъ іезуитскаго ордена, а въ изданномъ въ 1798 году регламентѣ даже прямо распространилъ на нихъ епископское вліяніе. Въ 23 пунктѣ регламента сказано: «монахи, способные къ преподаванію, какъ то, езуиты,... піары, должны заниматься онымъ подъ покровительствомъ своего архіерея, который въ разсужденіи наукъ, полезныхъ обществу, имѣетъ сноситься съ гражданскимъ губернаторомъ». Этимъ узаконеніемъ налагался контроль надъ самымъ главнымъ институтомъ іезуитскаго ордена, надъ воспитаніемъ, способы и систему коего они всегда тщательно скрывали, потому нельзя было имъ нанести болѣе чувствительнаго удара. Выждавъ нѣсколько

du cardinal Consalvi, avec une introduction et des notes par J. Crétineau-Joly. Paris. 1864. t. 2. p. 320).

времени, іезуиты рѣшились дѣйствовать противъ митрополита всѣми средствами, которыми могли располагать, несмотря на то, что Сестренцевичь пользовался тогда милостію государя и достигъ такого положенія въ іерархіи, что былъ какъ-бы патріархъ латынской церкви въ Россіи. Орудіемъ своимъ они избрали своего сочлена, прибывшаго изъ Австріи Грубера [1], человѣка необыкновенно умнаго и хитраго, спеціально изучавшаго науки физическія и механику, въ которой даже сдѣлалъ нѣкоторыя открытія. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ какъ-бы для того только, чтобы представить академіи наукъ сдѣланныя имъ усовершенствованія по части механики; тамъ онъ нашелъ немало покровителей, въ томъ числѣ нѣсколько русскихъ вельможъ, бывавшихъ въ Полоцкѣ и восхищавшихся отлично устроенными іезуитами физическимъ кабинетомъ, типографіею и другими учеными приспособленіями. Груберъ и сопровождавшіе его іезуиты появились въ петербургскомъ обществѣ, посѣщали академію, однимъ словомъ бывали вездѣ, гдѣ могли составить себѣ связи, и отличались столько же своими знаніями, сколько и необыкновенною наружною скромностію. Вѣсть объ ихъ достоинствахъ и христіанской жизни дошла до государя; онъ призвалъ къ себѣ Грубера, былъ отъ него въ восхищеніи, и, въ доказательство своей милости, тутъ же хотѣлъ пожаловать его кавалеромъ какого-то ордена. Груберъ поблагодарилъ, но не принялъ этого отличія, такъ какъ правила его сословія того не дозволяютъ, и при этомъ смиренно

[1] Груберъ родился въ 1740 году, вступилъ въ орденъ въ 1755, а съ 1786 былъ профессоромъ механики и архитектуры въ Полоцкѣ.

сказалъ, что они обязываются служить государямъ и ихъ подданнымъ, единственно для умноженія славы Божіей, *ad majorem Dei gloriam*. Этотъ отвѣтъ такъ понравился императору, что онъ позволилъ Груберу приходить къ нему, когда захочетъ, прямо въ кабинетъ, и впослѣдствіи встрѣчалъ его словами: *ad majorem Dei gloriam!* Посѣщенія эти не остались безуспѣшными для іезуитовъ: вскорѣ имъ отданъ былъ петербургскій костелъ съ принадлежащимъ къ нему домомъ (1), и тотчасъ же открыты при костелѣ іезуитскія школы и конвиктъ. Такимъ образомъ іезуиты основались въ Петербургѣ, украсили свой храмъ, угождали всѣмъ прихожанамъ, ничего не брали за требы и ввели краснорѣчивыхъ проповѣдниковъ на главнѣйшихъ европейскихъ языкахъ; вскорѣ заговорила о нихъ вся столица. Вслѣдъ за симъ разрѣшено имъ было умножить ихъ заведенія въ западномъ краѣ, гдѣ до того они имѣли одинъ только новиціатъ въ Полоцкѣ, и въ пользу вновь учреждаемыхъ училищъ отдавать имѣнія (2), отобранныя еще польскимъ правительствомъ, по уничтоженіи въ 1773 году іезуитскаго ордена. Митрополитъ исполнялъ высочайшую волю и молчалъ, ибо малѣйшее возраженіе съ его стороны погубило бы и его самого и всѣ сдѣланныя по р. католической части учрежденія. Но это совершилось и безъ того, только нѣсколькими мѣсяцами позже; іезуиты конечно не могли довольствоваться однимъ петербургскимъ костеломъ; они искали его, чтобы пріобрѣсти осѣдлость въ столицѣ и съ бóльшимъ удоб-

(1) Полн. собр. зак. т. XXIV, №№ 19596 и 19608.
(2) Тамъ же, № 19597.

ствомъ захватить въ руки свои все управленіе латынскою церковью, и достигли этого вполнѣ. Черезъ своихъ сообщниковъ, оставаясь сами какъ-бы въ сторонѣ, они заставили подавать жалобу за жалобою на католическій департаментъ юстицъ-коллегіи, въ которомъ предсѣдательствовалъ митрополитъ. Государь, желая знать истину, потребовалъ къ себѣ Грубера, который тутъ же и довершилъ изуитскую побѣду: Сестренцевичу запрещено было являться во дворецъ и снято съ него достоинство кавалера мальтійскаго ордена.

Спустя нѣсколько дней, въ одиннадцать часовъ вечера, полицмейстеръ Зильбергарнишъ явился къ Сестренцевичу (который жилъ въ коломенской части, близь костела), нашелъ его въ постели и объявилъ ему повелѣніе императора немедленно встать и отправиться спать на подворье св. Іоанна (принадлежавшее мальтійскому ордену), чтобы дать мѣсто Груберу. Митрополитъ всталъ и въ три часа уже лежалъ въ постели на подворьѣ. Груберъ прибылъ, принялъ въ свое завѣдываніе костелъ, и послѣ разговора съ прихожанами, своими друзьями, сказалъ: «сознайтесь, что я хорошо вымелъ костелъ»! Митрополитъ не зналъ своего прошедшаго проступка, а еще болѣе своей будущей судьбы; чтобы уяснить себѣ это, онъ отправился къ генералъ-губернатору города, графу Палену, и спросилъ его, какая бы могла быть причина запрещенія являться ему во дворецъ. Графъ отвѣчалъ: «право, я не знаю объ этомъ ничего»; потомъ прибавилъ: «каковы вы съ патеромъ Груберомъ»? Этотъ вопросъ открылъ ему глаза; онъ болѣе не сомнѣвался, что Груберъ захотѣлъ удалить его отъ двора. Оттуда онъ отправился

къ виленскому генералъ-губернатору Кутузову, давнему своему другу, и предложилъ ему тотъ же вопросъ. Отвѣтъ послѣдовалъ болѣе ясный: «патеръ Груберъ», сказалъ Кутузовъ, «жаловался мнѣ на васъ, но его жалобы кажутся мнѣ столь маловажными, что я постараюсь васъ помирить; приходите ко мнѣ завтра утромъ въ семь часовъ; въ это же время я приглашу и Грубера; онъ вѣрно придетъ». На другой день митрополитъ съ точностію явился въ назначенный часъ, пробылъ у Кутузова почти до девяти часовъ, а Груберъ не приходилъ; тогда онъ понялъ, что этотъ патеръ вѣренъ своей цѣли и непоколебимъ въ своемъ намѣреніи воспользоваться довѣріемъ къ нему императора, чтобы повредить ему и, какъ онъ узналъ послѣ, погубить его. Это было только началомъ драмы. Груберъ, имѣвшій, какъ мы сказали, свободный входъ къ императору во всякое время, явился къ нему. «Что новаго»? спросилъ его императоръ; «о чемъ говорятъ въ городѣ»? Груберъ отвѣчалъ: «потѣшаются надъ указомъ, который Ваше Величество издали въ нашу пользу».— «А кто осмѣлился на это»?—Патеръ вытащилъ изъ кармана списокъ, въ которомъ двадцать семь человѣкъ предназначены были къ ссылкѣ. Немедленно дано было повелѣніе всѣхъ сослать или заключить въ тюрьму; одни подверглись этому тотчасъ, а другіе чрезъ нѣсколько дней; въ числѣ послѣднихъ были митрополитъ и члены коллегіи. Митрополитъ былъ освобожденъ 14 ноября 1800 г. и сосланъ въ свое помѣстье. «Эти пролазы (*lourques*)», сказалъ Груберъ, «никогда не возвратятся».

Сдѣлавшись владыками судебъ католицизма въ Россіи, уничтоженные и не признанные еще тогда

папою, іезуиты поставили во главѣ латынской іерархіи въ имперіи свою креатуру, коадъютора митрополита епископа Бениславскаго, человѣка, который, по сознанію самихъ личныхъ враговъ Сестренцевича, неспособенъ былъ ни къ какому управленію. Единственною цѣлію дѣйствій Бениславскаго было угождать іезуитамъ ([1]).

По удаленіи Сестренцевича, разрушены были до основанія всѣ главныя начала, на которыхъ устроено было со временъ Екатерины управленіе въ Россіи латынскою церковью: власть епископская была парализована, и напротивъ монашескія сословія были выдвинуты на первый планъ. Слѣпое орудіе іезуитовъ, Бениславскій выполнилъ всѣ ихъ указанія: для уменьшенія вліянія президента католическаго департамента, которымъ былъ митрополитъ, отнято у него право назначать въ оный членовъ, а предоставленъ ихъ выборъ епархіямъ; всякая связь подчиненности епископовъ митрополиту была разрушена; значеніе епископовъ унижено возстановленіемъ права ктиторства для бѣлаго духовенства и совершенной независимости отъ нихъ монашескихъ сословій, такъ что епископы могли только рукополагать въ іеромонахи и дозволять монахамъ исповѣдывать и исправлять мірскія требы; въ этомъ заключалась вся ихъ власть надъ монашескими орденами, которые, не подлежа

([1]) Zbiór wiadomości, etc. p. 175: «Nie podpadalo żadney wątpliwośći, iz aczkolwick Benislawski byl mąź dostojny, bogobojny i uczony, aczkolwiek nie byl w administracyi hierarchii kośćiola i prawidlach rządu zaniedbaly i obcy, przecież byl jednostronnym, i uwodzil się jedynym tylko celem, to jest chęcia postawienia lozu Jezuitow w Rossyi na najwyzszym wziętośći szczeblu».

болѣе ихъ вѣдѣнію и изъятые вовсе отъ ихъ контроля, управлялись отдѣльно отъ остальнаго духовенства выбираемыми ими самими провинціалами, и даже въ географическомъ положеніи провинціи различныхъ орденовъ не совпадали съ предѣлами епархій. Въ самыхъ высочайшихъ указахъ расточалась похвала монахамъ, писанная, разумѣется, перомъ іезуитовъ, и даже до такой степени, что остальное духовенство роптало, видя въ своемъ пастырѣ безмолвнаго слугу іезуитовъ. «Съ чувствомъ сожалѣнія и скорбію должны мы сознаться», говоритъ фанатическій католикъ, что «оставленіе монашескихъ орденовъ подъ ихъ собственнымъ управленіемъ принесло горькіе плоды для церкви» [1]. Но іезуиты думали только о своемъ орденѣ, и въ этомъ отношеніи потрудились не даромъ: они стали настоящими господами въ духовной іерархіи имперіи, и пользуясь своимъ могуществомъ, въ одинъ годъ распространились по всѣмъ концамъ Россіи: захватили себѣ нѣсколько костеловъ въ саратовскихъ и южныхъ колоніяхъ, взяли въ свое управленіе католическія церкви въ Одессѣ и Ригѣ, гдѣ открыли школы, также въ Астрахани и Моздокѣ.

Покровительство императора Павла іезуитамъ переходило за предѣлы имперіи: 10 декабря 1800 года, въ рескриптѣ русскому министру въ Константинополѣ тайному совѣтнику Тамарѣ, императоръ изъявлялъ намѣреніе принять подъ свое покровительство іезуитовъ, какъ общество полезное для государства, и повелѣвалъ министру убѣдить порту къ доброжелательству этому обществу, которое тамъ

(1) Zbiór wiadomości, etc. p. 178—179.

подверглось будто бы притѣсненію, по случаю войны Франціи съ Турціею. При этомъ мы должны напомнить, что, по уничтоженіи іезуитскаго ордена, іезуиты, по распоряженію пропаганды, замѣнены были въ турецкихъ владѣніяхъ лазаристами; но когда вспыхнула французская революція, французскіе резиденты и консулы въ портѣ прогнали лазаристовъ, а дома и земли, приписанные къ латынскому духовенству, обратили въ собственность республики; когда же Турція объявила войну Франціи, то конфисковала эти имущества; тогда-то іезуиты и стали хлопотать чрезъ русское правительство, чтобы эти имущества, которыя въ послѣднее время принадлежали вовсе не имъ, а лазаристамъ, отданы были ихъ ордену.

Но вѣнцомъ происковъ Грубера было послѣдовавшее, по ходатайству русскаго правительства, бреве папы Пія VII отъ 7 марта 1801 года, коимъ іезуитамъ дозволялось соединиться въ общество, подъ названіемъ общества Іисусова, впрочемъ только въ предѣлахъ россійской имперіи (что̀ они сдѣлали давно прежде самовольно), и учреждать училища. Въ этомъ бреве было сказано: «Мы дозволяемъ и жалуемъ нашею апостольскою властію вамъ (генералу ордена) и другимъ живущимъ въ Россіи священникамъ право и полномочіе соединиться и сформироваться въ одно тѣло, въ одну и ту же конгрегацію подъ названіемъ общества Іисусова, къ которому могутъ присоединиться живущіе въ тѣхъ странахъ, какъ бывшіе уже членами этого общества, такъ и пожелавшіе принадлежать къ нему впослѣдствіи, и притомъ въ одномъ или во многихъ домахъ, по распоряженію и по волѣ начальника ордена, *но только*

въ Россіи, а не внѣ предѣловъ этой имперіи. Сверхъ того, мы поставляемъ и признаемъ васъ, любезный сынъ нашъ, генераломъ сказаннаго товарищества или общества, по распоряженію апостольскаго престола, со всѣми потребными и необходимыми полномочіями. Мы дозволяемъ всѣмъ вамъ, сколько васъ есть, слѣдовать и соблюдать уставъ святаго Игнатія, одобренный предшественникомъ нашимъ, папою Павломъ III. Мы объявляемъ, что принятые вами въ свое общество могутъ заниматься образованіемъ юношества въ наукахъ и добрыхъ нравахъ, равно какъ управлять коллегіями и семинаріями; съ одобренія мѣстнаго епископа, они могутъ по праву и законно отправлять всѣ обязанности святаго служенія, проповѣдывать слово Божіе, исповѣдывать кающихся, совершать таинства». Очевидно, что до этого времени іезуиты не имѣли права исполнять простыя обязанности священниковъ, и что въ продолженіе тридцати лѣтъ они присвоивали себѣ это право, не обращая никакого вниманія на формальныя предписанія главы церкви, имя котораго они умѣютъ выдвигать впередъ, когда это имъ нужно. Францискъ Карё (Kareu) былъ назначенъ генераломъ ордена (¹).

По этому случаю папа Пій VII прислалъ императору Павлу слѣдующее собственноручное письмо: «Принимаемое Вашимъ Императорскимъ Величествомъ участіе въ обращенной къ намъ просьбѣ—дать нашею властію каноническое существованіе обществу Іисусову въ имперіи Вашего Величества, служитъ для

(¹) Карё родился въ 1731 г., вступилъ въ орденъ въ 1754, съ 1786 года былъ въ Полоцкѣ.

насъ самымъ сильнымъ побужденіемъ согласиться на это. Мы не сомнѣваемся, что подобная уступка послужитъ прямо къ пользѣ католической религіи въ вашей имперіи, къ образованію и воспитанію исповѣдующихъ ее вашихъ подданныхъ, а также къ искорененію вредныхъ правилъ, противныхъ религіи, верховной власти и обществу. Всѣ эти соображенія, свойственныя нашему апостольскому служенію, заставляютъ насъ согласиться съ мудрыми видами Вашего Императорскаго Величества, и мы честь имѣемъ препроводить къ вамъ бреве, которымъ даемъ нашу формальную санкцію на существованіе іезуитовъ въ имперіи Вашего Величества, согласно выраженному въ вашемъ письмѣ прошенію».

Это письмо папы уже не застало въ живыхъ императора Павла. Бреве было послано для исполненія, въ началѣ царствованія императора Александра I, но не чрезъ генерала ордена Карё, умершаго въ августѣ 1802 года, а чрезъ знаменитаго Грубера, поступившаго на его мѣсто. Здѣсь будетъ кстати привести письмо канцлера къ Груберу отъ 8 сентября 1802 года, при которомъ послано было бреве; ибо оно содержитъ въ себѣ точныя условія, на которыхъ только и имѣлъ право этотъ орденъ существовать въ Россіи, условія, подписанныя самими іезуитами и, какъ увидимъ, весьма скоро нарушенныя ими. «Я докладывалъ Его Величеству», говоритъ канцлеръ въ этомъ письмѣ, «о вашемъ желаніи ввести преподаваніе всѣхъ наукъ въ вашихъ коллегіяхъ на русскомъ языкѣ, и о вашей заботливости—никогда въ вашихъ монастыряхъ или коллегіяхъ не допускать ничего такого, чтò могло бы представлять малѣйшее неудобство для господствующей религіи.

Его Величество льститъ себя надеждою, что вы съ точностію исполните обѣщанія, данныя вами отъ имени вашего ордена. Сверхъ того, императоръ требуетъ, чтобы въ случаѣ нарушенія ихъ, и особенно если кто осмѣлится склонять юношество, исповѣдующее другую религію, а не римско-католическую, къ принятію этой послѣдней, поступаемо было со всею строгостію, и чтобы эти побужденія служили необходимымъ условіемъ покровительства ордену іезуитовъ и даже терпимости его въ Россіи».

Однако іезуиты, не знавшіе болѣе никакихъ мѣръ своимъ желаніямъ, нисколько не удовлетворились такимъ мѣстнымъ возстановленіемъ своего ордена, ограничивавшимся одною Россіею, и генералъ іезуитскаго ордена жаловался на то папѣ, говоря, что будто императоръ недоволенъ его бреве, ибо Павелъ какъ-бы преимущественно желалъ, чтобы возстановленному въ Россіи ордену позволено было имѣть миссіонеровъ въ другихъ государствахъ ([1]).

Не стало Сестренцевича, распалось и все управленіе. Онъ, между тѣмъ, живя сначала въ своемъ помѣстьѣ Буйничѣ, въ шести верстахъ отъ Могилева, а потомъ переведенный въ другое его имѣніе Малатычь, для удаленія отъ губернскаго города, подъ

([1]) По изгнаніи іезуитовъ въ Россіи найденъ былъ въ ихъ бумагахъ замѣчательный манускриптъ: «Исторія общества Іисусова въ Россіи съ 1772 по 1802 годъ». Къ несчастію, этотъ манускриптъ не сохранился. Мы знаемъ только о немъ, что онъ состоялъ изъ 144 страницъ, былъ очень хорошо написанъ и весьма занимателенъ по точности, съ какою авторъ, или авторы, знавшіе не только обстоятельства, но даже всѣ побудительныя оныхъ причины, собрали все, что случилось и о чемъ была переписка какъ съ министрами и русскими государями, такъ и съ папою, касательно ихъ общества. Исторія эта была написана исключительно для іезуитовъ.

надзоръ земской полиціи, какъ-бы человѣкъ опасный для правительства, для котораго онъ дѣлалъ болѣе, чѣмъ оно само для себя, съ честію и достоинствомъ выносилъ не заслуженную ссылку: оставленный въ совершенномъ одиночествѣ, ибо всѣмъ запрещенъ былъ доступъ до него, онъ предался наукѣ, доканчивалъ начатое еще при жизни князя Потемкина сочиненіе свое о Тавридѣ и занимался изслѣдованіями о славянахъ.

Странная была участь уніи въ царствованіе императора Павла: легче представить ее, чѣмъ объяснить. Государь вѣроятно не понималъ значенія этого переходнаго ученія и не зналъ относившихся до него учрежденій; притомъ, по своему характеру впадая въ крайности, увлекаясь отъ симпатіи къ рѣшительной антипатіи, онъ часто говорилъ Сестренцевичу въ разговорѣ объ уніатахъ: «я не люблю ихъ, они ни то ни сё, ни рыба ни мясо». Однажды, въ 1799 году, онъ сказалъ ему еще яснѣе: «я не терплю уніатовъ; вы хорошо понимаете меня». Только этимъ и можно объяснить дѣйствія въ это время русскаго правительства относительно уніатовъ. Въ 1797 году римскій дворъ домогался возстановленія подчиненности уніатскихъ епархій львовскому митрополиту этого обряда, сдѣлавшемуся подданнымъ австрійскаго императора. На это требованіе государь далъ слѣдующую собственноручную резолюцію: «подчинить всѣхъ уніатскихъ поповъ одному»; но, какъ извѣстно, они и безъ того подчинены были одному полоцкому архіепископу Лиссовскому, ибо императрица Екатерина изъ всѣхъ уніатскихъ епархій оставила одну полоцкую. Толковать эту резолюцію, какъ подтвержденіе, чтобы не было болѣе одной епархіи,

нельзя, потому что въ слѣдующемъ же году послѣдовало высочайшее повелѣніе учредить, кромѣ полоцкой, еще двѣ епархіи: брестскую, для губерній литовской и минской, и луцкую, для волынской и остальныхъ западныхъ ([1]). Епархіи эти, уничтоженныя Екатериною послѣ присоединенія значительнаго уніатскаго народонаселенія къ православію, должны были, разумѣется, по возстановленіи ихъ, утвердить разрушавшуюся унію и отдалить народъ отъ православной Церкви, къ которой онъ имѣлъ такъ много склонности; основаны же были онѣ папами единственно для распространенія уніатскаго ученія, и притомъ тогда, когда въ этихъ странахъ было несравненно болѣе людей этого обряда; потому и дѣйствовать такимъ образомъ могъ Римъ, а не русское правительство, тѣмъ болѣе, что не было и никакихъ просьбъ объ этомъ со стороны уніатской паствы. Бывшіе при польскомъ правительствѣ епископами: Гловневскій—брестской, а Левинскій—луцкой епархій, по убѣжденіямъ и дѣламъ ревностные католики, возвращены на прежнія каѳедры. Но этого не довольно: русское правительство сдѣлало для Рима то, чего онъ самъ, въ продолженіе двухъ вѣковъ, не осмѣлился предпринять,—оно отдало всю уніатскую церковь въ полное и открытое подчиненіе католикамъ. Мы видѣли, какъ тщательно избѣгалъ всегда римскій дворъ показать явно, что онъ стремится къ совершенному сліянію двухъ обрядовъ, какъ строго подтверждали папы ихъ отдѣльность въ изданныхъ въ разное время буллахъ, какъ высшая уніатская іерархія до послѣдняго года существованія Польши

([1]) Полн. собр. зак. т. XXV, № 18503.

*

осталась независимою отъ латынской. Это сліяніе двухъ церквей, о которомъ такъ много и долго заботился Римъ, не смѣя прямо въ томъ сознаться, послѣдовало относительно ихъ управленія вслѣдствіе такой несовсѣмъ понятной резолюціи императора Павла: «такъ какъ уніаты присоединенные или къ намъ, или къ католикамъ, а не сами по себѣ». Ясно, что по введеніи уніи, люди, перешедшіе въ этотъ обрядъ, уже тѣмъ самымъ перестали быть присоединенными къ православной Церкви, а такъ какъ отдѣльность высочайшею резолюціею была имъ воспрещена, то высшее духовное управленіе уніатскою церковью и отдано было католическому департаменту, въ которомъ не дозволено было даже уніатскимъ епархіямъ, подобно латынскимъ, имѣть своихъ представителей или членовъ (1). Итакъ, сдѣлано было все, чтобы окатоличить окончательно уніатовъ, но сдѣлано конечно не по убѣжденію, не по системѣ, а по невѣдѣнію. Это видно изъ всѣхъ дѣйствій правительства по этой части: укореняя самую тѣсную съ римскою церковью унію, оно, съ другой стороны, дѣйствуетъ, вѣроятно и само того не замѣчая, противъ главныхъ поборниковъ своего же, хотя безотчетнаго, направленія, противъ базиліанъ,—приступивъ къ предположенному императрицею Екатериною сокращенію ихъ монастырей (2), и распростра-

(1) Полн. собр. зак. т. XXVI, № 19706.

(2) Въ данномъ 30 декабря 1797 года каменецъ-подольскому военному губернатору Беклешеву высочайшемъ указѣ сказано: «конфирмуя рескриптъ отъ 3 сентября 1795 года о размѣщеніи монаховъ уніатскихъ, приступите къ оному, начавъ съ жидичинскаго монастыря, который состоитъ въ волынской губерніи, и доставя ко мнѣ вѣдомость и о другихъ, кои, по разсмотрѣнію вашему, къ размѣщенію назначены будутъ».

няя на нихъ постановленія, изданныя для римской церкви, то есть, подчиняя ихъ уніатскимъ епископамъ ([1]). Но этотъ орденъ, конечно, понималъ тогдашнее свое положеніе и вовсе о томъ не безпокоился; при Екатеринѣ это имѣло бы для нихъ значеніе радикальной реформы ихъ сословія, теперь же было одною несбыточною странностію, ибо все клонилось къ рѣшительному поглощенію уніи католицизмомъ, а базиліане были его представителями. Оттого съ этого времени, когда между уніею и католицизмомъ правительство не находило нужнымъ дѣлать различія, базиліане какъ-бы признаны были латынскимъ монашескимъ сословіемъ, ибо постановленія объ ихъ орденѣ внесены даже въ регламентъ, изданный въ 1798 году для римской церкви въ имперіи. Вотъ какими средствами, или, лучше сказать, какими грубыми ошибками правительства, поддерживалась еще готовая упасть унія; если продлилось ея существованіе, то не потому, что въ ней была жизнь, а оттого, что искусственнымъ образомъ помѣшали ей умереть.

При такомъ положеніи дѣлъ, ободрилась латынская пропаганда: не довольствуясь полнымъ самоуправленіемъ, римское духовенство искало уже завоеваній и стало насильственно обращать въ свою вѣру не только уніатовъ, но и православныхъ. «Нынѣ увѣдомляемся», говорится въ одномъ указѣ 1797 года, «что въ нѣкоторыхъ присоединенныхъ отъ Польши къ державѣ нашей губерніяхъ духовенство и помѣщики римско-католическаго исповѣданія, обращая во зло данную отъ насъ свободу исповѣданія

([1]) Полн. собр. зак. т. XXV, № 18503.

вѣры, явнымъ образомъ притѣсняютъ священнослужителей православныя грекороссійскія Церкви, и не токмо тайно внушеніями, но даже и насильственно отторгаютъ отъ Церкви сей людей, добровольно къ ней прилѣпившихся, обращая ихъ къ уніатству» ([1]). Подобныя подтвержденія повторялись и впослѣдствіи ([2]), но само собою разумѣется, безуспѣшно, ибо, приказывая съ одной стороны, доставляли съ другой, самыми учрежденіями, всѣ средства къ нарушенію приказаній. Итакъ, совращенія и въ унію и въ католицизмъ не только не прекратились, но постепенно усиливались. Русское правительство на свои деньги воздвигало, возобновляло и поддерживало латынскія монастырскія церкви ([3]).

([1]) Полн. собр. зак. т. XXIV, № 17879.

([2]) Тамъ же, т. XXV, № 18818.

([3]) Въ 1798 г. императоръ Павелъ, бывши въ Гроднѣ, назначилъ тамошнему бонифратрскому монастырю 450 р. ежегоднаго пособія изъ казны. Въ 1797 году, ночуя въ Лидѣ, онъ замѣтилъ, что піарская деревянная церковь приходитъ въ ветхость, и велѣлъ отпустить изъ казны 5,000 р. на постройку каменной церкви. Въ благодарность піары прибили доску, въ комнатѣ, гдѣ ночевалъ у нихъ императоръ, въ воспоминаніе его посѣщенія.

IX.

СИСТЕМА УПРАВЛЕНІЯ ЛАТЫНСКИМЪ ДУХОВЕНСТВОМЪ ПРИ ИМПЕРАТОРѢ АЛЕКСАНДРѢ I.

Учрежденіе комитета для составленія положенія объ управленіи латынскою церковью, 1801 г.—Вызванный изъ ссылки митрополитъ Сестренцевичь назначается предсѣдателемъ р. к. духовной коллегіи.—Задачею положенія 1801 г. было сблизить постановленія каноническія съ законами государственными; трудности въ исполненіи. — Опредѣленіе церковныхъ имуществъ положеніемъ 1801 г. — Ограниченіе власти митрополита.—Требованія правительства отъ римскаго престола болѣе широкихъ правъ для епископовъ, 1803 г.— Систематическая оппозиція одной части духовенства митрополиту.—Проэктъ устава для католическаго духовенства, составленный Сестренцевичемъ, 1805 г. — Преимущества и обязанности духовной коллегіи.—Учрежденіе главнаго управленія духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, 1810 г. — Русское министерство возобновляетъ ходатайство предъ римскимъ престоломъ о правахъ епископовъ, 1808 г.—Оно требуетъ болѣе обширныхъ правъ для митрополита, 1811 г. — Права, данныя Сестренцевичу, 1812 г. — Просьба къ римскому престолу о возведеніи Сестренцевича и его преемниковъ въ санъ примаса, 1815 г.— Римскій дворъ даетъ одинъ только титулъ примаса безъ правъ; русское правительство отвергаетъ это. — Новыя сношенія съ римскимъ дворомъ о правахъ епископскихъ, не имѣвшія успѣха, 1817—1820 г. — Точка зрѣнія министерства иностранныхъ дѣлъ на духовныя дѣла. — Картина римской политики, начертанная русскимъ посломъ при римскомъ дворѣ, Италинскимъ, 1824 г.

При самомъ восшествіи своемъ на престолъ императоръ Александръ учредилъ подъ предсѣдательствомъ генералъ-прокурора Беклешева комитетъ изъ сенаторовъ графовъ Потоцкаго и Віельгорскаго и мальтійскаго священника Маслета для разсмотрѣнія сдѣланныхъ въ предшествовавшее царствованіе обвиненій противъ митрополита и для составленія положенія объ управленіи латынскою церковью. Сестренцевичь оставался тогда еще въ ссылкѣ въ своемъ имѣніи, а враги его, и преимущественно іезуиты, были на лицо въ Петербургѣ и дѣйствовали на членовъ комитета. Подъ этимъ впечатлѣніемъ и желая согласить двѣ противныя стороны, комитетъ принялъ за основаніе своего труда невозможную въ исполненіи средину между противорѣчащими мнѣніями и составилъ положеніе, по его убѣжденію, «сближавшееся къ образу государственнаго правленія и къ каноническимъ правиламъ, на основаніи которыхъ дѣла римской церкви долженствуютъ быть управляемы и распоряжаемы безъ всякаго чуждой власти (т. е. папской) вліянія». Согласить каноническія права, или хартію римскаго полновластія, съ самодержавными правами верховной власти и притомъ такъ, чтобы отстранить вліяніе папское,—то же, чтѐ подчинить сословіе двумъ самовластнымъ государямъ, не нарушивъ преимуществъ ни того, ни другаго, то есть, дѣло совершенно невозможное. Потому, вмѣсто предположеннаго примиренія двухъ разнородныхъ началъ, положеніе не удовлетворило обоимъ и получило тотъ характеръ нерѣшительности, неясности и сбивчивости, который имѣютъ обыкновенно законы, порождающіе при своемъ примѣненіи вопросы, недоумѣнія и нелегко

разрѣшаемыя на практикѣ противорѣчія и раздоры.

Митрополита положено было возвратить въ его управленіе и, сообразно съ его саномъ, сдѣлать предсѣдателемъ римско-католической духовной коллегіи, учреждаемой вмѣсто бывшаго католическаго департамента, но вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшить его вліяніе на дѣла, и для этого, кромѣ двухъ членовъ коллегіи, ею самою избираемыхъ и утверждаемыхъ Сенатомъ, предоставить избраніе шести остальныхъ епархіальнымъ капитуламъ каждые три года. При существовавшемъ противодѣйствіи сильной партіи духовенства противъ Сестренцевича, такое учрежденіе давало ей законныя орудія къ дѣйствіямъ наперекоръ видамъ митрополита, ослабляя его распоряженія и возбуждая его еще болѣе противъ своихъ противниковъ. Власть епископская въ дѣлахъ епархіальнаго управленія была равномѣрно и весьма существенно ограничена, какъ надъ монашествующимъ, такъ и надъ бѣлымъ духовенствомъ. Архіереямъ запрещено было вступаться въ распоряженія монастырскія и выборы монашескіе, и орденскіе провинціалы признаны имъ неподвластными. Это постановленіе, какъ мы уже знаемъ, чисто-каноническое, т. е., выгодное для Рима и пагубное для церкви; но чтобы оно было вполнѣ сообразно съ папскими учрежденіями, слѣдовало признать зависимость провинціаловъ отъ ихъ орденскихъ генераловъ, находящихся въ Римѣ; ибо, по смыслу римскому, они прямые и непосредственные начальники своихъ орденовъ во всѣхъ государствахъ. Но составители положенія, думавшіе сблизить постановленія каноническія съ законами государственными, не до-

пустили именно этого кореннаго, по видамъ римскаго двора, правила, и внесли въ положеніе ограниченіе, чтобы провинціалы «не дерзали однако же, вопреки высочайшему прещенію, подъ опасеніемъ суда уголовнаго, какое-либо имѣть сношеніе съ генералами монашескихъ орденовъ, или иными властьми, внѣ Россіи находящимися». Такимъ ограниченіемъ каноническое правило нарушено, а вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣленіемъ провинціаловъ отъ зависимости епископовъ уничтожено единство въ церковномъ правительствѣ: кромѣ епархіальныхъ начальниковъ, явились совершенно отдѣльные начальники монаховъ и столько, сколько въ Россіи было монашескихъ орденовъ, а ихъ было не мало. Но и тутъ, въ тѣхъ же несбыточныхъ видахъ примиренія противорѣчащихъ властей и интересовъ, за епископами оставлены какія-то номинальныя права надъ монашествующимъ духовенствомъ, которыми въ сущности пользоваться было нельзя, но за то толковать ихъ было можно то въ пользу, то противъ духовной власти. Отдѣливъ монаховъ отъ общаго епархіальнаго управленія, положеніе вмѣняетъ однако имъ въ обязанность не уклоняться отъ надзора и напоминаній архіереевъ, а провинціаламъ—сообщать епископамъ разныя статистическія свѣдѣнія о своихъ провинціяхъ, а епископамъ даже предоставляется, также противно каноническимъ правиламъ, обозрѣвать монастыри, наблюдать за преподаваніемъ наукъ въ монастырскихъ училищахъ и давать по этому предмету приказанія, «согласныя», какъ сказано, «законнымъ правиламъ»; а правила эти такія, что каждый орденъ руководствуется въ семъ случаѣ своимъ уставомъ, значитъ епископъ ничего приказывать не

могъ. Епископы могли принимать и жалобы на провинціаловъ, и разсматривать ихъ, но только для своего свѣдѣнія, ибо давать по нимъ рѣшеній не имѣли права, а представляли въ коллегію. Очевидно, что такія неопредѣленныя и въ сущности противорѣчащія постановленія, нарушая столько же право каноническое, какъ и государственныя постановленія, изданныя на пользу церкви, основаніе которой есть единство духовной власти, должны были породить въ монахахъ мысли о совершенной независимости, а въ епископахъ притязаніе на вмѣшательство въ дѣла монашескихъ орденовъ, и что эти противоположныя направленія равно соотвѣтствовали смыслу положенія, не разрѣшавшему противорѣчій, а только видимымъ образомъ ихъ соглашавшему. Въ отношеніи къ бѣлому духовенству власть епископовъ была ослаблена возстановленіемъ права ктиторства, то есть, назначеніемъ къ нѣкоторымъ и, какъ увидимъ ниже, къ весьма многимъ приходамъ священниковъ не епархіальнымъ начальствомъ, а основателями церквей и ихъ потомками, по большей части дворянами и помѣщиками. Соглашеніе каноническаго права съ законами государственными выражено такимъ образомъ въ положеніи: «Коллегіи, епархіальнымъ архіереямъ и консисторіямъ, такъ какъ вообще и частно римско-католическому духовенству, въ отправленіи дѣлъ и должностей своихъ поступать по законамъ и правиламъ церкви ихъ, наблюдая притомъ неупустительно все, что въ разсужденіи отношенія ко внѣшней власти и внѣшняго церковнаго сообщества Монаршими указами запрещено и повелѣно, и охраняя по долгу вѣрноподданической присяги права самодержавной

власти, государственныя узаконенія и высочайшій интересъ».

Какъ ни мало ясно это изложеніе, явно однако же, что конецъ онаго не соотвѣтствуетъ началу, ибо весьма часто интересъ правительства и права самодержавной власти никакъ не могутъ быть согласованы съ законами и правилами латынской церкви, изданными въ теченіе вѣковъ папами единственно для своихъ интересовъ и для утвержденія въ католическомъ обществѣ только собственныхъ правъ. Вообще положеніе, составленное комитетомъ, имѣетъ видъ болѣе дипломатическаго акта, примирительной граматы, чѣмъ государственнаго постановленія, которое бы прямо, ясно и твердо разграничило власти, обозначило права и обязанности и служило бы основаніемъ къ разрѣшенію дѣлъ, недоумѣній и вопросовъ по управленію. Говоря объ этомъ положеніи, нельзя не упомянуть о заключающемся въ немъ опредѣленіи церковныхъ имуществъ и капиталовъ: имѣнія эти признаны *на правѣ казенныхъ имѣній*, почему предписано и защищать ихъ правомъ казенныхъ имуществъ. Если преимущество это чрезвычайно было полезно для владѣній духовныхъ, то, съ другой стороны, источникъ такой привиллегіи очевидно происходилъ изъ того понятія, что собственность духовная не признавалась отдѣльною собственностію той или другой церкви, того или другаго монастыря, на имя которыхъ она была записана, но общимъ государственнымъ достояніемъ, употребляемымъ на содержаніе латынскихъ духовныхъ учрежденій; въ противномъ случаѣ, то есть, если такія имущества почитались бы частною собственностію церквей и монастырей, то и охранять

оную должны бы были ея владѣльцы, какъ частные люди, безъ защиты правомъ, принадлежащимъ одной казнѣ въ ея имуществахъ ([1]).

Въ концѣ 1801 года утверждено было государемъ «положеніе для духовнаго и церковнаго правительства римско-католическаго закона», и въ то же время, несмотря на всѣ происки іезуитовъ, возвращенъ былъ изъ ссылки Сестренцевичь. Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ сказалъ публично объ іезуитахъ: «государь вскорѣ увидитъ, сколь противно политикѣ терпѣть во владѣніяхъ своихъ этихъ людей безъ всякихъ правилъ». Сестренцевичь вступилъ какъ въ управленіе своей епархіи, такъ и въ званіе предсѣдателя коллегіи; но вступилъ въ эти должности безправный, лишенный возможности дѣйствовать полезно: ему возвращенъ былъ санъ, но отнята власть. Въ то же время правительство сознавало, что и для пользы государственной и для блага церкви митрополитъ и епископы должны были пользоваться такими правами, которыя способствовали бы порядку и единству церковнаго управленія, и что власти, данныя римскимъ дворомъ епархіальнымъ епископамъ со многими условіями, оговорками и ограниченіями, сдѣлаютъ ихъ совершенно непригодными къ отправленію епископскаго суда. Поэтому министерство иностранныхъ дѣлъ 13 декабря 1803 г. передало папскому нунцію Ареццо ноту съ слѣдующими требованіями: чтобы архіепископъ могилевскій, какъ единственный митрополитъ римско-католическихъ церквей въ Россіи, получилъ всѣ права и полномочія, какія принадлежатъ этому сану,

([1]) Полн. собр. зак. т. XXVI, № 20053.

какъ то: 1) производить каноническій процессъ духовнымъ лицамъ, назначеннымъ государемъ въ санъ епископовъ—епархіальныхъ, коадъюторовъ, или титулярныхъ; 2) жаловать коадъюторовъ бенефиціями, равно какъ оставлять за собою уступленныя бенефиціи; 3) въ случаѣ необходимости, дозволять соединеніе простой бенефиціи съ приходомъ, но никогда не допускать соединенія многихъ приходовъ, развѣ что съ яснаго разрѣшенія правительства; 4) освобождать отъ монашескихъ обѣтовъ, въ случаѣ основательности приносимыхъ о томъ просьбъ; 5) удѣлять епархіальнымъ епископамъ, его суффраганамъ, тѣ духовныя власти, которыя могутъ имъ не доставать, а быть нужными, когда онѣ не будутъ превышать его полномочій; ибо въ этомъ случаѣ самъ митрополитъ обязанъ обращаться въ министерство, которое и постарается получить ихъ отъ римскаго двора; однимъ словомъ, чтобы митрополитъ пользовался всѣми правами, полномочіями и властями, соединенными съ этимъ саномъ въ силу высочайшаго повелѣнія императора Павла, даннаго отъ 28 апрѣля 1798 года и подтвержденнаго папою Піемъ VI. Точно также и для епархіальныхъ епископовъ министерство требовало всѣхъ принадлежащихъ этому сану властей, а именно: 1) разрѣшать браки въ первой и второй степени свойства; 2) освобождать священниковъ отъ запрещенія безъ всякаго ограниченія; 3) освобождать отъ монашескихъ обѣтовъ, данныхъ легкомысленно, тѣхъ монашествующихъ клириковъ, которые не вступили въ священные ордена; 4) разрѣшать браки въ духовномъ родствѣ, состоявшемся черезъ присутствіе при крещеніи, но безъ всякаго ограниченія; 5) имѣть право завѣды-

ванія монастырями обоихъ половъ, какое дано было папою Піемъ VI отъ 6 апрѣля 1778 года, на опредѣленное впрочемъ время, Сестренцевичу, бывшему тогда епископомъ могилевскимъ. «Такое завѣдываніе», сказано въ нотѣ, «тѣмъ болѣе необходимо, что провинціалы орденовъ не должны ни въ какомъ случаѣ зависѣть отъ генераловъ, находящихся въ Римѣ, и ни отъ какой другой власти, пребывающей внѣ предѣловъ имперіи; такимъ образомъ, будучи не подчинены и епископамъ, они останутся въ полной независимости, которою слишкомъ легко будетъ злоупотреблять. Изъ этого достаточно видно, къ какимъ безпорядкамъ, злоупотребленіямъ и даже развращенію поведетъ такое самоуправленіе монашескихъ сословій»; 6) за недостаткомъ потребнаго числа священниковъ изъ бѣлаго духовенства, обращать на исполненіе приходскихъ обязанностей при церквахъ монаховъ своихъ епархій, не платя ни малѣйшаго вознагражденія тому монастырю, изъ котораго они вызовутъ этихъ монаховъ, и не нуждаясь въ согласіи провинціаловъ, которые часто, по самымъ непохвальнымъ побужденіямъ, возвращаютъ въ монастырь монаховъ для исполненія ихъ послушанія въ такихъ случаяхъ, когда ихъ служеніе болѣе необходимо было для нуждъ приходовъ; 7) наконецъ, духовныя власти и полномочія епархіальныхъ епископовъ должны быть опредѣлены такъ, чтобы епископы не имѣли надобности прибѣгать безпрестанно къ новымъ разрѣшеніямъ или къ разъясненіемъ объема ихъ властей.

Передавая эти требованія папскому нунцію, министерство изъяснило ему, что государь тѣмъ болѣе надѣется на выполненіе ихъ римскимъ дворомъ,

что онѣ тѣсно связаны съ существенною пользою церкви, которая въ Россіи не есть господствующая, а только терпимая, и что если папа не поспѣшитъ удовлетворить этимъ желаніямъ правительства съ тѣмъ ревніемъ, какого слѣдуетъ ожидать отъ него въ этомъ дѣлѣ, то онъ добровольно пожертвуетъ благомъ латынской церкви въ Россіи. Изъ этихъ дѣйствій правительства ясно видно, что оно думало достичь дипломатическими переговорами того, чтò было необходимо для римской церкви въ имперіи, и чтò по бóльшей части зависѣло отъ него самого. Та же мысль сочетанія правъ каноническихъ съ правами верховной власти руководствовала имъ и въ этомъ случаѣ, и также безуспѣшно во всѣхъ отношеніяхъ: учреждая самое высшее управленіе латынскою церковью своею собственною властію на основаніяхъ радикально противуположныхъ каноническимъ,—ибо по нимъ власть принадлежать можетъ только епископамъ, а не коллегіальному учрежденію, почему коллегія, доселѣ существующая, никогда римскимъ дворомъ признана не была,—оно предоставляетъ явному неустройству все монашеское духовенство, не рѣшаясь подчинить его мѣстнымъ епископамъ безъ разрѣшенія Рима, тогда какъ во все царствованіе императрицы Екатерины и первые годы императора Павла оно вполнѣ зависѣло отъ епархіальнаго начальства, чтò подтверждено было и римскимъ дворомъ. На требованія русскаго правительства римскій дворъ не далъ никакого отвѣта, потому что въ январѣ 1804 года всѣ сношенія съ этимъ дворомъ были прерваны; и митрополитъ и епископы оставались въ какомъ-то нерѣшительномъ

положеніи относительно состоявшаго въ ихъ епархіяхъ духовенства.

Что касается собственно Сестренцевича, то вліяніе его на общее духовное управленіе было намѣренно ограничено предоставленіемъ выбора членовъ въ коллегію епархіямъ. Зная твердый характеръ этого духовнаго сановника, его самостоятельный взглядъ на учрежденія церковныя, понимая, что онъ дѣйствуетъ не по интригамъ и мелкимъ расчетамъ, а по системѣ, сильная часть духовенства открыто ему противилась и получила своихъ представителей въ нѣкоторыхъ изъ выборныхъ членовъ коллегіи. Еще недавнее паденіе матрополита, его ссылка, покровительство іезуитовъ всѣмъ его врагамъ, придавали этимъ членамъ рѣшительность и смѣлость въ дѣйствіяхъ противъ Сестренцевича, такъ что рѣдко его мнѣніе раздѣлялось, рѣдко его распоряженіе утверждалось коллегіею. Естественно, что положеніе его, при такой систематической оппозиціи, дѣлалось столь же невыносимымъ, сколько и безполезнымъ для управленія. Протерпѣвъ нѣсколько лѣтъ, онъ рѣшился наконецъ возвысить голосъ и указать правительству его настоящіе интересы. Въ 1805 году митрополитъ представилъ министру юстиціи князю Лопухину объясненіе о настоящемъ значеніи дѣятельности членовъ коллегіи: они, по его мнѣнію, были скорѣе представителями своихъ епархій, защитниками давнихъ правъ духовенства, чѣмъ безпристрастными и справедливыми судіями, не знали законовъ гражданскихъ, коими во многихъ случаяхъ слѣдовало руководствоваться, а нѣкоторые даже не понимали порусски, тогда какъ всѣ дѣла въ коллегіи производились на русскомъ языкѣ. Поэтому Се-

стренцевичь ходатайствовалъ, чтобы члены въ коллегію назначались не по избранію, а именными высочайшими указами, какъ было прежде установлено относительно католическаго департамента, и чтобы число ихъ было уменьшено на половину, то есть, чтобы, вмѣсто осьми, въ коллегіи было четыре члена. Но такою частною мѣрою нельзя было еще возстановить порядка и единства въ общемъ управленіи епархій: «въ настоящее время», писалъ Сестренцевичь, «и коллегія, и епархіальные архіереи, по разнообразности и *противорѣчію* многихъ правилъ, встрѣчаются часто съ затрудненіями, недоумѣніями и сомнѣніями». Митрополитъ считалъ возможнымъ положить прочныя и ясныя основанія для всего духовнаго управленія, и по желанію князя Лопухина, искавшаго, какъ онъ выразился передъ Сестренцевичемъ, «сдѣлать конецъ всѣмъ безпорядкамъ», составилъ проэктъ устава для католическаго духовенства, принявъ за основныя начала онаго изданныя съ 1773 по 1800 годъ по этой части узаконенія, то есть: подчиненіе монашескихъ сословій мѣстнымъ епископамъ, уничтоженіе права ктиторства, признаніе духовныхъ имѣній не частною собственностію отдѣльныхъ церквей и монастырей, а, какъ выражено въ регламентѣ 1798 года, общимъ достояніемъ духовенства. Въ новомъ проэктѣ устава эти основныя положенія не только были возстановлены, но и гораздо болѣе развиты. Въ этомъ проэктѣ предоставлялось митрополиту: давать разрѣшенія браковъ въ нѣкоторыхъ недозволенныхъ степеняхъ родства, освобождать отъ монашескихъ обѣтовъ и наконецъ посвящать епископовъ, безъ сношенія съ Римомъ, какъ то дозволено было папами уніатскому митрополиту,

при самомъ введеніи уніи, и оставалось за нимъ и дотолѣ. Кромѣ того, возобновлялись давнишнія правила насчетъ сношенія съ римскимъ дворомъ и запрещалось ходатайствовать у него о разныхъ индульгенціяхъ, такъ легко добывавшихся тамъ за деньги; полученныя же прежде оставлялись въ своей силѣ. Управленіе всѣми духовными имѣніями предполагалось изъять изъ зависимости отъ частныхъ приходскихъ и монастырскихъ экономовъ и подчинить особой коммиссіи, составленной изъ двухъ духовныхъ и двухъ свѣтскихъ лицъ, утверждаемыхъ правительствомъ; эта коммиссія должна была распредѣлять получаемые доходы между духовенствомъ уравнительно, смотря по надобностямъ и заслугамъ, а остающіяся за тѣмъ деньги вносить въ банкъ для составленія вспомогательнаго капитала на непредвидимые случаи по духовному управленію латынской церкви. Представляя этотъ проэктъ, Сестренцевичь прибавилъ: «увѣряю по чести моей, что подвигнутъ къ сему былъ единымъ усердіемъ, чтобы доставить миръ церкви, чтобы возстановить въ духовенствѣ порядокъ, толико нужный для самыхъ государственныхъ пользъ, чтобъ положить преграду безначалію, во всѣ времена пагубному, чтобъ обезопасить отъ расхищенія имѣнія церковныя и монастырскія и тѣмъ споспѣшествовать государственнымъ пользамъ, и наконецъ чтобъ исполнить мой долгъ предъ Богомъ и присягу предъ моимъ государемъ. Во дняхъ старости моей, я толико удаленъ отъ исканія себѣ почестей, выгодъ и преимуществъ, что сами изъ всего онаго начертанія или проэкта устава изволите усмотрѣть, что я, чуждъ будучи всего того, ищу водворенія только порядка и спокойствія».

*

Нѣкоторые члены коллегіи, подкупивъ писаря, переписывавшаго этотъ проэктъ устава, достали съ него копію, и одинъ изъ нихъ, Шантырь, ревностный пріятель іезуитовъ и врагъ Сестренцевича, написалъ на него возраженія и въ формѣ всеподданнѣйшей просьбы представилъ ихъ государю чрезъ посредство бывшаго оберъ-прокурора Св. Синода, князя А. Н. Голицына, пользовавшагося не только милостію, но и дружбою императора. Боясь потерять свои преимущества, эти члены, имѣвшіе большія связи въ столицѣ, употребили всѣ способы, чтобы расположить къ своему дѣлу непричастнаго тогда къ управленію дѣлами латынской церкви князя Голицына, и вполнѣ достигли того. Въ своемъ прошеніи Шантырь приписывалъ всѣ предложенныя митрополитомъ мѣры одному его честолюбію, выхвалялъ дѣятельность коллегіи, увѣрялъ, что католицизмъ есть самая надежная подпора правительствъ самодержавныхъ, ибо онъ основанъ на единовластіи, и наконецъ просилъ, чтобы наряжена была коммиссія для изслѣдованія поступковъ митрополита. Послѣдствіемъ этой интриги было объявленное князю Лопухину высочайшее повелѣніе: оставить проэктъ Сестренцевича до времени; но онъ былъ оставленъ навсегда, и правленіе латынскою церковію продолжалось на тѣхъ шаткихъ основаніяхъ, чрезъ посредство коихъ думали сблизить его какъ съ правами каноническими, такъ и съ законами государственными, но въ дѣйствительности нарушали и тѣ и другія, и притомъ съ явнымъ вредомъ для церкви и духовенства, не имѣвшаго твердой іерархической связи, и руководившагося не общими видами на

благо религіи, а частными, невсегда безкорыстными побужденіями.

Въ коллегіи производились дѣла троякаго рода: 1) разводныя, сепараціонныя и объ освобожденіи монаховъ отъ монашескихъ обѣтовъ; 2) судныя, касавшіяся до бенефицій и вообще тяжбъ между духовенствомъ, какъ то: о принадлежности записанныхъ суммъ и капиталовъ тому или другому изъ духовныхъ, о причиненныхъ обидахъ, объ удаленіи по рѣшеніямъ отъ приходовъ и т. п.; всѣ эти дѣла поступали въ коллегію не иначе, какъ по апелляціямъ, и могли быть переносимы въ Сенатъ; 3) по жалобамъ на архіереевъ, по доносамъ въ злоупотребленіяхъ, въ растратѣ духовныхъ имѣній и капиталовъ. Кромѣ того, къ обязанности коллегіи относился надзоръ за всѣмъ духовенствомъ и церковными учрежденіями, но для этого не предоставлено ей было особыхъ способовъ, почему коллегія была по преимуществу учрежденіемъ судебнымъ, а не высшимъ административнымъ.

По учрежденіи министерствъ, дѣла по управленію латынскимъ духовенствомъ разсѣялись по разнымъ вѣдомствамъ, съ которыми епархіальные начальники должны были сноситься непосредственно, не имѣя надъ собой центральнаго учрежденія, что было въ особенности неудобно въ тѣхъ случаяхъ, когда требовалось испрашивать по этимъ дѣламъ высочайшія повелѣнія. Для устраненія этихъ неудобствъ и для единства въ главныхъ мѣрахъ распорядительныхъ, учреждено было въ 1810 году главное управленіе духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, которому по части римско-католическаго духовенства предоставлено: 1) представленіе духов-

ныхъ лицъ въ санъ епископовъ и на другія духовныя должности, утвержденіе коихъ зависѣло отъ верховной власти; 2) утвержденіе провинціаловъ; 3) раздача бенефицій, удостоеніе къ коимъ принадлежало государю; 4) главный надзоръ за семинаріями и монастырями; 5) посылка ревизоровъ; 6) наблюденіе за сохраненіемъ въ цѣлости духовныхъ имѣній и капиталовъ; и 7) разсмотрѣніе жалобъ на епархіальныхъ епископовъ. Изъ этого видно, что незначительная часть дѣлъ административныхъ, принадлежавшихъ вѣдѣнію коллегіи, передана была въ главное управленіе, которое, по смыслу его учрежденія и по предметамъ, вошедшимъ въ кругъ его дѣятельности, является настоящимъ, центральнымъ высшимъ управленіемъ и представителемъ правительственной власти. Учрежденіе это тѣмъ болѣе было необходимо, чѣмъ менѣе власти предоставлено было митрополиту и епископамъ, ибо безъ единства церковь существовать не можетъ; но восколько при этомъ правительство осталось вѣрнымъ своему каноническому направленію? Не рѣшаясь подчинить монастыри епархіальнымъ начальникамъ, безъ согласія Рима, оно поручило свѣтскому правительству высшее завѣдываніе дѣлами латынскаго духовенства безъ предварительнаго сношенія о томъ съ римскимъ дворомъ, и во главѣ этого вѣдомства поставило князя А. Н. Голицина, православнаго, то есть, по понятіямъ Рима, схизматика. Самъ Сестренцевичь, котораго въ фанатизмѣ упрекнуть нельзя, былъ въ началѣ испуганъ новымъ учрежденіемъ, опасаясь за ослабленіе духовной власти. Но вскорѣ этотъ страхъ прошелъ: главное управленіе не умѣло воспользоваться своими правами, чтобы устроить порядокъ въ

церкви, улучшить духовенство и сдѣлать его полезнымъ для исповѣдниковъ латынской вѣры и для государства. «Я весьма уважаю князя Голицына», писалъ извѣстный и глубоко умный папистъ графъ Іосифъ де Местръ, «какъ человѣка порядочнаго, честнаго, умнаго и свѣтскаго, какъ вѣрнаго подданнаго своего государя; но долженъ сознаться, что онъ не болѣе десятилѣтняго мальчика понимаетъ во всемъ томъ, что̀ необходимо для того, чтобы насъ знать, судить о насъ и управлять нами» ([1]). Главное управленіе не имѣло даже первоначальныхъ понятій о католическихъ учрежденіяхъ, и при разрѣшеніи частныхъ случаевъ требовало свѣдѣній изъ коллегіи, не руководствовалось никакою общею мыслію или системою,—плодомъ изученія и опытности, и потому сдѣлалось не высшимъ правительствомъ по этой части, какъ предполагалось при его основаніи, а агентомъ духовенства, защищавшимъ его привиллегіи, его тяжбы по имѣніямъ и т. п., утверждало обыкновенно то, что̀ ему представляли, ходатайствовало, о чемъ его просили, не принимая на себя никакой инициативы, не исправляя недостатковъ, не устроя своего вѣдомства. Поэтому духовенство не только вполнѣ примирилось съ этимъ учрежденіемъ, но и находило его весьма для себя удобнымъ и выгоднымъ; но всетаки оно осталось неканоническимъ.

При такомъ бездѣйственномъ направленіи главнаго управленія, при столь ограниченномъ кругѣ дѣятельности митрополита въ коллегіи, при совершенной отдѣльности монашескихъ сословій, стала еще чув-

([1]) Lettres et opuscules inédits du comte Joseph de Maistre. t. 1. Paris. 1851. p. 395—400.

ствительнѣе необходимость дать надлежащія власти какъ митрополиту, такъ и епископамъ, чего всегда желало правительство, но искало путемъ дипломатическихъ переговоровъ, и потому встрѣчало своекорыстное со стороны Рима сопротивленіе.

Сношенія съ римскимъ дворомъ, какъ мы сказали выше, были прерваны въ 1804 году; между тѣмъ срокъ данныхъ въ 1803 году Сестренцевичу властей оканчивался въ 1808 году; по этому случаю канцлеръ поручилъ послу при вѣнскомъ дворѣ князю Куракину войти въ сношеніе съ нунціемъ при томъ же дворѣ Североли и при его посредничествѣ устранить однажды навсегда затрудненія, вытекавшія изъ подобнаго положенія вещей. Эти переговоры не имѣли удовлетворительнаго результата. 27 февраля 1811 года русское правительство обратилось къ римскому двору съ слѣдующими требованіями: 1) предоставить архіепископу могилевскому, какъ митрополиту римско-католическихъ церквей въ Россіи, права, привиллегіи и власти, принадлежащія кіевскимъ уніатскимъ митрополитамъ, а именно: производить каноническій процессъ наименованнымъ государемъ епископамъ, посвящать ихъ по римскому служебнику, опредѣлять ихъ на мѣста, принимать отъ нихъ обычную присягу папѣ и препровождать ее къ святому отцу послѣ посвященія; равномѣрно посвящать епископовъ *in partibus infidelium*, для чего прислать ему отъ папы имена двѣнадцати такихъ епископствъ, пригодныхъ исключительно для римско-католическихъ викарныхъ епископовъ въ Россіи; 2) соединить эти преимущества навсегда съ саномъ митрополита; 3) предоставить митрополиту право освобождать ежегодно отъ монашескихъ обѣ-

товъ двѣнадцать монаховъ, которые будутъ просить о томъ, по уважительнымъ причинамъ; 4) продолжить на двѣнадцать лѣтъ всѣ духовныя власти митрополита, которыя были даны ему папою Піемъ VI, его нунціями и конгрегаціею пропаганды, и которыхъ условія и срокъ окончились; 5) подчинить митрополиту могилевскому монашескія сословія обоихъ половъ, точно такъ, какъ это предоставлено было папою Піемъ VI отъ 6 августа 1778 года, впрочемъ на опредѣленное время, тому же митрополиту, бывшему тогда епископомъ.

Переговоры по этимъ предметамъ производились нашимъ посланникомъ въ Вѣнѣ графомъ Штакельбергомъ съ папскимъ нунціемъ при тамошнемъ дворѣ архіепископомъ витербскимъ, и по случаю стѣсненнаго положенія папы были успѣшны, хотя и не въ той степени, какъ желало правительство: въ 1812 году дана митрополиту власть производить каноническій процессъ епископамъ и имѣть главное завѣдываніе надъ монашескими сословіями, управляя ими однако же на основаніи ихъ правъ и статутовъ. Но неполныя эти власти продолжались недолго: по возстановленіи въ 1814 году папы въ Римѣ, онъ отнялъ и особыя привиллегіи, дарованныя высшему духовенству только по случаю трудныхъ для римскаго двора политическихъ обстоятельствъ.

Несмотря на то, для устраненія затрудненій, вытекавшихъ изъ слишкомъ медленныхъ сношеній съ Римомъ, и для удобства церковнаго управленія, русское правительство старалось добиться болѣе широкихъ властей для митрополита Сестренцевича и его преемниковъ,съ тѣмъ однакожь, чтобы онѣ не заключали въ себѣ ничего отмѣняющаго верховную власть папы надъ

римско-католическими подданными императора. Съ этою цѣлію, 6 марта 1815 года, поручено было русскому посланнику въ Римѣ, барону Тюйлю, просить римскій дворъ о возведеніи Сестренцевича и его преемниковъ въ санъ примаса, съ титуломъ *прирожденнаго легата* (*legatus natus*) святаго престола, и пожаловать ему слѣдующія полномочія: 1) экзаменовать и посвящать тѣхъ изъ духовенства, которые будутъ наименованы императоромъ епископами—епархіальными, суффраганами и титулярными, и доносить объ этомъ святому престолу; 2) опредѣлять на мѣста епископовъ, которые будутъ перемѣщены императоромъ изъ одной епархіи въ другую, и доносить объ этомъ также святому отцу; 3) разрѣшать отъ обѣтовъ монаховъ и монахинь, по уважительнымъ причинамъ; 4) въ случаѣ необходимости, дозволять присоединеніе простыхъ бенефицій къ приходскимъ бенефиціямъ; 5) разрѣшать браки въ первой и второй степени свойства, то есть, съ сестрою первой жены, по смерти ея, также съ братомъ перваго мужа, по смерти его, равно какъ бракъ дяди съ племянницей и племянника съ теткой; 6) разрѣшать отъ духовнаго родства воспріемниковъ при крещеніи; 7) разрѣшать священниковъ, находящихся подъ духовнымъ запрещеніемъ; 8) имѣть право наблюденія надъ монастырями обоихъ половъ относительно исполненія ими духовныхъ обязанностей; 9) употреблять монаховъ на должности приходскаго и викарнаго священника, въ случаѣ недостатка священниковъ изъ бѣлаго духовенства, предоставляя имъ пользоваться доходами, могущими быть отъ этихъ должностей, и дозволяя носить одежду бѣлаго духовенства: монахи, пока будутъ оставаться въ прихо-

дахъ, будутъ въ непосредственной зависимости отъ епархіальныхъ епископовъ и ихъ администраторовъ; 10) дозволять священникамъ изъ бѣлаго духовенства совершать мѵропомазаніе въ тѣхъ церквахъ, которыхъ, по причинѣ обширности государства, за ихъ отдаленностію не могутъ посѣщать епископы; 11) снабжать епархіальныхъ епископовъ, суффragановъ архіепископа-митрополита, когда онъ найдетъ это умѣстнымъ, подобными же духовными полномочіями.

Римскій дворъ отказалъ въ наименованіи Сестренцевича и его преемниковъ *legati nati*, и предложилъ возвести его въ санъ примаса, но безъ всякой особенной духовной власти; это давало митрополиту чисто почетное отличіе, но не доставляло ему бóльшихъ, чѣмъ онъ имѣлъ доселѣ, средствъ быть полезнымъ для церкви. Потому предложеніе это было тотчасъ отвергнуто. За тѣмъ русское правительство попыталось получить лично для Сестренцевича титулъ *legatus natus* съ принадлежащими ему правами; но переговоры по этому предмету, происходившіе въ 1816 году, не были счастливѣе предыдущихъ. Вообще, нельзя не замѣтить, что всѣ эти переговоры ведены были съ холодностію и равнодушіемъ, которыя показывали, какъ мало важности приписывало имъ министерство иностранныхъ дѣлъ; вслѣдствіе этого, при первомъ возраженіи, сдѣланномъ Римомъ противъ вышеозначенныхъ требованій, министерство бросило дѣло, нимало не настаивая на немъ. Такимъ образомъ, всѣ эти переговоры кончились жалкимъ результатомъ; митрополиту пожаловали только: 1) власть, на шесть лѣтъ, предоставлять двѣнадцати монашествующимъ священникамъ, въ случаѣ нужды и недостатка бѣлыхъ священни-

никовъ, церковныя достоинства втораго разряда; 2) обѣщаніе папы внушить настоятелямъ монастырей, существующихъ въ Россіи, чтобы они не препятствовали вызывать ихъ монаховъ къ занятію вакантныхъ приходовъ, по недостатку бѣлыхъ священниковъ, и согласно съ желаніями, какія будутъ выражены имъ по этому предмету митрополитомъ; 3) власть уполномочить небольшое число духовныхъ въ азіатскихъ церквахъ преподавать вѣрующимъ таинство мvропомазанія подъ тѣмъ условіемъ, что они должны употреблять для этого масло, освященное епископомъ; и 4) полномочія, ограниченныя извѣстнымъ числомъ случаевъ, давать брачныя разрѣшенія.

Въ 1817 году возобновлены были сношенія съ Римомъ о правахъ епископскихъ и продолжались болѣе трехъ лѣтъ безъ всякаго успѣха, чтò нужно приписать также малой настойчивости министерства иностранныхъ дѣлъ и особой точкѣ зрѣнія, съ которой оно смотрѣло на эти предметы. Вотъ какъ понималъ ихъ графъ Нессельроде: «Государь императоръ изволилъ согласиться», писалъ онъ въ 1817 году князю Голицыну, «сдѣлать нѣкоторыя справедливыя измѣненія въ нашихъ требованіяхъ, *потому что не имѣлъ никогда намѣренія нарушать то*, *что составляетъ дѣло совѣсти*, *этого священнаго источника нравственности и порядка какъ въ общественномъ быту*, *такъ и въ политическихъ отношеніяхъ*». По принятымъ и всѣми одинаково раздѣляемымъ понятіямъ, религія, то есть, догматы и обряды, составляютъ дѣло совѣсти и не подлежатъ никакому измѣненію; но управленіе духовнымъ сословіемъ, бóльшія или меньшія права онаго, то или другое распредѣленіе этихъ правъ между духовными

званіями, весьма часто устроивалось Римомъ различнымъ образомъ, смотря по обстоятельствамъ, и для блага самой церкви не можетъ быть неизмѣняемымъ, но уже ни въ какомъ случаѣ подчиненіе, напримѣръ, монастырей надзору епископовъ не можетъ почитаться *дѣломъ совѣсти.* Какъ бы то ни было, таковъ былъ взглядъ нашего дипломатическаго вѣдомства, хотя и невѣрный, но удобный для него, ибо чѣмъ меньше требованій отъ иностранной державы, тѣмъ легче обязанности дипломата.

Тотъ же взглядъ постоянно проводило министерство иностранныхъ дѣлъ: въ 1821 году графъ Нессельроде объяснилъ русскому посланнику въ Римѣ, что императоръ въ его образѣ дѣйствованія желаетъ болѣе видѣть неизмѣнное уваженіе къ *началамъ* Ватикана, чѣмъ услужливость къ удовлетворенію такихъ *притязаній*, которыя противны совѣсти его святѣйшества (такъ охарактеризованы были столь естественныя и справедливыя требованія епископовъ и департамента исповѣданій). Та же мысль еще точнѣе выражена въ депешѣ того же министра отъ 5 февраля 1822 года: «никогда ваше превосходительство», сказано тамъ, «не будете стараться о достиженіи успѣха въ своихъ переговорахъ во вредъ внутреннимъ расположеніямъ достопочтеннаго первосвященника, *главнаго властителя и распорядителя судебъ римско-католической церкви въ семъ мірѣ;* такова исходная точка, которую Его Императорское Величество повелѣлъ намъ указать вашему превосходительству». Въ 1824 году государь приказалъ чрезъ князя Голицына объявить графу Нессельроде, чтобы возобновлены были переговоры съ римскимъ дворомъ о возведеніи Сестренцевича въ санъ при-

маса; но въ томъ же году это было переиначено, и велѣно прекратить дѣло, по всей вѣроятности, изъ опасенія ожидавшихся затрудненій. Это тѣмъ прискорбнѣе, что въ то время правительство имѣло въ Римѣ достойнаго, благонамѣреннаго и опытнаго представителя Италинскаго.

Италинскій очень хорошо разумѣлъ папскую политику и всегда старался представить ее въ настоящемъ видѣ министерству. Вотъ какъ онъ описывалъ въ 1824 году дѣйствія римскаго двора въ послѣднее десятилѣтіе: «Если несчастное философическое направленіе предшествующаго столѣтія нанесло удары религіи, то нельзя не видѣть въ настоящее время возвращенія къ набожности. Но смѣло могу сказать, что при этомъ благодѣтельномъ переворотѣ всѣмъ ясно различіе между священною религіею и злоупотребленіями духовной власти, введенными римскимъ дворовъ, въ то время, когда, пользуясь невѣжествомъ народовъ, онъ собиралъ власть и богатства насиліемъ и страхомъ. Желая увеличить свои средства и натягивая до невозможности свою административную пружину, Римъ довелъ ее до того, что она лопнула, и среди ужасовъ революціи папа палъ, не возбудивъ даже чувства сожалѣнія. Сочувствія къ Риму явились уже позже, когда его безчинства были забыты, и за неимѣніемъ центра духовной власти, недоставало способовъ для удовлетворенія народной набожности. Этимъ объясняется радость, съ которою встрѣтило католическое народонаселеніе возвращеніе въ 1814 году папы въ Римъ въ качествѣ самостоятельнаго государя. Кардиналъ Консальви, руководившій исключительно Пія VII, понимая вполнѣ значеніе этого обновленія папской власти, умѣлъ ею

пользоваться съ необыкновенною смѣтливостью, постигая очень хорошо, что престолъ Петра можно утвердить на прочныхъ основаніяхъ только умѣренностію и терпимостію. Но эти убѣжденія не пережили почтеннаго пастыря, и послѣднія девять лѣтъ его жизни составляютъ достойную сожалѣнія эпоху. Люди недальновидные, управляющіе теперь дѣлами ватиканскаго двора, проникнуты слѣпою ненавистію къ системѣ кардинала Консальви; ихъ единственное побужденіе—уничтожить все то, что онъ сдѣлалъ; фанатизмомъ и нетерпимостію думаютъ они возвратить римскому двору златыя времена Григорія VII: вотъ идеалъ, къ которому они стремятся». Казалось бы, въ это именно время слѣдовало настаивать на увеличеніи властей русскихъ латынскихъ епископовъ, подданныхъ императора, ибо чѣмъ онѣ обширнѣе, тѣмъ меньше зависимость отъ Рима, мечтавшаго опять о самовластіи Григорія VII; но именно тогда и оставлены сношенія съ нимъ по этому предмету. Итакъ, съ 1801 по 1824 годъ тянулись переговоры съ римскимъ дворомъ о правильномъ устройствѣ латынскаго духовенства, чего папѣ слѣдовало бы желать по крайней мѣрѣ не менѣе русскаго императора, исповѣдывавшаго иную вѣру, и кончились ничѣмъ; епископы остались безъ возможности улучшить духовенство, а это сословіе, пользуясь непорядкомъ, дошло, какъ увидимъ ниже, до самаго жалкаго состоянія. Таковъ былъ поучительный результатъ системы управленія римскимъ духовенствомъ на основаніи каноническихъ законовъ!

X.

ІЕЗУИТЫ ПРИ ИМПЕРАТОРѢ АЛЕКСАНДРѢ I.

Нерасположеніе императора къ іезуитамъ.—Покровители іезуитовъ въ Петербургѣ.—Просьба къ императору отъ прихожанъ петербургскаго костела противъ іезуитовъ, 1801 г.—Благородный пансіонъ, основанный іезуитами въ Петербургѣ.—Іезуиты въ колоніяхъ. — Аббатъ Николь, начальникъ всѣхъ католическихъ церквей южной Россіи съ обширными правами.—Іезуиты въ Сибири.—Они предлагаютъ свои услуги въ сношеніяхъ Россіи съ Китаемъ.—Іезуиты въ Бѣлоруссіи.—Іезуиты въ Астрахани, Моздокѣ и Ригѣ.—Іезуиты проникаютъ въ Волынь, 1811. — Іезуиты усиливаются исторгнуть свои училища изъ подъ вѣдѣнія виленскаго университета. — Графъ Местръ внушаетъ русскому правительству подозрѣнія противъ виленскаго университета и превозноситъ выгоды іезуитскаго воспитанія, 1810. — Іезуиты выставляютъ себя двигателями просвѣщенія. — Учрежденіе іезуитской академіи въ Полоцкѣ, 1812. — Ея организація и привиллегіи.—Система іезуитскаго воспитанія. — Іезуитскіе агенты за границей. — Іезуиты просятъ русское правительство ходатайствовать о возстановленіи ихъ ордена въ Испаніи, 1812. — Возстановленіе ордена іезуитовъ въ Европѣ, 1814. — Дѣятельность іезуитовъ въ Россіи.—Іезуиты во время войны 1812 г.—Іезуитская пропаганда въ колоніяхъ.—Образъ дѣйствія іезуитовъ въ Сибири.—Ихъ прозелитизмъ на Кавказѣ. — Бѣдственное положеніе крестьянъ въ іезуитскихъ имѣніяхъ.—Дѣятельная пропаганда іезуитовъ въ Петербургѣ и Москвѣ. — Русское

правительство начинаетъ не довѣрять іезуитамъ, 1815.— Высылка іезуитовъ изъ Петербурга и Москвы, 1815.— Сужденіе графа Местра объ этой мѣрѣ правительства.— Совѣты его іезуитамъ о томъ, какъ дѣйствовать.—Участіе графа Местра въ іезуитскихъ интригахъ. — Впечатлѣніе, произведенное въ Римѣ удаленіемъ іезуитовъ. — Причины, почему правительство не рѣшилось изгнать іезуитовъ изъ всѣхъ мѣстъ имперіи.—Окончательная высылка іезуитовъ изъ Россіи, 1820. — Долги, оставленные іезуитами. — Заключеніе.

Бездѣйствіемъ правительства, упорствомъ Рима, упадкомъ епархіальной власти воспользовались какъ нельзя лучше іезуиты, имѣвшіе съ 1802 года послѣ Карё своимъ генераломъ едвали не умнѣйшаго человѣка, когда-либо бывшаго въ этомъ орденѣ, Грубера. Императоръ Александръ ни по воспитанію, ни по просвѣщенному уму своему не могъ быть склоненъ къ іезуитскому ордену [1]; заставъ его въ своей имперіи, онъ его терпѣлъ, но не расположенъ былъ ему покровительствовать. При самомъ вступленіи своемъ на престолъ, оставляя іезуитовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они уже находились, онъ ограничилъ ими предѣлы распространенія ордена, дозволяя имъ умножать свои заведенія только въ одномъ Полоцкѣ, на учрежденіе же ихъ въ другихъ мѣстностяхъ испрашивать каждый разъ разрѣшеніе государя; бывшія поіезуитскія имѣнія запрещено было возвращать ордену [2], какъ разрѣшилъ-было импе-

([1]) Графъ Местръ говоритъ о немъ: «Sa Majesté Imperiale est peut-être le prince qui a eu les plus terribles préventions contre l'ordre des jésuits, et il a laissé ces pères tranquilles ici pendant quatorze ans, uniquement par défiance de lui-même et par déférance pour les opinions des autres». (Lettres et opuscules. t. 1. p. 344).

([2]) Полн. собр. зак. т. XXVI, № 19365.

раторъ Павелъ. Но, основавшись въ Петербургѣ, іезуиты не упадали духомъ, въ полной увѣренности найти себѣ тамъ сильныхъ пособниковъ, и не ошиблись. Князь А. Н. Голицынъ, еще прежде назначенія своего главноуправляющимъ духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, сдѣлался ревностнымъ ихъ покровителемъ и дѣйствовалъ вмѣстѣ съ ними противъ Сестренцевича; графъ Местръ, воспитанникъ іезуитовъ, сначала эмигрантъ, потомъ въ 1803 г. сардинскій посланникъ въ Петербургѣ, пріобрѣтшій своимъ умомъ, познаніями и свѣтскою образованностію большія связи въ обществѣ столицы, былъ не только ихъ защитникомъ, но и руководителемъ въ родѣ свѣтскаго генерала ихъ ордена. Многія другія лица высшаго общества, и преимущественно между дамами, были въ восхищеніи отъ іезуитовъ.

Эти монахи преобразовали петербургскій костелъ по своему, не обращая никакого вниманія на регламентъ, изданный для него въ 1769 году, удалили вовсе синдиковъ отъ завѣдыванія церковнымъ имуществомъ и стали распоряжаться имъ по собственному произволу. По восшествіи на престолъ императора Александра, огромное большинство католической общины въ Петербургѣ подало просьбу, чтобы Его Величество благоволилъ подтвердить регламентъ императрицы Екатерины отъ 12 февраля 1769 года, возвратить общинѣ завѣдываніе костеломъ и имѣніями, и дозволить ей снова призвать тѣхъ изъ прежнихъ пастырей, которыми она была довольна. «Наше недовольство», говорили они, «особенно усилилось, когда іезуиты, во время благосклонности къ нимъ, запрещали больнымъ обращаться къ своимъ постояннымъ духовникамъ и оставляли мно-

гихъ изъ нихъ умирать безъ таинствъ, оттого что запрещали исповѣдываться у оныхъ. Если бы кто вздумалъ исчислить разныя нововведенія, отмѣненія религіозныхъ обычаевъ, издревле установившихся, непріятности и неудовольствія, какія въ короткое время испытала отъ іезуитовъ наша община, принужденная донынѣ все терпѣть молчаливо, то составилъ бы цѣлую книгу». Въ противность регламенту, іезуиты принимали въ учрежденную при костелѣ школу не однихъ дѣтей латынской вѣры, но и другихъ вѣроисповѣданій, въ томъ числѣ и православнаго, а потомъ учредили въ Петербургѣ благородный пансіонъ, въ которомъ имѣли несчастіе получить воспитаніе дѣти лучшаго русскаго дворянства, изъ коихъ многіе совращены были здѣсь изъ православія въ латынство. Говоря объ этомъ пансіонѣ, одинъ московскій іезуитъ писалъ петербургскому: «желательно, чтобъ вы устранили русскихъ поповъ отъ ученія вѣрѣ вашихъ воспитанниковъ. Попы эти, по моему мнѣнію, всегда будутъ первыми вашими врагами. Повѣрьте, что если избавитесь такихъ наставниковъ, то одержите совершенную побѣду».

Въ колоніяхъ, гдѣ іезуитамъ позволено было водворяться только съ 1800 года, число ихъ въ теченіе десяти лѣтъ быстро увеличилось: въ южныхъ колоніяхъ ихъ было 14, а въ саратовскихъ 18 человѣкъ; они постепенно и незамѣтно вытѣсняли оттуда бѣлое духовенство и монаховъ другихъ орденовъ, исполнявшихъ приходскія должности. Но всѣми приходами не успѣли еще завладѣть въ колоніяхъ: въ южномъ краѣ, въ церквахъ городовъ Николаева, Екатеринославля и Ѳеодосіи, отправляли требы францискане, а въ таганрогскомъ костелѣ кармелиты.

Чтобы сдѣлаться полными хозяевами въ католической паствѣ южной Россіи, они стали домогаться о распространеніи своихъ духовныхъ властей и объ устраненіи себя даже въ качествѣ приходскихъ священниковъ отъ надзора митрополита, къ епархіи коего принадлежали костелы южнаго края. По мысли аббата Николя, херсонскій военный губернаторъ герцогъ Ришелье, товарищъ его по воспитанію, просилъ князя Голицына прислать еще восемь іезуитовъ въ Одессу, а Николя сдѣлать визитаторомъ и начальникомъ всѣхъ католическихъ церквей южной Россіи, съ обширными правами, такъ чтобы сдѣлать его по возможности независимымъ отъ Сестренцевича ([1]). Просьба эта, подкрѣпленная ходатайствомъ графа Местра, была исполнена. Іезуиты присланы, а митрополитъ, по настоянію князя Голицына, долженъ былъ удѣлить въ 1811 году значительныя духовныя власти покровительствуемому аббату ([2]). Два изъ присланныхъ іезуитовъ оставлены были въ Одессѣ, а остальные распредѣлены по колоніямъ ([3]);

([1]) Въ 1810 году герцогъ Ришелье писалъ князю Голицыну: «Désirant fixer l'abbé Nicolle dans ces contrées, je voudrais bien, mon prince, que vous voulussiez nous le renvoyer promptement comme visiteur et directeur des églises catholiques de la nouvelle Russie, où il y en a un assez grand nombre; il serait à désirer qu'il eût des pouvoirs très-étendus, afin de pouvoir faire quelque bien sans être obligé de recourir perpétuellement à l'archevêque, ce qui entraverait tout et mettrait un grand retard dans tout ce qu'on voudrait faire de bon. J'espère, mon prince, que vous voudrez bien m'accorder cette grâce; je ne vous cacherai pas que j'attache un grand prix à fixer ici l'abbé Nicolle: indépendamment de tout le bien qu'il peut faire, il serait bien doux pour moi de me réunir à un ancien camarade d'études, auquel je suis sincèrement attaché».

([2]) О властяхъ, данныхъ аббату Николю, см. приложеніе 9-е.

([3]) Одинъ іезуитъ помѣщенъ былъ въ колонію Іозефталь,

и несмотря на то, что іезуиты располагали большими денежными средствами, владѣли обширными имѣніями и всегда хвалились тѣмъ, что ничего не стоятъ правительству, имъ назначено было жалованье изъ казны. Эти присланные миссіонеры, покровительствуемые и мѣстнымъ начальствомъ, и министерствомъ, забылись до того, что просили государя, чрезъ аббата Николя, обратить симферопольскую православную церковь въ католическій костелъ. Въ южной Россіи было въ то время 6,000 человѣкъ колонистовъ латынской вѣры, три католическія церкви въ колоніяхъ ямбургской (екатеринославской губерніи), зельценской и іозефтальской (херсонской губерніи), всѣ три выстроенныя іезуитами съ 1810 года, и шесть молитвенныхъ домовъ, такъ что на каждыя 500 душъ прихожанъ приходилось по одному іезуиту, не считая монаховъ другихъ орденовъ. Въ саратовскихъ колоніяхъ считалось до 15,000 католиковъ, и на нихъ, какъ видѣли, 18 іезуитскихъ священниковъ. Іезуиты получали жалованье и изъ казны и изъ колонистскихъ суммъ, для посѣщенія приходовъ имъ отпускались разъѣздныя деньги (¹), дома имъ построены были на общественный счетъ,

одинъ въ колонію Зельцъ, одинъ въ колонію Ландау и два остальные въ колонію Молошныя-воды. За присылку этихъ іезуитовъ аббатъ Николь нъ слѣдующихъ словахъ благодарилъ кн. Голицына: «Les voeux des catholiques d'Odessa et des colonies catholiques allemandes répandues dans les trois gouvernements ont été comblés par l'envoi des huit missionnaires, dont l'arrivée a été regardée comme un des plus grands bienfaits de Sa Majesté Impériale».

(¹) Іезуиты получали въ колоніяхъ и городахъ южной Россіи и саратовской губерніи слѣдующее жалованье отъ казны: при саратовскомъ костелѣ 400 руб., при одесскомъ 600, при николаевскомъ (откуда въ 1813 году они вытѣснили франциска-

и кромѣ того отводилось каждому священнику отъ 50 до 120 десятинъ земли, но обыкновенно 120.

Іезуиты успѣли убѣдить и сибирскаго генералъ-губернатора Пестеля въ огромной пользѣ, которую могъ бы принесть ихъ орденъ этому отдаленному краю. Исповѣдники латынской вѣры поселены были въ Сибири за Байкаломъ въ нерчинскомъ краѣ, въ уѣздѣ нижнеудинскомъ и между границей томской губерніи; числомъ ихъ было менѣе 400 человѣкъ ([1]); большая часть ихъ состояла изъ сосланныхъ цыганъ, а поляковъ и другихъ націй людей было между ними мало. Жены этихъ католиковъ, кромѣ цыганъ, почти всѣ были туземки, исповѣдывавшія православную вѣру, а потому и дѣти, отъ нихъ рожденныя, воспитывались въ нашемъ законѣ. Для отправленія богослуженія этимъ католикамъ назначены были прежде монахи доминиканскаго ордена. Но іезуиты увѣрили, что по своему просвѣщенію, трудолюбію и примѣрной жизни, они не только будутъ гораздо полезнѣе этимъ людямъ, но и всей странѣ, что они займутся образованіемъ юношества и подвинутъ въ этомъ отсталомъ краѣ просвѣщеніе, что они усовершенствуютъ тамъ хлѣбопашество, распашутъ не обработанныя еще земли, для чего уже напередъ просили отвести имъ нѣсколько десятинъ, какъ будто дѣйствительно агрономія привлекала ихъ

новъ), при херсонскомъ, симферопольскомъ, ямбургскомъ, зельценскомъ и іозефтальскомъ костелахъ по 300 рублей.

([1]) Католическіе поселенцы въ Сибири были распредѣлены въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: за Байкаломъ въ нерчинскомъ краѣ мущинъ 178, женщинъ 47 и дѣтей 45, итого 270; въ нижнеудинскомъ уѣздѣ и между границею томской губерніи мущинъ 60, ихъ женъ 24 и дѣтей 12, итого 96; а всего въ обоихъ поселеніяхъ 366 человѣкъ.

въ Сибирь; наконецъ, указывая на особое покровительство, оказываемое однимъ имъ китайскимъ правительствомъ, они обязывались учредить изъ Сибири переписку съ двумя членами ихъ ордена, находившимися въ Пекинѣ, и тѣмъ содѣйствовать политическимъ видамъ Россіи, а также доставить этимъ средствомъ возможность повѣрять свѣдѣнія, получаемыя чрезъ русскую въ китайской столицѣ миссію. Не въ первый разъ предлагали іезуиты свои дипломатическія услуги Россіи въ сношеніяхъ съ Китаемъ. Въ 1805 году, для облегченія миссіи графа Головкина, поручено было тремъ іезуитамъ отправиться въ Пекинъ, и прежде прибытія туда русскаго посла, подготовить ему путь для успѣшнаго исполненія порученныхъ ему переговоровъ, цѣль коихъ состояла въ томъ, чтобы торговля съ китайцами могла производиться не въ одной Кяхтѣ, но по всей китайской границѣ. Іезуиты должны были предварительно собрать на мѣстѣ свѣдѣнія о лицахъ, составляющихъ китайское правительство, о тѣхъ, которые имѣютъ наибольшее вліяніе на дѣла, узнать характеръ императора, его обыкновенія, слабости, предметы, которые наиболѣе его занимаютъ и о коихъ онъ любитъ говорить; вмѣстѣ съ тѣмъ имъ поручалось распространять молву о величіи Россіи, объ огромныхъ средствахъ, коими она располагаетъ, объ уваженіи, которымъ пользуется въ Европѣ, и вообще распускать всѣ слухи, которые могутъ служить въ пользу посылаемому посольству, а также внушить китайскому правительству, чтобы оно также домогалось чего-нибудь отъ русскаго императора, хотя бы эти домогательства были и неисполнимы, только для того, чтобы посланникъ, объяснивъ, что переговоры о та-

кихъ предметахъ превосходятъ данныя ему власти, могъ отправить курьера въ Петербургъ и подъ этимъ предлогомъ продлить свое пребываніе въ Пекинѣ [1]. Дипломаты іезуиты должны были отправиться въ Китай на португальскомъ кораблѣ изъ Лиссабона, гдѣ папскій нунцій получилъ приказаніе отъ папы выдать имъ паспорты и всячески облегчить имъ это путешествіе. Но, вмѣсто Китая, они прибыли въ Соединенные Штаты, расчеты правительства не сбылись, а может быть, посвященные въ его намѣренія іезуиты воспользовались ими противъ него. Вѣроятно, въ 1811 году, когда Пестель просилъ о присылкѣ въ Сибирь іезуитовъ, между прочимъ и для дипломатическихъ сношеній съ Китаемъ, это обманутое ожиданіе было забыто и іезуитамъ дозволено было тамъ водвориться и назначено, какъ и въ колоніяхъ, жалованье отъ казны [2]. Передъ самымъ отъѣздомъ туда эти ревнители просвѣщенія, духовные дипломаты и агрономы просили черезъ генерала своего ордена только одной милости, чтобы имъ дозволено было обращать въ латынство туземныхъ идолопоклонниковъ и магометанъ, но государь не разрѣшилъ. Это-то и было ихъ настоящею цѣлію, достиженію коей помогали нѣкоторые изъ самыхъ приближенныхъ къ императору государственныхъ лицъ. Еще въ 1802 году, при самомъ учрежденіи министерствъ, министръ внутреннихъ дѣлъ Кочубей вошелъ съ представленіемъ въ комитетъ министровъ о дозволеніи іезуитамъ распространять римско-като-

(1) Инструкцію, данную іезуитамъ, см. въ приложеніи 10-мъ.

(2) Въ иркутской губерніи священникамъ по 1,800 руб., да викарнымъ каждому по 300 руб.; въ томской по 750 руб. и на каждаго викарнаго по 250 руб.

лическую вѣру и обращать въ нее чрезъ своихъ миссіонеровъ магометанскіе и идолопоклонническіе народы, обитающіе въ астраханской, оренбургской и сибирскихъ губерніяхъ. Противъ Кочубея возсталъ, бывшій тогда министромъ юстиціи, безсмертный нашъ поэтъ Державинъ, говоря, что достаточно терпимости вѣръ, которая уже существуетъ въ имперіи, что возводить католическую вѣру на степень владычествующей религіи неприлично достоинству имперіи, и что, напротивъ того, слѣдовало бы подумать объ образованіи и посылкѣ къ иновѣрнымъ идолопоклонническимъ и магометанскимъ народамъ миссіонеровъ господствующей религіи, какъ дѣлалъ царь Іоаннъ Васильевичь, чтобы они пріучили этихъ дикарей къ хлѣбопашеству, разнымъ промысламъ и къ нравамъ коренныхъ русскихъ подданныхъ. Къ мнѣнію Державина присталъ графъ Румянцевъ, и попытка Кочубея въ пользу іезуитовъ не удалась (1).

Настоящее гнѣздо іезуитское было въ Бѣлоруссіи: тамъ былъ центръ ихъ пропаганды, тамъ жилъ генералъ ихъ ордена, устроенъ былъ ихъ новиціатъ на 70 учениковъ съ превосходною библіотекою и кабинетами, тамъ же были ихъ матеріальныя средства, — поземельныя имущества. Топографическое размѣщеніе ихъ по Бѣлоруссіи было такое: въ витебской губерніи они распространились преимущественно по направленію къ литовской границѣ, уѣзды же пограничные съ псковскою губерніею не были ими заняты; въ могилевской губерніи они размѣстились разсѣянно, не занявъ вовсе пяти ея уѣздовъ (2). Въ

(1) Записки Г. Р. Державина. Москва. 1860 г. стр. 459.

(2) Іезуиты находились: 1) въ витебской губерніи: въ Витебскѣ, Полоцкѣ, въ Пущѣ (режицкаго уѣзда), въ Ушвальдѣ

Бѣлоруссіи было во владѣніи іезуитовъ 13,500 душъ крестьянъ ([1]) и заведены были коллегіи въ Витебскѣ, Могилевѣ, Мстиславѣ и Оршѣ. До 1810 года была іезуитская коллегія и въ Динабургѣ, основанная еще въ 1630 году польскимъ сенаторомъ Александромъ Госевскимъ, гдѣ находились до 70 іезуитовъ и былъ устроенъ ими въ 1783 году новиціатъ (*domus tertiae probationis*, гдѣ нужно было оставаться годъ до произнесенія торжественныхъ обѣтовъ); но въ 1810 году, по случаю постройки динабургской крѣпости, монастырь ихъ былъ уничтоженъ и они переведены въ Полоцкъ, что было прискорбно для іезуитовъ, ибо по направленію отъ Полоцка къ Ригѣ, на разстояніи около 300 верстъ, кромѣ ихъ динабургскаго новиціата и доминиканскаго училища въ Забялахъ, не было никакихъ другихъ латынскихъ духовныхъ заведеній.

Кромѣ того, іезуиты, со временъ Павла, основались и остались въ Астрахани въ числѣ пяти человѣкъ, и въ Моздокѣ, гдѣ ихъ было двое, и потомъ проникли въ Ригу,—тамъ они имѣли семь священниковъ, находившихся подъ особымъ покровительствомъ генералъ-губернатора маркиза Паулучи,

и Дагдѣ (динабургскаго уѣзда); не было ихъ въ уѣздахъ: люцинскомъ, себежскомъ, невельскомъ, велижскомъ, суражскомъ, городецкомъ, лепельскомъ и дрисскомъ; 2) въ могилевской губерніи: въ Могилевѣ, Мстиславлѣ, Оршѣ, Хальчѣ (бѣличскаго уѣзда), Чечерскѣ (рогачевскаго уѣзда), въ Лозовичахъ (климовичскаго уѣзда) и Раенѣ (чаусовскаго уѣзда).

([1]) Именно, въ витебской губерніи: въ витебскомъ уѣздѣ 665 душъ, въ динабургскомъ 1,433, въ полоцкомъ 8,668; въ могилевской губерніи: въ могилевскомъ уѣздѣ 474, въ мстиславскомъ 686, въ оршанскомь 1,489, въ климовицкомъ 114; всего 13,529 душъ крестьянъ.

римско-католика. Впослѣдствіи (около 1811 года) графиня Коссе завела тамъ римско-католическую школу.

Завѣтною ихъ мечтою было возвратиться въ страну, которою они нѣкогда обладали, и гдѣ слѣды ихъ остались еще неизглаженными,—въ Литву и другія провинціи, составлявшія великое княжество литовское; богатство края, разнообразіе представлявшихся способовъ для дѣятельности, иной, несравненно болѣе бѣлорусскаго, зажиточный и развитый, а имъ такъ хорошо знакомый народъ,—все манило ихъ туда. Но въ самомъ началѣ царствованія императоръ Александръ ограничилъ предѣлы распространенія іезуитскаго ордена тѣми мѣстностями, въ которыхъ онъ уже находился; итакъ предстояло имъ преступить эти предѣлы. Въ этомъ помогъ іезуитамъ давнишній приверженецъ ихъ графъ Ильинскій, любимецъ Павла Петровича; не первую услугу оказывалъ онъ ордену, его содѣйствіемъ и вліяніемъ сосланъ былъ въ 1800 году митрополитъ Сестренцевичь, въ угоду іезуитамъ. Графъ Ильинскій, въ убѣжденіи, что ничего не можетъ быть полезнѣе для государя и государства, какъ орденъ іезуитскій ([1]), просилъ въ 1811 году дозволеніе открыть въ имѣніи своемъ, мѣстечкѣ Романовѣ (волынской губерніи, въ новградъ-волынскомъ уѣздѣ, на самой границѣ уѣзда житомірскаго), іезуитское училище, предлагая устроить тамъ на свой счетъ церковь, школу, пансіонъ, библіотеку и содержать четырнадцать профессоровъ, а для на-

([1]) Графъ Ильинскій писалъ къ кн. Голицыну: «je suis persuadé que rien ne peut contribuer davantage au bien du Souverain et de l'État que l'institut des jésuites, qui par leur éducation ont formé tant de sujets distingués».

чала просилъ прислать четырехъ іезуитовъ. Государь согласился, и іезуитское училище открылось въ Романовѣ, но не успѣло развиться въ предположенныхъ учредителемъ размѣрахъ: въ немъ никогда не было болѣе семи іезуитовъ.

Однако бо́льшаго распространенія въ это время искать было неблагоразумно; іезуитамъ необходимо было тогда упрочить за собою то, что̀ уже получили. Непримиримый ихъ врагъ, просвѣщеніе, покровительствуемое образованнымъ монархомъ, распространялось быстро и въ западномъ краѣ; виленскій университетъ, со времени преобразованія его въ 1803 году, сталъ пріобрѣтать вполнѣ заслуженное значеніе и вытѣснять мракъ и невѣжество изъ стѣнъ монастырскихъ. Всѣ монастырскія училища подчинены были надзору университета, который утверждалъ преподавателей, одобрялъ и вводилъ въ оныя учебныя руководства. Доходила очередь и до іезуитовъ выставить на свѣтъ ихъ систему образованія, раскрыть свою методу и подчиниться современнымъ требованіямъ вѣка и науки, а это равносильно было уничтоженію ихъ ордена: достаточно вспомнить, какъ поплатился Сестренцевичь за свое намѣреніе надзирать за іезуитскимъ воспитаніемъ. Легко себѣ представить, какимъ негодованіемъ и страхомъ преисполнены были іезуиты, удостовѣрившись въ томъ, что и имъ предстоитъ представить на судъ ученой корпораціи и свои руководства и свои учебные пріемы. Терять время было нельзя, іезуитамъ нужно было отстоять свое, какими бы способами то ни было, и уже съ 1810 года графъ Местръ хлопочетъ объ ихъ дѣлѣ, пишетъ пять писемъ о народномъ просвѣщеніи въ Россіи къ графу Разумовскому и увѣряетъ въ нихъ, что ви-

ленскій университетъ выбралъ только предлогомъ распространеніе просвѣщенія по одной системѣ, чтобы въ немъ было единство, но что цѣль его—убить іезуитскій орденъ (1). «Что за зрѣлище»! продолжаетъ онъ: «съ одной стороны почтенные и ученые монахи, которые въ продолженіе сорока лѣтъ дѣлали добро и проповѣдывали истину въ глазахъ всей Россіи, всегда помня свои обязанности къ государству и свою русскую присягу и предпочитая всему русскій языкъ, которому они даютъ мѣсто возлѣ языка латынскаго, составляющаго основаніе ихъ методы воспитанія. Съ другой же стороны, польская академія, въ справедливомъ, если хотите, и понятномъ опьяненіи отъ своего роднаго нарѣчія, преслѣдуетъ іезуитовъ за преданность ихъ къ своимъ стариннымъ обыкновеніямъ и хочетъ отнять у нихъ не нравящуюся ей грамматику, чтобы замѣнить ее другою. И русское правительство, *въ этихъ-то обстоятельствахъ*, колеблется между двумя учеными сословіями и даже склоняется къ академіи *польской!* Какимъ же чародѣйствомъ и по какому необъяснимому предопредѣленію правительства благоволятъ только къ тому, что̀ должно ихъ погубить, и ненавидятъ только то, что̀ можетъ ихъ спасти»? Ударъ былъ вѣренъ: виленскій университетъ, замѣщенный поляками, столько же развивалъ просвѣщеніе въ западномъ краѣ, сколько уничтожалъ въ

(1) Lettres et opuscules. t. 2. p. 354—355: «Comme la proposition directe de détruire les jésuites ou leur enseignement choquerait la justice du Souverain, on tâche d'arriver au but en tournant: on dit que *l'intérêt de l'État* (voici le piége) exige l'unité de l'enseignement, et l'on propose de soumettre les jésuites à l'université de Vilna, ce qui équivaudrait pleinement à un ukase de suppression».

немъ русскую народность; но была ли эта народность такъ близка итальянскому сердцу графа Местра и космополитическому іезуитовъ, чтобы, во имя ея, уничтожать просвѣщеніе разумное, хотя и не народное, и отстаивать схоластическіе силлогизмы іезуитской школы, проникнутые ненавистью къ господствующей въ государствѣ религіи, и значитъ не менѣе польской пропаганды для него опасные? Но для іезуитовъ это было только средствомъ, а цѣлью было—поколебать доброе мнѣніе о виленскомъ университетѣ и, исторгнувъ изъ подъ его вѣдѣнія свои училища, продолжать въ нихъ укоренять ту религіозную нетерпимость, которою одушевлены были всѣ ихъ дѣйствія. Способъ выбрали они для того довольно благовидный: достигнуть возвышенія полоцкаго новиціата на степень академіи, и сдѣлать такимъ образомъ это заведеніе равнымъ университету; тогда зависимость отъ него была бы неприлична, какъ отъ учрежденія равносильнаго, и всѣ іезуитскія училища, состоя подъ вѣдѣніемъ академіи, составили бы, такъ сказать, ея учебный округъ, вполнѣ самостоятельный и чисто іезуитскій, то есть, другими словами, въ кругу народнаго воспитанія, какъ въ жизни общественной, іезуиты были вѣрны своему началу: образовать изъ своего ордена *status in statu*. Мысль эта принадлежитъ тому же Местру; обставлялъ же онъ ее такими напр. софизмами, что дарованіе академіи іезуитамъ было бы и дѣйствіемъ справедливости, такъ какъ они уже имѣли ее въ Вильнѣ при польскомъ владычествѣ, и актомъ въ высшей степени политическимъ, потому что возбуждено бы было соревнованіе и даже антипатія, весьма полезныя для правительства, между двумя противоположными

системами обученія юношества; притомъ же этотъ опытъ ничего не стоилъ бы казнѣ.

Когда графомъ Местромъ подготовлены были уже въ Петербургѣ пути для осуществленія поданной имъ мысли на защиту іезуитскаго воспитанія, генералъ ордена сталъ въ 1811 году оффиціально о томъ ходатайствовать. Доводы были тѣ же, но болѣе и искуснѣе развиты. Іезуиты приписывали себѣ великихъ людей, явившихся въ западной Европѣ въ послѣдніе вѣка; по ихъ словамъ, они произвели блистательную эпоху Людовика XIV; съ паденіемъ іезуитовъ уничтожилось просвѣщеніе; сами протестантскіе университеты Германіи будто бы сознавали, что съ тѣхъ поръ сталъ замѣтенъ упадокъ въ наукахъ; кардиналъ Ришельѳ писалъ въ пользу ихъ воспитанія. Гдѣ они не имѣли прежде университетовъ? Имѣли и въ Вѣнѣ, и въ Прагѣ, и въ Грацѣ, и въ Ингольштадтѣ. Парижскій универсисетъ никогда не былъ въ такомъ блистательномъ состояніи, какъ въ то время, когда въ рукахъ іезуитовъ была въ Парижѣ collége Louis le Grand; соревнованіемъ они возвысили науки въ самомъ университетѣ. А что̀ ожидало ихъ и случайно только не сбылось въ Россіи? Еслибъ Литва была присоединена къ Россіи въ одно время съ Бѣлоруссіею, то они владѣли бы и виленскимъ университетомъ; императоръ Павелъ намѣревался даже отдать имъ этотъ университетъ. Вотъ какія приводились ими права на уравненіе своего новиціата съ университетомъ. Но выставивъ свои достоинства, они съ макіавелевскою подробностію выставляли разные, по ихъ мнѣнію, недостатки университетовъ, и искали испугать ими правительство. Чего они тутъ не приводили? И дороги университеты для

казны, и студенты безнравственны: прежде они схватывались съ полиціею, а потомъ будутъ и политически опасны; профессора, по большей части, иностранцы, привязаны къ Россіи однимъ жалованьемъ и значитъ не могутъ вселить въ учащихся чувствъ приверженности къ государю; система университетскаго образованія не оправдалась еще на опытѣ; нужно подождать ея послѣдствій: университеты затѣваютъ такой же переворотъ въ воспитаніи, какой произвели революціи въ правительствахъ; но, знаемъ, говорили іезуиты, что много конституцій перемѣнилось во время французской революціи, а наконецъ возвратились же къ прежнимъ формамъ верховной власти,—не будетъ ли того же и съ воспитаніемъ? Подлѣ такой мрачной, ужасающей картины, представлены смиренные, но плодотворные подвиги истинныхъ просвѣтителей человѣчества, іезуитовъ, которые обязаны Россіи сохраненіемъ своего существованія; преданности ихъ нѣтъ предѣловъ, и это чувство общее всего ордена; нѣтъ нужды, что онъ составленъ изъ людей разныхъ націй,—вступая въ ихъ общество, они теряютъ свою національность; духъ ихъ, стремленія, правила—однѣ и тѣ же, они не могутъ дѣйствовать иначе, какъ по направленію общему для всего ордена. По чувствамъ этой безграничной преданности къ Россіи, іезуиты предлагали облегчить правительство въ трудномъ дѣлѣ надзора за воспитаніемъ въ ихъ училищахъ такимъ образомъ, что полоцкая академія, объ учрежденіи которой они ходатайствовали, будетъ уже сама завѣдывать всѣми іезуитскими школами, и онѣ будутъ въ такомъ же отношеніи къ академіи, въ какомъ свѣтскія училища находятся къ университетамъ ихъ

округовъ. И какая польза отъ подобнаго устройства? Бѣлорусское дворянство будетъ за то благодарно правительству, городъ Полоцкъ, много потерявшій отъ перенесенія губернскаго управленія въ Витебскъ, подымется, а Россія получитъ, благодаря іезуитскому воспитанію, столькихъ вѣрныхъ подданныхъ. Всячески же, чтò можетъ быть даже и хорошо для университетовъ, тò непримѣнимо къ заведеніямъ іезуитовъ ([1]).

Князь А. Н. Голицынъ, къ которому также обратились по этому дѣлу іезуиты, помогалъ имъ, и въ 1812 году послѣдовала грамата объ учрежденіи въ Полоцкѣ іезуитской академіи, «для торжественнаго ознаменованія», какъ въ ней сказано, «особенно монаршаго благоволенія къ полоцкой іезуитской коллегіи, толикую пользу принесшей воспитаніемъ юношества». Академія эта, подчиненная непосредственно и, само собою разумѣется, только по имени министерству народнаго просвѣщенія, помимо начальства учебныхъ округовъ, управляясь генераломъ іезуитскаго ордена, пользовалась всѣми правами и преимуществами университетовъ; она раздѣлена была на три факультета: богословскій, философскій и смѣшанный, въ которомъ преподавались науки философскія, естественныя и юридическія. Академія, также какъ и университеты, возводила въ ученыя степени, и кромѣ того по богословскому факультету въ званіе докторовъ богословія; аттестаты, ею выдаваемые, имѣли одинаковую силу съ аттестатами университетскими. Непосредственный начальникъ или ректоръ академіи былъ провинціалъ ордена, а

([1]) См. приложеніе 11-е.

каждый факультетъ избиралъ, какѣ и въ университетахъ, своего декана. Академія имѣла свою типографію и ей принадлежала цензура печатаемыхъ въ ней книгъ. Всѣ іезуитскія училища въ имперіи подчинены были полоцкой академіи ([1]). Новиціатъ перенесенъ былъ въ мѣстечко Пушу (витебской губерніи, въ режицкомъ уѣздѣ, между городами Режицею и Динабургомъ).

Систета іезуитскаго воспитанія слишкомъ извѣстна, чтобы на ней здѣсь останавливаться; но довольно любопытно слышать изложеніе оной изъ устъ самихъ іезуитовъ. Вотъ какимъ образомъ описывалъ это воспитаніе въ новиціатѣ генералъ іезуитскаго ордена князю Голицыну: 1) Воспитанникамъ не дозволяется ни писать, ни получать письма, безъ предварительнаго прочтенія и одобренія ихъ начальствомъ училища, ни имѣть какое бы то ни было сношеніе съ лицами, не находящимися въ заведеніи (то есть, и съ родителями). 2) Даже въ самомъ заведеніи ученики могутъ говорить только съ ректоромъ и съ духовникомъ, но между собою частныхъ разговоровъ имѣть не могутъ, а говорятъ только громко при всѣхъ, во время рекреацій, и то не иначе, какъ въ присутствіи гувернеровъ. 3) Пуша, гдѣ находится новиціатъ, есть мѣсто пустынное, гдѣ воспитанникамъ нѣтъ возможности ускользнуть отъ бдительнаго надзора наставниковъ и имѣть какія-либо сношенія съ посторонними заведенію лицами. 4) Во время курса воспитанія, продолжающагося два года, молодые духовные занимаются *единственно* молитвою, чтеніемъ духовныхъ книгъ

([1]) См. приложеніе 12-е.

и разнаго рода благочестивыми упражненіями.—Такимъ образомъ, отдаленные отъ всего міра, отчужденные отъ отца и матери, юноши, приготовляющіеся быть іезуитами, начинаютъ съ того, чтобъ позабыть, что они люди, не занимаются въ училищѣ науками, а только проникаются тѣмъ духомъ, который, отстранивъ ихъ отъ общественныхъ интересовъ, долженъ сдѣлать изъ нихъ не людей, а іезуитовъ.

Со времени назначенія князя Голицына главноуправляющимъ, правительство стало оказывать іезуитамъ особое покровительство: одно учрежденіе ихъ академіи и подчиненіе ей всѣхъ училищъ было уже блистательною побѣдою надъ распространявшимся просвѣщеніемъ, а также и обезпеченіемъ отдѣльности ордена отъ всѣхъ государственныхъ учрежденій. «Что̀ вы сдѣлали для насъ», писалъ въ 1812 году генералъ ордена Бржозовской кн. Голицыну, «то̀, запечатлѣно и останется навсегда въ сердцѣ каждаго іезуита». Іезуитамъ дозволено было вести корреспонденцію безденежно, не платя за почту, выписывать изъ за границы безпошлинно и, что̀ всего важнѣе, безъ всякаго освидѣтельствованія всѣ книги, которыя могли бы имъ понадобиться, и они вывозили ихъ цѣлыми ящиками; для умноженія ордена они вызывали ежегодно изъ чужихъ краевъ новыхъ дѣятелей, и главное управленіе настаивало даже на томъ, чтобъ впускать ихъ въ имперію безъ одобренія нашихъ посланниковъ и консуловъ, но государь на это не согласился (1).

(1) 3 апрѣля 1812 года слушана въ комитетѣ министровъ записка кн. Голицына о дозволеніи іезуитскому ордену выписывать изъ чужихъ краевъ нужныхъ ему людей. Мнѣнія насчетъ предложенныхъ по этому правилъ раздѣлились. Предсѣ-

Для набора новыхъ членовъ іезуитскій орденъ имѣлъ постоянныхъ агентовъ за границею: собственно для этой цѣли іезуиты Морель, Ешь, Фонтень и другіе жили во Франціи, Фландріи, Голландіи и Германіи. Главными же іезуитскими дѣльцами, не только по набору новыхъ членовъ, но и по самымъ важнѣйшимъ ихъ дѣламъ, были въ Германіи Пенклеръ, Келлеръ и князь Рачинскій, а въ Римѣ патеръ Анджіолини. Послѣдній неутомимо старался набирать и отправлять новичковъ въ Россію, и выхлопотать у папы неограниченныя привиллегіи и права для іезуитскаго ордена въ Россіи; уступка такихъ привиллегій уполномочила бы этотъ орденъ распространяться внѣ русской имперіи, въ которой онъ былъ возстановленъ папскимъ бреве; въ 1804 году онъ простеръ свою дерзость до того, что много разъ старался убѣдить русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, графа Кассини, поддержать его домогатель-

датель комитета, главнокомандующій въ столицѣ, предсѣдатель департаментовъ государственнаго совѣта и предсѣдатель военнаго департамента находили нужнымъ постановить, чтобы иностранцы, которыхъ дозволено будетъ впредь іезуитскому ордену выписывать, имѣли одобреніе отъ министровъ и консуловъ нашихъ. А морской министръ, предсѣдатель департамента законовъ, министръ финансовъ, министръ просвѣщенія, управляющій военнымъ министерствомъ, министръ юстиціи, министръ внутреннихъ дѣлъ, государственный контролеръ и князь Голицынъ, принимая въ основаніе извѣстную осторожность и осмотрительность іезуитскаго ордена и то, что исходатайствованіе одобреній затруднитъ иностранцевъ, особенно въ такомъ случаѣ, когда отъ жительства ихъ будетъ отдалено пребываніе министра или консула нашего, полагали, не требуя одобреній, возложить всю отвѣтственность за качество и поведеніе выписываемыхъ для іезуитскаго ордена иностранцевъ на генерала ордена. 24 апрѣля государь утвердилъ мнѣніе первыхъ.

ства, представляя ему, что таковы желанія императора, и часто показывая ему письма генерала своего ордена, подтверждавшія его увѣренія; но рускій повѣренный отказался мѣшаться въ эти дѣла, говоря, что онъ не получалъ инструкцій по этому предмету отъ своего двора.

Въ 1812 году пожаловано было императоромъ костеламъ новороссійскихъ колоній, въ коихъ духовныя требы отправляли іезуиты, 30 картинъ изъ эрмитажа, а для церковныхъ облаченій шелковыя матеріи. Въ томъ же году, по одному производившемуся въ Астрахани слѣдствію, стали было дѣлать розыскъ въ библіотекѣ и архивахъ проживавшихъ тамъ іезуитовъ; но князь Голицынъ велѣлъ тотчасъ же прекратить его. Однимъ словомъ, не было исключеній изъ общихъ учрежденій и законовъ, которыхъ не дѣлали бы въ пользу іезуитовъ. Не довольствуясь такимъ покровительствомъ, оказываемымъ имъ въ предѣлахъ имперіи, они попробовали было сдѣлать изъ нашего правительства агента для устройства дѣлъ ихъ ордена и за границею. Въ 1812 году Бржозовскій просилъ ходатайства государя о возстановленіи іезуитскаго ордена въ Испаніи, съ тѣмъ, чтобы дозволено имъ было открыть тамъ на первый разъ хотя два ихъ заведенія; но императоръ не пожелалъ въ это вмѣшиваться и велѣлъ отвѣчать, что онъ препятствовать этому проэкту не будетъ, но содѣйствовать въ немъ не можетъ, такъ какъ предположенное учрежденіе должно быть за границами имперіи. Однако это не мѣшало генералу іезуитовъ представить тогда же чрезъ русскаго министра въ Мадридѣ Татищева ноту кортесамъ Испаніи, въ которой онъ просилъ о возвращеніи іезуитовъ въ

Испанію и объ учрежденіи тамъ только двухъ домовъ, которые должны были доказать испанскому народу пользу ордена, столь дѣятельнаго для защиты церкви и престоловъ и для воспитанія ([1]).

Блистательнѣйшимъ тріумфовъ іезуитовъ было торжественное признаніе и повсемѣстное возстановленіе ихъ ордена римскимъ дворомъ 7 августа 1814 года, чего они такъ давно домогались, ибо въ 1801 году папа призналъ, какъ мы видѣли, существованіе этого ордена только въ Россіи. Іезуиты отблагодарили за то папу отслуженіемъ 2,000 обѣдень. Обязанные своимъ сохраненіемъ Россіи и открытому неповиновенію главѣ церкви, которой выставляютъ себя послушнѣйшими орудіями и исполнителями, іезуиты, въ минуту возсозданія ихъ ордена, были уже, благодаря русскому правительству, въ такомъ же полномъ составѣ, какъ и прежде, какъ-бы орденъ никогда не былъ уничтожаемъ; иначе много потребовалось бы времени, чтобы укомплектовать орденъ, устроить вновь закрытыя заведенія, получить прежнія политическія преимущества. Іезуиты клялись въ вѣчной признательности къ Россіи за такія благодѣянія ([2]);

([1]) См. приложеніе 13-е.

([2]) Въ письмѣ къ князю Голицыну отъ 29 сентября 1814 года Бржозовскій говоритъ: «C'est au gouvernement russe que nous sommes redevables de la résurrection de notre compagnie. C'est ce gouvernement qui a accueilli et protégé nos débris; c'est par ses bienfaits que nous nous trouvons aujourd'hui à même de profiter de la grâce que nous accorde le souverain pontife. J'éprouve sans doute une satisfaction bien sensible en voyant mon ordre rétabli honorablement dans des pays d'où il a été exclu; mais ce qui augmente singulièrement le plaisir que je ressens, c'est de penser que l'extension de mon ordre me fournira aussi les moyens de témoigner plus efficacement ma reconnaissanse et mon dévouement à Sa Majesté impériale, en me mettant plus en

вскорѣ увидимъ, какъ они исполнили свое обѣщаніе и какимъ образомъ доказали свою благодарность. Булла о возстановленіи іезуитскаго ордена, допущенная въ 1814 году комитетомъ министровъ, напечатана была въ Полоцкѣ въ большомъ числѣ экземпляровъ и разослана всему латынскому духовенству имперіи. Генераломъ всего ордена остался Бржозовскій (1).

Итакъ, въ четырнадцать лѣтъ царствованія императора Александра, не пользуясь сочувствіемъ этого государя, іезуиты однако же успѣли усилиться значительно въ новороссійскихъ и саратовскихъ колоніяхъ, основаться на Волыни, проникнуть въ отдаленныя страны сибирскія, создать себѣ академію, достигнуть подтвержденія ихъ ордена папою и наконецъ получить въ Россіи тѣ исключительности и изъятія изъ общихъ правилъ, которыя имъ нужны для совершенной самостоятельности. Прослѣдивъ ихъ дѣятельность для достиженія этихъ цѣлей, посмотримъ теперь на то, какъ они воспользовались распространеніемъ и укрѣпленіемъ ихъ ордена и какія оказали услуги покровительствовавшему ихъ русскому правительству.

Въ трудную годину 1812 года іезуиты, имѣя всегда

état d'entretenir les missions et les écoles qui nous sont confiées dans l'empire de Russie. Le souvenir des grâces et des bienfaits accordés à mon ordre par Sa Majesté imperiale restera à jamais gravé dans mon coeur, et quelque part que je puisse me trouver par la disposition de la divine Providence, mon plus ardent désir sera toujours de m'acquitter de tout ce que l'ordre dont je suis chef doit au gouvernement protecteur et conservateur, qui seul lui a donné sûreté et tranquillité pendant tant d'années».

(1) Бржозовскій родился въ 1750 году, вступилъ въ орденъ въ 1766, въ 1786 былъ профессоромъ въ витебской коллегіи.

значительныя связи, не оказали никакой помощи, и бо́льшая часть ихъ ушла изъ Бѣлоруссіи: 174 іезуита разсѣялись по губерніямъ псковской, смоленской, тверской, новгородской, черниговской и вологодской, гдѣ имъ отводились казенныя квартиры и производилось отъ казны пособіе. Нѣсколько студентовъ полоцкой академіи вступили даже на службу во французскую армію и сражались противъ русскихъ, а остававшіеся на мѣстѣ іезуиты не показывали ни малѣйшей симпатіи къ русскимъ войскамъ: когда, по рѣшительному неимѣнію помѣщенія для нашихъ раненыхъ, они временно расположены были въ полоцкомъ іезуитскомъ училищѣ, то іезуиты всячески старались выгнать ихъ изъ своего дома, представляя тому причиною необходимость продолжать тамъ лекціи. Вотъ всѣ подвиги іезуитовъ въ 1812 году! Но они умѣли снискать себѣ столько покровителей, что въ это же время самъ графъ Ростопчинъ, конечно руководимый въ этомъ случаѣ женою, просилъ опредѣлить къ московскимъ костеламъ іезуитовъ. «Я имѣлъ случай», писалъ одинъ московскій іезуитъ, «представиться графу Ростопчину, и полученный мною отъ него пріемъ, съ обѣщаніемъ особеннаго покровительства, подаетъ намъ самую счастливую надежду. По крайней мѣрѣ на графа Ростопчина не будутъ имѣть вліянія умы противусвященническіе. Графиня по сему случаю писала къ мужу своему письмо (изъ Петербурга), достойное королевы Бланки».

Главное дѣло іезуитовъ было, разумѣется, пропаганда. Своими совращеніями они поселяли раздоръ въ колоніяхъ между католиками, лютеранами и послѣдователями различныхъ сектъ до такой степени,

что гражданское начальство принуждено было мирить ихъ; обращая въ латынскую вѣру, они сопровождали обыкновенно это религіозное отступничество оскорбительнымъ проклинаніемъ прежней церкви, сожженіемъ Лютерова перевода библіи и другихъ евангелическихъ и церковныхъ книгъ; отчуждая колонистовъ отъ земледѣльческихъ занятій, умножая число церковныхъ праздниковъ, изъ земледѣльцевъ дѣлали святошъ; употребляли общественные доходы на свое содержаніе, на уплату за разныя духовныя требы, наемъ музыкантовъ и т. п., такъ что католическія колоніи, по милости іезуитовъ, далеко отстали въ экономическомъ отношеніи отъ колоній протестантскихъ (¹).

(¹) Отъ 29 мая 1811 г. главный судья саратовской опекунской конторы иностранныхъ поселенцевъ доносилъ: «нельзя умолчать, что іезуитское духовенство, по особливымъ правиламъ своего ордена, старается преклонить колонистовъ болѣе къ жизни монашеской, нежели къ жизни земледѣльца. Во время церковныхъ праздниковъ, коихъ въ году бываетъ очень много, патеры принуждаютъ колонистовъ къ посѣщенію церквей и тѣмъ много отвлекаютъ ихъ въ рабочую пору отъ хозяйственныхъ занятій, особливо когда они для одного праздника должны возвращаться съ пашни, отлежащей отъ колоніи на 25 и 30 верстъ въ степи. Отъ таковаго отвлеченія происходитъ, что колоніи католическаго исповѣданія предъ колоніями протестантскихъ исповѣданій хуже, и въ строеніи, и въ домахъ жителей ихъ меньше хозяйственнаго порядка, чистоты и опрятности». — Въ 1815 году смотритель нѣмецкихъ колоній въ рапортѣ управляющему дѣлами поселеній Лошкареву доносилъ: «я во всѣхъ приказахъ въ колоніяхъ католическаго исповѣданія изъ шнуровыхъ книгъ усмотрѣлъ, что общественные доходы по сіе время употребляются болѣе на содержаніе патеровъ, ибо во всѣхъ статьяхъ упоминаемо: *выдано за служеніе обѣдни*, *выдано за содержаніе патера*, и иногда еще и съ товарищами, *выдано за позволеніе держанія праздника*, и тому подобное, такъ что весь приходъ общественной суммы употребляется какъ выше сказано; даже,

Прибывъ въ Сибирь, іезуиты хлопотали только объ увеличеніи своихъ выгодъ, оставляли многихъ тамошнихъ католиковъ, для коихъ были призваны, безъ исповѣди, причащенія святыхъ таинъ, погребенія, безъ всякихъ духовныхъ поученій [1], и заботились, какъ и вездѣ, о распространеніи чрезъ совращенія; подъ предлогомъ исполненія требъ, разъѣзжали по самымъ отдаленнымъ мѣстамъ иркутской губерніи, гдѣ вовсе не было людей латынской вѣры, старались внѣшностью блеснуть предъ православными сельскими священниками, раздавали печатные экземпляры католическихъ образовъ и дѣлали разныя приманки для совращенія, въ особенности иновѣрцевъ; вездѣ, гдѣ ни находились въ этомъ краю, побуждали къ переходу изъ православія въ латынство, крестили въ свою вѣру грекороссійскихъ младенцевъ, домогались подчинить своему завѣдыванію уніатовъ томской губерніи, съ тѣмъ, чтобъ обратить ихъ въ римскій католицизмъ и завести іезуитскія школы въ Иркутскѣ. Хлопотали они также и объ открытіи переписки съ своими сочленами въ Китаѣ, и конечно для той же цѣли, къ которой такъ усильно стремились въ Сибири, то есть, къ распространенію латынской пропаганды, а вовсе не для споспѣшествованія политическимъ видамъ Россіи въ китайской им-

и по приказанію ихъ, купленъ изъ сей суммы порохъ и были наняты музыканты въ день какого-то праздника».

(1) Сосланные въ 1812 году въ омскую крѣпость дворяне гродненской губерніи Михаилъ Шавельскій и Францъ Добровольскій писали къ виленскому оффиціалу прелату Цывинскому, что они и многіе другіе римско-католики тобольской губерніи, въ разныхъ уѣздахъ и деревняхъ находящіеся, остаются безъ исповѣди, причастія святыхъ таинъ, поученія, отходятъ отъ сего міра безъ духовнаго утѣшенія и призрѣнія, и проч.

періи. Объ агрономіи, во имя которой достигли призванія своего въ Сибирь, и не думали. «Обращая прилежное вниманіе на сихъ священниковъ», писалъ въ 1815 году сибирскій генералъ-губернаторъ князю Голицыну, «удостовѣряюсь я наконецъ, что они не оправдываютъ тѣхъ ожиданій, какія были въ виду при опредѣленіи ихъ въ сибирскія губерніи, и не оказали еще никакой пользы, пребывая въ семъ краѣ».

Такая же дѣятельность іезуитовъ была и на Кавказѣ. Въ Моздокѣ и въ кавказской губерніи они тайно приманивали въ свою вѣру протестантовъ и русскихъ. Іезуитъ Гейнрихъ писалъ, между прочимъ, въ 1814 году изъ Моздока съ обыкновеннымъ іезуитскимъ самохвальствомъ: «всѣ лютеране, раскольники, магометане, русскіе, поляки, венгерцы, цыгане принимали меня съ равною радостью въ госпиталяхъ. Двое лютеранъ обратились и одинъ изъ нихъ исполняетъ должность апостола. Одинъ русскій офицеръ, переодѣвшись въ солдатское платье, всячески меня разсматривалъ въ продолженіе восьми дней, и въ восьмой день, надѣвъ свой мундиръ, воскликнулъ при всѣхъ въ госпиталѣ: слава Богу, я познаю теперь истинную вѣру! Всѣ госпитальные офицеры одинаково съ нимъ мыслятъ. Русскихъ солдатъ подговариваютъ госпитальные писаря и приводятъ ихъ ко мнѣ; я соглашаюсь и исповѣдую ихъ».

Бѣлорусскими своими имѣніями іезуиты управляли черезъ приказчиковъ (прокураторовъ) и другихъ подъ распоряженіемъ ихъ дѣйствовавшихъ лицъ, и при этомъ старались только объ увеличеніи своихъ доходовъ, раззоряя несчастныхъ крестьянъ, бо́льшая часть которыхъ имѣла весьма малое число рабочихъ лошадей и скота, иные же и вовсе ихъ не имѣли,

и во всѣхъ этихъ имѣніяхъ было множество бобылей, въ тягость мірскому обществу. Даже многіе фольварки, то есть, хозяйственныя заведенія владѣльца, были въ жалкомъ состояніи, за неимѣніемъ достаточнаго числа скота. Между тѣмъ, несмотря на дурную почву земли Бѣлоруссіи и на общее тамъ обѣдненіе и обезсиленіе крестьянъ, іезутскія имѣнія представляли довольно хозяйственныхъ удобствъ и выгодъ: такъ, напримѣръ, на 2,500 душъ въ могилевской губерніи было 19 мельницъ и 33 корчмы, всегда приносящія доходъ. Разъ государь встрѣтилъ самъ въ Царскомъ Селѣ четырехъ бѣдныхъ и увѣчныхъ крестьянъ изъ іезуитскихъ деревень, просящихъ милостыню, велѣлъ помѣстить ихъ въ богадѣльню, и по излеченіи возвратить въ ихъ селенія, давъ пособіе на дорогу, а вмѣстѣ съ тѣмъ поставить на видъ іезуитскому ордену, что съ христіанскими правилами несообразно пускать по міру бѣдныхъ и увѣчныхъ крестьянъ, тогда какъ іезуитскій орденъ имѣетъ всѣ средства призрѣть ихъ, если же въ деревняхъ, ордену принадлежащихъ, не будетъ устройства для призрѣнія и вспомоществованія бѣдныхъ крестьянъ, то къ этимъ имѣніямъ опредѣлены будутъ опекуны отъ правительства.

Получивъ отъ государя столько милостей, іезуиты начали почитать себя уже довольно сильными, чтобы открыть дѣятельную пропагаду въ самомъ Петербургѣ и въ Москвѣ, и притомъ въ высшемъ обществѣ обѣихъ столицъ. Французскіе эмигранты, во множествѣ разсѣянные тогда по Россіи, имъ значительно къ тому способствовали, въ особенности тѣ, которые, въ качествѣ домашнихъ наставниковъ и учителей, проживали въ аристократическихъ домахъ. Мало по

малу, іезуиты, пользуясь всѣми средствами, бывшими въ ихъ рукахъ, однихъ склонили къ своему ордену, другихъ же перевели въ свою вѣру. Тутъ не мѣсто представлять списокъ совращенныхъ іезуитами въ высшемъ обществѣ; не всѣхъ онъ можетъ интересовать, да и мы не почитаемъ себя вправѣ называть такихъ лицъ поименно, основываясь на однихъ слухахъ и дошедшихъ до насъ устныхъ преданіяхъ. Но дабы читатели могли видѣть, на какой слой общества іезуиты старались преимущественно дѣйствовать, и притомъ какъ они дѣйствовали, мы почитаемъ нелишнимъ поименовать здѣсь нѣкоторыя изъ главныхъ ихъ жертвъ и обольщенныхъ, предупреждая, что всѣ данныя о нихъ заимствованы изъ подлинныхъ писемъ іезуитовъ, значитъ не подвержены ни малѣйшему сомнѣнію.

Одна изъ самыхъ ревностныхъ слугъ іезуитовъ была княгиня Голицына, перемѣнившая вѣру, для бо́льшей осторожности, въ Германіи, гдѣ она прожила съ 1807 по 1809 годъ. Въ Вѣнѣ руководилъ ее іезуитскій агентъ Пенклеръ; онъ писалъ о ней петербургскимъ іезуитамъ: «эта дама истинное сокровище; я хотѣлъ бы сопровождать ее при всѣхъ ея маленькихъ путешествіяхъ, которыя она намѣрена предпринять, еслибъ только мои занятія это позволяли; между тѣмъ, провожу съ нею всѣ вечера, ибо это ей весьма пріятно. Вчера я ѣздилъ съ нею въ Клостенбургъ, чтобы быть на праздникѣ св. Леопольда и чтобы посѣтить въ то же время мощи сего святаго, а третьяго дня мы обѣдали вмѣстѣ у нунція Североли». Княгиня Голицына, въ свою очередь, обратила въ Вѣнѣ въ римско-католическую вѣру свою двоюродную сестру княгиню Шмедъ и скло-

нила ее къ монашеству. Когда Голицына жила въ Россіи, то проводила обыкновенно лѣто въ своемъ имѣніи Алексѣевкѣ, верстъ 200 отъ Москвы; тамъ собирался около нея цѣлый іезуитскій кружокъ и аббатъ Сюрюгъ служилъ каждый день обѣдню.

Этотъ аббатъ, бывъ священникомъ московскаго костела, умѣлъ сдѣлаться необходимымъ во многихъ аристократическихъ домахъ. «Графиня Пушкина», пишетъ онъ одному іезуиту, «объявила мнѣ, что поставитъ всѣхъ своихъ дѣтей въ дверяхъ своей комнаты, когда я вздумаю ихъ покинуть. Семейство Пушкиныхъ все предано іезуитамъ».

Князь Одоевскій обратился въ римскій католицизмъ въ Петербургѣ, княгиня Долгорукова въ Голландіи.

Но одно изъ самыхъ важныхъ совращеній, сдѣланныхъ тѣмъ же аббатомъ Сюрюгомъ, было совращеніе графини Ростопчиной, жены московскаго генералъ-губернатора. Сюрюгъ жилъ съ ней въ сосѣдствѣ и пользовался этимъ сосѣдствомъ поіезуитски. «Графиня Ростопчина», писалъ онъ къ своему собрату, «посылаетъ своего сына на проповѣдь въ нашу церковь св. Людовика. Графъ также иногда самъ бываетъ въ оной. Вы видите, что сосѣдство не упущено». И дѣйствительно, сосѣдство не было упущено, ибо вскорѣ Сюрюгъ обратилъ графиню Ростопчину въ римскій католицизмъ. Вотъ какъ онъ описывалъ самъ это происшествіе (въ ноябрѣ 1812 г.): «Графиня Ростопчина, несмотря на строгое запрещеніе и убѣжденія, открыла тайну (то есть, перемѣну вѣры) своему мужу. Вы можете себѣ представить, какъ онъ принялъ подобное открытіе. Онъ ей сказалъ: ты сдѣлала постыдный поступокъ. Когда я увидалъ ее чрезъ два дня, то остолбенѣлъ, узнавъ

отъ нея о семъ безразсудствѣ. Я имѣлъ случай послѣ быть у него на аудіенціи; но онъ бросилъ на меня свирѣпый взглядъ и обернулся спиной».

Большую поддержку находили іезуиты въ графинѣ Толстой, при которой находися іезуитскій аббатъ Дальи, и въ мужѣ ея, бывшемъ оберъ-гофмаршаломъ и любимцемъ императора Александра I. Графъ Толстой не только былъ постояннымъ ходатаемъ за іезуитовъ у императора Александра, но іезуиты обязаны, между прочими, и ему за возстановленіе ихъ ордена въ Австріи. Вотъ чтò писалъ о немъ въ 1814 году генералъ іезуитскаго ордена Бржозовскій: «Когда россійскій и австрійскій императоры, во время аустерлицкой кампаніи, имѣли свиданіе въ Ольмюцѣ, то австрійскій императоръ вступилъ съ оберъ-гофмаршаломъ гр. Толстымъ въ слѣдующій разговоръ: Графъ! у васъ есть іезуиты; скажите, довольны ли вы ими? Графъ, коего сынъ (Еммануилъ) воспитывался въ нашемъ институтѣ (около 3 лѣтъ) и который всегда былъ милостивъ къ нашимъ отцамъ, отозвался о нихъ съ похвалою. Императоръ на это отвѣчалъ: да, я хотѣлъ было сдѣлать опытъ въ Венеціи и имѣлъ уже изъ Рима всѣ нужныя на то бумаги, но война всему помѣшала. Вотъ сокращеніе всего того, чтò разсказалъ мнѣ графъ, по возвращеніи въ Петербургъ. Какъ графъ прибудетъ теперь въ Вѣну, то я писалъ къ нему черезъ супругу его, чтобы онъ ходатайствовалъ за общество у австрійскаго императора». Въ 1815 году графиня Толстая ѣздила съ своимъ сыномъ въ Римъ. Тамъ, по приказанію іезуитскаго ордена, ей сдѣланъ былъ почетный пріемъ отъ іезуитовъ, о чемъ начальникъ ихъ въ Римѣ отецъ Перелли доносилъ генералу,

присовокупивъ, что графъ изъявилъ величайшую радость, получивъ въ подарокъ отъ іезуитовъ часть мощей св. Франциска-Іеронима.

«Обращеніе умовъ къ нашей вѣрѣ», писалъ въ началѣ 1816 года графъ Местръ, «чрезвычайно быстро, и переходъ въ католицизмъ замѣчателенъ, какъ по числу лицъ, такъ и по положенію, занимаемому ими въ обществѣ». «Что за отрадное зрѣлище»! пишетъ онъ архіепископу рагузскому: «какое множество обращеній, и какая быстрота въ нихъ, и это въ самомъ высшемъ здѣшнемъ обществѣ» ([1])! Разумѣется, графъ Местръ объяснялъ эти совращенія естественною прелестію и истинностію католицизма, и не сомнѣвался, что религіозное движеніе сдѣлается общимъ въ Россіи, ибо внѣ римской церкви онъ, какъ и папа, не видѣлъ спасенія. Но въ сущности это была только іезуитская пропаганда, которая наконецъ дошла до того, что въ 1815 году іезуитъ Баландре (Balandret) публично съ каѳедры въ костелѣ св. Екатерины поносилъ всѣ христіанскія вѣроисповѣданія, для того, чтобы выставить все превосходство латынскаго. Прочитавъ эту проповѣдь, князь Голицынъ писалъ митрополиту Сестренцевичу: «нѣкоторыя мѣста этой проповѣди противны не только духу любви и мира, который долженъ одушевлять всякое истинное христіанское ученіе, но и въ особенности тѣмъ правиламъ, которыя правительство искони наблюдало въ отношеніи терпимости всѣхъ христіанскихъ церквей въ россійской имперіи. Я не почитаю себя ни въ правѣ, ни въ обязанности хо-

([1]) Tom. I. p. 362. 369.

дить въ разсмотрѣніе ученія какой-либо церкви, но по должности моей будучи обязанъ пещись о благоустройствѣ и сохраненіи тишины какъ въ господствующей греко-россійской Церкви, такъ и во всѣхъ терпимыхъ и покровительствуемыхъ въ Россіи исповѣданіяхъ, я покорнѣйше прошу ваше высокопреосвященство, чрезъ кого слѣдуетъ, сдѣлать замѣчаніе патеру Боландру, чтобы онъ не дерзалъ впредь, подъ опасеніемъ строгаго взысканія, дѣлать какія-либо внушенія, предосудительныя для другихъ христіанскихъ исповѣданій и потому несовмѣстныя съ миролюбіемъ и съ общественнымъ порядкомъ. Если господствующая Церковь никогда не позволяетъ себѣ и малѣйшаго отступленія отъ сего священнаго правила, то тѣмъ менѣе можетъ правительство допустить нарушеніе онаго со стороны терпимой церкви, которая впрочемъ пользуется полною свободою богослуженія. Сія самая терпимость, которую столь явно осуждаетъ римскій проповѣдникъ, называя ее подпорою всѣхъ ересей, отдѣльныхъ отъ римской церкви, открыла ему нѣдра нашего отечества и сдѣлала церковь его сопричастною всѣхъ благодѣтельныхъ попеченій правительства».

Впрочемъ вообще іезуиты дѣйствовали осторожно. «Я знаю эту страну», писалъ аббатъ Сюрюгъ, «и не поступаю такъ, чтобъ дѣло Божіе разрушилось въ этой землѣ и все почтенное общество было изгнано. Для этого-то я остерегался воспламенять рвеніе, а ограничивался только направленіемъ онаго, и всегда бывало, что особа, такимъ образомъ руководствуемая, сама собой достигала желаемой цѣли». Изобрѣтательность іезуитская, видная изъ продолженія этого письма, и любопытна и поучительна.

«Изъ всѣхъ моихъ духовныхъ отношеній», продолжаетъ іезуитъ, «не исповѣдь есть самое труднѣйшее,—я говорю о тайныхъ моихъ покаянницахъ,—но причащеніе. Я могу исповѣдывать и во время прогулки и въ открытой комнатѣ безъ малѣйшаго подозрѣнія; но гораздо болѣе подвергаешься опасности, пріобщая. Позвольте посовѣтоваться съ вами о слѣдующей выдумкѣ: я изобрѣлъ небольшую серебрянную коробочку, въ которой можно было имѣть въ маломъ видѣ дарохранительницу»; (за симъ описывается подробно конструкція этой ручной дарохранительницы, какъ приноситъ ее съ вечера въ комнату исповѣдницы, которая поутру, послѣ обыкновенныхъ молитвъ, могла бы сама собою пріобщаться изъ оной). «Этимъ средствомъ устранены будутъ», говоритъ Сюрюгъ, «всѣ неудобства, случающіяся при тайномъ причащеніи».

Торжественное возстановленіе ордена папою въ 1814 г. придало смѣлости іезуитамъ. Съ этихъ поръ они стали уже почитать все для себя возможнымъ, и этимъ упоеніемъ успѣха объясняется рѣшимость іезуита Баландре, имѣвшая весьма неблагопріятныя для ордена послѣдствія.

Уже одно то обстоятельство, что князь Голицынъ съ замѣчаніемъ іезуиту Баландру обратился не къ генералу ордена, а къ митрополиту, власть коего орденъ не признавалъ, показывало, что правительство перемѣнило наконецъ свое довѣрчиво-выгодное мнѣніе объ іезуитахъ. И могло ли оно добровольно закрыть себѣ глаза, чтобы не видѣть ихъ дѣйствій? Что̀ безпрестанно доходило до него? Что въ новороссійскихъ и саратовскихъ колоніяхъ іезуиты разными происками присоединяютъ къ латынству лю-

теранскихъ колонистовъ, что въ Сибири перекрещиваютъ въ свою вѣру православныхъ, что въ Петербургѣ совращаютъ лицъ лучшихъ русскихъ фамилій. А въ Бѣлоруссіи? Увидимъ далѣе ихъ дѣйствія относительно уніатовъ. Конечно, такого рода дѣятельность клонилась не къ благу государства православнаго. Съ этого времени стали наблюдать за іезуитами; прежній ревнитель ихъ князь Голицынъ былъ раздраженъ ихъ поступками и даже испуганъ тѣми огромными размѣрами, которые стала принимать ихъ пропаганда. Іезуиты это знали, но такъ были увѣрены въ силѣ своихъ связей и въ своемъ умѣньи, что не ожидали готовившейся для нихъ участи ([1]), хотя и чувствовали, что орденъ въ опасности. Въ началѣ 1815 года Бржозовскій писалъ: «здѣсь непріятель поднимаетъ противъ насъ грозу, но надѣюсь на Бога, что гроза минуетъ».

Дѣло въ томъ, что открылось совращеніе іезуита-

([1]) Въ одномъ письмѣ отъ 31 августа 1815 года графъ Местръ писалъ: «Le catholicisme joue aussi un rôle dans ce mouvement général. On lui reproche son prosélytisme *naturel*, sans trop raisonner sur l'essence et les conséquences de ce caractère. Les jésuites sont examinés avec une sévérité dont vous n'avez pas l'idée. Le prince Galitzin est fort alarmé» (tom. 1. p. 272). Въ октябрѣ того же года онъ пишетъ: «Le ministre des cultes, prince Alexandre Galitzin, surveille les jésuites avec une sévérité colérique qui peut amuser les spectateurs, et l'on espère obtenir de Sa Majesté imperiale, à son arrivée, quelques mesures de rigueur. Mais comment et contre qui? Frappera-t-on sur des catholiques présumés et du premier ordre, tandis qu'on n'ose pas toucher du bout du doigt des polissons de rascolniks, visibles comme le soleil». Такъ мало полагалъ графъ Местръ возможнымъ, чтобы ударъ былъ направленъ не на совращаемыхъ, а на совратителей; иначе онъ легко бы сообразилъ, что выгнать изъ Россіи раскольниковъ невозможно, а іезуитовъ очень легко.

*

ми въ латынство племянника главноуправляющаго духовными дѣлами, несовершеннолѣтняго юноши князя Александра Голицына, о чемъ доведено было до свѣдѣнія государя. Іезуиты перепугались; стали увѣрять, что они въ этомъ не участвовали, что напротивъ того старались удержать его отъ этого намѣренія, что этотъ мальчикъ сдѣлался католикомъ чудомъ, потому что онъ нашелъ въ печкѣ латынскіе молитвенники, забытые однимъ іезуитомъ, комнатнымъ надзирателемъ. Въ то же время генералъ ордена донесъ о случившемся папѣ черезъ кардинала Литта и разослалъ письма въ разные города Россіи къ своимъ приверженцамъ и лицамъ, въ которыхъ надѣялся найти поддержку, какъ то: къ герцогу виртембергскому, къ графу Ильинскому и ко многимъ лицамъ высшаго общества въ Москву. Давнишній покровитель іезуитовъ графъ Ильинскій, тогда губернаторъ на Волыни, поспѣшилъ пріѣхать на помощь имъ въ Петербургъ; другіе друзья ихъ хлопотали, суетились и интриговали, но было уже поздно,—ударъ послѣдовалъ скорѣе, чѣмъ его ожидали.

16 декабря 1815 года послѣдовало высочайшее повелѣніе о высылкѣ іезуитовъ изъ Петербурга и запрещеніи имъ въѣзда въ обѣ столицы, а 20 числа состоялся указъ о томъ сенату. Въ этомъ указѣ, написанномъ адмираломъ Шишковымъ, читаемъ слѣдующее справедливое разсужденіе: «Домогаться сдѣлать человѣка отпавшимъ отъ своей вѣры, отъ вѣры предковъ его; погасить въ немъ любовь къ единовѣрцамъ, согражданамъ своимъ; отдѣлить духъ его отъ духа отечества; посѣять раздоръ и вражду между семействами; отторгнуть брата отъ брата, сына

отъ отца и дочь отъ матери; водворить несогласіе между чадами единыя Церкви,—сей ли есть гласъ и воля миролюбиваго Бога и единороднаго Сына Его Богочеловѣка Христа, пролившаго за насъ пречистую кровь свою, да поживемъ тихое и мирное житіе» (1)! 16 числа генералъ-губернаторъ Вязмитиновъ арестовалъ іезуитовъ въ ихъ домѣ и поставилъ стражу на дворѣ, въ коридорахъ и у дверей ихъ комнатъ. Можно себѣ представить ужасъ и негодованіе ихъ приверженцевъ. «Католицизмъ уничтоженъ въ Петербургѣ» (2)! восклицалъ графъ Местръ и безпокоился о томъ: дадутъ ли іезуитамъ шубы, не умретъ ли кто изъ нихъ на дорогѣ (3)? Но безпокойства эти были излишни: всѣмъ имъ даны были шубы, теплые сапоги и зимніе экипажи (4), и ночью съ 22 на 23 декабря они вывезены были изъ Петербурга и благополучно достигли Полоцка. Іезуитское училище при церкви св. Екатерины въ Петербургѣ отдано было въ завѣдываніе министерства просвѣщенія, а іезуиты замѣщены были въ этой

(1) См. приложеніе 14-е.

(2) «Cette église si belle, si bien ordonnée, si florissante a disparu en un instant» (tom. 1. p. 368). «Je regarde le culte catholique comme suspendu et même comme supprimé» (p. 288).

(3) «Au mois de janvier ils partiront, à ce qu'on m'assure encore, sur des traineaux de poste découverts: auront-ils des pelisses? auront-ils le temps de faire aucun préparatif? Dieu sait si tout ce qui est vieux ou délicat ne meurra pas en chemin» (p. 288)?

(4) «L'empereur les a fait soigneusement et à grands frais habiller, nourrir et escorter» (p. 370). «Ils ont été pour vus de pelisses et de bottes chaudes d'une bonne qualité et embarqués dans des kibitkas, voitures couvertes, quoique non fermées, et où l'on peut s'arranger passablement» (p. 345).

церкви не свѣтскими священниками, а доминиканами, къ большому удовольствію графа Местра, ибо всѣ монашескіе ордена, а этотъ въ особенности, болѣе бѣлаго духовенства отличаются своею пропагандою (1).

Замѣчательно, что самъ графъ Местръ сознается, что пропаганда іезуитовъ была уже черезчуръ ревностна, поспѣшна и неосторожна, что для такой важной дѣятельности имъ недоставало главнаго руководителя, головы Грубера или Аквавивы, и приписываетъ упадокъ ордена тому, что онъ, по своему составу, сдѣлался по преимуществу польскимъ, а Польша — страна отжившая (2). Но, какъ умный

(1) «Une disposition très sage de l'ukase, c'est celle qui appelle un autre ordre réligieux à l'administration de l'église catholique» (p. 346). «Il faut saisir cette anse qui nous est présentée et tâcher tirer parti de l'ordre de st. Dominique pour introduire ici de dignes ouvriers» (p. 371). Впослѣдствіи доминикане умѣли значительно сократить вліяніе избираемыхъ приходскимъ обществомъ синдиковъ на церковные имущество и расходы. По ихъ настоянію, послѣдовалъ 13 августа 1823 года высочайшій указъ, чтобы настоятель самъ предлагалъ обществу четырехъ кандидатовъ въ эти должности, а прихожане уже изъ этихъ кандидатовъ избирали двухъ синдиковъ, тогда какъ по регламенту 1769 года избраніе это дѣлалось непосредственно прихожанами.

(2) «Il faut avouer que du côté des apôtres le zèle a été parfois un peu précipité; il a manqué dans cette occasion à la cause de la vérité ce qui manque si souvent: une grande tête à la tête des têtes» (p. 362). «L'ordre des jésuites etait devenu polonais. Les italiens, les français, les allemands, ne comptaient plus ou ne comptaient pas assez. Or, la nation polonaise est malheureusement déchue, et quoique les jésuites polonais valent infiniment mieux que leurs concitoyens laïques, cependant il ne faut pas chercher parmi eux des Berthier, des Neuville, des Roscowitz, des Betinelli, etc., etc. En second lieu, le R. P. général, que je connais et révére beaucoup, excellent sous le rapport de la politique, de la pénétration et de la force d'es-

человѣкъ, несмотря на свой фанатизмъ, Местръ понималъ, что русское правительство не могло долѣе терпѣть іезуитовъ. «Каждый государь», говоритъ онъ, «защищаетъ свою религію противъ чуждаго нападенія, ничего не можетъ быть естественнѣе; русскій императоръ опасался прозелитизма іезуитовъ»; а въ другомъ мѣстѣ сознаетъ, что если бы іезуиты явились въ Россію въ видѣ ангеловъ и продолжали свою проповѣдь, то они были бы изгнаны, и правительство поступило бы благоразумно въ смыслѣ политическомъ (1).

Графъ Местръ утѣшалъ іезуитовъ, говорилъ, что друзья ихъ и недруги въ Европѣ, узнавъ объ ихъ прозелитизмѣ и его послѣдствіяхъ, скажутъ: «это баталіонъ, высланный за свою храбрость» (2). «Мы, писалъ онъ, тѣ альпійскія огромныя сосны, твердо пустившія корни свои въ землю, которыя удерживаютъ лавины; вырвутъ ихъ,—и лавины покатятся; такъ іезуиты поддерживаютъ и греко-россійскую Церковь» (3). Онъ внушалъ іезуитамъ, чтобы они ни подъ какимъ видомъ не выказывали своего неудовольствія, чтобы не только въ Россіи, но и за границею не произнесли ни одного оскорбительнаго для русскаго правительства слова, чтобы даже хвалили государя во всѣхъ случаяхъ, гдѣ это умѣстно, но впрочемъ умѣренно, чтобы похвала не имѣла

prit, au-dessous des circonstances qui demandaient la tête d'un Gruber ou d'un Aquaviva. Il y a bien eu aussi quelques imprudences faites dans les conversions, qu'on a menées trop vite et trop publiquement» (p. 368).

(1) Tom. 1. p. 405.

(2) Ibid. p. 401.

(3) Ibid. p. 347—8.

вида лести ([1]). Начертанный имъ планъ поведенія былъ не только остороженъ, но и искусенъ, и іезуиты вполнѣ ему послѣдовали. Самъ Местръ долженъ былъ принять не меньшія предосторожности: его обвиняли въ главнѣйшихъ совращеніяхъ въ столицѣ, и государь поручилъ даже одному изъ своихъ министровъ сказать ему, что онъ это знаетъ ([2]). Подозрѣнія эти были вполнѣ основательны: Местръ направлялъ іезуитовъ, самъ дѣлалъ прозелитизмъ и, что всего хуже, служилъ тайнымъ агентомъ римскаго двора,—сообщалъ ему, чрезъ разныхъ духовныхъ лицъ, съ коими велъ переписку, о всѣхъ распоряженіяхъ и даже предположеніяхъ русскаго правительства по дѣламъ латынской церкви, давалъ аттестаціи духовнымъ, слѣдилъ за ихъ образомъ дѣйствій и т. п. Послѣ этого, графъ Местръ недолго оставался въ Россіи: оффиціальное положеніе его какъ сардинскаго министра сдѣлалось въ этихъ обстоятельствахъ весьма неловкимъ.

Русское правительство было такъ вѣжливо, что объяснило римскому двору, какія причины заставили

([1]) «C'est un trait d'un christianisme élégant d'avoir loué l'Empereur dans un moment où il frappe sur vous un coup si terrible... Il y a de l'ésprit et du bon ton à le louer franchement sur ce qu'il a fait de véritablement beau; tenez vous en là; les éloges périodiques ne valent rien» (p. 374)». Le moindre mot amer, même dans pays étrangers, serait infiniment au-dessous de votre caractère» (p. 401).

([2]) «J'ai été soupsonné moi-même d'avoir opéré des conversions dans la plus haute société... Le prince A. Galitzin, ministre des cultes, prodigieusement irrité contre nous, s'etait mis je ne sais pourquoi à me regarder comme l'arc-boutant du fanatisme... Enfin l'Empereur a cru devoir chargé un de ses ministres à me parler des soupçons qui etaient arrivés jusqu'à lui» (ibid).

его выслать іезуитовъ. Этотъ знакъ уваженія и вниманія имѣлъ наилучшее слѣдствіе. Изгнаніе іезуитовъ изъ обѣихъ столицъ Россіи произвело въ Римѣ менѣе впечатлѣнія, чѣмъ можно было ожидать; правда, іезуиты имѣли тамъ горячихъ сторонниковъ, во главѣ которыхъ стоялъ папа, но врагами ихъ были бо́льшая часть другихъ монашескихъ орденовъ, многіе кардиналы и часть общества. Всѣ вообще соглашались, что іезуиты неправы; одни прямо признавали, что они дурно поступали противъ правительства, которое осыпало ихъ благодѣяніями; другіе полагали, что они увлекались неблагоразумною ревностію и были весьма неискусны.

Удаленіе іезуитовъ только изъ Петербурга было полумѣрою; это прекратило только пропаганду въ столицѣ, но они могли дѣйствовать также, какъ прежде, и дѣйствовали такъ, только осторожнѣе, въ главномъ своемъ центрѣ,—въ Полоцкѣ и вообще въ Бѣлоруссіи. Недовольные, раздраженные, они сдѣлались еще опаснѣе; наученные опытомъ, стали осмотрительнѣе и скрытнѣе, имѣли все время уничтожить всякіе письменные слѣды своей переписки внѣшней и дѣятельности внутренней; еще болѣе истощали данныя имъ имѣнія, зная, что недолго остается ими пользоваться, продавали за безцѣнокъ книги, вещи и все, что̀ могли сбыть; однимъ словомъ, во всѣхъ отношеніяхъ, дальнѣйшее пребываніе ихъ въ Россіи было вредно, и уже не одной господствующей вѣрѣ, какъ прежде, но и вообще государству. Правительство не рѣшилось изгнать іезуитовъ за границу прямо и единовременно изъ всѣхъ мѣстъ имперіи, гдѣ они находились, опасаясь, чтобы приходы, гдѣ они исполняли требы, не оста-

лись нѣкоторое время безъ священниковъ, полагая, что разомъ нельзя было найти для того достаточнаго числа способныхъ духовныхъ. Но опасеніе это было неосновательно, потому что черезъ четыре года іезуиты были совершенно удалены изъ Россіи, и на ихъ мѣста назначены были другіе священники, которые значитъ были на лицо и въ 1816 году, ибо въ четырехлѣтній срокъ приготовить ихъ было невозможно, а тѣ немногіе, которые вызваны были изъ за границы, могли бы быть выписаны прежде принятія какихъ-либо мѣръ противъ іезуитовъ. Въ началѣ и предположено было замѣстить тогда же всѣхъ іезуитовъ, состоявшихъ при приходахъ, другими священниками; затрудненіе представляло замѣщеніе только 40 приходскихъ должностей, при отправленіи коихъ необходимо было знать языки: французскій, нѣмецкій и итальянскій, которые весьма плохо преподавались въ нашихъ латынскихъ семинаріяхъ; въ остальныхъ 60 приходахъ, предоставленныхъ іезуитамъ, требы исполнялись на языкахъ польскомъ, армянскомъ и латышскомъ, для чего легко было пріискать другихъ духовныхъ въ западномъ краѣ.

Повидимому, главная причина принятой полумѣры была нерѣшительность правительства, опасеніе однимъ ударомъ уничтожить въ государствѣ этотъ вредный, но сильный орденъ. Какъ естественна и основательна была бы однако эта общая мѣра, видно изъ того, что и сами іезуиты и ихъ приверженцы ее ожидали: въ день состоянія высочайшаго повелѣнія о высылкѣ іезуитовъ изъ Петербурга, графъ Местръ писалъ, что, какъ онъ слышалъ, весь ор-

денъ будетъ высланъ изъ Россіи ([1]); въ 1816 году іезуиты, бывшіе въ южныхъ колоніяхъ, стали распродавать свое имущество, готовясь къ выѣзду ([2]). Правительство ожидало только прибытія выписывавшихся изъ за границы духовныхъ, и уже въ 1816 году сдѣланы были въ Бѣлоруссіи всѣ приготовительныя распоряженія къ удаленію іезуитовъ. 6 сен-

([1]) «On assure que la proscription s'étend à l'ordre entier, même en Pologne» (t. 1. p. 287). А въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «l'Empereur etait en colère contre l'ordre; chaque ligne de l'ukaze le prouve, et néanmoins au lieu de l'expulser de ses états, il s'est borné à lui interdire les deux capitales, c'est un devoir de rendre justice à cette modération» (p. 344).

([2]) На запросъ, сдѣланный по этому случаю княземъ Голицынымъ, генералъ іезуитскаго ордена, отъ 13 августа 1816 г., отвѣчалъ: «Il est vrai que quelques uns de nos pères dans les colonies d'Odessa, éffrayés par le bruit qui s'etait répandu qu'ils allaient être renvoyés de ce gouvernement, bruit qu'ils s'imaginirent voir confirmé par l'arrivée et le sejour de quelques prêtres étrangers dans la ville d'Odessa, qu'on disait être venus pour les remplacer, ne prenant conseil que de leurs craintes, ont vendu imprudement quelques uns de leurs misérables effets; mais bien loin qu'ils aient agi en cela par l'ordre ou par le conseil de leurs supérieurs, je certifie à Votre Excellence qu'ils n'y etaient en aucun manière autorisés. Aussitôt que le père provincial en a été instruit, il leur a écrit pour les blâmer de cette précipitation, et leur a dit en termes exprès, qu'ils ne devaient pas arrêter à des bruits publics, quelque fondés qu'ils leur parussent, et que de même qu'ils n'etaient allés dans ces colonies que d'après les ordres du gouvernement, on attendrait aussi les ordres du gouvernement pour les en retirer. La distance des lieux est cause que les lettres des supérieurs ne peuvent pas parvenir à temps pour prévenir les fausses mesures de quelques particuliers. Votre Excellence peut cependant être assurée que les ventes qui ont été faites sont de bien peu de conséquences, et qu'on n'en fera pas de nouvelles. Le père provincial va renouveler les défences qu'il en a faites et auxquelles on s'est certainement déjà conformé. De mon côté, je n'ai jamais songé à faire sortir de l'empire aucun individu de mon ordre à l'insu ou sans l'agrément du gouvernement».

тября 1816 года бѣлорусскій генералъ-губернаторъ принцъ виртембергскій далъ предписаніе могилевскому и витебскому губернаторамъ, чтобы: 1) какъ скоро иностранные священники прибудутъ, объявить имъ, чтобы о причинѣ ихъ пріѣзда никому не сказывали и старались распространять въ публикѣ мнѣніе, что они отправляются во внутреннія губерніи; 2) препоручить полиціи наблюдать за сохраненіемъ съ ихъ стороны тайны, но и предъ полиціею скрыть цѣль ихъ пріѣзда; 3) смѣнить іезуитовъ въ Полоцкѣ, Пушѣ и Витебскѣ въ одинъ день; 4) прилично объявить генералу іезуитскаго ордена о высылкѣ ихъ за границу, съ препровожденіемъ до границы полицейскими чиновниками; 5) къ архиву, казнѣ, физическому кабинету, библіотекѣ, конторѣ по имѣнію іезуитскаго ордена приложить печати; въ церквахъ же ризницы, утварь и все церковное имущество сдать новопріѣзжимъ священникамъ при церковныхъ старостахъ; 6) снабдить іезуитовъ нужнымъ для пути одѣяніемъ и кормовыми деньгами; 7) іезуитскія училища въ Полоцкѣ и Витебскѣ препоручить на время или новопріѣзжимъ священникамъ, или доминиканамъ, или отдать въ наблюденіе учителей витебской гимназіи, или какимъ частнымъ лицамъ, по усмотрѣнію губернаторовъ.

Полиція іезуитская была лучше генералъ-губернаторской: они очень хорошо знали, что̀ противъ нихъ предпринимается, и потому распродавали все, что̀ могли. Но правительство, непонятно почему, пріостановилось въ исполненіи своихъ намѣреній, и четыре года ждало,—конечно не требовалось столько времени на выписку изъ чужихъ краевъ нѣсколькихъ священниковъ. Эта нерѣшительность дала было

іезуитамъ нѣкоторую надежду остаться въ Россіи. Они приняли постигшую ихъ участь съ притворнымъ смиреніемъ, какъ невинныя жертвы; не успѣли еще іезуитовъ отправить изъ Петербурга, какъ генералъ ордена въ письмѣ къ государю увѣрялъ, что онъ не имѣетъ подданныхъ болѣе покорныхъ и преданныхъ, какъ іезуиты, что онъ всегда вмѣнялъ въ обязанность своимъ подчиненнымъ не совращать изъ православія, и что ему даже неизвѣстно, что кто нибудь отступилъ отъ этого правила ([1]). Во время проѣзда государя въ 1818 году чрезъ Оршу, Бржозовскій, не смѣя самъ показываться ему на глаза, подалъ чрезъ ректора тамошней іезуитской коллегіи просьбу, въ которой, повторяя тѣ же удостовѣренія о невинности и преданности іезуитовъ, умолялъ, чтобы изъ за одного виновнаго не пострадалъ весь орденъ ([2]). Бржо-

([1]) 21 декабря 1815 года Бржозовскій писалъ: «qu'en son particulier il ne s'était jamais écarté de l'ukaze de Sa Majesté qui défend de chercher à attirer à la religion catholiqne aucune personne russe, qu'il en a recommandé plusieurs fois l'exacte observation à tous ses subordonnés, et que de sa connaisance aucun ne s'en est écarté. Et Sa Majesté imperiale en sera ellemême convaincue, quand ce moment de crise sera passé. Sa Majesté peut être également assurée qu'elle n'a point de sujets plus obéissants, plus fidéles, plus respectueux, que les jésuites de S. Petersbourg».

([2]) Въ этой просьбѣ, поданной 3 марта начальнику главнаго штаба, Бржозовскій писалъ: «Ayant eu le malheur d'encourir la disgrâce de Votre Majesté impériale, je n'ose paraître en sa présence... J'ai constamment défendu aux prêtres de mon ordre de faire en Russie des prosélytes et de parler de religion aux sujets d'origine russe. Si quelque jésuite a contrevenu à ces défences, je proteste que c'est à mon insu, et je supplie Votre Mejeste impériale de ne pas frapper de son indignation le corps entier pour un individu coupable». Достаточно вспомнить приведенныя выше показанія іезуитскаго сообщника графа Местра,

зовскій расчитывалъ еще на кн. Голицына, на какую-то мистическую связь, которая, по его словамъ, ихъ соединяла ([1]).

Но благоволеніе къ іезуитамъ не возвратилось, да и они съ своей стороны не измѣнили своего образа дѣйствій: въ Бѣлоруссіи крестили насильно жидовъ, въ витебскомъ военномъ госпиталѣ 14 пѣхотной дивизіи, подъ предлогомъ посѣщенія больныхъ своего исповѣданія, совращали православныхъ солдатъ; а крестьяне ихъ продолжали нищенствовать. Съ своей стороны, правительство стало бдительно наблюдать за іезуитами, и принимать противъ нихъ разныя ограничительныя мѣры: въ концѣ 1816 года въ полоцкой академіи пріостановлены было производства въ ученыя степени, за исключеніемъ богословскаго факультета, приготовлявшаго молодыхъ людей къ духовнымъ должностямъ, а въ слѣдующемъ году послѣдовало высочайшее повелѣніе, чтобы какъ въ этой академіи, такъ и въ подвѣдомыхъ ей училищахъ обучаемо было юношество только латынскаго исповѣданія, воспитанниковъ же другихъ религій велѣно было отпустить изъ этихъ заведеній.

Медливъ четыре года, правительство убѣдилось,

чтобы видѣть, какъ неискренни оправданія генерала іезуитскаго ордена.

([1]) 4 іюня 1816 года онъ писалъ кн. Голицыну изъ Полоцка: «Permettez, monseigneur, que je me recommande de nouveau aux anciennes bontés de Votre Excellence, dont rien ne pourra jamais me faire perdre le souvenir. Si je sonde mon propre coeur, j'y retrouve toujours les mêmes sentiments de respect et de reconnaissance pour tant de bienfaits, et j'ose me flatter que Votre Excellence conserve aussi pour moi quelque reste de sa première bienveillance; car enfin, monseigneur, vous l'avez dit, et j'aime à me le rappeler et à le répéter: ce qui nous unit est divin».

что іезуитскія приходскія должности легко могутъ быть замѣщены духовными изъ имперіи, и рѣшилось наконецъ выслать іезуитовъ изъ Россіи. 13 марта 1820 года подписанъ былъ указъ объ удаленіи ихъ за границу, съ тѣмъ, чтобы и впередъ, ни подъ какимъ видомъ и наименованіемъ, ихъ не впускать; не исполнявшіе приходскихъ обязанностей и не имѣвшіе въ своемъ вѣдѣніи церковнаго имущества должны были выѣхать немедленно, а остальные по сдачѣ имущества и по прибытіи другихъ священниковъ, для того, чтобы не было никакой остановки въ богослуженіи. Тѣмъ изъ іезуитовъ, которые не приняли еще никакихъ священныхъ степеней, а изъ принявшихъ оныя желавшимъ перейти въ другой монашескій орденъ, позволено остаться въ Россіи, съ тѣмъ, чтобы находившіеся въ искусѣ возвратились въ первобытное свое состояніе, или поступили въ другой орденъ, и чтобы какъ тѣ, такъ и другіе не назывались болѣе іезуитами и не имѣли притязанія на прежнія привиллегіи этого ордена. Недвижимыя населенныя имѣнія іезуитовъ поручены завѣдыванію мѣстныхъ казенныхъ палатъ, подъ названіемъ *вторыхъ поіезуитскихъ имѣній*, въ отличіе отъ тѣхъ, которыя были отобраны отъ нихъ польскимъ правительствомъ въ 1773 году, по уничтоженіи ордена. Доходы съ этихъ имѣній обращены на потребности латынскаго духовенства и на богоугодные предметы; для пріема ихъ отъ іезуитовъ даны были особыя правила и наставленія. Полоцкая академія и подвѣдомственныя ей училища были упразднены ([1]); впослѣдствіи, вмѣсто этой акаде-

([1]) См. приложеніе 15-е.

міи, учреждено было высшее свѣтское училище на степени лицея, порученное піарамъ, а въ прежнихъ поіезуитскихъ четырехъ монастыряхъ заведены были училища для свѣтскаго юношества въ управленіи монаховъ, именно: полоцкій монастырь отданъ былъ піарамъ, витебскій—базиліанамъ, оршанскій—доминиканамъ, мстиславскій — бернардинамъ; на содержаніе этихъ заведеній производилось ежегодно по 52,000 руб. изъ доходовъ поіезуитскихъ имѣній.

Съ своей стороны, митрополитъ далъ предписаніе духовенству о порядкѣ замѣщенія іезуитскихъ приходовъ, пріема отъ нихъ церковнаго имущества и т. п. ([1]). Витебскій губернаторъ долженъ былъ лично распорядиться отправленіемъ іезуитовъ изъ главнаго ихъ центра, Полоцка. Князь Голицынъ такъ былъ увѣренъ въ тайнѣ и предусмотрительности сдѣланныхъ по этому предмету распоряженій, что испросилъ высочайшее повелѣніе внести въ сенатъ списокъ съ своего доклада только недѣли двѣ спустя послѣ того, какъ приступятъ къ исполненію.

На дѣлѣ вышло иначе. Іезуиты, оставаясь нѣсколько лѣтъ въ нерѣшительномъ состояніи, ожидали своего удаленія и узнали о немъ, прежде чѣмъ предполагало правительство; при выѣздѣ ихъ изъ Полоцка кельи ихъ наполнены были пепломъ отъ сожженныхъ бумагъ; рѣдкія изданія своей превосходной библіотеки они продавали по гривнѣ за томъ и т. п. Полиція и губернское начальство помогли имъ въ этомъ дѣлѣ уничтоженія: библіотека въ три дня была расхищена; картины, эстампы, физическіе и другіе инструменты разобраны; имущество монаховъ

([1]) См. приложеніе 16-е.

продавалось за безцѣнокъ, а іезуитскія имѣнія розданы въ администрацію людямъ надежнымъ, помѣщикамъ, имѣвшимъ самую незначительную собственность: они принимали ихъ въ администрацію, чтобы поспѣшнѣе нажиться; наличныхъ денегъ, разумѣется, почти не показано. Однимъ словомъ, предписанныя мѣры вовсе не были выполнены, и злоупотребленія, сопровождавшія пріемъ іезуитскихъ имуществъ, могли бы показаться неимовѣрными, еслибъ не подтверждались положительными фактами.

Между тѣмъ, правительство, желая доставить іезуитамъ всѣ удобства въ пути, издержало болѣе 200,000 руб. на ихъ проѣздъ, одежду, продовольствіе, покупку экипажей и на вспомоществованіе имъ за границею. Отправленіе іезуитовъ началось съ апрѣля мѣсяца и по іюнь выѣхало ихъ чрезъ Радзивиловъ 222 человѣка, частію въ Австрію, а преимущественно въ Римъ и въ Италію (1), гдѣ они купили землю, цѣною въ 45 тыс. экю, находящуюся въ Сабиніи и назначенную для пріема іезуитовъ, прибывшихъ изъ Россіи; остальные 95 человѣкъ оставили Россію уже въ теченіе слѣдующаго 1821 года; а 23 человѣка остались въ имперіи, вышли изъ ордена и почти всѣ возвратились въ первобытное состояніе (2).

(1) Изъ нихъ выѣхало во Францію только 8, въ Вѣну 7 и въ Львовъ 3 человѣка.

(2) Въ 1845 году вышла въ Парижѣ брошюра подъ заглавіемъ: «La Russie et les jésuites de 1772 à 1820 d'après des documents la plupart inédits, par *Henri Lutteroth*». Она заключаетъ въ себѣ, какъ мы имѣли случай убѣдиться, преимущественно копіи съ оффиціальныхъ актовъ, относящихся до іезуитскаго ордена въ Россіи въ царствованіе императора Александра I, почитавшихся прежде секретными, и потому не только недоступныхъ для иностранца, каковъ г. Люттеротъ, но и для русскихъ. Акты эти могли быть только въ рукахъ человѣка,

Только по изгнаніи іезуитовъ стали явственны многія ихъ дѣйствія. Несмотря на огромные доходы церкви св. Екатерины въ Петербургѣ съ принадлежащихъ ей домовъ, лавокъ, погребовъ, также отъ добровольныхъ приношеній, іезуиты, имѣвшіе до 14,000 душъ крестьянъ, оставили на ней болѣе 400,000 руб. долга (433,330 руб.), половину коего приняло на себя правительство. Бѣлорусскіе ихъ крестьяне были совершенно разорены, не имѣли хлѣба на продовольствіе и овса на посѣвъ яровыхъ полей. За то всѣ средства употреблены были ими на пропаганду: 11 приходскихъ церквей, состоявшихъ въ управленіи іезуитовъ, коллегія прежде не признавала приходскими; онѣ находились въ такихъ мѣстахъ, гдѣ почти совсѣмъ не было р. католиковъ,—въ деревняхъ, къ нимъ причисленныхъ, показывалось по три, по два и даже по одному двору людей этого исповѣданія; сами іезуиты не содержали при этихъ церквахъ священниковъ. Такимъ образомъ, онѣ сооружены были не для нуждъ людей латын-

управлявшаго департаментомъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, гдѣ они хранились въ архивѣ до пожара, бывшаго 28 мая 1862 г. Посему мы убѣждены, что настоящій авторъ этой брошюры долженъ быть г. Александръ Тургеневъ, бывшій директоромъ этого департамента во время кн. Голицына. Въ этомъ мнѣніи мы утверждаемся и тѣмъ, что иностранецъ, еслибъ онъ имѣлъ въ рукахъ всѣ документы, не былъ бы однако въ состояніи постигнуть весь смыслъ оныхъ, ясный только для человѣка, стоявшаго среди самаго управленія, и посему знавшаго многое, о чемъ не пишется, но говорится. Заимствуя данныя изъ одного и того же источника, т. е. изъ оффиціальныхъ актовъ, мы, съ одной стороны, должны подтвердить справедливость фактовъ, приведенныхъ г. Люттеротомъ, а съ другой, объяснить тѣмъ самымъ: почему и мы повторяемъ здѣсь многіе изъ тѣхъ же фактовъ,

ской вѣры, а для совращенія сосѣднихъ жителей иныхъ исповѣданій; за неимѣніемъ прихожанъ, іезуиты должны были конечно употреблять собственныя деньги на эти постройки, а когда ихъ не было, то дѣлать долги. Такъ какъ подобныя излишнія церкви были уже выстроены, то, чтобы дать имъ хотя видъ приходскихъ, къ нимъ были причислены, по удаленіи іезуитовъ, католики жившіе въ весьма отдаленныхъ отъ церквей селеніяхъ, иногда на пространствѣ 80 верстъ, и притомъ также по большей части по одному двору въ селеніи.

Итакъ, около полувѣка іезуиты, по милости русскаго правительства, оставлены были въ имперіи; русскою императрицею сохраненъ уничтоженный ихъ орденъ; имъ даны были обширныя имѣнія, предоставлены разныя исключительныя права и преимущества; и какъ оправдали они это покровительство? Въ политическомъ отношеніи они не только не обрусѣли Бѣлоруссію, но напротивъ отдалили ее отъ государства, окатоличивъ ея жителей; въ полицейскомъ, такъ сказать, отношеніи, которое преимущественно имѣлось въ виду при оставленіи ихъ въ 1773 году, они были безполезны, ибо въ Литвѣ и югозападныхъ губерніяхъ, возсоединенныхъ уже въ послѣдствіи съ Россіею, было не менѣе порядка и спокойствія, чѣмъ въ Бѣлоруссіи, гдѣ основались іезуиты; въ отношеніи народнаго просвѣщенія, несмотря на ученость и обширныя познанія многихъ іезуитовъ, они положительно были вредны, ибо употребляли воспитаніе какъ средство для пропаганды; наконецъ, въ религіозномъ отношеніи были врагами господствующей въ имперіи религіи. Разоряли свои имѣнія, угнетали своихъ крестьянъ, поселяли раз-

доры, заводили интриги, потрясли столь необходимую для церкви епархіальную власть, а когда Россія была въ опасности отъ непріятеля, ушли изъ мѣстъ своего жительства, или вступили въ непріятельскіе ряды. Уваженіе къ общественной нравственности не дозволяетъ намъ распространяться здѣсь о противохристіанскихъ и даже противоестественныхъ поступкахъ нѣкоторыхъ членовъ этого общества и о тѣхъ гнусныхъ порокахъ, которые были распространены въ ихъ училищахъ; но мы предупреждаемъ, что если кто-либо изъ членовъ этого общества заподозритъ справедливость сего показанія, то мы вынуждены будемъ передать на судъ публики подлинные документы, уличающіе іезуитовъ въ самыхъ гнусныхъ дѣйствіяхъ. Къ счастію Россіи, въ третій разъ изгнанъ изъ нея этотъ враждебный истинному просвѣщенію и всѣмъ христіанскимъ иновѣрнымъ съ нимъ исповѣданіямъ орденъ, и будемъ, для блага человѣчества, надѣяться, что это уже навсегда. Но если посмотримъ на эту мѣру съ точки зрѣнія тогдашняго правительства, то невольно приведены будемъ въ недоумѣніе: когда папа уничтожилъ іезуитскій орденъ, Екатерина оставляетъ его въ Россіи; когда орденъ возстановленъ былъ папою, императоръ Александръ, старавшійся въ управленіи латынскою церковью руководствоваться каноническими ея правами и дѣйствовать по переговорамъ съ римскимъ дворомъ, изгоняетъ іезуитовъ изъ предѣловъ своей имперіи, и не предувѣдомивъ о томъ Рима! Въ этомъ, по нашему убѣжденію, и не было никакой надобности; но мы обращаемъ на это обстоятельство вниманіе, какъ на новое доказательство

несообразности и невозможности системы строгаго сочетанія, въ дѣлахъ управленія р. к. духовенствомъ, каноновъ церковныхъ съ законами и потребностями государственными.

XI.

УПРАВЛЕНІЕ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКИМЪ ДУХОВЕНСТВОМЪ ПО ИЗГНАНІИ ІЕЗУИТОВЪ. — СОСТОЯНІЕ БѢЛАГО ДУХОВЕНСТВА ПРИ ИМПЕРАТОРѢ АЛЕКСАНДРѢ I.

Затруднительное положеніе митрополита.—Участіе его въ библейскомъ обществѣ. — Негодованіе римскаго двора на Сестренцевича. — Соединеніе главнаго управленія духовныхъ дѣлъ съ министерствомъ народнаго просвѣщенія, 1817 г.— Александръ Тургеневъ, директоръ департамента духовныхъ дѣлъ. — Отдѣленіе управленія духовныхъ дѣлъ отъ министерства народнаго просвѣщенія, 1823. — Епархіальные епископы. — Присоединеніе новопріобрѣтенныхъ областей бѣлостокской, тарнопольской и Бессарабіи къ епархіи митрополичьей. — Временное порученіе управленія виленскою епархіей митрополиту, 1816—1826.—Состояніе бѣлаго духовенства.—Капитульное духовенство.—Капитулъ виленскій.—Капитулъ луцкій. — Капитулъ могилевскій. — Капитулъ каменецкій.—Предоставленіе капитульныхъ должностей дворянамъ.—Бенефиціи членовъ капитуловъ.—Члены капиловъ уклоняются отъ возложенной на нихъ обязанности заниматься серьезными богословскими науками.—Безполезность капитульнаго духовенства для церкви. — Приходское духовенство.—Настоятельная нужда семинарій; проэктъ Сестренцевича.—Состояніе семинарій. — Средства содержанія семинарій.—Планъ и предметы обученія въ семинаріяхъ.— Учрежденіе главной семинаріи при виленскомъ университетѣ по мысли Чарторижскаго и Чацкаго, 1803.—Враждебное отношеніе духовенства къ главной семинаріи.—Заслуги, оказанныя главною семинаріей.—Право ктиторства препят-

ствуетъ епископамъ управлять приходами какъ должно.— Неудовлетворительное состояніе приходскаго духовенства.— Такъ какъ духовенство ничего не дѣлало для народнаго образованія, то за это берется ученый Чацкій на Волыни, 1803. — Примѣру Чацкаго слѣдуютъ въ каменецкой епархіи.—Проэктъ устава приходскихъ училищъ, написанный Чацкимъ, 1807.—Духовенство упорно противится благороднымъ усиліямъ Чацкаго, поддерживаемымъ правительствомъ.—Правительство помогаетъ духовенству въ поддержаніи приходовъ.—Нужда выписывать священниковъ изъ за границы.

Возвратимся къ высшему управленію дѣлами римской церкви. До 1816 года іезуиты, пользуясь расположеніемъ князя Голицына, имѣли сильное вліяніе на дѣла ихъ вѣры, и напротивъ того митрополитъ не могъ возвратить себѣ прежняго, столь заслуженнаго значенія. Рѣдко съ нимъ совѣтовались, и очень часто не уважали его представленія и ходатайства. Члены коллегіи продолжали свою оппозицію, иногда даже весьма неумѣренную и оскорбительную, такъ что, по случаю разногласія по разсматривавшемуся въ 1813 году бракоразводному дѣлу жены генералъ-маіора Скипоръ и другихъ несогласій между Сестренцевичемъ и коллегіею, государственный совѣтъ обсуживалъ въ 1816 году эти печальныя для церкви недоумѣнія, и хотя оправдалъ митрополита, но полагалъ нужнымъ на будущее время сократить его права по бракоразводнымъ дѣламъ. Собственно же по сану митрополита Сестренцевичь, на основаніи римскихъ постановленій объ этой должности не имѣлъ почти никакого вліянія на другія епархіи,—мѣстные епископы были совершенно отъ него независимы. Отъ Рима Сестренцевичь не могъ ожидать особаго благоволенія. Папа негодовалъ на него за то, что онъ принялъ участіе

въ библейскомъ обществѣ. Это общество, имѣвшее цѣлію распространеніе церковныхъ книгъ на народныхъ нарѣчіяхъ, чего никогда не допускалъ римскій дворъ, быстро развилось въ Россіи послѣ вѣнскаго конгресса, и къ нему принадлежала избраннѣйшая часть латынскаго духовенства: самогитскій епископъ князь Іосифъ Гедройцъ самъ перевелъ Библію на жмудскій языкъ и напечаталъ ее на свой счетъ; каменецкій епископъ Мацкевичь, администраторъ минской епархіи Познякъ, заступившій впослѣдствіи его мѣсто прелатъ Каминскій, виленскій оффиціалъ Цивинскій, и многіе другіе были членами мѣстныхъ комитетовъ общества. Увѣряютъ, что папа прислалъ къ Сестренцевичу бреве съ воспрещеніемъ участвовать въ этомъ обществѣ, но что онъ не обратилъ никакого вниманія на это велѣніе и продолжалъ бывать въ засѣданіяхъ комитета. Этого бреве мы нигдѣ не нашли и знаемъ положительно, что митрополитъ никогда его не получалъ. Одинъ соотечественникъ Сестренцевича, графъ Левъ Потоцкій, сынъ сенатора графа Серевина, посланный въ 1817 году министерствомъ иностранныхъ дѣлъ съ депешами въ Римъ, много способствовалъ къ усиленію негодованіи папы на митрополита, упрекалъ его въ неповиновеніи папской власти, въ несоблюденіи каноническихъ законовъ, въ сопротивленіи къ принятію въ Россіи нунція и наконецъ въ дѣятельномъ участіи въ библейскомъ обществѣ. Кардиналъ Консаньви высказалъ эти неудовольствія одной полькѣ, а она передала ихъ въ 1819 году Сестренцевичу; тогда онъ, съ разрѣшенія правительства, написалъ письмо папѣ, опровергъ въ немъ эти обвиненія, объяснилъ, что никогда не получалъ

приказанія оставить библейское общество, но что читалъ объ этомъ въ *Гамбургской газетѣ*, на которую положиться нельзя, а что графъ Северинъ Потоцкій, не любя его, оклеветалъ, хотя домашнія несогласія и неприлично было бы переносить за предѣлы имперіи. Несмотря на эту учтивость, римскій дворъ косо и непріязненно смотрѣлъ на Сестренцевича, чтò и понятно; ибо въ это время религіозный фанатизмъ проникалъ уже всѣ дѣйствія папскаго престола.

Въ 1817 году главное управленіе духовныхъ дѣлъ слито было съ министерствомъ народнаго просвѣщенія подъ начальствомъ того же князя Голицына; положеніе о латынской церкви было болѣе развито, но безъ измѣненій въ сущности; и передъ тѣмъ главному управленію предоставлено было много власти, чтобы быть полезнымъ и церкви и государству, но оно мало ею пользовалось, потому внесенныя въ новое образованіе министерства права относительно утвержденія членовъ коллегіи высочайшею волею, раздачи наградъ духовнымъ лицамъ и т. п. могли бы остаться точно также одною формальностію. Не учрежденіе этого министерства, а обнаруженныя дѣйствія іезуитовъ дали правительству иное, болѣе осмотрительное направленіе: начиная съ двадцатыхъ годовъ, министерство входитъ болѣе въ нужды духовенства и въ потребности государственныя по части духовной, обращаетъ вниманіе на неустройства духовнаго воспитанія, злоупотребленія по духовнымъ имѣніямъ, частыя и опасныя для другихъ вѣръ совращенія и т. п. Директоръ департамента А. Тургеневъ пристально вникаетъ въ дѣла, доискивается настоящаго смысла дѣйствій и учрежденій и разъяс-

няетъ многое, на что̀ прежде не обращалось никакого вниманія. Совершенно иной характеръ принимаетъ это управленіе по отдѣленіи его въ 1823 году отъ министерства просвѣщенія и подчиненіи адмиралу Шишкову; но такъ какъ важнѣйшія изъ предположеній Шишкова выразились вполнѣ уже въ послѣдующее царствованіе, то они не могутъ имѣть мѣста въ этомъ изложеніи. Къ несчастію, Шишкову не удалось уже воспользоваться совѣтами и содѣйствіемъ почтеннаго митрополита: Сестренцевичь достигъ тогда глубокой старости, ему было болѣе 90 лѣтъ, силы ослабѣли, и онъ уже сталъ совсѣмъ не тѣмъ человѣкомъ, какимъ мы его видѣли, — предался вліянію доминиканъ, которыхъ выводилъ вездѣ, гдѣ могъ, и не заботился уже больше объ устройствѣ духовенства.

Изъ пяти епархіальныхъ начальниковъ трое прожили все царствованіе императора Александра, именно епископы: луцкій Цѣцишевскій, самогитскій князь Іосифъ Гедройцъ и минскій Дедерко, но этотъ послѣдній былъ смѣненъ въ 1816 году. Каменецкій епископъ Мацкевичь управлялъ этою епархіею также весьма долго, съ 1809 по 1842 годъ, то есть, по день своей кончины (1). Самый замѣчательный изъ этихъ

(1) 16 ноября 1818 года государь повелѣлъ: оставивъ каменецкому епископу производившіеся ему 6 т. р. асс. изъ казны, выдавать еще кромѣ того и кварту съ макаровскаго староства, бывшаго тогда въ арендномъ содержаніи, а по окончаніи аренды, отдать самое это староство во владѣніе каменецкихъ епископовъ на ихъ содержаніе и на удовлетвореніе епархіальныхъ надобностей, прекративъ за тѣмъ отпускавшееся изъ казны жалованье. Макаровское староство находилось въ 50 верстахъ отъ Каменца-Подольскаго; въ немъ было 820 душъ крестьянъ, годоваго дохода съ него показывалось 6,214 руб. серебромъ.

епископовъ былъ безспорно Цѣцишевскій; онъ отличался строгою жизнію и ревностію къ своей паствѣ, но былъ весьма склоненъ къ іезуитизму, оттого и уважался іезуитскимъ орденомъ. Мацкевичь былъ хорошій администраторъ, но человѣкъ упорный и фанатикъ. Дедерко и князь Іосифъ Гедройцъ къ фанатизму религіозному присоединяли и политическій: первый измѣнилъ Россіи и правительству въ 1812, а второй въ 1830 году (1).

Произведенное при императорѣ Павлѣ разграниченіе латынскихъ епархій было сохранено, только къ нѣкоторымъ изъ нихъ причислены вновь пріобрѣтенныя области. Въ 1807 году, по тильзитскому миру, Россія получила область бѣлостокскую; въ ней было болѣе 100 т. жителей латынской вѣры, 50 приходскихъ церквей, пять монастырей, изъ коихъ четыре мужскіе и одинъ женскій сестеръ милосердія. Завѣдываніе духовенствомъ этой области поручено было митрополиту, который и управлялъ имъ чрезъ особаго архидіакона (2). Для управленія было бы удобнѣе соединить эту область, въ церковномъ отношеніи, съ смѣжною съ нею епархіею виленскою, которой она и составляла часть при польскомъ правительствѣ; объ этомъ ходатайствовалъ и митрополитъ, но затянувшіеся съ римскимъ дворомъ переговоры о митрополитальной епархіи, съ чѣмъ былъ связанъ и этотъ вопросъ, помѣшали исполнить тогда

(1) Списокъ римско-католическихъ епископовъ и суффргановъ въ Россіи въ царствованіе императора Александра I см. въ приложеніи 17-мъ.

(2) Этотъ архидіаконъ имѣлъ хорошую бенефицію, и въ 1811 году назначено изъ остаточныхъ суммъ бѣлостокской области 400 р. сер. на содержаніе его канцеляріи.

это правильное присоединеніе. Въ 1807 году прибавлена къ русскимъ владѣніямъ пограничная съ каменецъ-подольскою губерніею тарнопольская область ([1]) съ 29 приходскими латынскими церквами и четырьмя монастырями; духовенство этой области подчинено было также митрополиту. По вѣнскому конгрессу край этотъ уступленъ былъ Австріи и вошелъ въ составъ Галиціи. Наконецъ, въ 1812 году, по бухарестскому миру пріобрѣла Россія Бессарабію, и латынское духовенство ея поступило также въ составъ митрополичьей паствы, хотя митрополитъ предлагалъ причислить эту область къ смѣжной епархіи каменецкой. Въ 1818 году только два прихода этой области, кишеневскій и хотинскій, поручены были государемъ надзору каменецкаго епископа, а въ южный край области назначенъ митрополитомъ особый визитаторъ. Но въ 1824 году, по ходатайству епископа Мацкевича, состоялось повелѣніе подчинить ему духовное управленіе въ иностранныхъ колоніяхъ, находящихся въ Бессарабіи.

По смерти въ 1815 году администратора виленской епархіи епископа Стройновскаго, эта епархія поручена была въ слѣдующемъ году вѣдѣнію митрополита, въ качествѣ администратора, и съ оставленіемъ въ его власти епархіи могилевской и всѣхъ церквей въ имперіи, подвѣдомыхъ прежде митрополиту; а такъ какъ Сестренцевичь долженъ былъ оставаться въ Петербургѣ для предсѣдательствованія въ коллегіи, то непосредственное управленіе епархіею, подъ главнымъ его начальствомъ, возложено на виленскаго

([1]) Городъ Тарнополь лежитъ на юго-востокъ отъ Бродъ по направленію между Кременцомъ и Каменцомъ-Подольскимъ

суффрагана епископа Пузыну. Сдѣлано это было для вознагражденія долголѣтнихъ заслугъ Сестренцевича, ибо виленская епархія была самая богатѣйшая и значительнѣйшая изъ всѣхъ латынскихъ епархій имперіи, и, по званію администратора, митрополиту предоставлено было и содержаніе виленскаго епископа, 10 т. р. сереб., вмѣсто 10 т. руб. асс., производившихся ему по должности архіепископа могилевскаго. Управленіе же не могло оттого пострадать, ибо и могилевскою епархіею митрополитъ управлялъ изъ столицы, какъ потомъ виленскою, а разстояніе Вильны отъ Петербурга то же, что̀ и Могилева. Кромѣ того, были и другія причины, заставлявшія Сестренцевича предпочитать виленскую епархію могилевской: онъ родился въ виленской епархіи, и притомъ, какъ онъ открыто выражался, въ ней не было его непримиримыхъ враговъ іезуитовъ. Впрочемъ соединеніе этихъ епархій подъ управленіе одного лица было только временнымъ, а намѣреніе правительства состояло въ томъ, чтобы перенести въ Вильну митрополію, а въ могилевскую епархію назначить другаго епископа, потому въ томъ же 1816 году начаты были переговоры съ римскимъ дворомъ. Мысль сдѣлать главнымъ пунктомъ духовнаго латынскаго управленія Вильну, этотъ Римъ западнаго края, колыбель католицизма, въ которой такъ живо сохранились воспоминанія о прежнемъ необузданномъ самовластіи и политическихъ привилегіяхъ римскаго духовенства, была бы странною со стороны русскаго правительства, если бы рядомъ съ нею не предъявлено было требованіе у римскаго двора, о которомъ мы уже говорили, чтобы митрополиту присвоено было званіе примаса со всѣми

правами этого сана, то есть, съ обширными духовными властями, съ предоставленіемъ посвящать епископовъ безъ сношенія съ Римомъ, подчиненіемъ ему епархіальныхъ архіереевъ и другими подобными преимуществами, доставлявшими по справедливости бо́льшую независимость отъ римскаго двора главному начальнику латынской церкви въ имперіи. Папа соглашался и на перенесеніе митрополичьей каѳедры изъ Могилева въ Вильну, что̀ только упрочивало папизмъ, и на пожалованіе Сестренцевичу званія примаса, но только безъ всякихъ преимуществъ этой должности, которыя однѣ и доставляли ей настоящее значеніе, а правительству возможность устройства латынскаго духовенства чрезъ своего подданнаго митрополита, безъ продолжительныхъ и по большей части безполезныхъ сношеній по каждому незначительному случаю съ отдаленнымъ и несговорчивымъ Римомъ. Государь, не почитая нужнымъ продолжать переговоры съ Римомъ объ одномъ титулѣ, безъ власти, повелѣлъ графу Каподистріи прекратить ихъ. Сестренцевичь оставленъ былъ, по волѣ государя, администраторомъ виленской епархіи, и несмотря на то, что въ 1821 году князь Голицынъ предлагалъ освободить митрополита, по глубокой его старости, отъ завѣдыванія этою епархіею, она осталась въ его управленіи по самую его кончину.

Перейдемъ теперь къ епархіальному духовенству. Въ церквахъ благоустроенныхъ число его соразмѣряется съ духовными потребностями паствы, для которой оно исполняетъ требы: если духовенства не достаточно, то не всѣ прихожане могутъ быть удовлетворены въ своихъ духовныхъ нуждахъ, или же требы отправляются для нихъ не во время. Но съ

другой стороны, излишество духовенства производитъ упадокъ церкви, ибо ненужныя духовныя лица, безъ занятій пользуясь доходами по своему званію, обыкновенно портятся нравами, и служатъ для народа соблазномъ, а для дѣятельныхъ, но не столь вознагражденныхъ членовъ своего сословія предметомъ зависти и презрѣнія; а неуваженіе служителей церкви унижаетъ самую церковь. Смотря съ этой точки зрѣнія на латынское духовенство въ разсматриваемый періодъ времени, мы приводимся къ заключенію, что постоянное стремленіе его къ размноженію перешло предѣлы дѣйствительной необходимости, породило недостойные духовнаго сана пороки, и потому вредило вѣрѣ. Еще со временъ бывшаго польскаго правительства, когда духовенство простирало свою власть на судъ и дѣла свѣтскія, сохранились подъ тѣнью невѣдѣнія хотя и въ противность русскимъ государственнымъ учрежденіямъ, такъ называемыя духовныя и *суррогатскія* правленія, присвоившія себѣ, помимо законно дѣйствовавшихъ консисторій, судопроизводство по повѣтамъ; въ нѣкоторыхъ епархіяхъ было много совершенно произвольно и безъ всякой нужды учрежденныхъ духовныхъ чиновъ, подъ названіемъ повѣтовыхъ оффиціаловъ, суррогатовъ и т. п. Въ 1804 году коллегія обратила вниманіе на это злоупотребленіе и предписала всѣ такія правленія и должности уничтожить и впередъ не установлять.

Зло излишняго размноженія всего болѣе проникло въ почетнѣйшее по своему положенію и богатѣйшее, по присвоеннымъ ему бенефиціямъ, капитульное или соборное духовенство. Составляющіе оное прелаты и каноники, по постановленіямъ латынской церкви,

должны составлять изъ себя высшее епархіальное управленіе, то есть, консисторію, и участвовать въ епископскомъ богослуженіи; значитъ, число этихъ лицъ можетъ быть довольно ограничено, и тѣмъ болѣе, что содержаніе ихъ весьма значительно, отчего всякій излишекъ въ этомъ духовенствѣ служитъ ущербомъ доходовъ приходскихъ священниковъ, получавшихъ бы доходы съ бенефицій, расточаемыхъ на капитулы. Восколько эти епископскіе штаты были неумѣренны, показываютъ численныя о нихъ свѣдѣнія. Виленскій капитулъ остался въ томъ составѣ, въ какомъ онъ былъ во времена польскаго владычества, между тѣмъ какъ предѣлы прежней виленской епархіи значительно съузились, ибо одна часть ея вошла во вновь учрежденную могилевскую епархію, другая часть образовала новую минскую епархію; а всѣ церкви, находившіяся за Нѣманомъ, перешли въ прусскія владѣнія. Въ этой епархіи кромѣ виленскаго капитула, были еще два другихъ капитула или коллегіаты: курляндская и брестская. Въ луцкой епархіи, независимо отъ мѣстнаго капитула, находились также еще двѣ коллегіаты: житомірская и олыкская ([1]). Въ могилевской епархіи считалось 44

([1]) Пресѣдателемъ олыкской коллегіаты былъ особый *инфулатъ*. По римскимъ постановленіямъ, инфулатъ снабжается властію постригать вступающихъ изъ свѣтскаго состоянія въ духовное званіе и въ первые четыре духовные чины, составляющіе степени клириковъ, которыя суть слѣдующія: 1) *Ostiarius*, церковный придверникъ, 2) *Lector*, чтецъ, 3) *Exorcista*, читающій молитвы для изгнанія діавола и окропляющій святою водою, и 4) *Acolitus*, прислуживающій во время богослуженія. Инфулатскому достоинству присвоены епископскія преимущества: употреблять во время священнодѣйствія митру и посохъ, носить крестъ на персяхъ, перстень и фіолетовое одѣяніе.

капитульныхъ членовъ, именно 12 по акту учрежденія этой епархіи, 12 канониковъ кіевскихъ, 12 инфляндскихъ и 8 смоленскихъ; это были остатки существовавшихъ нѣкогда въ Польшѣ незначительныхъ по своему объему епархій кіевской, инфляндской и смоленской, никогда не признанныхъ русскимъ правительствомъ; эти такъ называемыя епархіи давно были уничтожены и вошли въ составъ другихъ, а соборное духовенство не существовавшихъ уже епископскихъ каѳедръ осталось безъ нужды, безъ дѣла, но съ доходными бенефиціями и носило званіе *титулярныхъ* (почетныхъ) канониковъ, которые по законамъ не имѣли права засѣдать и имѣть голосъ въ собраніяхъ капитула, значитъ были для него совершенно безполезны. Всего разительнѣе было злоупотребленіе въ этомъ отношеніи въ епархіи каменецкой: тамъ почти половина духовныхъ носила титулъ канониковъ. Эти непорядки происходили оттого, что правительство вначалѣ вовсе не знало, на какомъ основаніи и въ какомъ числѣ существовали епархіальные капитулы; изъ нихъ только два въ учрежденныхъ императрицею Екатериною и императоромъ Павломъ епархіяхъ бѣлорускої и минской положительно опредѣлены въ актахъ папскихъ нунціевъ Аркети и Литта, всѣ же остальные никогда утверждены не были, а нѣкоторые даже и основаны безъ вѣдома и согласія римскаго двора, волею мѣстныхъ епископовъ, какъ напримѣръ капитулъ каменецкій. Однако уже въ 1806 году была объявлена митрополиту воля государя, чтобы въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ нѣтъ каѳедръ, титулярныхъ канониковъ не производить. Но четыре года спустя, опять было дозволено содержать при могилевской каѳедрѣ 12 почетныхъ

кіевскихъ каноннковъ и даже выбирать изъ нихъ засѣдателей въ консисторію и коллегію; а въ 1819 году и имъ предоставлено было право избранія въ эти должности наравнѣ съ другими членами капитула. Какъ составлялись капитулы, для чего они умножались, что̀ дѣлали,—объяснилъ въ 1825 году въ подробности каменецкій епископъ Мацкевичь; итакъ всего лучше выслушать этого опытнаго епархіальнаго начальника: по капитулу каменецкому можно судить отчасти и о всѣхъ остальныхъ, такъ какъ въ главныхъ чертахъ они другъ на друга похожи. Во всей каменецкой епархіи было менѣе ста церквей, а капитулъ ея состоялъ изъ 7 прелатовъ, 14 канониковъ и 38 канониковъ титулярныхъ, всего изъ 59 лицъ; независимо отъ этого, къ членамъ капитула назначаемы были иногда такъ называемые коадъюторы. Капитульный уставъ былъ изданъ въ 1721 году каменецкимъ епископомъ Гозіусомъ, и не получилъ подтвержденія ни отъ тогдашняго польскаго правительства, ни отъ римскаго двора. Нѣкоторые члены капитула избирались имъ самимъ, другіе назначались епископомъ, наконецъ были такія капитульныя должности, опредѣленіе къ коимъ принадлежало совершенно посторониимъ епархіальному управленію лицамъ и учрежденіямъ, на томъ основаніи, что ими пожертвованы были когда-то бенефиціи для этихъ званій; такъ право одобренія на мѣсто прелата пробоща предоставлено было роду Гумецкихъ, а на канонію пенитенціарія магистрату города Каменца. Число титулярныхъ канониковъ епископъ увеличилъ по слѣдующимъ уваженіямъ: 1) въ память его посвященія въ епископскій санъ, 2) для успѣха распространенія предохранительной оспы,

предписаннаго правительствомъ, такъ какъ при этомъ велѣно было назначать въ оспенные комитеты депутатовъ изъ *почетнѣйшаго* духовенства, и 3) для сопровожденія епископа при посѣщеніи епархіи, «для приличія и благолѣпія епископской службы». Этого, кажется, достаточно, чтобы судить о безполезности подобнаго духовенства, а также и о странности его назначенія.

Если всѣ капитулы имѣли между собою много сходства, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что бы они были совершенно одинаково устроены; напротивъ того, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ были между ними довольно значительныя разности. По коронной конституціи 1550 года было введено, чтобы въ прелаты и каноники производить только однихъ природныхъ польскихъ дворянъ, и это узаконеніе распространено было въ 1639 году на великое княжество литовское, и впослѣдствіи времени почти во всѣхъ латынскихъ епархіяхъ слѣдовали этому правилу, которое было внесено въ 1783 году и въ актъ учрежденія могилевскаго капитула; а въ уставѣ о минскомъ капитулѣ 1798 года предписано, чтобы въ каноники и прелаты этой епархіи поступали только природные дворяне минской губерніи. Между тѣмъ каменецкій капитулъ состоялъ на половину изъ дворянъ, и на половину изъ людей недворянскаго сословія. Обыкновенно назначаемому въ прелаты или каноники отводилась особая бенефиція, которою онъ управлялъ и пользовался пожизненно; но въ каменецкой епархіи всѣ капитульные фундуши завѣдывались сообща, въ цѣлой ихъ массѣ, а только доходы съ нихъ распредѣлялись поровну между членами капитула. Виленскій капитулъ имѣлъ богатѣйшія бенефиціи, въ 500

и болѣе душъ крестьянъ каждая, и большіе капиталы; въ другихъ онѣ были менѣе доходны, а въ новыхъ епархіяхъ, могилевской и минской, эти бенефиціи, какъ мы видѣли, заимствованы были, по неимѣнію другихъ, отъ приходскаго духовенства. Въ епархіяхъ луцкой, каменецкой, могилевской, самогитской и минской были титулярные каноники, созданные обычаемъ и произволомъ епископовъ, а только въ одной виленской епархіи ихъ не находимъ, конечно потому, что штатное число капитульныхъ членовъ превосходило значительно мѣру настоящей въ нихъ потребности. Епархіальное начальство чрезвычайно было склонно къ размноженію этого ненужнаго класса духовныхъ, безъ сомнѣнія потому, чтобы придать этимъ многочисленнымъ штатомъ болѣе блеска епископской власти въ глазахъ простаго народа. Ничто не могло его отъ этого удержать: такъ какъ актомъ архіепископа Литта положительно запрещено было производить титулярныхъ канониковъ въ епархіи минской, то въ ней ввели ихъ подъ другимъ названіемъ,—какихъ-то *aggregati*, о коихъ даже въ каноническихъ законахъ не упоминается.

Значитъ, при нѣкоторыхъ особенностяхъ, капитулы были во многомъ между собою схожи, и въ особенности въ стремленіи къ своему умноженію, что̀ именно и было всего хуже. Обогащеніе и корысть были при этомъ главною побудительною причиною, а о пользѣ церкви не думали. Русскими законами не дозволялось давать духовному лицу болѣе одного прихода для того, чтобы всякій приходъ имѣлъ постояннаго блюстителя ввѣренной ему духовной паствы. Но законы эти, хотя и заимствованные изъ постановленій тридентинскаго собора, не испол-

нялись латынскимъ духовенствомъ; такъ напримѣръ, виленскіе прелаты и каноники владѣли пробоствами и другими настоятельскими бенефиціями въ разныхъ мѣстахъ виленской епархіи, а пребываніе должны были имѣть въ самомъ городѣ Вильнѣ, при каѳедрѣ, нанимали за ничтожную плату простыхъ священниковъ для исполненія приходскихъ требъ, а доходы съ бенефицій въ нѣсколько тысячь рублей серебромъ употребляли на свои прихоти. Какіе же это были пастыри и какъ долженъ былъ смотрѣть на нихъ несчастный наемный сельскій священникъ? Ясно, что при производствѣ въ прелаты и каноники опредѣлялись духовныя лица скорѣе къ церковному имѣнію, чѣмъ къ духовной должности, потому эти мѣста и представлялись какъ-бы доходными статьями, и вѣроятно, съ этой точки зрѣнія, въ каменецкомъ капитулѣ было постановлено, чтобы, при назначеніи въ эти званія, удостоиваемые ихъ дѣлали денежный взносъ, количество коего соразмѣрялось съ доходностію должности, подъ благовиднымъ предлогомъ употребленія такого сбора на разныя надобности каѳедральной церкви. Но въ сущности не было ли это торговлею духовными должностями?

Было одно разумное постановленіе, которое, казалось, должно было бы уменьшить этотъ праздный классъ духовныхъ, обогащавшійся на счетъ полезнаго приходскаго духовенства, хотя и принято оно было не съ этою цѣлію, а вообще для просвѣщенія духовнаго сословія. При образованіи въ 1803 году главной семинаріи при виленскомъ университетѣ было предписано, чтобы чрезъ десять лѣтъ по учрежденіи этой семинаріи, то есть, съ 1813 года въ прелаты и каконики производить только окончившихъ

полный курсъ наукъ въ этомъ заведенiи, или же получившихъ степень доктора богословiя отъ этого университета, а по учрежденiи полоцкой iезуитской академiи — также отъ академiи. Но многiя епархiальныя начальства или вовсе не исполняли этого закона, или искусно его обходили, и именно слѣдующимъ образомъ: находившимся въ отдаленiи отъ Вильны и Полоцка дозволено было не являться лично на экзамены, а присылать только диссертацiи, по разсмотрѣнiи которыхъ авторовъ возводили заочно въ ученыя степени; разумѣется, эти диссертацiи могли быть написаны вовсе не тѣми лицами, которыя ихъ посылали. Итакъ производство въ капитульныя должности этимъ закономъ мало затруднялось. Нѣкоторые епископы явно противились этому постановленiю, изданному очевидно для одного образованiя, слѣдственно и возвышенiя духовенства; «представлено было то», увѣрялъ Мацкевичь, «лицами виленскаго университета въ духѣ, каковой занималъ французовъ до времени преславной ихъ революцiи, гдѣ все ограничено для духовенства, подъ видомъ конечно добрымъ, но въ дѣлѣ для того, чтобы духовенство или истребить, или превратить оное къ смыслу, который имъ тогда былъ нужнымъ»; въ продолженiе болѣе 20 лѣтъ этотъ епископъ не могъ свыкнуться съ мыслью, что воспитанiе и даже ученость нужны духовенству, особенно на высшихъ степеняхъ; возражалъ противъ докторскихъ дипломовъ цитатами изъ посланiй апостола Павла къ ефесеямъ и коринѳянамъ, и просилъ въ 1825 году, какъ особой милости, чтобы въ прелаты и каноники опредѣлять, не требуя ученыхъ дипломовъ, кого вздумается епископу. Понятно, какъ исполнялось

имъ относящееся до этого постановленіе на самомъ дѣлѣ, когда притомъ представлялся такой удобный способъ обойти его, соблюдая одну формальность диссертаціи. Въ отношеніи просвѣщенія обезпечены были отчасти только капитулы виленскій и самогитскій; ибо виленскому университету предоставлено было избирать на четыре мѣста канониковъ въ каждомъ изъ этихъ капитуловъ и въ должность прелата троцкой суффраганіи ([1]). Повидимому, правительство было въ состояніи позаботиться объ очищеніи этого почетнѣйшаго епархіальнаго духовенства отъ столькихъ безполезныхъ членовъ: съ учрежденія министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, оно утверждало въ званіяхъ прелатовъ и канониковъ, потому и обязано было вникнуть въ этотъ предметъ поближе, чтобы знать, кого можно и кого не должно утвердить. Но заботливость его такъ далеко не простиралась, а съ этого времени оно начало только собирать первоначальныя свѣдѣнія о капитулахъ; впослѣдствіи оно хотя и давало уже себѣ отчетъ въ несообразности ихъ дѣйствій, но рѣшительной мѣры не предприняло, а ограничивалось только совѣтами и общими выраженіями, въ родѣ напримѣръ слѣдующаго, обращеннаго въ 1823 году кн. Голицынымъ къ митрополиту: «я нахожу, что если и допускалось донынѣ обыкновеніе оставлять членамъ виленскаго каѳедральнаго капитула приходы, то сіе противу духа самыхъ каноническихъ правилъ; вкравшееся злоупотребленіе необходимо *ограничивать, принимая въ соображеніе истинныя заслуги сихъ духовныхъ особъ церкви и государству* и количе-

([1]) Полн. собр. зак. т. XXVII, № 20701.

ство доходовъ, получаемыхъ ими по званію каѳедральныхъ членовъ». Эти совѣты хотя вѣроятно и приняты были въ соображеніе, но капитулы остались въ томъ самомъ видѣ и составѣ, какъ мы ихъ описали, значитъ та же продолжала быть и ихъ дѣятельность; ее можно выразить въ двухъ словахъ: все для себя, ничего для церкви. Такъ поступало духовенство почетнѣйшее, привиллегированное и богатое,—исключенія были рѣдки.

За капитульнымъ духовенствомъ, въ іерархическомъ порядкѣ, шло духовенство приходское, самое нужнѣйшее для паствы, ибо исполняетъ для него требы, и находится въ безпрерывныхъ сношеніяхъ съ прихожанами. Чтобы получить вѣрный взглядъ на состояніе этихъ духовныхъ, нужно прослѣдить хотя бѣгло главнѣйшіе акты ихъ духовнаго поприща, тоесть, приготовленіе къ священству, опредѣленіе къ духовнымъ должностямъ и наконецъ дѣятельность ихъ на пользу паствы и церкви.

Воспитаніе для духовенства столь же важно, какъ и для прочихъ сословій, и даже важнѣе, потому что священники поучаютъ народъ. Эту истину вполнѣ сознавалъ просвѣщенный митрополитъ Сестренцевичь, и еще бывши епархіальнымъ епископомъ, съ особою заботливостію занимался своею могилевскою семинаріею, а когда возведенъ былъ въ санъ митрополита, старался положить основаніе дѣятельному и полезному обученію во всѣхъ епархіальныхъ семинаріяхъ. Проэктъ устройства этихъ заведеній представленъ имъ былъ еще въ 1797 году на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) Преподавать въ семинаріяхъ— нравственное богословіе, церковные обряды, способъ изложенія катихизиса, географію, исторію вкратцѣ,

ариѳметику, русскій языкъ, а изъ иностранныхъ тѣ только, которые требуются по мѣстности приходовъ, напримѣръ: въ могилевской и виленской—нѣмецкій и латышскій, такъ какъ въ курляндской губерніи довольно латышскихъ приходовъ, въ луцкой—французскій, въ каменецкой—итальянскій. 2) Курсъ ученія назначить четырехлѣтній. 3) Число клириковъ опредѣлить соотвѣтственно пространству епархій и количеству приходскаго духовенства; и основываясь на приблизительномъ расчетѣ, что изъ ста человѣкъ умираютъ ежегодно трое, содержать въ семинаріяхъ по 12 клириковъ на сто священниковъ, такъ чтобы каждый годъ трое изъ нихъ приготовлены были къ занятію вакантныхъ мѣстъ. 4) Изъ каждой семинаріи посылать по крайней мѣрѣ третью часть клириковъ въ виленскій университетъ для окончанія курса наукъ. 5) Высшее завѣдываніе семинаріями, подъ непосредственнымъ надзоромъ мѣстныхъ епископовъ, предоставить римско-католической коллегіи, — что̀ было бы весьма полезно для единства въ способахъ и размѣрахъ преподаванія. 6) Въ случаѣ недостатка денежныхъ средствъ для содержанія семинарій, производить на этотъ предметъ сборъ со всѣхъ духовныхъ имѣній и капиталовъ.

Разсматривавшій, по волѣ государя, этотъ проэктъ 3-й департаментъ сената долго медлилъ за требованіемъ разныхъ справокъ о доходахъ латынскаго духовенства, и наконецъ въ 1803 году кончилъ ничѣмъ, именно предоставилъ самимъ епархіальнымъ начальникамъ подъ наблюденіемъ коллегіи заводить семинаріи, не опредѣливъ ни состава этихъ заведеній, ни наукъ, которыя должны въ нихъ преподаваться, ни содержанія ихъ, и не обязавъ даже ни-

кого къ непремѣнному открытію семинарій. Рѣшеніе это было несомнѣнно каноническое, ибо основывалось на постановленіяхъ тридентинскаго собора, предоставляющихъ епископамъ полную власть надъ мѣстными семинаріями. Но было ли полезно для церкви и духовенства оставить на произволъ епископовъ, невсегда заботящихся объ образованіи, всю будущность молодыхъ людей, готовящихся къ пастырскому сану? Послѣдствія этой мѣры лучше всего могутъ дать ей настоящую оцѣнку.

Семинаріи находились въ слѣдующихъ мѣстахъ: 1) въ могилевской епархіи: въ Могилевѣ ([1]), Звѣнигородкѣ ([2]) (кіевской губерніи), Краславѣ ([3]) (на границѣ Курляндіи) и въ Бѣлостокѣ ([4]), существовавшая уже во время присоединенія бѣлостокской области къ Россіи; 2) въ виленской: двѣ семинаріи въ Вильнѣ — одна епархіальная при церкви св. Георгія ([5]), другая у монаховъ викентіевскаго обще-

([1]) Могилевская семинарія содержалась съ доходовъ принадлежавшаго ей фундуша Плоское, вблизи города Велижа, въ которомъ было 412 душъ.

([2]) На учрежденіе звѣнигородской семинаріи кіевская старостина Солтыкова записала въ 1803 году фрундушевую сумму 15,000 р. сер., но семинарія открыта была только въ 1820 году, до тѣхъ же поръ клирики, содержимые на счетъ этого капитала, обучались въ житомірской семинаріи.

([3]) Фундушъ краславской семинаріи составился: 1) изъ 4,000 талеровъ, обезпеченныхъ на имѣніи графовъ Платеровъ, 2) 1,500 р. сер., записанныхъ каноникомъ Крыжановскимъ и обезпеченныхъ на имѣніи помѣщика Шадурскаго Малповѣ, и 3) 1,000 р. сер., записанныхъ каноникомъ Акелевичемъ и состоявшихъ въ обезпеченіи у Зиберга Платера.

([4]) На эту семинарію записаны были двѣ суммы: 3,000 р. с. хорунжимъ бѣльской земли Людвигомъ Крушевскимъ и 270 руб. сер. бѣлостокскимъ деканомъ Яковомъ Пилькевичемъ.

([5]) Этой семинаріи принадлежали значительныя недвижимыя имѣнія, въ которыхъ было до 1,300 душъ крестьянъ; дохода

ства въ Иллукшѣ ([1]) (курляндской губерніи), и въ Брестѣ-Литовскомъ; 3) въ самогитской епархіи: въ мѣстечкѣ Ворняхъ ([2]) (тельшевскаго уѣзда); 4) въ луцкой епархіи: въ Луцкѣ, Житомірѣ ([3]) и Олыкѣ (дубенскаго уѣзда); 5) въ каменецкой епархіи: въ Каменцѣ-Подольскѣ; и 6) въ минской епархіи: въ Минскѣ. Итакъ на шесть епархій приходилось четырнадцать семинарій.

Съ перваго взгляда казалось бы, что духовное воспитаніе совершенно должно было обезпечиваться такимъ большимъ числомъ заведеній; но въ дѣйствительности многочисленность заведеній только раздробляла средства, назначенныя на ихъ содержаніе. Если бы въ епархіяхъ, гдѣ было по три и по четыре семинаріи, оставлено было только по одной, въ которой содержалось бы столько же воспитанниковъ, сколько ихъ было въ трехъ или четырехъ, то на тѣ же суммы доставлено было бы заведенію болѣе способовъ именно отъ сосредоточенія въ одно мѣсто, отъ единообразія въ управленіи какъ самымъ училищемъ, такъ и принадлежавшими ему имѣніями, отъ единства надзора и т. п. Очевидно, что въ од-

съ нихъ показывалось до 14,000 р., но его было больше. Виленская семинарія имѣла, кромѣ того, 1,111 червонцевъ капитала.

([1]) Семинарія эта фундуша не имѣла; ее содержали монахи викентіевскаго общества.

([2]) Фундушъ ворненской семинаріи состоялъ изъ населенныхъ имѣній и корчемъ; дохода показывалось отъ 5 до 6,000 р. серебромъ.

([3]) Семинарія житомірская имѣла фундушевое имѣніе Фастово въ васильковскомъ уѣздѣ кіевской губерніи; въ немъ было 108 душъ крестьянъ. Кромѣ того, священникъ Петловскій записалъ въ пользу этой семинаріи 750 р. сер., обезпечивъ эти деньги на городѣ Житомірѣ.

номъ и томъ же городѣ, какъ Вильна, не было никакой надобности имѣть двѣ семинаріи; совершенно излишня была семинарія и въ Олыкѣ, мѣстечкѣ, находящемся вблизи отъ Луцка, гдѣ была семинарія епархіальная. Такое распредѣленіе духовныхъ училищъ не имѣло никакой правильности отъ того, что онѣ основывались не вслѣдствіе потребности въ воспитаніи духовенства, а случайно, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ угодно было фундаторамъ; притомъ же многія изъ нихъ открыты были при польскомъ правительствѣ, когда разграниченіе епархій было иное. Это неправильное размноженіе семинарій мѣшало епископамъ, жившимъ при каѳедрѣ, наблюдать за тѣми изъ нихъ, которыя были удалены отъ мѣста епархіальнаго духовенства. Многочисленность семинарій обманчива и въ отношеніи числительности воспитывавшагося въ нихъ духовнаго юношества. Всего болѣе воспитанниковъ было въ ворненской семинаріи, именно 62 человѣка, но за то и самогитская епархія была одна изъ населеннѣйшихъ: въ ней считалось до милліона католиковъ. Въ виленской епархіальной семинаріи было 50 клириковъ и 22 въ содержимой монахами викентіевскаго ордена, тогда какъ несравненно было бы полезнѣе имѣть менѣе клириковъ въ Вильнѣ, гдѣ и безъ того была главная семинарія, и поболѣе въ отдаленныхъ отъ центра духовнаго просвѣщенія епархіяхъ. Въ каменецкой семинаріи было 15 воспитанниковъ, что совершенно достаточно для этой небольшой епархіи. Но съ другой стороны, на всю минскую епархію, по числу латынскаго народонаселенія близко подходившую къ каменецкой, училось въ семинаріи только девять клириковъ; нѣкоторыя же семинаріи

едва заслуживали это названіе, такъ напримѣръ: въ звѣнигородской было шесть воспитанниковъ, въ бѣлостокской пять, въ иллукшанской и олыкской по четыре, въ брестъ-литовской три [1]. Въ такихъ семинаріяхъ было обыкновенно не болѣе двухъ учителей, а въ олыкской—одинъ.

Средства содержанія семинарій были различны и между собою нисколько не соотвѣтственны. Фундуши однихъ семинарій состояли въ населенныхъ имѣніяхъ, а другихъ — въ капиталахъ, записанныхъ на имѣніяхъ частныхъ лицъ. Имѣнія, по обыкновенію, управнялись духовенствомъ дурно, а проценты съ денежныхъ суммъ, обезпеченныхъ на дворянскихъ имѣніяхъ, часто поступали несвоевременно, или получались съ трудомъ, по судебнымъ приговорамъ, а иногда и вовсе такіе капиталы пропадали, и существованіе заведенія становилось сомнительнымъ, или же составъ его долженъ былъ уменьшаться: въ такомъ положеніи находилась семинарія олыкская. Однѣ семинаріи были богаты, какъ напримѣръ виленская и ворненская, другія же, какъ минская, почти ничего не имѣли, не говоря уже о второстепенныхъ, какъ бѣлостокская, брестъ-литовская и т. п. Поэтому въ однѣхъ семинаріяхъ, гдѣ было болѣе средствъ и гдѣ эти средства употреблялись правильно, воспитанники содержались лучше, а въ другихъ, не имѣвшихъ приличныхъ фундушей, они едва получали приличныя пищу и одежду.

То же различіе было и въ отношеніи преподававшихся наукъ, несмотря на то, что въ 1803 году правительство предписало, чтобы система препода-

[1] Свѣдѣнія о числѣ воспитанниковъ въ семинаріяхъ относятся къ 1819 и 1820 годамъ.

ванія и предметы его были согласованы съ планомъ наукъ главной семинаріи, учрежденной тогда въ Вильнѣ. Общіе всѣмъ семинаріямъ предметы были только богословіе и церковные обряды; остальныя же науки въ однѣхъ семинаріяхъ излагались, а въ другихъ имъ не обучали, такъ напримѣръ: каноническое право входило въ курсъ преподаванія только семинарій—могилевской, звѣнигородской, двухъ виленскихъ и житомірской; въ брестъ-литовской, иллукшанской, житомірской и минской семинаріяхъ не учили духовному краснорѣчію, а въ остальныхъ этотъ предметъ читался; въ двухъ семинаріяхъ — брестъ-литовской и иллукшанской не преподавали даже священной исторіи; въ могилевской, краславской, бѣлостокской и брестъ-литовской не было каѳедръ латынскаго языка; а пофранцузски и порусски учили только въ двухъ виленскихъ семинаріяхъ; русская же исторія не преподавалась ни въ одной изъ нихъ, такъ что готовившіеся служить въ духовномъ званіи въ русской имперіи не знали обыкновенно ни языка, ни исторіи государства, котораго были подданными. Разнообразіе въ выборѣ преподаваемыхъ предметовъ доходило до того, что въ звѣнигородкской семинаріи учили чистописанію, въ виленской викентіевской—физикѣ и математикѣ, а въ виленской епархіальной — народному праву и политической экономіи,—наукамъ, которыя воспитанники весьма удобно могли слушать въ виленскомъ университетѣ. Распредѣленіе времени для наукъ по большей части не было ни на чемъ основано, такъ напримѣръ, одинъ изъ нужнѣйшихъ для клириковъ предметовъ — священное писаніе преподавалось въ иныхъ семинаріяхъ только разъ въ недѣлю, а не

столь необходимые для нихъ предметы чаще; но всего болѣе времени брали такъ называемыя духовныя размышленія или медитаціи. Въ управленіи семинаріями также не было ничего общаго: бо́льшая часть изъ нихъ была въ вѣдѣніи бѣлаго духовенства, подъ надзоромъ епископа; но нѣкоторыя завѣдывались монахами викентіевскаго общества, именно: могилевская, одна виленская и иллукшанская, которая даже и содержалась на счетъ этихъ монаховъ; олыкская семинарія соединена была съ свѣтскимъ народнымъ училищемъ; а семинаріи виленской епархіи управлялись особымъ комитетомъ. Несмотря на то, что число семинаристовъ вообще не удовлетворяло потребности епархій въ духовенствѣ, иныя семинаріи, вмѣсто того, чтобы увеличить составъ собственно духовнаго юношества, занимались содержаніемъ молодыхъ людей, къ духовному званію не готовившихся; такіе воспитанники, употреблявшіеся при богослуженіи, и называвшіеся по цвѣту одежды *фіолетами*, находились въ семинаріяхъ: луцкой, олыкской, едва имѣвшей средства для существованія, и каменецкой. Эти свѣтскіе семинаристы поступали въ заведенія обыкновенно въ малолѣтствѣ изъ бѣдныхъ дворянскихъ фамилій, и посылались для ученія въ народныя училища, но на счетъ семинарій. Между тѣмъ епархіальнымъ начальствамъ постоянно недоставало бѣлаго духовенства, именно потому, что семинаріи выпускали недостаточно священниковъ, и поэтому они принуждены были опредѣлять къ приходамъ монаховъ.

Когда отъ каждаго епископа зависѣло управлять семинаріею по собственному усмотрѣнію, вводить въ курсъ преподаванія тѣ науки, которыя онъ хо-

тѣлъ, когда не было опредѣлено, къ чему именно и какъ должны приготовляться юноши, предназначенные къ духовному званію, когда не было общаго плана для духовныхъ заведеній, то нельзя удивляться, что въ заведеніяхъ этихъ все зависѣло отъ произвола и случайности и что онѣ не отвѣчали нуждамъ церкви. Направленіе самаго воспитанія предоставлено было вполнѣ духовенству, оставшемуся вѣрнымъ своимъ схоластическимъ предубѣжденіямъ; просвѣщеніе вѣка едва до него коснулось; латинскіе учебники, выучиваемые наизусть,—его неизмѣнная система, а цѣль — создать новыхъ дѣятелей на поприщѣ столь сроднаго ему прозелитизма; въ этомъ отношеніи не нужно было общихъ распоряженій, и безъ нихъ духъ касты,—отвращеніе отъ истиннаго просвѣщенія и пропаганда, былъ общій всему духовенству.

Только съ 1822 года главное управленіе стало обращать вниманіе на важное дѣло духовнаго образованія и внушило коллегіи поближе познакомиться съ этимъ предметомъ. Коллегія приняла одну только существенно полезную мѣру, постановивъ правиломъ, чтобы учители въ семинаріяхъ назначались только изъ докторовъ или магистровъ богословія; а прежде преподаватели опредѣлялись по произволу семинарскаго начальства; всѣ же остальныя распоряженія коллегіи были совершенно второстепенными, такъ напримѣръ: въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ введенъ курсъ нѣмецкаго языка, для колоніальнаго духовенства, измѣнены часы лекцій и т. п. Все это однако нисколько не измѣнило ложныхъ основаній, на которыхъ были учреждены и управлялись семинаріи. Помѣщенныя въ тѣхъ мѣстахъ, которыя указаны

были волею фундаторовъ, иногда бѣдныя, иногда не умѣвшія пользоваться своими богатствами, содержа несоотвѣтственное съ потребностями епархій число клириковъ, управляемыхъ и бѣлымъ и монашескимъ духовенствомъ, семинаріи учили тому, что̀ вздумалось регенту, или епархіальному начальнику, и учили какъ и сколько имъ было угодно. Если случайно хорошо содержимая семинарія образовывала порядочныхъ священниковъ, то сколько было такихъ, у которыхъ не было ни средствъ, ни умѣнья приготовить духовныхъ, достойныхъ своего сана! Нельзя винить одно духовенство въ этой, такъ сказать, безотчетности въ устройствѣ духовно-воспитательныхъ заведеній; епархіальному начальству могли быть извѣстны однѣ мѣстныя нужды епархіи. Общность, система распредѣленія и управленія этими заведеніями, соразмѣрность способовъ, сообразность средствъ съ предположенною цѣлію, — могло только обнять высшее правительство, знакомое съ общими потребностями. Но слѣдуя въ этомъ случаѣ буквально римскимъ узаконеніямъ, главное управленіе, отстраняя себя вовсе, предоставило семинаріи въ безотчетное распоряженіе епископовъ, — послѣдствіемъ этой мѣры было то состояніе этихъ училищъ, которое мы сейчасъ видѣли. Постановленіе Рима соблюдено, но что̀ отъ этого выиграли церковь и государство?

Къ счастію духовенства, два человѣка, не принадлежавшіе къ духовному сословію, но единоплеменные съ нимъ, подумали объ образованіи хотя части онаго, той именно, которая предназначалась къ занятію высшихъ должностей въ іерархіи церковной. По мысли и настоянію князя Чарторижскаго,

впослѣдствіи попечителя виленскаго университета, и извѣстнаго Чацкаго, составившаго себѣ имя по своимъ ученымъ трудамъ, любви и покровительству просвѣщенія, основана была въ 1803 году при виленскомъ университетѣ главная семинарія, а въ 1806 году утвержденъ былъ ея уставъ. Въ главную семинарію должны были поступать лучшіе воспитанники семинарій епархіальныхъ, для окончанія своего образованія; они жили въ самомъ заведеніи, а курсъ наукъ слушали въ виленскомъ университелѣ и тамъ держали экзамены. Непосредственное управленіе главною семинаріею, подъ начальствомъ ректора университета, возложено было на особый комитетъ, составлявшійся изъ трехъ профессоровъ богословскаго факультета, изъ двухъ членовъ виленскаго капитула и одного уніатскаго священника. Содержаніе главной семинаріи отнесено было на предоставленныя ей 11 богатыхъ бенефицій ([1]) и на сборъ, назначенный для этой цѣли съ монастырей. Къ чести духовенства, должно сказать, что ревностнымъ исполнителемъ этого плана былъ духовный, тогда ректоръ университета, Стройновскій, впослѣдствіи епископъ-коадъюторъ луцкій, а потомъ администраторъ виленской епархіи. Благодѣтельныя послѣдствія этого полезнаго учрежденія сдѣлались вскорѣ видимыми; молодые люди, предназначенные на служеніе церкви, воспитывались въ правилахъ ихъ вѣры и нравственности опытными духовными лицами, управлявшими заведеніемъ и имѣвшими полную возможность слѣдить за ихъ поведеніемъ, такъ такъ воспитанники жили въ семинаріи; а вмѣстѣ съ тѣмъ эти клирики

([1]) Эти бенефицій доставляли ежегодно до 65 т. р. сер. дохода.

не отчуждались отъ міра и въ стѣнахъ университета знакомились не съ схоластикою, какъ въ епархіальныхъ семинаріяхъ, а съ современными успѣхами богословія и съ другими необходимыми для каждаго просвѣщеннаго человѣка науками.

Это именно и не нравилось большинству духовенства, которое встрѣтило съ негодованіемъ вѣсть объ основаніи главной семинаріи, какъ учрежденія неканоническаго, ибо оно не поставлено было въ зависимость отъ мѣстнаго епископа, а управлялось особымъ комитетомъ. Эти противники просвѣщенія не довольствовались тѣмъ, что комитетъ весь состоялъ изъ духовныхъ лицъ, что семинаристы не могли избѣгнуть надзора своихъ наставниковъ, что наконецъ коллегія имѣла право дѣлать ревизію заведенія во всякое время. Все это было только предлогомъ неудовольствія, а настоящій источникъ гнѣва состоялъ въ томъ, что опасались за сохраненіе духа касты, такъ какъ воспитанники главной семинаріи находились въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ студентами другихъ факультетовъ университета. Недоброжелательство духовенства къ главной семинаріи и вообще отчужденіе его отъ просвѣщенія оказались прежде всего въ постоянныхъ недоборахъ суммы, назначенной на содержаніе этого заведенія. Сборъ этотъ былъ совершенно ничтожный для монашескаго духовенства, владѣвшаго огромными имѣніями и значительными капиталами: 234 монастыря обязаны были вносить ежегодно только 10 т. рублей. Сумма взноса съ каждаго монастыря расчитана была по годовому ихъ доходу, но этотъ доходъ они намѣренно и до невѣроятности уменьшали, чтобы жертвовать поменѣе; такъ напримѣръ: островскій доминиканскій мона-

стырь съ 300 душъ крестьянъ показывалъ 579 рублей дохода, дудаковскій доминиканскій съ 530 душъ—650 руб., мстиславскій бернардинскій съ 679 душъ—338 рублей, и всѣ остальные въ такихъ же размѣрахъ: такъ 18 бернардинскихъ монастырей литовской провинціи дожны были платить 70 руб., 11 монастырей того же ордена русской провинціи — 39 рублей, и т. п. Но и это малое подаяніе на пользу духовнаго просвѣщенія никогда вполнѣ не приносилось богатымъ духовенствомъ; съ каждымъ годомъ недоимки увеличивались (1). Кромѣ того, вовсе освобождены были отъ взноса 73 монастыря, именно всѣ ордена, занимавшіеся воспитаніемъ юношества, какъ то: іезуиты, піары, миссіонеры, бонифратры, содержавшіе госпитали, и нѣкоторые другіе монастыри, отозвавшіеся недостаткомъ фундушей. Въ концѣ царствованія императора Александра I петербургскіе доминикане просили даже государя избавить вовсе ихъ орденъ отъ участія въ содержаніи главной семинаріи, утверждая, что будто отъ нея для духовенства нѣтъ никакой пользы, и что даже въ будущемъ ее нельзя ожидать, и что напротивъ того она положительно вредна, ибо ни въ одномъ католическомъ государствѣ главныхъ семинарій не существуетъ, а заведены, по церковнымъ уставамъ, только епархіальныя семинаріи.

Не одни доминикане возставали противъ главной семинаріи, а все чтò было фанатическаго и невѣже-

(1) Недоимки на монастыряхъ состояло: въ 1810 году 10,125 руб. 56 коп.; въ началѣ 1813 года—20,634 руб. 78 коп.; въ началѣ 1815 года—35,634 руб. 78 коп. Въ 1821 году — 51,601 р. 92½ коп. сереб.; взысканіе этихъ денегъ разрочено было на десять лѣтъ, по равной части на каждый годъ.

ственнаго между латынскимъ духовенствомъ, и по ихъ слѣдамъ пошла даже коллегія, это высшее духовное учрежденіе въ имперіи. Коллегія назначала ревизію главной семинаріи въ 1811 и 1815 годахъ, и пользовалась этими случаями, чтобы выставить въ невыгодномъ свѣтѣ заведеніе передъ правительствомъ. Осматривавшій главную семинарію въ 1815 году оршанскій епископъ Головня находилъ, что въ университетѣ преподаютъ слишкомъ много наукъ, оттого семинаристы дѣлаютъ мало успѣховъ и не имѣютъ времени заняться собственно церковными предметами; но главное зло отъ университетскаго образованія видѣлъ епископъ въ томъ, что клирики, расходясь на лекціи по разнымъ аудиторіямъ, всегда имѣютъ возможность уклониться отъ надзора своихъ начальниковъ (замѣтимъ, что эти клирики были отъ 25 до 30 лѣтъ отъ роду), что это вредно для ихъ нравственности, что будто оттого они ослабѣли въ правилахъ вѣры и получили отвращеніе отъ духовнаго званія, такъ что нѣкоторые изъ нихъ, по окончаніи курса, не захотѣли уже поступить въ духовенство, а иные, по удостовѣренію епископа, уклонились даже къ невѣрію или безбожію. Смыслъ этихъ обвиненій ясенъ: фанатическому духовенству не хотѣлось растаться съ духомъ касты, допустить своихъ питомцевъ до какихъ-либо сношеній съ лицами другихъ сословій и въ особенности до прикосновенія со свѣтомъ науки; ему нужно было сдѣлать изъ нихъ не просвѣщенныхъ пастырей, полезныхъ для своихъ прихожанъ, а изувѣрныхъ агентовъ, которые поддерживали бы исключительность и отдѣльность касты духовной; вмѣсто того, чтобы радоваться, что люди, не имѣющіе призванія къ служенію алтарю, выхо-

дили во время изъ ихъ среды, имъ было горько лишиться нѣсколькихъ ненужныхъ и даже вредныхъ для церкви членовъ. Понятно, что выставлявшіяся трудности университетскаго курса не только не могли помѣшать образованію, но легко преодолѣваемыя способными и прилежными студентами, только способствовали къ бóльшему и правильному развитію ихъ умственныхъ способностей. Несмотря на то, коллегія нашла основательными разсужденія епископа Головни, полагала, что жалкія епархіальныя семинаріи достаточны для полнаго образованія клириковъ, такъ какъ въ нихъ преподавались будто бы почти всѣ тѣ же науки, какъ и въ богословскомъ факультетѣ виленскаго университета, и потому представила объ уничтоженіи главной семинаріи, не приносящей никакой пользы католическому духовенству и отяготительной для латынскихъ монастырей. Князь Чарторижскій несомнѣнными фактами опровергъ всѣ возраженія ревизора, и, ко благу просвѣщенія, отстоялъ преслѣдуемую фанатизмомъ главную семинарію. Но враги ея не прекратили своихъ интригъ, нечуждыхъ и корыстолюбія, — они расчитывали на богатыя бенефиціи этого заведенія: въ 1817 году коллегія снова стала хлопотать объ упраздненіи этого заведенія, но опять встрѣтила противъ себя попечителя виленскаго учебнаго округа; точно также дѣйствовала она и впослѣдствіи, но всякій разъ безуспѣшно. «Неудивительно», писалъ въ 1819 году Чарторижскій кн. Голицыну, «что нѣкоторые духовные вооружались противъ главной семинаріи. Частые примѣры подобнаго со стороны духовныхъ противоборства успѣху народнаго и ихъ самихъ просвѣщенія

видимъ и въ другихъ краяхъ; но сіе ничуть не мѣшало распоряженіямъ правительства».

Епархіальныя начальства, такъ сказать, нехотя посылали своихъ клириковъ въ главную семинарію; даже изъ числа воспитанниковъ виленской семинаріи, находившейся въ одномъ съ нею городѣ, немногіе кончали курсъ въ богословскомъ факультетѣ университета. Притомъ ученики епархіальныхъ семинарій, недостаточно въ нихъ приготовленные, встрѣчали трудности при слушаніи университетскаго курса, особенно въ русскомъ и иностранныхъ языкахъ, которымъ или вовсе не учили въ семинаріяхъ, или учили весьма плохо. Оттого часто некѣмъ было замѣстить вакантные приходы въ колоніяхъ, гдѣ требовалось знаніе языка нѣмецкаго; рѣдкіе изъ духовныхъ были въ состояніи, по незнанію русскаго языка, засѣдать въ коллегіи, гдѣ все дѣлопроизводство производилось на отечественномъ языкѣ, а епископы затруднялись въ перепискѣ съ главнымъ управленіемъ. Въ 1825 году адмиралъ Шишковъ обратилъ на это вниманіе и вообще сталъ заботиться о поправленіи епархіальныхъ семинарій; съ своей же стороны главная семинарія просила, чтобы изъ епархій присылали въ нее болѣе приготовленныхъ въ языкахъ клириковъ; но эти желанія и просьбы остались тщетными: бóльшая часть избранныхъ изъ семинарій воспитанниковъ не только не оказали познаній въ языкахъ, но и ни въ какихъ наукахъ. Нѣкоторые изъ епископовъ не только не способствовали улучшенію преподаванія языковъ въ семинаріяхъ, но сами тому противились: Мацкевичь видѣлъ въ этомъ вредъ для латинскаго обряда, и просилъ, чтобы и въ свѣтскихъ училищахъ дано было преимущество латинскому языку предъ

новѣйшими иностранными. На это ему замѣтили, что устройство свѣтскихъ училищъ не относится до духовенства, но что онъ лучше обратилъ бы свое вниманіе на усовершенствованіе преподаванія въ семинаріи. Но при такомъ взглядѣ на науку высшихъ духовныхъ начальниковъ, могли ли исключительно имъ подвѣдомыя семинаріи доставлять хорошо приготовленныхъ воспитанниковъ для дальнѣйшаго богословскаго образованія?

Какъ бы то ни было, велика была услуга, оказанная латынскому духовенству главною семинаріею: все, чтò было достойнаго и просвѣщеннаго между духовенствомъ, вышло изъ этого заведенія, и въ томъ числѣ почти всѣ почтенныя лица, съ честію занимавшія и занимающія епископскія каѳедры. Достойно сожалѣнія, что духовенство не умѣло оцѣнить этого полезнаго учрежденія, не только не имъ, но даже вопреки ему созданнаго, и не переставало возбуждать противъ него правительство.

Главная семинарія не могла однако выпустить много студентовъ соотвѣтственно съ массою духовенства; почему между нимъ и было мало людей просвѣщенныхъ, ибо воспитанные въ однѣхъ епархіальныхъ семинаріяхъ, составлявшіе большинство духовенства, далеко не отвѣчали своему важному призванію, какъ по просвѣщенію, такъ и по истинно христіанскимъ добродѣтелямъ: по большей части они были необразованные фанатики. Такими людьми замѣщались многочисленныя приходскія должности.

Будучи принуждены избирать священниковъ изъ такого духовенства, епархіальные начальники ограничены были и въ этомъ выборѣ возстановленнымъ съ 1801 года римскимъ постановленіемъ о правѣ

ктиторства, по которому назначали къ ктиторскимъ приходамъ сами ктиторы, а епископы только утверждали представленныхъ, чтò было одною формальностію. Такъ какъ къ такимъ приходамъ приписаны были обыкновенно бенефиціи, то искавшіе ихъ нерѣдко покупали эти должности отъ имѣвшихъ право представлять на оныя. Въ первобытной христіанской церкви право ктиторства не существовало; появляется же оно съ V вѣка, съ цѣлію поощрить благотворителей строить церкви, а главное обогащать духовенство ([1]); впослѣдствіи установленіе это, выгодное для духовенства, все болѣе и болѣе распространялось, и денежнымъ пожертвованіемъ отнималась существенная часть власти у епископовъ. На бóльшую часть приходскихъ должностей въ западномъ краѣ назначали духовныхъ не епархіальные начальники, а ктиторы: всего бѣлаго духовенства въ латынскихъ епархіяхъ имперіи было до 1,800 человѣкъ ([2]), а ктиторскихъ бенефицій считалось около 1,200.

По самому воспитанію своему и способу избранія на должности, приходскіе священники весьма часто не отвѣчали своему назначенію ни собственною жизнію, ни духовною пользою, приносимою прихожанамъ. Многіе изъ нихъ были распутны, жили съ

([1]) Постановленія о ктиторскихъ правахъ см. въ приложеніи 18-мъ.

([2]) Въ 1818 году бѣлаго духовенства было въ епархіяхъ: самогитской—474 человѣка, минской—164, луцкой—165, виленской — 551, могилевской — 281, всего въ пяти епархіяхъ 1,635 человѣкъ. Свѣдѣній о числѣ бѣлаго духовенства въ епархіи каменецкой мы не имѣемъ, но полагаемъ его приблизительно не болѣе, чѣмъ въ луцкой епархіи, которая была обширнѣе каменецкой.

наложницами, приживали отъ нихъ дѣтей, вынуждали деньги за церковныя требы, ссорились и даже дрались съ прихожанами, сѣкли крестьянъ и т. п. И пороки эти, къ несчастію, не были случайностію, всегда и вездѣ возможною, но открывались постоянно; примѣровъ и доказательствъ тому много; для чести христіанской церкви мы не упомянули бы о нихъ вовсе, еслибъ опасеніе, что эти заключенія, не подкрѣпленныя фактами, припишутся нѣкоторыми небезпристрастными критиками къ вымысламъ, не заставляло насъ привести хотя нѣсколько подобныхъ свидѣтельствъ ([1]). Отъ личныхъ качествъ пастыря

([1]) Въ 1811 году ямбургскій ксендзъ Венсъ смѣненъ былъ, по повелѣнію государя, за картежную игру и распутство.—12 мая 1820 года сенатъ призналъ, минскихъ губерніи и уѣзда, холевскаго прихода латынскаго священника Лебединскаго виноватымъ въ томъ, что онъ за церковныя требы вынуждалъ отъ прихожанъ своихъ сверхъ постановленнаго, проклиналъ въ костелѣ сосѣднихъ помѣщиковъ и не принималъ на исповѣдь тѣхъ, которые были съ ними въ хорошихъ отношеніяхъ, съ прихожанами ссорился, одну женщину прибилъ, прижилъ съ прислуживавшею ему дѣвкою двухъ дѣтей и т. п.—Въ 1821 году настоятель красносельской плебаніи, въ минской епархіи, Менцинскій съ другими священниками этой плебаніи прибилъ поручика польской службы Игнатія Іодко, за что виленскій повѣтовый судъ приговорилъ ихъ къ наказанію, утвержденному сенатомъ.—Въ 1822 году, виленской губерніи шавельскаго уѣзда, приходскій священникъ имѣнія Цитавянъ, Юшкевичь, пріѣхавъ въ деревню Кистишки, принадлежащую помѣщику Бурбѣ, высѣкъ розгами крестьянку Гетруду Кліоліовну; отъ этихъ побоевъ женщина умерла.—Въ 1822 году латынскій священникъ въ новороссійскихъ колоніяхъ Гаммеръ постоянно велъ себя неприлично своему званію и сверхъ того старался возбуждать колонистовъ противъ ихъ начальства.—Въ 1823 году настоятель шадовской приходской церкви, въ виленской губерніи, Іосифъ Рупейко оказался виновнымъ въ томъ, что поселялъ раздоръ между жителями мѣстечка, заводилъ разныя дѣла и слѣдствія, и для того имѣлъ въ плебаніи тяжебную контору, въ которой склонялъ

много зависитъ и нравственное воспитаніе паствы: священникъ всегда близокъ къ своимъ прихожанамъ, и примѣръ его жизни не безплоденъ. Неудовлетворительное состояніе латынскаго духовенства отражалось и на народѣ этой вѣры, и иногда принуждало даже гражданское начальство вмѣшиваться по необходимости въ кругъ дѣятельности лицъ духовныхъ. Такъ въ 1824 году бѣлорусскій генералъ-губернаторъ князь Хованскій передалъ главному управленію, что безнравственность бѣлорусскихъ крестьянъ римскаго обряда болѣе всего препятствуетъ приведенію ихъ въ лучшее состояніе, что невѣжество ихъ такъ велико, что они не знаютъ даже главнѣйшихъ христіанскихъ молитвъ; поэтому онъ просилъ пригласить духовенство ознакомить ихъ съ правилами вѣры и обучить хотя нѣкоторымъ молитвамъ. Только по настояніямъ правительства, приходскому духовенству

разныхъ людей къ подписанію бумагъ, или къ ложному показанію—горячими напитками и разрѣшеніемъ своимъ отъ грѣха; домогался большой платы за погребеніе умершихъ и совершеніе браковъ, такъ что прихожане, не бывъ въ состояніи удовлетворить его требованій, принуждены были погребать умершихъ не на приходскомъ общемъ кладбищѣ, но на частныхъ сельскихъ, безъ приличныхъ за упокой души молитвъ; если же кто вносилъ требованное имъ количество денегъ, то, вопреки постановленіямъ, погребалъ при самой церкви, находящейся среди города. Наконецъ Рупейко уговорился съ алтаристомъ лишить жизни пожаловавшагося на него, напалъ на этого человѣка съ подговоренными людьми, которые били его и мучили, и въ остервенѣніи вырывали тѣло его кусками, и только прибывшіе на помощь исторгли его окровавленнаго, изувѣченнаго и бездыханнаго. Въ лѣкарскомъ свидѣтельствѣ сказано, что у него отъ колѣнъ до самыхъ реберъ и по бокамъ черносинія полосы, на задней части тѣло совершенно разсѣчено и самая жизнь въ опасности.—Саратовской колоніи Екатериненштадта священникъ Войткевичъ жилъ съ женою шульмейстера; въ 1825 году коллегія велѣла за то перемѣстить его къ другому приходу.

было предписано объяснять народу догматы вѣры и читать необходимѣйшія молитвы, и были приведены на память постановленія о томъ тридентинскаго собора.

Не исполняя часто прямой своей обязанности, настоятели церковные еще менѣе могли заботиться объ обученіи состоявшихъ въ ихъ приходахъ дѣтей первоначальнымъ понятіямъ наукъ; приходскихъ школъ было мало. Въ этомъ дѣлѣ, какъ и въ высшемъ духовномъ воспитаніи, пришелъ на помощь духовенству не принадлежавшій къ его сословію почтенный Чацкій. Живя на Волыни, гдѣ основанъ имъ былъ извѣстный кременецкій лицей, которому онъ принесъ въ даръ свою замѣчательную библіотеку, Чацкій пользовался всеобщимъ уваженіемъ; это положеніе дало ему возможность получить въ 1803 году отъ духовенства луцкой епархіи письменное обязательство, что при каждой церкви будетъ содержаться имъ приходская школа, безъ означенія количества суммы. Въ слѣдующемъ 1804 году сосѣдній каменецкій епископъ Дембовскій, по просьбѣ и совѣтамъ Чацкаго, созвалъ въ Каменцѣ нѣсколько особъ изъ подвѣдомаго ему духовенства и склонилъ ихъ жертвовать на приходскія школы десятый грошъ изъ доходовъ духовныхъ. Чацкій написалъ проэктъ устава о приходскихъ школахъ, который въ 1807 году утвержденъ былъ правительствомъ. Для поощренія просвѣщенія и духовенства, показывавшаго къ нему сочувствіе, государь награждалъ латынскихъ духовныхъ за учрежденіе приходскихъ школъ и за всякаго рода попеченіе о нихъ ([1]). Но корыстолюбіе и

([1]) Въ 1810 году государь пожаловалъ брилліантовый перстень канонику Трещевскому, назначившему, по смерти своей,

необразованность духовенства не были побѣждены ни ревностію Чацкаго, ни покровительствомъ верховной власти дѣлу просвѣщенія: во многихъ приходахъ этихъ двухъ епархій приходскія школы заведены не были, оттого, что духовные отказывались отъ содержанія ихъ, или же платили неисправно. Въ 1817 году духовенство каменецкой епархіи снова обязалось открыть при каждой церкви для дѣтей обоего пола приходскія училища и принять на себя содержаніе ихъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ открыты уѣздныя училища, но размѣра ежегодной платы опредѣлить не хотѣло. Цѣль, которую имѣло при этомъ духовенство, была однако вовсе не та, къ которой стремился Чацкій; онъ старался распространить просвѣщеніе, а духовенство — вселить и укоренить съ младенческихъ лѣтъ ханжество и фанатизмъ. Главнѣйшее назначеніе дѣтей этихъ школъ состояло не въ томъ, чтобы они учились, а въ томъ, чтобы каждый праздникъ и торжество прислуживали священнику при священнодѣйствіи. Такія училища были скорѣе вредны, чѣмъ полезны; да и можно ли было ожидать содѣйствія просвѣщенію отъ епископа Мацкевича, вооружавшагося цитатами священнаго писанія противъ дипломовъ богословскаго факультета? Притомъ, даже и подобныя училища были исключеніемъ; говоря вообще, приходскихъ школъ немного учреждено было духовенствомъ.

Несмотря на значительные доходы латынскаго духовенства, правительство помогало ему изъ казен-

130 руб. сер. ежегодно на содержаніе приходскаго училища. Въ 1818 году настоятель шадовской церкви Рупейко награжденъ орденомъ св. Анны 3 степени за устройство приходскаго училища.

ныхъ средствъ въ поддержанiи и исправленiи церквей, даже въ столицѣ, гдѣ приходы богаты, въ содержанiи духовенства и т. п. (1).

Недостаточное обученiе въ семинарiяхъ иностраннымъ языкамъ, нужнымъ на священническихъ должностяхъ въ столицахъ и колонiяхъ, поставляло иногда правительство въ непрiятную необходимость выписывать духовныхъ изъ за границы, не имѣвшихъ понятiя ни о краѣ, куда они прiѣзжали, ни о прихожанахъ, съ которыми должны были имѣть дѣло; разумѣется, при порядочномъ устройствѣ семинарiй это не могло бы имѣть мѣста. Эти выписки иностранныхъ духовныхъ сопряжены были, кромѣ того, съ расходами для казны (2); да и несмотря на эти

(1) Въ 1802 году костелъ въ Выборгѣ починенъ былъ на счетъ казны. Въ 1814 году выдано было изъ казны на костелъ въ Смоленскѣ (построенъ въ 1755 г.) 7,000 руб. Въ томъ же году на поправку московской церкви св. апостоловъ Петра и Павла выдано 5,556 р. Въ 1815 году назначено изъ казны по 500 р. ежегодно на наемъ дома для богослуженiя въ Иркутскѣ. Въ 1818 году отданы подъ р. к. церковь казенныя каменныя строенiя въ мѣстечкѣ Толочинѣ, могилевской губернiи. Въ 1825 г. велѣно отпускать ежегодно по 600 р. священникамъ ревельскаго костела. На построенiе таганрогскаго костела употреблено было 20,666 р. изъ казенныхъ суммъ. Царскосельскому р. к. священнику отпускалось жалованье изъ казны по 1,500 р. въ годъ. 8 мая 1808 г. назначено было священнику псковскаго костела жалованья изъ казны по 300 р. въ годъ.

(2) Въ 1819 году призванъ былъ изъ Баварiи р. к. священникъ Игнатiй Линдль; онъ назначенъ одесскимъ пробощемъ и визитаторомъ новороссiйскихъ колонiй, на мѣсто аббата Николя. Ему дано было на обзаведенiе единовременно 2,000 руб., на содержанiе ежегодно 3,000 р. и на квартиру 1,000 р., кромѣ того 3,000 р. на дорогу и 2,000 р. на покупку экипажа. По его желанiю, велѣно было выписать для колонiй еще 7 священниковъ изъ за границы. Выписанному въ 1820 г. изъ Дюсельдорфа въ Петербургъ к. р. священнику Госнеру дано на обзаведенiе

пожертвованія, невсегда легко было достать достойныхъ людей, ибо такіе имѣли и въ своемъ отечествѣ хорошія бенефиціи, и не оставляли охотно свою родину, такъ что колоніи почти всегда нуждались въ священникахъ. За то немало было выходцевъ духовнаго званія изъ чужихъ странъ, не прошенныхъ гостей, которые, не обращая вниманія на постоянно дѣйствовавшій въ Россіи законъ, что никакой иностранный духовный не можетъ оставаться въ ней, не принявъ присяги на подданство, жили безъ дозволенія у помѣщиковъ западныхъ губерній, обучали ихъ дѣтей, а вмѣстѣ съ тѣмъ исправляли должность ихъ капеллановъ; нѣкоторые изъ нихъ были даже учителями въ духовныхъ и свѣтскихъ училищахъ. Эти люди не могли принести пользы церкви: ненужные у себя дома, они искали пристанища въ чужой странѣ; въ числѣ ихъ были и просто бѣглые, укрывавшіеся отъ наказаній.

2,000 р. и опредѣлено на содержаніе ежегодно по 3,000 р. и на квартиру по 2,000 р.

XII.

МОНАШЕСКІЕ ОРДЕНА ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

Монашескіе ордена, существовавшіе въ Россіи.—Ихъ упадокъ.— Безпорядочные нравы монаховъ. — Монахамъ недоставало истинно-монашескаго призванія. — Насильственныя мѣры къ вербованію и удержанію новичковъ. — Запустѣніе монастырей. — Во избѣжаніе закрытія пустыхъ монастырей, соединяютъ различныя провинціи и различные ордена подъ одно управленіе.—Соединеніе бенедиктиновъ съ цистерами, 1803 г. — Присоединеніе къ нимъ камальдуловъ, 1811. — Ссоры, возникшія вслѣдствіе этихъ соединеній.—Раздѣленіе орденовъ, имѣвшихъ наиболѣе монастырей, на двѣ провинціи: литовскую и русскую. — Подчиненіе бернардиновъ и кармелитовъ босыхъ литовскимъ провинціаламъ, 1816.— Соединеніе двухъ провинцій въ одну—францисканов, 1819, и кармелитовъ, 1820.—Невѣжество монаховъ.—Напрасныя усилія князя Чарторижскаго и Чацкаго распространить между ними просвѣщеніе и употребить ихъ на народное образованіе. — Женскіе воспитательные монашескіе ордена. — Единственно полезные ордена — братья и сестры милосердія и рохиты.—Подчиненіе монастырскихъ богадѣлень надзору правительства.

Монашескія сословія были многочисленны въ западной Россіи; тамъ было 30 различныхъ орденовъ, именно, — мужскіе: доминикане, піары, миссіонеры, августіане, бернардины, францискане, кармелиты

древнихъ правилъ, кармелиты босые, тринитары, реформаты, капуцины, каноники латеранскіе, каноники регулярные отъ покаянія, цистеры, маріане, бенедиктины, рохиты (1), бригиды, бонифратры, камальдулы, картузы;—женскіе: доминиканки, бернардинки, кармелитки, маріавитки, бенедиктинки, цистерки, бригидки, визитки и сестры милосердія (2). Число монастырей было весьма значительно; въ нѣкоторыхъ епархіяхъ приходскія церкви едва превышали количество монастырей; такъ напримѣръ въ епархіи луцкой на 65 приходскихъ церквей было 54 монастыря (3). Монашествующаго духовенства было болѣе, нежели бѣлыхъ священниковъ (4). Итакъ, сколько сѣятелей слова Божія! И ничто имъ въ томъ не мѣшало. Всѣ эти ордена управлялись на основаніи своихъ правилъ, всѣ они, сходственно съ римскими постановленіями, изъяты были изъ подъ власти мѣстныхъ епископовъ, и завѣдывались избранными ими самими провинціалами (5), и хотя сношенія съ заграничными генералами запрещались, но они всегда дѣлались, почему всѣ орденскія по-

(1) Рохиты имѣли въ западныхъ губерніяхъ 13 обителей.

(2) О монашескихъ орденахъ главной изъ епархій, виленской, съ историческими о нихъ свѣдѣніями см. въ приложеніи 19-мъ.

(3) Въ минской епархіи было 73 церкви и 46 монастырей; въ виленской епархіи—316 церквей и 126 монастырей.

(4) Въ 1818 году въ пяти епархіяхъ: самогитской, минской, луцкой, виленской и могилевской, считалось бѣлаго духовенства 1,635 человѣкъ, а монашествующаго 1,763, именно: въ самогитской — бѣлаго духовенства 474 ч., монашествующаго 132; въ минской — бѣлаго 164, монашествующаго 489; въ луцкой—бѣлаго 165, монашествующаго 393; въ виленской—бѣлаго 551, монашествующаго 1,427; въ могилевской—бѣлаго 281, монашествующаго 422.

(5) Это подтверждено было въ 1803 и 1804 гг. Полн. собр. зак. т. XXVII, № 21033; т. XXVIII, №№ 21160 и 21193.

становленія могли соблюдаться, ибо правительство никогда не мѣшалось во внутреннее монастырское устройство. Большая часть монастырей были богаты: они владѣли нѣсколькими десятками тысячь душъ крестьянъ и большими капиталами.

Однако, при всемъ размноженіи своемъ, со всѣми огромными способами, при устраненіи правительства отъ всякаго вліянія, монашескіе ордена пришли въ совершенный упадокъ; вмѣсто украшенія церкви, они сдѣлались ея позоромъ: монастыри представляли притонъ роскоши, разврата, бѣглецовъ и преступниковъ. Чтобы читатель могъ вѣрнѣе составить себѣ о нихъ понятіе, приведемъ изъ тысячи примѣровъ хотя нѣсколько; историческіе факты всегда убѣдительнѣе общихъ заключеній, потому что они несомнѣнны.

Въ 1811 году въ пожарахъ, происшедшихъ лѣтомъ, въ западныхъ губерніяхъ, замѣшаны были многіе латынскіе монахи; они были уличены въ пристанодержательствѣ и поджогахъ, и нѣкоторые сами сознались въ сочиненіи фальшивыхъ билетовъ и печатей съ подписью подъ руку епископовъ, въ непристойныхъ разговорахъ на счетъ религіи и въ побѣгахъ изъ монастырей съ намѣреніемъ пробраться за границу (²). Въ 1820 году отысканъ былъ полиціею бѣжавшій подпрапорщикъ лейбъ-гвардіи измайловскаго полка Пацевичь, разжалованный въ ря-

(¹) Производившій по этому дѣлу слѣдствіе генералъ-лейтенантъ Ертель писалъ къ кн. Голицыну отъ 21 декабря 1811 года: «должностью поставляю подтвердить изъ опытовъ, что въ католическихъ монастыряхъ скрываются злоупотребленія и много укрывается заграничныхъ бродягъ». Посланный государемъ для окончанія этого слѣдствія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Розенкампфъ повторилъ то же самое.

довые за воровство, который подъ разными именами скрывался въ виленскихъ монастыряхъ, принятъ былъ тамъ въ духовное званіе и продолжалъ производить воровства, составлялъ фальшивые паспорты и документы. Въ 1822 году открылись въ купинскомъ кармелитскомъ монастырѣ, каменецкой епархіи, бѣглецы изъ царства польскаго, — монахи Гилевскій и Пастушевскій. Настоятель этого монастыря доносилъ, что эти выходцы таскаются по непотребнымъ мѣстамъ, дерутся съ монастырскими служителями, такъ что нѣкоторыхъ изъ нихъ изувѣчили, что монашеское общество, живя съ людьми, не имѣющими въ себѣ ничего монашескаго, въ совершенномъ разстройствѣ, не повинуется ни духовной, ни гражданской власти, что онъ опасается за свою жизнь, и проситъ, чтобы освободили его отъ такихъ монаховъ.

Епархіальные епископы и коллегія подтверждали то же самое. Въ 1816 году митрополитъ писалъ о бернардинахъ русской провинціи, что «они закоснѣли въ дурныхъ склонностяхъ, и что почти всѣ находились подъ судомъ консисторіи, такъ что великое настоитъ затрудненіе избирать изъ сего ордена способнаго и достойнаго провинціала». Въ 1818 году коллегія представляла, что монахи ордена миссіонеровъ безпрестанно отлучаются самовольно, и потому едва исполняютъ духовныя обязанности, что нѣкоторые изъ нихъ, получивъ приходы, забравъ съ собою все миссіонерское имущество и присвоивъ его себѣ, оставили орденъ, что многіе, находившіеся учителями въ семинаріяхъ и уѣздныхъ училищахъ, бросивъ свои должности безъ вѣдома начальства, вышли изъ ордена, нѣкоторые же, по приказанію

визитатора, переѣзжая изъ одного монастыря въ въ другой, и имѣя довольно монастырскихъ денегъ, заѣхавъ къ приходскимъ священникамъ, оставались тамъ безъ возврата. Въ томъ же году коллегія доносила, что между немногочисленною братіею березскаго картузіанскаго монастыря происходятъ такіе несогласія, раздоры и безпорядки, что не остается никакой надежды водворить въ немъ благочиніе, что для управленія этимъ монастыремъ назначались даже особыя коммиссіи, но и онѣ не могли ничего сдѣлать, и что потому слѣдуетъ закрыть монастырь. Въ 1819 году благочестивый луцкій епископъ Цѣцишевскій доносилъ коллегіи, что состоящіе въ его епархіи францисканскіе монастыри находятся въ бѣдственномъ положеніи, что онъ прилагалъ всевозможное стараніе, дабы монастыри эти соотвѣтствовали духовному званію и предназначенію основателей ихъ, но граматы его къ нимъ, увѣщанія и предложенія провинціаламъ не имѣли никакого дѣйствія, что монаховъ съ дарованіями въ нихъ почти вовсе нѣтъ, а науки заброшены. Тотъ же епископъ, въ слѣдующемъ 1820 году, представлялъ, что монастыри кармелитскаго ордена древнихъ правилъ въ русской провинціи, отъ недостатка образованныхъ монаховъ и упадка наукъ, находятся въ разстроенномъ состояніи. — Ограничимся этими свидѣтельствами; кажется, они достаточны для того, чтобы составить себѣ понятіе о томъ, каковы были монастыри.

Монахи, воспитанные въ такомъ духѣ, переносили съ собою тѣ же недостатки и слабости, при опредѣленіи ихъ къ приходскимъ должностямъ. Вотъ примѣры. Въ 1815 году тайный совѣтникъ графъ Северинъ Осиповичь Потоцкій жаловался князю Голи-

цыну, что онъ не можетъ достать порядочныхъ священниковъ для католической церкви въ его имѣніи, недалеко отъ Одессы, что онъ пробовалъ приглашать доминикановъ изъ тульчинскаго монастыря, но что они были одинъ хуже другаго, и послѣднiй на оргiи убилъ человѣка ([1]). Въ 1820 году саратовскiй суперъ-интендентъ Феслеръ писалъ князю Голицыну: «полезны ли будутъ колонистамъ монахи, ежедненно пьяные и съ такою испорченностiю нравовъ, каковой никогда не видывалъ народъ? Я самъ знаю двухъ таковыхъ, — кармелита въ каменскомъ приходѣ и доминиканина, который только три дня тому назадъ прiѣхалъ сюда совершенно пьяный, и вчера опять въ такомъ же положенiи принималъ на исповѣдь. Мнѣ подробно и основательно извѣстно монастырское воспитанiе нищенскихъ монаховъ въ прежнихъ польскихъ провинцiяхъ; ибо я пять лѣтъ жилъ въ австрiйской Польшѣ, нѣсколько разъ проѣзжалъ по оной. Воспитанiе это отнюдь не способно къ образованiю годныхъ священниковъ, и между сотнями монаховъ, которыхъ зналъ, не находилъ я ни одного, котораго можно бы было, не согрѣшивъ предъ Богомъ, поставить пастыремъ душъ». Визитаторъ новороссiйскихъ колонiй также жаловался,

([1]) Отъ 25 iюля 1815 года Потоцкiй писалъ: «Forcé donc à chercher parmi les Dominicains du couvent de Tulczyn, comme le moins éloigné, j'en ai pris plusieurs les uns après les autres, mais suis toujours tombé de mal en pis, au point que le dernier a fini par tuer un homme dans une orgie. Vous pouvez imaginer, mon prince, le mauvais effet d'un pareil scandale dans un pays à demi sauvage, dont les habitants, déjà trés-mal choisis en général et trés-immoraux, ne sont que trop portés à devenir une race vraiment détestable, faute de moyen d'éducation pour leurs enfants et de curés vraiment dignes de ce saint ministère pour eux-mêmes».

что доминикане пьянствуютъ постоянно, что нѣкоторые изъ нихъ рѣшительно каждый день пьяны. Весьма частыя ссоры монаховъ съ синдиками (тамъ, гдѣ синдики при церквахъ полагались) также немало мѣшали церковному благоустройству.

Вотъ до какого положенія доведены были монастыри и монахи соблюденіемъ римскаго постановленія объ изъятіи монашескихъ орденовъ изъ зависимости отъ епархіальныхъ начальниковъ. Совершенно уже разстроенные при польскомъ владычествѣ, монастыри нуждались въ твердой, нераздробленной власти, которая одна могла искоренить тѣ неимовѣрныя злоупотребленія, которыя пріютились въ стѣнахъ монастырскихъ; ихъ нужно было не только исправить, но пересоздать,—Сестренцевичь это понималъ, но польза церкви принесена была въ жертву римскому эгоизму и упрямству. Вмѣсто шести епископовъ, осталось тридцать орденскихъ начальствъ, выбираемыхъ распутными монахами и ни отъ кого независимыхъ. Въ ихъ рукахъ было болѣе половины всего латынскаго духовенства имперіи. Были ордена, имѣвшіе только по одному монастырю, какъ напримѣръ, почаевскій камальдульскій и березскій картузскій, въ которомъ было три монаха; и такой монастырь тоже составлялъ особое управленіе, провинцію, какъ-бы отдѣльное вѣдомство! Возможно ли изъ трехъ человѣкъ избрать начальниковъ, такъ чтобы за симъ оставались подчиненные?

И въ какое время такое распущенное самоуправленіе монастырей? Въ вѣкъ, когда расположеніе къ затворнической жизни почти исчезло, когда, при недостаткѣ людей, изъ коихъ можно было бы сдѣлать выборъ, въ монашескія сословія принимались всѣ тѣ,

которые пожелали бы вступить въ нихъ, не обращая вниманія ни на ихъ качества, ни на то, есть или нѣтъ у нихъ призваніе къ трудной иноческой жизни. Бо́льшая часть монаховъ приведена была къ постриженію расчетомъ, легкостію добыть въ орденѣ не только кусокъ насущнаго хлѣба, но и матеріальное довольство. Имѣвшіе что-нибудь рѣдко соблазнялись приманкою монастырскихъ богатствъ; такъ въ виленской епархіи изъ 1,025 монаховъ было только 80 дворянъ, а изъ 302 монахинь только три дворянскаго происхожденія. Для продолженія своего существованія, монашескіе ордена нерѣдко привлекали въ свое сословіе хитростію, обманомъ, а удерживали въ немъ силою дѣтей, не понимавшихъ, чтò они дѣлаютъ. Могли ли такіе монахи соотвѣтствовать впослѣдствіи своему сану? Оставимъ здѣсь мѣсто говорить тѣмъ, которые или сами прошли чрезъ эти соблазны, или видѣли ихъ близко,— они введутъ насъ въ тогдашніе монастыри и покажутъ намъ ихъ бытъ, ихъ внутреннюю жизнь. «Двѣнадцати лѣтъ оставшись сиротою», писалъ въ 1811 году шляхтичь Островскій въ прошеніи государю «я продолжалъ учиться въ пинскихъ школахъ; тамъ былъ я обласканъ доминиканиномъ Саковскимъ, который послалъ меня въ 1800 году съ рекомендательнымъ письмомъ къ доминиканскому настоятелю Мардосевичу. Этотъ принялъ меня ласково, оставилъ при себѣ въ монастырѣ и присовѣтовалъ, для единообразія монастырскаго, одѣться въ платье ихъ ордена и участвовать иногда при богослуженіи. Хотя меня удалили отъ всякаго соприкосновенія съ людьми, но въ 16 лѣтъ я самъ ясно увидѣлъ, что они хотятъ сдѣлать изъ меня монаха; сталъ я на это

жаловаться, просилъ, чтобы меня выпустили; но опытный на подобные случаи пріоръ думалъ меня разсѣять, и послалъ меня въ другой доминиканскій монастырь. Перемѣна мѣста на меня не подѣйствовала; напротивъ, принужденіе еще болѣе отвратило меня отъ монашеской жизни; тогда доминикане насильно заперли меня въ монастырѣ; и такъ я пробылъ тамъ пять лѣтъ, пока оттуда не удалось убѣжать и избавиться отъ жизни, которая не можетъ быть угодна Богу и безполезна ближнимъ».

Въ томъ же 1811 году нѣкто Бережницкій и жена его писали князю Голицыну: «монахини каменецкаго монастыря доминиканокъ подговорили тринадцатилѣтнюю дочь нашу къ монашеству и насильно отняли ее у матери. Когда гражданское начальство въ это вмѣшалось, онѣ выслали ее тайно въ гродецкій монастырь, а потомъ также потихоньку привезли ее опять въ Каменецъ, запретили видѣться съ отцомъ и матерью, и одѣли въ монашеское платье, а потомъ, несмотря на наше сопротивленіе, заставили ее произнести монашескіе обѣты. Встревоженная дѣвочка захворала, съ ней стали дѣлаться судороги и припадки. Монахини думали сначала, что она притворяется бѣсноватою, и стали сѣчь ее розгами; когда же увѣрились, что она дѣйствительно больна, вмѣсто доктора пригласили къ ней духовника и приставили къ ней монахиню Подлесецкую съ кропиломъ и крестомъ, чтобы она изгоняла изъ нея дьавола. Только когда ребенокъ былъ уже при смерти, онѣ дозволили ей видѣться съ своею матерью; та, только взошла въ ея келлію, упала въ обморокъ. Но изъ монастыря дѣвочку не выпустили; оправившись немното отъ болѣзни, она задумала

было бѣжать, но не рѣшившись на это, подала просьбу каменецкому епископу Дембовскому объ увольненіи ея отъ монашескихъ обѣтовъ; въ этой просьбѣ она разсказала все, что съ ней дѣлали монахини. Епископъ нарядилъ слѣдствіе; тогда доминиканки, чтобы прекратить дѣло, увѣрили ее, что отецъ ея сосланъ въ Сибирь, а мать умерла, что значитъ ей дѣться некуда. Въ то же время настоятель мужскаго доминиканскаго монастыря Музеръ, стращая ее розгами и тюрьмою, принудилъ ее написать отреченіе отъ своей просьбы. На дѣвочку наложена была четырехнедѣльная эпитимія, ее посадили въ холодную келлію, не давали ни свѣчь, ни дровъ, на дверяхъ ея комнаты написали образъ дьявола, отняли монашеское платье, а въ замѣнъ его не дали порядочнаго свѣтскаго, и заставляли чистить нужныя мѣста. Два года терпѣла она всѣ эти мученія, наконецъ убѣжала изъ монастыря; но такъ какъ ее продолжали преслѣдовать, то она должна была скитаться подъ чужимъ именемъ, и скрываться въ чужихъ домахъ, скирдахъ и ямахъ». Долго тянулось дѣло; наконецъ коллегія предписала освободить отъ монашескихъ обѣтовъ эту несчастную жертву фанатизма, и обвинила доминиканокъ.

Подобными средствами не могли однако монастыри пополняться успѣшно. Во многихъ обителяхъ было по пяти, четыре и по три монаха, которые продолжали пользоваться монастырскими имѣніями, и нерѣдко жили въ праздной роскоши, какъ богатые вотчинники; такъ три монаха березскаго картузскаго монастыря употребляли на свое содержаніе доходы съ 1,395 душъ крестьянъ въ виленской губерніи и 63 тысячи рублей серебр. капитала; пять монаховъ

винницкаго доминиканскаго монастыря (подольской губерніи) имѣли для своего помѣщенія 60 комнатъ, и т. п. Довольно было монастырей только съ двумя монахами. Въ 1818 году ихъ считалось въ епархіяхъ: самогитской—два, минской — два, луцкой— семь, виленской—одиннадцать. Въ одномъ доминиканскомъ манастырѣ луцкой епархіи и одномъ францисканскомъ виленской епархіи было даже по одному монаху. Наконецъ монастырь бригидовъ въ луцкой епархіи былъ совершнно пустъ, и все-таки продолжалъ существовать. Въ западномъ краѣ всего болѣе было монастырей доминиканскихъ, — около ста (1), но они были наименѣе полны: изъ 13-ти монастырей этого ордена въ луцкой епархіи только въ одномъ было достаточное число монаховъ. Обращая вниманіе коллегіи на разительное уменьшеніе сословія монашествующихъ орденовъ, митрополитъ въ 1821 году указалъ на доминикановъ русской провинціи, въ обителяхъ коихъ по визитамъ послѣднихъ годовъ уже вовсе не показывалось число монашествующихъ, потому что ихъ безпрестанно переводили изъ одного монастыря въ другой, чтобы хотя для виду показать, что кто-нибудь въ нихъ живетъ. Изъ 14-ти монастырей канониковъ регулярныхъ отъ покаянія, въ виленской губерніи, только въ одномъ было семь монаховъ, во всѣхъ остальныхъ меньше, а въ шести монастыряхъ только по два монаха. Однимъ словомъ, *бóльшая часть* латынскихъ монастырей не имѣла надлежащаго состава (2); и всѣ такія

(1) Подробности о доминиканскихъ монастыряхъ см. въ приложеніи 20-мъ.

(2) Въ епархіяхъ: виленской, минской, луцкой и самогит-

обители, на основанiи каноническихъ законовъ (1), подлежали упраздненiю: по силѣ римскихъ постановленiй, только въ четырехъ епархiяхъ — самогитской, минской, луцкой и виленской слѣдовало закрыть 141 монастырь (2). И несмотря на это, всѣ эти монастыри существовали, праздные монахи жили въ довольствѣ и изобилiи, а народъ латынской вѣры смотрѣлъ на это запустѣнiе иноческихъ обителей, на этотъ упадокъ отшельнической жизни и церкви. Когда, для блага духовнаго просвѣщенiя, правительство обратило нѣсколько бенефицiй на содержанiе главной семинарiи и ея профессоровъ, духовенство кричало противъ нарушенiя правъ собственности, какъ оно называло это измѣненiе назначенiя такихъ имѣнiй; когда же болѣе половины монастырей оставались въ явное нарушенiе каноновъ церкви, то же духовенство молчало и жило на счетъ имѣнiй, коими пользоваться уже не имѣло права. Каноническiе законы всегда выставлялись и исполнялись въ точности духовными лицами, когда это для нихъ было выгодно, и откладывались въ сторону въ тѣхъ случаяхъ, когда было бы убыточно или непрiятно имъ слѣдовать. Потому-то нерѣдко бѣлое духовенство владѣло нѣсколькими бенефицiями, чтò строго запрещено тридентинскимъ соборомъ; потому же самому столько запустѣлыхъ монастырей стояло въ литовскомъ краѣ, и столько ненужныхъ монаховъ корми-

ской было всего 241 монастырь; изъ нихъ 141 не имѣли предписаннаго канонами состава.

(1) По постановленiямъ тридентинскаго собора, монашеская обитель, въ которой менѣе 8 монаховъ, должна быть закрыта.

(2) Именно монастырей, имѣвшихъ менѣе 8 монаховъ, было въ 1818 году: въ епархiи самогитской 8, въ минской 31, въ луцкой 34 и въ виленской 68.

лось трудами крѣпостныхъ ихъ крестьянъ и расточало церковную собственность.

Духовенство заботилось не о томъ, чтобы возстановить монашескую дисциплину, очистить нравы монашествующихъ, а только о томъ, чтобы сохранить монастырскія имѣнія; еслибъ излишніе монастыри были закрыты, то и имѣнія ихъ были бы отобраны, за неимѣніемъ владѣльцевъ. Съ этою-то цѣлію дѣлались соединенія между нѣкоторыми упавшими орденами или провинціями того же ордена подъ одно управленіе, чтобы помѣстить хотя по одному или по два монаха въ каждый монастырь, и чтобы было изъ кого выбирать начальствующихъ лицъ. Въ 1803 году бенедиктины и цистеры, имѣвшіе по три монастыря, составили одну конгрегацію, сохранивъ правила своего ордена, подъ управленіемъ общаго начальника, избираемаго каждые три года на капитулѣ обоихъ орденовъ попеременно то изъ одного, то изъ другого ордена; въ помощь ему назначался, также по избранію, визитаторъ, и притомъ такъ, что если начальникъ конгрегаціи былъ изъ бенедиктиновъ, то визитаторъ долженъ быть изъ цистеровъ, и наоборотъ, чтобы не дать перевѣса одному ордену надъ другимъ. По сходству съ институтами этихъ орденовъ присоединены были къ нимъ въ 1811 году пожайскіе камальдулы, которыхъ было всего шесть человѣкъ; въ монастырѣ ихъ не было ни монашескаго, ни хозяйственнаго порядка, а между тѣмъ они владѣли 300 душами крестьянъ и капиталомъ въ 20 тыс. руб. сер. Впосдѣдствіи причислены были къ той же конгрегаціи березскіе картузы [1].

[1] Березская картузія учреждена въ 1650 году подканцлеромъ великаго княжества литовскаго Львомъ Казиміромъ Сапѣгою.

Это смѣшеніе различныхъ орденовъ порождало частыя неудовольствія, жалобы, даже дѣлало необходимымъ производство слѣдствій: цистеры и бенедиктины, превосходившіе числомъ камальдуловъ и картузовъ, брали надъ ними верхъ, облагали ихъ бо́льшими сборами въ общихъ складкахъ; ордена ссорились между собою, просили раздѣлить ихъ и оставить попрежнему отдѣльно, и т. п. Въ 1821 году рохиты соединены были съ бонифратрами (1). Монашескіе ордена, имѣвшіе наиболѣе монастырей, какъ то: доминикане, францискане, бернардины (2), кармелиты и проч. раздѣлялись обыкновенно въ западной Россіи на двѣ провинціи, — литовскую и русскую; предѣлы провинціи одного ордена не совпадали вполнѣ съ границами провинцій другаго ордена; но по большей части литовская провинція заключалась въ губерніяхъ: могилевской, витебской, минской, виленской, гродненской и бѣлостокской области; а русская провинція — въ кіевской, волынской и подольской губерніяхъ. Монастыри разныхъ орденовъ въ русской провинціи были, вообще говоря, въ худшемъ положеніи, чѣмъ въ литовской, и по естественной причинѣ: многіе изъ нихъ, какъ мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, основаны были не вслѣдствіе нуждъ исповѣдниковъ латынской вѣры, а для распространенія латынства между православнымъ народомъ этихъ странъ; потому нерѣдко они стояли, какъ-бы отдѣленные, одни, среди жителей

(1) Гр. *Ев. Тышкевича* Wiadomość historyczna o zgromadzeniach i fundacyach r. kat. klasztórow w dyecezyi Wileńskiej. Wilno. 1858. p. 26.

(2) Свѣдѣнія о бернардинскихъ монастыряхъ см. въ приложеніи 21-мъ.

иного исповѣданія, и все болѣе и болѣе упадали нравственно и числительно въ своемъ составѣ. Чтобы такіе монастыри не уничтожились вовсе, какъ бы это слѣдовало и по каноническимъ правиламъ и по здравому смыслу, духовное начальство не находило иного способа ихъ сохранить и пополнить, какъ соединяя обѣ провинціи ордена въ одну: тогда изъ провинціи, гдѣ монаховъ было больше, можно было переводить въ ту, гдѣ монастыри оставались почти пустыми. По такимъ побужденіямъ въ 1816 году бернардинскіе монастыри русской провинціи, въ коихъ едва было по два монаха въ каждомъ ([1]), и кармелиты босые той же провинціи подчинены были литовскимъ провинціаламъ этихъ орденовъ; въ 1819 году русская и литовская провинціи францисканскаго ордена ([2]) соединены были подъ одно орденское начальство, съ уничтоженіемъ дѣленія на провинціи; а въ слѣдующемъ 1820 году слиты были въ одно управленіе литовская и русская провинціи кармелитскаго ордена древнихъ правилъ ([3]). Всѣ эти искусственныя поддержки обезлюдѣвшихъ монастырей не могли упрочить ихъ будущности; онѣ удерживали за ними только имѣнія, охраняя ихъ существованіе; но

([1]) Русская бернардинская провинція состояла изъ 11 монастырей, изъ коихъ въ луцкой епархіи было 8, въ каменецкой 2 и въ виленской одинъ. Въ литовской бернардинской провинціи находилось 31 мужскихъ монастырей, именно: въ могилевской епархіи 9, въ виленской 9, въ минской 9 и въ самогитской 4, и женскихъ монастырей 7, изъ коихъ въ виленской 6 и въ минской одинъ.

([2]) Францисканскихъ монастырей было 41: 30 въ литовской провинціи и 11 въ русской.

([3]) Монастырей кармелитовъ древнихъ правилъ было 29: 20 въ литовской провинціи и 9 въ русской. — Списки кармелитскихъ монастырей см. въ приложеніяхъ 22 и 23-мъ.

жизнь иноческая не согласовалась вовсе съ тою цѣлію, для которой ордена эти были учреждены, — была независимость, были богатства, но не было призванія. Монахи убѣгали изъ монастырей; изъ одной виленской епархіи бѣжало, въ царствованіе Александра, болѣе ста монаховъ въ царство польское, чтобы тамъ получить секуляризацію.

За исключеніемъ немногихъ орденовъ, какъ то: піаровъ, миссіонеровъ, монахи вообще были весьма невѣжественны. Обратившіе всѣ свои усилія на просвѣщеніе духовное, польскіе патріоты князь Чарторижскій и Чацкій думали вывести ихъ изъ этого положенія умственнаго застоя и даже употребить духовенство на образованіе народное, но это было напрасно. Въ актъ учрежденія главной семинаріи введено было постановленіе, что черезъ десять лѣтъ въ званіе монастырскихъ настоятелей, проповѣдниковъ, учителей въ монастырскихъ школахъ и провинціаловъ могутъ быть назначаемы только тѣ монахи, которые кончили курсъ въ виленскомъ университетѣ, или по крайней мѣрѣ получили отъ него свидѣтельство о своихъ познаніяхъ. По замѣченной необразованности учителей монастырскихъ училищъ въ виленскомъ учебномъ округѣ, вмѣнено имъ было въ 1813 году въ обязанность держать предварительные экзамены въ гимназіяхъ. Но всѣ заботы объ обращеніи монастырей на пользу общую остались тщетными, постановленія объ экзаменахъ не соблюдались, и монахи не показывали никакого желанія учиться. Къ сожалѣнію, зная весьма мало сами, и имѣя какъ-бы отвращеніе отъ просвѣщенія, они не отказывались учить другихъ. Нѣкоторые монастыри содержали школы, замѣнявшія уѣздныя училища;

сначала такихъ школъ было 43 ([1]), да по настоянію Чацкаго предположено было (хотя въ точности и не исполнилось) открыть еще 48 училищъ въ губерніяхъ кіевской, подольской и волынской ([2]). Чацкій очевидно полагалъ на монаховъ такія надежды, которыхъ они оправдать не могли, да и *не хотѣли*; онъ чистосердечно находилъ возможнымъ

([1]) Именно, піары содержали 12 школъ, доминикане 9, францискане 2, тринитары 2, бернардины 5, кармелиты 3, каноники регулярные 4, августіане 1 и миссіонеры 5.—Графъ *Евстафій Тышкевичъ* приводитъ слѣдующій списокъ уѣздныхъ училищъ, которыя въ 1807 году содержали монахи въ виленскомъ учебномъ округѣ:

въ виленской губерніи:

1. въ Ковнѣ францискане.
2. — Вилькомірѣ піары.
3. — Трашкунахъ бернардины.
4. — Тельшахъ бернардины.
5. — Кальваріи доминикане.
6. — Россіенахъ піары.
7. — Датновѣ бернардины.
8. — Крожахъ кармелиты.
9. — Побудиссѣ базиліане.
10. — Поневѣжѣ піары.
11. — Меречѣ доминикане.
12. — Видзахъ каноники регулярные.
13. — Борунахъ базиліане.

въ гродненской губерніи:

14. — Гроднѣ доминикане.
15. — Новогрудкѣ доминикане.
16. — Лидѣ піары.
17. — Щучинѣ піары.
18. — Лысковѣ миссіонеры.
19. — Слонимѣ каноники регулярные.
20.— Жировицахъ базиліане.
21. — Брестѣ базиліане.

въ минской губерніи:

22. въ Любешовѣ піары.
23. — Пинскѣ францискане.
24. — Березвечѣ базиліане.
25. — Лужкахъ піары.

въ волынской губерніи:

26. — Владимірѣ базиліане.
27. — Любарѣ базиліане.
28. — Овручѣ базиліане.
29. — Мендзиржечѣ піары.
30. — Данбровицѣ піары.

въ подольской губерніи:

31. — Барѣ базиліане.

въ кіевской губерніи:

32. — Каневѣ базиліане.
33. — Уманѣ базиліане.

въ могилевской губерніи:

34. — Могилевѣ іезуиты.
35. — Мстиславлѣ іезуиты.
36. — Оршѣ іезуиты.
37. — Толочинѣ базиліане.
38. — Полоцкѣ іезуиты.
39. — Динабургѣ іезуиты.
40. — Забялахъ доминикане.
41. — Ушачѣ доминикане.

(Wiadomść historyczna o zgromadzeniach i fundacyach r. k. klasztórow w dyecezyi Wileńskiej. Wilno. 1858. p. 171—173).

([2]) См. приложеніе 24-е.

сдѣлать изъ нихъ орудіе народнаго воспитанія, распространителей просвѣщенія, мечталъ въ нѣкоторыхъ монастыряхъ устроить метеорологическія наблюденія и поставить монаховъ на степень современной образованности: это было заблужденіе человѣка, желавшаго добра. Женскихъ воспитательныхъ монашескихъ орденовъ было всего болѣе въ Вильнѣ; тамъ содержали дѣвичьи училища маріавитки, визитки, бенедиктинки, св. михайловскія и заречскія бернардинки и визитки въ предмѣстіи города, называемомъ Субочъ. Въ остальныхъ мѣстахъ западнаго края воспитаніемъ дѣвицъ занимались преимущественно маріавитки: въ 17 монастыряхъ ихъ находилось до 500 дѣвочекъ. Нѣкоторые монастыри сестеръ милосердія также имѣли школы, гдѣ обучались дѣти обоихъ половъ; были училища и при другихъ женскихъ монастыряхъ, но какъ исключенія; такъ въ 1819 году дозволено было открыть училище каменецкимъ доминиканкамъ, и т. п. Сравнивая число монастырскихъ училищъ съ общимъ числомъ монастырей, найдемъ, что ихъ было весьма немного; но сожалѣть объ этомъ нечего. Задачею, цѣлію ученія монашескія сословія поставляли вовсе не воспитаніе, а приготовленіе дѣтей къ своимъ фанатическимъ видамъ: съ юныхъ лѣтъ они вели ихъ по этому пути; а училища, точно такъ, какъ и новиціаты, были первымъ шагомъ къ монашеству; за недостаткомъ людей, желавшихъ посвятить себя иноческой жизни, монашескія сословія пополнялись изъ этихъ школъ, привлекая въ свой составъ обольщеніемъ юношей, не отдававшихъ себѣ отчета въ томъ, что̀ дѣлали, раскаявавшихся, когда уже было поздно, и дѣлавшихся монахами только по одѣянію.

Правительство не наученное еще опытомъ, смотрѣло на этотъ предметъ иначе: оно старалось размножить монастырскія училища, и побудить монахинь заводить женскіе пансіоны, поставляя въ обязанность коллегіи «всячески поощрять къ таковымъ достохвальнымъ трудамъ, служащимъ на пользу общества».

Наиболѣе, и даже можно сказать, единственно полезными орденами были тѣ, которые, по своимъ уставамъ, занимались призрѣніемъ немощныхъ и убогихъ, именно: братья и сестры милосердія и рохиты. Но ихъ всего было 17 монастырей, призрѣвавшихъ не болѣе 600 человѣкъ: 9 монастырей сестеръ милосердія (1), 4 рохитовъ (2) и 4 братьевъ милосердія (3). Правда, что ко многимъ монастырямъ и церквамъ приписаны были недвижимыя имѣнія и капиталы для содержанія богадѣлень; но впослѣдствіи времени эти денежныя средства смѣшаны были произвольно съ прочими духовными имѣніями, и употребленіе ихъ совсѣмъ измѣнилось. Мѣста при монастыряхъ, долженствовавшія быть единственно пристанищемъ неимущихъ, опустѣли, или закрыты были отъ нихъ связями родства духовныхъ; тамъ, гдѣ и были богадѣльни, никому, кромѣ духовенства, не было извѣстно, въ какой мѣрѣ вы-

(1) Въ Краславѣ (витебской губерніи), въ м. Освеѣ (могилевской епархіи), въ Житомірѣ, въ Грудкѣ (каменецкаго уѣзда), въ Бѣлостокѣ, и три монастыря сестеръ милосердія въ Вильнѣ. Въ 1824 году, по ходатайству епископа Цѣцишевскаго, государь пожаловалъ житомірскимъ сестрамъ милосердія имѣніе—Ключь Вильскій.

(2) Въ Ольсядахъ (тельшевскаго уѣзда), въ Ворняхъ (того же уѣзда), въ Минскѣ и въ Вильнѣ.

(3) Въ Луцкѣ, въ Минскѣ и два въ Вильнѣ.

полнялась воля ихъ основателей; при другихъ же монастыряхъ примѣтны были только избы, въ которыхъ когда-то находились богадѣльни, такъ что совершенно неимущіе и требовавшіе помощи оставались безъ призрѣнія. Отъ 14 іюня 1805 года минскій губернаторъ представлялъ: «гражданскому правительству извѣстно токмо о недвижимыхъ имѣніяхъ монастырямъ и церквамъ принадлежащихъ, а для каковаго предмета даны имъ оныя, равномѣрно о всякихъ денежныхъ капиталахъ, о употребленіи ихъ и прочемъ, что̀ могло бы показывать: выполняютъ ли духовные обязанность, возложенную на нихъ по разнымъ заведеніямъ, свѣдѣній не получаютъ. Но ежели бы дозволено было о таковыхъ при монастыряхъ и церквахъ учрежденныхъ заведеніяхъ вѣдать и гражданскому мѣстному правительству, то ближе всего надлежало бы обязанность сію возложить на приказы общественнаго призрѣнія, выключая училищъ, по новому о нихъ установленію, относящихся до гимназій и университета. Приказы, истребовавъ отъ монастырей и церквей всѣ надобныя по части сей свѣдѣнія, сдѣлали бы общее распоряженіе, не нарушая тѣхъ правилъ, на которыхъ заведенія основаны, но токмо дополнили, что̀ къ тому было бы еще нужно, по недостатку, или согласно настоящему, а не польскому уже правительству, и съ утвержденія высшаго начальства приступили бы къ наблюденію за исполненіемъ по оному, получая отъ всѣхъ мѣстъ отчеты, и публикуя въ литовскихъ вѣдомостяхъ: гдѣ въ какихъ заведеніяхъ что̀ точно исполняется. Нынѣ же ни приказы къ тому, ни другое мѣстное правительство приступить не могутъ». Всѣ эти неустройства принудили наконецъ правитель-

*

ство принять богадѣльни подъ свой надзоръ и подчинить ихъ вѣдотству приказовъ общественнаго призрѣнія.

Сострадательное участіе нѣкоторыхъ орденовъ, посвящавшихъ себя на помощь страждущему человѣчеству, не было вполнѣ безкорыстнымъ въ томъ отношеніи, что они нерѣдко пользовались болѣзненными слабостями людей иныхъ вѣръ для совращенія ихъ въ латынство; какъ бы то ни было, приходили они на помощь страждущему человѣчеству съ христіанскимъ самопожертвованіемъ, и въ этомъ рѣзко отличались отъ большинства монашествующихъ, проводившихъ жизнь свою въ праздности, облѣнившихся въ роскоши, и своимъ поведеніемъ позорившихъ церковь.

XIII.

ОБЩІЙ ВЗГЛЯДЪ НА ПОЛОЖЕНІЕ ЛАТЫНСКАГО ДУХОВЕНСТВА ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.— ПРОПАГАНДА И ЕЯ СПОСОБЫ. — УСТАНОВЛЕННЫЙ ПОРЯДОКЪ СНОШЕНІЙ ДУХОВЕНСТВА СЪ РИМСКИМЪ ДВОРОМЪ.

Выводъ изъ предыдущихъ главъ. — Пропаганда и ея способы.—Построеніе безъ нужды кастеловъ и каплицъ.— Ложныя внушенія.— Ложныя чудеса.— Воспитаніе.—Смѣшанные браки. — Индульгенціи. — Братства. — Процессіи; юбилеи.—Большія матеріальныя средства духовенства.—Бѣдственное состояніе церковныхъ имѣній.—Церковные капиталы.—Основаніе вспомогательнаго капитала для духовенства, 1822 г. — Установленный порядокъ сношеній духовенства съ римскимъ дворомъ. — Частое нарушеніе духовенствомъ данныхъ для этого узаконеній.—Буллы и бреве допускались только подъ условіемъ, если въ нихъ не содержалось ничего противнаго государственнымъ законамъ.— Покушеніе римскаго двора измѣнить форму епископской присяги, введенную императрицею Екатериною. —Фанатическое направленіе Рима.—Границы папской власти въ Россіи.—Такса епископскимъ булламъ.—Предметы сношеній съ римскимъ дворомъ по духовнымъ дѣламъ.—Посвященіе епископовъ.—Каноническій процессъ.—Правительство заботится о соблюденіи догматовъ католической церкви латынскимъ духовенствомъ.—Линдль, 1822.—Госнеръ, 1824.—Вмѣшательство Меттерниха въ дѣла р. католицизма въ Россіи.

Припоминая все сказанное доселѣ, мы приводимся къ заключенію, что латынское духовенство

было въ жалкомъ состоянiи. Капитульное и монашеское духовенство размножалось безъ нужды, а въ приходскомъ былъ иногда недостатокъ; прелаты и каноники всего болѣе помышляли о своихъ бенефицiяхъ, бѣлые священники часто не отвѣчали носимому ими сану, а монахи, за немногими исключенiями, срамили вѣру, которой были представителями; все же вообще духовенство было мало образованно и даже чуждалось просвѣщенiя. Между тѣмъ духовенство это, никѣмъ не тревожимое, имѣло всѣ способы къ своему усовершенствованiю; правительство почти не вступалось въ его дѣла, и оно управлялось на основанiи своихъ постановленiй. Тутъ-то именно оно и доказало, къ чему оно можетъ придти безъ высшаго руководства и какiя послѣдствiя бываютъ отъ слишкомъ точнаго примѣненiя римскихъ уставовъ, безъ соображенiя ихъ съ мѣстностiю и временемъ. Право ктиторства стѣсняло епископовъ въ выборѣ достойныхъ священниковъ; предоставленiе семинарiй въ исключительное распоряженiе епархiальныхъ начальниковъ лишило эти заведенiя всякой общей системы въ воспитанiи духовномъ и оставило ихъ на произволъ нѣсколькихъ лицъ, иногда гнушавшихся просвѣщенiя; а независимость монашескихъ сословiй, управлявшихся своими провинцiалами и не подчиненныхъ епископамъ, привело ихъ къ совершенному упадку, несмотря на матерiальное довольство. Эти римскiе обычаи, столь видимо пагубные для церкви, соблюдались духовенствомъ не изъ послушанiя къ постановленiямъ римскаго двора, не потому, что бы онѣ были безусловно необходимыми, а потому, что льстили его слабостямъ и были ему удобными. Иное дѣло: несовокупленiе бенефицiй, упраздненiе упад-

шихъ монастырей, соблюденіе орденскихъ правилъ, строгая жизнь, —въ этомъ отношеніи и постановленія соборовъ не почитались духовенствомъ вполнѣ обязательными, по крайней мѣрѣ на дѣлѣ. Ежели бы такъ называемыя каноническія постановленія примѣнены были наоборотъ, то есть, еслибъ изъ нихъ было взято то, что̀ служитъ для улучшенія жизни духовенства, а оставлены въ сторонѣ такія узаконенія, которыя обязаны своимъ происхожденіемъ подозрительному властолюбію папства, намѣренно обезсиливающему мѣстную духовную власть, чтобы представить одинъ Римъ всемогущимъ, то нѣтъ сомнѣнія, что церковь выиграла бы несравненно болѣе. Недаромъ возставалъ всегда митрополитъ Сестренцевичъ противъ права ктиторства, противъ монашескаго произвола, недаромъ настаивалъ онъ на преобразованіи семинарій; безъ этого невозможно было никакое улучшеніе въ бытѣ духовенства. Его непослушали изъ уваженія къ такъ называемымъ канонамъ, предоставили духовенство самому себѣ, допустили его утрояться по своимъ обычаямъ и правиламъ,—и вотъ до чего оно дошло! Безъ преувеличенія, разсматривая послѣдствія, всякій безпристрастный судья сознается, что въ организаціи латынскаго духовнаго управленія именно худо было то̀, что̀ взято изъ римскихъ постановленій, а хорошо то̀, что̀ имъ противорѣчило: сравните, для примѣра, епархіальныя семинаріи, заведенныя по римскому образцу, съ главною семинаріею, упрекаемою въ неканоничности ея учрежденія, — невѣжество въ однѣхъ, и просвѣщеніе въ другой! Такой же результатъ имѣло бы расширеніе высшей духовной власти уничтоженіемъ ктиторства и подчиненіемъ монастырей епископамъ: только со-

средоточенная, твердая власть могла быть довольно сильна, чтобы искоренить какъ-бы обжившіяся въ латынской церкви, освоившіяся съ ней злоупотребленія; многое предстояло въ ней уничтожить, и многое создать, чтобы сохранить въ чистотѣ вѣру и сдѣлать служителей ея достойными своего сана и полезными не себѣ однимъ, а государству и народу.

Вотъ какъ описываетъ латынское духовенство, въ концѣ царствованія императора Александра I, современникъ и ревностный его защитникъ, врагъ Сестренцевича, поклонникъ всѣхъ римскихъ обычаевъ и порицатель всякаго участія правительства въ духовномъ управленіи:

«Монашескія сословія, оставленныя собственному управленію, дошли до уничтоженія орденскихъ правилъ. Въ самомъ дѣлѣ, совершенная распущенность монашеской дисциплины, оставленіе иноческаго общежительства, несоблюденіе правилъ нищеты, затворничества, повиновенія, сообщество съ свѣтскими развратными людьми, привязанность къ крѣпкимъ напиткамъ до такой степени, что пьянство сдѣлалось обыкновеннымъ порокомъ между монашествующими, оставленіе общаго богослуженія, постоянная праздность и увеселенія, несогласныя съ духомъ уединенія и тишины монастырской, презрѣніе орденскихъ правилъ и одежды, жалобы, ссоры и неудовольствія между монашествующими, — вотъ, можно сказать, отличительныя черты монашеской жизни... Едвали можно надѣяться и въ будущемъ, чтобы было придумано какое-либо дѣйствительное средство противъ того зла, которое скрывается въ монастыряхъ, и которое слѣдовало бы уничтожить до основанія. Не въ такомъ ужасномъ положеніи было духовенство

свѣтское, но и оно не было чуждо существенныхъ пороковъ. За исключеніемъ нѣкоторыхъ епархій, гдѣ соблюдалось во всей строгости право каноническое и порядокъ, гдѣ наблюдали надъ священниками, съ горестію вынуждены мы сознаться, что все духовенство проникнуто было, такъ сказать, жаждою полученія бенефицій, плебаній и церковныхъ степеней и достоинствъ, и старалось заслужить ихъ не ревностію и трудомъ, но всякими средствами, что стремленіе это такъ велико, что самый молодой священникъ желалъ, тотчасъ по своемъ посвященіи, получить столько же дохода, сколько имѣли заслуженные настоятели, хотя бы и не имѣлъ онъ никакого достоинства, которое, на основаніи каноническаго права, давало бы ему преимущество надъ старшими. Усильное искательство у ктиторовъ, чтобы представили на священническую должность, порождаетъ святокупство, хотя и привыкли его покрывать названіемъ *jura cancellariae*, или вознагражденіемъ за приложеніе родовой печати и за подпись своей руки. Не можемъ утверждать, что бы то же бывало въ канцеляріяхъ епископскихъ; знаемъ только, что невсегда дарованія, заслуги и лѣта принимаются въ соображеніе при назначеніи къ приходскимъ мѣстамъ. Получивъ такимъ образомъ бенефицію, молодой священникъ прежде всего озабочивался тѣмъ, чтобы выплатить долгъ, сдѣланный для покупки своего мѣста; потомъ старался обогатить свою родню, которою обыкновенно себя окружалъ; наконецъ, употребляя приходскіе доходы на самого себя, на тщеславное хлѣбосольство, на предметы роскоши, мало думалъ о церкви, сакристіи, плебаніи. Предаваясь развлеченіямъ, играмъ, свѣтскимъ удовольствіямъ, несоот-

вѣтственнымъ своему призванію, такой священникъ не помышлялъ ни о богослуженіи, ни объ устройствѣ и порядкѣ своего костела. Вмѣсто того, чтобы трудиться самому, съ пособіемъ, если нужно, одного, или даже нѣсколькихъ другихъ священниковъ, онъ призывалъ къ себѣ на помощь какого-нибудь прогнаннаго изъ монастыря монаха, или уніатскаго попа, и въ такихъ-то рукахъ оставлялъ приходскія обязанности, а самъ таскался по гостямъ. Нерѣдко можно было видѣть и такихъ духовныхъ, которые, при развратномъ поведеніи, были увлечены жаждою корысти и поборовъ, и предавались такому отвратительному грабительству, что становились нестерпимыми какъ прихожанамъ, такъ и всѣмъ, которые имѣли съ ними дѣло; а между тѣмъ оставляли въ жалкомъ положеніи церковь, фундуши, службу Божію. Но еще гнуснѣе тѣ священники, которые пьянствомъ и распутствомъ сдѣлались отвратительными для народа... Можно было бы въ будущемъ надѣяться на искорененіе этого зла..., но едвали эта надежда исполнится вполнѣ, когда вспомнимъ, что молодые люди должны на собственный счетъ воспитываться въ семинаріяхъ, а тѣ, у которыхъ мало состоянія, или даже вовсе нѣтъ никакого, не имѣютъ и доступа до семинарій; ибо не способности и поведеніе, а оплата содержанія и одежды служатъ условіемъ принятія въ эти заведенія... Что касается до высшаго духовенства, и въ особенности привиллегированнаго и богатаго, какъ напримѣръ виленскій капитулъ и нѣкоторые владѣльцы бенефицій въ другихъ епархіяхъ, то нельзя скрыть, что это духовенство требуетъ въ особенности скораго преобразованія, дабы могло соотвѣтствовать своему предназна-

ченію. Можно полагать, что правительство придумаетъ рѣшительныя средства для исправленія его, для уменьшенія его фундушей и для приведенія этого духовенства въ предѣлы дѣйствительной нужды въ немъ, отнявъ у него тѣ огромные доходы, которые оно употребляетъ во зло, къ явному позору церкви и къ сокрушенію вѣрующихъ» (¹).

(¹) Zbiór wiadomości o kościéle i religii katolickiey w cesarstwie Rossyjskiem. t. 1. p. 397—402. Не будучи въ возможности скрыть жалкаго положенія латынскаго духовенства въ это время, авторъ, въ оправданіе его, приписываетъ это учрежденію главнаго управленія духовныхъ дѣлъ и вмѣшательству его въ распоряженія епархіальнаго духовенства, которому не оставили достаточно власти для исправленія духовныхъ учрежденій и лицъ; по его мнѣнію, монашескія сословія пришли въ упадокъ отъ того, что, по милости епископовъ, провинціалы утверждались государемъ чрезъ главное управленіе. Причина зла выставлена вѣрно: дѣйствительно отъ безвластія епископовъ произошло много непорядковъ. Но можно ли добросовѣстно винить въ этомъ правительство и упрекать его въ превышеніи власти? Сколько разъ домогалось оно у римскаго двора увеличить власть епископовъ и подчинить имъ монастыри! Римъ не согласился ни на то, ни на другое. Кто же виноватъ: русскій императоръ, или папа? Возраженіе объ утвержденіи провинціаловъ едва заслуживаетъ вниманія; останавливаемся на немъ потому только, что къ слову. Не было примѣра, чтобы министерство не утвердило того провинціала, который избранъ былъ монашескимъ сословіемъ. Итакъ не было ли это одною формальностію, которая во всякомъ случаѣ не могла имѣть ни хорошаго, ни дурнаго вліянія на монастыри? Притомъ, ежели бы провинціалы и не были утверждаемы правительствомъ, то развѣ на основаніи каноническихъ законовъ они могли быть утверждаемы мѣстными епископами? Опять не правительство виновато въ томъ, что римскій дворъ сдѣлалъ монашескія сословія независимыми отъ епископскаго вѣдѣнія.. Главное управленіе можно винить не въ превышеніи власти, а въ томъ, что оно ею не пользовалось; оно было не болѣе, какъ агентомъ духовенства, ходатайствовавшимъ за него, и почти безусловно соглашавшимся со всѣмъ тѣмъ, что ему

«Монастырскія визиты подтверждаютъ», говоритъ графъ Евстаѳій Тышкевичь, «своеволіе и распущенность монаховъ, убытки, понесенные монастырями отъ ихъ нерадѣнія; онѣ описываютъ заросшіе монастырскіе огороды, запущенные сады, обширныя библіотеки въ совершеннѣйшемъ безпорядкѣ», и т. п. (¹).

Въ такомъ положеніи латынскому духовенству слѣдовало бы обратить вниманіе на свои внутреннія неустройства и стараться исправить ихъ, чтобы сохранить за собою тò, чтò имѣло; но оно объ этомъ не помышляло, а слѣдуя духу своей религіи, старалось только о внѣшнемъ распространеніи, —не то, чтобы поменьше да получше, а хотя и худо, но побольше. Примѣромъ собственной жизни, своими дѣлами, конечно не могло это духовенство преклонить къ латынству людей иныхъ вѣръ; вмѣсто этого употребляло оно всевозможныя обольщенія, не налагавшія на него труда христіанскихъ подвиговъ и лишеній: исповѣдь, проповѣдь, всѣ возможныя соприкосновенія съ народомъ служили ему къ той же цѣли. Наиболѣе употребительные способы совращеній были слѣдующіе:

1) *Построеніе безъ нужды костеловъ и каплицъ.* Это средство употреблялось обыкновенно въ тѣхъ

представляли. Значитъ, при наружномъ сосредоточеніи власти въ рукахъ правительства, духовенство дѣйствовало свободно, само, потому и послѣдствія этой дѣятельности никому другому, какъ самому духовенству, приписать нельзя. Всякое иное толкованіе противорѣчитъ явно фактамъ и положительно недобросовѣстно; принято же оно можетъ быть только тѣми, которые или намѣренно искажаютъ событія, или вовсе не знакомы съ исторіею латынской церкви въ Россіи.

(¹) Wiadomość historiczna o zgromadzeniach i fundacyach r. kat. klasztórow w dyecezyi Wileńskiej. Wilno. 1858. p. 16.

мѣстностяхъ, гдѣ католики жили вмѣстѣ съ исповѣдниками другихъ христіанскихъ религій, какъ то: во многихъ мѣстахъ западнаго края, гдѣ были православные, и въ колоніяхъ, гдѣ лютеране жили совокупно съ католиками, или вблизи ихъ. Обыкновенно людей латынской вѣры принимали только предлогомъ для построенія костела; иногда ихъ бывало такъ мало, что не стоило нарочно строить храма, тѣмъ болѣе, что въ сосѣдствѣ бывали другія латынскія церкви, гдѣ они прежде и слушали богослуженіе. Но какъ скоро воздвигался великолѣпный костелъ, то являлись и охотники приступить къ римской вѣрѣ изъ необразованнаго, легко поражающагося внѣшностію народа [1].

2) *Ложныя внушенія.* Онѣ имѣли мѣсто въ особенности въ отношеніи дѣтей и несовершеннолѣтнихъ, не бывшихъ въ состояніи взвѣсить своего поступка, а также относительно людей суевѣрныхъ и невѣжественныхъ. Бывали, напримѣръ, такого рода случаи: надъ женщиною евангелическаго исповѣданія, имѣвшею легкіе припадки помѣшательства, римскій священникъ совершалъ разныя таинственныя церемоніи, увѣряя, что она одержима бѣсомъ, и что для изгнанія его ей необходимо перемѣнить вѣру. Другой священникъ увѣрилъ двухъ одержимыхъ падучею болѣзнію, что имъ стоитъ принять латынство, чтобы отъ нея избавиться. Лютеранамъ въ колоні-

[1] Въ 1815 году православный преосвященный могилевскій представлялъ Синоду, что въ городѣ Дризѣ и люцинскаго повѣта въ погостѣ Бродайжѣ выстроены латынскія церкви, которыхъ прежде тамъ не бывало, по малому количеству людей этого вѣроисповѣданія, причисленныхъ къ смежнымъ костеламъ, что эти новыя церкви построены единственно для того, чтобы привлечь православныхъ жителей.

яхъ духовные часто раздавали святую воду, для изцѣленія отъ недуговъ. Наконецъ убѣждали родителей другихъ христіанскихъ вѣръ крестить по латынскому обряду дѣтей, въ чемъ не разъ и были уличаемы ([1]).

3) *Ложныя чудеса.* Въ 1817 году разнеслись слухи, что въ мѣстечкѣ Плисковѣ, липовецкаго повѣта (кіевской губерніи), при колодезѣ явилась икона Божіей Матери и производитъ чудеса; помѣщикъ этого мѣстечка Якубовскій построилъ при колодцѣ каплицу, и ксендзы стали отправлять въ ней богослуженіе; сдѣлалось большое стеченіе народа, особенно въ праздничные дни, когда приходило туда по тысячѣ человѣкъ. Это обратило вниманіе, сдѣлали дознаніе, и никакого чудотворенія не оказалось.—Въ 1821 году оглашено было въ проскуровскомъ повѣтѣ (каменецъ-подольской губерніи), что у крестьянина села Соломной Кубы Олейника явилась чудотворная икона Спасителя и Богоматери, и на томъ только основаніи, что она, какъ увѣрялъ этотъ крестьянинъ, бывши въ продолженіе двадцати лѣтъ почернѣвшею, вдругъ поновѣла. Пробощъ тарнорудскаго костела Томашевскій далъ къ этой иконѣ изъ костела привѣску, двѣ лампады и свѣчей, и распространилъ слухъ, что явилось чудо; сталъ собираться народъ и жертвовать деньги на икону. 26 мая ксендзъ назначилъ торжественный ходъ съ этою иконою изъ села въ тарнорудскій костелъ; стеклось народа болѣе двухъ

([1]) Въ 1818 году коллегія, по разсмотрѣніи жалобъ семи пасторовъ виленской губерніи на совращенія латынскаго духовенства крещеніемъ и ложными внушеніями, нашла ихъ основательными.

тысячь человѣкъ, а Томашевскій приказалъ своему викарному потихоньку перенесть образъ въ костелъ, и разгласилъ, что икона сама невидимо пошла въ церковь. Народъ бросился туда и дѣйствительно нашелъ ее выставленною въ костелѣ. Впечатлѣніе было сильное, говоры о чудотвореніи распространились между смежными жителями православными, которые съ тѣхъ поръ рѣдко показывались въ своихъ церквахъ, а все ходили на поклоненіе чудотворной иконѣ Томашевскаго, и дѣлали пожертвованія, говоря: «отчего же въ православномъ исповѣданіи нѣтъ такихъ чудесъ»?—Въ 1824 году тульчинскіе доминикане разсказывали въ окрестностяхъ, что 5 декабря въ полночь было въ монастырѣ ихъ видѣніе въ образѣ священника, совершающаго литургію предъ алтаремъ, при чемъ самый алтарь былъ освѣщенъ и слышанъ звонъ колоколовъ на колокольнѣ.

4) *Воспитаніе*. Въ уѣздныхъ училищахъ, содержавшихся латынскимъ духовенствомъ, обучались и дѣти православной вѣры. Ксендзы учили ихъ догматамъ римской вѣры, заставляли ходить въ костелы на богослуженіе и даже прислуживать въ облаченіяхъ, а на панихидѣ по папахъ носить траурные знаки; подготовивъ такимъ образомъ, обращали ихъ въ свое исповѣданіе. Это было общимъ правиломъ; частности же открывались при особыхъ случаяхъ и жалобахъ (1).

(1) Въ 1823 году дознано было, что францискане, содержавшіе уѣздное училище въ Пинскѣ, совратили въ немъ девять православныхъ учениковъ. Въ 1824 году то же было открыто въ полоцкомъ піарскомъ училищѣ. По этому случаю послѣдовало высочайшее повелѣніе вновь строжайше подтвердить духовенству латынскаго обряда, чтобы оно не дерзало привле-

По бо́льшей части старались не давать учителя закона Божія православнымъ дѣтямъ, а когда и допускали его, то дѣлали положеніе его невыносимымъ ([1]). Обращая въ своихъ училищахъ въ латынство воспитанниковъ другихъ христіанскихъ вѣръ, латынское духовенство не хотѣло терпѣть, чтобы дѣти римской вѣры обучались подъ руководствомъ иновѣрцевъ. Разскажемъ для примѣра случай, бывшій въ 1818 году въ Слуцкѣ. Уѣздное училище этого города содержалось евангелическимъ синодомъ, и для воспитанниковъ римско-католическаго исповѣданія, въ немъ находившихся, былъ въ немъ священникъ латынскій, взятый изъ слуцкаго костела, гдѣ извѣстный Шантырь былъ настоятелемъ. Фанатикъ Шантырь ненавидѣлъ заведеніе, управлявшееся кальвинистами, и руководилъ въ этомъ духѣ поставленнаго имъ законоучителя. На публичномъ испытаніи, въ присутствіи Шантыря, этотъ священникъ, при изъясненіи христіанской вѣры предъ учениками, изъ которыхъ бо́льшая часть были кальвинисты, доказывалъ, что всѣ вѣры, исключая римской, прокляты отъ папы, и какъ гнилые члены, отринуты отъ общества вѣрныхъ, а вслѣдъ за тѣмъ Шантырь публично съ каѳедры, въ восторженномъ жару, доказывалъ важность грѣха, въ который впадаютъ родители, поручающіе воспитаніе дѣтей своихъ иновѣрцамъ.

5) *Смѣшанные браки*. Дѣйствуя на супруга римской вѣры, латынскіе священники чрезъ него доискивались привлечь въ свой законъ иновѣрнаго су-

кать къ своимъ мнѣніямъ обучающееся у него юношество греко-россійскаго исповѣданія.

([1]) См. приложеніе 25-е.

пруга, дѣтей, окрещенныхъ въ его исповѣданіе; а съ другой стороны, сопротивлялись обратному измѣненію вѣры, чего иногда желали такія семейства для понятнаго единства въ воспитаніи дѣтей. Прозелитизмъ въ средѣ семей пораждалъ распри и жалобы, доходившія до правительства.

6) *Индульгенціи.* Ученіе объ индульгенціяхъ есть одно изъ самыхъ темныхъ и запутанныхъ ученій римской церкви; основанное на ложномъ началѣ, оно нелѣпо въ своихъ выводахъ, оттого и облекается латынскими богословами въ такія оболочки, проникнуть которыя не легко здравому разсудку. Сами римскіе канонисты не сходятся въ мнѣніяхъ по многимъ существеннымъ пунктамъ этого ученія, и въ Римѣ существуетъ особое присутственное мѣсто, подъ названіемъ конгрегаціи индульгенцій (*Congrégation des Indulgences*), занимающееся разрѣшеніемъ спорныхъ вопросовъ по этой части. Поэтому почитаемъ нелишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о значеніи индульгенцій, насколько мы могли уразумѣть его изъ латынскихъ канововъ.

Индульгенція не означаетъ отпущеніе грѣха, получаемое только въ таинствѣ покаянія, а разрѣшеніе, внѣ помянутаго таинства, временнаго наказанія за грѣхъ, уже отпущенный; разрѣшеніе это простирается и на чистилище. Правомъ индульгенцій, по толкованіямъ латынскихъ богослововъ, пользуется римская церковь на томъ основаніи, что она владѣетъ духовною сокровищницею, вмѣщающею въ себѣ преизбыточныя удовлетворенія за грѣхи человѣческіе, и можетъ ею располагать по своему усмотрѣнію. Составилась же эта духовная сокровищница такъ: Іисусъ Христосъ пострадалъ невинно, зна-

чить всѣ Его страданія остались въ запасъ для спасенія человѣческаго рода, и заключены въ этой сокровищницѣ, состоящей въ распоряженіи папы; а такъ какъ Іисусъ Христосъ одною каплею своей крови могъ бы спасти не одинъ міръ, а тысячу міровъ, то очевидно, что оставленный Господомъ запасъ преизбыточныхъ удовлетвореній въ означенной римской сокровищницѣ, для отпущенія человѣческихъ прегрѣшеній, неисчерпаемъ, и что слѣдовательно индульгенціямъ не можетъ быть и предѣла. Кромѣ того, въ той же сокровищницѣ заключены преизбыточныя удовлетворенія и отъ Матери Божіей и отъ всѣхъ святыхъ. Святые люди пострадали даромъ, и тѣмъ самымъ увеличили папскую духовную сокровищницу настолько именно, насколько взыскано было съ нихъ на землѣ болѣе, чѣмъ они заслужили. Все это вмѣстѣ и образуетъ составъ переполненной духовными благами сокровищницы, изъ коей безъ устали, въ теченіе вѣковъ, черпаетъ римскій дворъ свои индульгенціи на разрѣшеніе наказаній людскихъ, заслуженныхъ ихъ грѣхами.

Власть давать индульгенціи принадлежитъ: 1) папѣ, 2) генеральному собору, предсѣдательствуемому папою или его легатами, и кромѣ того, съ особаго разрѣшенія папы: 3) епископамъ въ ихъ епархіяхъ, но не болѣе годичной индульгенціи, при освященіи храма, а во всякое другое время — сорокадневной, 4) кардиналамъ, коимъ предоставлено жаловать лишь стодневную индульгенцію въ церквахъ, значущихся въ ихъ титулѣ, если присутствуютъ въ нихъ при священнослуженіи въ торжественные праздники, 5) патріархамъ, примасамъ и архіепископамъ, — имъ дозволено давать осьмидесятидневную индульгенцію;

6) легаты отъ ребра (*a latere*), нунціи и простые легаты могутъ жаловать одну семилѣтнюю и семь сорокадневныхъ индульгенцій навсегда въ какой-нибудь церкви и отъ стодневной до годичной индульгенціи за какое-либо дѣло благочестія.

Индульгенціи бываютъ полныя (*plénières*) и неполныя (*partielles*), за живыхъ и за умершихъ (*les défunts*). Полныя отпускаютъ всѣ наказанія за грѣхи на землѣ и въ чистилищѣ—неполныя, только часть оныхъ, напримѣръ сорокъ или сто дней, семь или десять лѣтъ покаянія, къ коему присужденъ грѣшникъ по канонамъ. Разность между индульгенціями для живыхъ и индульгенціями для умершихъ латынскіе богословы поставляютъ въ томъ, что живымъ римская церковь отпускаетъ временное наказаніе за грѣхи, такъ какъ живые подлежатъ ея духовно-начальственной власти, а за умершихъ, которые уже не подлежатъ этой власти, она только предлагаетъ Богу изъ своей сокровищницы потребную часть преизбыточныхъ удовлетвореній Іисуса Христа и святыхъ, и проситъ Бога воззрѣть окомъ милосердія на эти удовлетворенія и ради ихъ отпустить усопшимъ временное наказаніе за грѣхи въ чистилищномъ огнѣ. Такой оборотъ индульгенціямъ за усопшихъ дается изъ одной учтивости, чтобъ было благовиднѣе; въ сущности же римская церковь разрѣшаетъ сама наказанія въ чистилищѣ, что̀ очевидно изъ подлинныхъ частныхъ индульгенцій. Богослуженіе объ умершихъ, съ коимъ сопряжено отпущеніе ихъ наказаній въ чистилищѣ, на основаніи индульгенцій, совершается на особыхъ, такъ называемыхъ привиллегированныхъ алтаряхъ.

Несостоятельность римскаго ученія объ индуль-

генціяхъ, не говоря уже о сущности онаго, открывается вполнѣ въ невозможности соразмѣрить прощеніе наказаній, доставляемое индульгенціями, съ степенью вины (*culpa*) грѣшника. Въ самомъ дѣлѣ, какой смыслъ въ томъ, что индульгенція дается на столько-то дней, или на столько-то лѣтъ? Кто можетъ опредѣлить продолжительность наказанія, слѣдующую за каждый грѣхъ человѣческій, а потому чтò можетъ означать отпущеніе наказанія срочное, опредѣляемое днями и годами? Тутъ, для бóльшей убѣдительности, намъ остается выписать подлинныя строки авторитета въ этомъ дѣлѣ Е. Пр. Бувье, (Bouvier), епископа манскаго: «Полная индульгенція, если она пріобрѣтена и примѣнена въ ея обширности, можетъ изгладить всякое наказаніе, слѣдующее за грѣхи, допущенные до сей минуты, такъ что если человѣкъ умретъ тотчасъ послѣ ея пріобрѣтенія, онъ взойдетъ прямо на небо. Но невозможно знать, когда полная индульгенція пріобрѣтена въ этой степени совершенства. Еще труднѣе вѣрно знать силу неполной индульгеуціи; ибо ея дѣйствіе зависитъ отъ свойства долговъ, въ какіе вошелъ кто-либо предъ Божественнымъ правосудіемъ, отъ расположеній, въ какихъ онъ находится, отъ степени благочестія и ревности, какую онъ вноситъ въ исполненіе предписанныхъ дѣлъ; а какъ все это можетъ видоизмѣняться до безконечности, то мы не можемъ утверждать ничего положительнаго. Кромѣ того, извѣстно, что папа, назначая опредѣленное число дней, недѣль, или годовъ индульгенцій, не хочетъ сократить настолько же число наказаній чистилища. Его намѣреніе—отпустить часть наказанія, слѣдующаго за грѣхъ, отпущенный каноническимъ

покаяніемъ, вѣрно исполненнымъ въ это время. Какая же мѣра этого наказанія? Этого мы не знаемъ. Благопріобрѣтенные сорокъ дней индульгенціи отпускаютъ ли только сорокъ часовъ мученій въ другой жизни? Мы не знаемъ и напрасно старались бы узнать это. Суды Божіи—непроницаемая бездна; мы должны почитать и бояться ихъ, не трудясь понять ихъ. Мы знаемъ, что индульгенція есть средство сдѣлать ихъ для насъ милостивыми, или уменьшить ихъ строгость; этого довольно, чтобы намъ прибѣгать къ оной. Можетъ быть, полныя индульгенціи, повторяемыя и умножаемыя, не освободятъ еще насъ всецѣло отъ должнаго наказанія за наши грѣхи; нужды нѣтъ: если мы благоразумны, то постараемся пріобрѣтать ихъ какъ можно чаще и совершеннѣе» ([1]). Что же, послѣ этого, индульгенціи? Не эссенція ли схоластическихъ тонкостей, напутанныхъ для обольщенія суевѣрныхъ? не метафизика ли неудобопонятныхъ каноновъ, не апогея ли папскаго безстыдства, направленнаго къ распространенію ханжества?

Какъ бы то ни было, попросимъ вниманія читателей до конца, и изложимъ остальные главные пункты ученія объ индульгенціяхъ.

Поводы и религіозныя упражненія, за которыя раздаются индульгенціи, весьма многочисленны. Такъ существуютъ индульгенціи: 1) на случай смерти (*in articulo mortis*), 2) такъ называемыя сорокачасовыя (*des quarante heures*), 3) шествія къ распятію (*du*

([1]) Traité dogmatique et pratique des indulgences, des confréries et du jubilé. Neuvième édition. Paris. 1850. p. 28. На основаніи этого сочиненія составлена священникомъ *Серединскимъ* весьма дѣльная брошюра «Объ индульгенціяхъ», изданная въ Петербургѣ въ 1860 году.

chemin de la croix), 4) предсмертныхъ страданій Іисуса Христа (*de l'agonie de Notre-Seigneur*), и т. п. Сорокачасовыя индульгенціи названы такъ въ воспоминаніе сорокачасоваго пребыванія тѣла Спасителя во гробѣ, и учреждены для удержанія отъ грѣховъ во время, предшествующее великому посту. Индульгенціи шествія къ распятію получаютъ участвующіе въ представленіи этого акта жизни Іисуса Христа на землѣ. Это представленіе составляетъ привиллегію францисканов, которые устроиваютъ для того 14 такъ называемыхъ станцій (*stations*). Желающій получить индульгенцію долженъ идти отъ одной станціи до другой и предъ каждой молиться. Индульгенціи предсмертныхъ страданій Іисуса Христа получаютъ тѣ, которые послѣ исповѣди и причастія въ четвергъ на страстной недѣлѣ (*jeudi-saint*), или на святой недѣлѣ, размышляютъ въ продолженіе трехъ часовъ о мученіяхъ Спасителя; изобрѣли это богомолье іезуиты.

Кромѣ того, индульгенціи раздаются: 1) за молитву въ честь святаго сердца Іисуса и Богородицы, 2) за прочтеніе разныхъ молитвъ, какъ то: *Veni Creator*, *Angelus*, *Salve Regina*, *Sub tuum*, *Stabat Mater*, и т. д., 3) за одно воззваніе имени Іисуса и Маріи дается сто дней индульгенцій, 4) за молитвы нѣкоторымъ святымъ, и т. п.

Здѣсь не мѣсто перечислять всѣ духовныя упражненія, за которыя можно получить индульгенціи. Но нельзя не упомянуть, что онѣ приписаны также къ различнымъ вѣнчикамъ, четкамъ, крестикамъ, распятіямъ, медалямъ, даже къ статуеткамъ. Да и какія индулгенціи! Напримѣръ, произнесшій съ покаяніемъ по такъ называемому вѣнчику Іисуса Хрис-

та (*couronne de Notre-Seigneur*) тридцать три раза «Отче нашъ», пять разъ «Богородица» и одинъ разъ «Вѣрую» получаетъ двухсотлѣтнюю индульгенцію! Вѣнчики и четки подраздѣляются на разные виды, и каждому виду принадлежатъ особыя индульгенціи. Такъ существуютъ: 1) вѣнчикъ пяти ранъ Спасителя; желающій пріобрѣсти по этому вѣнчику индульгенціи долженъ покланяться сначала ранѣ на лѣвой ногѣ, потомъ на правой ногѣ, далѣе ранѣ на лѣвой рукѣ, послѣ на правой рукѣ, и наконецъ ранѣ на ребрѣ; 2) вѣнчикъ святой крови Спасителя; 3) вѣнчикъ святаго сердца Іисуса Христа; 4) вѣнчикъ семи страданій Богородицы; 5) четки Богородичныя (*le rosaire*); 6) четки обыкновенныя (*le chapelet ordinaire*); 7) четки бригитскія, и т. п. Освященіе нѣкоторыхъ изъ этихъ вещей, значитъ и доходъ отъ оныхъ, предоставлены папами исключительно нѣсколькимъ монашескимъ орденамъ; такъ вѣнчики пяти ранъ Спасителя—пассіонистамъ, четки Богородичныя (*le rosaire*)—доминиканамъ, четки семи страданій Богородицы—сервитамъ, четки бригитскія — бригитамъ, и т. д.

Есть еще индульгенціи мѣстныя, присвоенныя церквамъ нѣкоторыхъ монашескихъ орденовъ и простымъ приходскимъ церквамъ.

Мы должны были войдти во всѣ эти малолюбопытныя для здравомыслящихъ людей подробности для того, чтобы представить осязательнѣе духъ ученія объ индульгенціяхъ и средства, употребляемыя для распространенія этого ученія въ непросвѣщенныхъ и суевѣрныхъ массахъ народа. Но мы не сказали, какое значеніе имѣютъ индульгенціи собственно для папства. Римскій дворъ употребляетъ

ихъ, какъ почти всѣ свои духовныя учрежденія, для распространенія своего владычества, своей нетерпимости, своего вѣковаго преслѣдованія всѣхъ остальныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій. Послушаемъ опять специалиста въ этомъ дѣлѣ Е. Пр. Бувье: «Преклонять колѣна предъ верховнымъ первосвященникомъ, когда онъ торжественно даетъ свое благословеніе, или предъ епископомъ, уполномоченнымъ давать папское благословеніе, конечно дѣло не очень трудное само по себѣ; но оно способно вдохнуть почтеніе къ апостольскому престолу и уваженіе къ намѣстнику Іисуса Христа; а эта цѣль важна въ глазахъ вѣры, и внѣшній актъ уваженія способенъ достигнуть этой цѣли; итакъ не должно удивляться, что за это, само въ себѣ простое, дѣйствіе даруются великія индульгенціи» ([1]). Существенные поводы, обусловливающіе раздачу индульгенцій, составляютъ: обращеніе невѣрныхъ, уничтоженіе ересей и возвеличеніе римской церкви; потому для полученія оныхъ и нужно молиться объ искорененіи другихъ вѣръ и о владычествѣ латынской церкви; такъ, напримѣръ, это положительно предписано ищущимъ индульгенцій по вѣнчикамъ Спасителя (*couronne de Notre-Seigneur*), по четкамъ, называемымъ *chapelets simplement indulgenciés*, и всѣмъ монахамъ; они въ день праздника ихъ ордена, причастившись и исповѣдавшись, должны молиться о сокрушеніи ересей и о возвеличеніи римской церкви.

Вникнувъ въ смыслъ этого безстыднаго ученія объ индульгенціяхъ, всякій легко пойметъ, почему онѣ вызвали противъ себя негодованіе многихъ, на-

([1]) Traité des indulgences, etc. p. 52.

чиная съ XII вѣка, почему вальденцы, Виклефъ и Лютеръ ихъ отвергали, и почему онѣ въ особенности породили реформацію. Не забудемъ, что до триден-тинскаго собора римскій дворъ торговалъ индуль-генціями самымъ наглымъ образомъ, и что только реформація могла понудить его уменьшить эту тор-говлю и дать ей болѣе приличныя наружныя формы. Теперь римскій дворъ собственно не продаетъ ин-дульгенцій, но взыскиваетъ за нихъ деньги, подъ благовиднымъ предлогомъ вознагражденія за труды и хлопоты тѣхъ римскихъ агентовъ, чрезъ которыхъ индульгенціи добываются, за издержки, которыя агенты эти дѣлаютъ по сему случаю, за расходы на отправку индульгенцій, постепенно увеличиваю-щіеся, тогда какъ почтовыя таксы вездѣ умень-шаются, и т. п.

Польскіе помѣщики искали такихъ индульгенцій для привлеченія народа въ свои имѣнія, гдѣ учреж-дались въ эти праздники базары, ярмарки, и т. п. Смежные же жители православные соблазнялись столь приманчивыми преимуществами, исключительно расточаемыми римскою церковью, и смотрѣли на эти привиллегіи съ особымъ благоговѣніемъ (1).

(1) Изъ многочисленныхъ примѣровъ назовемъ, для образца, нѣкоторые. Въ 1822 году получены были изъ Рима слѣдующіе акты: 1) Графу Ржевускому съ разрѣшеніемъ грѣховъ всѣмъ, которые посѣщали бы ежегодно приходскую чудновскую цер-ковь, въ луцкой епархіи, въ праздникъ св. Лаврентія и совер-шили бы молитвы съ первой вечерни (*Angelus*) до захожденія солнца, бывъ на исповѣди и причастіи. Привиллегія эта дана на вѣчныя времена. 2) Грамата, исходатайствованная ктито-ромъ буценскаго костела, луцкой епархіи, княземъ Дмитріемъ Четвертинскимъ, во время нахожденія его въ Римѣ, которою дозволяется полное разрѣшеніе отъ грѣховъ всѣмъ тѣмъ, ко-торые посѣтятъ эту церковь, и по принесеніи покаянія, по

7) *Братства*. Первоначальная цѣль учрежденія духовныхъ братствъ была чисто христіанская: члены ихъ составляли между собою духовный союзъ для прославленія имени Божія, поддержанія церквей, раздачи милостыни, погребенія и поминанія умершихъ, примиренія ссорящихся; братья чаще прочихъ свѣтскихъ лицъ постились, чаще исповѣдались и причащались св. таинъ, и всякій день въ продолженіе всей своей жизни приносили молитву угоднику, подъ именемъ коего существовало братство. Но впослѣдствіи это предназначеніе осталось болѣе для вида, а братства употреблялись для прозелитизма; вотъ почему тридентинскій соборъ и булла папы Климента VIII 1604 года поощряли епископовъ учреждать братства. Онѣ размножились до того, что въ одномъ Римѣ считается до ста главныхъ братствъ *(archiconfréries)*, къ которымъ приписываютъ разныя мѣстныя братства *(confréries)*.

Почти всѣ братства розданы разнымъ монашескимъ орденамъ; такъ братство Богородичныхъ четокъ (*du rosaire*) можетъ учреждать только генералъ доминиканскаго ордена; отъ генерала кармелитскаго ордена зависитъ основаніе братствъ такъ называемаго нарамника (*scapulaire*). Братства щедро надѣлены индульгенціями за самыя обыкновенныя христіанскія упражненія, состоящія по бо́льшей ча-

пріобщеніи св. таинъ, будутъ молиться въ ней въ праздники: введенія во храмъ пресвятыя Богородицы, св. Іосифа, Димитрія и Софіи, начиная съ первой вечерни до захожденія солнца. 3) Грамата, данная помѣщику малновскаго имѣнія, могилевской епархіи, Антону Шадурскому, которою доставлялось облегченіе и избавленіе отъ чистилищнаго мученія той душѣ, за упокоеніе которой отправлена будетъ литургія на алтарѣ малновской церкви.

сти въ произнесеніи извѣстныхъ молитвъ, въ хожденіи въ опредѣленную церковь, разумѣется, того монашескаго ордена, отъ коего братство зависитъ, въ участіи въ столь злоупотребляемыхъ римскою церковью процессіяхъ, или просто въ ношеніи какого-нибудь внѣшняго знака, какъ напримѣръ нарамника (*scapulaire*). Приведемъ образчики нѣсколькихъ индульгенцій. Члены братства святыхъ даровъ (*Saint-Sacrement*) получаютъ десять лѣтъ индульгенцій за посѣщеніе въ теченіе года каждую пятницу церкви святой Маріи, называемой Минервской (*Sainte-Marie sur la Minerve*) въ Римѣ. Члены братства Богородичныхъ четокъ (*du rosaire*) пріобрѣтаютъ полную индульгенцію (*indulgence plenière*), держа при смерти въ рукахъ свѣчку, освященную директоромъ братства, то есть, доминиканиномъ. Всякій членъ братства нарамника (*scapulaire*), если умираетъ, имѣя на себѣ этотъ нарамникъ, избавляется отъ ада, а если бы попалъ въ чистилище, то въ первую субботу послѣ его смерти Богородица спустится въ чистилище и освободитъ его оттуда; для римскихъ богослововъ это не подвержено никакому сомнѣнію, ибо папа Іоаннъ XXII удостовѣрилъ, что Матерь Божія явилась ему и возвѣстила сама объ этой привиллегіи. Такое ученіе говоритъ само за себя, не требуя, кажется, поясненій.

Для всевозможнаго увеличенія состава братствъ, духовникамъ дано право замѣнять и безъ того весьма незатруднительные подвиги ихъ сочленовъ еще болѣе легкими, то есть, совершенно ничтожными. Риму и его агентамъ нужно только имѣть въ своихъ рукахъ какъ можно болѣе ханжей, невѣжественныхъ и суевѣрныхъ поклонниковъ папскаго

владычества. Посмотрите, какъ снисходительно отворяетъ эти двери спасенія Е. Пр. Бувье; вотъ какъ онъ выражается: «Послѣ подробнаго изложенія выгодъ, пріобрѣтаемыхъ въ братствахъ или конгрегаціяхъ, можетъ быть, прилично было бы сказать о томъ, какъ выгодно участвовать въ нихъ. Многіе боятся вступать въ нихъ, потому что считаютъ обременительными извѣстныя моленія, обыкновенно въ нихъ совершаемыя. Святой Францискъ де Саль просилъ о принятіи его во всѣ братства или конгрегаціи, какія онъ считалъ правильно учрежденными; въ основаніе этого онъ указывалъ на то, что въ нихъ всегда можно выиграть и никогда нельзя проиграть. Дѣйствительно, чтобы имѣть право на индульгенціи и участвовать въ добрыхъ дѣлахъ братствъ, для этого обыкновенно нѣтъ другаго условія, какъ быть принятымъ и считаться членомъ братства или конгрегаціи; съ этихъ поръ всякое доброе дѣло, обязательно оно или нѣтъ, присоединяется къ дѣламъ товарищей, и слѣдовательно пріобрѣтаетъ новую цѣну. Упражненія, о которыхъ идетъ дѣло въ отпущеніяхъ индульгенцій, только совѣтуются для общаго и частнаго блага, съ обѣщаніемъ особыхъ индульгенцій. Такъ, для братства нарамника (*scapulaire*) довольно носить съ почтеніемъ эту маленькую одежду въ знакъ покорности Богородицѣ. Индульгенціи, пріобрѣтаемыя пѣніемъ молебновъ или другихъ молитвъ, прибавляются къ индульгенціямъ, пріобрѣтаемымъ тѣми, которые довольствуются ношеніемъ одежды. Кромѣ того, упражненія, даже требуемыя верховными первосвященниками, никогда необязательны. Когда опускаютъ ихъ, то пропускаютъ случай пріобрѣсть индульгенціи, но

нимало не грѣшатъ, если только опускаютъ ихъ не по презрѣнію къ нимъ. Отсюда слѣдуетъ, что неправы тѣ, которые смущаются, когда имъ случится забыть извѣстныя упражненія, какія они обыкновенно исполняли для пріобрѣтенія индульгенцій. Особенно неправы они, когда придаютъ этимъ упражненіямъ такую важность, что ради нихъ опускаютъ даже обязательныя дѣла, или берутъ на себя тяжкое бремя, отвращающее отъ благочестія» ([1]). Другими словами: будьте покойны, хоть ничего не дѣлайте, только по имени считайтесь нашими и мы примемъ васъ съ распростертыми объятіями, — извѣстная римская система, опирающаяся не на качественности, а на количественности, не на сущности, а на внѣшности. Дѣло въ томъ, что братства — одно изъ могущественнѣйшихъ орудій папскаго владычества и римской пропаганды, основанной на нетерпимости; оттого въ обязанность ихъ входитъ принесеніе молитвъ объ искорененіи другихъ христіанскихъ вѣръ; нѣкоторыя, какъ напримѣръ ліонское распространенія вѣры (*propagation de la foi*), учреждены исключительно съ этою цѣлію, а братство благонамѣренныхъ книгъ (*l'oeuvre des bons livres*), основанное въ 1825 году въ Бордо, обязываетъ своихъ членовъ доносить епископу о каждой вредной (то есть, не въ римскомъ духѣ написанной) книгѣ, за каковой доносъ они получаютъ каждый разъ сорокадневную индульгенцію.

Въ западной Россіи почти всѣ монашескіе ордена имѣли братства подъ различными наименованіями; при каждой постройкѣ новаго костела заводилось

([1]) Traité des indulgences, etc. p. 308.

братство, такъ что въ концѣ царствованія императора Александра I ихъ считалось 429 ([1]); всѣ они производили денежные сборы, а нѣкоторые имѣли и фундуши. Умноженію братствъ всего болѣе способствовали іезуиты; онѣ остались и по изгнаніи іезуитовъ изъ Россіи и были приписаны къ другимъ церквамъ. Состоя въ самыхъ тѣсныхъ, тайныхъ связяхъ съ монашескими орденами и вообще съ духовенствомъ, братства служили имъ какъ агенты въ обществѣ, дѣйствовали по получаемому отъ нихъ направленію, и разсѣянныя по всему краю, по всѣмъ сословіямъ, распространяли пропаганду тѣмъ удобнѣе, что члены ихъ не носили духовной одежды, не подозрѣвались въ пристрастіи и могли проникать туда, куда доступъ для духовныхъ былъ затруднителенъ.

8) *Процессіи.* Этотъ способъ совращеній наиболѣе принятъ въ латынской церкви: вездѣ и всегда она искала привлечь къ себѣ послѣдователей внѣшностію, блескомъ церемоній, пышностію епископскаго богослуженія, для чего и содержалось столь много ненужныхъ прелатовъ и каноников, частымъ устройствомъ крестныхъ ходовъ, и проч. Все это ослѣпляло простой народъ.

Болѣе всего въ этомъ отношеніи служатъ своей цѣли такъ называемые *юбилеи*, раздѣляющіеся на обыкновенные и чрезвычайные. Обыкновенные юбилеи установила римская церковь на основаніи ветхаго завѣта: *и освятите лѣто пятидесятое и огласите оставленіе на земли всѣмъ живущимъ на ней; лѣто пятидесятое знаменіе будетъ вамъ*

([1]) Братствъ было въ епархіяхъ: могилевской 46, виленской 101, самогитской 145, луцкой 60, каменецкой 29, минской 47.

(Левит. 25, 10). До 1470 года Римъ праздновалъ иногда 50-е, а иногда 33-е лѣто, но съ того времени празднуетъ каждое двадцатипятилѣтіе. Чрезвычайные юбилеи назначаются по бо́льшей части при избраніи каждаго новаго папы. Юбилей состоитъ изъ четырехъ частей: вводной процессіи (*procession de l'ouverture*), исповѣди, причащенія и изъ такъ называемыхъ станцій (*stations*), то есть, посѣщенія церквей, именно для сего назначенныхъ. Это послѣднее условіе есть необходимое; епархіальный епископъ назначаетъ съ этою цѣлію четыре церкви, которыя нужно обойти непремѣнно въ одинъ день, какъ ни чувствовалъ бы себя усталымъ; впрочемъ въ подобныхъ случаяхъ, римская церковь всегда готова предлагать разныя удобства и комфортъ, почему имѣющіе средства переѣзжаютъ отъ одного костела до другаго въ экипажахъ. Во время юбилея, духовники получаютъ самыя обширныя духовныя власти, которыхъ во всякое другое время не имѣютъ; имъ предоставляется разрѣшать отъ такихъ грѣховъ и наказаній, которыя обыкновенно можетъ слагать только папа, какъ то: отлученіе и удаленіе отъ церкви, грѣхи смертные и т. п., замѣнять одни обѣты другими, исключая однако обѣтовъ цѣломудрія и постриженія въ монашество. Потому всѣ участвующіе въ юбилеѣ и исполняющіе относящіяся до него постановленія получаютъ полную индульгенцію. Изъ этого можно понять, съ какимъ энтузіазмомъ стекаются массы народныя на подобныя торжества, по призыву Рима, и какъ пользуется ими духовенство для своихъ видовъ, для утвержденія своего вліянія. Чтобы еще болѣе возвысить въ глазахъ народа юбилейныя празднованія, и, какъ выражаются рим-

скіе богословы, возбудить благоговѣніе къ св. Петру и Павлу, то есть, другими словами, утвердить папскую власть, всѣ частныя индульгенціи, коихъ, какъ мы видѣли выше, такое безчисленное множество, обыкновенно прекращаются на все опредѣленное для юбилея время. Назначенный въ 1824 году юбилей, начатый въ царствованіе императора Александра, продолжался въ нѣкоторыхъ епархіяхъ западной Россіи до 1828 года. Въ папской буллѣ по этому случаю принято приглашать всѣхъ исповѣдниковъ латынской вѣры сдѣлать путешествіе въ Римъ, для достиженія вѣчнаго блаженства, приводить отзывы Іоанна Златоуста и св. Карпа объ этомъ городѣ, описывать великолѣпіе его храмовъ и памятниковъ, собранную тамъ святыню, гробъ и оковы апостольскіе, колыбель Іисуса Христа, орудія страданія его и проч., однимъ словомъ все, чтò можетъ произвести впечатлѣніе на набожныхъ людей. Эта булла переведена была на народныя нарѣчія, особыя молебствія производились въ губернскихъ костелахъ цѣлый мѣсяцъ, а въ уѣздныхъ и сельскихъ двѣ недѣли. Ксендзы проповѣдывали повсюду, поучали, что внѣ латынской церкви нѣтъ спасенія, что всѣ прочія вѣры прокляты; этимъ поученіямъ внималъ и православный народъ, привлеченный любопытствомъ посмотрѣть на торжественное богослуженіе, склонялся къ латынству, и совращенія сдѣлались такъ многочисленны, что римскіе духовные называли это празднованіе юбилея своимъ тріумфомъ.

Мы поименовали здѣсь только чаще употребительные способы совращеній; собственно же говоря, все было направлено къ тому же; таковъ духъ латынской религіи. Если бы по крайней мѣрѣ эта

пропаганда производилась по убѣжденію, то она могла быть оправдана хотя въ смыслѣ пропагандистовъ, какъ всякое глубокое убѣжденіе: хорошо ли оно, или дурно, правильно или нѣтъ, но все-таки это дѣло совѣсти, а потому и искренно. Можно и иногда должно ему противодѣйствовать, но нельзя въ томъ упрекать, оттого только, что мнѣнія несогласны съ нашими. Но въ латынскомъ духовенствѣ западной Россіи прозелитизмъ, по большей части, не былъ дѣломъ убѣжденія, а, такъ сказать, ремесла: ксендзъ совращалъ, точно также, какъ онъ отправлялъ богослуженіе, то есть, какъ-бы по обязанности; оттого-то духовенство и дѣйствовало болѣе средствами внѣшними, чѣмъ примѣромъ собственной жизни и дѣлъ. Оно могло бы выбрать себѣ девизомъ: «faites ce que je dis, mais ne faites pas ce que je fais».

Зажиточность, богатства, возвышая положеніе духовныхъ въ обществѣ, немало помогали въ привлеченіи къ религіи, къ которой они принадлежали, развращая вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ нравы и ослабляя вѣру: число паствы прибавлялось, а истинная религіозность уменьшалась.

Латынское духовенство, кромѣ собираемыхъ имъ съ прихожанъ поборовъ, подъ названіемъ десятины и аннатъ, владѣло обширными населенными имѣніями, въ коихъ было болѣе 100 т. душъ крестьянъ, очень часто и православной вѣры, и значительными капиталами [1]. Владѣніе крѣпостными людьми и

[1] Въ 1822 году латынское духовенство имѣло слѣдующіе капиталы: 987,918 червонцевъ, 414,947 талеровъ, 4,505,081 руб. серебр. и 149,933 р. ассигн. Вѣдомость объ этихъ капиталахъ см. въ приложеніи 26-мъ.

управленіе имѣніями нисколько не соотвѣтствуетъ духовному призванію, а такого рода хозяйничество монахинь даже странно. Оттого духовныя имѣнія и пришли въ бѣдственное состояніе. Весьма нерѣдко духовныя лица, не заботясь о будущемъ, разоряли крестьянъ, умножали съ нихъ поборы, обременяли работами до того, что, случалось, не оставляли крестьянамъ на себя и одного свободнаго дня въ недѣлю, притѣсняли ихъ, безъ вины отдавали въ рекруты, такъ что крестьяне убѣгали изъ имѣній; нищета бѣлорусскихъ мужиковъ доходила до того, что во время голода они принуждены были употреблять въ пищу гнилое дерево. Духовные управляли имѣніями или сами, или чрезъ своихъ повѣренныхъ, назначая часто въ эти должности своихъ родственниковъ. Не довольствуясь доходами, дѣлали долги, растрачивали церковныя деньги и содержали на счетъ церкви своихъ родственниковъ. Бывало и то, что монастырскіе начальники, перемѣняясь всякіе три года, обогащали только себя, не заботясь о поддержаніи строеній, набирали деньги на отправленіе литургій и расходовали ихъ на свои нужды, а службы не отправляли. Даже нѣкоторые епископы распоряжались произвольно духовными имѣніями. [1] Правительство, не вмѣшивавшееся вовсе ни

[1] Доказательствъ здѣсь сказаннаго такъ много, что приводить ихъ здѣсь всѣ было бы неумѣстно; но слѣдуя принятому нами правилу подкрѣплять выводы фактами, упомянемъ хотя нѣсколько примѣровъ.—По жалобѣ крестьянъ фундушевой деревни Тульштинской на притѣсненія, каменецкій каноникъ Барчевскій отданъ былъ въ 1817 году подъ судъ, и по слѣдствію открылось, что онъ дѣйствительно поступалъ тирански съ крестьянами, такъ что многіе изъ нихъ разбѣжались.—Въ 1820 году мѣщане и поселяне имѣнія виленскаго капитула, Посволя, на-

въ хозяйство, ни въ состояніе этихъ имѣній, ни въ употребленіе получаемыхъ съ нихъ доходовъ, вынуждено было однакоже частыми доходившими до него жалобами

ходящагося виленской губерніи въ Упитскомъ повѣтѣ, представили министру финансовъ, что по акту, заключенному съ виленскимъ капитуломъ 26 сентября 1744 года, платили ему по 1,771 злот. въ годъ, съ каждой уволоки земли ежегодно по 20 тынфовъ (около 4 р. сер.); но потомъ капитулъ, составляя ежегодно новый инвентарь, умножалъ поборы такъ, что теперь, кромѣ особенныхъ выдачь для присылаемыхъ отъ капитула лицъ, поселяне платятъ съ каждой уволоки болѣе 30 р. сер. Въ 1817 году поселяне жаловались на эти притѣсненія капитулу и высшему духовному начальству, и хотя были назначены для изслѣдованія духовныя лица, но такъ какъ оно дѣлалось безъ участія со стороны гражданскаго правительства, то положеніе крестьянъ нисколько не облегчилось; напротивъ того, капитулъ продолжалъ насылать управителей, которые, собирая съ крестьянъ оброки сверхъ положеннаго въ инвентарѣ, еще болѣе ихъ утѣсняли. Прокураторъ Знамѣровскій, чтобы скрыть переборы съ крестьянъ, предписалъ священнику имѣнія Посволь дѣлать имъ духовныя увѣщанія, не склоняющихся же на то ставить въ рекруты.—Въ 1822 году крестьяне Жосельскаго староства, принадлежавшаго виленскому госпиталю сестеръ милосердія, жаловались, что терпятъ отъ своихъ владѣлицъ отягощенія, насилія и жестокости, такъ что нѣкоторые изъ крестьянъ лишились жизни, а другіе, оставя свои домы, разошлись въ разныя мѣста.—Въ 1824 году, витебской губерніи, дризенскаго уѣзда, лещыловскаго прихода крестьяне жаловались на Игнатія Мирскаго, которому настоятель этой церкви кіевскій каноникъ Людвигъ Мирскій поручилъ надъ ними управленіе, что Мирскій строго и немилосердо поступаетъ съ ними, обременяетъ ихъ работами до того, что они не имѣютъ ни одного въ недѣлю дня свободнаго, что, подъ предлогомъ казенныхъ податей, вынуждаетъ у нихъ разные поборы, что изъ ихъ хлѣбныхъ запасовъ беретъ себѣ всегда половину безъ всякаго на то права, что ежегодно посылаетъ на ихъ подводахъ въ дорогу, взыскивая въ противномъ случаѣ подать подъ названіемъ подорожчины.—Въ 1811 году минской епархіи глембоцкаго монастыря настоятель Будный дѣлалъ издержки, несоразмѣрныя доходамъ, давалъ монастырскія деньги въ займы и дѣлалъ долги безъ вѣдома и согласія монаховъ, въ чемъ и былъ

на злоупотребленія духовныхъ, запретить сначала продавать и мѣнять духовныя имущества, что несмотря на положительное назначеніе ихъ по волѣ

онъ уличенъ, равно какъ и начальникъ мядзіольскаго монастыря, той же епархіи, Целица. По этому случаю коллегія предписала, чтобы при смѣнѣ каждаго монастырскаго настоятеля былъ всегда подавчій инвентарь, въ которомъ должно быть описаніе всѣмъ церковнымъ, монастырскимъ и фольварочнымъ вещамъ, засѣвамъ, барщинѣ, платежу дохода съ чиншъ, съ корчемъ, съ капитальныхъ суммъ, разнаго рода хлѣба въ зернѣ и прочему; такого инвентаря должны быть написаны два экземпляра,—одинъ изъ нихъ оставлять на мѣстѣ у монастырскаго начальника, а другой доставлять въ архивъ провинціи ордена.—Настоятель пошулинскаго монастыря Петрашкевичъ присвоилъ себѣ нѣкоторыя монастырскія суммы, распродалъ монастырскій скотъ и сѣно, растратилъ деньги, и на счетъ монастыря содержалъ своихъ родственниковъ. Коллегія отрѣшила Петрашкевича отъ должности и назначила на хлѣбѣ и водѣ осьмидневныя реколлекціи.—Монастырскія приходо-расходныя книги должны были подписываться всѣми монахами; но они обыкновенно не знали, что подписываютъ. Такъ витебской губерніи, лепельскаго позѣта, губинскаго францисканскаго монастыря многіе монахи объявили въ 1811 году, что нѣсколько лѣтъ живя въ монастырѣ, они не знаютъ о приходахъ и расходахъ монастырскихъ, хотя и подписываютъ счеты.—Настоятели приходскихъ церквей не отдавали никому отчета въ получаемыхъ ими процентныхъ церковныхъ деньгахъ, съ земскаго фундуша и т. п., потому что эти доходы составляли собственность настоятелей; потому и шнуровыхъ денежныхъ книгъ объ этихъ статьяхъ дохода при церквахъ заведено не было, а настоятели записывали ихъ, если хотѣли, въ свои домашнія счетныя книги. Тоже самое было и въ соборныхъ церквахъ, съ тою однако разницею, что онѣ состояли въ вѣдомствѣ каѳедральнаго капитула, который на капитульныхъ собраніяхъ, бывшихъ два раза въ году, избиралъ прокуратора, разсматривавшаго домашнія приходо-расходныя книги настоятеля.—Жалобу на злоупотребленія епископа Дедерко по управленію монастырскаго имѣнія см. въ приложеніи 27-мъ.—Въ 1818 году каменецкій епископъ Мацкевичъ принудилъ игуменью каменецкаго доминиканскаго монастыря отдать ему въ трехлѣтнее арендное содержаніе два фундушевыя монастырскія имѣнія.—Послѣ этихъ фактовъ, пре-

фундаторовъ дѣлалось, а въ 1822 году производить займы на счетъ этихъ имуществъ безъ высочайшаго на то разрѣшенія. Главное управленіе отстаивало всячески духовную собственность противъ исковъ частныхъ людей, и бывали случаи, что духовенство выигрывало свои процессы единственно по особымъ ходатайствамъ кн. Голицына. Итакъ, и въ этомъ отношеніи высшее правительственное учрежденіе было весьма удобно для духовенства: оставляя его распоряжаться, какъ оно хотѣло, церковнымъ добромъ, охраняло его только отъ всякихъ постороннихъ, и иногда не лишенныхъ справедливости притязаній. Но это не послужило къ пользѣ духовнаго сословія: въ невозмущаемомъ довольствѣ оно позабыло свои обязанности къ церкви и паствѣ.

Духовные капиталы почти никогда не вносились на сохраненіе въ кредитныя установленія, а отдавались на безсрочное время частнымъ людямъ, за бо́льшіе противъ банковъ проценты, и обезпечивались на недвижимыхъ ихъ имѣніяхъ. Проценты пла-

доставляю читателямъ судить о правильности слѣдующаго заключенія относительно управленія духовными имѣніями: «Duchowieństwo nie na próżno swych używa dochodów, które posiada w dobrach ziemskich lub summach, i jak tych nie strwonilo, tak w tamtych stan wieśniakow, budowę i góspodarstwo, osady i porządek wzorowy każdy bezstronny widzieć może. Rząd też prawie nigdy nie byl w potrzebie w skargi lub doniesienia wchodsić, któreby obwinialy duchowieństwo o nadużycie dóbr lub kapitalów, albo od fundatorów nadanych, albo od siebie przysposbionych». (Zbiór wiadomości, etc. p. 394).—Въ 1822 году отпущено было заимообразно на пять лѣтъ 55 т. р. изъ капитала коммиссіи духовныхъ училищъ, *принадлежавшаго православному духовенству и для употребленія коего были положительныя правила*, на прокормленіе бѣлорусскихъ крестьянъ въ имѣніяхъ латынскаго духовенства, имѣвшаго столько капиталовъ.

тились часто неисправно, а иногда и вовсе не получались, да и самые капиталы нерѣдко терялись то вполнѣ, то частями. На основаніи литовскаго статута, бывшаго тогда въ дѣйствіи въ западномъ краѣ, имѣнія, обезпечивавшія долги несостоятельныхъ заемщиковъ, подвергались раздѣлу между ихъ кредиторами, называвшемуся эксдивизіею. Эти эксдивизіи соединены были нерѣдко съ ущербомъ для духовенства, ибо частные кредиторы старались взять лучшія части раздѣляемаго имущества, а обезпеченіе духовнаго капитала переносилось на остатокъ имѣнія, который не всегда соразмѣрялся съ суммою займа ([1]). Такъ какъ весьма многіе капиталы духовенства по всѣмъ епархіямъ вошли въ эксдивизію ([2]), то немалая была оттого и потеря. Значитъ, духовныя лица распоряжались церковными капиталами точно также дурно, какъ и церковными имѣніями.

Имѣя такіе значительные матеріальные способы, духовенство не переставало обращаться къ правительству и самому государю съ просьбами объ отпускѣ денегъ изъ казны на построеніе церквей, на исправленіе ветхихъ, не имѣвшихъ фундуша, на духовныя заведенія, на содержаніе священниковъ, на вспоможеніе престарѣлымъ лицамъ духовнаго сословія и

([1]) Какъ несоразмѣрно капиталамъ бывало иногда выдѣляемое при эксдивизіяхъ имѣніе, въ числѣ многихъ другихъ примѣровъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ двухъ по виленской губерніи: янишевской церкви, самогитской епархіи, на 15,456 злотыхъ назначенъ крестьянинъ съ небольшимъ количествомъ земли въ разныхъ мѣстахъ; а виленскимъ бонифратрамъ на 3,784 рубля серебромъ опредѣлено четыре крестьянина и восемь уволокъ безплодной земли.

([2]) До 1820 года по одной луцкой епархіи подверглись эксдивизіи капиталы 18-ти церквей и 22-хъ монастырей, составлявшіе 81,792 руб. сер.

т. п. Это происходило отъ неравномѣрнаго распредѣленія церковной собственности: тогда какъ одни церкви и монастыри были чрезвычайно и не въ мѣру богаты, другіе были крайне бѣдны, а духовенство никогда не соглашалось жертвовать на общую пользу церкви. По справедливости должно сказать, что одинъ Сестренцевичь ставилъ общественное благо церкви выше частныхъ эгоистическихъ интересовъ епархій, мелкихъ расчетовъ духовныхъ собственниковъ, и въ продолженіе всей своей жизни твердилъ о необходимости составить общій капиталъ на духовныя потребности. Въ 1819 году онъ вновь напомнилъ, что безъ такой суммы обойтись нельзя, что ее легко составить изъ лишнихъ доходовъ многихъ церквей и монастырей, и что польза такой мѣры давно оправдана опытомъ въ православномъ духовномъ вѣдомствѣ. На этотъ разъ мысль митрополита была удостоена одобренія государя, и подробности соображеній по этому предмету возложены на коллегію, а въ 1822 году положено основаніе вспомогательному капиталу. Капиталъ этотъ долженъ былъ составляться изъ ежегоднаго самаго незначительнаго сбора съ одного бѣлаго духовенства ([1]) (богатѣйшее монашествующее отстранилось

([1]) Весь ежегодный сборъ на этотъ предметъ составлялъ 2,575 руб. сер. и распредѣленъ былъ такимъ образомъ между епархіями: могилевская обязана была взносить 300 руб. сер., виленская 1,000 р., самогитская 600, луцкая 450, каменецкая 112 р. 50 к., и минская столько же. Въ 1822 году вспомогательный капиталъ получилъ 3,000 р. сер. ежегоднаго приращенія. Въ виленскомъ капитулѣ была алтарія (часовня), устроенная виленскимъ епископомъ Войною. За этою алтаріею записаны были недвижимыя имѣнія, Лоскъ и Михнишки, въ которыхъ было 672 д. крестьянъ. Право ктиторства надъ этою бенефиціею предоставлено было епископомъ Войною виленскому

отъ складки), оставаться неприкосновеннымъ въ государственномъ заемномъ банкѣ, а проценты съ него назначены были на производство пособій. Въ послѣдующее царствованіе въ составъ этого капитала отнесены были многіе другіе случайные и единовременные доходы, и только тогда онъ образовался вполнѣ, особымъ стараніемъ и попечительностію бывшаго главноуправляющаго Д. Н. Блудова, которымъ начертаны были и правила относительно выдачи изъ него вспомоществованій.

Разсмотрѣвши состояніе латынскаго духовенства въ царствованіе императора Александра I, средства, коими оно располагало, его отношенія къ мѣстной духовной власти и правительству, мы должны упомянуть о порядкѣ и предметахъ сношеній съ римскимъ дворомъ по дѣламъ духовнымъ, о чемъ говорили доселѣ только насколько это относилось до расширенія правъ епископскихъ.

Основный законъ Екатерининскій, что никакія сношенія съ заграничными властями не допускаются помимо правительственныхъ учрежденій, сохраненъ былъ во всей своей силѣ и при Александрѣ, и при случаяхъ подтверждалось о непремѣнномъ его исполненіи ([1]). Но на практикѣ это коренное государ-

капитулу, который назначалъ обыкновенно на это доходное мѣсто одного изъ своихъ членовъ. По представленію коллегіи объ упраздненіи этой бенефиціи, какъ не имѣщей приходскихъ обязанностей, комитетъ министровъ, согласно съ мнѣніемъ кн. Голицына, 26 сентября 1822 года положилъ: присоединить эту бенефицію къ столовымъ имѣніямъ виленской каѳедды, съ тѣмъ, чтобы половина ея доходовъ, именно 3,000 р. сер. въ годъ, вносима была ежегодно въ составъ вспомогательнаго капитала, обезпечивъ этотъ взносъ на всѣхъ имѣніяхъ капитула.

([1]) По случаю сдѣланнаго митрополитомъ безъ высочайшаго

ственное постановленіе безпрестанно нарушалось: монашескіе ордена переписывались тайно съ своими генералами, нерѣдко и епископы входили въ непосредственныя сношенія съ разными римскими властями, наконецъ польскіе помѣщики, путешествуя по Италіи, исходатайствовали и покупали въ Римѣ разныя привиллегіи для своихъ сельскихъ костеловъ. Отступленія отъ предписаннаго порядка сношеній умножились въ особенности по возстановленіи въ 1814 году папы на римскомъ престолѣ: весьма часто разрѣшенія высылались изъ Рима по частнымъ домогательствамъ и доходили до свѣдѣнія министерства, когда были уже получены духовенствомъ. Происходило это не отъ невѣдѣнія или неудобствъ переписки чрезъ установленныя инстанціи, а оттого, что Римъ не хотѣлъ подчиниться относившемуся до этого предмета государственному постановленію, существовавшему однако не въ одной Россіи, а и въ нѣкоторыхъ католическихъ государствахъ, наученныхъ опытомъ, что безъ наблюденія правительствъ папская власть можетъ переступить предѣлы допускаемаго въ благоустроенныхъ обществахъ вмѣшательства духовенства въ дѣла гражданъ.

соизволенія сношенія съ папою о рукоположеніи суффрагана Кохановича, предписано ему было въ 1803 году, чтобы онъ въ случаяхъ нужды переписки съ Римомъ представлялъ сенату для испрошенія высочайшаго разрѣшенія. (Полн. собр. зак. т. XXVII, № 20939). Въ указѣ того же 1803 года сказано: «Не взирая на всѣ запрещенія, толь положительныя и неоднократно подтвержденныя, дошло до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества, что многія общества и частные жители римско-католическаго исповѣданія дерзнули имѣть прямое сношеніе съ римскимъ дворомъ и его послами», вслѣдствіе чего строжайше это вновь запрещено. (Полн. собр. зак. т. XXVII, № 21078).

Съ 1800 года мы находимъ уже русскаго посланника въ Римѣ, отозваннаго впослѣдствіи потому, что папа сдѣлался плѣнникомъ французовъ, и всякій доступъ къ нему запрещенъ былъ Наполеономъ. По присоединеніи къ Россіи польскаго королевства, на основаніи вѣнскаго конгресса, и по возвращеніи папы въ его владѣнія, учреждено было въ Римѣ постоянное русское посольство, и повѣреннымъ въ дѣлахъ назначенъ былъ тогда баронъ Тюйль (*Tuyll*). Политическіе интересы Россіи въ римской области были всегда очень второстепенны: она никогда не искала и не имѣла нужды искать утвержденія тамъ своего матеріальнаго владычества, подобно Австріи и Франціи, потому что дѣла Италіи не представляютъ для ея политики такого значенія, какъ для этихъ двухъ государствъ. Потому и русское посольство установлено было въ Римѣ не столько для дѣлъ политическихъ, сколько для облегченія сношеній исповѣдниковъ латынской вѣры въ имперіи и королевствѣ польскомъ съ главою ихъ церкви, для ходатайствованія по ихъ духовнымъ нуждамъ, когда удовлетвореніе ихъ зависѣло исключительно отъ римскаго двора. По представленію епархіальныхъ начальниковъ и другихъ духовныхъ властей, главное управленіе передавало такого рода прошенія и домогательства у Рима министерству иностранныхъ дѣлъ, послѣднее поручало нашему римскому посольству получать просимыя разрѣшенія, которыя и доставлялись тѣмъ же путемъ. Но Римъ продолжалъ дѣлать по своему. Поэтому поставлено было на видъ римскому двору, что такія отступленія не сообразны съ правилами, принятыми русскимъ правительствомъ, и папское министерство обѣщало не

уклоняться впередъ отъ установленнаго порядка, но не всегда исполняло свои обѣщанія. Въ 1821 году, по поводу выдачи въ Римѣ брачной диспенсаціи полковнику Озанчевскому, вновь обращено было вниманіе римскаго двора на эти противозаконныя въ Россіи распоряженія. Статсъ-секретарь кардиналъ Консальви выразилъ нашему посланнику свое сожалѣніе о случившемся, но вмѣстѣ съ тѣмъ отозвался, что онъ находитъ себя въ невозможности предупредить на будущее время подобные случаи. Это объяснялось тѣмъ, что Консальви не имѣлъ достаточнаго вліянія на начальниковъ разныхъ конгрегацій, ревнующихъ о своей власти и жадныхъ къ корысти.

Въ присылаемыхъ изъ Рима буллахъ нерѣдко заключались такія мѣста, которыя не могли быть ни допущены, ни исполнены въ Россіи. Однѣ изъ нихъ вносились въ буллы по принятому издревле обыкновенію, по привычкѣ, изъ одной формальности [1],

[1] Такъ, напримѣръ, въ буллахъ на посвященіе епископовъ римскій дворъ давалъ часто слѣдующія права: 1) доставлять въ церквахъ прибѣжище преступникамъ на извѣстное число дней; 2) чиновникамъ епископскихъ канцелярій производить въ нѣкоторыхъ поименованныхъ въ буллахъ случаяхъ слѣдствіе надъ ворами въ церквахъ и другихъ церковныхъ мѣстахъ; 3) переносить раненыхъ или убитыхъ, находящихся въ церквахъ, на другія мѣста, для производства слѣдствія; 4) выводить изъ церквей бѣглыхъ солдатъ и обвиненныхъ въ другихъ воинскихъ преступленіяхъ, и отдавать ихъ командирамъ, по полученіи предварительнаго отъ нихъ обѣщанія, подъ присягою, что они не будутъ подвергать этихъ солдатъ наказанію; 5) къ этимъ булламъ обыкновенно присоединялось посланіе къ вассаламъ, съ внушеніемъ имъ повиновенія. Все это остатокъ среднихъ вѣковъ, не имѣющій смысла въ наше время, но сохраняемый Римомъ вѣроятно для ненарушимости преданія. Относительно вассальства карниналъ Консальви объяснилъ въ 1816 году, что

другія же, напротивъ того, намѣренно, съ цѣлію присвоить латынству и Риму всемірное владычество и право вмѣшательства въ распоряженія правительствъ. Такъ, напримѣръ, часто въ буллахъ о посвященіи епископовъ предписывалось имъ разсылать миссіонеровъ для привлеченія къ римской церкви невѣрныхъ и для истребленія, какъ это называлось въ нихъ, ересей, за что̀ объявлялось всеобщее прощеніе грѣховъ; или же предоставлялось епископамъ, въ противность постановленій тридентинскаго собора, которыхъ папа не властенъ нарушить, владѣть нѣсколькими бенефиціями, удерживать прежніе приходы и т. п. Ежели подобныя мѣста находились въ самой буллѣ, то при отсылкѣ ея къ епископу, къ которому она была написана, предписывалось обыкновенно такими властями не пользоваться; если же онѣ заключались въ присоединенныхъ къ буллямъ отдѣльныхъ посланіяхъ, то оставлялись безъ дѣйствія въ архивѣ главнаго управлнія. Вообще же всѣ папскія разрѣшенія, находившіяся въ буллахъ, допускались, поколику онѣ не противны государственнымъ узаконеніямъ. По этому самому православное правительство не могло дозволить, чтобы подданныхъ его римскіе миссіонеры обращали въ латынство, какъ-бы какихъ идолопоклонниковъ; не могъ также русскій императоръ, какъ и другія державы, допустить папу вмѣшиваться въ дѣла недуховныя и раздавать, по своему произволу, бенефиціи въ имперіи. Въ этихъ случаяхъ предоставлялось епископамъ самимъ ходатайствовать о на-

это посланіе включается въ буллы только для формы, которая въ римской куріи обыкновенно наблюдается, и именемъ папы изъявилъ согласіе выпустить эту статью.

значеніи имъ добавочнаго содержанія, оставленіемъ при нихъ бенефиціи; представленія ихъ разсматривались коллегіею, главнымъ управленіемъ и наконецъ комитетомъ министровъ, и если признавались уважительными, подносились на высочайшее утвержденіе, «дабы римско-католическое духовенство вѣдало», какъ выразился однажды адмиралъ Шишковъ, «что раздача мѣстъ зависитъ не отъ чуждой власти, а единственно отъ самодержавной воли.»

Римскій дворъ сталъ было также измѣнять присягу, начертанную императрицею Екатериною по случаю возведенія Сестренцевича въ санъ архіепископа, и на которую долженъ былъ согласиться папа Пій VI. Въ присланныхъ въ 1814 году буллахъ на наименованіе Мацкевича епархіальнымъ епископомъ, а князя Пузыны и Маскле—суффраганами, включено было клятвенное обѣщаніе преслѣдовать всѣхъ, не принадлежащихъ къ латынской церкви и не подчиняющихся папѣ, не распоряжаться духовными имѣніями иначе, какъ съ соизволенія римскаго двора, и выпущено столь существенное толкованіе въ концѣ Екатерининской присяги, что всѣ обязательства, даваемыя папѣ, нисколько не противорѣчатъ обязанностямъ вѣрноподданнаго. Въ этихъ же буллахъ было прибавлено: «Если бы какой епископъ рѣшился посвятить этихъ наименованныхъ во епископы безъ принятія присяги по формѣ, теперь доставленной, и они на то согласились бы, то какъ посвятившій епископъ, такъ и новопосвященные подвергнутся отлученію отъ церкви». Очевидно, что это условіе включено намѣренно съ цѣлію измѣнить не нравившуюся Риму форму присяги, введенную Екатериною, потому что она была не фа-

натическая и не заключала въ себѣ проклятія другихъ христіанскихъ исповѣданій. Припомнимъ, что эту перемѣну вздумалъ сдѣлать папа, только что онъ возвратился, черезъ содѣйствіе православнаго императора, въ свой Римъ, изъ коего былъ выгнанъ императоромъ католическимъ. Комитетъ министровъ, не согласившись принять эти буллы, положилъ отослать ихъ назадъ къ папѣ и требовать, чтобы онъ велѣлъ ихъ исправить. Папа согласился вычеркнуть всѣ эти ненужныя и оскорбительныя для другихъ христіанскихъ вѣръ прибавленія въ буллахъ, а кардиналъ Консальви извинялся и увѣрялъ, что будто бы эти ошибки произошли оттого, что чиновникъ, писавшій бумаги, неопытенъ, и что архивы, съ которыми слѣдовало справиться, остались въ Парижѣ.

Въ особенности фанатическое направленіе принялъ Римъ, по избраніи на папскій престолъ Льва XII. Буллою, изданною 3 мая 1824 года, этотъ папа, извѣщая о своемъ избраніи патріарховъ, примасовъ, архіепископовъ и епископовъ, поучалъ ихъ, что терпимость духовная есть послѣдствіе ложной философіи, толковалъ, что всѣ безпорядки и бѣдствія въ христіанствѣ произошли отъ упрямаго презрѣнія церковной власти, — власти той церкви, которая пріемлетъ Петра на Петровъ престолъ и признаетъ Петра въ лицѣ преемника его папы римскаго. «Богъ на семъ престолѣ единства», говорится въ буллѣ, «положилъ ученіе истины, и не будетъ тому Богъ отцемъ, кто не почитаетъ сей церкви матерью». Эта булла, поощрявшая къ нетерпимости другихъ вѣръ, не была допущена въ Россіи; «нужно имѣть наблюденіе», писалъ по этому

случаю адмиралъ Шишковъ, «чтобы папская духовная власть находилась въ установленныхъ для нея предѣлахъ.»

Итакъ, границы папской власти, обозначенныя Екатериною, остались незыблемыми при императорѣ Александрѣ; онъ умѣлъ сохранить въ сношеніяхъ своихъ съ римскимъ дворомъ то же достоинство, которое отличаетъ правленіе его безсмертной бабки. Въ этомъ отношеніи различіе между двумя царствованіями состоитъ въ томъ, что Екатерина все дѣлала сама, по самодержавной своей волѣ, допуская папу, когда онъ желалъ, облекать свои распоряженія въ обычныя формы римскихъ канцелярій, а Александръ считалъ нужнымъ не приступать къ дѣлу, не получивши согласія отъ Рима, полагая тѣмъ самымъ соблюсти всѣ каноническіе законы. Какая изъ этихъ двухъ системъ дѣйствій была не только сообразнѣе съ существомъ правительственной власти, но и полезнѣе для церкви, — мы видѣли уже изъ всего предъидущаго изложенія.

За каждую буллу на санъ епископскій въ Римѣ платили, и даже довольно дорого, такъ что даже суффраганская булла стоила около 500 руб. сер. Въ первое время по возвращеніи папы Пія VII въ Римъ, тамошнее правительство не искало большихъ для себя выгодъ отъ продажи буллъ; ему нужно было тогда возстановить свои утраченныя права, положить однѣ общія основанія, развитіе коихъ оно предоставляло времени, при болѣе удобныхъ для него обстоятельствахъ. Но при папѣ Львѣ XII, когда число кардиналовъ увеличилось, когда по большей части они содержались на счетъ римскаго двора, папское министерство, желая сберечь вну-

тренніе источники доходовъ, старалось возобновить тѣ внѣшніе поборы въ разныхъ странахъ, которые были уничтожены революціею и ея послѣдствіями, увеличило цѣну епископскихъ буллъ, и думало даже ввести вновь столь тягостныя для духовенства аннаты, объявляя притязанія на третью часть всѣхъ епархіальныхъ доходовъ католическаго міра. Въ это время нашъ посланникъ въ Римѣ Италинскій нашелъ нужнымъ условиться положительно на счетъ платежей за епископскія буллы, и въ 1824 году сторговался довольно выгодно, сравнительно съ тѣмъ, что̀ платили нѣкоторыя другія державы, именно буллы оцѣнены были такъ: архіепископская въ 1,340 р. сер. (1,000 римскихъ скудіевъ), епископская въ 1,072 р. сер. (800 скудіевъ), и епископовъ суффragановъ, носящихъ званіе *in partibus*, въ 120 р. 60 к. сер. (90 скудіевъ). Австрія, Ганноверъ и Пруссія платили почти вдвое.

Сношенія наши съ римскимъ дворомъ по дѣламъ духовнымъ ограничивались, говоря вообще, тремя предметами, по коимъ требовались разрѣшенія папы, именно: 1) на посвященіе епископовъ, 2) на увольненіе отъ монашескихъ обѣтовъ, и 3) на дозволеніе браковъ въ близкихъ степеняхъ родства. Два послѣдніе предмета касались частныхъ лицъ, для которыхъ наше римское посольство служило только посредникомъ; собственно же правительственное дѣло состояло единственно въ полученіи согласія на посвященіе епископовъ. Этотъ церковный обрядъ былъ только духовнымъ утвержденіемъ воли русскихъ императоровъ, со времени учрежденія латынскихъ епархій въ Россіи назначавшихъ, по своему усмотрѣнію, въ санъ епископскій высочайшими указами.

Въ продолженіе полувѣка былъ только одинъ примѣръ, что папа не далъ согласія на посвященіе епископа, именно въ 1816 году онъ отказалъ въ этомъ канонику Лабунскому, наименованному государемъ суффраганомъ житомірскимъ [1]. Лабунскій еще въ царствованіе императрицы Екатерины, предъ вступленіемъ въ 1794 году въ Польшу русскихъ войскъ, избранъ былъ Сестренцевичемъ въ армію для исправленія духовныхъ требъ военнымъ чинамъ латынскаго исповѣданія, былъ употребляемъ не только въ должности по сану его, но и по конфедераціи польской, во время революціи въ Варшавѣ много потерпѣлъ отъ преслѣдованія, потерялъ свое имѣніе и былъ тяжело раненъ. По ходатайству Суворова, императрица велѣла дать ему канонію въ виленскомъ капитулѣ. Потомъ онъ занималъ должности ассессора и вице-оффиціала виленской консисторіи, а съ 1813 по 1816 годъ былъ засѣдателемъ коллегіи. Итакъ вся предъидущая его дѣятельность и носимыя уже

[1] Всѣ предшественники и современники Лабунскаго на епископскихъ каѳедрахъ въ западной Россіи были назначены въ эту должность самодержавною волею государей, именно: 1) пять епархіальныхъ епископовъ, бывшіе въ живыхъ въ 1817 году, когда начались переговоры съ римскимъ дворомъ о причинахъ отказа въ посвященіи Лабунскаго,—Сестренцевичь, Цѣцишевскій, князь Іосифъ Гедройцъ, Дедерко, Мацкевичь; 2) пять умершихъ въ то время,—князь Яковъ Гедройцъ, Іоаннъ Коссаковскій, Дембовскій, Криштофовичь; 3) девять епископовъ суффрагановъ, бывшихъ въ живыхъ въ 1817 году,—Моздзіеневскій, Каміонка, князь Пузына, Адамъ Коссаковскій, Клокоцкій, Кунзичь, Подгороденскій, князь Семенъ Гедройцъ, Маскле; 4) шесть епископовъ суффрагановъ, умершихъ въ то время,—Горбацкій, Бениславскій, Одынецъ, Андрей Холоневскій, Стройновскій, Качковскій. Всѣ эти 25 епископовъ пожалованы въ сей санъ русскими императорами, и уже послѣ назначенія ихъ въ должность получались папскія буллы на посвященіе.

высокія въ духовной іерархіи званія вели его къ епископскому сану. Но политическіе его противники работали противъ него въ Римѣ, а къ нимъ присоединились іезуиты, негодовавшіе на Лабунскаго за то, что онъ пользовался расположеніемъ митрополита и часто служилъ въ его домовой церкви. Эти интриги такъ подѣйствовали на папу, что онъ рѣшительно отказалъ въ посвященіи его, и самъ написалъ письмо государю, объясняя въ немъ, что онъ не можетъ согласиться на это назначеніе, потому что будто Лабунскій человѣкъ «обезславленный». Послѣ этого начались было переговоры по сему случаю, но въ 1820 году государь приказалъ ихъ прекратить, а Лабунскаго оставилъ въ пожалованномъ санѣ, который и былъ сохраненъ ему по его кончину въ 1831 году.

Изъ этого видно, что самодержавная власть русскихъ императоровъ не подчинялась папскому произволу, и что даже было весьма мало случаевъ для римскаго двора, чтобы показать свое могущественное вліяніе. За то онъ не переставалъ напоминать о своемъ значеніи при соблюденіи различныхъ формальностей, предшествующихъ посвященію епископовъ. Несмотря на то, что о всѣхъ назначенныхъ въ этотъ санъ папское правленіе собирало обыкновенно подъ рукою самыя подробныя свѣдѣнія, почему, согласившись уже на посвященіе, знало въ совершенной полнотѣ всю біографію такого духовнаго лица, по установленному порядку назначалось однако же производить ему т. н. каноническій процессъ чрезъ одного изъ епископовъ. Въ каноническомъ процессѣ ставились разные вопросные пункты о жизни и службѣ церкви нареченнаго епископа,

на которые отвѣчалъ знающій его лично человѣкъ [1]. Все это производство—очевидная и ни къ чему не служащая формальность; но Римъ за нее стоитъ, чтобы дать почувствовать преисполненному нетерпѣливымъ ожиданіемъ духовному, что исполненіе этого ожиданія зависитъ отъ римскаго двора, и отъ него одного. Сначала нужно было выхлопотать въ Римѣ согласіе на производство каноническаго процесса, потомъ предписаніе на выполненіе его; послѣ этого длился самый процессъ, далѣе пересылался онъ въ Римъ, тамъ разсматривался и наконецъ уже получалась булла, назначающая посвященіе. Все это брало обыкновенно нѣсколько мѣсяцевъ, иногда цѣлые годы, а во время этихъ проволочекъ церковь оставалась безъ рукоположеннаго пастыря,—единственно изъ за буквальнаго выполненія честолюбивой римской системы. Каноническіе процессы присылались въ главное управленіе, для отсылки въ Римъ, обыкновенно запечатанными, подъ тѣмъ предлогомъ, что содержаніе ихъ не должно быть извѣстно никому, кромѣ экзаменаторовъ; но по разрѣшеніямъ, которыя вслѣдствіе ихъ выходили изъ Рима, нерѣдко оказывалось, что въ процессахъ помѣщались разныя прошенія и представленія къ папѣ, которыя давали поводъ этой духовной власти преступать предѣлы, назначенные ей въ Россіи. Въ предупрежденіе такихъ неправильностей, адмиралъ Шишковъ, съ разрѣшенія комитета министровъ, сталъ требовать отъ экзаменаторовъ списковъ съ каноническихъ процессовъ, для разсмотрѣнія ихъ въ главномъ управленіи.

Такимъ образомъ, русское правительство мало нуж-

(1) См. приложеніе 28-е.

*

далось въ римскомъ дворѣ. Напротивъ того папа нерѣдко прибѣгалъ къ великодушному заступничеству императора Александра по политическимъ дѣламъ своей области. Вѣроятно желая доказать свою признательность русскому государю, Пій VII прислалъ въ 1814 году буллу со внушеніемъ обитающимъ въ Россіи римско-католикамъ вѣрноподданническаго повиновенія императору. Передавая эту буллу митрополиту, князь Голицынъ писалъ ему: «Его Императорское Величество соизволилъ, чтобы вы содержаніе полученнаго вами посланія папы Пія VII отъ 29 іюля 1814 года учинили извѣстнымъ одному римско-католическому въ Россіи духовенству, не дѣлая онаго посредствомъ какихъ-либо публичныхъ обвѣщеній гласнымъ между другими состояніями ввѣренной вамъ паствы; ибо никакому сомнѣнію не подвержено, что въ Россіи какъ духовенство, такъ и другія сословія римско-католическаго исповѣданія, чувствуя вмѣстѣ со всѣми состояніями россійской имперіи, безъ различія религій, благотворное попеченіе о нихъ правительства, и руководствуясь данною ими въ вѣрности присягою, не имѣютъ нужды въ увѣщаніи или преклоненіи къ тому со стороны папы римской церкви».

Не дозволяя римскому двору никакого вмѣшательства во внутреннія дѣла государства, правительство не только не противилось тѣмъ законнымъ отношеніямъ духовной подчиненности, которыя должны существовать между исповѣдниками латынской вѣры и главою ихъ церкви, но и наблюдало даже, чтобы онѣ не нарушались. По кончинѣ въ 1823 году папы Пія VII, предписано было отправлять панихиду по

усопшемъ пастырѣ во всѣхъ костелахъ имперіи [1]; митрополитъ и епископы послали поздравительныя письма вновь избранному папѣ Льву XII. Въ 1822 году государь приказалъ выслать за границу настоятеля римско-католической церкви въ Одессѣ Линдля, вызваннаго изъ Баваріи, который проповѣдывалъ ученіе, несогласное съ догматами латынской вѣры. Въ 1823 году отклоненъ былъ пріѣздъ въ Россію изъ Баваріи священника Лангенмейера, которому предлагали было мѣсто капеллана и профессора французской словесности, за то что онъ въ письмѣ своемъ выразилъ убѣжденія несовмѣстныя съ саномъ священника римской церкви [2]. Въ 1824 году высланъ за границу изъ Петербурга римско-католическій священникъ Госнеръ за напечатанное имъ, противное правиламъ римской церкви, сочиненіе подъ заглавіемъ: «о евангеліи отъ Матѳея». Такимъ образомъ, русское правительство оберегало само римско-католическую церковь отъ вкрадывавшихся въ нее ересей; но при этомъ не дозволяло римскому

(1) Извѣщая о кончинѣ Пія VII, нашъ посланникъ въ Римѣ Италинскій отъ $^{8}/_{20}$ августа 1823 г. писалъ: «Le Saint Père a cessé de vivre aujourd'hui à 6 heures du matin. Ce vénérable Pontife, dont la vie n'a été qu'un tissu de souffrances, qui a souffert comme particulier, comme Pontife et comme souverain, qui a eu à lutter contre la tyrannie révolutionnaire et contre la tyrranie de l'usurpation qui au milieu des pérsecutions a toujours conservé un calme religieux, une résignation héroïque, qui éspérait enfin au terme de sa carrière, après avoir vu le triomphe de la légitimité, pouvoir couler des jours de paix, a perdu la vie à la suite d'un accident inattendu, au milieu des plus grandes douleurs, comme si le Ciel, avant de le récompenser, eût voulu donner en lui l'éxemple de ce que peut souffrir la vertu».

(2) Письмо по этому случаю директора департаменка Тургенева см. въ приложеніи 29-мъ.

двору вмѣшиваться въ свои распоряженія. За принятіе конфиденціальной ноты отъ папскаго министерства, съ требованіемъ удаленія Линдля отъ прихода, нашему посланнику Италинскому сдѣлано было оффиціальное замѣчаніе. По этому поводу князь Голицынъ писалъ графу Нессельроде: «Доселѣ римскій дворъ никогда еще не вмѣшивался въ дѣла приходовъ, не имѣя ни способовъ, ни возможности завѣдывать оными, или замѣщать вакантные. Въ Россіи также наблюдалось изстари твердымъ правиломъ, дабы епархіальные епископы относились къ его святѣйшеству въ тѣхъ токмо случаяхъ, гдѣ дѣло превышаетъ власть ихъ, и не подвергались бы излишней отъ него зависимости; правило сіе подтверждено было вновь и получило по высочайшей волѣ силу закона. По всѣмъ симъ уваженіямъ я полагаю, что тайному совѣтнику Италинскому слѣдовало отклонить вопросы и предположенія римскаго двора въ такомъ дѣлѣ, которое зависитъ непосредственно отъ епархіальныхъ епископовъ и лежитъ на ихъ отвѣтственности, а не поставлять правительство въ затруднительное положеніе опровергать притязанія, клонящіяся къ умноженію вліянія римскаго двора на церковныя дѣла нашего государства и къ нарушенію установленнаго въ немъ издавна порядка, съ коимъ и самъ римскій дворъ по сіе время соображался». Объ удаленіи Линдля митрополитъ намѣревался было донести папѣ и заготовилъ уже письмо. По прочтеніи его, князь Голицынъ объяснилъ Сестренцевичу о значеніи, которое можетъ быть придано такому посланію. «Сей отзывъ», писалъ онъ, «можетъ подать ту мысль, якобы распоряженіе о Линдлѣ послѣдовало по отношенію кардинала Са-

малія. А такъ какъ я увѣдомилъ ваше высокопреосвященство, что сіе отношеніе оставлено безъ дѣйствія, и что высочайшее повелѣніе объ ономъ священникѣ состоялось по собственному его прошенію, полученному гораздо прежде письма кардинала Самалія, то я почитаю долгомъ предварительно снестись съ вами: не разсудите ли вы перемѣнить содержаніе отзыва такъ, чтобы оно не могло дать повода къ заключенію, несогласному съ ходомъ дѣла и существомъ рѣшенія его». Такъ и было сдѣлано.— Замѣчательно, что во всемъ этомъ дѣлѣ римскій дворъ былъ только орудіемъ тайныхъ козней Меттерниха, который, имѣя рѣшительное вліяніе на политику графа Нессельроде, вмѣшивался и въ устройство римско-котолической церкви въ Россіи, разумѣется, въ смыслѣ австрійскомъ и папистскомъ, и заботился о сохраненіи ея чистоты и правовѣрности (1).

(1) 22 ноября 1820 года Меттернихъ писалъ кардиналу Консальви: «Je me réserve d'écrire à Votre Éminence par la toute première occasion, pour entrer vis-à-vis d'elle dans plusieurs détails d'un haut interêt pour la religion en Russie. Avec quelques démarches *bien calculées* on parviendra à y écarter tous les faux apôtres, tel que Lindl et d'autres, qui ne visent qu'à y corrompre les catholiques, et à les entraîner dans les voies de toutes les erreurs, auxquelles ces fanatiques s'abandonnent eux-mêmes. Je réclamerai en ceci les secours de Votre Éminence, en ma qualité de bon catholique et en celle d'homme d'état. L'erreur en fait de religion conduit toujours à toutes les autres. Une seule puissance régit le monde moral, et aussi souvent que cette puissance est attaquée, il se prépare des secousses. Voilà une profession de foi à laquelle Votre Éminence m'a toujours trouvé fidele». (Mémoires du cardinal Consalvi, avec une introduction et des notes par J. Crétineau-Joly. Paris. 1864. t. 1. p. 125).

XIV.

СОСТОЯНІЕ АРМЯНО-КАТОЛИЧЕСКОЙ И ГРЕКО-УНІАТСКОЙ ЦЕРКВЕЙ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

Предписанныя императрицею Екатериною мѣры касательно армяно-католической церкви не были выполнены.—Учрежденіе армяно-католической епархіи.—Криштофовичь, армяно-католическій епископъ, 1810—1816 гг.—Виды римскаго двора въ устройствѣ особаго управленія для армяно-католической церкви.—Безполезность армяно-католической епархіи.—Каноникъ Вартерисовичь, администраторъ епархіи, 1816—1822.—Ходатайство римскаго двора объ открытіи новой армяно-католической епархіи въ Грузіи, 1814. — Латынская пропаганда между армянами. — Антоній Пурадіанъ.—Князь Циціановъ проситъ подчинить кавказскихъ миссіонеровъ власти русскаго римско-католическаго епископа, 1803. — Генералъ Ермоловъ повторяетъ то же ходатайство, 1823.—Армяно-католическая епархія падаетъ сама собою.—Каноникъ Мошоро.—Греко-уніатская церковь.—Подчиненіе этой церкви латынской іерархіи. — Совращеніе уніатовъ въ римскій католицизмъ.—Уніаты просятъ правительство о защитѣ отъ притѣсненій католиковъ, 1803.—Рѣчи уніатскаго архіепископа Лисовскаго въ пользу уніатовъ. — Представители уніатскаго духовенства присутствуютъ въ римско-католической духовной коллегіи, 1804.—Управленіе уніатскимъ духовенствомъ передается особому департаменту коллегіи, 1805.—Архіепископъ Лисовскій, предсѣдатель уніатскаго департамента.—Возведеніе его въ санъ митрополита, 1806.—Старанія митрополита Лисовскаго возвратить уніатскую церковь къ ея первоначальному устройству.—Новое разграниченіе уніатскихъ епархій.—Учрежденіе новой митрополіи, 1809.—Епископъ Кохановскій, возве-

денный въ санъ митрополита, 1810—1814. — Онъ слѣдуетъ системѣ своего предшественника.—Борьба съ базиліанами.—Состояніе базиліанскаго ордена.—Антагонизмъ между базиліанами и бѣлымъ уніатскимъ духовенствомъ.—Запрещеніе латынскому духовенству совращать уніатовъ, 1807—1810.—Базиліанамъ не дозволяется принимать римско-католиковъ въ свой орденъ, 1810.—По смерти Кохановича, митрополичья каѳедра остается праздною три года, 1814—1817. — Епископъ Булгакъ, назначенный митрополитомъ, 1817.—Онъ покровительствуетъ базиліанамъ.—Жалобы бѣлаго уніатскаго духовенства на злоупотребленія базиліанъ.—Базиліане достигаютъ низложенія архіепископа Красовскаго, поддерживавшаго уніатское духовенство. — Его процессъ, 1821—1823. — Главное управленіе исповѣданій убѣждается во вредномъ направленіи базиліанъ.—Паденіе базиліанскаго ордена.—Сравнительное состояніе бѣлаго уніатскаго духовенства въ Австріи и въ Россіи.—Бѣдность приходскаго духовенства.—Семинаріи.—Затруднительное положеніе уніатскихъ епископовъ.—Унія едва держится.

Намъ остается посмотрѣть на состояніе двухъ церквей, соединенныхъ съ латынскою, — армяно-католической и греко-уніатской, въ царствованіе императора Александра.

Въ видахъ независимости отъ чуждой власти и избѣжанія прибытія въ Россію иностранныхъ духовныхъ, императрица Екатерина, какъ мы видѣли, повелѣла завести училища для образованія армяно-католическаго духовенства, а до открытія ихъ посылать клириковъ этого исповѣданія въ львовскую академію того же обряда; не допуская подчиненности грузинскихъ миссіонеровъ пропагандѣ, поручила ихъ въ завѣдываніе епископа той епархіи, въ которой они состояли, то есть, архіепископа могилевскаго, и къ той же каѳедрѣ причислила въ духовномъ отношеніи всѣхъ вообще армяно-католиковъ. Этими мѣрами русскіе подданные должны были освободиться отъ чужеземнаго порабощенія въ дѣлѣ вѣры,

а сектаторская въ армянствѣ церковь лишилась отдѣльнаго бытія. Къ несчастію, мысли государыни не были выполнены, а впослѣдствіи измѣнены и главныя основанія предположеннаго ею плана управленія этою церковію. Училищъ для армяно-католическаго духовенства основано не было, въ львовскую академію клириковъ не высылали, миссіонеры, не подчиняясь мѣстному епископу, остались въ полномъ распоряженіи пропаганды, и наконецъ въ 1806 году армяно-католики были изъяты изъ епархіальнаго вѣдомства митрополита и надъ ними поставленъ особый епископъ ихъ обряда Іосифъ Криштофовичь, посвященный въ 1810 году въ Львовѣ; каѳедра его находилась въ Могилевѣ на Днѣстрѣ.

Мы уже знаемъ, что римскій дворъ давно хлопоталъ объ устройствѣ епархіальнаго управленія для армяно-католиковъ, такъ чтобы оно не смѣшивалось съ собственно римско-католическими епархіями. И это понятно. Не говоря уже о томъ, что онъ получалъ такимъ образомъ лишнюю въ Россіи епархію, что̀ входило въ вѣковую его систему, онъ этимъ самымъ держалъ постоянно открытыми двери, ведущія армянъ-григоріанъ къ католицизму; точно такъ дѣйствовалъ онъ и съ уніатами. Въ самомъ дѣлѣ, еслибъ высшая духовная власть надъ этою сектою армянской церкви принадлежала римско-католическому епископу, то армяно-католики, сливаясь постепенно съ природными католиками, чему латынское духовенство, жадное пропаганды, безъ сомнѣнія содѣйствовало бы, перешли бы наконецъ открыто въ латынство; тогда особая армяно-католическая церковь перестала бы существовать, а обращеніе армянъ-григоріанъ прямо въ католицизмъ совсѣмъ не такъ легко,

какъ привлеченіе ихъ къ обряду, въ которомъ сохранена вся внѣшность ихъ богослуженія, который для нихъ не чуждъ, какъ римскій ритуалъ. Вѣроятно, латынское духовенство вмѣнило бы себѣ въ заслугу такое увеличеніе своей паствы, а для армянъ благоразумнѣе было бы пожертвовать нѣсколькими отступниками, съ прекращеніемъ на будущее время правильно организованной между ними латынской пропаганды, чѣмъ всегда видѣть среди себя совратителей отъ вѣры своихъ праотцевъ. Нужды въ армяно-католической епархіи рѣшительно никакой не было: священниковъ могъ посвящать, какъ и прежде, львовскій армянскій архіепископъ, а церквей ихъ было такъ мало, что почти не изъ чего было и образовать епархіи. На огромномъ пространствѣ отъ границъ Галиціи, черезъ губерніи подольскую, волынскую, новороссійскій край до Астрахани и по всему протяженію Кавказа было только 18 церквей (¹); въ западной Россіи, гдѣ учреждена каѳедра, считалось всего тысяча армянъ латынскаго закона, а въ Грузіи и Кутаисѣ 565 семействъ (²).

(¹) Армяно-католическія церкви были слѣдующія: могилевская (на Днѣстрѣ), каменецкая, балтская, рашковская (балтскаго уѣзда), луцкая, карасубазарская (съ 654 прихожанами), астраханская, жванецкая (въ каменецъ-подольскомъ уѣздѣ, недалеко отъ Каменца, на границахъ Бессарабіи), херсонская, николаевская, ѳеодосійская, екатеринославская, моздокская, (въ началѣ царствованія императора Александра 60 человѣкъ армянъ-григоріанъ переселились въ Моздокъ и обратились въ армяно-католицизмъ), георгіевская, тифлисская, кахелянская, гориская и карклиская (въ Грузіи). Въ 1817 г. дозволено было построить армяно-католическую церковь въ Евпаторіи.

(²) Именно: въ Тифлисѣ и окружностяхъ его считалось 80 домовъ армяно-католиковъ, въ Гори и уѣздѣ его—37 домовъ, въ селеніи Карклисѣ (башбакской дистанціи)—32 дома, въ Ку

Несостоятельность этого новаго іерархическаго управленія оправдалась на самомъ дѣлѣ: въ продолженіе 13-лѣтняго своего существованія оно не было въ состояніи образовать ни семинаріи, ни консисторіи; духовныя требы армяно-католикамъ въ Одессѣ, Херсонѣ и Николаевѣ отправляли не армянскіе, а римско-католическіе священники; балтская и рашковская церкви, на границахъ Новороссіи, почитались армянскими, но прихожане ихъ были римско-католики и принадлежали къ каменецкой епархіи этого исповѣданія; въ губерніяхъ новороссійскихъ и на Кавказѣ остались миссіонеры пропаганды и іезуиты, которые, несмотря на указъ объ изгнаніи ихъ изъ Россіи, не выѣхали изъ этого края (1), такъ что епископъ армяно-католическій собственно управлялъ шестью или семью церквами въ губерніяхъ подольской, волынской, таврической и астраханской. Итакъ семь церквей, по большей части бѣдныхъ (2), безъ капитула, безъ консисторіи, безъ семинаріи, съ римско-католическими священниками при многихъ армянскихъ костелахъ и съ нѣкоторыми армянскими церквами, въ коихъ прихожане

таисѣ—48 домовъ. (Свѣдѣнія эти относятся къ 1823 году). Въ томъ же 1823 году прибыло въ Грузію 368 армяно-католическихъ семействъ, вышедшихъ изъ Турціи, которыя тогда еще не успѣли построить себѣ церквей, и требы отправляли для нихъ въ домахъ. Итакъ всѣхъ армяно-католическихъ церквей въ Грузіи было три: въ Тифлисѣ, Гори и Карклисѣ.

(1) Въ 1824 году въ моздокской армяно-католической церкви исправляли духовныя требы іезуиты Войшвило и Ганри. Іезуиты остались при этой церкви до 1827 года.

(2) Самая богатая изъ армяно-католическихъ церквей, каменецъ-подольская, имѣла капитала до 13,000 р. сер., могилевская — 2,250 р., балтская — 1,755 р., рашковская—1,650 р. луцкая ничего не имѣла. (Свѣдѣнія 1817 года).

были римско-католики, — вотъ чтò составляло армяно-католическую епархію! Главная цѣль, которую правительство могло имѣть при ея учрежденіи, если только оно имѣло какую-либо цѣль, — образованіе армяно-католическаго духовенства въ Россіи, — не только не была достигнута, но даже не принято никакихъ приготовительныхъ мѣръ, которыя вели бы къ ея достиженію: миссіонеры, одинъ за другимъ, насылались къ намъ изъ Австріи и Венеціи до самой кончины императора Александра (¹), и остались въ закавказскомъ краѣ до 1845 года. Въ 1816 году умеръ епископъ Криштофовичь, и не кого было избрать на епископскую вакансію, потому что такъ называемый капитулъ (носившій только имя это) состоялъ только изъ двухъ канониковъ, и ни одинъ изъ нихъ не согласился принять этого званія. На мѣсто епископа назначенъ былъ администраторомъ епархіи каноникъ Антоній Вартерисовичь (²), состоявшій въ этой должности до самой его кончины, въ концѣ 1822 года. Администраторъ не имѣетъ права по-

(¹) Въ 1818 году прибылъ въ Ѳеодосію изъ Тріеста армяно-католическій священникъ Ѳома Ананіянъ. — Пріѣхавшій въ 1824 г. изъ Венеціи армяно-католическій священникъ Вертанесъ Будура назначенъ былъ викарнымъ къ карасубазарской армяно-католической церкви. — Въ 1824 же году прибылъ къ одесскому порту изъ Константинополя австрійскій подданный католическій священникъ Винченцо, съ намѣреніемъ отправиться оттуда въ Грузію, для исправленія тамъ церковной должности. На запросъ, сдѣланный по этому случаю митрополиту, Сестренцевичь отвѣчалъ: «такъ какъ по неимѣнію армяно-католической семинаріи въ россійской имперіи настоитъ надобность выписывать изъ-за границы священнослужителей сего обряда, то я нахожу необходимо нужнымъ, чтобы на принятіе помянутаго священника дано было разрѣшеніе».

(²) Вартерисовичь родился въ 1741 г. въ Каменцѣ-Подольскомъ; съ 1758 г. воспитывался въ львовскомъ папскомъ коллегіумѣ.

священниковъ, ибо самъ не посвященъ въ епископы; значитъ, если бы и были клирики, приготовленные къ священному сану, ихъ нужно было бы отправлять для посвященія въ Львовъ, какъ это дѣлалось при императрицѣ Екатеринѣ, и потому учрежденіе особой армяно-католической епархіи рѣшительно ни къ чему не послужило. Когда армяно-католики состояли въ могилевской римско-католической епархіи, единственное затрудненіе для епархіальнаго начальника состояло, какъ мы видѣли, только въ томъ, что онъ самъ не могъ посвящать армянскихъ священниковъ, — точно въ такомъ же положеніи былъ и администраторъ, несмотря на то, что учредилась отдѣльная армяно-католическая епархія. — Вообще основаніе этого особаго управленія, какъ-бы противопоставленнаго законной власти армяно-григоріанскаго эчміадзинскаго патріарха, объяснить можно лишь невѣдѣніемъ; такъ оно и было въ дѣйствительности. Этотъ важный предметъ вовсе не былъ даже и обсуждаемъ правительствомъ, и впослѣдствіи главному управленію почти былъ неизвѣстенъ и непонятенъ; оно не знало даже, какая власть сообщена была епископу Криштофовичу отъ львовскаго архіепископа, и не оставался ли онъ въ зависимости отъ этого заграничнаго духовнаго начальника; почти во все царствованіе императора Александра министерство духовныхъ дѣлъ не имѣло никакихъ свѣдѣній ни о миссіонерахъ, насылавшихся пропагандою, ни о числѣ церквей и жителей армяно-католическаго исповѣданія на Кавказѣ ([1]), и т. под.

([1]) Отъ 27 февраля 1823 года князь Голицынъ писалъ генералу Ермолову: «Во ввѣренномъ мнѣ министерствѣ нѣтъ ни-

Римскому двору было этого однако мало. Въ 1814 году папскій нунцій при вѣнскомъ дворѣ ходатайствовалъ чрезъ нашего посланника графа Стакельберга, чтобы, независимо отъ существовавшаго уже въ Россіи армяно-католическаго епископства, учредить еще епархію этого обряда въ Грузіи, назначивъ каѳедру въ Тифлисѣ и подчинивъ этой епархіи латынскихъ армянъ тифлисскихъ, горискихъ, имеретинскихъ и мингрельскихъ. Въ епископы предлагался Павелъ Давыдъ Скіулантій, уроженецъ грузинскій, воспитанникъ конгрегаціи, и потому вполнѣ приготовленный для дѣла прозелитизма. Папскій нунцій основывалъ ходатайство объ открытіи этой новой епархіи на томъ, что будто бы въ Грузіи находится великое множество армянъ латынскаго исповѣданія, не имѣющихъ пастыря. Насколько справедливо было это удостовѣреніе, можно видѣть изъ того, что въ 1814 году во всей Грузіи было только двѣ приходскія армяно-католическія церкви, — одна въ Тифлисѣ, а другая въ мѣстечкѣ Кахелянскѣ, а людей этого обряда 458 человѣкъ. Вотъ для какой

какихъ свѣдѣній ни о миссіонерахъ, посылаемыхъ въ Грузію пропагандою, ни кто они, сколько ихъ и откуда пріѣзжаютъ». Прося о доставленіи этихъ первоначальныхъ данныхъ, князь Голицынъ прибавляетъ: «Вмѣстѣ съ тѣмъ покорнѣйше прошу приказать собрать слѣдующія свѣдѣнія и мнѣ оныя доставить: 1) гдѣ находятся въ Грузіи армяно-католическія церкви; 2) какъ велико число прихожанъ ихъ и нѣтъ ли особыхъ селеній армяно-католиковъ; и 3) кто изъ монаховъ или бѣлыхъ священниковъ римской церкви находится при сихъ приходахъ», и т. п. Эти свѣдѣнія доставлены были въ 1824 году, и вмѣстѣ съ тѣмъ главноуправляющій Грузіею прислалъ засвидѣтельствованныя копіи съ граматъ на исправленіе духовныхъ требъ (institutiones), выданныхъ миссіонерамъ при посылкѣ ихъ въ этотъ край.

паствы Римъ находилъ нужнымъ устроить епархію; но ходатайство по этому нунція оставлено было безъ уваженія.

Всѣ эти происки, какъ и постоянная насылка миссіонеровъ въ кавказскій край, клонились къ тому, чтобы усильными совращеніями поколебать древнюю армянскую вѣру. Кромѣ пропагандистовъ явныхъ и дѣйствовавшихъ постепенно, довольствуясь немногимъ, являлись тамъ и открытые, смѣлые совратители, мечтавшіе ни болѣе, ни менѣе, какъ о привлеченіи всей армянской церкви подъ власть папы. Особый случай доставилъ доказательство этому, который почитаемъ нелишнимъ здѣсь привести. Еще въ царствованіе Екатерины опредѣленъ былъ къ моздокской армяно-католической церкви священникомъ нѣкто Антоній Пурадіанъ; онъ остался при приходѣ до 1801 года, а въ этомъ году отправился на поклоненіе къ святымъ мѣстамъ. Возвратившись оттуда, онъ поселился въ Астрахани, уличенъ былъ тамъ въ разныхъ непристойныхъ поступкахъ и отправленъ въ 1805 году на покаяніе въ армянскій агбатскій монастырь. Возведенный въ патріаршее достоинство Ефремъ, узнавъ, что Пурадіанъ искусенъ въ медицинѣ, взялъ его съ собою въ араратскій монастырь. Пурадіанъ вкрался въ довѣренность болѣзненнаго патріарха, перемѣнилъ наружнымъ образомъ вѣру, то есть, изъ армяно-католическаго перешелъ въ армяно-григоріанское исповѣданіе, возведенъ былъ въ санъ епископа, и получилъ въ управленіе епархіи карскую и ахалцыхскую. Судимый впослѣдстіи за преступленіе въ Россіи, онъ отвѣчалъ на вопросы, предложнные ему по волѣ государя, что «римско-католическаго исповѣданія онъ

истинно не перемѣнялъ, а показывалъ только наружно, будто его оставилъ, *въ надеждѣ склонить патріарха и армянскій народъ къ признанію IV вс. собора халкидонскаго*. Но зная, что патріархъ самъ собою, безъ согласія находящихся при немъ епископовъ, не могъ ничего сдѣлать, а тѣмъ менѣе склонить ихъ къ признаванію IV вс. собора халкидонскаго, онъ принялъ намѣреніе возвратиться въ Россію». Не успѣвъ въ своемъ замыслѣ, Пурадіанъ, ограбивъ свою епархію, убѣжалъ въ Константинополь, гдѣ былъ благосклонно принятъ папскимъ агентомъ архіепископомъ Корези, оттуда поѣхалъ въ Ливанскія горы къ армяно-католическому патріарху Григорію, который безпрекословно признал его за армяно-католика и утвердилъ въ санъ архіепископа.

Еще въ 1803 году главнокомандовавшій на Кавказѣ князь Циціановъ представлялъ государю о необходимости подчинить миссіонеровъ власти русскаго римско-католическаго епископа, или же, если они не согласятся выйти изъ зависимости пропаганды, то удалить ихъ изъ края, замѣнивъ молодыми монахами капуцинскаго ордена, русскими подданными, которые, научась грузинскому языку, легко могли бы заступить со временемъ ихъ мѣста. Двадцать лѣтъ спустя, генералъ Ермоловъ повторилъ то же самое ходатайство. Но ни по тому, ни по другому ничего не было сдѣлано, и миссіонеры безпрепятственно продолжали свои совращенія, получая даже жалованье отъ казны за такія услуги.

Со смертію въ 1822 году администратора Вартерисовича, армяно-католическая епархія пала, такъ сказать, сама по себѣ; канонически она никогда

утверждена не была, только Криштофовичь посвященъ былъ въ санъ епископа, а фактически съ семью церквами, безъ капитульнаго и консисторскаго духовенства, безъ семинаріи существовать не могла. Закавказскими церквами этого обряда распоряжали по прежнему миссіонеры, по указаніямъ пропаганды, а остальныя, бывшія въ Россіи, управляясь временно армяно-католическимъ канsocomъ Мошоро, безъ всякихъ епархіальныхъ преимуществъ, состояли въ непосредственномъ завѣдываніи коллегіи.

Подчиненіе греко-уніатской церкви латынскому духовенству при императорѣ Павлѣ имѣло горестныя для уніи послѣдствія. Она, въ полномъ смыслѣ слова, порабощена была католицизмомъ. Уніатскіе духовные, лишенные всякой самостоятельности и голоса передъ правительствомъ, стали почитаться духовенствомъ римскимъ его подвластными, до такой степени, что во всѣхъ распоряженіяхъ базиліане смѣшивались съ римско-католическими орденами, и митрополитъ Сестренцевичь представлялъ непосредственно отъ себя папѣ о возведеніи въ уніатскіе епископы ([1]), на что не имѣлъ никакого права даже по латынскому духовному вѣдомству. Католики понимали, что унія сдѣлалась невозможною, что она длилась два вѣка только потому, что разными принудительными мѣрами поддерживалась польскимъ правительствомъ и всемогущимъ тогда римскимъ духовенствомъ, но что, вошедши въ составъ государства православнаго, уніаты недолго останутся подъ властію папы. Быстрое и многочисленное обращеніе уніатовъ въ православіе при императрицѣ Екатеринѣ еще бо-

([1]) Полн. собр. зак. т. XXVII, № 20939.

лѣе должно было убѣдить ихъ въ этомъ непреложномъ исходѣ обманомъ и насиліемъ навязанной полувѣры. Испуганное этимъ религіознымъ движеніемъ, и имѣя въ рукахъ своихъ уніатское управленіе, латынское духовенство не безъ основанія расчитывало, что единственное средство сохранить римской церкви хотя часть уніатской паствы состояло въ томъ, чтобы обратить уніатовъ прямо въ католицизмъ. Поэтому, толкуя по своему извѣстную резолюцію объ уніатахъ императора Павла, оно разгласило, что правительство уничтожило унію, что всѣхъ людей этого обряда будутъ силою присоединять въ православіе, и что потому уніаты, лишившись своего обряда, должны сдѣлаться католиками (¹). Для успѣха этой лжи предстояло прежде всего преклонить на сторону латынства уніатскихъ священниковъ. «Уніатскіе прихожане», говоритъ современникъ этихъ событій, «совершенно не

(¹) Полн. собр. зак. т. XXVII, № 20748, г. 1803. Именной указъ, данный бѣлорусскому военному губернатору Михельсону: «На донесеніе ваше о слухахъ, разсѣеваемыхъ ксендзами миссіонерами освейскаго монастыря, якобы правительство намѣрено обращать силою къ греко-россійской Церкви всѣхъ тѣхъ уніатовъ, кои къ римско-католическому исповѣданію не пристанутъ, считаю нужнымъ вамъ предписать, чтобы никакъ не допускали вы слухамъ сего рода распространяться, поступая по законамъ со всѣми тѣми, кои въ оныхъ будутъ уличаемы».— Въ 1804 году министръ внутреннихъ дѣлъ предписывалъ тому же генералъ-губернатору: «Его Величеству благоугодно было повелѣть, чтобы во всѣхъ вообще губерніяхъ, гдѣ находится унія, наблюдаемо было со всею точностію, дабы католическое мѣстное духовенство не дѣлало никакого притязанія къ уніатамъ, *а наипаче воздерживалось бы отъ разглашенія объ уничтоженіи уніатскаго исповѣданія и тому подобныхъ наущеній и соблазновъ, общему порядку противныхъ*». Полн. собр. зак. т. XXVIII, № 21400.

*

знаютъ, въ чемъ состоитъ разность между благочестіемъ и уніею; слѣдовательно, къ какой религіи принадлежитъ ихъ священникъ, такую они исповѣдуютъ» ([1]). Чтобы привлечь уніатскихъ священниковъ, ксендзы употребили на это польскихъ помѣщиковъ, которые угрожали этимъ бѣднымъ духовнымъ, что̀ если не сдѣлаются католиками, то лишатся не только своихъ приходовъ, но и собственности, то есть, куска насущнаго хлѣба,—почти единственнаго ихъ достоянія ([2]), ежели же согласятся перемѣнить свой обрядъ, то будутъ пользоваться всегдашнимъ ихъ вспоможеніемъ во всѣхъ хозяйственныхъ нуждахъ. Нѣкоторые несчастные священники, всѣ семейные, рѣшились числиться въ католицизмѣ, и стали уговаривать своихъ прихожанъ послѣдовать ихъ примѣру, а помѣщики приказывали крестьянамъ, подъ страхомъ наказанія, это исполнить ([3]). Но несмотря на подкупъ и насилія, като-

([1]) Волынскія записки, сочиненныя *Степаномъ Руссовымъ* въ Житомірѣ. С.-Петербургъ. 1809 г. стр. 96.

([2]) Вотъ примѣръ изъ многихъ. Когда плебанъ полюдовскій Александровичь обратилъ въ католицизмъ весь дубровскій уніатскій приходъ, въ полоцкомъ уѣздѣ, уніатскій священникъ этого прихода Кривоносовичь не согласился перемѣнить своего обряда. Тогда ктиторъ прихода Адамъ Мисуна отнялъ у священника фундушевскую землю, а домъ его велѣлъ разобрать. — Въ 1808 году состоялось слѣдующее опредѣленіе общаго собранія сената: «Въ уніи остались одни простолюдины, какъ то: крестьяне помѣщичьи и казенные, управляемые вотчинниками и временными владѣльцами (арендаторами) римско-католическаго исповѣданія. Таковая зависимость сихъ людей и вліяніе помянутыхъ владѣльцевъ на священниковъ въ ихъ помѣстьяхъ вѣроятно скрываетъ многіе безпорядки, подобные тѣмъ, о коихъ доходили свѣдѣнія до синода».

([3]) Въ 1802 году архимандритъ полоцкаго Богоявленскаго монастыря Александръ писалъ къ православному бѣлорусскому архіепископу: «Бѣлорусской витебской губерніи, повѣта полоц-

лики не успѣли бы въ своемъ фанатическомъ предпріятіи, если бы не прибѣгли къ обману. Народъ утіатскій до того привязанъ былъ къ обрядамъ греческой Церкви, что ни за что не рѣшился бы ихъ покинуть. Ксендзы почли себя въ правѣ предложить примирительное средство: они ввели только нѣсколько римскихъ церемоній въ литургію и опрѣсноки, а всѣ остальные обряды оставили прежніе, такъ что крещеніе, вѣнчаніе, погребеніе и другія духовныя требы не были измѣнены и отправлялись на славянскомъ нарѣчіи. И людей, исповѣдывавшихъ такую

каго, состоящій въ мѣстечкѣ Улѣ, за 45 верстъ отъ Полоцка состоящаго, прежде бывшей благочестивой; но послѣ съ приходомъ въ унію обращенной церкви прихожане господина Реута крестьяне, нарочно вчера пришедъ ко мнѣ, объявили, что означенный помѣщикъ принуждаетъ ихъ унитское исповѣданіе перемѣнить на римское, въ чемъ ему и тамошній унитскій священникъ пособствуетъ, внушая, якобы и онъ уже сдѣлался римляниномъ; однако они римскаго исповѣданія принять не хотятъ, а желаютъ въ предвѣчное свое блаженство обратиться въ православное исповѣданіе, почему и просили, чтобъ имъ въ случаѣ подана была помощь. Къ содѣйствію оной предложено имъ было отъ меня, дабы о таковомъ насиліи подали мнѣ прошеніе; но того учинить опасаясь своего помѣщика, отважиться не могли, а сказали, что когда присланъ кто будетъ въ ихъ мѣстечко для спроса о желаніи, то они, *да и то, чтобъ при таковомъ спросѣ помѣщикъ не присутствовалъ*, вѣрно объявятъ желаніе быть благочестивыми».—Въ томъ же 1802 году могилевскій губернаторъ Бакунинъ доносилъ министру юстиціи: «Здѣшній г. архіепископъ Анастасій препроводилъ ко мнѣ записку, полученную имъ отъ духовныхъ вѣдомства своего изъ витебской губерніи, что до опубликованія опредѣленія якобы юстицъ-коллегіи, въ римско-католицкомъ департаментѣ воспослѣдовавшаго, дабы унія была упразднена съ тѣмъ позволеніемъ, чтобъ приняли вѣру или католическую, или благочестивую, католики въ тамошней сторонѣ много обратили въ свою вѣру уніатовъ, и помѣщики принуждаютъ своихъ крестьянъ, оставивъ уніатское исповѣданіе, принять римское».

вѣру, они не устыдились назвать чистыми католиками! Явное и разительное искаженіе первоначальныхъ основаній римскаго ученія, сдѣланное по убѣжденію, что цѣль оправдываетъ средства, даже если эти средства заключаются въ переиначеніи той вѣры, для умноженія коей принимаются! Но для такого совращенія не было иныхъ способовъ: отнять у уніатскаго народонаселенія ихъ священниковъ было невозможно, ибо латынскихъ народъ никогда не принялъ бы, а священники эти не знали ни римскихъ обрядовъ, ни латынскаго языка, да ежели бы и знали ихъ, никогда не отважились бы вводить полное римское богослуженіе. Однимъ изъ побужденій къ переходу въ латынство уніатскихъ крестьянъ было внушеніе ксендзовъ, что они не будутъ постить Петрова поста, Филиповки и Спасовки. Сначала совращенія были личныя, потомъ уже селеніями, и наконецъ цѣлыми приходами, при чемъ католики отнимали у уніатовъ церкви и завладѣвали церковнымъ имуществомъ. Впрочемъ эти духовныя насилія ограничивались одною Бѣлоруссіею, замѣщенною іезуитами. Тамъ дѣйствовалъ извѣстный фанатикъ Шантырь, временно завѣдывавшій на мѣстѣ могилевскою епархіею: въ 1802 году онъ далъ предписаніе своему духовенству, что императоръ Павелъ дозволилъ переходъ уніатовъ въ римскій обрядъ, *что унія существовать не можетъ*, и будетъ истреблена.

Уніаты стали искать защиты у правительства; повѣренный ихъ протоіерей Крассовскій пріѣхалъ въ 1803 году въ Петербургъ, и въ продолженіе двухъ лѣтъ ходатайствовалъ въ ихъ пользу. Главное губернское начальство, мѣстное православное духо-

венство и всѣ безпристрастные жители подтвердили справедливость принесенныхъ уніатами жалобъ, а государь приказалъ защищать ихъ отъ притѣсненій католиковъ. «Тажъ самая терпимость», писалъ онъ бѣлорусскому генералъ-губернатору, «которая заставляетъ правительство не прикасаться къ убѣжденію совѣсти въ дѣлахъ вѣры, должна бы была послужить правиломъ духовнымъ католическимъ властямъ въ поведеніи ихъ съ уніатами и воспретить имъ всякое совращеніе народа изъ уніи въ обрядъ римско-католическій. Если вѣра господствующая не дозволяетъ себѣ никакихъ понудительныхъ средствъ, то кольми паче вѣра терпимая не можетъ ихъ употреблять» (1). Католики увѣряли, что будто бы уніаты добровольно оставили свой обрядъ отъ того, что ихъ священники утѣсняли прихожанъ незаконными поборами и вымогательствами. На это уніаты очень основательно возражали, что если эти священники дѣйствительно таковы, то зачѣмъ же оставляетъ ихъ на прежнихъ мѣстахъ латынское духовное начальство, по обращеніи уже ихъ и съ паствою въ латынство? Уніатскій полоцкій архіепископъ Лисовскій писалъ: «Ежели бы паче всякаго чаянія, по каковому-либо усмотрѣнію, благоугодно было въ рѣшеніи сего дѣла оставить перешедшій уніатскій народъ и духовенство въ латынскомъ обрядѣ, въ такомъ случаѣ *я, по долгу совѣсти моей, а равно для защиты святости и достоинства греческаго обряда, къ которому я искренно приверженъ, долженъ бы былъ принять дѣятельныя мѣры для прекращенія злоупотребленій греческихъ церемо-*

(1) См. приложеніе 30-е.

ній смѣшеніемъ ихъ съ латынскимъ обрядомъ; и латынское начальство долженствовало бы въ тѣ совращенные приходы поставить священниковъ, искусно знающихъ свой обрядъ, которымъ и долженствовало бы всѣ прихожанамъ преподавать требы, не употребляя и малѣйше греческихъ церемоній. Но въ такомъ положеніи возможно ли будетъ простому народу прилѣпиться къ непонятнымъ и новымъ церковнымъ церемоніямъ и оставить совершенно тѣ, къ которымъ отъ прародителей своихъ они пріобыкли, и которыя почти водворились въ ихъ природѣ? Конечно изъ сего послѣдуютъ неудобства, и самъ тотъ народъ, котораго я въ мѣстномъ положеніи довольно знаю, не преминетъ усугубить свои старательства, дабы возвратиться къ своему природному церковному обряду». Вотъ для чего католики оставляли уніатамъ ихъ прежнихъ священниковъ, укоряя однако ихъ въ лихоимствѣ, и причислили къ римской церкви народъ, сохранившій и нѣкоторые догматы и почти всѣ обряды греческаго исповѣданія. Такимъ наглымъ обманомъ латыняне увеличили свою паству въ Бѣлоруссіи почти на сто тысячь человѣкъ [1], но возбудили къ себѣ въ уніатахъ открытое негодованіе и презрѣніе.

Представителемъ тогдашняго уніатскаго духовенства былъ архіепископъ Лисовскій, какъ по старшинству полоцкой каѳедры (митрополичья была упразднена императрицею Екатериною), такъ и по долговременности управленія ею. Лисовскій всегда былъ преданъ своему обряду и старался защитить его отъ смѣшенія съ римскимъ, къ чему, какъ зна-

[1] Wiadomości do dziejow kościola, etc. p. 197.

емъ, стремилось латынское духовенство, особенно въ концѣ прошлаго столѣтія. Еще въ 1785 году этотъ достойный іерархъ представлялъ папѣ объ уничтоженіи тѣхъ перемѣнъ въ славянскихъ обрядахъ богослуженія, которыя стали замѣчаться послѣ синода замойскаго; съ согласія папы, составилъ служебникъ, который былъ имъ препровожденъ для разсмотрѣнія въ Римъ, съ приложеніемъ къ славянскому тексту и перевода литургіи св. Іоанна Златоустаго на латынскій языкъ. Въ этой перепискѣ онъ приписывалъ, по справедливости, бо́льшую часть нововведеній монахамъ базиліанамъ, и поставлялъ на видъ кардиналамъ римской церкви, что и прибавленіе въ символѣ вѣры *Filioque* принадлежитъ къ числу введенныхъ въ позднѣйшія времена измѣненій. Такой епископъ не могъ быть равнодушнымъ къ открытому уничтоженію своего обряда ложными и безстыдными разглашеніями латынскихъ духовныхъ и смотрѣть хладнокровно на переходъ обманутыхъ уніатовъ въ римское непонятное для нихъ исповѣданіе. «Достовѣрно знаю», говорилъ онъ, «недоброжелательство къ намъ римлянъ, покушеніе ихъ всегда утѣснять уніатовъ.... цѣлыя два столѣтія они порабощали насъ»! Уніаты просили правительство, чтобъ управленіе ихъ церковію вовсе было отдѣлено отъ латынскаго духовнаго вѣдомства. Какъ ни было это справедливо, но имъ не удалось сразу въ томъ успѣть вполнѣ. Въ 1804 году они получили только право представительства въ римской коллегіи, именно повелѣно, чтобы въ ней присутствовали одинъ епископъ и три засѣдателя отъ уніатовъ, по выбору трехъ епархіальныхъ начальниковъ, и каждому изъ этихъ членовъ присвоено по два голоса, чтобы

уравнять ихъ съ членами отъ латынскихъ епархій, коихъ было восемь [1]. Поставленные лицомъ къ лицу, уніаты рѣшительно не могли дѣйствовать совмѣстно съ католиками: уніатскіе члены встрѣчены были въ коллегіи съ надменнымъ пренебреженіемъ, всякое мнѣніе въ пользу своей церкви должны были отстаивать съ неимовѣрными усиліями; однимъ словомъ, соединеніе управленія двухъ церквей было не примиреніемъ, но подстреканіемъ къ ожесточенію одной противъ другой. Архіепископъ Лисовскій, настаивая на совершенномъ раздѣленіи этихъ двухъ духовныхъ вѣдомствъ, представилъ въ высшей степени замѣчательный протестъ противъ всѣхъ угнетеній, которыя претерпѣвала несчастная уніатская церковь отъ латынской, почитавшейся съ нею соединенною [2]. Всякій беспристрастный читатель, разсмотрѣвши этотъ обвинительный актъ главнаго пастыря уніатской церкви, конечно убѣдится, что унія была не только весьма далека отъ латынства, несмотря на искусственное и, къ сожалѣнію, самимъ русскимъ правительствомъ скрѣпляемое сліяніе двухъ церквей, но совершенно была ему враждебна. И это вовсе не было личное понятіе архіепископа, а самое вѣрное выраженіе чувствъ и убѣжденій уніатовъ: всѣ представители уніатскихъ епархій въ коллегіи подтвердили вполнѣ справедливость заявленія о притѣсненіяхъ, терпимыхъ ихъ единовѣрцами отъ римскаго духовенства. Тогда правительство *принуждено было* отдѣлить главное духовное управленіе уніатовъ отъ римско-католическаго, и тѣмъ самымъ

(1) Полн. собр. зак. т. XXVIII, № 21393.
(2) См. приложеніе 31-е.

признать ихъ отдѣльность отъ латынской церкви, отдѣльность, которая въ дѣйствительности всегда существовала, но которой они были лишены одною странною резолюціею императора Павла. Указомъ 16 іюля 1805 года коллегія раздѣлена была на два департамента: одинъ долженъ былъ завѣдывать дѣлами римско-католической церкви, а другой—уніатскими. Но какъ-бы не рѣшаясь на совершенное раздѣленіе двухъ управленій, самими папами никогда не смѣшивавшихся, государь повелѣлъ составлять общее собраніе двухъ департаментовъ для обсужденія дѣлъ, общихъ обоимъ исповѣданіямъ ([1]). Для предсѣдательствованія въ уніатскомъ (второмъ) департаментѣ коллегіи вызванъ былъ изъ своей епархіи архіепископъ Лисовскій.

Тогда, къ крайней досадѣ латынскаго духовенства, ожила уніатская церковь, особенно послѣ того, какъ Лисовскій возведенъ былъ въ слѣдующемъ году въ санъ митрополита ([2]), «не для меня», какъ онъ справедливо выразился, «согбеннаго уже подъ бременемъ лѣтъ, приближеннаго къ окончанію

([1]) «Обращая вниманіе на множество дѣлъ, накопившихся въ римско-католической духовной коллегіи, мы признаемъ за лучшій и удобнѣйшій способъ къ скорѣйшему оныхъ окончанію раздѣлить коллегію сію на два департамента, составивъ оные: первый изъ духовенства римско-католическаго, второй изъ духовенства уніатскаго, съ такимъ распоряженіемъ, чтобы первому департаменту присвоены были дѣла духовныя и церковныя, непосредственно до римско-католическаго исповѣданія относящіяся, а второму подобныя же дѣла, касающіяся до уніатскаго исповѣданія; для сужденія же по дѣламъ, тому и другому исповѣданію купно принадлежащимъ, составлять изъ сихъ двухъ департаментовъ общее собраніе». Полн. собр. зак. т. XXVIII, № 21836.

([2]) Указомъ 24 іюля 1806 года.

своего теченія, но для пользы церкви уніатской». Прежній митрополитъ уніатскій Ростоцкій, по уничтоженіи императрицею Екатериною его епархіи, жилъ въ Петербургѣ, гдѣ и умеръ въ 1805 году. Екатерина не могла имѣть вѣры къ этому духовному сановнику, преданному бывшему польскому правительству, и по ея видамъ, не нуждалась въ митрополичьей каѳедрѣ, ибо унія готова была вовсе разрушиться; значитъ, это звѣно духовнаго соединенія не только было излишне, но даже могло быть вредно. Но какъ объяснить дѣйствія правительства при императорѣ Павлѣ? Поддерживая унію, возстановляя безъ всякой необходимости двѣ упраздненныя уніатскія епархіи, оставляя въ нихъ епископами людей, доказавшихъ явно свое нерасположеніе къ Россіи, оно оставляетъ безъ мѣста митрополита Ростоцкаго, не болѣе однако, чѣмъ епископъ Левинскій, склоннаго къ бывшей польской республикѣ, и не пользуется званіемъ митрополита уніатскаго, дѣлавшимъ уніатскую церковь, несравненно болѣе чѣмъ латынскую, независимою отъ Рима, ибо митрополиты имѣли право посвящать назначенныхъ государемъ въ епископы, безъ разрѣшенія папы? Итакъ, если правительство находило нужнымъ поддерживать унію и мѣшать ея паденію, которое было необходимымъ ея исходомъ, то весьма основательно, что оно возобновило званіе митрополита: этимъ по крайней мѣрѣ оно избѣгало излишней подчиненности Риму и доставляло самобытное, не поглощаемое латынскою іерархіею, бытіе церкви уніатской.

Это доказалъ Лисовскій. Всю дѣятельность свою на митрополичьей каѳедрѣ пастырь этотъ посвятилъ на то, чтобы очистить уніатскую церковь отъ намѣ-

ренныхъ искаженій, произведенныхъ въ ней латынствомъ, и сохранить ея восточные обряды и внутреннее устройство. «Отъ римлянъ», писалъ онъ, «вошли было нѣкоторые въ обыкновеніе уніатовъ обряды, но всѣ таковые я давно уже исправилъ въ моей епархіи, возвращая во всемъ совершенствѣ, какъ и надлежитъ, обряды, принятые греко-россійскою Церковію». Въ 1806 году онъ предписалъ всему уніатскому духовенству возносить въ церковнослуженіяхъ прежде имя государя, а потомъ уже папы; ходатайствовалъ о подчиненіи базиліанъ епархіальнымъ епископамъ, о возвращеніи насильно отнятыхъ базиліанами церковныхъ имѣній бѣлому духовенству, объ уничтоженіи права ктиторства, однимъ словомъ старался возвратить уніатскую церковь къ ея первоначальнымъ устройству и обрядамъ, которые папы торжественно обязались сохранять при введеніи уніи, и которые въ теченіе двухъ вѣковъ незамѣтнымъ, но чувствительнымъ образомъ замѣнялись латынскими. Вотъ что̀ писалъ митрополитъ Лисовскій о правѣ ктиторства: «правомъ ктиторства приходовъ много обижаются остающіяся послѣ смерти священниковъ сироты, ибо ктиторы, представляя, по своему усмотрѣнію, кого-либо изъ числа имъ самимъ заслуженныхъ, къ приходамъ, *почти принуждаютъ меня*, чтобы гдѣ хотя дѣвая тѣхъ сиротъ, *представляемаго ими непремѣнно рукополагалъ въ священники и опредѣлялъ къ приходу*. Поелику таковый образъ ктиторства не существовалъ прежде и нынѣ не существуетъ въ восточной Церкви, но распредѣленіе къ приходамъ священниковъ и размѣщеніе сиротъ прямо зависитъ отъ мѣстныхъ архіереевъ, сверхъ же сего сіе право

ктиторства распространилось на уніатовъ по образу римско-католическаго духовенства, *и ктиторы даже процессами меня угнетаютъ за то, что я, имѣя законныя причины, не опредѣляю къ приходамъ тѣхъ, которыхъ они по своему произволу избираютъ*, то осмѣливаюсь просить высочайшаго повелѣнія возвратить уніатовъ къ праву и къ преимуществамъ восточной Церкви въ распредѣленіи священниковъ». Казалось бы, правительство русское должно бы было всѣми силами способствовать столь справедливымъ желаніямъ митрополита освободить уніатскую церковь отъ лукаво введенныхъ въ нее латинскихъ обыкновеній и отъ владычества базиліанъ, но на дѣлѣ видимъ противное. Оно или молчало, какъ, напримѣръ, относительно базиліанъ, или давало такія разрѣшенія, которыя имѣли только видъ согласія съ представленіемъ, но въ сущности нисколько его не утверждали,—такъ о правѣ ктиторства оно повидимому раздѣляло мнѣніе митрополита, одобряло его, а вмѣстѣ съ тѣмъ ктиторство сохранило ([1]). Такова была общая система императора Александра въ дѣлахъ внутренняго управле-

([1]) По докладу министра юстиціи о представленіи митрополита Лисовскаго насчетъ ктиторства, и по разсмотрѣніи его во 2-мъ департаментѣ коллегіи, послѣдовалъ 16 декабря 1806 года указъ сенату. «Въ предупрежденіе могущихъ быть отъ ктиторовъ злоупотребленій въ помѣщеніи священниковъ на открывающіяся вакансіи, повелѣваемъ представлять отнынѣ къ занятію праздныхъ священническихъ мѣстъ по приходамъ такихъ только особъ, которыя отъ епархіальнаго своего архіерея снабжены будутъ надлежащимъ консенсомъ, безъ котораго ихъ отнюдь не посвящать, (но это и всегда такъ дѣлалось), равно и епископамъ давать сіи консенсы только тѣмъ, которые свидѣтельствомъ консисторіи признаны будутъ способными и достойными».

нія,—онъ примѣнялъ къ нимъ правила внѣшней политики, стараясь примирять всѣ направленія, удовлетворять, по возможности, обѣ стороны, но дипломатика въ управленіи только порождала недоумѣнія, неопредѣлительность и лишала власть энергіи, какъ это мы видѣли въ историческомъ очеркѣ латынской церкви. Была и другая причина бездѣйствія правительства по вѣдомству уніатскаго духовенства: ему непонятно было его настоящее значеніе и положеніе, и неизвѣстны относившіяся до него учрежденія; такъ, напримѣръ, въ 1804 году оно предлагало уніатскимъ членамъ коллегіи слѣдующіе наивные вопросы: что такое былъ митрополитъ уніатскихъ церквей? какое его было право? были ли когда уніаты подъ начальствомъ римлянъ? на какомъ основаніи митрополитъ Ростоцкій проживалъ въ Петербургѣ? и т. п. Отвѣты на эти вопросы отбирались письменные; они сохранились, иначе трудно было бы вѣрить такому невѣдѣнію. Вотъ чѣмъ объясняется, что уніаты, столь раздраженные противъ католиковъ, не присоединились тогда же къ православію, въ то время, когда митрополитъ Лисовскій всячески сближалъ оба вѣроисповѣданія; если бы правительство только дало почувствовать, что оно не противится этому соединенію, но желаетъ его, то и оставшіеся послѣ императрицы Екатерины уніаты послѣдовали бы своимъ собратіямъ, и тутъ былъ бы конецъ уніи.

Къ несчастію, Лисовскій недолго занималъ митрополичью каѳедру: онъ скончался 30 августа 1809 года ([1]).

([1]) Тѣло этого митрополитя, по его желанію, погребено было въ полоцкома повѣтѣ.

Не задолго до его кончины, правительство согласилось на его ходатайство—возстановить прежнюю митрополичью епархію, ибо Лисовскій, за упраздненіемъ этой епархіи при императрицѣ Екатеринѣ, оставленъ былъ до того въ епархіи полоцкой, и по возведеніи его въ санъ митрополита. Поводомъ новаго разграниченія уніатскихъ епархій послужило присоединеніе къ Россіи бѣлостокской области, въ которой числилось тогда до 41 т. уніатскаго народонаселенія съ 59 церквами (1) и тремя базиліанскими монастырями (2). По окончательному раздѣлу Польши, вмѣстѣ съ отошедшими къ Пруссіи провинціями, поступило въ составъ этого государства и находившееся въ нихъ уніатское духовенство, принадлежавшее прежде частію къ епархіи брестской, частію къ литовской митрополичьей. Для уніатовъ учреждена была прусскимъ правительствомъ особая епархія, наименованная супрасльскою, потому что мѣстопребываніе епархіальнаго епископа было назначено въ супрасльскомъ монастырѣ (3); она состоя-

(1) Подъ прусскимъ правленіемъ въ бѣлостокской области было 70 греко-уніатскихъ церквей; но 11 изъ нихъ отошли въ 1807 году въ составъ герцогства варшавскаго съ 5,751 ч. уніатскаго народонаселенія.

(2) Монастыри эти были: супрасльскій, кузницкій и дрогичинскій. Супрасльскій монастырь основанъ былъ въ 1500 году, кузницкій въ 1743.

(3) Первымъ епископомъ супрасльской епархіи назначенъ былъ въ 1797 году королемъ прусскимъ супрасльскій архимандритъ Ѳеодосій Вислоцкій; онъ умеръ въ 1801 году. Преемникомъ его былъ прелатъ Николай Духновскій, пробощъ семятицкій, умершій въ 1805 году. Ему наслѣдовалъ въ 1806 году супрасльскій архимандритъ Леонъ Яворовскій, назначенный, по присоединеніи бѣлостокскихъ церквей къ брестской епархіи, епископомъ суффраганомъ брестскимъ.

ла изъ четырехъ деканатовъ или благочиній ([1]). Въ Россіи были, какъ знаемъ, три уніатскія епархіи: полоцкая архіепископская, одна сохраненная императрицею Екатериною, и двѣ епархіи, возстановленныя императоромъ Павломъ, — луцкая и брестская, въ составъ которой вошла прежняя литовская митрополичья. Поэтому брестская епархія была довольно обшарна; въ ней считалось до 900 церквей. Митрополитъ Лисовскій предлагалъ отдѣлить изъ этой епархіи до 300 приходскихъ церквей и образовать изъ нихъ четвертую митрополичью епархію, учредивъ каѳедру въ Вильнѣ, подъ управленіемъ викарнаго митрополита, а церкви бѣлостокской области присоединить къ брестской епархіи. Это предположеніе митрополита осуществлено было именнымъ указомъ, даннымъ сенату 14 февраля 1809 года. Съ того времени уніатскія епархіи получили слѣдующіе предѣлы: 1) митрополичья литовская заключалась въ губерніяхъ виленской, курляндской и въ части минской; 2) полоцкая архіепископская — въ губерніяхъ витебской и могилевской; 3) луцкая—въ губерніяхъ кіевской, волынской и подольской; и 4) брестская—въ губерніи гродненской, части минской и области бѣлостокской. Уніатскія церкви во временно принадлежавшемъ Россіи тарнопольскомъ краѣ ([2]), пока онъ не былъ уступленъ Австріи, причислены были къ луцкой епархіи.

Умирая, Лисовскій просилъ государя наименовать митрополитомъ луцкаго епископа Григорія Кохановн-

([1]) Деканаты эти были: бѣлостокскій, бѣльскій, новодворскій и дрогичинскій.

([2]) Въ тарнопольскомъ краѣ было тогда 328 греко-уніатскихъ церквей и одинъ монастырь.

ча (¹), происходившаго изъ бѣлаго духовенства и потому ревностнаго къ отдѣльности уніи отъ латынства. Прежде назначенія на луцкую каѳедру, Кохановичь былъ суффраганомъ митрополита (²). Государь уважилъ просьбу умирающаго пастыря, и въ 1810 году Кохановичь возведенъ былъ въ санъ митрополита; ему было тогда 62 года.

Управленіе Кохановича уніатскою церковью было продолженіемъ системы дѣйствованія Лисовскаго, то есть, борьба со всѣми нововводителями римскихъ обыкновеній въ уніатскій обрядъ, и преимущественно съ базиліанами. Давнишнія непримиримыя распри духовенства бѣлаго съ монашествующимъ выражались все видимѣе и ярче.

Съ тѣхъ поръ, какъ іезуиты отправили въ ссылку митрополита Сестренцевича и составили обнародованное въ 1800 году положеніе объ управленіи дѣлами латынской церкви, базиліане, ссылаясь на это положеніе, не только отказали во всякой подчиненности епархіальнымъ епископамъ, хотя положеніе это издано было собственно для римско-католиковъ, а не для уніатовъ, но даже получили отъ іезуитскаго агента, епископа Бениславскаго, дозволеніе созвать генеральный капитулъ и избрать себѣ генерала ордена, что̀ и для католиковъ не было никогда въ Россіи допускаемо. Сенатъ остановилъ однако же

(¹) Луцкую каѳедру получилъ Кохановичь въ 1808 году, по смерти луцкаго епископа Левинскаго. Мѣсто Левинскаго долженъ бы былъ получить его суффраганъ, острогскій епископъ Флоріанъ Корсакъ; но какъ съ этимъ вмѣстѣ ему слѣдовало бы оставить жидичинскую доходную архимандрію, то онъ отказался отъ архіерейскагв званія, а 15 іюня 1811 года умеръ.

(²) Въ 1798 тоду Кохановичь былъ наименованъ полоцкимъ суффраганомъ.

это распоряженіе, и съ высочайшаго разрѣшенія удалилъ изъ коллегіи Бениславскаго, двухъ другихъ членовъ и прокурора, которые, какъ сказано въ указѣ, «вопреки общественной пользѣ, старались освободить монаховъ отъ надзора епархіальныхъ архіереевъ и возобновить безпосредственное самихъ собою управленіе». Но какъ въ началѣ царствованія императора Александра власть епископовъ латинскихъ надъ монашескими сословіями была ограничена, то и базиліане, во всѣхъ правительственныхъ мѣрахъ почитавшіеся за римскій орденъ, получили право управляться отдѣльными провинціалами и составили три провинціи: бѣлорусскую, литовскую и русскую (¹). Базиліанскихъ мужскихъ монастырей было 84, но только 20 изъ нихъ имѣли по 8 и болѣе монаховъ, а всѣ остальные—менѣе, такъ что, на основаніи тѣхъ же римскихъ постановленій, которыми базиліане такъ охотно руководствовались, 64 монастыря не имѣли права долѣе существовать и подлежали упраздненію. Но базиліане были вполнѣ римскіе монахи, то есть, брали изъ католическихъ законовъ только то, чтò имъ было выгодно, и потому всѣ эти ненужные, а для уніи враждебные монастыри остались, несмотря на то, что въ 1804 году сама коллегія представляла сенату, что весьма достаточно оставить изъ этихъ обителей 30, а остальные закрыть (²). До какой степени доходило это излишество въ монастыряхъ, можно судить по тому, что въ волынской губерніи, гдѣ такъ мало остава-

(¹) Самая обширная изъ этихъ провинцій, по числу монастырей, была литовская,—въ ней находилось 60 базиліанскихъ обителей, а самая меньшая—русская.

(²) Полн. собр. зак. т. XXVIII, № 21291.

лось уніатовъ, стояло 26 базиліанскихъ монастырей, тогда какъ православныхъ было всего четыре (1), несмотря на то, что бо́льшая часть народонаселенія этой губерніи принадлежала къ греко-восточному исповѣданію (2). Въ большей части уніатскихъ монастырей волынской губерніи было по два, по три и по пяти монаховъ. Въ то время, какъ бѣлое уніатское духовенство едва имѣло кусокъ насущнаго хлѣба, базиліане владѣли обширными населенными имѣніями, въ коихъ числилось до 20 тыс. душъ крестьянъ, и до 700 т. р. сер. капитала. Всѣ эти матеріальныя средства, какъ и орденская ихъ самостоятельность, употреблялись къ угнетѣнію несчастныхъ уніатскихъ священниковъ и къ искорененію уніи латынствомъ. Съ этою же цѣлію содержали они училища: 14 для свѣтскаго юношества (3) и 12 монастырскихъ новиціатовъ (4), и точно также, какъ латынскіе монахи, уклонялись отъ испытаній

(1) Два мужскихъ — острогскій и загаецкій, и два женскихъ— корецкій и ясногородскій.

(2) Въ волынской губерніи было православныхъ приходскихъ церквей 1,580, а уніатскихъ только 154.

(3) Именно: 1) въ провинціи бѣлорусской два: въ Вержбиловѣ (витебской губерніи) и Толочинѣ (могилевской губ.); 2) въ литовской провинціи шесть: одно въ Жировицахъ (гродненской губ.) на степени гимназіи и пять уѣздныхъ—въ Брестѣ-Литовскомъ, въ Подубисѣ (виленской губерніи), Борунахъ (той же губ.), въ Лядѣ (минской губ.) и Березвечѣ (той же губ.); 3) въ русской провинціи тоже шесть: четыре на степени гимназіи—въ Барѣ (каменецъ-подольской губ.), Гуманѣ (кіевской губ.), Любарѣ (волынской губ.) и Овручѣ (той же губ.), и два уѣздныхъ—во Владимірѣ и Канёвѣ (кіевской губ.). Въ 1822 году во всѣхъ этихъ училищахъ было 4,384 ученика.

(4) Именно: 1) въ литовской провинціи семь; 2) въ бѣлорусской два: въ Тадулинѣ и Полоцкѣ; 3) въ русской три: въ Кременцѣ, Почаевѣ и Загоровѣ.

въ своихъ познаніяхъ. Базиліанки, имѣвшія 10 монастырей [1], завели также при нѣкоторыхъ изъ нихъ женскія училища, но только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не могли оказать соперничества латынскимъ монахинямъ, которымъ, разумѣется, давалось передъ ними преимущество.

Для непосредственныхъ сношеній съ римскимъ дворомъ базиліане имѣли въ Римѣ особеннаго повѣреннаго (прокуратора), который ходатайствовалъ тамъ по дѣламъ ордена. Папа Урбанъ VIII отдалъ въ 1641 году базиліанской конгрегаціи въ Римѣ церковь св. Сергія и Вакха (la Madone del Pascolo), для отправленія богослуженія по обряду греческому, а братъ его кардиналъ Барбарини подарилъ этой конгрегаціи землю подлѣ церкви и построилъ на ней домъ для базиліанскаго прокуратора. Кромѣ того, во время польскаго владычества, посылали каждые три года изъ Литвы четырехъ молодыхъ клириковъ базиліанскаго ордена въ Римъ для воспитанія: два изъ нихъ помѣщались обыкновенно въ *Collegium de propaganda fide*, и два въ греческую коллегію при церкви св. Аѳанасія. По присоединеніи западнаго края къ Россіи, императрица Екатерина запретила, какъ латынскому, такъ и уніатскому духовенству имѣть непосредственныя сношенія съ заграничными духовными властями, потому они не могли держать въ Римѣ повѣреннаго, ни посылать туда своихъ новиціевъ для обученія. Но въ царствова-

(1) Въ Вильнѣ, два монастыря въ Минскѣ, въ Гроднѣ, въ Витебскѣ, Полоцкѣ, Оршѣ, Владимірѣ-Волынскомъ, Дубнѣ и мѣстечкѣ Полонномъ (заславскаго уѣзда, волынской губерніи). Къ монастырямъ этимъ принадлежало 1,270 душъ крестьянъ, да кромѣ того у нихъ было болѣе 80 т. р. сер. капитала.

ніе императора Александра они стали поступать по прежнему, и даже не скрывали этого, хотя Екатерининскій законъ о порядкѣ сношеній съ римскимъ дворомъ оставался въ полной силѣ, и былъ равно обязателенъ какъ для римско-католиковъ, такъ и для уніатовъ. Весьма основательно было мнѣніе, представленное по этому предмету государю адмираломъ Шишковымъ: «Поелику при римскомъ дворѣ находится посланникъ Вашего Величества», писалъ онъ, «чрезъ котораго производятся всѣ сношенія по дѣламъ духовенства римской церкви обоихъ обрядовъ, то нѣтъ, кажется, ни надобности, ни приличія для нашего правительства содержать, такъ сказать, противу себя особаго ходатая за монаховъ, отпавшихъ отъ нашей Церкви». Государь приказалъ однако же уніатскому митрополиту избрать священника для поддержанія въ Римѣ того, что̀ уже тамъ заведено, безъ всякихъ другихъ порученій, такъ какъ при римскомъ дворѣ находится русское посольство. Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же было оставлять повѣреннаго базиліанскаго ордена, если онъ не могъ болѣе исполнять своихъ обязанностей? Естественно, что онъ продолжалъ дѣлать тамъ свое дѣло. Такимъ образомъ, базиліане признавались какъ-бы правительствомъ болѣе латынскимъ орденомъ, чѣмъ настоящіе римскіе монашескіе ордена, изъ коихъ ни одному не дозволялось содержать своихъ оффиціальныхъ агентовъ въ Римѣ, и уніатская церковь въ столицѣ римскаго католицизма поддерживалась Россіею для пропаганды въ ея владѣніяхъ латынства,— единственной цѣли, для которой церковь эта могла быть открыта, ибо въ ней не для кого было исправлять духовныя требы: въ возвращенныхъ отъ Польши

губерніяхъ къ уніи принадлежали лишь жители низшихъ состояній, которые за границу не ѣздятъ. И дѣйствительно, базиліанскій орденъ былъ вполнѣ латынскимъ монашескимъ сословіемъ, — онъ почти весь состоялъ изъ природныхъ римско-католиковъ, оттого съ оскорбительнымъ презрѣніемъ обращался съ уніатами, и не только не помогалъ бѣлому уніатскому духовенству, но отбиралъ отъ него все, что только могъ, и изъ числа своихъ заведеній не посвятилъ ни одного на воспитаніе священническихъ уніатскихъ дѣтей. Бѣлое духовенство платило базиліанамъ за презрѣніе и обиды открытою ненавистію, по справедливости почитая ихъ отступниками отъ уніатской вѣры.

Послѣ дознанныхъ неправильныхъ совращеній въ латынство уніатовъ въ Бѣлоруссіи, митрополитъ Сестренцевичь долженъ былъ предписать своему духовенству возвратить такихъ людей въ ихъ прежній обрядъ [1], а въ 1807 году запрещено было латынскимъ духовнымъ присоединять къ своей вѣрѣ уніатовъ [2], и это постановленіе, вслѣдствіе новыхъ жалобъ уніатовъ, подтверждено было въ 1810 году (21 іюля) сенатомъ, который далъ предписаніе коллегіи, чтобы она не дозволяла переходъ изъ одного обряда въ другой. Основываясь на этомъ указѣ сената, уніатскій департаментъ коллегіи запретилъ также базиліанамъ принимать въ ихъ орденъ людей, исповѣдующихъ латынскую вѣру. Это рѣшеніе привело въ ужасъ какъ римское духовенство, такъ и польское дворянство: князь Любецкій и графъ Огин-

(1) Полн. собр. зак. т. XXIX, № 22226.
(2) Тамъ же, № 22659.

скій отъ имени гродненскаго дворянства, графъ Рокицкій, минскій губернскій предводитель, отъ дворянства минскаго, умоляли князя Голицына, чтобы не допускалъ исполненія этого постановленія уніатскаго департамента, увѣряя, что орденъ базиліанскій необходимъ для просвѣщенія, и *потому долженъ наполняться дворянами римско-католическаго исповѣданія*. Къ нимъ присоединились уніатскіе епископы-католики: Булгакъ и Головня. Замѣчательно, что они успѣли убѣдить правительство, что наполненіе базиліанскаго ордена римско-католиками полезно даже для православной Церкви. «Департаментъ духовныхъ дѣлъ» (это подлинныя слова) «признаетъ уважительнымъ представляемое преосвященнымъ Булгакомъ обстоятельство, а именно, что принятіе римлянами греко-унитскаго исповѣданія сблизило бы ихъ, хотя не въ догматахъ вѣры, по крайней мѣрѣ въ церковныхъ обрядахъ, съ греко-россіянами». Вотъ образчикъ того, какъ главное управленіе понимало уніатскій вопросъ и знало относившіеся до него факты! Всѣмъ извѣстно, что римско-католики, вступая въ базиліанскій орденъ, никогда не оставляли своей природной вѣры и не перемѣняли ее на уніатскую, а только числились по имени въ уніатскомъ исповѣданіи, чтобы тѣмъ самымъ легче совращать уніатовъ въ латынство, заставляя ихъ покинуть восточные обряды, а не то, чтобы самимъ принять ихъ; какимъ же образомъ это могло преклонить римскую церковь къ православной? Несмотря однако на всѣ происки и ходатайства, постановленіе уніатскаго департамента 1810 года осталось въ своей силѣ; но въ дѣйствительности не соблюдалось базиліанами. Какъ бы то ни было, такое ограниченіе

для поступленія въ этотъ орденъ удерживало римско-католиковъ записываться въ уніаты, — хотя законъ не исполнялся, но все-таки онъ существовалъ, значитъ во всякое время можно было требовать его примѣненія.

14 марта 1814 года скончался митрополитъ Кохановичь. По смерти его остались праздными двѣ епископскія каѳедры: митрополичья литовская и луцкая, которую сохранилъ Кохановичь и по возведеніи въ санъ митрополита. До избранія новаго митрополита, и по предсмертному желанію усопшаго, митрополичья епархія поручена была во временное управленіе полоцкому архіепископу Красовскому, а луцкая—брестскому епископу Булгаку.

Смерть Кохановича произвела восторгъ между базиліанами, которые даже въ оскорбительныхъ выраженіяхъ молились объ упокоеніи души его; напротивъ бѣлое духовенство было крайне опечалѣно этою потерею: «по смерти митрополита», говорили уніатскіе священники, «почти теряется въ обществѣ уваженіе къ бѣлому духовенству, ибо Кохановичь возведенъ былъ на степень митрополита изъ бѣлаго духовенства». Не теряя времени, базиліане представили своего кандидата на это важное мѣсто,—бресткаго епископа Булгака, вышедшаго изъ ихъ же ордена и воспитывавшагося въ Римѣ въ коллегіи *de propaganda fide* (1); минуя главное управленіе, они съ помощію слонимскаго предводителя дворянства Пусловскаго, покровительствовавшаго Булгаку, нашли путь прямо въ главную квартиру государя. Уже весьма давно добивался Булгакъ митрополичьяго сана: въ 1809 году онъ заставилъ

(1) Онъ обучался тамъ съ 1782 по 1785 годъ.

гродненскаго губернатора Ланскаго ходатайствовать о назначеніи его коадъюторомъ престарѣлаго митрополита, чтобы, по его смерти, замѣстить его, въ уваженіе, какъ онъ говорилъ, потери его доходовъ чрезъ присоединеніе 300 церквей брестской епархіи къ митрополичьей. Какъ только скончался Лисовскій, Булгакъ уже прямо отъ себя просилъ государя пожаловать его митрополичьимъ достоинствомъ въ вознагражденіе того, что онъ уже давно носитъ санъ епископа. Бѣлое духовенство, узнавъ о происках базиліанъ, всѣми силами воспротивилось такому выбору. Среди этихъ интригъ, государь, не зная, на которомъ изъ епископовъ остановиться, въ продолженіе трехъ лѣтъ не замѣщалъ вакантной митрополичьей каѳедры; но когда въ 1817 году понадобилось посвятить одного епископа, то онъ назначилъ митрополитомъ Булгака. Итакъ базиліане достигли наконецъ, чего такъ желали, и Булгакъ оправдалъ ихъ ожиданія, оказывая особое предпочтеніе ихъ ордену. Прежде всего онъ ввелъ представителя базиліанъ въ уніатскій департаментъ. Митрополичья каѳедра имѣла въ коллегіи, какъ и всѣ другія уніатскія епископства, своего засѣдателя. Новый митрополитъ представилъ, что, зная самъ нужды своей епархіи, онъ почитаетъ излишнимъ имѣть отъ нея засѣдателя, но находилъ совершенно необходимымъ, чтобы вмѣсто его избираемъ былъ коллегіею на трехлѣтіе один архимандритъ базиліанскаго ордена, «дабы», какъ онъ выражался, «удержать соразмѣрность и усугубить вящшее вліяніе коллегіи на дѣла бѣлаго и монашествующаго духовенства, а тѣмъ самымъ доставить и базиліанскому ордену выгоды въ справкахъ, относящихся къ самоточнѣйшей исправности

по предметамъ фундушевъ, капитальныхъ суммъ, монашеской дисциплины», и т. под. Разсужденіе Булгака было явно неосновательно; ибо если не находилъ онъ нужнымъ имѣть въ коллегіи засѣдателя отъ митрополичьей епархіи, потому что онъ самъ зналъ ея нужны, то еще менѣе могло быть надобности въ засѣдателѣ отъ брестской епархіи, которою онъ управлялъ съ 1795 года. Какъ бы то ни было, представленіе митрополита было утверждено, и въ 1819 году присутствовалъ уже въ коллегіи литовскій базиліанскій провинціалъ.—Потомъ, чтобы затруднить бѣлому духовенству доступъ до должностей епископскихъ, Булгакъ просилъ о высочайшемъ утвержденіи постановленія замойскаго синода относительно того, чтобы нареченный изъ бѣлаго духовенства епископъ, прежде воспріятія монашескаго званія, пробылъ на искусѣ, по правиламъ базиліанскаго ордена, годъ и шесть недѣль, и произносилъ торжественные обѣты уже по выдержаніи этого искуса. Бѣлое духовенство жаловалось на угнетѣнія, терпимыя имъ отъ базиліанъ, напоминало правительству, что уже два вѣка оно находится въ этомъ положеніи, что базиліане не допускаютъ выбирать епископовъ изъ бѣлаго духовенства, лишаютъ его образованія, присвоиваютъ себѣ приходскія церковныя имущества, городскую ихъ собственность продаютъ евреямъ, и т. под. Въ 1819 году брестскій капитулъ представилъ три прошенія противъ злоупотребленій базиліанъ, и князь Голицынъ ограничился только передачею ихъ на разсмотрѣніе митрополита Булгака, то есть, представителя того ордена, на который принесены были жалобы. Булгакъ, разумѣется, оправдалъ базиліанъ, и свѣтское духовенство

должно было замолчать. Не та была пора, чтобы противиться базиліанамъ. Вскорѣ послѣ этого принесенъ имъ былъ въ жертву даже одинъ уніатскій епископъ. Процессъ этого епископа всего видимѣе, такъ сказать, въ лицахъ, выражаетъ отношенія бѣлаго уніатскаго духовенства къ монашествующему, ихъ силы, ихъ направленіе; потому намъ необходимо, хотя вкратцѣ, разсказать его читателямъ.

Архіепископскую полоцкую каѳедру занималъ Красовскій, тотъ самый, который, бывши еще протоіереемъ, наряженъ былъ уніатами, въ качествѣ ихъ повѣреннаго, отправиться въ Петербургъ и представить правительству ихъ жалобы на угнетѣнія и совращенія римскихъ духовныхъ. Этого было достаточно, чтобы сдѣлать себѣ изъ базиліанъ непримиримыхъ враговъ. Впослѣдствіи онъ былъ отличаемъ митрополитомъ Лисовскимъ, также не пользовавшимся, какъ знаемъ, расположеніемъ базиліанскаго ордена, сдѣланъ его викарнымъ по полоцкой епархіи, а по смерти Лисовскаго, наслѣдовалъ ему въ 1809 году въ санѣ архіепископа полоцкаго, то есть, послѣ митрополита, старшаго изъ всѣхъ уніатскихъ епископовъ. Это еще болѣе возбудило противъ него базиліанъ-католиковъ, смотрѣвшихъ съ недоброжелательствомъ на каждаго епископа, не прошедшаго чрезъ ихъ орденъ. Они видѣли въ Красовскомъ представителя столь презираемаго ими бѣлаго уніатскаго духовенства, защищавшаго отдѣльность уніи отъ латынства, и потому опаснаго для нихъ человѣка. Въ его лицѣ рѣшились они покарать не сочувствовавшихъ съ ними уніатовъ. Одинъ подговоренный священникъ сдѣлалъ въ 1820 году доносъ на архіепископа Красовскаго, что онъ жестоко об-

ращается съ своимъ духовенствомъ, разоряетъ принадлежащихъ епископскимъ имѣніямъ крестьянъ, и предается пьянству. Послѣ этого доноса, митрополитъ Булгакъ осматривалъ полоцкую епархію, нашелъ ее въ порядкѣ и благодарилъ за то Красовскаго; но вмѣстѣ съ тѣмъ тайнымъ образомъ поручилъ наблюденіе за дѣйствіями архіепископа личному врагу его, базиліанину архимандриту Шулякевичу, сочинителю пасквилей, и возмутителю монаховъ противъ митрополита Лисовскаго. Вскорѣ послѣ того, именно въ концѣ 1821 года, по настоянію митрополита, Красовскій удаленъ былъ отъ управленія епархіею и преданъ духовному суду, на собственное его имѣніе наложено запрещеніе, а въ полоцкой епархіи учреждена была администрація, которая поручена тому же базиліанину Шулякевичу. Булгакъ хотѣлъ составить судъ только изъ двухъ единомысленныхъ съ собою епископовъ, такихъ же римско-католиковъ, какъ и онъ, — суффрагановъ брестскаго Яворскаго и литовскаго Головни; но Красовскій, на основаніи церковныхъ узаконеній, требовалъ, чтобы для суда надъ нимъ созванъ былъ провинціальный синодъ. Тогда луцкій епископъ уполномочилъ за себя каноника Сѣмашко, изъ литовской епархіи присланъ былъ каноникъ Маркевичь, и такимъ образомъ на судѣ были представители изъ всѣхъ уніатскихъ епархій, кромѣ епархіи самого Красовскаго, именно: подъ предсѣдательствомъ митрополита, судъ составился изъ брестскаго суффрагана Яворскаго и канониковъ—литовскаго Маркевича и луцкаго Сѣмашко. Мнѣнія судей раздѣлились на двое: митрополитъ Булгакъ и епископъ Яворскій, оба римско-католики, обвинили Красовскаго и полагали лишить

его епархіи; каноники Маркевичь и Сѣмашко, происходившіе изъ бѣлаго уніатскаго духовенства, всемѣрно оправдывали его, находя развѣ возможнымъ дать архіепископу каноническое увѣщаніе по нѣкоторымъ частностямъ его поступковъ. Митрополитъ ничего не могъ сказать противъ явнаго противорѣчія, въ которое онъ впалъ, благодаря Красовскаго на мѣстѣ за отличное управленіе епархіею, и настоявъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя на томъ, чтобы онъ отданъ былъ подъ судъ. Слѣдствіе, назначенное особо правительствомъ о состояніи крестьянъ архіепископскихъ имѣній, привело къ убѣжденію, что Красовскій не только не угнеталъ крестьянъ, но всячески имъ помогалъ, завелъ хлѣбные магазины, содержалъ для крестьянъ больницу, давалъ имъ безвозвратно пособія, прощалъ имъ недоимки сборовъ и имѣлъ вообще попеченіе о ихъ благосостояніи, какъ они сами показали при допросахъ. Когда Красовскій удаленъ уже былъ отъ управленія епархіею и находился подъ судомъ, начальники и другія духовныя лица разныхъ деканатовъ полоцкаго архіепископства умоляли государя, *отъ имени бѣлаго духовенства и по довѣренностямъ отъ него*, возвратить архіепископа Красовскаго въ его епархію, увѣряя, что въ продолженіе 12-лѣтняго управленія его онъ соблюдалъ строгій порядокъ между духовными, оказывалъ призрѣніе вдовамъ и сиротамъ ихъ и привелъ въ устройство духовную семинарію. Просители изъявляли опасеніе, что учрежденная въ епархіи администрація, подъ начальствомъ базиліанина, можетъ ослабить устройство епархіи и особенно привести въ упадокъ семинарію. Эти опасенія основывали они на томъ, что базиліанскій ор-

денъ всегда старался держать бѣлое духовенство въ невѣжествѣ, изъ котораго стали его выводить только митрополитъ Лисовскій и архіепископъ Красовскій. Итакъ, два главныя обвиненія,—въ жестокости Красовскаго съ духовенствомъ и крестьянами, — опровергнуты были не только слѣдствіемъ и мнѣніемъ половины судей, но, что̀ всего убѣдительнѣе, самими тѣми, коихъ именемъ обвиняли архіепископа. Оставалось на немъ одно нареканіе, именно въ нетрезвой жизни; но и оно должно было пасть передъ почтеннымъ свидѣтельствомъ. Митрополитъ Сестренцевичь, въ домѣ коего жилъ Красовскій нѣсколько лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ удаленъ былъ изъ Полоцка, далъ отзывъ, что, видя архіепископа почти ежедневно, онъ почитаетъ себя въ правѣ сказать, что онъ никогда не подавалъ ни малѣйшаго повода къ утвержденію столь предосудительной для его сана клеветы. Такимъ образомъ, не было возможности осудить Красовскаго, но главное управленіе не рѣшалось и оправдать его: судъ былъ конченъ въ 1823 году, на этомъ дѣло и остановилось и не представлялось вовсе на конфирмацію государя; только князь Голицынъ извѣстилъ секретно администратора полоцкой епархіи, что Красовскій, *по особымъ частнымъ причинамъ*, не можетъ быть возвращенъ на свое мѣсто. Слѣдовательно базиліане достигли своей цѣли: не будучи въ состояніи засудить Красовскаго, они опозорили его, и въ его лицѣ бѣлое духовенство, и лишили его возможности быть ему полезнымъ. Только по восшествіи на престолъ императора Николая поняты были вполнѣ интриги базиліанъ, Красовскій оправданъ и назначенъ архіепископомъ луцкимъ; но въ слѣдующемъ же 1827 году

онъ скончался, и есть много причинъ полагать, что онъ былъ отравленъ. Такъ явственно выражался антагонизмъ между кореннымъ уніатскимъ духовенствомъ и отщепенцами отъ уніи базиліанами-католиками.

Какъ по управленію латынскимъ духовенствомъ, такъ и по дѣламъ уніатской церкви, только къ концу царствованія императора Александра главное управленіе начало давать себѣ отчетъ въ томъ, что̀ дѣлаетъ, изучать предметъ и разъяснять его; и только въ это время оно поняло, что балиліане не могутъ приблизить западной церкви къ восточной, вторгаясь въ уніатское духовенство, какъ оно разсуждало прежде, а напротивъ того, должны со временемъ привести унію къ открытому латынству, если бѣлое духовенство не будетъ отъ нихъ защищено. Базиліане, несмотря на многочисленность своихъ монастырей, не могли расчитывать на продолжительное ихъ существованіе, ибо хотя обители эти и пополнялись римско-католиками, но все-таки были до крайности пусты ([1]), что́ и понятно, такъ какъ и самые латынскіе монастыри были въ томъ же положеніи. Итакъ имъ предстояло обезпечить по крайней мѣрѣ свои фундуши на случай, если нѣкоторые монастыри дойдутъ до совершеннаго запустѣнія, которое заставитъ наконецъ ихъ закрыть. Интересы свои они поручили римско-католикамъ, и еще въ 1806 году князь Чарторижскій ходатайствовалъ, чтобы базиліанскій орденъ признанъ былъ правительствомъ воспитательнымъ орденомъ, какъ іезуиты, а фундуши его—общею учебною орденскою

([1]) См. приложеніе 32-е.

собственностію, которую навсегда оставить во владѣніи монаховъ. Мало того: князь Чарторижскій, римско-католикъ и свѣтскій человѣкъ, почелъ себя въ правѣ устроивать и орденское управленіе уніатскаго монашества, и представилъ, чтобы надъ нимъ поставленъ былъ генералъ ордена (за что передъ тѣмъ епископъ Бениславскій исключенъ былъ сенатомъ изъ коллегіи), чтобы созывался генеральный базиліанскій капитулъ, которому и поручить разсудить, какіе монастыри полезнѣе уничтожить (такъ очевидно, что многіе изъ нихъ *не могли* существовать) и какіе оставить, но ни подъ какимъ видомъ не отбирая изъ владѣнія ордена имѣній упраздняемыхъ монастырей. Эти предположенія князя Чарторижскаго, вовсе неизвѣстныя главному уніатскому духовенству, безъ вѣдома коего все это было сдѣлано, получили въ 1807 году высочайшее утвержденіе. Узнавъ объ этомъ, митрополитъ Лисовскій настоялъ на томъ, чтобы такое вредное для уніатской церкви постановленіе было уничтожено. Для разсмотрѣнія нововведеній князя Чарторижскаго устроенъ былъ комитетъ, который весьма справедливо заключилъ, что Чарторижскій не имѣлъ ни малѣйшаго права устроивать базиліанскій орденъ по своему произволу, что признать это монашествующее сословіе за воспитательное общество нѣтъ никакого основанія, такъ какъ не всѣ члены его занимаются воспитаніемъ, а многіе и неспособны къ тому, и что если желанія Чарторижскаго исполнятся, то базиліанскіе фундуши обратятся вовсе не на пользу уніатовъ, а на обогащеніе римско-католиковъ, изъ коихъ орденъ состоитъ. Такимъ образомъ рушился хитрый планъ Чарторижскаго, весьма схожій съ тѣмъ, который предста-

вили и провели іезуиты при основаніи своей полоцкой академіи, вовсе не изъ необходимости имѣть эту академію, а только для того, чтобы сохранить свою независимость отъ виленскаго университета; здѣсь задача состояла въ сохраненіи базиліанскихъ фундушей, и потому выбранъ былъ предлогомъ воспитательный будто бы характеръ базиліанскаго ордена. Еще болѣе испугались базиліане за свое богатство, когда въ 1810 году состоялось постановленіе уніатскаго департамента, чтобы не принимать въ ихъ сословіе монаховъ; съ тѣхъ поръ постоянно стали получаться прошенія отъ всѣхъ уніатскихъ епископовъ-католиковъ, чтобы это постановленіе было уничтожено, и еще необходимѣе было для базиліанъ достигнуть возведенія своего ордена на ученую степень. Съ своей стороны, защитники бѣлаго уніатскаго духовенства всячески тому противились. «Небезъизвѣстно всѣмъ», писалъ въ 1812 году митрополитъ Кохановичь князю Голицыну, «что базиліанское сословіе, какъ греко-восточной Церкви монашество, учреждено не для преподаванія въ публичныхъ училищахъ наукъ, но для постнической въ богомысліи жизни, повседневныхъ молитвъ и приношеній жертвъ Всевышнему и для проповѣданія слова Божія, такъ какъ видимъ по монастырямъ греко-россійской Церкви монаховъ, упражняющихся въ своемъ званіи». Едва Булгакъ возведенъ былъ въ санъ митрополита, какъ онъ представилъ о неправильности сдѣланнаго въ 1810 году уніатскимъ департаментомъ постановленія, сознаваясь (что̀ достойно замѣчанія), что если базиліанскій орденъ не будетъ наполняться римско-католиками, то онъ существовать не можетъ. Послѣ этого князь Чарторижскій опять на-

чалъ упрашивать правительство привести въ исполненіе его прежнія предположенія насчетъ базиліанъ, дозволить его единовѣрцамъ вступать въ этотъ орденъ, изъ него назначать преимущественно въ епископскія должности, разрѣшить базиліанамъ воспитывать нѣкоторыхъ изъ своихъ новиціевъ въ Римѣ, и въ особенности не допускать, чтобы что-либо изъ базиліанскаго достоянія перешло къ бѣлому уніатскому духовенству, увѣряя, что оно не имѣетъ на то никакого права (тогда какъ базиліанскія богатства составлялись изъ награбленныхъ отъ бѣлаго духовенства имуществъ), что будто оно можетъ удовлетворять своимъ нуждамъ собственными средствами, и что дальнѣйшее обогащеніе бѣлаго духовенства (а оно почти ничего не имѣло) насчетъ имущества базиліанъ ослабитъ *столь полезный для государства* орденъ. Но въ это время главное управленіе уже сознавало настоящее значеніе базиліанскаго ордена; оно понимало, что римско-католиковъ привлекали въ этотъ орденъ не наружные обряды и богослуженіе на чуждомъ для нихъ языкѣ, а ревность къ латынской пропагандѣ, что базиліане вовсе не обязаны воспитывать римско-католиковъ, а скорѣе людей своей вѣры, и въ особенности дѣтей бѣдныхъ уніатскихъ священниковъ, остававшихся въ невѣжествѣ отъ нищеты. Потому въ 1822 году сенатъ опять подтвердилъ, чтобы римско-католиковъ не принимать въ базиліанскій орденъ. Директоръ департамента Тургеневъ желалъ бóльшаго: онъ находилъ необходимымъ упразднить многіе базиліанскіе монастыри, а остальные подчинить не тремъ отдѣльнымъ провинціаламъ, какъ это было, а одному и

*

притомъ не римско-католику; но князь Голицынъ на это не рѣшился.

Базиліане, сильные покровительствомъ митрополита, немало удивлены были такою перемѣною въ образѣ дѣйствій главнаго управленія, тайнымъ образомъ жаловались Риму на притѣсненія, которыя они будто терпѣли въ Россіи ([1]), и собирались было прислать депутатовъ въ Петербургъ для объясненія ихъ нуждъ и опасеній, но это имъ не было дозволено. Тогда они излили свои соболѣзнованія и страхъ письменно. Базиліанскій провинціалъ литовской провинціи, причисляя къ своему ордену Златоуста, Кирилла, Меѳодія, русскихъ митрополитовъ Петра, Алексѣя и т. д., старался выставить всю важность и значеніе своего сословія, и всячески унизить бѣлое уніатское духовенство, говоря, что одно названіе «поповичей» почитается между поляками презрительнымъ, что, по польскимъ законамъ, дѣтей уніатскихъ священниковъ обращали въ крѣпостныхъ, что какимъ же образомъ принимать ихъ въ аристократическій базиліанскій орденъ, въ который вступаютъ лица изъ лучшихъ польскихъ фамилій? «Литовскіе базиліане», писалъ онъ, «не могутъ не имѣть справедливаго опасенія, чтобы не придти въ упадокъ, видя братій бѣлорусской провинціи единственно отъ того утратившими свою значительность, что въ той провинціи вознамѣрилося, съ небреженіемъ о состояніи базиліановъ, возвышаться свѣтское духовенство». (Припомнимъ, что бѣлорусская провин-

([1]) По смерти митрополита Булгака, найдено было въ его бумагахъ оффиціальное письмо къ нему по этому предмету изъ римской конгрегаціи о распространеніи вѣры, подписанное кардиналомъ Сомалья 27 сентября 1823 года.

ція составляла полоцкое архіепископство, что каѳедру эту занималъ сначала Лисовскій, а послѣ него Красовскій, и что эти строки написаны были тогда, когда производился судъ надъ симъ архіепископомъ). Ревностный къ латынству провинціалъ проговорился еще болѣе, высказавъ такое понятіе о тогдашнемъ состояніи уніи: «Изъ всего вышеписаннаго слѣдуетъ, что поелику *число унитовъ безпрестанно уменьшается, и воспрепятствовать тому не можно*, а притомъ чрезъ вступленіе въ базиліанскій орденъ изъ римско-католиковъ оно увеличено не будетъ» (такъ какъ тогда это было запрещено), «то *напослѣдокъ, и сіе весьма скоро приведетъ унію въ конечное уничтоженіе*». Если бы, послѣ всего сказаннаго о составѣ уніатскаго духовенства, о не утвердившемся, не сознанномъ народомъ уніатскомъ ученіи, объ отчаянномъ рѣшеніи латынскаго духовенства, не вѣрившаго уже въ возможность существованія этого раскола, обращать уніатовъ прямо въ свой законъ, если бы послѣ всего этого, повторяю, читатель могъ еще полагать, что унія имѣла какую-либо будущность и могла не придти къ православію, изъ коего вышла насиліемъ, то, кажется, свидѣтельства литовскаго базиліанскаго провинціала достаточно, чтобы его разувѣрить. Унія держалась только тѣмъ, что было въ ней не-уніатскаго,—базиліанами; самъ этотъ орденъ еще дышалъ до тѣхъ поръ, пока дозволялось ему быть тоже не уніатскимъ, а латынскимъ; почти весь онъ былъ составленъ изъ римско-католиковъ, они же наполняли и и его заведенія ([1]). Будь исполняемо только поста-

([1]) Такъ, напримѣръ, въ училищахъ литовскихъ базиліанъ

новленіе о принятіи въ уніатское монашество однихъ уніатовъ, базиліане принуждены были бы сами закрыть свои монастыри, а римскій дворъ отказаться отъ уніи. Несчастная уніатская церковь, благодаря римско-католической ревности, была, какъ мы видѣли, въ такомъ состояніи внутренняго разлада и ожесточенной борьбы, которое дѣлало примиреніе между римскимъ монашескимъ сословіемъ и коренным уніатскимъ духовенствомъ невозможнымъ; одно тянуло ее къ Риму, навязывая ей латынскія учрежденія, формы, обряды,—другое возобновляло въ ней изглаживаемые православные ея происхожденіе, уставы, обычаи, богослуженіе. Какое изъ двухъ сословій должно было получить напослѣдокъ перевѣсъ: самородное ли и многочисленное, или же чуждое и безпрестанно уменьшавшееся (1),—рѣшить не трудно. Одно требовало постоянной и искусственной поддержки, другое—одной справедливости.

Въ самомъ дѣлѣ, даже въ сосѣднемъ римско-католическомъ государствѣ, положеніе бѣлаго уніатскаго духовенства было несравненно лучше, чѣмъ въ Россіи. Въ Австріи, по регламенту императора Іосифа II, учреждена была для этого духовенства особая главная семинарія, приходскимъ священникамъ назначено жалованье (2), а въ случаѣ недостатка его, добавлялось изъ особаго вспомогательнаго капитала, приходы раздавали не ктиторы, а епископы, въ епи-

изъ числа содержавшихся въ нихъ въ 1822 году воспитанниковъ было римско-католиковъ 1,202, а уніатовъ только 213.

(1) Базиліанъ было до 700 человѣкъ, а бѣлыхъ уніатскихъ священниковъ до 2 тысячь.

(2) Уніатскіе приходы раздѣлены были на три класса: первому классу присвоено было 2,400 злотыхъ польскихъ содержанія, второму 1,600, третьему 1,200.

скопы же назначались тамъ единственно лица свѣтскаго духовенства, отъ того уніаты австрійскіе сохраняли въ то время устройство и обряды греческой Церкви въ бо́льшей неприкосновенности, чѣмъ западно-русскіе. Между тѣмъ въ Россіи, гдѣ господствующая вѣра православная и съ уніатскою единообрядная, свѣтскіе уніатскіе священники, имѣвшіе столько же отвращенія отъ латынства, сколько сочувствія къ православію, во все царствованіе императора Александра не получили не только какого-либо пакровительства, но даже самой малѣйшей заслуженной помощи и защиты. До 2,000 священниковъ, отправлявшихъ духовныя требы при 1,476 приходскихъ церквахъ (1), пользовались почти однимъ положеннымъ 36-десятиннымъ количествомъ земли, церковные капиталы были сравнительно съ базиліанскими ограниченны (2), а священническія дѣти, не имѣя способовъ къ жизни, поступали нерѣдко въ крестьяне не только духовныхъ, но и помѣщичьихъ имѣній (3). Самъ митрополитъ Булгакъ, столь мало

(1) Въ 1823 году уніатскихъ священниковъ считалось 1,985 человѣкъ, именно въ епархіяхъ: митрополичьей 350, полоцкой 500, луцкой 460 и брестской 675. Уніатскія церкви распредѣлены были такимъ образомъ по епархіямъ: въ митрополичьей 304, въ полоцкой 463, въ луцкой 160, въ брестской 549. Бо́льшая часть этихъ церквей были деревянныя; такъ напримѣръ, каменныхъ церквей во всей брестской епархіи было только 26.

(2) Вѣдомость о капиталахъ бѣлаго и монашествующаго уніатскаго духовенства см. въ приложеніи 33-мъ.

(3) Въ 1818 году считалось уніатскихъ церковнослужителей, обращенныхъ въ фундушевые крестьяне, 118, именно: въ минской губерніи 3, въ гродненской 107 и въ бѣлостокской области 8; а поступившихъ въ крестьянское состояніе къ помѣщикамъ 34, именно: въ минской губерніи 3, въ гродненской 30 и въ бѣлостокской области 1.

расположенный къ бѣлому уніатскому духовенству, оставилъ намъ о немъ слѣдующее замѣчательное въ его устахъ свидѣтельство: «Бѣлое уніатское духовенство, имѣя фундуши, по большей части состоящіе изъ одной пашенной земли въ небольшомъ количествѣ, а рѣдко съ крестьянами и небольшими капитальными суммами, едва при трудахъ имѣетъ приличное содержаніе съ семействами». На воспитаніе молодыхъ людей, приготовлявшихся къ священству, правительство не обращало никакого вниманія, бѣлое духовенство не имѣло на то достаточныхъ средствъ, и базиліане намѣренно держали его въ невѣжествѣ, употребляя свои заведенія въ пользу юношества латынской вѣры. Еще при императорѣ Павлѣ митрополитъ Сестренцевичъ представлялъ о необходимости улучшить уніатскія семинаріи, предлагая отдать имъ имѣнія 12-ти базиліанскихъ монастырей, которые, какъ ненужные, упразднить, переведя монаховъ въ другія обители; но базиліане этого не допустили. Въ началѣ царствованія императора Александра было шесть уніатскихъ семинарій: двѣ въ епархіи брестской ([1]) и четыре въ луцкой ([2]), но въ такомъ упадкѣ, что многія изъ нихъ впослѣдствіи были закрыты, потому что содержать ихъ было нечѣмъ; такъ со всѣхъ фундушевыхъ семинарскихъ суммъ луцкой епархіи проценты, и то самые ничтожные, получались только съ одной, принадлежавшей семинаріи луцкой, которая изъ этого города переведена была потомъ въ м. Почаевъ; но и тамъ

([1]) Въ м. Лаврышевѣ (новогрудскаго уѣзда) и въ м. Свержнѣ (слуцкаго уѣзда).

([2]) Въ Житомірѣ, Луцкѣ, Владимірѣ-Волынскомъ и Родомыслѣ (кіевской губ.).

не было семинарскаго дома, и семинаристы, по скудости фундуша, принуждены были нанимать себѣ квартиры и содержать себя почти на собственномъ счету. Въ полоцкой епархіи, простиравшейся на всю Бѣлоруссію, вовсе не было семинаріи, и архіепископъ изъ собственныхъ доходовъ содержалъ въ своемъ архимандричьемъ Онуфріевскомъ монастырѣ *одного* учителя для преподаванія богословія вступающимъ въ бѣлое священство. Только вслѣдствіе усильныхъ просьбъ Лисовскаго, отданъ былъ въ 1806 году подъ семинарію полоцкій Софійскій базиліанскій монастырь ([1]), и такимъ образомъ этотъ архіепископъ положилъ начало образованію бѣлаго уніатскаго духовенства полоцкой епархіи, на которое преемникъ его Красовскій обращалъ особенное вниманіе; потому семинарія эта была и лучше другихъ устроена и несравненно многочисленнѣе по количеству обучавшихся клириковъ. Въ концѣ царствованія императора Александра въ каждой уніатской епархіи осталось по одной семинаріи, но онѣ были совершенно недостаточны для епархіальныхъ потребностей: такъ въ брестской семинаріи на 675 священниковъ должно было воспитывать всего 20 учениковъ, но ихъ бывало обыкновенно не болѣе 13 или 14, а въ митрополичьей литовской только три. По учрежденіи главной семинаріи при виленскомъ университетѣ для латынскаго духовенства, допускались въ нее для окончанія наукъ и клирики уніатскихъ семинарій, и потому одинъ изъ членовъ комитета, управлявшаго главною семинаріею, былъ уніатъ. Такое учрежденіе, изглаживая всѣ особенности бѣлаго уніатскаго духовенства, дожно бы-

([1]) Полн. собр. зак. т. XXIX, № 22397.

ло окатоличить его вполнѣ, какъ базиліанъ; но такъ неисповѣдимы предопредѣленія Промысла, что именно изъ этого заведенія вышли пастыри уніатслой церкви, возвратившіе унію. къ ея первоначальному источнику—восточному православію.

Положеніе уніатскихъ епископовъ также не было блистательнымъ. До 1805 года, то есть, до того времени, какъ Лисовскому отданъ былъ полоцкій Софійскій монастырь, полоцкіе архіепископы не имѣли и пристанища при своемъ соборѣ, а жили сначала въ шести верстахъ отъ Полоцка въ Струнѣ, а потомъ въ 300 верстахъ разстоянія отъ этого города, въ Онуфріевскомъ монастырѣ; каѳедра же содержалась базиліанами. Брестскіе епископы проживали въ загородномъ домѣ у г. Новогрудка, а консисторія ихъ находилась въ тамошнемъ базиліанскомъ монастырѣ, въ церкви коего отправлялось и епископское богослуженіе. Луцкіе епископы также не имѣли каѳедральной церкви. Римскій дворъ ни при одной епископской уніатской каѳедрѣ не устроялъ капитуловъ, ибо они могли въ глазахъ народа возвысить унію, тогда какъ ей предназначалось склониться предъ латынствомъ; однако сами собою во всѣ эти епархіи вводились, по римскому обычаю, прелаты и каноники; но число ихъ не было значительно.

Такимъ образомъ въ уніи были богаты, сильны и вліятельны одни базиліане-католики, ненавидимые уніатскимъ народомъ и уніатскимъ духовенствомъ; они одни и поддерживали унію введеніемъ въ нее открытаго латынства. Но и бóльшая часть базиліанскихъ монастырей стояла впустѣ; и коллегія, и митрополитъ Сестренцевичь и князь Чарторижскій, и

митрополитъ Лисовскій представляли о закрытіи многихъ базиліанскихъ монастырей, потому что они долѣе существовать приличнымъ образомъ не могли. Будь это исполнено, соблюдайся притомъ постановленіе о непринятіи въ этотъ орденъ римско-католиковъ, и базиліанское монашество, какъ свидѣтельствовали сами члены его, должно было уничтожиться. Что̀ за симъ осталось бы въ уніи? Бѣлое духовенство и народъ. Бѣлое духовенство, какъ мы видѣли, нисколько не расположено было къ латынству, напротивъ того всегда ревновало о возстановленіи въ своей церкви восточныхъ обрядовъ, стираемыхъ, такъ сказать, базиліанами; но оно было бѣдно и необразованно отъ притѣсненія монаховъ. Ежели бы базиліанскіе фундуши, по упраздненіи монастырей, перешли въ его руки, то прекратились бы и нищета и невѣжество, и не угнетаемое болѣе монашествомъ, бѣлое духовенство употребило бы новыя матеріальныя свои средства на достиженіе просвѣщенія и отдѣльности отъ латынской церкви. Народъ уніатскій не имѣлъ никакой склонности къ римскому католицизму; богослужебный языкъ, обряды, церемоніи этой церкви были для него совершенно чужды. Насиліемъ могли причислить уніатскаго крестьянина къ католицизму, но не сдѣлать его католикомъ, и лучшимъ доказательствомъ этого служитъ то, что уніаты, переведенные въ началѣ царствованія въ латынство, какъ овцы, возвратились опять въ унію, когда митрополитъ Сестренцевичь приказалъ своему духовенству выпустить ихъ изъ римскаго обряда. Итакъ, спрашиваемъ каждаго добросовѣстнаго изъ нашихъ читателей: могла ли долго продолжаться унія, эта полувѣра, навязанная Ри-

момъ насиліемъ и поддерживаемая обманомъ? Само латынское духовенство поможетъ намъ дать отвѣтъ на этотъ вопросъ. Не удостовѣряло ли оно, что безъ природныхъ римско-католиковъ унія невозможна? Зачѣмъ оно такъ торопилось обратить въ чистое латынство и безъ того уже соединенныхъ съ римскою церковью уніатовъ? Отъ того, что сознавало, что для уніи нѣтъ будущности, что она уже невозможна. Принимая это заключеніе за единственно возможный выводъ изъ исторіи уніатской церкви, спросимъ: куда же унія могла обратиться? Ужели къ римскому католицизму, противъ котораго все бѣлое уніатстое духовенство протестовало открыто и явно и передъ латынскимъ духовенствомъ, и передъ базиліанами, и наконецъ передъ самымъ правительствомъ, прося его защиты отъ латынскихъ угнетеній? Итакъ, повторяемъ еще разъ, безъ всякихъ принудительныхъ мѣръ, однимъ естественнымъ ходомъ событій, унія могла и должна была возвратиться къ разрозненной съ уніатами, но не забытой ими матери—Церкви православной. По всей вѣроятности, это и послѣдовало бы еще въ царствованіе императора Александра, если бы правительство, не то чтобъ способствовало этому, но по крайней мѣрѣ понимало уніатскій вопросъ, исполняло справедливыя просьбы уніатовъ, не возводило бы въ митрополиты и епископы ненавистныхъ имъ римско-католиковъ, не учреждало бы изъ одной бывшей при Екатеринѣ уніатской епархіи четырехъ, не смѣшивало бы воспитаніе уніатскихъ духовныхъ съ латынскими, дало бы достаточное содержаніе бѣлому духовенству, однимъ словомъ, сдѣлало бы для него хотя то, что сдѣлало австрійское правительство для галиційскихъ

уніатовъ. Тогда ни Римъ и его духовные, ни базиліане съ польскимъ дворянствомъ не удержали бы уніи,—едва живая, она еще дышала только благодаря невѣдѣнію, ошибкамъ и равнодушію русскаго правительства: Екатерины не было уже на престолѣ!

XV.

СНОШЕНІЯ РУССКАГО КАБИНЕТА СЪ РИМСКИМЪ ДВОРОМЪ ПРИ ИМПЕРАТОРѢ АЛЕКСАНДРѢ I.

Собственноручное письмо папы Пія VII, 1801 г. — Учрежденіе русскаго посольства въ Римѣ.—Назначеніе графа Кассини повѣреннымъ въ дѣлахъ, 1802.—Инструкція ему.—Аббатъ Бенвенути, повѣренный въ дѣлахъ римскаго двора въ Петербургѣ.—Римскій престолъ постоянно возвращается къ мысли учредить нунціатуру въ Петербургѣ. — Посольство Арецо, 1803—1804.—Предположеніе послать графа Бутурлина въ Римъ, 1803. — Инструкція ему. — Неудовольствіе императора противъ римскаго двора за выдачу кавалера Вернега.—Разрывъ сношеній, 1804.—Римскій престолъ пытается разными способами снова завязать ихъ. — Возстановленіе оффиціальныхъ сношеній между обоими дворами, 1814. — Услуги, оказанныя императоромъ Александромъ римскому престолу, 1815. — Баронъ Тюйль, русскій министръ въ Римѣ, 1815—1817. — Римскій дворъ снова поднимаетъ вопросъ о соединеніи церквей, 1815. — Отвѣтъ императора Александра на это предложеніе. — Мысли императора о единствѣ христіанской церкви. — Выраженіе этихъ мыслей — трактатъ священнаго союза. — Одинъ римскій престолъ протестуетъ противъ трактата священнаго союза, принятаго всею Европой. — Данное римскому престолу императоромъ Александромъ, достойное удивленія, объясненіе совершенно христіанскаго духа этого трактата и истинной его важности. — Настойчивость римскаго двора учредить нунціатуру въ Петербургѣ. — Инструкціи Италинскому, назначенному быть

русскимъ министромъ въ Римѣ, 1817. — Система дѣйствій римскаго двора со времени возвращенія папы въ Римъ.— Роль кардинала Консальви. — Въ духовныхъ дѣлахъ онъ подчиняется партіи фанатиковъ. — Римскій дворъ поддерживается въ его фанатическихъ стремленіяхъ успѣхомъ конвенцій, заключенныхъ со многими государствами. — Конкордатъ съ Баваріей, 1817. — Конкордатъ съ Франціей, 1817. — Конкордатъ съ королемъ обѣихъ Сицилій, 1818.— Конвенція съ Пруссіей, 1821. — Смерть папы Пія VII, 1823.—Кардиналъ Делла Дженга, избранный въ папы, принимаетъ имя Льва XII.—Партія *зелантовъ* или фанатиковъ во главѣ управленія.

Въ предыдущемъ изложеніи мы имѣли случай говорить о нѣкоторыхъ переговорахъ между русскимъ правительствомъ и римскимъ дворомъ въ царствованіе императора Александра; здѣсь считаемъ необходимымъ представить общій характеръ сношеній между обоими дворами.

При восшествіи на престолъ императоръ получилъ собственноручное письмо папы Пія VII, отъ 27 апрѣля 1801 года, изъ котораго считаемъ нужнымъ извлечь слѣдующее мѣсто: «Мы не преминуемъ увѣрить Ваше Императорское Величество, что, вполнѣ сознавая благосклонность и дружбу вашего августѣйшаго родителя къ нашей особѣ, весьма живо чувствуемъ его потерю. Но съ тою же искренностію прибавимъ, что наше утѣшеніе и наши надежды находятъ величайшую опору въ добродѣтеляхъ Вашего Императорскаго Величества. Чувствованія, выказанныя вами передъ взорами своихъ подданныхъ и всей Европы еще прежде восшествія на престолъ вашихъ предковъ, заранѣе увѣряютъ насъ, что вы превзойдете своего августѣйшаго родителя въ славѣ своихъ предпріятій, въ покровительствѣ и милости къ католической религіи и къ своимъ под-

даннымъ католикамъ, въ участіи къ дѣламъ римской церкви и, смѣло прибавимъ, въ расположеніи и дружбѣ къ нашей особѣ». Въ то же время римскій дворъ напомнилъ русскому правительству объ обѣщаніи императора Павла способствовать возвращенію легатствъ и другихъ владѣній, завоеванныхъ французскою республикой у римскаго двора; предметъ переговоровъ папы относительно свѣтской его власти сводился къ четыремъ главнымъ пунктамъ: возстановленію трехъ легатствъ, вознагражденію за Авиньонъ и графство Венессенъ, выводу французскихъ войскъ и возвращенію государственныхъ имуществъ, отчужденныхъ со времени учрежденія римской республики. «Безъ помощи русскаго двора», писалъ Консальви, «папа не можетъ ничего надѣяться, и даже долженъ опасаться новыхъ потерь».

Императоръ Александръ справедливо избѣгалъ принимать прямое участіе въ дѣлахъ римскаго престола; но, стараясь сохранить дружескія отношенія съ римскимъ дворомъ, онъ учредилъ въ городѣ Римѣ постоянное посольство, болѣе во уваженіе духовныхъ нуждъ католическихъ подданныхъ своей имперіи, чѣмъ для политическихъ дѣлъ. Онъ имѣлъ также въ виду добиться утвержденія римскимъ престоломъ распоряженій, предпринятыхъ его отцомъ относительно мальтійскаго ордена, въ качествѣ гроссмейстера этого ордена, рѣшившись не вмѣшиваться болѣе въ интересы этого ордена, совершенно чуждые для Россіи. Вслѣдствіе сего графъ Кассини, жившій въ Римѣ въ качествѣ генеральнаго консула, былъ назначенъ, въ началѣ 1802 года, повѣреннымъ въ дѣлахъ при римскомъ дворѣ и получилъ отъ императора рескриптъ, въ которомъ цѣль его

посольства опредѣлялась такъ: «въ политическомъ отношеніи и касательно свѣтской власти папы, я могу только желать, чтобы поддерживалось и укрѣплялось то спокойное состояніе, какимъ онъ наслаждается, и чтобы онъ получилъ награду за тѣ тяжелыя пожертвованія, какія сдѣлалъ римскій престолъ; когда содѣйствіе моихъ услугъ можетъ способствовать утвержденію или улучшенію этого положенія, я не откажусь дать ему всѣ доказательства одушевляющаго меня участія къ сохраненію этой власти въ Италіи. Въ духовномъ отношеніи, между нами могутъ существовать сношенія только касательно католическихъ подданныхъ моей имперіи. Мое попеченіе о нихъ доставляетъ мнѣ удовольствіе видѣть, что они чрезъ это будутъ находиться въ ближайшемъ общеніи съ римскою церковію относительно религіи, въ чемъ они не будутъ испытывать ни стѣсненія, ни препятствія, какъ скоро будутъ сообразоваться съ тѣмъ, что̀ было предписано и постановлено моими предшественниками въ пользу свободы этого богослуженія, отправленіе котораго терпимо въ моей имперіи, съ тѣмъ, чтобы они не дозволяли себѣ никакого захвата въ преимуществахъ господствующей религіи». Въ то же время аббатъ Бенвенути, находившійся въ Россіи много лѣтъ, былъ признанъ повѣреннымъ въ дѣлахъ римскаго престола при русскомъ дворѣ.

Если бы римскій дворъ руководился единственно соображеніями о благѣ религіи, то установленіе постоянныхъ и правильныхъ сношеній его съ петербургскимъ кабинетомъ совершенно удовлетворяло бы исполненію всѣхъ дѣлъ, требовавшихъ посредничества римскаго престола; но движимый мыслію

о господствѣ надъ всѣмъ духовенствомъ, онъ не переставалъ настаивать на учрежденіи нунціатуры въ Петербургѣ. Остерегаясь произнести слово «нунціатура», папа просилъ дозволенія прислать посла, чтобы поздравить императора съ восшествіемъ на престолъ, какъ утверждалъ онъ, чтобы дать торжественное доказательство своего уваженія къ его августѣйшей особѣ. Новое министерство, образованное молодымъ императоромъ, состояло тогда большею частію изъ молодыхъ людей, умныхъ, съ прекрасными намѣреніями, но безъ всякой опытности; оно не нашло никакого затрудненія принять назначеніе этого посла, и въ Римъ отправленъ былъ отвѣтъ въ этомъ смыслѣ. Папа, весьма довольный такимъ результатомъ своей попытки, немедленно назначилъ Ареццо своимъ посломъ въ Россію. Только послѣ этого назначенія министерство навело справки о дѣятельности бывшихъ въ Россіи нунціевъ и познакомилось съ предшественниками ихъ. Тогда взглядъ его измѣнился, и оно употребило всѣ, бывшія въ его распоряженіи, средства воспрепятствовать этому посольству; во-первыхъ, оно убѣдило папу отсрочить присылку посла до другаго времени, по причинѣ финансоваго затрудненія римскихъ областей; потомъ, оно объявило, что пока папа не изберетъ гроссмейстера и не одобритъ всего сдѣланнаго въ Россіи относительно мальтійскаго ордена, дотолѣ посолъ римскаго престола не будетъ допущенъ, и что таково условіе *sine qua non*. Когда же это условіе было исполнено римскимъ дворомъ, поручено было графу Кассини употребить свое личное вліяніе, чтобы посольство было отсрочено до другаго времени. Наконецъ, предложили аббату Бенвенути

остаться въ Петербургѣ для дѣлъ римскаго престола. Всѣ эти средства не измѣнили рѣшенія римскаго двора, напротивъ онѣ ускорили присылку Ареццо. «Когда я объявилъ эту волю правительства кардиналу Консальви», писалъ графъ Кассини министерству, «громъ не сильнѣе поразилъ бы этого министра»; онъ объявилъ, что это посольство извѣстно всей Европѣ, что Ареццо уже на пути въ Вѣну; онъ писалъ письмо за письмомъ къ канцлеру, и убѣдилъ папу обратиться къ императрицѣ матери съ просьбою о принятіи посольства. Между тѣмъ Ареццо прибылъ въ Вѣну, представился римскому императору въ качествѣ посла при русскомъ дворѣ, и возвѣстилъ о своемъ посольствѣ особыми письмами императору Александру и императрицамъ. Такъ какъ дѣло близилось къ исполненію, то графъ Кочубей увѣдомилъ аббата Бенвенути, что это посольство будетъ принято, но будетъ только временнымъ, что императоръ находитъ болѣе приличнымъ быть ему таковымъ, такъ какъ ему не угодно, чтобы послы римскаго престола вмѣшивались въ свѣтскія дѣла, какъ это дѣлалъ Литта. Въ то же время увѣдомили кардинала государственнаго секретаря, что императоръ, въ доказательство своего личнаго уваженія къ римскому первосвященнику, согласенъ принять при своемъ дворѣ селевкійскаго архіепископа Ареццо въ качествѣ посла папы, но не въ качествѣ нунція; что этотъ министръ будетъ принятъ по примѣру пословъ другихъ коронованныхъ особъ; что въ данной ему кредитивной граматѣ эта характеристическая черта должна быть съ точностію обозначена, для того, чтобы никакъ нельзя было думать, будто онъ прибылъ въ Петербургъ въ ка-

чествѣ нунція; и наконецъ, такъ какъ это посольство римскаго престола не имѣло другой цѣли, кромѣ заявленія вниманія со стороны римскаго двора, то оно не должно быть постояннымъ, и приличіе требуетъ, чтобы оно продолжалось не болѣе трехъ или четырехъ мѣсяцевъ. Римскій дворъ съ радостію принялъ всѣ эти условія, и Ареццо прибылъ въ Петербургъ въ началѣ 1803 года.

Въ іюлѣ того же тода, племянникъ канцлера Воронцова, графъ Бутурлинъ, былъ назначенъ полномочнымъ министромъ при римскомъ дворѣ, а графъ Кассини совѣтникомъ посольства. По этому случаю императоръ Александръ въ первый разъ съ точностію высказалъ свои мысли объ отношеніяхъ двухъ властей въ своемъ рескриптѣ графу Бутурлину.

«Я ожидаю отъ васъ», сказано въ немъ, «что вы установите между римскимъ престоломъ и моимъ католическимъ духовенствомъ такія отношенія, чтобы первосвященническая власть тяготѣла надъ нимъ какъ можно менѣе. Рекомендую вашему особенному вниманію тѣ подробности, въ которыя я вхожу, чтобы объяснить вамъ мой взглядъ на это дѣло.

«Римскій дворъ, во всѣ времена обнаруживавшій рѣшительное стремленіе присвоить себѣ исключительное управленіе повсюду, и приставленными къ отправленію богослуженія лицами, и назначенными для ихъ содержанія имуществами, не разъ старался завладѣть свѣтскою властію во имя духовной. Подобный порядокъ вещей, установляющій независимое государство въ нѣдрахъ того же государства, не могъ приличествовать никакой державѣ, и возбуждая недовѣріе правительствъ къ видамъ римскаго двора,

аставилъ ихъ надзирать за его намѣреніями и постепенно вести многія католическія страны къ освобожденію изъ подъ зависимости отъ римскаго престола.

«Если тѣ государства, гдѣ католическая религія есть господствующая, почли необходимымъ и позволительнымъ поставить предѣлы папской власти у нихъ, тѣмъ болѣе прилично ограничить ее въ Россіи, гдѣ католицизмъ только терпимъ. Дозволяя моимъ подданнымъ, исповѣдующимъ эту религію, сохранять сношенія съ римскимъ первосвященникомъ, нахожу приличнымъ позаботиться о томъ, чтобы власть его надъ ними не переступала тѣхъ границъ, въ какія я хочу ее заключить. Она должна быть только чисто духовною и не касаться свѣтской власти, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Поручаю вашей бдительности заботу предотвращать всякое возможное стремленіе къ ней; и самъ римскій дворъ, хорошо обсудивъ дѣло, долженъ воздержаться отъ этого, чтобы удалить всякій поводъ къ неудовольстію между нами, которое имѣло бы только непріятныя для него послѣдствія; а такъ какъ я не только не имѣю никакого намѣренія вызвать охлажденіе между нами, но желаю устранить все могущее подать поводъ къ нему, то надѣюсь способствовать этому съ своей стороны постановленіемъ, чтобы отнынѣ агенты римскаго двора въ Россіи не вступали помимо васъ въ переговоры съ моимъ католическимъ духовенствомъ, когда послѣднему придется обратиться къ римскому престолу, и въ этомъ отношеніи ваше посольство въ Римъ должно имѣть удовлетворительные результаты, ибо посредствомъ его всѣ тѣ случаи, гдѣ необходимо посредничество главы католической

церкви, будутъ обсуждаемы министерскимъ порядкомъ между дворами, а не между паствою и ея пастыремъ. Министерство мое будетъ сообщать, какія требованія вы имѣете сдѣлать, и чрезъ него же непосредственно католическій митрополитъ будетъ получать отвѣты римскаго двора. Этотъ порядокъ будетъ соблюдаться, какъ скоро вы будете утверждены въ вашемъ постѣ, и вы позаботитесь немедленно предъувѣдомить о томъ кардинала государственнаго секретаря, пригласивъ его къ принятію онаго.

«Не хочу пройти молчаніемъ того, что назначеніе на епископіи есть право государя, которое желаю сохранить неприкосновеннымъ, и надѣюсь, что въ случаѣ надобности его святѣйшество поспѣшитъ, по вашему требованію, отправить къ назначаемымъ мною прелатамъ буллы, необходимыя для ихъ посвященія, и въ то же время удержится возводить въ епископы, *de proprio motu*, кого-либо изъ моихъ подданныхъ. Такой обычай, по моему мнѣнію, ведущій только къ замѣшательству, не будетъ допускаемъ въ Россіи; а какъ всякое недоразумѣніе можно предотвратить предварительными объсненіями, то вы позаботитесь ясно выразить мою волю по этой статьѣ.

«Въ заключеніе предупреждаю васъ, что въ случаѣ, если бы римскій дворъ оказался неподатливымъ на тѣ требованія, какія вы будете дѣлать ему во время своего посольства, то вы можете дать ему понять, что такъ какъ къ нему обращаются добровольно, то на это надобно смотрѣть только какъ на уступку, которую можно и назадъ взять по произволу, и что въ этомъ случаѣ затрудненія по меньшей мѣрѣ безполезны, тогда какъ взаимная уступ-

чивость способна скрѣпить тѣ узы, которыя можно ослабить по произволу.»

Эти начала, совершенно согласныя съ тѣми, которымъ русское правительство всегда слѣдовало въ отношеніи къ римскому двору, были положены въ основаніе всѣхъ переговоровъ, какіе русскій министръ могъ вести съ ватиканскимъ кабинетомъ. Но графу Бутурлину не пришлось привесть ихъ въ исполненіе; совершенно случайное обстоятельство помѣшало отправленію его въ Римъ и положило конецъ посольству Ареццо въ Петербургѣ.

Извѣстный французскій эмигрантъ Вернегъ (Vernègues), вступившій въ русскую службу, въ 1804 году находился въ Италіи въ качествѣ причисленнаго къ посольству; онъ неодобрительно выражался о царствовавшемъ тогда во Франціи правительствѣ, отношенія котораго къ русскому двору были самыя натянутыя. Наполеонъ, черезъ своего посла при папскомъ дворѣ кардинала Феша, требовалъ ареста и выдачи этого эмигранта, сдѣлавшагося русскимъ подданнымъ. Папское правительство сперва рѣшилось задержать его и порыться въ его бумагахъ, въ которыхъ не нашли ничего компроментирующаго его, а потомъ имѣло слабость выдать его французскимъ агентамъ, несмотря на положительное обѣщаніе русскому правительству не дозволять его выдачи; онъ былъ выданъ французскому комменданту въ Римини (1). Вслѣдствіе этого, императоръ Александръ приказалъ написать къ кардиналу Консальви, чрезъ князя Чарторижскаго, что нѣтъ никакого сред-

(1) Histoire du pape Pie VII, par le chevalier *Artaud*. 3-e edition. Paris. 1839. t. 2. p. 85—94.

ства продолжать сношенія съ правительствомъ, на которое императору приходится смотрѣть или какъ на враждебное къ нему, или какъ на лишенное независимости. Посолъ римскаго престола получилъ приказъ оставить Петербургъ, русскій повѣренный въ дѣлахъ въ Римѣ былъ отозванъ, и оффиціальная русская газета возвѣстила о разрывѣ сношеній между обоими дворами. Папа былъ очень огорченъ этимъ; положеніе его извиняло его слабость. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ могъ онъ сдѣлать противъ государя, возстановившаго богослуженіе въ своей имперіи, составившаго конкордатъ, занявшаго Италію своими войсками и заставившаго трепетать всю Европу? Кардиналъ Консальви справедливо сказалъ: «святой престолъ, который могъ сравнить себя съ слабымъ ягненкомъ между двумя большими бульдогами, былъ принесенъ въ жертву сколько дѣлу чести, столько же страстямъ двухъ соперничествующихъ державъ, и хорошо видѣлъ, что онъ жертва ихъ» ([1]). Въ томъ же году, прибывъ въ Парижъ для коронованія Наполеона, Пій VII просилъ и добился освобожденія Вернега, извинялся предъ императоромъ Александромъ; но за всѣмъ тѣмъ сношенія между дворами не были возстановлены. Графъ Кассини отправился въ Венецію, а Ареццо остановился въ Дрезденѣ и пробылъ тамъ почти два мѣсяца, въ надеждѣ скоро возвратиться на свой прежній постъ.

Архіепископъ Североли, нунцій въ Вѣнѣ, пытался разными способами возобновить сношенія римскаго престола съ петербургскимъ кабинетомъ, черезъ рус-

([1]) Mémoires du cardinal *Consalvi*. t. 2. p. 331.

скаго посла, князя Куракина. «Папскій нунцій», писалъ въ 1807 году князь Куракинъ канцлеру, «не удовольствовался косвенными подходами, съ цѣлію знать, чего держаться при моемъ съ нимъ обращеніи въ требуемыхъ этикетомъ объясненіяхъ. Онъ просилъ у меня нотою особеннаго свиданія, и я отвѣчалъ ему, что буду весьма радъ принять архіепископа Североли. Разговоръ со мною онъ началъ всевозможными увѣреніями въ преданности своего государя Его-Величеству императору Александру, въ его любви и уваженіи къ нему, въ его довѣріи и почтеніи, и прибавилъ, что передаетъ мнѣ эти торжественныя увѣренія по именному повелѣнію. Какъ на неопровержимое доказательство всего этого, онъ указалъ мнѣ на поведеніе папы въ Парижѣ, гдѣ его настоянія преодолѣли всякое сопротивленіе императора Наполеона и имѣли слѣдствіемъ освобожденіе Вернега. Что̀ касается Вѣны, то онъ также указалъ на свидѣтельство графа Разумовскаго, къ которому нунціатура всегда относилась съ одинаковымъ довѣріемъ. Послѣ этого предварительнаго введенія, нунцій приступилъ къ дѣлу и сказалъ мнѣ, съ какимъ утѣшеніемъ папа увидитъ и какъ сильно онъ желаетъ, чтобы прежнія отношенія возстановились какъ можно скорѣе, чтобы посолъ Ареццо возвратился въ Петербургъ и чтобы осуществилось посольство графа Бутурлина». Эта попытка нунція Североли не увѣнчалась успѣхомъ.

Необходимыя для католическаго духовенства русской имперіи сношенія съ Римомъ изрѣдка совершались черезъ посредство Вѣны, но оффиціальныя сношенія снова завязались только въ 1814 году, послѣ возвращенія папы въ Римъ. Несмотря на

явный разрывъ между дворами, личныя отношенія обоихъ государей постоянно были сочувственными, особенно послѣ тѣхъ несчастій, которымъ папа подвергался съ 1809 года. Хотя арестъ папы Наполеономъ не произвелъ никакого впечатлѣнія въ польскихъ областяхъ, гдѣ народъ остался къ этому совершенно равнодушнымъ, онъ возбудилъ искреннее сочувствіе въ императорѣ Александрѣ, который съ тѣхъ поръ не пропускалъ случая употреблять всѣ находившіяся въ его власти средства въ пользу плѣннаго первосвященника. «Послѣ Бога, Александру обязанъ я,» говорилъ въ 1822 году Пій VII русскому министру при папскомъ престолѣ, «тѣмъ, что увидѣлъ конецъ моему плѣну въ Фонтэнбло, возвратился къ исполненію моихъ обязанностей и могу провести послѣдніе дни своей жизни въ Римѣ. Со времени моего плѣна въ Фонтэнбло не проходитъ дня, когда бы я не возсылалъ къ Господу горячихъ молитвъ о славѣ и счастіи вашего великодушнаго монарха».

Съ 1813 года, съ тѣхъ поръ какъ соединенныя войска начали одерживать рѣшительныя побѣды надъ арміею Наполеона и установилось вліяніе императора Александра на дѣла Европы, римскій дворъ постоянно обращался къ нему и ожидалъ отъ его великодушія лучшей будущности. Уже въ іюлѣ этого года папскій нунцій въ Вѣнѣ, архіепископъ витербскій, просилъ русскаго посла, графа Стакельберга, склонить свое правительство къ защитѣ интересовъ святаго престола на имѣвшемъ быть конгрессѣ. Въ апрѣлѣ 1814 года, папа отправилъ графа Франциска-Филиппа Магавли Черати подателемъ собствен-

норучнаго письма къ императору Александру, которымъ просилъ о возвратѣ своихъ владѣній.

20 мая того же года Пій VII снова послалъ императору по этому предмету письмо, писанное собственною его рукою, въ которомъ между прочимъ говорилъ: «мы убѣждены, что все отторгнутое у святаго престола съ 1789 года, когда начались смуты Франціи, будетъ возвращено ему въ цѣлости нынѣ, когда Европа умиротворена. Но въ ту минуту, когда долженъ собраться конгрессъ, имѣющій привести въ порядокъ всеобщія дѣла міра, мы не можемъ удержаться отъ просьбы къ Вашему Императорскому Величеству обратить вниманіе на наши права и расположить къ намъ вашихъ союзниковъ. Возлагаемъ всю нашу надежду на великодушіе, составляющее главное свойство Вашего Величества, и не скрываемъ нашей живѣйшей радости при мысли, что свѣтскіе интересы святаго престола находятся въ рукахъ Вашего Величества».

Въ отвѣтъ на это письмо императоръ писалъ папѣ: «Я считалъ освобожденіе главы католической церкви однимъ изъ наилучшихъ результатовъ успѣховъ, дарованныхъ Божественнымъ Провидѣніемъ нашему оружію. Чтò касается участія, которое я всегда буду принимать въ вашихъ свѣтскихъ интересахъ, ваше святѣйшество не должно въ немъ сомнѣваться; графъ Магавли увѣдомитъ васъ, какъ я его принялъ». Зная, какую важность мнѣніе императора Александра имѣло на вѣнскомъ конгрессѣ, папа однажды писалъ ему: «Quando Vostra Maestà è per Noi, di che possiamo temere?» Дѣйствительно, римскій престолъ обязанъ былъ возвращеніемъ всѣхъ своихъ областей преимущественно вліянію императора.

Въ это время были возстановлены дипломатическія сношенія между обоими дворами, такъ давно прерванныя. Генералъ-маіоръ баронъ Тюйль отправился въ Римъ въ качествѣ полномочнаго министра Россіи; выборъ военнаго человѣка на этотъ постъ мотивированъ былъ опасеніемъ войны, могущей снова вспыхнуть въ Италіи; съ этою цѣлію баронъ Тюйль посѣтилъ сперва многіе города Италіи и южную Францію, и прибылъ въ Римъ только въ ноябрѣ 1815 года.

Столько событій, столько несчастій нимало не измѣнили системы Рима ни въ свѣтской, ни въ духовной его власти; то же правленіе священниковъ снова было введено въ областяхъ святаго престола; тотъ же фанатизмъ продолжалъ одушевлять церковь. Спустя немного времени послѣ прибытія барона Тюйля въ Римъ, кардиналъ Делла Сомагліа, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ членовъ священной коллегіи, сталъ говорить ему о соединеніи обѣихъ церквей, сильно желаемомъ папою, объясняя ему, что затрудненія не такъ значительны, чтобы нельзя было устранить ихъ, за исключеніемъ, можетъ быть, главенства папы. Императоръ приказалъ отвѣчать папѣ, что въ этомъ отношеніи онъ не смѣетъ высказывать мнѣнія, что вопросъ долженъ быть разсмотрѣнъ поставленными Церковію хранителями религіознаго ученія, что поэтому онъ намѣренъ выслушать представленія свят. синода объ этомъ предметѣ, и не пренебрежетъ ничѣмъ, признаваемымъ за полезное для христіанства вообще. Въ то же время предписано было русскому министру, въ своихъ объясненіяхъ съ членами священной коллегіи возстановить опредѣленность, необходимую въ столь важномъ вопросѣ, въ част-

ности напередъ согласиться въ томъ, что̀ разумѣть подъ соединеніемъ двухъ церквей; всякій разъ, какъ брались за это дѣло, римская церковь намѣренно смѣшивала эту утѣшительную мысль съ мыслію о безусловномъ согласіи на тѣ начала, которыя она исповѣдуетъ отдѣльно, доказательствомъ чего служитъ постоянный образъ ея дѣйствованія по отношенію къ лицамъ, подчинившимся ея верховной власти: вмѣсто соединенія по непреложнымъ началамъ христіанской религіи, бывали только отдѣльныя присоединенія, гдѣ духомъ дѣла жертвовали въ пользу нѣкоторыхъ преимуществъ.

Императоръ Александръ также пламенно желалъ соединенія всѣхъ христіанскихъ церквей, но несравненно болѣе широкаго и искренняго, чѣмъ когда-либо желалъ того римскій престолъ въ своихъ чисто эгоистическихъ и фанатическихъ видахъ: римскій дворъ домогался только вездѣ утвердить духовное господство папы, императоръ старался приготовить пути царству Христову. Эта высокая христіанская мысль, одушевлявшая императора, выразилась сперва основаніемъ въ Петербургѣ библейскаго общества, гдѣ бы рядомъ съ православными и римскими епископами засѣдали протестантскіе пасторы и армянскіе священники, а позднѣе открылась передъ взорами вселенной въ международномъ документѣ, названномъ актомъ братскаго и христіанскаго союза царей и народовъ. Актъ подписанъ былъ сперва, 14—26 сентября 1815 года, императорами русскимъ и австрійскимъ и королемъ прусскимъ, а послѣ присоединились къ нему всѣ государства Европы, за исключеніемъ римскаго двора. Если на этотъ трактатъ можно нападать съ практической стороны—приве-

денія его въ исполненіе, тѣмъ не менѣе онъ останется совершеннымъ идеаломъ, къ которому должны стремиться цари и народы; означенный союзъ, какъ справедливо говорили, былъ вооруженнымъ нейтралитетомъ противъ безвѣрія и фанатизма. Основаніемъ акта союза былъ высказанный государями принципъ, что христіанскій народъ въ сущности не имѣетъ другаго государя, кромѣ Христа.

Но папскій престолъ въ теченіе многихъ столѣтій постоянно повторялъ, что папа есть государь государей и народовъ, и въ настоящемъ случаѣ папа никакъ не хотѣлъ уступить верховную власть Богу; видя, что тутъ изъ папства дѣлаютъ отвлеченное понятіе, римскій дворъ протестовалъ противъ признаннаго всею Европою акта соединенія, и надобно сознаться, что съ его точки зрѣнія онъ не могъ дѣйствовать иначе, такъ какъ римскую исключительность нельзя согласить съ всеобщимъ христіанствомъ, въ высшемъ и общемъ смыслѣ этого слова. Весьма любопытно видѣть битву, данную тогда духовнымъ христіанствомъ римскому католицизму. Папа сердился на католическихъ монарховъ, подписавшихъ актъ союза, и усиливался защитить теорію своей верховной власти; императоръ Александръ опирался главнымъ образомъ на духъ Евангелія и несовмѣстность соединенія двухъ властей, духовной и свѣтской, въ лицѣ папы. «Какъ бы то ни было съ общей точки зрѣнія», приказалъ онъ сказать Риму (въ декабрѣ 1816 года), «но справедливость требуетъ утверждать, безъ всякаго вмѣшательства, что государь римскаго государства, въ качествѣ главы западной церкви, своимъ отказомъ подалъ странный примѣръ. Актъ союза, столь сообразный

съ духомъ и ученіемъ религіи, и притомъ столь умѣренный, что нимало не затрогиваетъ, даже косвенно, притязаній римскаго престола на верховную власть, такой актъ не содержитъ въ себѣ ничего, оправдывающаго его отказъ. Еще болѣе. Папа, отказываясь отъ него, ставитъ себя въ затрудненіе выбирать одно изъ двухъ: или объявить, что основный догматъ религіи о Богѣ Спасителѣ въ его глазахъ гораздо ниже того догмата, которымъ онъ думаетъ подтвердить свои права, или провозгласить оба ихъ какъ-бы единымъ догматомъ, и слѣдовательно уподобить христіанскихъ государей, не зависящихъ отъ его верховной власти, государямъ, погруженнымъ во мракъ язычества. Первое изъ этихъ утвержденій по существу не можетъ быть явно высказано; второе уничтожаетъ всѣ гарантіи свѣтской власти римскаго престола, потому что оно ниспровергаетъ всѣ добрыя отношенія, существующія между этимъ престоломъ и Россіей, Пруссіей, Швеціей, всею сѣверною Германіей и проч. Здѣсь, какъ и во многихъ случаяхъ, двойственный характеръ свѣтской и духовной власти былъ подводнымъ камнемъ ватиканской политики, въ другихъ отношеніяхъ столько прозорливой.

«Власти свѣтская и духовная, всегда несовмѣстимыя и соединеніе коихъ въ одномъ лицѣ воспрещено св. Писаніемъ, были причиною непослѣдовательныхъ поступковъ римскаго престола, который въ столкновеніи своихъ преимуществъ избралъ отрицательное положеніе, неназидательное для христіанскихъ народовъ, о чемъ достаточно пожалѣть, и не возвращаться болѣе къ этому предмету.

«Двѣ власти никогда не были соединяемы законно ни въ комъ, кромѣ Мельхиседека, лица совершенно

таинственнаго, эмблемматическаго и сверхъестественнаго. Достоинства царское, первосвященническое и пророческое всѣ вмѣстѣ принадлежали только Господу нашему Іисусу Христу, какъ представителю первобытнаго человѣка. Въ ветхомъ завѣтѣ упоминается о наказаніи тѣхъ, которые, какъ напр. Озія, покушались соединить ихъ. У самыхъ язычниковъ никто не дерзалъ приближаться къ жертвенникамъ съ мечемъ въ рукѣ. Но скипетръ государевой власти есть не иное что, какъ мечь, наказывающій виновныхъ и защищающій невинность. Если соединіе двухъ властей было воспрещено въ ветхомъ завѣтѣ, который былъ *закономъ правды*, то еще болѣе основаній воспретить его въ новомъ завѣтѣ, который есть *законъ любви и милосердія*». Высоко-христіанскія начала императора Александра очевидно не могли быть согласованы съ строго-римскими началами папскаго престола, и потому тѣсная дружба между обоими дворами, основанная на тожествѣ мнѣній и интересовъ, была невозможна, что однакожь не мѣшало продолженію добрыхъ оффиціальныхъ отношеній между обоими правительствами.

Впрочемъ извѣстно, что императоръ Александръ, вслѣдствіе такой разности мнѣній, оскорблявшей самыя искреннія его христіанскія убѣжденія, еще болѣе укрѣпился въ мысли положить строгіе предѣлы папскимъ притязаніямъ въ своей имперіи.

Что касается римскаго двора, онъ преслѣдовалъ свою систему. Отказывая въ расширеніи правъ латинскихъ епископовъ въ Россіи, онъ надѣялся этимъ принудить русское правительство къ принятію въ Петербургѣ нунція, облеченнаго большими духовными полномочіями. Русскій кабинетъ, не давая

положительнаго отвѣта на это требованіе, опять связывалъ успѣхъ этого желанія папскаго престола съ исполненіемъ предложеній касательно римскаго обряда въ Россіи, напередъ объясняя, что посланникъ папы можетъ пользоваться только чисто политическимъ значеніемъ; а такъ какъ предложенія Россіи на счетъ духовныхъ дѣлъ, какъ мы видѣли выше, не были приняты римскимъ дворомъ, то не было болѣе и вопроса о нунціатурѣ.

Императоръ твердо рѣшился не допускать того, чтобы римскій престолъ имѣлъ духовное владычество надъ католическими церквами въ Россіи, ни самопроизвольнымъ и непосредственнымъ образомъ, ни по формамъ, несовмѣстнымъ съ законами имперіи, или чтобы онъ позволялъ себѣ оказывать притязаніе на это мѣрами непрямыми или стремящимися сдѣлаться принудительными, смущая совѣсть духовенства и вѣрующихъ.

Италинскій, назначенный въ началѣ 1817 года на мѣсто барона Тюйля русскимъ полномочнымъ министромъ при папскомъ престолѣ, получилъ инструкцію устроить дѣла римской церкви въ Россіи на слѣдующихъ началахъ: 1) сохранить всю *духовную чистоту* для верховной власти святаго отца надъ этою церковью и слѣдовательно поставить ее навсегда въ безопасности отъ всякаго прямаго и непрямаго участія, какое могла бы въ ней принять мірская политика или интересы совершенно другаго свойства; 2) назначить для отправленія этой верховной власти *положительныя формы*, подъ защитою которыхъ можно было-бы обезпечить для нея духовное управленіе церковію, съ тѣмъ, чтобы это управленіе и средства его отправленія ни въ какомъ

случаѣ не могли смѣшиваться съ силою законовъ и властію свѣтскаго правительства, подъ покровительствомъ которыхъ находится римскій обрядъ въ Россіи; 3) при исполненіи этого на практикѣ и при общемъ согласіи, слѣдовать употребляемому доселѣ способу по отношенію къ назначенію епископовъ, къ объявленію буллъ и бреве и вообще ко всѣмъ административнымъ мѣрамъ, касающимся вѣроисповѣданій, и потому только чрезъ посредство императорскаго министерства передавать начальникамъ римскаго духовенства всѣ приказанія, присылаемыя имъ отъ римскаго престола; и 4) признавать дозволенія, о которыхъ римское духовенство ходатайствовало предъ римскимъ престоломъ, за средство упростить взаимныя сношенія, и не замедлять препятствіями, увеличивающимися отъ разстояній, духовной пользы этого общенія. Въ то же время Италинскому предписывалось внушить римскому двору виды благоразумной умѣренности, дать ему понять, что его честолюбивыя и исключительныя притязанія неприложимы къ системѣ европейскихъ сношеній, что онъ получитъ существенное значеніе на вѣсахъ судебъ Италіи только тогда, когда злоупотребленіе властію и честолюбивые планы замѣнитъ уваженіемъ, котораго никогда не умѣлъ внушить, и мудростію своихъ совѣтовъ, что наконецъ это единственное для него средство сдѣлаться въ духовномъ отношеніи уважаемымъ авторитетомъ, нестѣсняемымъ государствами, которыя имѣли столько побужденій ограничивать его юрисдикцію, потому что она постоянно была враждебная и угрожающая.

Къ сожалѣнію, эти мудрые совѣты не были приняты римскимъ престоломъ; вліяніе на папу въ духов-

ныхъ дѣлахъ со стороны религiозныхъ конгрегацiй состоявшихъ изъ лицъ стараго ватиканскаго закала, ревность къ кардиналу Консальви его товарищей, препятствовали Пiю VII оставить тотъ фанатическiй путь, по которому римскiй дворъ шелъ во всѣ времена. «Нетерпимость», писалъ въ 1822 году Италинскiй своему кабинету, «возведена при римскомъ дворѣ въ правило, невѣжество—въ основанiе государства. Шестилѣтнее пребыванiе въ Римѣ привело меня къ глубокому убѣжденiю, что въ сношенiяхъ съ квириналомъ надобно слѣдовать одному только способу, именно дѣлать то, что государь въ своей мудрости признаетъ наиболѣе полезнымъ для счастiя своихъ подданныхъ, не прося на это одобренiя у Рима. Каноническое установленiе умѣренныхъ аннатъ и различныя власти для рукополагаемыхъ,—таковы только случаи, когда верховная власть святаго престола сохраняетъ и должна сохранять прямое влiянiе въ духѣ римско-католической церкви».

Въ политическихъ дѣлахъ, характеристическую особенность правленiя папы Пiя VII составляло всемогущество кардинала Консальви. Преданность его Пiю VII, неоспоримыя услуги, оказанныя имъ римскому престолу во время вѣнскаго конгресса, прiобрѣли ему полнѣйшее довѣрiе папы, который, никогда не измѣняя ни своего характера, ни своихъ монашескихъ привычекъ, былъ совершенно счастливъ, что нашелъ такого министра, на котораго могъ сложить правительственныя заботы.

Кардиналъ Консальви, человѣкъ честный, обладавшiй усердiемъ, твердою волею, неутомимою дѣятельностiю, не имѣлъ однакожь свѣдѣнiй, нужныхъ

для управленія церковнымъ государствомъ, въ которомъ столкновеніе духовныхъ и свѣтскихъ интересовъ чрезвычайно запутываетъ всѣ вопросы. Начало его карьеры не отличалось тѣми основательными знаніями, которыя впослѣдствіи принесли бы ему величайшую пользу. Любимый и отличаемый Піемъ VII, онъ всегда занимался дѣлами дворца и слѣдовательно могъ быть не болѣе какъ придворнымъ; но счастливыя природныя дарованія нѣкоторымъ образомъ восполняли то, чего не доставало ему въ пріобрѣтенныхъ познаніяхъ, и если бы онъ имѣлъ болѣе гибкости характера, если бы умѣлъ щадить равныхъ себѣ, то безъ сомнѣнія былъ бы однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей своего времени. Первою заботою его было отнять у главныхъ членовъ конгрегаціи кардиналовъ всѣ ихъ преимущества, притянуть къ себѣ всѣ нити управленія, все централизовать, слѣд. передѣлать установившійся порядокъ вещей. Окружающіе его не имѣли ни его честности, ни чистоты его намѣреній: происходило множество злоупотребленій и затрудненій; всѣ кардиналы имѣли одну только мысль—уничтожить вліяніе Консальви, и совершенно достигли этого, какъ мы сказали, въ дѣлахъ духовныхъ, возведши фанатизмъ въ принципъ, что̀ далеко не согласовалось съ глубокими убѣжденіями кардинала статсъ-секретаря.

Самые успѣхи римскаго двора въ переговорахъ съ иностранными дворами, повидимому, поддерживали такое несчастное направленіе его: въ 1817 году онъ заключилъ конкордаты съ Піемонтомъ, Баваріей и Франціей, въ 1818 году съ Россіей изъ за Польши и съ королемъ неаполитанскимъ, а въ 1821

году церковную конвенцію съ прусскимъ королевствомъ. Нѣкоторые изъ этихъ конкордатовъ были особенно выгодны для римскаго двора.

Послѣ четырнадцатилѣтнихъ переговоровъ, 6 іюня 1817 года заключенъ былъ конкордатъ съ Баваріей, которымъ король ясно обязывался умножить, безъ существенной нужды, епархіи и капитулы, возвратить воспитаніе духовенства въ руки епископовъ, безъ всякаго государственнаго контроля, опять открыть монастыри, закрытые съ 1803 года, принять постоянную нунціатуру, дозволить духовенству прямыя сношенія съ святымъ престоломъ, подчинить печать надзору высшаго католическаго духовенства въ королевствѣ по отношенію къ религіи и нравственности, и отмѣнить постановленія, предоставляющія баварцамъ двухъ протестантскихъ исповѣданій тѣ же гражданскія права, какъ и подданнымъ римско-католическаго исповѣданія. Эти условія, доставившія баварскому министру въ Римѣ и посреднику конкордата Геффлину кардинальскую шапку, были признаны всѣмъ свѣтомъ до того противными верховной власти государей и свободѣ народовъ, что со времени объявленія конкордата министры другихъ дворовъ, обязанные заботиться въ Римѣ о дѣлахъ церковныхъ, болѣе прежняго отчаявались получить отъ римскаго двора сообразныя съ достоинствомъ своихъ правительствъ условія. Означенный актъ возбудилъ общее неудовольствіе въ Германіи и Баваріи, даже въ совѣтѣ короля; оффиціальная газета долго не рѣшалась обнародовать его. Общественное мнѣніе обвиняло баварское правительство за то, что оно заключило конкордатъ, не посовѣтовавшись предварительно съ другими госу-

дарствами конфедераціи, унизилось до степени послушнаго исполнителя всѣхъ приказаній Ватикана, пожертвовало свободою печати фанатизму духовенства и, размноживъ число капитуловъ, напрасно увеличило налоги народонаселенія въ пользу суетности и роскоши духовенства. Вызванное конкордатомъ негодованіе въ Германіи было столь единодушнымъ, что баварское правительство принуждено было впослѣдствіи уничтожить двѣ статьи въ немъ — о печати и о протестантскомъ исповѣданіи, столь противныя духу времени, замѣнивъ ихъ своимъ эдиктомъ о религіи и постановленіемъ о свободѣ печати, обнародованными въ одно время съ новою конституціею королевства, несмотря на договорное обязательство смотрѣть на конкордатъ какъ на государственный законъ, въ который ни король ни его преемники не могли внести никакого измѣненія безъ соизволенія и участія апостольскаго престола. Означенныя коренныя измѣненія, внесенныя въ конкордатъ съ мюнхенскимъ дворомъ, были тѣмъ болѣе непріятны римскому престолу, что онъ льстилъ себя надеждою воспользоваться этой конвенціей, какъ образцомъ, для другихъ сдѣлокъ съ германскими государями.

11 іюля 1817 года былъ подписанъ конкордатъ между дворами римскимъ и французскимъ, которымъ Людовикъ XVIII, отказавшись отъ всѣхъ выгодъ, предоставленныхъ ему конкордатомъ 1801 года, согласился уничтожить этотъ конкордатъ, отмѣнить такъ называемыя органическія статьи, увеличить сверхъ мѣры число епархій, наконецъ обязался возстановить сношенія французской церкви съ римскимъ престоломъ въ томъ же видѣ, какъ они существовали въ началѣ XVI вѣка, что уди-

вило всю Европу. Въ самомъ дѣлѣ, конкордатъ Льва X и Франциска I, подписанный въ августѣ мѣсяцѣ 1516 года, только въ 1518 году былъ внесенъ въ роспись парламентомъ и по повелѣнію короля; такое насильственное внесеніе его не препятствовало оппозиціи ни парламента, ни духовенства, которое, *въ продолженіе столѣтія*, протестовало противъ этого акта и потребовало *прагматической санкціи*, столь противной римскимъ притязаніямъ. Поэтому легко понять общее удивленіе, возбужденное возстановленіемъ такого акта, который самъ Францискъ I не считалъ выгоднымъ для Франціи и къ заключенію котораго побудила этого монарха только крайняя нужда въ помощи римскаго престола, о коей не разъ приходилось ему просить, въ продолженіе своего царствованія, ознаменованнаго столькими бурями и превратностями. Новый конкордатъ, энергически порицаемый общественнымъ мнѣніемъ во Франціи, не былъ ратификованъ палатами и никогда не получалъ законнаго существованія; самъ римскій дворъ убѣдился въ необходимости отмѣнить его, и всѣ эти переговоры съ святымъ престоломъ окончились увеличеніемъ числа епархій; а конкордатъ 1801 года и органическія статьи сохранили силу закона.

Не менѣе выгодный для римскаго двора конкордатъ былъ подписанъ 16 февраля 1818 года, въ Террачинѣ, съ королемъ неаполитанскимъ. По этой конвенціи, епископы получили право цензуры всѣхъ печатаемыхъ въ королевствѣ книгъ, а римскій дворъ полную власть надъ духовенствомъ. Король, возстановляя свободу сношеній духовенства своихъ областей съ римскимъ престоломъ, заключилъ обяза-

тельство отмѣнить *placeat regium*; принимая для Сициліи тѣ же условія, какъ и для неаполитанскаго королевства, и кромѣ того, отмѣняя должность *королевскаго делегата*, онъ уравнялъ отношенія сицилійской церкви къ римскому престолу съ отношеніями къ нему неаполитанскаго королевства, въ ущербъ особеннымъ привиллегіямъ этого королевства, предоставленнымъ ему папою Урбаномъ II въ концѣ XI вѣка. Въ силу *placeat regium* всякая булла, всякія бреве, декреты и другіе акты, выходящіе отъ римскаго двора, могли быть приняты, напечатаны, публикованы и приведены въ исполненіе въ королевствѣ только съ соизволенія короля. Начало эдикта объ этомъ восходитъ къ владычеству надъ неаполитанскимъ королевствомъ испанскаго короля Филиппа II, и впослѣдствіи онъ былъ возобновляемъ много разъ. Право назначать въ Сицилію королевскаго делегата произошло изъ особенныхъ церковныхъ привиллегій, предоставленныхъ королю Рожеру въ 1097 году папою Урбаномъ II. Эти привиллегіи, между прочимъ, давали государямъ Сициліи власть легата римскаго престола, относительно юрисдикціи, по спорамъ и добровольнымъ соглашеніямъ. Папа Урбанъ II буллою объявилъ, что онъ черезъ посредничество Рожера и его преемниковъ станетъ дѣлать то же, что̀ дѣлалъ чрезъ своего легата, и вслѣдствіе этого поставилъ его своимъ прирожденнымъ легатомъ (*legatus natus*). Въ силу такой уступки король Сициліи, какъ легатъ римскаго престола, могъ учреждать епархіи, соединять ихъ, перемѣщать, уничтожать, точно также распоряжаться аббатствами, давать увольненія, распредѣлять бенефиціи, изрекать церковныя запрещенія, разрѣшать

ихъ и проч. Судья, котораго король назначалъ своимъ представителемъ для церковной юрисдикціи, былъ *легатъ короля*, принимавшій апелляціи на суды епископскіе. Такимъ образомъ, условія 1817 года были столь противны интересамъ государства и такъ открыто порицались всѣми подданными короля, способными анализировать ихъ, что неаполитанское правительство принуждено было, къ величайшему неудовольствію римскаго двора, отмѣнить ихъ впослѣдствіи и возстановить прежнія права короля въ церковныхъ дѣлахъ королевства Сициліи.

Въ 1821 году подписанъ былъ болѣе умѣренный конкордатъ съ Пруссіей, давно подготовленный заботами прусскаго министра при папскомъ престолѣ, Нибура. Эта конвенція содержала въ себѣ слѣдующія постановленія: 1) по новому разграниченію епархій было два архіепископства: гнѣзненское, съ двумя епископствами—эрмеландскимъ и бреславскимъ, и архіепископство кёльнское, съ тремя епископствами—мюнстерскимъ, падерборнскимъ и тревскимъ. 2) Избраніе епископовъ и архіепископовъ предоставлялось ихъ капитуламъ и римскому престолу, который сохранилъ за собой назначеніе на вакантныя епископства и канонікатства въ нѣкоторые опредѣленные мѣсяцы. Въ одной секретной статьѣ выражалось обѣщаніе, что папа пошлетъ ко всѣмъ капитуламъ пастырское посланіе, обязывающее ихъ не избирать лицъ, неугодныхъ королю. Капитулы должны были представлять трехъ кандидатовъ правительству, а послѣднее чрезъ посредство своего министра въ Римѣ должно было просить святаго отца объ утвержденіи того изъ троихъ кан-

дидатовъ, котораго его святѣйшество найдетъ способнѣйшимъ занять мѣсто. Святой отецъ также обязывался въ тѣ мѣсяцы, которые онъ сохранилъ за собой, назначать только подданныхъ короля, не подавшихъ правительству повода къ неудовольствiю.

8 августа 1823 года умеръ папа Пiй VII. Когда онъ испустилъ послѣднiй вздохъ, смерть его не поколебала мужества Консальви, который сохранилъ свои повелительныя привычки и, состоя начальникомъ своего ордена, въ первые дни по упраздненiи престола еще имѣлъ влiянiе на рѣшенiя совѣта кардиналовъ. Но вскорѣ загремѣла гроза противъ него, и всѣ виды большинства кардиналовъ сосредоточились въ одной цѣли—имѣть папу враждебнаго для Консальви и уничтожить усилiя державъ, которыя, какъ извѣстно было, употребляли все свое влiянiе къ тому, чтобы покровительствовать ему и продлить его политическое существованiе еще и на будущее время. Таковы были виды ихъ въ избранiи Североли, а когда послѣднiй былъ высланъ Австрiей, заговоръ не прекратился и не уменьшился между антиконсальвистами, и старались только о томъ, чтобы выборъ палъ на человѣка, который бы не сочувствовалъ ни Консальви, ни его постановленiямъ. Такихъ мыслей былъ кардиналъ Делла Дженга, викарiй римскiй; онъ былъ избранъ папою и принялъ имя Льва XII. Кардиналъ Делла Дженга, блиставшiй на поприщѣ нунцiатуры, былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ защитниковъ привиллегiй церкви и былъ извѣстенъ своей оппозицiей видамъ Наполеона при устройствѣ церковныхъ дѣлъ рейнской конфедерацiи; раньше того, въ царствованiе Пiя VI, онъ издалъ сочиненiе въ пользу привиллегiй нунцiатуры противъ духовныхъ

курфирстовъ. Свое правленіе онъ началъ учрежденіемъ совѣта, состоявшаго изъ шести кардиналовъ, изъ числа тѣхъ, которые въ Римѣ извѣстны были подъ именемъ *zelanti* или фанатиковъ, а статсъ-секретаремъ взялъ кардинала Делла Сомагліа, декана священной коллегіи, восьмидесятилѣтняго старика, потерявшаго память. Кардиналъ Североли, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ людей между зелантами, говорилъ одному иностранному министру: «узнайте, какія начала единственно должны руководить управленіемъ въ областяхъ его святѣйшества, это—превозношеніе *римской куріи* (*curia romana*) и богатство монашествующаго духовенства». Аббатъ Феа, посредственный адвокатъ, немного извѣстный нѣкоторыми не изданными сочиненіями о древностяхъ, которыхъ былъ хранителемъ и надзирателемъ въ Римѣ, фанатикъ отъ чистаго сердца, сдѣлался органомъ господствующей тогда въ Римѣ партіи *зелантовъ*, и издалъ въ 1825 году двѣ брошюры противъ вышеозначенныхъ четырехъ предложеній и въ пользу косвеннаго преобладанія папъ надъ свѣтскою властію государей.

Итакъ духъ, одушевлявшій ватиканскій дворъ въ дѣлахъ церковныхъ со времени возстановленія папы въ Римѣ, былъ совершенно противоположенъ настоятельнымъ нуждамъ духовенства и церкви католическихъ въ Россіи, и могъ только останавливать благодѣтельныя, но слабо выдерживаемыя, намѣренія русскаго кабинета въ пользу католиковъ имперіи; въ замѣнъ столькихъ услугъ, оказанныхъ императоромъ Александромъ свѣтской власти папы, онъ не получилъ ничего для латынскаго духовенства своего государства. Вся вѣжливость римскаго

двора предъ императоромъ ограничилась устройствомъ одного частнаго дѣла,—расторженіемъ брака принцессы Шарлотты баварской съ наслѣднымъ принцемъ вюртембергскимъ, который вскорѣ послѣ развода женился на сестрѣ императора Александра, великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Изъ всего сказаннаго о латынской и соединенныхъ съ ней по догматамъ церквахъ, кажется, мы можемъ съ полнымъ убѣжденіемъ признать, что въ царствованіе императора Александра I римская вѣра и ея служители пользовались въ Россіи не только терпимостію, но и покровительствомъ. При ненарушимой свободѣ богослуженія для исповѣдниковъ этой вѣры, латынское духовенство оставалось въ полномъ своемъ составѣ, сохранило за собою огромныя имѣнія, тогда какъ польское римско-католическое правительство начало уже ихъ отбирать, имѣло въ главномъ управленіи своего агента, защищавшаго какъ его, такъ и его имущества, наконецъ получило болѣе епархій, чѣмъ сколько ихъ было въ тѣхъ же мѣстностяхъ во время существованія Польши. Въ циркулярѣ, разосланномъ духовенству въ началѣ 1807 года, по случаю союза Россіи съ Пруссіею противъ Наполеона, митрополитъ Сестренцевичь могъ съ совершенною справедливостію сказать: «мы исповѣдуемъ вѣру свою въ Россіи безъ малѣйшихъ стѣсненій и съ такою свободою, какъ-бы она

была вѣрою господствующею» ([1]). Мы скажемъ болѣе: духовенство господствующей религіи не пользовалось тѣми привиллегіями, которыя даны были латынскому, не владѣло уже обширными населенными имѣніями, не имѣло въ западномъ краѣ, по относительному количеству народонаселенія, столько епархій, сколько римско-католическое, числительность его была несравненно меньшая, а православные храмы, ветхіе, деревянные, часто не имѣвшіе даже и вида церквей, поставленные подлѣ великолѣпныхъ костеловъ, какъ-бы свидѣтельствовали, что «*pańska*» и «*chłopska wiara*» остались въ этой странѣ тѣ же, что̀ и при польскомъ владычествѣ.

Все это давало императору Александру и русскому правительству право на признательность по крайней мѣрѣ римско-католическаго духовенства; но они невсегда ее видѣли. Во время тяжкихъ для Россіи испытаній, въ 1812 году, когда каждый подданный жертвовалъ отечеству и жизнію и достояніемъ, митрополитъ Сестренцевичь писалъ кн. Голицину: «хотя безъ сомнѣнія долженъ я полагать, что всѣ вообще римско-католическіе духовные, въ Россіи находящіеся, обязаны подавать примѣръ своимъ поведеніемъ, но принять за нихъ на себя точную отвѣтственность я не могу». И митрополитъ не ошибся: нѣсколько латынскихъ епископовъ, долженство-

([1]) Мало расположенный къ русскому правительству авторъ книги: Wiadomości do dziejów kościola i religji katolickiey, долженъ былъ сдѣлать такое сознаніе: «Cesarz Alexander, przyjąwszy kościol katolicki w Rossyi pod opięke swoją, laskami swojemi szczodrze obdarzal;... czujemy sie być obowiązani dodać, iź on tyle zawsze okazywal dla catolickiey wiary i jéj kaplanów względów, ile by ich od monarchów teź religią wyznających wymagać i źadać nie bylo moźna» (p. 356—357).

вавшихъ служить примѣромъ своему духовенству и паствѣ, способствовали Наполеону: Коссаковскій, суффраганъ курляндскій, принималъ его въ Вильнѣ; епископъ коадъюторъ самогитскій князь Игнатій Гедройцъ перешелъ на сторону французовъ ([1]); епископъ минскій Дедерко, разъѣзжая съ французскимъ отрядомъ по уѣздамъ минской губерніи, возмущалъ народъ, подговаривалъ молодежь вступать въ армію Наполеона, отказывавшихся отъ этого подкупалъ деньгами, или угрожалъ проклятіями церкви, и съ донесеніями своими являлся въ главную квартиру Наполеона ([2]). Скончался императоръ Александръ и вся Россія, отъ мала до велика, его оплакивала, а латынское духовенство имперіи, въ продолженіе четверти вѣка поминавшее его ежедневно на литургіи, не слѣдуя примѣру своихъ собратій въ царствѣ польскомъ; отказалось участвовать въ печальномъ молебствіи о душѣ его, какъ о схизматикѣ, и только въ немногихъ костелахъ принесены были молитвы по усопшемъ покровителѣ римской церкви въ

([1]) За это предательство князь Игнатій Гедройцъ сосланъ былъ въ 1813 году на жительство въ Вологду; но въ слѣдующемъ же году позволено было ему возвратиться въ самогитскую епархію, а въ 1816 году ему отдано было званіе коадъютора и возвращены всѣ коадъюторскія имѣнія.

([2]) Епископа Дедерко императоръ, какъ сказано въ указѣ, «движимый христіанскимъ милосердіемъ, снисходящимъ къ слабостямъ человѣческимъ», не велѣлъ предавать суду, а только удалилъ въ 1816 году отъ управленія минскою епархіею. Мѣстопребываніемъ ему назначена была Олыка (волынской губерніи), ибо онъ былъ инфулатомъ олыкской коллегіаты; ему оставлепы были треть жалованья и всѣ бенефиціи. Въ 1821 году дозволено было Дедеркѣ ѣздить повсюду, куда дѣла его потребуютъ, кромѣ столицъ. Санъ епископскій сохраненъ ему былъ до самой его кончины, въ 1829 году.

Россіи. Митрополитъ Сестренцевичь, почти столѣтній старецъ, переживъ себя, стоялъ уже у своего гроба, и управлявшіе имъ тогда духовные заставили его дать такое по этому случаю объясненіе адмиралу Шишкову: «Уставомъ католической церкви и правилами каноническими такое молебствіе не положено, напротивъ того папою Григоріемъ III и латеранскимъ III соборомъ именно воспрещено совершать литургіи за усопшихъ внѣ римско-католической вѣры, высочайшими граматами католикамъ въ Россіи обитающимъ въ разныя времена всемилостивѣйше дарованными предоставлена свобода управляться и молиться по ихъ каноническимъ правиламъ и уставамъ; почившіе въ Бозѣ государи императоры и государыни императрицы всероссійскіе никогда не понуждали римско-католиковъ къ подобнымъ печальнымъ торжествамъ, — по всему этому я, какъ первенствующій въ россійской имперіи римско-католическій архіерей, не смѣю давать предписанія подчиненному мнѣ духовенству, чтобы оное совершало печальныя торжества въ настоящихъ случаяхъ, нами горестно оплакиваемыхъ. Поступокъ сей мой обратилъ бы на меня невыгодное мнѣніе до ста миллiоновъ католиковъ въ Европѣ находящихся, особенно въ Австріи, Италіи, Франціи, Испаніи и проч. По забраннымъ мною справкамъ оказалось, что въ рижской римско-католической церкви печальное моленіе отправлено по указу тамошняго гражданскаго правительства, а въ одесской по внушенію синдиковъ, особливо г. Рено, который, имѣя сына, управляющаго тамъ театральною музыкою, доставилъ ему случай отличить себя и блеснуть игрою Моцартовой объ усопшихъ литургіи; но я о семъ упоминаю ми-

моходомъ и оставляю безъ дальнѣйшаго розысканія сей предметъ, знаменующій *впрочемъ* вѣрноподданническое благопочитаніе». Тридцать лѣтъ спустя, римскіе каноны не помѣшали латынскимъ духовнымъ исполнить долгъ вѣрноподданныхъ: во всѣхъ костелахъ имперіи добровольно молились они объ усопшемъ императорѣ Николаѣ.

Чтӧ касается до ультрамонтанистской партіи, то она далеко не была довольна милостями, коими пользовалось латынское духовенство отъ императора Александра. Ей все было мало: она не могла простить правительству учрежденія главнаго управленія духовныхъ дѣлъ, этого подражанія, какъ она называла, безбожному установленію Наполеона, того, что во главѣ этого управленія, завѣдывавшаго дѣлами духовенства всѣхъ существующихъ въ Россіи религій, въ томъ числѣ и господствующей, былъ поставленъ министромъ человѣкъ не латынской, а православной вѣры, и т. п. Послушайте графа Іосифа Местра: отъ него, не безъ удивленія, узнаете, что римская вѣра не только не была въ это время терпима въ Россіи, но что она была даже *преслѣдуема*, все это доказывается разными остроумными софизмами([1]).

([1]) Lettres et opuscules inédits du comte *Joseph de Maistre*. p. 368 — 373: lettre à l'archêveque de Raguse; p. 395 — 400: lettre au cardinal.... Вотъ заключеніе гр. Местра: «Telle est en raccourci la tolérance russe à l'égard de la religion catholique, et il en résulte à l'évidence que si quelque prince, pour éteindre la religion catholique dans ses états, sans répandre le sang, demandait à l'homme à la fois le plus habile et le plus envenimé le plan d'une persécution mortelle, mais sourde et indirecte, il serait impossible de lui indiquer dans ce genre rien de plus parfait que le plan invariablement suivi dans le pays de la tolérance» (tom. 2. p. 418).

Чего же недоставало для ультрамонтанистовъ и чего имъ было нужно? Не болѣе, не менѣе требовали они для Рима, какъ полнаго владычества, а для римской вѣры господства въ Россіи, разумѣется съ угнетеніемъ всѣхъ остальныхъ христіанскихъ исповѣданій, прямаго, безконтрольнаго сношенія всѣхъ римско-католиковъ съ папою, учрежденія въ Петербургѣ постоянной нунціатры, которая завѣдывала бы церковію и духовенствомъ по указаніямъ римскаго двора и облагала бы его аннатами въ пользу папы; имъ желалось бы уничтожить всѣ правительственныя распоряженія по духовной части, сдѣлать невозможнымъ всякое на нее вліяніе правительства, однимъ словомъ, превратить Россію въ папскую область, воскресить декреталіи и столь упоительныя для нихъ времена Григорія VII. Поучительное наставленіе для всякаго правительства, которое почитало бы нужнымъ искать благоволенія Рима: да убѣдится оно, что сообразными съ государственною пользою уступками удовлетворить римскаго двора нельзя, что всякая уступка почитается имъ только слабостію, и что отношенія этой духовной власти къ свѣтскимъ правительствамъ всегда будутъ выражаться борьбою, конечно не средневѣковою, не. кровопролитною, но скрытною, дипломаческою, однако же не менѣе упорною и настойчивою!

Вся римская система основана на эгоизмѣ: Спаситель и религія назади, а на первомъ планѣ папа и духовенство. Прошли времена, когда папы возводили и низводили королей, когда съ оружіемъ въ рукахъ отстаивали свое могущество, когда проклятіями и отлученіями отъ церкви заставляли трепетать и преклоняться предъ собою народы. Силы

прежней нѣтъ, потеряно значеніе, возможное только среди младенчествующаго человѣчества, но желаніе, стремленія, тò, чтò называется система дѣйствій, остались тѣ же, ибо цѣль не перемѣнилась: какъ тогда, такъ и теперь Риму нужно владычество. Только для достиженія его употребляются, по необходимости, иныя средства. Іерархическое устройство управленія церковью, придуманное римскимъ дворомъ, состоитъ въ томъ, чтобы внушить духовенству, что все зависитъ отъ Рима, чтобъ оно служило ему, а потомъ уже религіи. На этомъ началѣ образованы всѣ монашскіе латынскіе ордена, по этимъ побужденіямъ изъяты они изъ всякой зависимости отъ мѣстныхъ епархіальныхъ начальниковъ, и составляютъ какъ-бы папскую гвардію, — генералъ ихъ въ Римѣ, одному Риму нужно имъ угождать, чтобы получить разныя преимущества своимъ сословіямъ; все это, разумѣется, привязываетъ ихъ къ папѣ и заставляетъ забывать о благѣ церкви, которое невозможно при безначаліи. По тѣмъ же видамъ самимъ епископамъ даетъ Римъ разныя духовныя власти, безъ коихъ имъ невозможно исполнять своихъ обязанностей, только на извѣстное число лѣтъ или на опредѣленные случаи; какъ скоро срокъ истекаетъ, епископы снова должны обращаться въ Римъ съ прошеніями о продолженіи этихъ властей, такихъ властей, повторяемъ, которыя вовсе не составляютъ какого-либо исключенія изъ общаго правила, но напротивъ необходимы для епископскаго званія, ибо безъ нихъ это званіе осталось бы однимъ пустымъ титуломъ. Казалось бы, согласившись разъ на посвященіе въ епископы, римскій дворъ долженъ былъ съ тѣмъ вмѣстѣ предоставить навсегда такому духов-

ному сановнику и всѣ преимущества, неотъемлемо принадлежащія его должности; если онъ не исполняетъ своихъ обязанностей, его можно удалить отъ управленія епархіею; но когда поступки его вполнѣ соотвѣтствуютъ носимому званію, то къ чему общее періодическое подтвержденіе того, что̀ уже даровано? Есть ли гдѣ-нибудь свѣтское правительство, которое обязывало бы назначаемыхъ имъ начальниковъ, по прошествіи извѣстнаго времени, обращаться къ нему съ просьбами о томъ, чтобы продолжать пользоваться властію, которая связана съ самою должностію? Римскій дворъ изобрѣлъ этотъ порядокъ точно также для того только, чтобы каждый епископъ всегда помнилъ, что судьба его въ рукахъ Рима, чтобы служилъ онъ только Риму. Та же мысль несомнѣнно внушила и всѣ формальности, предшествующія посвященію въ епископскій санъ. Собравъ подъ рукою чрезъ своихъ агентовъ самыя мельчайшія свѣдѣнія о духовномъ, котораго правительство желаетъ назначить въ епископы, римскій дворъ объявляетъ, что онъ на это соглашается. Итакъ остается только посвятить его? Ни чуть не бывало. Нужно еще прежде испросить разрѣшеніе на производство каноническаго процесса, потомъ доставить этотъ процессъ въ Римъ, потомъ хлопотать, чтобы онъ тамъ былъ разсмотрѣнъ, и уже послѣ всѣхъ этихъ проволочекъ, слѣдуетъ наконецъ булла о посвященіи. Всякій, кто просмотритъ форму каноническаго процесса, убѣдится, что по оному нѣтъ никакой возможности узнать личность человѣка, подвергаемаго такому анатомическому изслѣдованію, что этотъ процессъ просто послужный формулярный списокъ, одна излишняя и отяготи-

тельная формальность. Зачѣмъ же онъ нуженъ римскому двору, знающему уже не только всю біографію такого духовнаго, но и его убѣжденія, направленіе, склонности? Только для того, чтобы въ теченіе мѣсяцевъ, иногда цѣлыхъ годовъ, дать чувствовать преисполненному честолюбивыхъ ожиданій прелату, что исполнить ихъ можетъ только Римъ, чтобы приковать его взоры и надежды къ Риму. Такой эгоизмъ, возведенный въ систему, хотя и вовсе неумѣстенъ въ управленіи духовномъ, могъ бы однако почитаться лишь странною, несогласною съ христіанскимъ смиреніемъ слабостію, еслибъ онъ былъ совершенно безвреденъ для церкви; но когда этотъ эгоизмъ ей патубенъ, то онъ дѣлается непростительнымъ, особенно для патріарха, мечтающаго быть представителемъ Христа на землѣ. А что онъ пагубенъ для церкви, въ томъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Безъ мѣстнаго твердаго духовнаго управленія, монашествующіе развращаются, забываютъ свое призваніе, монастыри пустѣютъ и становятся предметомъ соблазна и неуваженія народа. Не падаетъ ли отъ этого вѣра и церковь? Но что нужды — Римъ сохраняетъ свою гвардію! При длинныхъ перепискахъ о продолженіи властей, безправные епископы остаются на нѣкоторое время въ невозможности удовлетворить самымъ справедливымъ требованіямъ прихожанъ въ ихъ духовныхъ нуждахъ; это вовлекаетъ ихъ въ предосудительные пороки. Все это такъ; за то римскій дворъ имѣетъ удовольствіе видѣть, что власть его уважается. Мы могли бы продолжить этотъ перечень примѣровъ эгоизма римской системы; но, по нашему мнѣнію, и этого достаточно, чтобы

видѣть разладъ вѣры римской съ ея земнымъ представителемъ.

Послѣдствія этой системы мы уже видѣли въ управленіи латынскою церковью въ Россіи при императорѣ Александрѣ: совершенный упадокъ монашеской жизни, необразованность духовныхъ, нехристіанская ихъ любостяжательность, и при всемъ этомъ невозможность для епархіальныхъ начальниковъ быть дѣйствительно полезными для церкви. Правительство временъ Александра можно винить не въ томъ, что̀ оно сдѣлало для римскаго духовенства, а въ томъ, что по ошибочному убѣжденію въ возможности согласить государственные законы съ канонами, оно не рѣшилось, помимо папы и вопреки его, дѣйствовать самостоятельно ко благу латынской церкви, въ томъ, что оно заблуждалось насчетъ дѣятельнаго сочувствія къ этой церкви римскаго двора, который пожертвовалъ бы ея благу свои личные властолюбивые виды, въ томъ, что оно, имѣя слишкомъ высокое понятіе о безпристрастіи Рима, находило нужнымъ вести съ нимъ переговоры по такимъ предметамъ, которые могли быть разрѣшены самодержавною властію государя, тогда въ особенности, когда это требовалось для водворенія порядка между духовенствомъ. Въ этомъ, и только въ этомъ, можно винить правительство: съ своей стороны оно ни въ чемъ не отказывало латынской церкви и духовенству; и если онѣ доведены были до того состоянія, которое мы представили читателямъ (¹), на основаніи не подле-

(¹) Плохую услугу оказываютъ латынству тѣ изъ польскихъ его ревнителей, которые силятся, изъ патріотическихъ видовъ, воскресить его дѣянія передъ новымъ поколѣніемъ польскимъ. Это вполнѣ доказалъ графъ Евстаѳій Тышкевичъ въ изданномъ

жащихъ ни малѣйшему сомнѣнію фактовъ, то обязаны этимъ Риму и его системѣ. Въ началѣ царствованія императора Николая папа съ прискорбіемъ обязанъ былъ наконецъ сознаться въ жалкомъ состояніи епархій, находящихся въ Россіи, въ развращеніи нравовъ и ослабленіи чувствъ вѣры среди латынской паствы. Такой упадокъ церкви естественно не могъ послѣдовать вдругъ въ теченіе какихъ-либо двухъ лѣтъ, когда правительство не принимало еще никакихъ важныхъ мѣръ по части духовнаго управленія; значитъ, онъ произведенъ былъ всѣмъ предшествующимъ устройствомъ духовенства, а оно въ существѣ основано было на римскихъ постановленіяхъ. Итакъ удостовѣреніе римскаго двора въ справедливости изложенныхъ нами выводовъ о состояніи латынской церкви въ Россіи при императорѣ Александрѣ I есть только косвенное безотчетное сознаніе его въ ложности эгоистической римской системы и томъ вредѣ, который она приноситъ вѣрѣ, духовенству и паствѣ латынскаго обряда.

имъ въ 1858 г. въ Вильнѣ историческомъ сочиненіи о р. к. монашескихъ орденахъ въ виленской епархіи. Напоминая о монастыряхъ упраздненныхъ русскимъ правительствомъ, и не безъ намѣренія, разумѣется, отдѣляя ихъ отъ монастырей еще оставленныхъ, что̀ могъ найти онъ замѣчательнаго въ тѣхъ и другихъ, при всемъ конечно пособіи сочувствующаго ему духовенства? Надписи на колоколахъ о времени ихъ литья, надгробныя доски съ витіеватыми польскими и латынскими стихами въ честь вовсе не знаменитыхъ покойниковъ, исчисленіе разрозненныхъ томовъ жалкихъ монастырскихъ библіотекъ, и почти только! А вѣдь въ рукахъ монашескаго духовенства была судьба Польши въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ! Если бы дѣйствительно оно оказало ей услуги, можно было бы найти сказать о немъ что-либо посущественнѣе.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЕ 1-е.

ЧИСЛЕННОСТЬ ІЕЗУИТОВЪ ВЪ РОССІИ СЪ 1786 ПО 1817 ГОДЪ.

Заимствовано изъ слѣдующихъ изданій:

Catalogus personarum et officiorum Societatis Jesu in Alba Russia in annum 1786. Mohiloviæ in privileg. a Sua Imperatoria Majestate typographia Il. ac R. D. Archiepiscopi.

То же,—ex anno 1801 in annum 1802. Polociae, typis Coll. Soc. Jesu.

То же, —in Imperio Rossiaco ex anno 1814 in annum 1815. Polociæ typis Academicis Soc. Jesu.

То же,—ex anno 1817 in annum 1818. Polociæ.

	1786	1801	1814	1817
Въ полоцкой коллегіи	79	127	119	111
» приготовительномъ заведеніи (domus probationis) въ Пушѣ.	—	—	47	27
» резиденціи ушвальдской . .	—	—	5	24
» » дагденской. . .	2	3	3	3
» » пушинской. . .	2	2	2	2
» коллегіи могилевской . .	12	12	15	18
» резиденціи халченской . .	2	2	3	3
» » чечерской . . .	2	3	2	2
» коллегіи мстиславской . .	14	13	15	16
» резиденціи лозовицкой. . .	3	2	3	4
» » расненской . . .	2	2	2	2
» коллегіи оршанской. . .	20	27	21	30
» » петербургской .	—	10	27	—
» » витебской . . .	15	15	16	20
» миссіи астраханской . .	—	—	5	3
» » моздокской. . .	—	—	2	2
» » одесской . . .	—	—	14	13
» резиденціи рижской. . . .	—	—	7	5
» » романовской . .	—	—	7	12
» миссіяхъ саратовскихъ. .	—	—	18	18
» миссіи сибирской . . .	—	—	4	6
Внѣ провинціи	—	—	12	16
Въ коллегіи динабургской . .	21	26	—	—.
Итого	174	244	349	337

ПРИЛОЖЕНІЕ 2-е.

ОБЯЗАННОСТИ И НАИМЕНОВАНІЯ ГЛАВНѢЙШИХЪ ЧЛЕНОВЪ КАПИТУЛА.

„Обязанности прелатовъ суть слѣдующія:

„*Пробощъ* или препозитъ, какъ первый протопресвитеръ, распоряжаетъ при каѳедрѣ священнодѣйствіями, то есть, въ благословеніи, пріобщеніи св. Христовымъ тайнамъ и назначеніи исправленія литургіи.

„*Архидіаконъ*, именующійся окомъ епархіальнаго епископа, во ввѣренной ему отъ епископа части епархіи, заступаетъ мѣсто епископа. Во 1-хъ, посѣщая оную, если что-либо по духовному вѣдомству усмотритъ не въ должномъ порядкѣ, обязанъ исправлять, согласно учрежденію о томъ папы Иннокентія III. Во 2-хъ, распоряжаетъ духовными клириками и служащими при литургіи, въ назначеніи между нихъ порядка и исправленія обязанностей. Въ 3-хъ, обязанъ распоряжать въ духовныхъ церемоніяхъ и въ служеніяхъ епископскихъ и въ продолженіи оныхъ предстоять предъ нимъ. Въ 4-хъ, имѣть надзоръ за сохраненіемъ освященныхъ сосудовъ; и въ 5-хъ, дѣлать представленіе епископу о достойныхъ къ посвященію и къ полученію приходовъ.

„*Деканъ* имѣетъ обязанность, по предписанію предсѣдательствующаго въ капитулѣ, извѣщать прелатовъ и каноников, дабы они собирались въ капитулъ для засѣданія.

„*Кустосъ* или экклезіархъ имѣетъ въ смотрѣніи ризницу и всѣ безъ изъятія церковныя вещи; распоряжаетъ колокольнымъ звономъ, зажиганіемъ свѣчь, лампадъ и проч.

„*Схоластикъ* имѣетъ начальство надъ семинаріями и клириками, пріуготовляющимися къ посвященію.

„*Канторъ* представляетъ епископу капитульныя поставленія и приговоры на утвержденіе и распоряжаетъ хоромъ пѣвчихъ и музыкою.

Примицерій бываетъ по волѣ епископа первенствующимъ между канониками и состоитъ при епископской канцеляріи; а иногда препоручаются его вѣдомству пѣвчіе, также викарные и пользующіеся трапезою и проч.

„*Канцлеръ* или апостольскій нотаріусъ, или епископскій секретарь, имѣетъ въ вѣдѣніи своемъ дѣла епископской канцеляріи и капитульный архивъ".

Марта 28 дня 1819 года.

ПРИЛОЖЕНІЕ 3-е.

ФОРМЫ ЕПИСКОПСКОЙ ПРИСЯГИ РИМСКОЙ И ИЗМѢНЕННОЙ ИМПЕРАТРИЦЕЮ ЕКАТЕРИНОЮ.

Formule de serment telle qu'elle est prescrite par le rituel de l'Église latine.

Moi, N., élu de l'église N., depuis cette heure à l'avenir je serai fidèle et obéissant à l'apôtre saint Pierre, à la sainte Église romaine, à notre seigneur pape N. et à ses successeurs qui seront élus canoniquement. Je ne serai dans le conseil, ni ne consentirai, ni ne ferai qu'ils perdent la vie ou un membre, ou qu'ils soient mis en prison, ou qu'on jette violemment sur eux les mains de quelque açon que ce puisse être, ou qu'on fleur fasse tort sous un prétexte quelconque. Je ne révélerai à personne le conseil qu'ils me confieront par eux-mêmes ou par leurs nonces, ou par des lettres, quand je saurai que cela peut leur porter du dommage. Je les aiderai contre tous les hommes à retenir

Formule de serment qui fut substituée par ordre de Catherine.

Moi, N., élu de l'église N., depuis cette heure à l'avenir je serai fidèle et obéissant à l'apôtre saint Pierre, à la sainte Église romaine, à notre seigneur pape N. et à ses successeurs qui seront élus canoniquement. Je ne serai dans le conseil, ni ne consentirai, ni ne ferai qu'ils perdent la vie ou un membre, ou qu'ils soient mis en prison, ou qu'on jette violemment sur eux les mains de quelque façon que se puisse être, ou qu'on leur fasse tort sous un prétexte quelconque. Je ne révélerai à personne le conseil qu'ils me confieront par eux-mêmes ou par leurs nonces, ou par des lettres, quand je saurai que cela peut leur porter du dommage. Je les aiderai contre tous les hommes à

et à défendre la papauté romaine et les droits regaux de saint Pierre. Je traiterai honorablement les légats du saint-siége en venant et en s'en retournant, et je les aiderai dans leurs besoins. Je tâcherai de conserver,de défendre, d'augmenter et d'avancer les droits, les honneurs, les priviléges et l'autorité de la sainte Église romaine, de notre seigneur le pape et de sesdits successeurs. Je ne serai dans le conseil, ni ne ferai, ni traiterai, où l'on méditera quelque chose de sinitsre ou de préjudiciable contre notre seigneur lui-même ou contre la même Église romaine, en se qui regarde sa personne, droit, honneur et puissance. Quand je saurai que qui que ce soit en traite, ou le procure, je l'empêcherai de mon possible, et je le signifierai ou à notre seigneur même ou à tel autre par qui la connaissence lui en pourra parvenir le plus tôt possible. J'observerai de toutes mes forces et je ferai observer par les autres les règles de saints Pères, les décrets, les ordinations ou dispositions, les réservations, les provisions et les mandements apostoliques.

Je persécuterai et j'attaquerai de mon possible les hérétiques, les schismatiques

retenir et à défendre la papauté romaine et les droits régaux de saint Pierre. Je traiterai honorablement les légats du saint-siége en venant et en s'en retournant, et je les aiderai dans leurs besoins. Je tâcherai de conserver, de défendre, d'augmenter et d'avancer les droits, les honneurs, les privilèges et l'autorité de la sainte Église romaine, de notre seigneur le pape et de sesdits successeurs. Je ne serai dans le conseil, ni ne ferai, ni traiterai, où l'on méditera quelque chose de sinistre ou de préjudiciable contre notre seigneur lui-même ou contre la même Église romaine, en ce qui regarde sa personne, droit, honneur et puissance. Quand je saurai que qui que ce soit en traite, ou le procure, je l'empêcherai de mon possible, et je le signifierai ou à notre seigneur même ou à tel autre par qui la connaissance lui en pourra parvenir le plus tôt possible. J'observerai de toutes mes forces et je ferai observer par les autres les règles des saints Pères, les décrets, les ordinations ou dispositions, les réservations, provisions et les mandements apostoliques.

.
.
.

et les rebelles contre les même notre seigneur et contre sesdits successeurs.

Quand je serai appelé au synode, j'irai, si je ne suis pas empêché canoniquement. Je visiterai personnellement les seuils des Saints-Apôtres tous les quatre ans, et je rendrai compte à notre seigneur et à sesdits successeurs de toute ma charge pastorale et de tout ce qui appartient à l'état de mon église, à la discipline du clergé et du peuple et au salut des âmes qui me sont confiées. Outre cela, je recevrai humblement les mandements apostoliques et je les exécuterai le plus diligemment.

Quand je serai empéche légitimement, je remplirai tout cela par un certain envoyé, qui y aura un plein pouvoir spécial, et j'y choisirai ou quelqu'un de mon chapitre ou quelque autre constitué dans une dignité ecclésiastique ou revêtu d'un caractére convenable, ou, au défaut de ceux-ci, par un prêtre du diocèse, ou bien, au défaut absolu de tout ce clergé, par quelque autre prêtre séculier ou régulier d'une probité et piété reconnues, et qui sera pleinement instruit de tout ce qui a été dit ci-dessus. Mais pour ce qui concerne ces empêchements, je les détaillerai au cardinal proponent

.
.
.

Quand je serai appelé au synode, j'irai, si je ne suis pas empêché canoniquement. Je visiterai personnellement les seuils de Saints-Apôtres tous les quatre ans, et je rendrai compte à notre seigneur et à sesdits successeurs de toute ma charge pastorale et de tout ce qui appartient à l'état de mon église, à la discipline du clergé et du peuple et au salut des âmes qui me sont confiées. Outre cela, je recevrai humblement les mandements apostoliques et je les exécuterai le plus diligemment.

Quand je serai empêché légitimement, je remplirai tout cela par un certain envoyé, qui y aura un plein pouvoir spécial, et j'y choisirai ou quelqu'un de mon chapitre ou quelque autre constitué dans une dignité ecclésiastique ou revêtu d'un caractère convenable, ou, au défaut de ceux-ci, par un prêtre du diocèse, ou bien, au défaut absolu de tout ce clergé, par quelque autre prêtre séculier ou régulier d'une probité et piété reconnues, et qui sera pleinement instruit de tout ce qui a été dit ci-dessus. Mais pour ce qui concerne ces empêchements, je les détaillerai au cardinal proponent

de la Congrégation par des preuves légitimes que je lui ferai parvenir par l'envoyé susdit.

Je ne vendrai, ni ne ferai présent, ni engagerai, ni donnerai de nouveau en fief, ni aliénerai autrement les terres qui appartiennent à ma mense, pas même avec le consentement de mon chapitre, *mais j'en disposerai uniquement avec le consentement du Pontife Romain. J'observerai, touchant cela, la constitution de l'année 1625, et si j'en aliéne quelque chose, je veux encourir les peines qui y sont exprimées*. Ainsi Dieu m'aide et son saint Évangile

. .

de la Congrégation par des preuves légitimes que je lui ferai parvenir par l'envoyé susdit.

Je ne vendrai, ni ne ferai présent, ni engagerai, ni donnerai de nouveau en fief, ni aliénerai autrement les terres qui appartiennent à ma mense, pas même avec le consentement de mon chapitre; . *et j'observerai tous ces différents points d'autant plus inviolablement, que je me tiens convaincu qu'il n'y en a aucun qui puisse se trouver en contradiction avec le serment de fidélité que j'ai prêté à ma souveraine légitime et à ses successeurs au trône impérial*. Ainsi Dieu m'aide et saint Évangile.

Апробовано Ея Величествомъ 27 октября 1783 года.

ПРИЛОЖЕНІЕ 4-е.

СПИСОКЪ ЛЬВОВСКИХЪ АРМЯНО-КАТОЛИЧЕСКИХЪ АРХІЕПИСКОПОВЪ.

1-й архіепископъ *Николай Торосовичъ* съ 1626 по 1681 г.

2-й архіепископъ *Вартанъ Гунаніанъ* съ 1681 по 1715 г. Въ дѣйствительности прибылъ во Львовъ только въ 1686 г. Воспитывался въ Римѣ въ папскомъ коллегіумѣ, потомъ пропагандировалъ въ Арменіи, впослѣдствіи назначенъ львовскимъ суффраганомъ съ правомъ будущаго наслѣдства, потому что римскій дворъ боялся, чтобы послѣ Торосовича не возведенъ былъ на его каѳедру армяно-григоріанинъ ([1]). Какъ и его предшественникъ на львовской каѳедрѣ, былъ ненавидимъ армянами, которыхъ совращалъ въ латынство. Онъ выстроилъ архіепископскій дворецъ во Львовѣ.

3-й архіепископъ *Іоаннъ Августиновичъ*, извѣстный чтитель доминиканскаго ордена, съ 1715 по 1751 г. Онъ родился въ 1664 году во Львовѣ; въ 1711 назначенъ львовскимъ суффраганомъ; въ 1719 ѣздилъ въ Римъ на поклоненіе папѣ Клименту XI и возвратился оттуда съ графскимъ титуломъ; въ 1720 году участвовалъ въ злосчастномъ для уніатовъ замойскомъ соборѣ. Оставаясь армянскимъ архіепископомъ, вступилъ въ доминиканскій орденъ; и доселѣ сохранился его портретъ, въ доминиканскомъ одѣяніи, во львовскомъ доминиканскомъ монастырѣ.

4-й архіепископъ *Степанъ Августиновичъ* съ 1751 по 1783 г. Съ 1719 по 1726 годъ воспитывался въ папскомъ коллегіумѣ, въ Римѣ. Въ 1736 году назначенъ коадъюторомъ львовскаго архіепископа.

([1]) *Theiner*, Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae. t. 3. p. 665.

5-й архіепископъ *Яковъ Валеріанъ Тумановичъ*, покровительствуемый театинами, съ 1783 по 1798 г. Родился въ 1713 г.; воспитывался во львовскомъ папскомъ коллегіумѣ; въ 1771 г. назначенъ львовскимъ коадъюторомъ съ правомъ наслѣдства.

6-й архіепископъ *Іоаннъ Симоновичъ* съ 1798 по 1816 г. Родился въ 1740 г. въ Каменцѣ-Подольскомъ; воспитывался въ львовскомъ папскомъ коллегіумѣ съ 1758 по 1764 годъ.

7-й архіепископъ *Каэтанъ Вартересевичъ* съ 1817 по 1831 годъ. Родился въ 1755 г. во Львовѣ, гдѣ и учился въ папскомъ коллегіумѣ съ 1769 по 1779 г.; послѣ посвященія занимался при варшавской нунціатурѣ.

Бóльшія, хотя мало интересныя, подробности о львовскихъ армяно-католическихъ архіепископахъ можно найти въ сочиненіи доминиканина Баранча: „Żywoty sławnych Ormian w Polsce. we Lwowie. 1856“.

ПРИЛОЖЕНІЕ 5-е.

ПРЕДАНІЕ О ЧУДОТВОРНОЙ ИКОНѢ ПРЕСВЯТОЙ ДѢВЫ БОГОРОДИЦЫ ВЪ АРМЯНО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ Г. КАМЕНЦѢ.

„Преданіе повѣствуетъ, что эта икона сдѣлалась извѣстною съ того времени, когда пришли въ Подолію греческіе и армянскіе переселенцы. Она была принесена въ Каменецъ армянами и поставлена въ древней католической церкви св. Николая.

„Во время первыхъ набѣговъ турокъ на Подолію, Каменецъ былъ почти совершенно разрушенъ, такъ что жившіе тамъ армяне принуждены были удалиться въ свое отечество. Въ эти столь бѣдственныя времена рука мусульманъ не пощадила храмовъ Божіихъ; икона Богородицы была унесена ими изъ церкви и служила столомъ, на которомъ мѣсили тѣсто для хлѣба. Въ этомъ положеніи, спустя долгое время, возвратившіеся въ свое отечество изъ Каменца армяне нашли ее въ Македоніи у одного турецкаго семейства, которое участвовало въ набѣгѣ на Подолію.

„Узнавъ святую икону, они выкупили ее за большую сумму. Спустя нѣсколько времени, тѣ же армянскіе переселенцы, снова отправившись въ Подолію, подверглись нападенію турокъ, когда плыли черезъ Черное море; многія суда ихъ потонули; но судно, на которомъ находилась икона, благополучно достигло берега. Ѣхавшіе на этомъ суднѣ армяне прибыли наконецъ въ Каменецъ и снова поставили икону въ церкви.

„Во время послѣдняго набѣга турокъ на Подолію, въ 1672 г., икона была перенесена изъ Каменца въ городъ Львовъ, гдѣ совершались отъ нея чудеса надъ больными, хромыми и слѣпыми, чтущими ее съ усердіемъ. Наконецъ, по успокоеніи страны, она снова была принесена въ Каменецъ подъ прикрытіемъ польской кавале-

ріи и поставлена въ нынѣшней армяно-католической церкви, гдѣ находится еще и теперь.

„Эти икона, весьма чтимая вѣрующими, постоянно привлекаетъ множество богомольцевъ всѣхъ вѣроисповѣданій; также въ честь ея составлены многія особенныя молитвы и гимнъ на польскомъ языкѣ.

„Икона написана на кипарисной доскѣ. Рисунокъ вѣнца, окружающаго голову Богородицы, въ натуральную величину; въ срединѣ находится надпись въ одну строку, раздѣленную на четыре части; а внизу икона“.

ПРИЛОЖЕНІЕ 6-е.

БРЕВЕ ПАПЫ КЛИМЕНТА XIII КОРОЛЮ СТАНИСЛАВУ АВГУСТУ.

(Подлинное на пергаменѣ въ Москов. арх. м. и. д.).

Carissime in Christo Fili Noster, salutem et apostolicam benedictionem. Mirum Regiae Majestati Tuae esse non debet, quod in tantis, quibus apud vos religio et res catholica versatur malis frequentius ad te scribamus. Urget nos Apostolatus divinitus nobis injuctum officium, urget erga inclitam gentem praecipuus amor, urget nostra de regio nomine tuo sollicitudo et cura, te ut moneamus, in istius ecclesiae calamitate, quam graviter innumerae propemodum animae de aeterna satute periclitentur; quanti etiam gloriae tuae intersit, ut luculentissima nunc maxime prodas argumenta, a sacrilegis pactionibus gravissimo cum fidei catholicae detrimento jam jam fortasse conficiendis, te longissime abhorrere. Quid enim ab ejusmodi pactionibus abest, quin Deó sint injuriosae, ejusque sanctae ecclesiae prorsus adversae, regno tuo periculosae, tuoque imperio subjectis, quorum longe maxima pars catholicae fidei tenacissima est, summopere invisae, regio denique tuo nomine indignae? Ita ne vero juxta arcam Domini deinceps isthic Dagon adsideat? Ecquisquam est catholicorum, qui non acerbissime doleat, non procul esse, cum Ecclesiam sanctam apud vos occupabit abominatio desolationis? Nullo prorsus religionis sensu tangi illum oportet, qui non ferat atrociter, id nunc agi, ut quâ data porta in Christi gregem irruant lupi; et quod non sine maximo horrore commemorari potest, contendi, ut indignissimis pactionibus ipse subscribas. An non subeunda potius omnia pericula et perferendum omne genus aerumnae? An non millies mori praestat, quam reum fieri aeternae damnationis populosissimae gentis? Cujus tu, caris-

sime in Christo Fili Noster, regnum adeptus non modo vitam et fortunas quovis tuo periculo tueri debes, sed etiam hoc praecipuo officio obstringeris multo validius, ut quidvis laboris et molestiarum, quidvis etiam sustineas aerumnarum, ne populus tuus in catholica fide altus et educatus, tuaeque custodiae concreditus, per hanc luctuosiffimam vestram Reipublicæ conversionem, infinite quantum pretiosiorem mortali et caduca fluxisque mundi fortunis aeternam vitam et immortalia bona amittat. Et quamquam haec sunt, quae omnium maxime spectare debet Regia Majestas Tua, ad ipsam tui existimationem etiam respicere debes, et qua es altitudine animi, nihil tibi recusandum, quo minus tui nominis gloria commaculetur. Non dubitamus, quin veræ laudis et gloriae cupidus posteritatis judicium perhorrescas, quae regnum tuum tanquam epocham constituet, cum, Rege te, puncto temporis fuerint deletae saluberrimae leges, quibus constituendis longo seculorum spatio orthodoxa Polonorum natio tantopere insudavit; factisque pactionibus, quas omnes praedecessores tui invicto animo semper repudiaverunt, refracta fuiffe omnia repagula, quibus dissidentes coercebantur, eorumque potestati universam proditam esse catholicam Ecclesiam et Polonam rempublicam. Semperque, ex quo ista exorta est tam foeda tempestas, existimavimus fieri non posse, quominus ipsa tui religio et existimatio talibus et harum similibus cogitationibus regium animum tuum acerrime remorderet. Quamobrem, carissime in Christo Fili Noster, cujus in ore et oculis iniquissima isthaec agitantur consilia, considerato illuc rem esse deductam, ut nullus amplius verae fidei cultoribus silentio aut dissimulationi relictus sit locus. Id enim agitur, ut regnum Christi minuatur et labefactetur adsidue; contra regnum satanae corroboretur et amplificetur in dies. Omnes latissimi regni istius anguli patebunt errori; nullus intra per paucos annos erit locus (quae est diabolica haeresis industria) quo pestilentissima errorum aura non pervaserit. Itaque, carissime in Christo Fili Noster, in eum te articulum conjeci iniquitas temporum, in quo data tibi optio est utrum velis esse cum Christo, an contra Christum, cujus tamen oraculum non ignoras: „Qui non est mecum contra me est“. Injurius religioni regioque animo tuo esset quisquis dubitaverit, utrum malit regia majestas

tua. Quod si insuperabilis vis et necessitas, quos adhibueris conatus ad hanc Ecclesiae catholicae avertendam calamitatem, infregerit, palam sit universae catholicae Ecclisiae, iniquas adversus eam pactiones invicto te animo esse aspernatum, easque disertissime repudiasse. Atque id erit tuae religionis, tuae fidei, tuae magnanimitatis nobilissimum monumentum, quo luculenter ostenderis, non sic tibi cordi esse terrenum regnum, ut cum eo coeleste regnum commutes; nec Regii fastigii te esse tantopere studiosum, ut illud tenere velis cum dedecore et probro. Si id igitur pervincere nequeas, ut falsis religionibus in tuum regnum aditus obstruantur, noli quaesumus, carissime in Christo Fili Noster, tantam honori regioque nomini tuo maculam imprimi, et vel consentiente catholicam religionem in isto regno accepisse gravissimam plagam. Et Regiae Majestati Tuae apostolicam benedictionem amantissime impertimur.

Datum Romae apud Sanctam Mariam Majorem sub annulo piscatoris die 6 jannuarii 1768, Pontificatus Nostri anno decimo.

M. A. Archiepiscopus Chalcedonensis.

ПРИЛОЖЕНІЕ 7-е.

ПОСЛАНІЕ КОНКЛАВА КЪ ИМПЕРАТОРУ ПАВЛУ.

Par la misécorde divine les cardinaux, evêques, prêtres et diacres de la Sainte Église Romaine.

Majesté Imperiale.

La mort du très saint, très bon et très grand pontife Pio VII, qui vient de frapper de douleur toutes les nations et tous les primes de l'Europe, pleins d'estime et d'admiration pour un pontife si vertueux et si tristement éprouvé, n'a pu que Vous affliger plus profondément, plus amèrement, Vous, très puissant Empereur, qui perdez un administrateur avoué des grandes vertu qui brillent en Vous, un ami sincère et dévoué. Depuis le jour, où il Vous accueillit à Rome, où il Vous pressa dans ses bras, depuis le jour, où son esprit pénétrant reconnut d'un premier regard les nobles qualités de votre coeur, il ne cessa de Vous vouer son affection, de se faire une joie de votre souvenir, de Vous prodiguer les louanges, de montrer un vif interêt à votre personne et à tout ce qui Vous touche. Vous ne pouvez donc très auguste Empereur, qu' être grandement affligé de la perte d'un tel ami, qui par son dévouement fut, à n'en point douter, aussi bien dans l'adversité que dans la bonne fortune, digne de toute votre affection.

Ce n'est point ici le lieu de glorifier les actes éclatants de ce saint pontife; la douleur, où nous a plongé sa mort, les angoisses, où nous sommes, ne nous le permettent point. Au milieu de tant de troubles, de tant de douleurs, de tant de désastres, dans un âge avancé, dans les épreuves de la maladie, dans les privations de toute sorte, parmi les travaux les plus accablants, quelle vertu, pour ne point

rappeller ses autres mérites, quelle fermeté d'âme, quelle constance, quelle douceur, quelle patience, quelle fidelité, quelle pieté! Illustre et grand pontife, la renommée de ses vertus a couru chez tous les peuples; il a ravi d'admiration le monde entier. L'Église romain pleure justement un pareil pontife, et ne trouve de consolation qu'au souvenir du bel héritage de gloire et de vertus dont il l'a enrichie.

Nous avons maintenant, très auguste Empereur, à élire un nouveau Père, un Chef, un Pilote nouveau qui dirige l'Église à travers les tempêtes, qui la préserve des écueils de toutes parts se dressant devant elle, et qui la conduise saine au port. Mais pour qu'il ne lutte point en vain, il lui faut le concours de vos bras, votre protection, votre puissance, l'aide des grands primes de la terre.

Parmi ces princes, qui plus que vous, très puissant Empereur, peut conjurer les nombreux, le grands dangers qui la menacent? Qui mieux que Vous peut déjouer les perfides manoeuvres des méchants méditant son éternelle ruine. Rien ne Vous est difficile, rien ne Vous est impossible. Vos hautes vertus, les belles et admirables actions de votre règne, dont la renommée n'a point dit toute la splendeur et la magnificence, en sont un garant. La louange, l'admiration des hommes se fatiguent et s'épuissent; vos oeuvres se renouvellent inépuisables.

Il faut le dire, entre tout ce qui mérite le plus d'admiration et les applaudissements, c'est de Vous voir, sans qu'aucune vue d'interêt Vous pousse, malgré les dangers qui se dressent menaçants, consacrer généreusement vos forces, vos trésors, vos ressources sans nombre à défendre, a reveler la religion, à rétablir sur leur trône les princes dépossédés, à rendre aux peuples une paix désirée, à ramener á un état de prospérité l'humanité que les hommes pervers avaient, comme une contagion funeste, corrompue, anéantie sous les maux et les désastres.

Après cela, quelle gloire, quelie grandeur pourraient étre mises au dessus de votre gloire et de votre grandeur? Qui marcha à la célébrité par un chemin plus fortuné?

Qu'il nous soit permis, très puissant Empereur, de Vous recommander l'Église romaine; qu'il nous soit permis, noble et magna-

nime défenseur des fortunes, du droit, de la justice, de Vous demander votre secours, votre défense, votre protection pour le pontife qui sera bientôt élu. Jaloux de suivre les traces de son prédecesseur, il n'aura rien de plus à coeur que de témoigner à Votre Majesté sa considération, son dévouement, sa vénération, de mériter votre patronage et votre amitié, de Vous donner, selon son pouvoir, toutes les marques de sa reconnaissance et de son respect. Votre vertu, votre foi, très auguste Empereur, nous sont suffissemment connues, et notre espoir ne sera point trompé. En attendant, nous prions ardemment Dieu très bon et très grand, qu'il vous conserve, qu'il vous donne succès et bonheur, et qu'il favorise et conduise à bon terme tout ce que Vous entreprendrez pour votre bien et le bien des peuples.

Donné à Venise, au palais patriarcal, dans notre congrégation générale, sous les sceaux de nos trois chefs d'ordre.

Hercule Consalvi, auditeur de Rote, prosecretaire du Sacré-Collége.

Le 8 Octobre de l'an 1799.

*

ПРИЛОЖЕНІЕ 8-е.

DE LA HIERARCHIE DE L'ÉGLISE CATHOLIQUE DANS L'EMPIRE.

I. Le souverain a droit à l'obéissance et à la fidélité de tous ses sujets de quelque religion et État qu'ils soient, ecclésiastiques ou séculiers, non seulement dans toutes leurs actions extérieures, mais aussi par conscience, suivant le précepte de la sainte Écriture. Comme oint du Seigneur, il a dans son empire la suprématie de toutes les églises et sur tous les clergés chrétiens. Quant à l'Église catholique, il lui accorde et maintiendra la dépendance du pape, comme chef de cette Église, pour la discipline et le gouvernement intérieur d'Église catholique dans ses États, il les confie aux évêques diocésains, ses sujets, sous les conditions ci-dessous spécifiées.

II. Les églises catholiques dans l'empire seront divisées en six diocèses: 1-o celui de Mohilew, qui contiendra les églises qui sont dans les gouvernements de Kiovie et de la Russie Blanche, et toutes celles qui se trouvaient dans l'empire avant l'année 1795; 2-o le diocèse de Vilno contiendra les églises qui se trouvent dans la Lithuanie et dans la Courlande, excepté la Samogitie; 3-o le diocèse Samogitie dans la province qui s'appelait autrefois Samogitie; 4-o le diocèse de Lucéovie ou Luck dans le gouvernement de Volhynie; 5-o le diocèse de Kamienec dans le gouvernement de Podolie; 6-o le diocèse de Minsk dans le gouvernement de Minsk.

III. Les personnes tantôt destinées, tantôt actuelles pour le gouvernement de ces diocèses, sont:

1) L'archevêque de Mohilew est Stanislas Siestrencewicz, qui portera le titre de metropolitain;

2) L'évêque de Vilno sera Jean Kossakowski;

3) L'évêque de Samogitie est Etienne, prince Gédrojc;
4) L'évêque de Lucéovie sera Gaspard Cieciszowski;
5) L'évêque de Kamienec est Jean Dombowcki;
6) L'évêque de Minsk sera Jacques Dederko.

IV. Les évêques seront toujours créés par l'empereur et sacrés par le métropolitain, avec la bénédiction du pape.

V. Les évêques auront tout le pouvoir que les lois de l'empire leur permettent, qu'ils ont reçu avec le sacre, qui leur est nécessaire pour maintenir la discipline des églises et du clergé, et pour gouverner leur bercail, comme en out usé les évêques pendant les dix premiers siècles avant que le pape Grégoire VII le leur eût ôté.

VI. Chaque évêque aura dans son diocèse un suffragant, ou évêque *in partibus*, pour l'aider dans les fonctions qui tiennent au caractère episcopal. Ces suffragants seront sacrés pereillement avec la bénédiction du pape, après le consentement préalable de Sa Majesté Impériale.

VII. Chaque évêque diocésain aura aussi un official ou vicaire général, auquel, pour gouverner le diocèse sous lui, il communiquera tel pouvoir qu'en partie il lui plaira, et en partie qu'il devra communiquer en vertu des lois. Cet official siégera dans l'office ou consistoire avec un sous-vicaire et des accesseurs dont l'appel ne sera pas porté à l'évêque, mais au dicastère superieur hors du diocèse.

VIII. L'évêque exercera sa juridiction ecclesiastique dans son diocèse sur toutes les églises et tout le clergé catholique, tant séculier que régulier qui s'y trouve, sans aucune exémption ni différence.

IX. La collation de tous les benefices, abbayes, prélatures, canonicats, des églises poroissiales, des rectorats et d'autres, et de toutes les charges ecclésiastiques, tant séculières que régulières, sans exception, sera uniquement entre les mains de l'évêque dans son diocèse.

X. Il fera enseigner dans ses séminaires, outre les sciences convenables à l'état ecclésiastique, les langues étrangères, qui sont

nécessaires dans quelques paroisses pour ne point avoir besoin de faire venir des prêtres du dehors.

XI. L'archevêque jouira aussi de tous les droits ecclésiastiques usités dans les premiers siècles, nonobstant les limitations et les réserves qui ont été faites par les papes dans les temps postérieurs, et nommement:

Il aura la juridiction ordinaire sur tous les évêques diocésains.

Il pourra leur enjoindre la conformité de la dévotion avec celle qui se pratique dans sa cathédrale. Il pourra appeler efficacement les évêques suffragants *in partibus* pour assister au sacre d'un évêque.

Il accordera des faveurs et des secours spirituels aux ouailles des autres évêques, dans les cas qui passeront le pouvoir des évêques et dans lesquels il seront obligés d'avoir recours à lui.

Il pourra visiter canoniquement les diocèses des évêques qui relèvent de lui.

Il y pourra se servir des ornements pontificaux, du pallium et de la croix archiépiscopale pendant et hors du temps de la visite.

Il y pourra abolir les abus.

Il pourra exiger que les prêtres, qui ont la défence de prêcher dans son diocèse, ne prêchent point dans aucun autre.

XII. Comme son diocèse est très-ample, il pourra résider dans telle ville que ce soit, pourvu que se soit dans son diocèse.

XIII. Et afin que sa cathédrale ne manque pas du service spirituel qui tient au caractère de l'évêque, le prévôt-curé de Mohilew, qui par Mgr Archetti est élevé à la fois à la diginité prévôt-prélat de la cathédrale, en même temps et toujours sera évêque suffragant de Mohilew et y résidera sans s'éloigner.

XIV. Les autres deux suffragants de Mohilew qui demeurent aujourd'hui chez eux inactifs, l'un pas loin de l'autre, au nord du gouvernement de la Russie Blanche, résideront: M. Jean Benislawski à Polock, en vertu de la fondation et de l'ordonnance de la feue impératrice qui lui a assigné une maison et 1,200 roubles de pension.

XV. L'autre, M. George Powslowski, nommé suffragant de la

Livonie Ci-Dunane, qui tire d'un capital attaché à sa charge 140 ducats d'intérêts par an, doit résider à Kiew.

XVI. Il y a des archevêques, metropolitains, primats et patriarches. Archevêque et metropolitain sont synonymes dans l'Église romaine. Seulement, aux archevêques *in partibus*, comme sont toujours les nonces et aux quatre archevêques en Italie, qui n'ont aucun évêque sous eux, ce titre ne se donne point.

Le primat-archevêque doit avoir des archevêques sous lui. Cependant un archevêque peut porter ce titre sans avoir des archevêques subordonnés. L'archevêque de Gnesno portait le titre de primat pendant vingt-quatre ans, quoique depuis la prise de Leopol il n'y avait point d'autre archevêque en Pologne que lui.

Le patriarche est au-dessus des primats, mais encore les patriarches de Constantinople, d'Alexandrie, d'Antioche et de Jerusalem, qui sont à Rome, n'ont pas mêmes des abbés mitrés sous eux.

Les primats et les patriarches portent l'habit rouge, excepté à Rome où les cardinaux ne le souffrent pas.

Le quatrième concile, tenu dans le palais de Latran; à Rome, sous le pape Innocent III, il y a cinq siècles de cela, diminua le pouvoir des patriarches, en les obligeant de recevoir du pape le pallium, marque de la plénière juridiction ecclésiastique, et a lui prêter le serment de fidélité; car autrefois ils le conféraient eux-mêmes aux archevêques et les jugeaient. Ils étaient égaux entre eux, et, après avoir été sacres, un patriarche envoyait seulement à l'autre sa profession de foi, pour le maintien de l'unité.

XVII. Dans l'Église primitive, avant que les papes se fussent approprié toute la juridiction intérieure des diocèses et sur les évêques, deux fois l'an un concile ou congrégation fut appelée par l'achévêque. Cette congrégation jugea les querelles des dogmes qui ont été alors de mode, le personnel des évêques et les causes portées en appel de leurs vicaires généraux; un telle congrégation sera permanente à Pétersbourg. L'empereur y nommera les sujets du clergé catholique tels qu'il lui plaira, et l'archevêque y présidera toutes les fois qu'il viendra dans la capitale visiter l'église qui y est de son ressort. Un procureur séculier y siégera pour l'empereur, qui arrêtera l'exécution des résolutions et décrets qui lui paraitront

suspects, qui entameront sur les droits régaux, ou qui seront contraires aux lois de la patrie, et il portera telles causes au sénat.

XVIII. Les suffragants feront leurs rapports à cette cogrégation pour ce qui regarde le gouvernement des diocèses et des officiau pour les jugements dans leurs consistoires, et eux, tous les deux, en recevront des ordres.

XIX. Les causes jugées au consistoire sous la présidence de l'official, si les parties acquiescent au décret, ne seront point portées à la dite congrégation. Cependant les décrets, dans les causes matrimoniales, doivent absolument y être portés, pour éviter la collusion des parties et pour obtenir deux sentences conformes.

DES RELIGIEUX.

I. Les premiers moines habitaient dans les déserts. Les évêques les ayant appelés dans les villes pour des secours spirituels de leurs ouailles, leur nombre s'accrut par leur vie extérieurement rigoureuse et par l'ignorance et la superstition des siècles, au point que, dans le faubourg seul de Constantinople, il y avait plus de cent mille moines qui élevaient et destituaient les empereurs et les patriarches.

II. Les papes de Rome, voyant tel pouvoir entre les mains des gens d'Église, résolurent de mettre sur pied une armée semblable chez aux, et, connaissant le génie des hommes, ils leurs présentèrent une diversité infinie des ordres religieux, pour laisser le choix libre à chacun d'en embrasser à volonté tel ordre qu'il souhaiterait.

III. Les papes se sont assurés de leur attachement inviolable en les exemptant de la juridiction des évêques et de leurs souverains légitimes, et en les soumettant sous les gouvernement absolu des généraux des ordres qui résident à Rome, et auxquels exclusivement ils jurent le voeu d'obéissance.

IV. En outre, en les liant par les deux autres voeux, et en leur défendant par l'un d'avoir quelque chose en propre et par l'autre de se marier, il les isolèrent et détachèrent de la patrie, de leurs parents et de la famille et par là même de la soumission à leur souverain; de sorte que, tels ordres qu'ils recevaint de leurs géné-

raux, fut-ce même ceux de délier les sujets du serment de l'obéissance due à leur souverain légitime, ils l'exécutèrent sans hésiter et passèrent dans le pays étranger dans un couvent de leur ordre qui leur tint lieu de patrie. Cet établissement sera détruit à fond, lorsque 1-o tous les réligieux seront soumis exclusivement à la juridiction des évêques diocésains; 2-o qu'ils auront la défense d'avoir la moindre relation avec leurs généraux; 3-o qu'en faisant la profession religieuse ils auront pour l'objet de leurs voeux d'obéissance spirituelle à l'évêque diocésain comme général de leur ordre, et 4-o qu'ils feront toujours préalablement le serment de fidélité envers leur souverain.

V. On a trouvé par expérience qu'on ne réussit pas à changer soudainement la façon de penser et le genre de vie des moines. Cependant les gens du métier, qui connaissent leurs besoins et leurs souhaits, ne le trouvent pas impossible. En se prenant relativement à leurs circonstances, on peut trouver des moyens efficaces pour les détourner de l'oisiveté et pour les employer à des occupations utiles à l'État.

D'abord il serait inutile d' ordonner à quelque ordre entier, fût-il le plus à charge à la société, quelque occupation qui n'est pas de sa vocation.

VI. Mais on le peut obtenir inderectement. Les religieux vivent la plupart dans une grande indigence, dans les couvents quelquefois bien riches, où le supérieur dispose des revenus à son grè. Si l'évêque est autorisé à assigner des pensions sur ces mêmes couvents à des religieux, qui voudront et sauront y mener une vie active, on fera des arrangemets, quant à une partie de leurs revenus, pour des objets utiles et de leur occupation analogue et conforme à leur vocation, et on en trouvera sûrement qui se prêteront à l'exécution de cet arrangement nouveau qui sera ordonné par le gouvernement.

VII. En conséquence, l'évêque délibérera avec les supérieurs des ordres sur les objets, auxquels les communautés peuvent être employées le plus utilement et de la manière la plus convenable aux besoins du lieu, aux moyens des couvents et à la capacité des religieux, et il en présentera son rapport au dicastère dont il relève.

YIII. Et nommément les collégiales, les curés et les communautés qui ont par leur vocation la charge d'âmes, sont obligés de tenir auprès de leurs églises les écoles paroissiales proportionées à leurs revenus. Les religieux qui l'ont, auront la même obligation. Mais après l'etablissement des séminaires généraux ci-dessous décrits, les personnes religieuses ne seront autorisées à la charge d'âmes qu'après avoir fini leurs études dans ledit séminaire.

IX. Les jésuites, les Piaristes, les Basiliens et les Dominicains seront chargés des écoles publiques. Dans les villes, où se trouvent les Basiliens avec lesdits ordres, ils seront obligés, dans ses endroits-là, de tenir les séminaires pour les clercs séculiers romains catholiques, d'en entretenir quelques-uns à leurs frais, les instruire dans la langue russe et dans les langues étrangères, qui sont nécessaires dans les paroisses, par des maîtres des langues natifs et dont ces langues seront leurs maternelles.

Et où il y a plus de couvents des ordres susmentionnés, les uns enseigneront les classes basses, les autres les classes supérieures, d'autres enfin entretiendront la typographie pour l'utilité des écoles, aussi bien que pour les besoins du consistoire. Toutefois, ils veilleront et seront responsables de ce que rien n'en sorte de contraire ni aux lois écclésiastiques ni aux lois civiles.

X. Avant tout, tous les religieux contribueront, proportionellement à leurs revenus, à l'édution de leurs novices dans le séminaire général; quelques-uns entretiendront, vêtiront et nourriront les enfants de la pauvre noblesse et d'autres gens libres, et les instruiront dans les rudiments de la religion et de la morale, à lire russe, à ecrire et à compter. D'autres conserveront, nourriront et habilleront des prêtres invalides, tant séculiers que régueliers. D'autres enfin garderont les ecclésiastiques aussi bien que des personnes séculièrs que le consistoire enverra chez eux pour faire pénitence pendant quelque temps. Les religieuses enseigneront les filles à lire, à coudre, et les formeront aux bonnes moeurs. Celles qui auront de quoi, en entretiendront quelques-unes gratis.

XI. Et quant aux Camaldules, Chartreux et autres religieux et religieuses semblambles qui, par une longue habitude, se sont désaccoutumés de la société des hommes, on séparera par une mu-

raille une partie de leurs couvents, aussi bien que de leur revenu, pour l'entretien des malades ou des pauvres qui y seront soignés par des personnes capables et du metier, toutefois sous la participation de l'inspection du supérieur ou de l'abbesse desdits monastères. La même chose s'entend de ceux et de celles qui y sont obligés par vocation, comme les bons frères, les frères de saint-Roch, les soeurs de la Charité.

XII. En révanche des charges et conditions ci-dessus énoncées, le clergé séculier et régulier est garanti dans la possession de ses revenus, capitaux et terres, en un môt, de ses fondations dont il a fructifié auparavant. Il doit être âidé par le gouvernement pour recevoir exactement le députat et les intérêts des capitaux de ceux qui ne les payent point ou qui les en privent.

XIII. Pour que la quantité des revenus des couvents augmente pour l'utilité publique par le décroissement du nombre des bouches inutiles, aussi bien que des malheureux qui, souvent par l'étourderie de la jeunesse, embrassent l'état dont ils portent le joug avec dépit pendant toute leur vie, on défendra aux novices de faire profession religieuse avant de prendre le sous-diaconat qui lie à l'état ecclésiastique à perpétuité et pour lequel il faut vingt-deux ans accomplis, et que l'évêque ne confère pas cet ordre aux religieux, à moins qu'il n'y ait des places vacantes, lesquelles seront fixées sobrement par les évêques dans chaque monastère.

XIV. La diversité des ordres religieux, qui est aussi pernicieuse à l'état que le trop grand nombre des religieux, se mettra insensiblement au niveau de la même règle de service d'état, et s'aplanira quand on ordonnera à tous les religieux de porter une soutane large noire pardessus leurs habits de l'ordre. Par ce moyen quelques vieillards, qui sont attachès à leur règle, seront contents de ne point être forcés de quitter leur froc, et ceux qui aimeront se mettre à l'uniforme et dont c'est le plus grand nombre, ayant le dehors du clergé séculier et affranchis des caprices de leur supérieurs et confrères monastiques, s'attacheront à l'exécution de règlement général qui sera fait pour les monastères et établi dans les diocèses pour le bien de l'humanité.

XV. Pour veiller à l'exécution dudit règlement, il faut des visi-

*

teurs. Les évêques créeront des provinciaux, des conseillers et des secrétaires dans chaque ordre religieux, qui visiteront les monastères alternativement, chacun une fois l'an; et tandis que l'un en fera la visite, l'autre siégera dans le consistoire avec son secrétaire. Comme les couvents des ordres sont épars dans tout le diocèse, et que les visiteurs des ordes respectifs sont aujourd'hui obligés de le parcourir d'un bout à l'autre en cherchant les couvents de leur ordre, l'évêque assignera à chaque provincial un groupe de dix monastères de différents ordres indistinctement qui se trouveront dans le voisinage. En les faisant ainsi visiter, on s'assusera que les provinciaux ne conniveront point aux défautes qui se trouveront dans les monastères qui ne seront pas de leur ordre.

XVI. En examinant avec la plus grande exactitude si les dévoirs nouvellement imposés aux couvents sont accomplis, ils veilleront en même temps à ce que les revenus n'en soient point dilapidés, que les pensions soient exactement payées aux religieux qui travaillent et aux précepteurs qui y enseignent; en outre que les forets, les bâtiments, le bétail appartenant aux communautés ne soient ruinés, ni les hommes, ni les terres ne soient aliénés, ni vendus, laquelle alienation est également défendue aussi au clergé séculier.

DES SÉMINAIRES.

I. Il a plu à Sa Majesté Impériale de donner une ordonnance dans ces jours-ci, où il témoigne sa haute volonté que l'on arrange les écoles et les séminaires de la manière que de dignes ecclésiastiques y puissent être formés, et que nous puissions nous passer de faire venir chez nous des prêtres étrangers pour le service des églises.

Je présente le projet de l'éducation des clercs dans le séminaire tel que j'avais fait pour le mien et qui à été dans une heureuse disposition pendant sept ans, jusqu'à ce qu'il ne fût venu en tête aux Dominicains de vouloir s'exempter de la juridiction archiépiscopale, et d'avoir un général de l'ordre à eux à l'instar des Jésuites. Je présente donc plutôt une relation de ce qui a existé qu'un projet, et comment les paroisses et les chancelleries ont été pourvues. Au

lieu de vingt prêtres que la Propagande envoyait autrefois en Russie, il n'y en eut plus que quatre dans mon diocèse. Par un tel arrangement des séminaires, Sa Majeste Impériale sera obéie et il n'en coûtera rien à son trésor.

II. Les paroisses sont obligées d'avoir des écoles paroissiales proportionnées à leurs revenus; mais aucun de ces écoliers ne devient clerc avant que d'avoir fait ses études dans les écoles publiques. C'est donc celles-ci que je dois faire mention. J'en ai douze dans mon diocèse: six chez les Jésuites, une chez la Piaristes, deux chez les Basiliens, deux chez les Dominicains et une chez les Franciscains.

Quelque-uns en ont envoyé à Pétersbourg, pour s'informer des ordonnances de la commission d'instruction et pour voir la méthode introduite dans les écoles normales.

Les autres se firent venir des livres élémentaires de Varsovie ou de Vilno. On n'enseigne plus dans ces écoles du latin seul, reduit en système et en science, et je veille qu'on y enseigne ce qui peut être utile un jour aux disciples dans tel état qu'ils embrassent.

III. J'ai deux séminaire, l'un à Kraslaw et l'autre auprès de la cathédrale de Mogilew. Les missionaires n'y enseignent et n'entretiennent, en vertu de leur fondation, que deux clercs. C'est bien peu pour près *de deux cents églises paroissiales*, parmi lesquelles il y en a vingt qui exigent des langues étrangères.

IV. Je ne compte pas pour séminaires les couvents, où l'on instruit la jeunesse qui se voue à l'état monastique; car j'ose soutenir que cette éducation l'éloigne plutôt de l'état de curés qu'elle ne les y prépare. On les y forme pour être bons moines, tels que je les ai décrit, ci-dessus et nullement pour être bons pasteurs des paroisses.

V. Il me fallait donc un séminaire pour les former, et dans lequel même les religieux, destinés pour la charge d'âmes, vinssent apprendre les sciences et les langues qui sont nécessares pour cette charge, *redresser leur façon de penser et désapprendre beaucoup.*

VI. Pour cet effet, après avoir obtenu le titre et la juridiction d'archévêque, j'ai convoqué les prélats de tous les ordres religieux, parce que presque tous leurs couvents ont la chargé d'âmes. Je leur ai exposé les besoins des églises, et je les ai trouvés si raisonnables

et si pieux que, sans hésiter, ils résolurent d'anvoyer de chaque ordre certain nombre de profès au séminaire général de Mohilew pour être instruits et entretenus à leur frais.

VII. Alors, excepté les Jésuites, les Piaristes et les Basiliens dont l'éducation des novices est accomplie, le total du revenu des couvents en Russie Blanche était porté a vingt mille roubles. On avait évalué les pensions, la table et toutes les autres commodités de quatre professeurs et de quatre maitres, à quatre mille, pour vingt novices autant, et pour la dépense de la maison deux mille; le total de la dépense à dix mille. Les religieux convinrent donc de donner la moitié de leur revenu pour l'éducation de leur jeunesse et de pourvoir le trésorier du séminaire chaque tertial régulièrement, mais les couvents ne contribuaient en tout que pour quatre mille roubles par an. La modestie me défend d'entrer en détail de cette économie.

VIII. Le trésorier et un surveillant étaient élus parmi les profès mêmes, puisque leur bien-être et celui de leurs confrères dépendait de la bonne administration des finances. Voici le plan que j'avais fait et exécuté. Outre les quatre professeurs missionaires, il y aura quatre maîtres de langues. Sans les quatre clercs séculiers, vingt profès religieux y seront instruits. *Car il y a sept cents prêtres dans mon diocèce,* et, selon le calcul politique, trois personnes meurent tous les ans sur cent. L'examen se fera deux fois l'an, le plus publiquement possible.

IX. Pour ne point charger de trop de leçons les élèves du séminaire, aussi bien que les professeurs, et n'en omettre aucune essentielle, je fixe les clercs dans ma pensée, précisément dans la sphère dans laquelle ils doivent passer leur vie. Ils desserviront l'église selon le dogme et le rite de la religion; ils prêcheront, catéchiseront et insinueront à leurs paroissiens les sentiments de bons chrétiens et de bons sujets. Ils visiteront les paroissiens, ils tacheront de mériter leur estime par leur bon sens, leur bon coeur, et par leurs connaissances utiles à ceux parmi qui ils vivront.

X. La science de métier dans le séminaire est la théologie. La théologie monastique mérite à peine ce nom, parce qu'elle est une science de syllogismes et de paralogismes. On ne la comprend point

si l'on n'y est pas préparé de longue main par une logique à part et la métaphysique, qui méritent aussi la même estime. Dans ce siècle éclairé, nous avons des systèmes et des auteurs qui ont su lier le dogme avec la prudence, et qui enseignent la théologie dans la vue de rendre les hommes bons et heureux. Tel est le grand catéchisme de Montpellier. Mais ce n'est pas tant de l'auteur, pour les prédilections, qu'il faut faire la recherche et le choix, que plutôt d'un professeur. Un scolastique augmentera à tout bout de champ le traité le plus excellent à la main dont il ne gardera pas le fil; au contraire, un professeur raisonnable omettra les propositions trop abstraites qu'il trouvera dans son auteur, et il y redressera ce que par-ci par-là il y pourra trouver d'inutile. Les vérités qu'il traitera et exposera mériteront par son organe au juste le litre de saintes.

XI. La seconde science qui devrait être jointe avec la théologie et que l'on distingue malheureusement, pour inspirer envers elle plus de respect par le joug qu'on y prêche et par l'obscurité qu'on y répand, c'est la morale qui, par elle-même, doit être et est claire, parce qu'elle contient les règles de la conduite des hommes. Au moins, que le même professeur enseigne la théologie dogmatique et morale, et non deux différentes personnes, comme cela se pratique dans les couvents. En joignant les dogmes aux moeurs, à force de viser dans toute sa doctrine et instruction vers le salut des hommes, il s'accoutumera de passer pardessus les questions inutiles, comme, par exemple, sur la langue des anges, sur la biographie de Notre-Seigneur depuis douze jusqu'à trente an, etc.

XII. Le curé n'apprendra pas ces sciences pour les méditer, les mains croisées devant le feu de la cheminée; il en doit faire usage dans la chaire, dans le confessionnal, au chevet du moribond, dans les cercles des catéchumènes. L'éloquence, c'est la troisième science que l'on enseignera dans le séminaire. Peu de règles et beaucoup de pièces choisies, apprises par coeur, traduites, déclamées; Massillon et Bourdaloue, tour à tour dans la poche, ont formé les grands prédicateurs.

XIII. L'art et le but de l'orateur est de convaincre. Le récit des faits sûrs a la force irresistible. L'histoire ecclésiastique est donc

très-necessaire à un prêtre. On l'enseignera dans le séminaire. L'abrégé de l'abrégé de Fleury y suffira. Tel qui y prendra du goût pourra s'approfondir à loisir, étant déja en place.

XIV. Malheureusement tous les hommes ne se laissent pas conduire par la raison; il faut se servir de force envers la plupart. La juridiction les conduit et les amène vers le but que la loi marque et qu'ils manquent dans leur conduite. Pour le pain dont l'ecclésiastique vit et pour la sûreté dont il jouit dans l'empire, il faut qu'il y soit attaché et fidèle à son souvrain, sans croire, que la singularité de son habit l'en dispense. Il n'est pas obligé de savoir touts les lois de sa patrie, car ce serait une mer à boire, mais seulement celles qui le regardent, et sous lesquelles le gouvernement maintient le clergé et l'Église. Le droit canon, tel qu'il est approuvé par le souverain pour l'Église catholique qu'il daigne protéger dans son empire, sera enseigné dans le séminaire.

XV. Le rite, le chant et la musique, tels qu'ils sont en usage dans l'Église romaine catholique pour le culte de l'Être suprême, seront aussi soigneusement enseignés.

XVI. La philosophie sera enseignée dans le séminaire. Ce n'est pas par la place presque dernière que je lui donne dans ce plan, qu'on voudra bien juger de son utilité. J'ai cru devoir énumérer en premièr lieu les leçons qui tiennent immédiatement à l'état ecclésiastique. Je ne parle pas de cette science des noms, à lequelle on ne doit plus profaner le titre de science. Je veux dire qu'on instruira les jeunes ecclésiastiques dans la logique, en appliquant les règles aux théorèmes de la géométrie comme l'a fait Segneri. On leur apprendra la physique, tant que l'utilité de la vie commune exige et qu'il en faudra pour remplir le terrible vide qui environne le célibataire ignorant.

XVII. Mais, surtout on les familiarisera avec l'hygiène. Plusieurs curés se mêlent de la médicine; passe, s'ils s'arrêtent aux cas seulement qui exigent un prompt secours, et s'ils ne profanent ni l'art qui exige une étude profonde de plusieurs années et l'homme tout entièrement voué à ce service de l'humanité, ni ne compromettent leur vocation par une espèce de charlatanerie. Au contraire, la science de conserver la santé qui fait partie de la physique et est

nécessaire à tout homme qui se souvient qu'il a un corps, rendra recommandable le curé à ses paroissiens par des conseils et des discours intéressants dont il préviendra leurs maladies, lesquelles survenant, il se pourrait rendre ridicule et même coupable s'il voulait se mêler de les guérir.

XVIII. Il me pèse encore d'ajouter quelque chose sur leçons profanes qui ne sont pas proprement du ressort du séminaire, mais qui préviennent le mépris dans lequel peut tomber le curé, en les ignorant. On enseignera dans mon séminaire l'histoire politique et la géographie: mon architecte y donnera les leçons du dessin.

XIX. La langue n'est pas une science, mais seulement une clef pour le sanctuaire des sciences; cependant le curé le plus instruit n'est bon à rien dans vingt de mes églises, s'il ne sait pas une ou même quelquesunes des langues étrangères. On y apprendra donc les langues allemande, française et italienne. Le maître de la langue russe instruira en même temps dans le style usité dans les dicastères du pays. La langue latine est la langue canonique dans l'Église romaine; cependant, comme elle n'est pas pure dans les livres canoniques, qu'il serait honteux à un prêtre latin de ne pas bien posséder sa langue sainte, et qu'il se trouve souvent dans le cas de l'écrire et de la parler, on l'enseignera telle qu'elle a été en usage dans le premier siècle.

XX. S'il plaît à Sa Majesté Impériale d'ordonner que l'entretien du séminaire général suivant ce plan soit ordonné aux religieux avant l'imposition d'autres obligations et charges sur leurs convents, cette matière sera la première dont on traitera à la première convocation des prélats des ordres.

ПРИЛОЖЕНІЕ 9-е.

О ВЛАСТЯХЪ, ДАННЫХЪ АББАТУ НИКОЛЮ.

In imperio suae Imperatoriae Majestatis Alexandri I Imperatoris et Autocratoris totius Russiae, etc., Domini Nostri Clementissimi.

Stanislaus Metropolitanus unicus omnium ecclesiarum romano-catholicarum, Archiepiscopus Mohileviensis, etc.

Illustri admodum Reverendissimo Domino Carolo Nicole Canonico Kijovensi visitatori Ecclesiarum romano-catholicarum per praefecturas Chersonensem, Ecatherinoslaviensem et Tauriscam, benedictionem.

Annuendo commendationi Excellentissimi Domini Ducis de Richelieu ad Dei gloriam ac uberiorem fructum animarum sanguine Christi redemptarum lucrandum de facultatibus a Sancta Sede Apostolica mihi largitis tibi illustris admodum reverendissime Domine Canonice tribuo sequentes:

Въ имперіи Его Императорскаго Величества Александра I-го и проч. и проч. и проч.

Станиславъ Сестренцевичъ Богушъ и проч.

Высокопреподобному господину Карлу Николе канонику смоленскому, визитатору римско-католическихъ церквей, состоящихъ по губерніямъ херсонской, екатеринославской и таврической, благословеніе.

Согласно представленію превосходительнаго господина Дюка де Ришелье, ко славѣ Всевышняго и для вящшей пользы душъ, кровію Христовою искупленныхъ, я даю вамъ высокопреподобному г-ну канонику изъ властей, святымъ апостольскимъ престоломъ мнѣ пожалованныхъ, слѣдующія:

1) Absolvendi Christi fideles ab omnibus casibus Sedi Apostolicae reservatis in bulla etiam Coenae Domini contentis.

1) Разрѣшать христововѣрныхъ во всѣхъ случаяхъ апостольскому престолу предоставленныхъ и въ тѣхъ, которые въ буллѣ или посланіи начинающемся „вечери Господней" поименованы.

2) Dispensandi aut commutandi vota simplicia etiam castitatis ex rationabili causa, in alia pia opera non tamen ingrediendae religionis.

2) Уволять или замѣнить обѣты простыми называемые и цѣломудрія, по разумной причинѣ, на другія богоугодныя дѣла, однакожъ не съ тѣмъ, чтобъ увольняющійся, какъ выше, принужденъ былъ постригаться въ монахи.

3) Dispensandi in foro conscientiae super irregularitate ex delicto occulto proveniente et non deducto ad forum contentiosum, non tamen ex homicidio voluntario aut ex bigamia.

3) Уволять на духу отъ неключимства, происходящаго по поводу тайнаго преступленія, до внѣшняго суда не дошедшаго; но не отъ неключимства, проистекающаго изъ добровольнаго смертоубійства и двуженства.

4) Dispensandi super impedimenta matrimonialia consanguinitatis et affinitatis in 3-o et 4-o gradu simplici et mixto dummodo non attingat secundum, nisi pro sex.

4) Дозволять заключать брачные союзы состоящимъ въ четвертомъ колѣнѣ простомъ и смѣшанномъ родства и свойства.

5) Dispensandi super impedimento criminis neutro tamen conjugum machinante et restituendi jus petendi dubitum amissum.

5) Разрѣшать препятствіе преступленія, однакожъ съ тѣмъ, ежели ни одинъ изъ супруговъ не посягалъ на жизнь другаго, и возвращать утраченное право просить плотскаго совокупленія.

6) Concedendi indulgentiam

6) Дозволять полное разрѣ-

plenariam Christi fidelibus quibuscumque in articulo mortis saltem contritis, si confiteri non poterunt.

шеніе всѣмъ христововѣрнымъ при смерти находящимся, а по крайней мѣрѣ тѣмъ, которые сокрушены сердцемъ, ежели они не будутъ въ состояніи исповѣдоваться.

7) Benedicendi matrimonia sine bannis et tempore vetito prolegitimis habita nulloque alio canonico impedimento innodata ad evitandum scandalum cum consensu vel saltem praevio scitu parochi et quidem.

7) Благословить браки, безъ предварительныхъ оглашеній и въ запрещенное время, законными почитаемые и по неоткрытіи никакого духовнаго препятствія, для отвращенія соблазна, за согласіемъ, или по крайней мѣрѣ по предварительному извѣщенію настоятеля.

8) Dispensandi super secunda publicatione de contrahendo matrimonio in urgente necessitate prima et tertia praemissis.

8) Разрѣшать во второмъ оглашеніи, когда дѣло идетъ о заключеніи брака по неебходимой надобности, и по учиненіи перваго и третьяго обвѣщенія.

9) Dispensandi super esu carnium, ovorum, laeticiniorum tempore jejuniorum et quadragesimae tam ecclesiasticos, quam saeculares.

9) Дозволять яству говядины, яицъ, молочнаго во время постовъ и четыредесятницы, какъ духовнымъ, такъ и мірянамъ.

10) Celebrandi sacrificii missae in locis privatis, mundis tamen et honestis super altari portatili.

10) Совершать божественную литургію по домамъ въ мѣстахъ чистыхъ или опрятныхъ на алтарѣ удобопереносимомъ.

11) Benedicendi paramenta sacerdotalia et alia ad sacrificium missae utensilia, ubi non intercedit sacra unctio pro suo proprio usu et pro sacerdotibus per dictas praefecturas hanc facultatem non habentibus.

11) Посвящать священническія ризы и другія къ божественной литургіи потребности, куда не входитъ святое помазаніе, для собственнаго своего употребленія и для священниковъ сей власти не имѣющихъ,

по вышеписаннымъ губерніямъ обитающихъ.

12) Excipiendi confessiones Christi fidelium, eosque vere poenitentes forma in Ecclesia consueta etiam a casibus reservatis absolvendi cum relatione de audita confessione proprio confitentium parocho tempore commodo facienda.

12) Слушать исповѣди христововѣрныхъ, и ихъ истинно кающихся, по формѣ въ церкви употребляемой, и даже въ случаяхъ римскому престолу предоставленныхъ, разрѣшать съ донесеніемъ о томъ, въ удобное время, собственному исповѣдающихся настоятелю.

13) Corpora mortuorum catholicorum ad sepulturam levandi ac alia parochialia servitia catholicis in his remotis regionibus peragendi cum onere tamen de his relationis, si non praevio saltem subsequentis ad curatos locorum facienda.

13) Тѣла умершихъ католиковъ погребать и другія приходскія службы для католиковъ въ тѣхъ отдаленныхъ странахъ отправлять, съ таковою однакожъ обязанностію, чтобъ о томъ, ежели не предварительно, то по кайней мѣрѣ впослѣдствіи времени, было доносимо мѣстнымъ приходскимъ священникамъ.

14) Benedicendi solemniter non autem consecrandi ecclesias, in qua ceremonia nempe intercedit sacra unctio, et caemeteria, in his praefecturis erectas et erigendas.

14) Обозрѣвать или посѣщать церкви по губерніямъ херсонской и екатеринославской состоящія.

15) Approbandi pro excipiendis confessionibus fidelium presbyteros aliunde idoneos laborandi in vinea Domini causa advenientes, non autem vagos cum eisque communicandi has facultates in totum vel in parte prout necessitas postulaverit et con-

15) Дозволять слушать исповѣди христововѣрныхъ священникамъ, достаточныя къ тому способности имѣющимъ, приходящимъ трудиться въ виноградѣ Господнемъ, но не скитающимся, и сообщить имъ сіи власти вовсе или отчасти, смотря по на-

scientia id proficuum fore judicaverit.

16) Installandi seu constituendi curatos ad Ecclesias et parochias in hisce praefecturis reperibiles et noviter erigendas. Praesentibus ad triennium pro tua persona valituris.

Datam Petropoli die primi junii anno 1811.

добности и поколику совѣсть ваша сочтетъ то быть полезнымъ.

16) Я полагаю, что сiи власти не уменьшатъ властей, мною данныхъ бѣлому священнику Лаврентiю Милоту въ городѣ Симферополѣ жительствующему, коихъ списокъ я приказалъ вамъ выдать, ниже уменьшатъ властей имѣющихъ прибыть туда миссiонеровъ, коими они на одинъ годъ обыкновенно снабжаемы бываютъ. По прибытiи оныхъ, или ежели они замедлятъ прибыть, — по истеченiи года, и полученiи отъ васъ рапорта, охотно соглашусь на нужную властей отсрочку.

Дано въ С.-Петербургѣ iюня 1 дня 1811 года.

ПРИЛОЖЕНІЕ 10-е.

ИНСТРУКЦІЯ ІЕЗУИТАМЪ.

NOTICE POUR SERVIR DE MATIÈRE AUX INSTRUCTIONS À DONNER AUX FRÈRES DE LA SOCIÉTÉ DE JÉSUS.

I. Le but de l'ambassade qui sera envoyée en Chine est de donner plus d'étendue au commerce déjà etabli, et, comme toutes les communications entre les deux pays se bornent jusqu'à présent à celles qui se font par la débouché de Kiachta, on tâchera surtout d'obtenir que le commerce puisse se faire dorénavant tout le long de la frontière d'après les convenances des négociants.

II. Les Chinois ne formant pour le moment aucune prétention qui puisse récompenser les demandes que la cour impériale leur adressera, il serait à désirer qu'on leur suggérât l'idée de réclamer une chose quelconque, fut-ce même un objet très-difficile à accorder ou bien inadmissible pour sa nature; il en résultera toujours l'avantage que l'ambassadeur, prétextant que l'objet sort de la sphère des pleins pouvoirs dont il est muni, pourra expédier un courrier à Saint-Pétersbourg et prolonger son séjour à Pékin. Il gagnera de plus du temps pour mieux reconnaître le terrain, contracter les liaisons et amener les Chinois petit à petit au but qu'on se propose.

III. Il sera prescrit à l'ambassadeur de recueillir à son passage des notions sur les objets dont les Chinois pourraient avoir besoin. Ces notions seront transmises aux jésuites pour qu'ils insinuent aux gens en place de s'en ouvrir à l'ambassadeur, qui alors tâchera d'en tirer le meilleur parti possible.

IV. Les frères de la Société de Jésus tâcheront neanmoins, de leur côté, de découvrir aussi ce qui pourait être agrèable aux Chi-

nois, et les porteront par des voies indirectes à exrpimer leurs désirs à l'ambassadeur.

V. On tâchera de donner aux Chinois une idée juste de l'émpire de Russie, des moyens qui sont à sa portée, de ses ressources immenses, de la considération dont le cabinet de Saint-Pétersbourg jouit auprès des autres puissances, des principes de justice qui caractérisent le règne de l'émpereur Alexandre, des institutions bienfaisantes qui, dans ces derniers temps, ont été établies en grand nombre pour le bien de l'humanité, et du désir de Sa Majesté, heureusement régnante, de conserver la paix avec tous ses voisins.

VI. Les jésuites sont invités à se procurer des détails authentiques sur les personnes qui composent le ministère chinois. Ils tâcheront de savoir quels sont les individus qui ont le plus d'influence dans les affaires, qui approchent le plus l'Empereur, qui ont de l'ascendant sur sa personne et qui doivent être honorés par des cadeaux. Ils auront soin d'approfondir le caractère de l'Empereur, d'apprendre à connaitre ses fantaisies, ses coutumes, les objets qui l'intéressent principalement et sur lesquels il aime à entrer en conversation. Toutes les notions qu'ils parviendront à recueillir à cet égard, ils les communiqueront à l'ambassadeur dès son arrivée.

VII. Comme il importe que l'ambassadeur soit instruit des dispositions du ministère chinois en sa faveur, de la manière dont il est vu par les uns et par les autres, et du plus au moins de succès sur lequel il peut compter, il est nécessaire que les jésuites avisent aux moyens d'être au courant de tout ce qui se fait dans les bureaux chinois de rélatif à la mission pour en informer exactement celle-ci. De même, ils se ménageront les moyens de faire parvenir par des voies indirectes, aux gens en place, toutes sortes d'insinuations et de nouvelles que l'on croira convenables aux intérêts de la Russie, et qui pourraient contribuer à faire réussir l'ambassadeur dans les négociations qu'il sera chargé d'entamer.

Ce 22 janvier 1805.

ПРИЛОЖЕНІЕ 11-е.

ЗАПИСКА ГЕНЕРАЛА ІЕЗУИТСКАГО ОРДЕНА БРЖОЗОВСКАГО О ВОЗВЕДЕНІИ ПОЛОЦКОЙ КОЛЛЕГІИ ВЪ АКАДЕМІЮ.

NOTE RELATIVE A LA SUPPLIQUE PAR LAQUELLE J'AI DEMANDÉ L'ÉRECTION DU COLLÉGE DU POLOTSK EN ACADEMIE.

Notre méthode d'enseignement est connue; je ne crains pas de dire qu'elle est démontrée bonne; s'il fallait des autorités, j'en pourrais citer qui ne seraient pas suspectes, étant prises parmi ceux qui étaient comme nos ennemis naturels, telles que celles d'un Bacon, d'un Grotius etc. Mais il n'est pas besoin d'autorités lorsque les faits parlent hautement. Chargée de l'éducation d'une grande partie de la jeunesse de l'Europe pendant trois siècles, et les trois plus beaux siècles de la littérature moderne, notre Société s'est fait, sous ce rapport, une réputation qu'on peut dire au-dessus des atteintes de la calomnie, et qui a été respectée par nos ennemis, même les plus acharnés, comme il serait facile de le démontrer par le témoignage des protestants eux-mêmes et de ceux qui ont détruit notre Société dans les autres pays de l'Europe. C'est l'utilité reconnue de notre Ordre pour l'enseignement qui a porté l'immortelle Catherine II à nous conserver dans son empire; et, depuis ce temps, trois fois notre méthode d'enseignement a été présentée au gouvernement, et trois fois elle a été approuvée avec éloges.

L'Université de Vilno exige de nous que nous abandonnions une méthode si bien confirmée par l'expérience, pour adopter la méthode établie dans cette Université, méthode nouvelle, et jusqu'à présent si peu fixe, que de temps en temps nous y voyons faire encore de nouveaux règlements. Ce ne sont pas seulement les nou-

veaux objets d'enseignement que l'on veut que nous adoptions, nous l'avons déjà fait, quoique avec quelque préjudice de la solide instruction; mais on veut que nous adoptions sans réserve tous les status et tous les règlements de l'Université, ce qui est ne vouloir laisser subsister aucun vestige de cette antique méthode qui a *produit les grands hommes des siècles derniers,* et qui a conduit les sciences au point où elles sont aujourd'hui.

Je ne ferai pas ici la comparaison de la méthode que l'on veut abolir avec celle qu'on prétend y substituer. Je me bornerai à une seule réflexion qui se présente naturellement, savoir, que les mêmes règlements ne peuvent pas convenir à des institutions essentiellement disparates.

Rien ne produit plus la confusion et le désordre que la trop grande généralité des lois et l'application qu'on en fait, sans égard à la diversité des circonstances et des besoins. Que penserait-on d'un État où les mêmes lois s'appliqueraient indifféremment au civil et au militaire, à la magistrature et au commerce? Une bonne administration demande que les différentes parties du gouvernement soient régies par les lois qui conviennent le mieux à chacune. On n'emploiera pas les formes civiles pour la conduite d'une armée, ni les formes militaires dans l'administration de la justice. On ne doit donc pas non plus vouloir assujettir un ordre religieux à des lois qui conviennent très-bien à une université administrée par des séculiers. Les lois qui sont les plus sages, considérées relativement aux derniers, sont inutiles et souvent pernicieuses, si on les applique à un ordre religieux. — En veut-on des exemples? Qu'y a-t-il, je ne dis pas de plus utile, mais de plus indispensablement nécessaire, dans une Université dont tous les maîtres sont des séculiers de plusieurs religions différentes, que d'établir un prêtre qui soit exclusivement chargé de l'instruction religieuse et morale? Mais qu'y a-t-il de plus inutile relativement à un corps enseignant dont tous les membres se croient obligés, en premier lieu, d'enseigner la religion et d'inspirer le goût de la vertu à leurs élèves? Rien n'est plus juste, plus raisonnable, que d'obliger les professeurs des Universités à enseigner plusieurs années de suite la même classe de la littérature.

1-o, Parce que les universités n'ont pas une succession assurée de professeurs, et ne peuvent pas toujours en avoir sous la main qui leur conviennent;

2-o, Parce qu'un professeur jugé capable d'enseigner une classe ne l'est peut-être pas pour en enseigner une supérieure, et qu'il n'est pas certain qu'il le devienne dans le courant d'une année, ni même de plusieurs, puisque personne ne peut le forcer de s'y préparer;

3-o, Parce que les appointements des différentes classes sont différents, et qu'il est dans l'ordre que les plus considérables soient pour ceux qui depuis plus longtemps rendent service au public.

Toutes ces raisons demontrent la sagesse de la loi dont nous parlons. Mais cette même loi, appliquée à notre société, devient inutile, puisque nos maîtres n'ont aucun appointement, que notre société fournit une succession non interrompue de professeurs, et que le professeur qui, après un examen rigoureux, est jugé capable d'enseigner la plus basse classe, est obligé de se mettre en état d'enseigner dans le courant de l'année la classe supérieure. S'il n'y parvenait pas, il n'y a point de doute qu'on ne lui fit répéter la même classe, ou qu'on ne l'écartât tout à fait. Je pourrais citer bien d'autres règlements très-sages pour les universités et très-inutiles pour un corps qui, dans ses constitutions mêmes, a des règlements qui lui sont propres et qui sont calculés, d'après une longue expérience, pour le plus grand bien des élèves.

Cette vérité a été sentie dans tous les temps et dans tous les pays où notre Ordre a eu des établissements. Il est sans exemple qu'on ait essayé de nous assujettir aux lois des universités, qu'on ait voulu rien changer à la marche que nous suivons dans les études, ou qu'on ait gênè la liberté des supérieurs dans les choix des professeurs. Notre société a eu la direction d'un grand nombre d'universités; dans plusieurs autres elle avait des colléges, et il est à remarquer que, même dans les universités dont nos écoles faisaient partie, elles n'ont jamais été soumises aux universités de la manière dont on l'exige aujourd'hui.

Ce n'est donc point une nouvelle grâce que nous sollicitons lorsque nous demandons à être exempts de la juridiction des uni-

versités; nous ne faisons que demander la conservation d'un droit aussi ancien que notre Ordre, droit dont nous avons toujours jou sans contestation, dont nous n'avons jamais abusé et dont il n'est pas à craindre que nous abusions, puisqu'il sera toujours de notre intérêt de répondre à la confiance du gouvernement et de mériter sa protection par notre dévouement sans réserve au service de l'empire. Nous ne demandons que la confirmation de ce que l'impératrice Catherine et l'empereur Paul ont fait pour nous. Catherine était bien éloignée de vouloir nous troubler dans la paisible possession de notre méthode d'enseignement, lorsque, écrivant au nonce dlu pape à Varsovie, elle parlait en ces termes des jésuites et de ieur méthode: „J'ai abandonné l'instruction de la jeunesse qui est dans la Russie Blanche aux soins religieux des jésuites; le gouvernement a remarqué avec satisfaction le zèle qui animait leurs travaux et les succès qui les ont toujours couronnés". (*Triomphe de la philosophie*, 1-er volume, page 437, édition allemande). Pour ce qui est de l'empereur Paul 1-er, personne n'ignore que bien loin de vouloir soumettre les jésuites aux règlements de l'Université de Vilno, il voulait remettre entre les mains des jésuites cette Université, dont ils avaient été chargés pendant deux siècles.

Mais comme il est bien juste que tout ce qui tient à l'éducation soit sous la surveillance spéciale et immédiate du gouvernement, et que cette surveillance serait trop difficile s'il fallait l'étendre à toutes les écoles de notre Ordre dans l'empire, nous offrons, comme un moyen simple et naturel de faciliter cette surveillance, de faire dépendre toutes ces écoles de notre école principale, qui est à Polotsk et qui serait à l'égard de toutes les autres ce que les universités sont à l'égard des écoles qui en dépendent dans leurs arrondissements respectifs. Nous demandons que le collége de Polotsk, ainsi érigé en académie, jouisse des mêmes priviléges que les universités, afin que les élèves qui nous seront confiés aient les mêmes avantages que les autres sujets de l'empire, et nous nous engageons, de notre côté, à l'enseignement de tout ce qu'il plaira au gouvernement d'ordonner, à l'exception de la médicine et du code criminel, dont l'enseignement nous est interdit par nos constitutions.

Qu'il me soit permis d'ajouter réflexions pour prouver que l'érec-

tion du collége de Polotsk en académie, non seulement ne présente aucun inconvénient et n'entraîne aucune nouvelle charge pour le gouvernement, mais même offre plusieurs vues d'utilité.

On pourrait demander en premier lieu si la société des jésuites est en état de fournir tous les maîtres qu'il convient d'avoir dans une académie. Je réponds qu'on enseigne actuellement à Polotsk presque tout ce qu'on enseigne à Vilno même, et qu'il n'y a de difference que dans la méthode. La perspective d'une académie ne peut pas nous éblouir au point de nous faire méconnaître nos forces. L'Université de Vilno elle-même n'a-t-elle pas été pendant deux siècles entre nos mains, et, depuis l'abolition même de notre Ordre, combien de jésuites cette Université n'a-t-elle pas comptés parmi ses membres les plus distingués? C'est pour les jésuites que cette Université à été fondée; ils en ont formé et enrichi la bibliothèque, le musée et l'observatoire, et ils en seraient encore aujourd'hui possesseurs, si la Lithuanie avait eu le bonheur d'être incorporée à l'empire russe à la même époque que la Russie Blanche. Pendant ces deux siècles on n'y a point vu de chaires vacantes. Mais ce n'était ni la seule Université, ni la plus célèbre qu'eût notre Ordre; nous avions celle de Vienne, celle de Prague, celle de Gratz, celle d'Ingolstadt, celle de Strasbourg, celle de Pont-à-Mousson et un grand nombre d'autres dans tous les pays catholiques. Une seule académie sera un bien faible dédommagement de tout ce que nous avons perdu, et après avoir suffi, je puis dire avec honneur, avec gloire, à la direction de tant d'illustres universités, nous ne pouvons guère être soupçonnés de témérité en nous offrant pour remplir une académie à Polotsk. On a, dans tous les temps, si peu douté de notre capacité à cet égard, que l'autorisation du Souverain Pontife, qui dans l'Église catholique est nécessaire pour l'érection ou l'acceptation d'une université ou d'une académie, a été accordée à notre Ordre sans réserve et sans limites, presque depuis son origine, de sorte que, pour l'érection du collége de Polotsk en académie, il ne faut que l'agrément de Sa Majesté Impériale.

L'érection de cette académie n'entraînera aucuns frais pour le gouvernement. Nous de demandons absolument rien que d'être maintenus dans la possession des biens dont nous jouissons actuellement.

Ce qui rend les universités si coûteuses à l'État, ce sont les honoraires des professeurs que l'on est souvent obligé de faire venir à grands frais des pays étrangers. Quant à nous, notre Ordre fournit tous les professeurs dont nous avons besoin, et chacun de ces professeurs donne tous ses soins et tout son travail sans aucun salaire, sans aucune vue de récompense temporelle, et uniquement pour satisfaire au devoir de sa vocation.

Enfin j'ajoute que l'érection de cette académie présente plusieurs vues d'utilité au gouvernement. D'abord il y aurait une utilité évidente pour les lettres, puisque rien n'est plus propre à faire fleurir les lettres, que la rivalité et l'émulation qui existent nécessairement entre deux corps enseignats. Telle est la nature des hommes. L'émulation excite le talent, nourrit l'industrie; sans émulation, les arts languissent, les sciences sont sans honneur et bientôt négligées. L'Université de Paris n'a jamais été plus florissante que lorsque les jésuites avaient, dans cette capitale, le célèbre collége de Louis-le-Grand. Les professeurs de l'Université et ceux des jésuites cherchant à se surpasser mutuellement, il en résultait un avantage inappréciable pour les élèves et pour les progrès de la littérature. C'était de même partout où les jésuites avaient des colléges qui rivalisaient avec les Universités même qui s'efforçaient d'atteindre la gloire des plus célèbres. De là est venu ce cri général en Europe, que depuis la destruction des jésuites l'éducation est anéantie. Les Universités protestantes d'Allemagne reconnaissent elles-mêmes que les études ont beaucoup perdu chez elles depuis que leur rivalité avec les écoles des jésuites a cessé pas la destruction de ceux-ci. Nous savons que dans plusieurs Universités la chute des bonnes études a occasionné un mal encore plus grand: la corruption des moeurs.

Mais ce n'est pas seulement l'intérêt de la république des lettres, c'est l'intérêt bien entendu de l'État lui-même qui demande que l'éducation de la jeunesse ne soit pas confiée aux seules Universités. Le célèbre cardinal de Rechelieu examine dans son testament politique s'il est plus avantageux au royaume que l'éducation soit confiée exclusivement aux Universités, ou, concurremment avec les Universités, à l'ordre des jésuites. Il se décide pour

ce dernier parti. Voici ses propres paroles: „La raison décide de toutes sortes de différends, ne permet pas de frustrer un ancien professeur de ce qu'il possède avec titre, et l'intérêt public ne peut souffrir qu'une compagnie, non-seulement recommandable par sa piété, mais célèbre par sa doctrine, comme est celle des jésuites, soit privée d'une fonction dont elle peut s'acquitter avec une grande utilité pour le public". (*Testament politique du cardinal de Richelieu,* 1-re partie, section 10 du 2-e chap.). Ainsi donc, ce grand ministre voulait conserver les Universités qui étaient en possession de l'enseignement, mais il voulait leur associer les jésuites; et un des plus puissants motifs qui l'y déterminaient était le danger de laisser toute la jeunesse de l'État entre les mains des seules Universités; il le dit expressément: „Si les Universités enseignaient seules, il serait à craindre qu'elles ne revinssent avec le temps à l'ancien orgueil qu'elles ont eu autrefois, qui pourrait être à l'avenir aussi préjudiciable qu'il l'a été par le passé". (*Ibid.*). Lorsque ce grand ministre parlait ainsi, il se rappelait sans doute ce temps d'ignorance et de trouble, où la plupart des Universités étaient moins célèbres par les écoliers qu'elles formaient que fameuses par les mouvements et les séditions qu'elles excitaient. „Puisque donc, concluait le cardinal de Rechelieu, la faiblesse de notre condition humaine requiert un contre-poids en toutes choses; et que c'est le fondement de la justice, il est plus raisonnable que les Universités et les jésuites enseignent à l'envi, afin que l'émulation aiguise leur vertu et que les sciences soient d'autant plus assurés dans l'État, qu'etant déposées entre les mains de leurs gardiens, si les uns viennent à perdre un si précieux dépôt, il se retrouve chez les autres". (*Ibid.*).

On dira peut-être qu'il n'est point à craindre que les Universités excitent aujourd'hui des troubles semblables à ceux auxquels l'histoire nous apprend qu'elles ont donné occasion. Cela n'était pas non plus à craindre du temps du cardinal de Richelieu; mais ce grand politique prévoyait que le temps pourrait ramener des circonstances semblables, ou que l'influence des Universités, si elle était sans contre-poids, pourrait être également préjudiciable, quoique d'une manière différente. Il n'est pas sans doute à craindre que les écoliers des

Universités s'arment comme autrefois pour résister à la police et aux gouvernements, mais a-t-on une garantie égale de leurs principes? Est-on bien assuré que les professeurs, la plupart étrangers et qui ne tiennent à la Russie que par les appointements qu'ils en reçoivent, inculqueront toujours à leurs élèves les sentiments de soumission, de respect et de dévouement pour la personne du souverain, dont il est si important que la jeunesse soit pénétrée? Pour ce qui est des jésuites, je ne crois pas que l'on puisse avoir les moindres doutes sur leurs principes. Je ne veux point faire ici l'apologie de mon Ordre, ni lui donner des éloges qui seraient déplacés dans ma bouche; je dirai seulement que l'on se tenait si certain que les principes inculqués par les jésuites à leurs élèves étaient opposés aux idées de réformes et de révoltes que l'on méditait, que, pour opérer le bouleversement général de l'Europe dont nous avons été témoins, on a jugé devoir commencer par écarter de la jeunesse ces fidèles gardiens. Mais la Russie n'a-t-elle pas encore un autre garant de l'entier dévouement des jésuites au bien de l'empire? C'est à ce gouvernement que nous devons la conservation de notre existence; nous ne pouvons donc avoir d'autre intérêt que le bien de l'État. Si nous n'étions pas des soujets fidèles par devoir et par principe de religion, nous le serions par reconnaissance, par intérêt, par néccessité envers un gouvernement duquel nous tenons tout, et qui s'est acquis le droit le plus incontestable à un dévouement sans bornes. Il est vrai que nous avons aussi dans notre Ordre quelques étrangers; mais ces étrangers, dès qu'ils entrent dans l'Ordre, en adoptent l'esprit, les intérêts, les maximes. Liés irrévocablement à un corps qui appartient à l'empire, ils en deviennent les sujets nécessaires et ne peuvent plus avoir aucun intérêt qui lui soit opposé.

Lorsque Richelieu voulait que le dépôt des sciences fût placé entre les mains de deux corps, afin que, s'il venait à se perdre dans l'un des deux, il se retrouvât dans l'autre, ne semble-t-il pas qu'il eût en vue l'époque où nous nous trouvons, où l'on met à la réforme de l'éducation une ardeur égale à celle que nous avons vu mettre à la réforme des gouvernements? N'est-il pas de la sagesse d'un gouvernement éclairé de nous laisser en possession de notre ancienne mé-

thode, en attendant que l'on puisse juger avec certitude des avantages de ces nouveaux plans?

Nous avons vu, dans la terrible Révolution française, les constitutions se succéder les unes aux autres, produire un moment d'enthousiasme et être rejetées le moment d'après, jusqu'à ce qu'enfin, après bien des essais inutiles, on soit revenu à l'ancienne forme de gouvernement qui avait fait fleurir la France pendant quatorze siècles. Qui sait s'il n'en sera pas de même dans la grande réforme entreprise dans l'éducation? Nous voyons dans ce moment que, malgré l'enthousiasme qui accompagne les nouveaux plans, on n'en a produit aucun de bien fixe, et auquel on ne fasse de fréquents changements. Il est permis de conjecturer qu'après un grand nombre de tentatives infructueuses, on reconnaîtra peut-être que la méthode qui a produit le siècle Louis XIV est bonne et qu'on voudra y revenir. Il est bon qu'on puisse alors retrouver chez nous ce qu'on a perdu.

Enfin une autre considération qui paraîtra de quelque poids, c'est que ce ne sont pas seulement les jésuites qui recevront comme une grâce l'érection du collége de Polotsk en académie, toute la noblesse des environs en sera reconnaissante. C'est depuis longtemps l'objet de ses voeux, qu'elle a manifestés en toute occasion et qui ont même été portés au pied du trône il y a quelque années. Ce sera aussi un bien-fait pour la ville de Polotsk, qui a beaucoup souffert par la translation du gouvernement à Vitebsk, et qui se trouvera ainsi en quelque façon indemnisée par le nombre d'écoliers que cela attirera dans son sein.

Je termine en prévenant une difficulté qui pourra se présenter; on dira peut-être qu'accorder une académie aux jésuites, c'est autoriser les autres ordres religieux à réclamer la même faveur. A cela, je réponds qu'aucun ordre religieux ne peut faire valoir les mêmes titres; aucun ne peut surtout alléguer une possession de près de trois siècles. Aucun ordre religieux, excepté les Piaristes qui ne sont pas assez nombreux pour se charger d'un tel fardeau, n'est un corps enseignant par vocation. Si quelques-uns, pour se rendre plus utiles, se sont aussi dévoués à l'éducation de la jeunesse, n'ayant dans leurs constitutions aucune loi rélative à l'enseignement,

ils ont pu adopter celles des Universités. Mais dans notre Ordre, l'enseignement est une obligation fondamentale qui n'est jamais perdue de vue dans nos constitutions. Les lois qui le règlent sont une partie essentielle de ces mêmes constitutions. Nous avons un volume entier de règlements, relatifs, soit aux maîtres, soit aux écoliers, soit à la manière d'enseigner; le tout combiné avec nos autres obligations et avec la subordination religieuse. C'est l'observation de ces lois qui a acquis à notre Ordre la célébrité qu'il a toujour eue dans toute l'Europe pour l'éducation. On ne peut pas vouloir changer une partie si considérable de nos constitutions, sans vouloir nous anéantir. C'est ce qui nous autorise à en solliciter la conservation, afin de pouvoir continuer à nous rendre utiles à un gouvernement qui seul nous a accueillis et protégés lorsque de tous côtés nous étions en butte aux plus terribles persécutions.

16 octobre 1811.

F. Brzosowski,
Général de la Compagnie de Jésus.

ПРИЛОЖЕНІЕ 12-е.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ МЫ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ И ПРОЧ. И ПРОЧ. И ПРОЧ.

(Послѣ большаго титула)

Желая торжественно ознаменовать особенное благоволеніе НАШЕ къ полоцкой езуитской коллегіи толикую пользу принесшей воспитаніемъ юношества, МЫ предназначили возвести заведеніе сіе на степень академіи, поставивъ въ зависимость отъ нея всѣ другія езуитскія училища въ государствѣ и уравнивъ оную въ правахъ и преимуществахъ съ университетами.

Въ грамотѣ же сей заблагоразсудили МЫ явственно изложить присвоенныя университетамъ права, приличествующія сему ордену, соизволивъ ИМПЕРАТОРСКИМЪ НАШИМЪ словомъ за НАСЪ и преемниковъ НАШИХЪ постановить слѣдующее:

1. Полоцкая езуитская коллегія, воспріявъ отнынѣ наименованіе академіи, пребудетъ подъ непосредственнымъ НАШИМЪ покровительствомъ и состоя по учебной части въ совершенной зависимости отъ министерства народнаго просвѣщенія управляема будетъ генераломъ езуитскаго ордена.

2. Въ сей академіи преподаваемы будутъ науки, свободныя художества и языки, которые всѣ должны быть раздѣлены на три факультета.

3. Первый факультетъ заключаетъ въ себѣ языки, вторый свободныя художества, философскія и другія, какъ естественныя, такъ и гражданскія науки, третій богословію и прочія науки, до вѣры касающіяся.

4) Факультетъ языковъ заключаетъ въ себѣ языки: 1) россійскій, 2) французскій, 3) нѣмецкій, 4) латинскій, 5) греческій,

6) еврейскій; впослѣдствіи времени по усмотрѣнію и одобренію министерства народнаго просвѣщенія, генералъ ордена можетъ ввести еще какой-либо другой языкъ, полезный въ государствѣ.

5. Въ факультетѣ свободныхъ художествъ, философскихъ и другихъ естественныхъ и гражданскихъ наукъ преподаются: 1) поэзія, 2) риторика, 3) нравственная философія, 4) логика и метафизика, 5) физика всеобщая, частная и опытная, 6) химія, 7) математика чистая и прикладная, 8) архитектура гражданская и военная, 9) право естественное, право частное и право римское гражданское, 10) исторія естественная и 11) исторія всеобщая.

6. Для всѣхъ сихъ предметовъ академія имѣетъ потребное число профессоровъ.

7. Факультетъ богословіи и другихъ наукъ, до вѣры касающихся, заключаетъ въ себѣ: 1) богословію догматическую, богословію нравственную, 3) священное писаніе, 4) право каноническое, 5) священную исторію.

8. Каждый факультетъ имѣетъ особеннаго декана, избираемаго на опредѣленное время академическимъ ученымъ собраніемъ.

9. Избранія во всѣ академическія мѣста и должности имѣютъ быть производимы по большинству голосовъ въ полномъ собраніи академіи, и представляемы на утвержденіе генералу, а отъ него министру просвѣщенія.

10. Всѣ езуитскія училища въ имперіи учрежденныя и впредь учреждаемыя подчиняются езуитской академіи.

11. Генералъ ордена, не имѣя возможности всегда находиться въ Полоцкѣ по причинѣ обязанностей по его ордену, управляетъ академіею такъ, какъ то и всегда бывало въ этомъ орденѣ, посредствомъ провинціала и ректора сей самой академіи.

12. Ректоръ академіи имѣетъ при себѣ четырехъ совѣтниковъ или помощниковъ для облегченія его въ отправленіи должности и для совокупнаго разсужденія о важнѣйшихъ предметахъ.

13. Каждый деканъ факультета представляетъ ректору на усмотрѣніе, что найдетъ полезнымъ для введенія вновь въ употребленіе въ его факультетѣ.

14. При академіи находится канцлеръ, избираемый изъ людей извѣстнѣйшихъ по своимъ обширнымъ познаніямъ въ наукахъ, по

своей неограниченной ревности и по испытанной способности къ исправленію обязанностей сего званія. Должность его есть вспомоществовать ректору въ распоряженіи ученіемъ, въ управленіи упражненій и публичныхъ актовъ и въ сужденіи о познаніяхъ тѣхъ, кои имѣютъ быть допущены къ актамъ и къ возведенію на степени.

20. Полоцкая езуитская типографія состоитъ въ непосредственномъ вѣдѣніи тамошней академіи. Цензура печатаемыхъ въ ней книгъ ввѣряется тремъ ученымъ членамъ общества, извѣстнымъ своими достоинствами.

23. Академія имѣетъ право возводить въ ученыя степени, какъ то: въ достоинства магистровъ свободныхъ наукъ и философіи, также въ доктора богословіи и правъ гражданскаго и каноническаго.

24. По уваженію того, что полоцкая академія возведена на равную степень съ университетами, существующими въ государствѣ, аттестаты, отъ оной выдаваемые, имѣютъ равную силу съ аттестатами, выдаваемыми отъ помянутыхъ университетовъ.

25. Студенты, удостоенные по испытаніи аттестатовъ и похвальныхъ свидѣтельствъ отъ ректора академіи, при вступленіи въ службу получаютъ чины 14 класса.

27. Всѣ зданія, принадлежащія академіи, равно и загородный домъ близъ Полоцка состоящій, дабы профессоры и самые ученики могли во всякое время ходить туда для пользованія чистымъ воздухомъ и отдохновенія отъ тягостныхъ занятій, будутъ свободны отъ военнаго постоя.

28. Академіи позволено будетъ пользоваться знаками отличія, введенными въ употребленіе во всѣхъ академіяхъ европейскихъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ 13-е.

ПРОСЬБЫ ГЕНЕРАЛА ІЕЗУИТСКАГО ОРДЕНА БРЖОЗОВСКАГО О ВОЗСТАНОВЛЕНІИ ЭТОГО ОРДЕНА ВЪ ИСПАНІИ.

LETTRE DU GÉNÉRAL LE L'ORDRE DES JÉSUITES BRZOSOVSKI, DU 30 OCTOBRE, SOLLICITANT LE RÉTABLISSEMENT DE L'ORDRE EN ESPAGNE.

Monseigneur,

Le désir de rendre mon Ordre de plus en plus utile et de contribuer autant qu'il est en mon pouvoir au bien public de la valeureuse nation espagnole, en travaillant à y établir l'éducation de la jeunesse à laquelle les circonstances malheureuses de ces derniers temps ont été si funestes, m'a engagé à présenter à la Junte suprême une note que j'ai l'honneur de soumettre à Votre Eccellence, ne voulant rien faire qui ne soit agréable à Sa Majesté impériale, à qui mon Ordre est redevable de son existence et d'une foule de bienfaits. La constante bienveillance dont Sa Majesté impériale a daigné nous honorer et dont nous avons ressenti les effets en toute occasion, m'inspire la confiance de solliciter une nouvelle grâce que j'espère obtenir par l'intercession de Votre Excellence. Les liens d'amitié qui unissent notre gouvernement au gouvernement espagnol ne me permettent pas de douter que si Sa Majesté impériale daigne témoigner qu'elle approuve et a pour agréable la proposition que je fais à la Junte suprême, ma demande n'ait un succès complet. Je supplie donc Votre Excellence obtenir que Sa Majesté impériale daigne s'expliquer à ce sujet a S. Exc. M. de Tatischef, et au chargé d'affaires de l'Espagne, M. Zéa. Ce sera mettre le comble à ses bienfaits. Nous devons à l'immortelle Cathérine de nous avoir conservé dans ses États, lorsqu'on détruisit notre Ordre

dans tous les autres pays. Ce ne sera pas un moindre bienfait de contribuer à nous rétablir dans les États où nous avons été la victime des conspirateurs qui tramaient dès lors la ruine des empires et qui redoutaient les principes de fidélité et de religion que nous inspirions à la jeunesse et à la nation.

NOTE ADRESSÉE PAR LE GÉNÉRAL DES JÉSUITES AU GOUVERNEMENT ESPAGNOL, LE 15 OCTOBRE 1812.

Dans un temps où les projets et la perversité du philosophisme se manifestent par les effets les plus funestes, où l'Église de Jésus-Christ est persécutée dans son chef et dans ses membres, où les trônes des souverains sont renversés ou ébranlés, où la jeunesse, privée de toute éducation religieuse, ne connaît plus de frein et foule aux pieds les lois divines et humaines, sera-t-il permis à un ordre religieux opprimé par le philosophisme d'élever la voix, pour attester son innocence, et pour présenter une humble supplique à une nation aussi distinguée par son inviolable attachement à la religion catholique que par sa bravoure invincible? Les philosophes et leurs adhérents, pour perdre les jésuites, leur ont imputé des crimes, des révoltes, dont ils étaient eux-mêmes les auteurs. C'est qu'ils voyaient que jamais leurs desseins ne pourraient s'exécuter, tant que ce corps, renommé par son zèle et ses connaissances, veillerait à la défense de l'Église et des trônes. Il fallait donc détruire ce qu'on ne pouvait souffrir. La brave et généreuse nation espagnole connaît tres-bien cette cabale du philosophisme. Aussi la Junte a-t-elle porté un décret, il y a quelques années, pour permettre aux jésuites espagnols de rentrer dans leur patrie; décision sage, juste et nécessaire pour rendre ses droits à l'innocence, à la religion, à l'État, à la jeunesse. Mais ne peut-on pas attendre d'une nation si religieuse qu'elle voudra faire un pas de plus, en rappelant quelques-uns de ses sujets jésuites qui existent encore et en profitant du temps qui leur reste à vivre, pour former au moins deux maisons de l'Ordre dans quelque ville du royaume, l'une pour un noviciat, et l'autre pour une école? C'est une demande bien modérée que celle des deux maisons. Il y a encore à Rome quelques Pères espagnols; il y en a à Palerme, entre autres le Père Emmanuel

de Zuniga, provincial de Sicile, le Père Goja, le Père Sébastien Soldevilla. Il suffit que le gouvernement espagnol le veuille, il est assuré de tout obtenir du pieux roi des Deux-Siciles et de son fils, pour le bien de la sainte Église, pour l'éducation chrétienne de la jeunesse de l'Espagne et pour la consolation de notre Très-Saint-Père, le souverain Pontife, qui accorderait avec une grande joie spirituelle la demande qui lui serait faite.

ПРИЛОЖЕНІЕ 14-е.

УКАЗЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ (1).

По возвращеніи нашемъ, послѣ благополучнаго окончанія внѣшнихъ дѣлъ, въ любезное, Богомъ врученное намъ отечество, изъ многихъ, дошедшихъ до насъ свѣдѣній, жалобъ и донесеній, удостовѣрились мы совершенно въ слѣдующихъ обстоятельствахъ: монахи іезуитскаго ордена, римско-католическаго исповѣданія, уничтожены были папскою буллою, и какъ самъ онъ изгналъ ихъ изъ областей своихъ, такъ равномѣрно и всѣ другія державы отринули ихъ отъ себя; они нигдѣ не имѣли пристанища. Россія по добродѣтельному долгу человѣколюбія и терпимости вѣръ, оставила ихъ у себя, дала имъ убѣжище и гонимыхъ успокоила подъ своимъ сильнымъ покровомъ. Она не возбранила имъ обращаться въ кругѣ своего вѣроисповѣданія, не отвлекала ихъ отъ онаго ни силою, ни притѣсненіемъ, ни прельщеніями, и въ воздаяніе за то ожидала отъ нихъ вѣрности, усердія и пользы. По сей надеждѣ допущены они были до воспитанія и наставленія юношества. Отцы и матери безбоязненно ввѣряли имъ дѣтей своихъ для обученія наукъ и благонравія. Но нынѣ открылось несомнѣнно, что они не сохраня долга благодарности и не оставаясь смиренными духомъ, какъ христіанскій законъ повелѣваетъ, и кроткими въ чужой странѣ жителями, возмнили потрясать господствующую издревле въ царствѣ нашемъ православную греческую вѣру, на коей, какъ на твердомъ и непоколебимомъ камени, почиваетъ тишина и благоденствіе тьмочисленнаго подъ скипетромъ нашимъ народа. Они начали сдѣланную имъ довѣренность употреблять во зло:

(1) Полн. собр. зак. томъ XXXIII, № 26032.

стали порученныхъ имъ юношей и нѣкоторыя лица изъ слабѣйшаго женскаго пола отвлекать отъ нашего и прельщать въ свое вѣроисповѣданіе. Домогаться сдѣлать человѣка отпадшимъ отъ своей вѣры, отъ вѣры предковъ его; погасить въ немъ любовь къ единовѣрцамъ, согражданамъ своимъ; отдѣлить духъ ихъ отъ духа отечества; посѣять раздоръ и вражду между семействами; отторгнуть брата отъ брата, сына отъ отца и дочь отъ матери; водворить несогласіе между чадами единыя Церкви: сей ли есть гласъ и воля миролюбиваго Бога и единороднаго Сына Его Богочеловѣка Христа, пролившаго за насъ пречистую кровь свою, да поживемъ тихое и мирное житіе? По сихъ дѣяніяхъ не удивляемся мы болѣе, что сообщество сихъ монаховъ отъ всѣхъ державъ изгнано и не терпимо было. Кто въ нѣдрахъ своихъ терпитъ сѣятелей вражды и несогласія? Сего ради, бодрствуя о благосостояніи вѣрноподданнаго намъ народа, и почитая священнымъ и благоразумнымъ правиломъ искоренять зло въ самомъ началѣ онаго, дабы не допустить созрѣть его и принести горькіе плоды, повелѣваемъ мы: католическую церковь, здѣсь находящуюся, поставить въ то устройство, въ коемъ она пребывала въ царствованіе въ Бозѣ почивающей бабки нашей императрицы Екатерины II, и до 1800 года, выславъ немедленно всѣхъ іезуитскаго ордена монаховъ изъ С.-Петербурга, и воспретя имъ въѣздъ въ обѣ столицы наши, и проч.

На подлинномъ подписано Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою тако:

АЛЕКСАНДРЪ.

С.-Петербургъ.
Декабря 20. 1815 года.

ПРИЛОЖЕНІЕ 15-е.

На подлинномъ написано собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою тако: *Быть по сему.*

АЛЕКСАНДРЪ.

Въ С.-Петербургѣ 13 марта 1820 года.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія

ДОКЛАДЪ.

Узаконеніями россійской имперіи издавна запрещено было іезуитамъ имѣть пребываніе въ Россіи. Но не взирая на сіе, они находили способъ проницать въ предѣлы ея подъ разными видами. Почему императоръ Петръ I-й, коему извѣстны были руководствующія ихъ правила, въ 1719 году повелѣлъ: всѣхъ іезуитовъ съ ихъ служителями выслать немедленно изъ всѣхъ городовъ и земель россійскихъ и декларацію о семъ привѣсить къ московской римско-католической церкви. Съ возвращеніемъ въ 1772 году бѣлорусскаго края Россіи вошли въ ея предѣлы и обитавшіе въ ономъ іезуиты. Вскорѣ потомъ (въ 1773 г.) буллою папы римскаго Климента XIV уничтожено іезуитское общество. Глава римской церкви объявилъ его лишеннымъ всѣхъ принадлежавшихъ ему должностей, званій и отличій, всѣхъ имуществъ, домовъ, училищъ, коллегій и другихъ заведеній; отмѣнилъ всѣ статуты и постановленія, для онаго изданныя и совершенно подчинилъ членовъ его, наравнѣ съ бѣлымъ духовенствомъ, епархіальнымъ епископамъ. Но іезуиты, пребывающіе въ Россіи, искали защиты у императрицы Екатерины II противъ папы, почитаемаго ими видимою гла-

вою ихъ церкви. Екатерина II, въ надеждѣ, что оставшіеся отъ всеобщаго уничтоженія члены сего ордена, отказавшись отъ всѣхъ дѣйствій, противныхъ гражданскому порядку, бывшихъ причиною уничтоженія ихъ общества, посвятятъ себя единственно воспитанію въ Бѣлоруссіи римско-католическаго юношества, которому бы они могли быть полезны своимъ просвѣщеніемъ, если бы оно было основано на любви христіанской, даровала имъ убѣжище въ бѣлорусскихъ губерніяхъ. Іезуитскому обществу не только предоставлены въ Бѣлоруссіи недвижимыя имѣнія, но еще повелѣно было съ принадлежащихъ оному крестьянъ не собирать и податей казенныхъ. Но, даровавъ ему покровительство, Екатерина II въ 1772 году изрекла торжественно, что сіе покровительство продлится до тѣхъ только поръ, пока іезуиты не преступятъ за границы начертаннаго имъ долга; а въ 1782 году высочайше повелѣть соизволила, чтобы и самыя правила ордена іезуитскаго были наблюдаемы ими, поколику онѣ могутъ быть соглашены съ государственными постановленіями.

Оказавъ снисходительную терпимость обществу, отверженному и папою, верховнымъ его начальникомъ, и всѣми державами Европы, Россія могла по справедливости ожидать, что оно будетъ вѣрнымъ ея Монарху и не нарушитъ ея законовъ.—Слѣдствія показали противное.

Высочайшими указами и грамотами: 12 декабря 1772 года, 12 маія 1774, 30 декабря 1778, 9 генваря 1780 и 17 генваря 1782 повелѣно было іезуитамъ, которыхъ папа, при уничтоженіи ихъ общества, подчинилъ епархіальнымъ епископамъ, зависѣть отъ епархіальнаго ихъ архіерея; но они, не признавая уже папской власти, отреклись и въ Россіи отъ повиновенія начальству духовному; въ оправданіе же своего непокорства приводили они орденскія свои постановленія. Правительствующій сенатъ еще въ 1782 году объявлялъ, что іезуиты, зная высочайшее предписаніе, по коему они обязаны повиновеніемъ архіепископу могилевскому, своему истинному пастырю и главному препозиту, не должны отрекаться отъ сего, предписаннаго имъ повиновенія, не должны при столь ясно изображенной волѣ монаршей (по примѣру прежняго

отзыва іезуитскаго провинціала), приводить въ защищеніе свое упоминаемыя ими орденскія правила.

Въ 1800 году іезуиты допущены были въ С.-Петербургѣ къ богослуженію въ римско-католической церкви. Высочайше же утвержденнымъ въ 12 день февраля 1769 года регламентомъ дозволено при сей церкви имѣть училище, въ которомъ могли образоваться одни только юноши римско-католическаго исповѣданія; но іезуитскій генералъ, увеличивъ безъ нужды число здѣшнихъ своихъ патеровъ, завелъ коллегію, въ которую начали они принимать юношество не только другихъ иностранныхъ исповѣданій, но и греко-россійской Церкви. Іезуиты на семъ не остановились: они вопреки кореннымъ государственнымъ узаконеніямъ, осмѣлились внушеніями своими обольщать и ввѣренныхъ имъ питомцевъ и другихъ людей, принадлежащихъ къ греко-россійской Церкви, и привлекать ихъ въ свое вѣроисповѣданіе. Сверхъ того, пользуясь отъ исправленія требъ и отъ найма обширныхъ домовъ церковныхъ доходами, въ коихъ не отдавали никому отчета, предписаннаго регламентомъ и высочайшимъ указомъ 14 маія 1801 года и получая значительную плату за содержаніе пансіонеровъ, они не только не освободили церкви отъ прежнихъ долговъ ея, но еще обременили ее новыми. Все сіе, служа убѣдительнымъ доказательствомъ нарушенія государственныхъ законовъ, побудило ваше императорское величество, въ охраненіе господствующей Церкви, издать въ 1815 году указъ, коимъ іезуиты высланы изъ С.-Петербурга, и коимъ запрещенъ имъ въѣздъ въ обѣ столицы. Принимая же участіе въ благосостояніи здѣшней римско-католической церкви, ваше величество высочайше повелѣть соизволили въ 1818 году уплатить отъ казны долги ея, до 200,000 рублей простирающіеся.

Но удаленіе іезуитовъ изъ С.-Петербурга не послужило къ перемѣнѣ ихъ поведенія. Гражданскія и военныя начальства доносили, что іезуиты продолжаютъ дѣйствовать противозаконно. Въ коллегіи могилевской привлекали они къ своему вѣроисповѣданію обучавшееся у нихъ греко-россійское юношество и когда, для отнятія у нихъ способа, высочайше повелѣно, дабы въ полоцкой академіи и въ подвѣдомственныхъ ей училищахъ обучалось одно только

римско-католическое юношество, начали они въ Витебскѣ обращать въ свое исповѣданіе военно-служащихъ греко-россійской Церкви. И въ Сибири находящіеся іезуиты поступками своими не соотвѣтствуютъ той цѣли, съ какою были опредѣлены на мѣста свои. Подъ предлогомъ исправленія требъ, посѣщаютъ они и такія мѣста, въ которыхъ нѣтъ ни единаго римскаго католика, прельщаютъ простолюдиновъ и переманиваютъ ихъ въ свое исповѣданіе. Въ саратовской губерніи дѣйствуютъ они по симъ же правиламъ. Папскими предписаніями и государственными узаконеніями запрещено обращать греко-унитовъ въ римско-католическое исповѣданіе; но генералъ іезуитскаго общества противопоставлялъ и тѣмъ и другимъ папскую буллу, разрѣшающую греко-унитамъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ греко-унитскаго священника, принимать причастіе отъ римско-католическаго. Но іезуиты привлекаютъ греко-унитовъ даже и тамъ, гдѣ находятся греко-унитскіе священники. Я приводилъ еще въ 1815 году іезуитскому генералу на память имянный высочайшій указъ 4 іюля 1803 года, въ которомъ сказано: „Тажъ самая терпимость, которая заставляетъ правительство не прикасаться къ убѣжденію совѣсти въ дѣлахъ вѣры, должна бы была послужить правиломъ духовнымъ католическимъ властямъ въ поведеніи ихъ съ уніатами и воспретить имъ всякое совращеніе народа изъ уніи въ обрядъ римско-католическій. Если вѣра господствующая не дозволяетъ себѣ никакихъ понудительныхъ средствъ, то кольми паче вѣра терпимая не можетъ ихъ употреблять". И въ колоніяхъ обольщая послѣдователей евангелическаго исповѣданія, іезуиты посѣваютъ въ ихъ семействахъ безпорядки и несогласіе. Въ 1801 году іезуиты, обращая въ вѣру свою дѣтей еврейскихъ, употребляли насиліе. „Поступокъ,—по словамъ имяннаго высочайшаго указа 21 августа того же года, — несообразный ни съ общими правилами христіанской вѣры, насилія не терпящей, ни съ государственными законами, всякій подговоръ и обольщеніе строго наказующими". Потребна была сила губернскаго начальства, чтобы исторгнуть изъ іезуитскаго монастыря вышеупомянутыхъ еврейскихъ дѣтей; но и послѣ сего іезуиты не исполнили высочайшаго повелѣнія. Они дѣйствуютъ и нынѣ по тѣмъ же своимъ правиламъ. Самое употребленіе имуществъ, имъ принад-

лежащихъ, несогласно съ правилами христіанскаго человѣколюбія: ибо положеніе крестьянъ, іезуитскому ордену въ Бѣлоруссіи подвластныхъ, доказываетъ, сколь мало пекутся іезуиты о благосостояніи крестьянъ сихъ; ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО сами съ соболѣзнованіемъ видѣли нѣкоторыхъ изъ сихъ несчастныхъ, слѣпыхъ и увѣчныхъ, отпущенныхъ съ письменными паспортами и просящихъ подаянія. По высочайшему повелѣнію я писалъ къ іезуитскому генералу, что пускать по міру нищихъ и немощныхъ людей несообразно съ христіанскими правилами, наипаче, когда іезуитское общество имѣетъ всѣ средства призрѣть ихъ.

Таковы истины относящіяся до іезуитскаго ордена. Могущественное государство, въ минуту преслѣдованія и бѣдствія іезуитовъ, принимаетъ ихъ подъ защиту своихъ законовъ: чуждые благодарности они нарушаютъ сіи благотворящіе имъ законы, упорно противополагаютъ имъ собственныя постановленія и, именуя себя миссіонерами, вопреки высочайшему регламенту 1764 года, запрещающему принимать сіе названіе римско-католическому духовенству, дѣйствуютъ посреди государства благоустроеннаго, какъ въ странѣ, свѣтомъ христіанства не озаренной. И когда всеобщая недовѣрчивость, справедливое негодованіе всей Европы ихъ преслѣдуютъ: Россія показываетъ имъ и довѣренность и уваженіе; она возлагаетъ на нихъ священную обязанность образовать юношей ихъ вѣроисповѣданія, дабы, просвѣщая ихъ разумъ наукою, просвѣщали и сердце религіею; они употребляютъ во зло сію довѣренность, обольщаютъ неопытную молодость, и сами, пользуясь благомъ терпимости, поселяютъ въ сердцахъ, ими обманутыхъ, жестокую нетерпимость, стремятся уничтожить оплотъ царствъ: привязанность къ вѣрѣ отечественной, и тѣмъ разрушить счастіе семействъ, производя въ нихъ гибельное разномысліе. Всѣ дѣйствія іезуитовъ направлены къ собственнымъ ихъ выгодамъ и распространенію власти, и совѣсть ихъ при каждомъ противозаконномъ поступкѣ удобно находитъ оправданіе въ правилахъ ихъ ордена.

По свидѣтельству папы Климента XIV: „Іезуиты, съ самаго учрежденія ихъ общества, занимались низкими происками, имѣли безпрестанныя несогласія и раздоры въ Европѣ, Азіи и Америкѣ, не только между собою, но съ другими монашескими орденами,

свѣтскимъ духовенствомъ, съ учебными заведеніями, и даже дѣйствовали противъ правительствъ; многіе роптали на ихъ ученіе, противное добрымъ правиламъ и истинному благочестію; всѣ вообще упрекали ихъ въ излишней склонности къ пріобрѣтенію благъ житейскихъ. Какія средства ни были употребляемы папами для прекращенія козней іезуитскаго общества, всѣ они остались совершенно недѣйствительными. Чѣмъ болѣе возрастало негодованіе противъ сего общества, тѣмъ опаснѣе дѣлались ропотъ и волненіе въ умахъ,—тѣмъ болѣе разрывался союзъ любви христіанской,—тѣмъ болѣе усиливался духъ возмущенія. Нѣкоторые католическіе государи, не видя другихъ способовъ отвратить угрожающую церкви пагубу, принуждены были изъ областей своихъ изгнать іезуитовъ". Такъ писалъ объ нихъ папа, который, видя въ самыхъ коренныхъ правилахъ іезуитскаго ордена причину раздоровъ и зла, ими производимыхъ, уничтожилъ общество сіе, дабы возвратить миръ и порядокъ церкви Христовой.

Еще тогда, когда іезуиты удалены были изъ С.-Петербурга, положено было выслать всѣхъ членовъ общества сего за предѣлы Россіи; но ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО соизволили остановить мѣру сію по той причинѣ, что надлежало прежде отыскать священниковъ, знающихъ иностранные языки, дабы по колоніямъ и другимъ мѣстамъ могли быть замѣщены ими іезуитскіе.

Нынѣ, когда изъ собранныхъ мною свѣдѣній открылось, что въ другихъ орденахъ римско-католическаго исповѣданія есть потребное для колоній число священниковъ, знающихъ языки иностранные, а іезуиты показали себя, какъ изъ вышеизъясненнаго видно, еще виновнѣйшими, осмѣливаюсь я представить ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, не благоугодно ли будетъ ВЫСОЧАЙШЕ повелѣть:

1) Іезуитовъ, какъ забывшихъ священный долгъ, не только благодарности, но и подданнической присяги, и потому недостойныхъ пользоваться покровительствомъ россійскихъ законовъ, выслать, подъ присмотромъ полиціи, за предѣлы государста и впредь ни подъ какимъ видомъ и наименованіемъ не впускать въ Россію.

2) Полоцкую іезуитскую академію и подвѣдомственныя ей училища упразднить. Поелику же для бѣлаго римско-католическаго духовенства существуютъ семинаріи, какъ епархіальныя, такъ и

главная при виленскомъ университетѣ, а монашествующимъ преподаются науки въ разныхъ монастыряхъ другихъ орденовъ, то и должны обучаться первые въ семинаріяхъ, а послѣдніе въ монастыряхъ; свѣтское же юношество, вмѣсто іезуитскихъ коллегій, будетъ образоваться въ училищахъ, зависящихъ отъ университетовъ, и въ самыхъ университетахъ. Начальство народнаго просвѣщенія приложитъ стараніе, чтобы, при нынѣшней перемѣнѣ, ежели нужно, учреждены были въ бѣлорусскихъ губерніяхъ вновь училища для свѣтскаго юношества.

3) Къ приходамъ, гдѣ исправленіе требъ поручено было іезуитамъ и гдѣ нужно знаніе польскаго языка, опредѣлить, по назначенію епархіальнаго начальства, священниковъ бѣлаго или монашествующаго духовенства изъ ближайшихъ мѣстъ. Въ тѣ же приходы, въ коихъ находятся жители, не разумѣющіе ни польскаго, ни русскаго языка, отправить бѣльцовъ, или монаховъ, знающихъ языки прихожанъ. Но не прежде удалить іезуитовъ отъ приходовъ, какъ по прибытіи на ихъ мѣста другихъ священнослужителей. Епархіальное начальство, посредствомъ благочинныхъ или декановъ, будетъ пещись, чтобы въ богослуженіи и въ исправленіи мірскихъ требъ не было ни малѣйшей остановки.

4) Такъ какъ признается нужнымъ выслать іезуитовъ изъ губерній витебской и могилевской прежде прочихъ, то тѣхъ изъ нихъ, которые не имѣютъ на своей отвѣтственности движимыхъ и недвижимыхъ имѣній, отправить за границу немедленно; тѣхъ же, въ непосредственномъ вѣдѣніи коихъ находится что-либо принадлежащее обществу, отправить по отобраніи сего имущества.

5) Всѣ наличныя деньги, документы, церковную утварь и прочее движимое и недвижимое имѣніе общества іезуитскаго, принять немедленно мѣстнымъ деканамъ или духовнымъ визитаторамъ и депутатамъ съ городничими, земскими исправниками и стряпчими за подписаніемъ описей сдатчиками и пріемщиками.

6) Для пріема по описямъ библіотекъ, инструментовъ и прочихъ учебныхъ пособій въ училищахъ, содержимыхъ на счетъ іезуитскихъ доходовъ, отрядить къ вышеозначеннымъ лицамъ чиновниковъ изъ училищнаго вѣдомства.

7) Наличныя деньги, какія отобраны будутъ отъ іезуитовъ,

отдать въ приказы общественнаго призрѣнія для приращенія процентами; а вещи, за исключеніемъ нужныхъ къ употребленію, запереть въ приличныхъ мѣстахъ и запечатать печатьми сдатчиковъ и пріемщиковъ. Однѣ описи движимымъ и недвижимымъ имѣніямъ доставить въ казенныя палаты, а другія въ министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

8) Недвижимыя имѣнія съ крестьянами, по инвентарямъ или описямъ, поручить вѣдѣнію казенныхъ палатъ, которыя, приведя въ извѣстность доходы, будутъ наблюдать за цѣлостію оныхъ, за порядочнымъ управленіемъ и за благосостояніемъ крестьянъ; но не причисляя ихъ къ казеннымъ, почитать особою статьею для римско-католическаго духовенства и богоугодныхъ предметовъ, донося министерству духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія по третямъ года объ управленіи сихъ имѣній.

9) Потребныя на высылку іезуитовъ и на отправленіе къ приходамъ другихъ священниковъ деньги отпускать изъ губернскихъ экстраординарныхъ суммъ; сколько жъ оныхъ будетъ выдано, гражданскіе губернаторы имѣютъ донести министерству духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія для пополненія изъ доходовъ іезуитскихъ имѣній.

10) На гражданскихъ губернаторовъ возложить наблюденіе, чтобы сдача и пріемъ іезуитскихъ имуществъ, а также и высылка іезуитовъ, происходили безъ всякой остановки. Кто именно, когда и чрезъ какія мѣста будетъ отправленъ и выѣдетъ за границу, губернаторы мѣстныхъ и пограничныхъ губерній обязываются доносить министерствамъ: духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ.

11) Но если бы члены іезуитскаго общества изъ уроженцевъ присоединенныхъ къ Россіи губерній, не принявшіе еще никакихъ священныхъ степеней и находящіеся въ искусѣ, пожелали вытти изъ сего ордена, то имъ не возбранять остаться въ Россіи, возвратиться къ своимъ семействамъ и въ первобытное свое состояніе, или вступить въ другой монашескій орденъ. Равномѣрно и тѣ изъ іезуитовъ, кои совершили всѣ обѣты своего ордена и приняли уже какія-либо священныя званія, могутъ, если пожелаютъ, испросить отъ римскаго престола разрѣшеніе на вступленіе въ

другой орденъ или въ бѣлое духовенство; но таковые должны нынѣ же письменно объявить, что они рѣшились оставить іезуитское общество и перейти въ какой-либо другой монашескій орденъ или въ бѣлое духовенство; сіи отзывы ихъ имѣютъ быть немедленно представлены правительству для домогательства о томъ у римскаго двора. Но, будучи въ предѣлахъ Россіи, они не должны болѣе называться іезуитами, и лишаются всѣхъ привилегій сего ордена.

Если ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО соизволите утвердить сіи предположенія, то не благоугодно ли будетъ высочайше повелѣть управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, министру финансовъ и мнѣ, каждому по своей части, приступить немедленно къ исполненію всѣхъ сихъ статей.

Такимъ образомъ прекратится въ Россіи существованіе іезуитскаго общества, непокорнаго государственнымъ узаконеніямъ и властямъ, коимъ оно долженствовало повиноваться, по ученію св. апостола Павла, *не токмо за страхъ, но и за совѣсть*; удалены будутъ изъ Россіи люди, не имѣющіе истиннаго просвѣщенія, низпосылаемаго свыше,—люди, не внемлющіе наставленію св. апостола Іакова, коего словами папа Климентъ XIV заключилъ буллу объ уничтоженіи іезуитскаго общества: „Кто премудръ и худогъ въ васъ, да покажетъ отъ добраго житія дѣла своя въ кротости и премудрости. Аще же зависть горьку имате и рвеніе въ сердцахъ вашихъ, не хвалитеся ни лжите на истину. Нѣсть сіе премудрость свыше нисходяща, но земна, душевна, бѣсовска; идѣ же бо зависть и рвеніе, ту нестроеніе и всяка зла вещь. А яже свыше премудрость, первѣе убо чиста есть, потомъ же мирна, кротка, благопокорлива, исполнь милости и плодовъ благихъ, не сумнѣнна и не лицемѣрна. Плодъ же правды въ мирѣ сѣется творящимъ миръ“.

Подлинный подписалъ: *Князь Александръ Голицынъ.*

ПРИЛОЖЕНІЕ 16-е.

ВЫСОКОПРЕПОДОБНОМУ ОТЦУ ДЕКАНУ.

Господинъ министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князь Александръ Николаевичъ Голицынъ сообщилъ мнѣ докладъ свой государю императору, въ 13 день сего марта высочайше его императорскимъ величествомъ утвержденный, на основаніи котораго предписываю вамъ:

1) Іезуитовъ, опредѣленныхъ приходскими настоятелями въ деканатѣ вашемъ, удалить отъ исправленія требъ.

2) Къ приходамъ, гдѣ исправленіе требъ (cura animarum) поручено было іезуитамъ, опредѣлить, по усмотрѣнію вашему, бѣльцовъ, только бы изъ сихъ послѣднихъ не былъ кто при какой церкви одинъ приходскимъ настоятелемъ.

3) Въ случаѣ недостатка бѣльцовъ, избрать вамъ іеромонаховъ изъ ближайшихъ монастырей, токмо не суперіора, не управляющаго приходомъ, къ монастырю принадлежащимъ, и не профессора. По предъявленіи сего предписанія начальникъ монастыря ни мало не долженъ останавливаться въ отправленіи избраннаго вами іеромонаха безъ предписанія провинціала: ибо на сіе послѣдовала высочайшая воля: путевыя издержки, для отправляемыхъ къ приходамъ бѣлыхъ священниковъ и іеромонаховъ, назначены изъ губернскихъ экстраординарныхъ суммъ; но если бы, по скорому отправленію сихъ священниковъ, даны были имъ деньги на путевыя надобности изъ церковныхъ или монастырскихъ, то оныя будутъ возращены изъ помянутыхъ экстраординарныхъ суммъ. Провинціаламъ же впослѣдствіи времени дано будетъ знать объ отправленіи іеромонаховъ.

4) Если при всевозможномъ стараніи не найдете вы въ своемъ

деканатѣ священниковъ изъ бѣльцовъ или монаховъ, для отправленія къ приходамъ, занимаемымъ іезуитами, то вы имѣете снестись со смежнымъ деканомъ, и таковый деканъ долженъ удовлетворить ваше требованіе подъ отвѣтственностію за неисполненіе.

5) Іезуиты не прежде должны быть удаляемы отъ приходовъ, какъ по прибытіи другихъ священниковъ для замѣщенія ихъ.

6) Всѣ наличныя деньги, документы, церковную утварь, движимое и недвижимое имѣніе общества іезуитскаго по вашему деканату, должны вы съ визитаторомъ или депутатомъ духовнымъ, съ городничимъ или земскимъ исправникомъ и стряпчимъ принять отъ іезуитовъ немедлленно, за подписаніемъ описей сдатчиками и пріемщиками. Въ описяхъ должно быть означено достоинство каждой вещи, какъ то: золото и серебро какого вѣса и какой пробы, драгоцѣнные камни какого качества и какой величины, и тому подобное, такимъ образомъ, чтобы каждой вещи показано было отличительное ея свойство и она не могла бы замѣнена быть другою. Наличныя деньги должны быть отданы въ приказъ общественнаго призрѣнія, а вещи, за исключеніемъ нужныхъ къ употребленію, заперты въ приличныхъ мѣстахъ и запечатаны. Недвижимыя жъ (т. е. земскія) имѣнія съ крестьянами по инвентарямъ поступятъ въ вѣдѣніе казенныхъ палатъ для римско-католическаго духовенства и богоугодныхъ предметовъ. О чемъ и по гражданскому вѣдомству сдѣлано будетъ предписаніе.

7) Если бы іезуитскаго общества изъ находящихся въ вашемъ деканатѣ уроженцевъ присоединенныхъ къ Россіи губерній, не принявшіе еще никакихъ священныхъ степеней и пребывающіе на искусѣ, пожелали вытти изъ сего ордена, то они могутъ остаться въ Россіи, возвратиться къ своимъ семействамъ и въ первобытное свое состояніе, или вступить въ другой монашескій орденъ. Равномѣрно и тѣ изъ іезуитовъ, кои совершили всѣ обѣты своего ордена и приняли уже священныя званія, могутъ, если пожелаютъ, испросить отъ апостольскаго престола разрѣшеніе на вступленіе въ другой орденъ или бѣлое духовенство; но таковые должны нынѣ же письменно объявить, что они рѣшились оставить іезуитское общество и перейти въ какой-либо другой монашескій орденъ

или въ бѣлое духовенство. Отобравъ отъ нихъ письменные о томъ отзывы, имѣете вы немедленно препроводить оные къ г. гражданскому губернатору для представленія правительству.

8) Нужное содержаніе какъ для вновь опредѣляемыхъ священниковъ, такъ и для тѣхъ іезуитовъ, кои пожелаютъ остаться въ Россіи, пока сіи послѣдніе будутъ размѣщены, имѣете вы назначить изъ іезуитскихъ доходовъ, и что будетъ назначено, о томъ донести казенной палатѣ и мнѣ.

9) По всѣмъ предметамъ сего дѣла должны вы сноситься съ мѣстнымъ гражданскимъ начальствомъ безъ упущенія и доносить мнѣ объ успѣхѣ исполненія, равно какъ и о всякихъ, встрѣтиться могущихъ, обстоятельствахъ.

С.-Петебургъ. 16 марта 1820 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ 17-е.

СПИСОКЪ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКИХЪ ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ И ВИКАРНЫХЪ (СУФФРАГАНОВЪ) ЕПИСКОПОВЪ ВЪ РОССІИ, ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

I. ВЪ МОГИЛЕВСКОЙ ЕПАРХІИ:

епископъ епархіальный

Митрополитъ Сестренцевичъ, назначенъ въ 1798 году, умеръ въ декабрѣ 1826 года.

епископы суффраганы:

1) *могилевскіе*: Мождзеневскій, посвященъ въ 1815 г., умеръ 5 апрѣля 1819 г.—Іоахимъ Грабовскій, въ духовномъ званіи съ 1775, каноникомъ съ 1793, прелатомъ съ 1802, предсѣдателемъ могилевской консисторіи съ 1819, суффраганомъ съ 19 іюля 1825 г.; умеръ въ 1829 году, въ должности администратора могилевской епархіи, 73-хъ лѣтъ отъ роду.

2) *полоцкіе*: Бениславскій, назначенъ въ 1782, посвященъ въ 1784 г. — Одынецъ, умеръ въ 1811 г. — Матвѣй Липскій, былъ прежде въ уніатскомъ базиліанскомъ орденѣ, откуда уволенъ въ латынскій обрядъ; священникомъ съ 1789, каноникомъ съ 1811, прелатомъ съ 1816 г.; былъ засѣдателемъ въ римско-католической коллегіи и нѣсколько лѣтъ секретаремъ при митрополитѣ Сестренцевичѣ; назначенъ суффраганомъ въ 1817, посвященъ въ 1824 г. въ Вильнѣ; умеръ 21 ноября 1839 г., на минской каѳедрѣ, 72-хъ лѣтъ отъ роду.

3) *кіевскій*: Валеріанъ Каміонка, былъ прежде въ доминиканскомъ орденѣ, по увольненіи же изъ онаго въ бѣлое духовенство,

поставленъ священникомъ въ 1789, канoникомъ въ 1804, прелатомъ въ 1812 г.; назначенъ суффраганомъ въ 1808, а посвященъ въ 1817 г.; до суффраганства былъ 13 лѣтъ секретаремъ при митрополитѣ и 3 года засѣдателемъ въ римско-католической коллегіи; въ 1833 г. назначенъ былъ администраторомъ могилевской епархіи; умеръ 26 августа 1840 г., 77-ми лѣтъ отъ роду.

II. въ виленской епархіи:

епископы епархіальные:

Іоаннъ Коссаковскій.—Стройновскій, администраторъ, умеръ въ 1815 г.—16 мая 1816 г. эта епархія была ввѣрена митрополиту Сестренцевичу, который управлялъ ею до своей смерти.

епископы суффраганы:

1) *виленскій*: князь Пузына, съ 1814 г.; умеръ 22 октября 1819 г.

2) *трокскій*: Ѳаддей Кундзичь; находился въ іезуитскомъ орденѣ съ 1762 по 1773 годъ, когда сей орденъ уничтоженъ въ Польшѣ; послѣ того вступилъ въ бѣлое духовенство, и былъ производимъ: каноникомъ въ 1810, суффраганомъ въ 1815, посвященъ въ 1817 г.; умеръ въ царствованіе императора Николая.

3) *брестскій*: Клокоцкій, умеръ въ 1822 г.

4) *курляндскій:* Адамъ Коссаковскій; находился по 1773 годъ въ іезуитскомъ орденѣ; по уничтоженіи же онаго перешелъ въ бѣлое духовенство; назначенъ суффраганомъ въ 1793, посвященъ въ 1798 г.; умеръ въ царствованіе императора Николая.

III. въ луцкой епархіи:

епископъ епархіальный

Каспаръ Цѣцишевскій, епископомъ поставленъ въ 1798 г., умеръ 16 апрѣля 1831 г. въ санѣ митрополита.—Еще при жизни его и по его желанію, назначенъ былъ къ нему коадъюторомъ *cum futura successione* луцкій прелатъ Пивницкій, который произведенъ въ епископа въ 1826 г.; умеръ внезапно 29 мая 1845 г. на луцкой каѳедрѣ.

епископы суффраганы:

1) *луцкій*: Качковскій, умеръ въ 1817 г. — Канты-Бозыдаръ Подгороденскій, назначенъ въ 1817 г., умеръ 4 декабря 1832 г., 92-хъ лѣтъ отъ роду. Онъ былъ другъ епископа Цѣцишевскаго.

2) *житомірскій*: Лабунскій, каноникъ виленскій; каноникомъ назначенъ императрицею Екатериною въ 1796 г.; съ 1813 по 1816 г. былъ членомъ коллегіи; въ 1817 г. назначенъ суффраганомъ, но римскій дворъ рѣшительно отказалъ въ посвященіи его въ епископскій санъ; умеръ отъ холеры 25 іюня 1831 г. въ С.-Петербургѣ.

IV. въ каменецкой епархіи:

епископы епархіальные:

Дембовскій. — Мацкевичъ, суффраганъ, назначенъ въ 1809, утвержденъ въ 1814 г.; умеръ 15 января 1842 г.—16 августа 1825 г. прелатъ Павловскій былъ назначенъ его коадъюторомъ, но безъ права преемства этой каѳедры; въ 1839 г. онъ былъ наименованъ митрополитомъ; умеръ 20 іюня 1842 г.

епископъ суффраганъ:

каноникъ Мацкевичъ, назначенъ суффраганомъ 1 мая 1808 г.; въ 1809 г. сдѣлался епархіальнымъ епископомъ.

V. въ самогитской епархіи:

епископъ епархіальный:

князь Іосифъ Гедройцъ, назначенъ въ 1798 г.; умеръ 5 іюля 1838 г., 87-ми лѣтъ отъ роду.

епископы суффраганы:

князь Игнатій Гедройцъ, назначенъ въ 1805 г.; умеръ 11 мая 1829 г. въ С.-Петербургѣ.—Князь Симеонъ Гедроцъ (?).

VI. въ минской епархіи:

епископы епархіальные:

Дедерко, посвященъ въ 1798 г.; отрѣшенъ 16 мая 1816 г.; умеръ 13 февраля 1829 г.

прелатъ Познякъ, назначенъ администраторомъ въ 1816 г.; умеръ въ 1823 г.

прелатъ Каминскій, назначенъ администраторомъ 9 августа 1825 г.; умеръ въ 1827 г.

епископъ суффраганъ:

каноникъ Маскле, назначенъ 13 октября 1808 г.; умеръ 14 марта 1818 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ 18-е.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ КАНОНИЧЕСКАГО ПРАВА И ВЫСОЧАЙШИХЪ УКАЗОВЪ О ПРАВАХЪ КТИТОРСТВА.

Institutiones canonicaė Remigii Mashat a S. Erasmo, etc. (liber III, titulus XXXVIII, *De jure patronatus*).

Nota 1.—Jus patronatus in jure civili accipi pro eo jure, quod habet dominus in servum manu-missum: titulo de jure patronatus. At in praesenti, jus patronatus est potestas praesentandi clericum instituendum ad beneficium vacans. Et hoc jus est spirituale, non quidem formaliter, sed connexive: quia antecedenter annexum est officio spirituali, ad quod clericus praesentatur. Licet autem per prima quinque saecula nihil legatur de isto jure; tamen deinde, ut ecclesia alliceret benefactores ad fundanda templa et beneficia generaliter eis concessit hoc jus patronatus, et ad illud licet spirituale sit, laicos habilitavit.

Nota 2.—Jus patronatus dividi: 1-o in *laicale*, quod alicui competit ex titulo patrimonii profani, sive illud habeat persona laica, sive ecclesiastica. *Ecclesiasticum*, quod alicui competit ex titulo spirituali v. g. ratione dignitatis aut beneficii. *Mixtum*, quod aliquibus partim ratione Ecclesiae, partim ratione patrimonii profani competit; 2-o dividitur in *personale*, quod personae, et *reale*, quod rei inhaeret; 3-o in *haereditarium*, quod transit in haeredes quoscumque etiam extraneos, et *gentilium* seu *familiare*, quod transit ad posteros ejusdem familiae, qua extincta, extinguitur; 4-o in *activum*, vi cujus patronus praesentat, et *passsivum* seu *patrimoniale*, vi cujus ex certa familia, civitate, aut natione praesentandi sunt.

Quaeritur: I-o,—Quibus modis acquiritur jus patronatus?

Respondetur 1.—Tribus modis seu titulis. *Fundatione*, dum quis dat fundum pro aedificanda ecclesia; *aedificatione* seu *constructione*, dum quis suis sumptibus aedificat ecclesiam; et *dotatione*, dum quis vel ex integro dotat ecclesiam, vel ex majori parte, puta, assignando redditus annuos pro alendis ministris et necessitatibus ecclesiae.

Respondetur 2.—Ad acquirendum jus patronatus sufficit unum ex tribus praestare: vel fundare, vel extruere, vel dotare.

Quaestio IV.—Quae sunt jura et onera patroni?

Respondetur.—Tria praecipua: 1-o *honor*, qui consistit in sede digniori ecclesiae; 2-o *utilitas*, seu jus alimentorum in casu, quo patronus ad inopiam redigeretur, dummodo ecclesia habeat aliqua superflua, et patronus probet suam egestatem, ob quam se et suam familiam competenter sustentare non possit; 3-o *praesentatio* seu oblatio clerici idonei facienda superiori instituenti ad vacans beneficium.

Quaestio V.—Quid juris circa actum praesentationis?

Respondetur 1.—In beneficio patronato clericus valide instrui nequit sine praevia patroni praesentatione; talis institutio dicitur irritanda, seu irrita declaranda, nisi patronus, in cujus gratiam irritatur, suo consensu eum comprobaret.

Respondetur 2.—Praesentatio facienda est intra tempus legitimum, secus potestas providendi devolvitur ad episcopum pro hac vice nisi causa impedimenti obstaret, vel episcopus ex gratia praesentationem admittat. Tempus praesentationi praefixum pro patrono ecclesiastico est semestre seu sex menses, et pro laico quatuor menses.

Respondetur 3.—Praesentandus debet esse clericus dignus, seu instructus qualitatibus in praeficiendo requisitis (de quibus liber I, titulus 14) et juxta ibi dicta, patronus in conscientia, saltem ad beneficium curatum tenetur praesentare digniorem.

Въ высочайше утвержденныхъ 11 декабря 1800 года пунктахъ „объ управленіи римско-католическаго духовенства въ Россіи“ сказано: *пунктъ 21*: „Епархіальные архіереи, по предписанію тридентинскаго собора, не должны нарушать права, упо-

требляемаго въ святой Церкви отъ пятаго вѣка христіанства, и лишать ктиторовъ въ разсужденіи одобренія ими особъ къ полученію приходовъ въ ктиторскихъ владѣніяхъ, отвергая рекомендуемыхъ ими достойныхъ къ тому духовныхъ; ибо тогда въ духовномъ правленіи все идетъ порядочно, когда дѣлается по правамъ и законамъ“ (1).

Въ высочайше утвержденномъ 13 ноября 1801 года докладѣ сената „о возстановленіи духовнаго и церковнаго правительствъ римско-католическаго закона въ Россіи“, въ пунктѣ 6-мъ, между прочимъ, сказано: „не нарушать и не лишать принадлежащаго права ктиторовъ въ одобреніи ими достойныхъ духовныхъ особъ къ полученію приходовъ въ ктиторскихъ владѣніяхъ“ (2).

(1) Полн. собр. зак. т. XXVI, № 19684.
(2) Тамъ же, № 20053.

ПРИЛОЖЕНІЕ 19-е.

О МОНАШЕСКИХЪ ОРДЕНАХЪ ВИЛЕНСКОЙ ЕПАРХІИ.

1. БЕНЕДИКТИНЫ.

Они вызваны были въ Литву въ 1410 г. в. княземъ литовскимъ Витольдомъ изъ Тынеца въ *Старые-Троки*.

2. ЦИСТЕРЗЫ

имѣли одинъ монастырь въ *Вистычѣ*, гродненской губ. брестскаго уѣзда, построенный въ 1678 г., во имя св. Софіи, брестскимъ подкоморіемъ Евстаѳіемъ Тышкевичемъ.

3. КАРТУЗЫ

также имѣли только одинъ монастырь въ *Березѣ*, основанный въ 1650 г., во имя св. Іосифа и Казиміра, Львомъ Казиміромъ Сапѣгою.

4. КАМАЛДУЛЫ

основались въ *Пожайскѣ*, ковенскаго уѣзда: монастырь этотъ, въ честь Богоматери, выстроенъ въ 1662 г. Христофоромъ Пацомъ, канцлеромъ в. княжества литовскаго.

5. МИССІОНЕРЫ:

а) въ *Вильнѣ:* заложенъ въ 1695 г. Ѳеофиломъ Платеромъ.

б) въ *Лысковѣ* (гроденской губ. волковыскаго уѣзда). Сюда миссіонеры пришли въ 1753 г.; ихъ было 7 человѣкъ.

в) въ *Смолинскѣ* (виленской губ. ошмянскаго уѣзда). Здѣсь основались миссіонеры въ 1808 г.

г) въ *Глинцишкахъ* (виленскаго уѣзда). Тутъ они появились въ 1810 г.

6. бонифратры:

а) въ *Вильнѣ*. Вызваны были сюда въ 1635 г. виленскимъ епископомъ Авраамомъ Войною.

б) въ *Высокомъ-Литовскѣ*. Монастырь заложилъ для нихъ въ 1785 г. князь Александръ Сапѣга, канцлеръ в. княжества литовскаго.

в) въ *Новогрудкѣ:* основанъ ихъ монастырь въ 1649 г. княземъ Казиміромъ Львомъ Сапѣгою, подканцлеромъ в. княжества литовскаго.

г) въ *Гроднѣ:* призваны были въ 1729 г. виленскимъ епископомъ Петромъ Панцержицкимъ.

7. рохиты.

Орденъ рохитовъ основанъ въ 1713 г. виленскимъ епископомъ Константиномъ Бржостовскимъ. Этотъ епископъ поручилъ ихъ надзору устроенный имъ при виленской каѳедрѣ госпиталь и назвалъ „братьями милосердія св. Роха", потому что госпитальная церковь была во имя этого святаго. Онъ же написалъ и статутъ ордену, существенно отличавшійся отъ другихъ тѣмъ, что рохиты непосредственно были подчинены епископу, предъ нимъ произносили торжественные обѣты, но только простые (simplicia vota), и что епископъ сохранялъ за собою право увольнять отъ обѣтовъ.

Рохитскіе монастыри были:

а) въ *Минскѣ*: заложенъ въ 1752 г. виленскимъ прелатомъ Стацевичемъ и братьями Шишками.

б) въ *Ковнѣ*, при церкви св. Гертруды; не извѣстно, когда и кѣмъ основанъ.

8. каноники отъ покаянія:

а) въ *Вильнѣ*, основанъ въ 1647 г., б) въ *Тверечѣ*, в) въ *Понемуняхъ*, г) въ *Мѣдникахъ*, д) въ *Михалишкахъ*.

9. піары:

а) въ *Вильнѣ*. Вызваны были въ 1722 г. виленскимъ епископомъ Константиномъ Бржостовскимъ. Здѣсь они имѣли свою типографію.

б) въ *Снипишкахъ*, гдѣ піары замѣнили іезуитовъ въ 1775 году.

в) въ *Вилькомірѣ*.

г) въ *Поневижѣ* съ 1728 г.

д) въ *Лидѣ* основаны въ 1756 г. Игнатіемъ Сципіономъ и Стацевичемъ.

е) въ *Щучинѣ-Литовскомъ* (виленской губ. лидскаго уѣзда) имѣли съ 1726 г. монастырь, во имя великомученика Георгія.

10. тринитары:

а) въ *Тринополѣ*, предмѣстіи Вильны, основанъ въ 1695 г. епископомъ Бржостовскимъ.

б) въ *Брестъ-Литовскѣ*, заложенъ въ 1727 г. Радзивилломъ и Оземблоовскимъ.

в) въ *Молодечнѣ*,—Огинскимъ въ 1758 г.

г) въ *Крывичахъ*,—Укульскимъ въ 1772 г.

д) въ *Яновѣ*.

е) въ *Вильнѣ*, на Антоколѣ, заложенъ въ 1693 г. Іоанномъ Казиміромъ Сапѣгою, воеводою виленскимъ, гетманомъ в. княжества литовскаго.

Въ склепѣ этого монастыря похороненъ въ 1734 г. сынъ фундатора, князь Александръ Сапѣга. На гробовой доскѣ описаны его достоинства и заслуги, въ томъ числѣ слѣдующія:

„Officio Mareschalli supremi M. D. Lit. pari prudentia ac justitia functus est ministerii hujus authoritate consilium: ut haeretici ab officiis publicis arcerentur, fulciens, sectarium, pertinaciter se nuncium verditantem ex Senatu ejecit, flementibus cum fautoribus acatholicis inde ab episcopali collegio ipsi publice gratiae actae sunt“.

11. каноники латеранскіе:

а) въ *Кременцѣ* (гродненской губ. волковыскаго уѣзда), заложенъ въ 1617 году, въ честь Божьяго тѣла, Николаемъ Вольскимъ.

б) въ *Слонимѣ* тоже въ честь Божьяго тѣла, основанъ въ 1650 г. Іоанномъ Станиславомъ Сапѣгою.

в) въ *Вильнѣ*, во имя св. Петра, заложенъ въ 1668 г. вилен-

скимъ епископомъ Александромъ Сапѣгою на средства, данныя Михаиломъ Казиміромъ Пацомъ, гетманомъ в. княжества литовскаго, воеводою виленскимъ; оконченъ въ 1675 г.

12 бернардины 13. доминикане 14. кармелиты древнихъ правилъ	общія вѣдомости по всѣмъ епархіямъ см. въ слѣдующихъ приложеніяхъ.

Изложенныя здѣсь свѣдѣнія о латынскихъ монашескихъ орденахъ заимствованы изъ сочиненія графа Евстаѳія Тышкевича, изданнаго въ 1858 г. въ Вильнѣ подъ заглавіемъ: «Wiadomość historyczna o zgromadzeniach i fundacyach męzkich i żeńskich rzymsko-katolickich klasztórow w dyecezyi wileńskiej».

ПРИЛОЖЕНІЕ 20-е.

СПИСОКЪ МОНАСТЫРЯМЪ ДОМИНИКАНСКАГО ОРДЕНА ВЪ ЛИТОВСКОЙ И РУССКОЙ ПРОВИНЦІЯХЪ, ИМѢВШИМЪ ФУНДУШИ. (составленъ въ 1824 г.).

I. ВЪ ЛИТОВСКОЙ ПРОВИНЦІИ:

а) въ губерніи виленской:

Виленскаго уѣзда:

1. *Виленскій Св. Духа,* основанъ в. к. литовскимъ Александромъ въ 1501 году въ приходской церкви Св. Духа.—Въ 1818 г. въ немъ было 25 монаховъ и 10 клириковъ.

2. *Лукишскій*, въ предмѣстіи Вильны, надъ рѣкою Виліею, основанъ въ 1642 г. Георгіемъ Хрептовичемъ, кастеляномъ смоленскимъ, во имя св. Филиппа и Якова. Монастырь этотъ славился чудотворнымъ образомъ Богоматери, увезеннымъ изъ Москвы Гонсѣвскимъ; чудотворнымъ онъ былъ признанъ виленскимъ спискомъ Константиномъ Бржостовскимъ.—Въ 1818 г. въ этомъ монастырѣ было 3 монаха.

3. *Веркскій*, вблизи Вильны; церковь этого монастыря, во имя обрѣтенія честнаго креста, освящена въ 1772 г.

4. *Островецкій*, заложенъ деревянный въ 1618 году Николаемъ и Еленою Корсаками, во имя св. муч. Козьмы и Демьяна; выстроенъ каменный въ 1785 году.—Въ 1818 году въ немъ было 5 монаховъ.

5. *Шумскій*, оконченъ въ 1789 году; церковъ во имя св. архистратига Михаила; фундушъ данъ въ 1697 году Михаиломъ Шумскимъ, подстоліемъ виленскимъ.

Трокскаго уѣзда:

6. *Мերечскій,* основанъ, въ честь св. Казиміра, Христофо-

ромъ Стефановичемъ въ 1605 г.—Въ 1818 году въ немъ было 5 монаховъ.

7. *Высокодворскій,* основанъ въ честь св. Доминика Иваномъ Ласкимъ въ 1529 г.—Въ 1818 г. въ немъ было 4 монаха.

8. *Трокскій*, выстроенъ въ 1733 году, во имя св. Михаила.

9. *Попоруцкій*, во имя св. Станислава, заложенъ въ 1649 г. Станиславомъ Бейнартомъ. Съ давняго времени здѣсь былъ новиціатъ.—Въ 1818 г. въ немъ было 8 монаховъ и 20 клириковъ.

Ошмянскаго уѣзда:

10. *Ошмянскій*, во имя Св. Троицы, основанъ въ 1667 году Почебутомъ.

Вилькомірскаго уѣзда:

11. *Полавенскій*, во имя св. Михаила, основанъ въ 1674 г. Почебутомъ.—Въ 1818 г. было въ немъ 7 монаховъ.

12. *Скописскскій*, заложенъ инфинляндскимъ епископмъ Іосифомъ Пузыною въ 1752 г.,—годъ его смерти.—Въ 1818 г. было въ немъ 5 монаховъ.

Тельшевскаго уѣзда:

13. *Кальварійскій*, во имя св. Богородцы, основанъ въ 1642 г. жмудскимъ епископомъ Георгіемъ Тышкевичемъ. Монастырь этотъ называютъ „святая кальварія жмудская".—Въ 1818 г. въ немъ было 9 монаховъ и 1 клирикъ.

Ковенскаго уѣзда:

14. *Ковенскій*, во имя Св. Троицы, построенный въ 1621 г. Александромъ Массальскимъ, маршалкомъ ковенскимъ.—Въ 1818 г. въ немъ было 4 монаха.

Россіенскаго уѣзда:

15. *Россіенскій*, обращенный изъ приходской церкви во имя Богоматери, жмудскимъ епископомъ Георгіемъ Тышкевичемъ въ 1642 году. — Въ 1818 г. въ немъ было 7 монаховъ и 10 клириковъ.

б) въ губерніи гродненской:

Гродненскаго уѣзда:

16. *Гродненскій*, заложенный въ 1632 г. Фридрихомъ Сапѣ-

гою, подкоморіемъ витебскимъ. Здѣсь доминикане содержали обширную школу, въ родѣ гимназіи, и имѣли значительную библіотеку.—Въ 1818 г. было въ немъ 24 монаха.

Слонимскаго уѣзда:

17. *Деречинскій*, во имя св. Богоматери, заложенный въ 1618 году Константиномъ Полубинскимъ.—Въ 1818 г. въ немъ было 18 монаховъ.

18. *Слонимскій*, во имя св. Михаила, заложенный въ 1680 г. Христофоромъ Покоршевскимъ.—Въ 1818 году въ немъ было 3 монаха.

Лидскаго уѣзда:

19. *Іельненскій*, заложенный въ 1667 г. двумя вдовами — Одаховскою и Пшеславскою.—Въ 1818 году въ немъ было 5 монаховъ.

20. *Василишскій*, во имя св. Іоанна крестителя, заложенный въ 1658 году.

Волковыскаго уѣзда:

21. *Конюховскій*, основанный въ 1735 г. Иваномъ Сципіономъ, кастеляномъ смоленскимъ.—Собственно былъ не монастырь, а резиденція.

Новогрудскаго уѣзда:

22. *Новогрудскій*, заложенный въ 1624 году Христофоромъ Ходкевичемъ, конюшимъ в. к. литовскаго. По уничтоженіи іезуитскаго ордена доминикане содержали здѣсь шестиклассное училище, въ которомъ съ 1808 по 1816 г. воспитывался Адамъ Мицкевичъ.

23. *Полонскій*, во имя св. Богоматери, заложенный въ 1680 году Стефаномъ Бржухаинскимъ, судьею слонимскимъ.

24. *Валувскій*, во имя Св. Троицы, основанный въ 1685 г. бресткимъ воеводою Степаномъ Курчемъ въ имѣніи его Валувкѣ.—Резиденція.

в) въ бѣлостокской области:

Бѣлостокскаго уѣзда:

25. *Хорощанскій*, построенный въ 1654 г. Николаемъ Степаномъ Пацомъ, воеводою трокскимъ, во имя св. Іоанна крестителя и мученика Степана.

Сокольскаго уѣзда:

26. ***Климовскій***, заложенный въ 1686 году Адамомъ Яскольдомъ, во имя св. Михаила.—Въ 1818 году было въ немъ 3 монаха.

27. ***Рожаныстокскій***, заложенный въ 1661 г., во имя св. Богородицы, Феликсомъ Тышкевичемъ, хорунжимъ дерптскимъ. Въ церкви монастыря устроено 12 каплицъ. — Въ 1818 г. въ этомъ монастырѣ было 5 монаховъ.

г) въ минской губерніи:

Борисовскаго уѣзда:

28. ***Холопеницкій***, заложенный въ 1703 г., во умя св. Доминика, Мартиномъ Халецкимъ. Здѣсь доминикане содержали трехклассное училище.

Дисненскаго уѣзда:

29. ***Друйскій***, у берега Двины, заложенный въ 1697 году Петромъ Казиміромъ Кочановскимъ, подчашимъ брацлавскимъ, во имя св. Богоматери.

Вилейскаго уѣзда:

30. ***Дуниловицкій***, на трактѣ изъ Вильны въ Полоцкъ, заложенный въ 1683 г. Елизаветою Бялозоръ, во имя Св. Троицы.—Въ 1818 г. было въ немъ 5 монаховъ.

Слуцкаго уѣзда:

31. ***Несвижскій***, заложенный въ 1672 г. Василіемъ Бакановскимъ, подстоліемъ смоленскимъ, во имя св. Іоанна крестителя.—Въ 1818 г. въ немъ было 7 монаховъ и 2 клирика.

д) въ витебской губерніи:

Витебскаго уѣзда:

32. ***Витебскій***, во имя св. Михаила. О времени основанія его съ точностію неизвѣстно.—Въ 1818 г. въ немъ было 4 монаха.

33. ***Забяльскій***, построенный въ 1716 г. Георгіемъ Щитомъ во имя св. Георгія. Здѣсь доминикане содержали гимназію и ду-

ховное училище.—Въ 1818 г. въ этомъ монастырѣ было 15 монаховъ и 24 клирика.

Динабургскаго уѣзда:

34. *Аглонскій*, выстроенный въ 1700 г. Устиньею Шостовицкою, во имя Богоматери.—Въ 1818 году въ немъ было 5 монаховъ.

35. *Рушонскій*, заложенный въ 1766 г. Евою Селицкою, во имя Св. Троицы и св. Михаила.—Резиденція.

Полоцкаго уѣзда:

36. *Полоцкій*, во имя святаго Доминика, заложенъ въ 1671 г. Ѳомою Гирскимъ, прелатомъ канторомъ виленскимъ.—Въ 1818 г. въ немъ было 2 монаха.

е) въ могилевской губерніи:

Могилевскаго уѣзда:

37. *Княжицкій*, во имя св. Николая, заложенъ въ 1681 г. Константиномъ Владиславомъ Пацомъ, хорунжимъ в. к. литовскаго.—Въ 1818 г. въ немъ было 5 монаховъ.

Оршанскаго уѣзда:

38. *Оршанскій*, во имя св. ангеловъ хранителей, построенъ въ 1649 г. княземъ Іеронимомъ Друцкимъ-Сокольницкимъ.

Сѣнинскаго уѣзда:

39. *Островнинскій*, заложенный въ 1621 г. Александромъ Сапѣгою.—Въ 1818 г. въ немъ было 3 монаха.

Люцинскаго уѣзда:

40. *Посинскій*, въ мѣстечкѣ Посинѣ, получившемъ это названіе отъ протекающей рѣчки Сини. Во второй половинѣ XVII вѣка пришли сюда доминикане для совращенія православныхъ и дѣйствовали такъ успѣшно, что инфлянтскій епископъ Николай Поплавскій велѣлъ въ 1694 г. отдать имъ посинскую приходскую церковь подъ монастырь.—Въ 1818 г. въ немъ было 7 монаховъ и 7 клириковъ.

Лепельскаго уѣзда:

41. *Ушацкій*, во имя св. Іеронима, выстроенный въ 1716 г. Іеронимомъ Жабою, подвоеводою плоцкимъ.—Въ 1818 г. въ немъ было 5 монаховъ и 1 клирикъ.

II. ВЪ РУССКОЙ ПРОВИНЦІИ:

а) въ могилевской губерніи:

Могилевскаго уѣзда:

42. *Шкловскій*.

43. *Іеловчинскій*.

Копыскаго уѣзда:

44. *Смолянскій*, получившій фундушъ въ 1680 г. отъ княгини Констанціи Сангушки, урожденной Сапѣга. Въ 1729 г. князь Павелъ Сангушко, маршалъ в. к. литовскаго, выстроилъ деревянную церковь, а въ 1734 г. деревянный монастырь.

45. *Дудаковицкій*, заложенный въ 1701 г. Александромъ Обуховскимъ, судью оршанскимъ, „для распространенія хвалы Божіей", ибо, какъ сказано въ ерекціи, „въ бѣлорусскихъ краяхъ много христіанскихъ душъ заражено ересью дизунитскою", т. е. православіемъ.

Сѣннискаго уѣзда:

46. *Бѣлицкій*, на правомъ берегу Нѣмана, заложенъ въ 1669 году княгинею Анною Варварою Сапѣгою.

Лепельскаго уѣзда:

47. *Часникскій*, заложенный въ 1674 г. Сигизмундомъ Адамомъ Слушкою, хорунжимъ в. к. литовскаго.

Чериковскаго уѣзда:

48. *Малятицкій*, во имя Св. Троицы, заложенъ Владиміромъ Каминскимъ въ 1676 г.

Мстиславскаго уѣзда:

49. *Пасковскій*.

б) въ минской губерніи:

Минскаго уѣзда:

50. *Минскій*, заложенъ въ началѣ XVII в. минскимъ дворянствомъ въ благодарность за побѣды надъ русскими, для чего это дворянство сдѣлало между собою сборъ, подъ именемъ копытковаго. Въ настоящее время тутъ помѣщается р. к. семинарія.

51. *Столпецкій*, во имя св. Казиміра, существуетъ съ 1621 года.

52. *Раковскій*, во имя св. Богоматери, заложенъ въ 1686 г. княгинею Констанціею Сангушко, урожденною Сапѣгою.

53. *Заславскій*, во имя св. Михаила, заложенъ въ 1678 году Христиною Глѣбовичь.

Борисовскаго уѣзда:

54. *Хотаевицкій*, во имя св. Варвары, заложенъ въ 1681 г. Варварою Горскою.

55. *Залбинскій*.

Пинскаго уѣзда:

56. *Пинскій*, во имя св. Доминика, заложенъ въ 1666 году Лукреціею Капцѣевою „по тому уваженію", какъ сказано въ ерекціи, „что этотъ край зараженъ ересью и схизмою, и потому въ особенности требуетъ ревностныхъ работниковъ и неутомимыхъ проповѣдниковъ". При этомъ монастырѣ было училище, воспитанники коего упражнялись въ диспутахъ съ іезуитами.

Рѣчицкаго уѣзда:

57. *Рѣчицкій*, заложенный въ 1634 г. Александромъ Слушкою, кастеляномъ минскимъ.

Слуцкаго уѣзда:

58. *Клецкій*, заложенный въ 1683 году княземъ Станиславомъ Казиміромъ Радзивилломъ, маршаломъ в. к. литовскаго.

в) въ гродненской губерніи:

Брестскаго уѣзда:

59. *Брестскій*, во имя св. Софіи, построенъ Магдалиною

Локницкою, перешедшею около 1630 г. изъ кальвинизма въ латынство.

Кобринскаго уѣзда:

60. *Буховичскій*, заложенный въ 1674 г. Казиміромъ Пулавскимъ, писаремъ в. к. литовскаго.

г) въ кіевской губерніи:

Кіевскаго уѣзда:

61. *Бышовскій*, заложенный въ 1647 году Анною Харлинскою.

Сквирскаго уѣзда:

62. *Хозарковскій.*

Радомыслскаго уѣзда:

63. *Чарнобыльскій*, на Припети, заложенъ въ 1626 г. княземъ Лукою Сапѣгою.

д) въ волынской губерніи:

Житомірскаго уѣзда:

64. *Любарскій*, основанъ въ 1634 г. графомъ Станиславомъ Любомірскимъ, воеводою русскимъ.—Тамъ былъ новиціатъ.

Луцкаго уѣзда:

65. *Луцкій*; тутъ поселились доминикане въ концѣ XIV в. для совращенія православныхъ и армянъ.

66. *Чарторижскій.*

Дубенскаго уѣзда:

67. *Яловицкій*, заложенный въ 1658 г. Самуиломъ Изайковскимъ, судьею луцкимъ.

68. *Турговицкій.*

69. *Козинскій*, заложенный въ 1738 году Каэтаномъ Тарновскимъ.

Владимірскаго уѣзда:

70. *Владимірскій*, во имя Св. Троицы, заложенъ въ 1497 г. в. к. литовскимъ Александромъ.

Ковельскаго уѣзда:

71. *Каменнокомирскій.*

Ровенскаго уѣзда:

72. *Невѣрковскій.*

Острогскаго уѣзда:

73. *Лиховицкій.*

Староконстантиновскаго уѣзда:

74. *Староконстантиновскій.*

Овручскаго уѣзда:

75. *Овручскій;* здѣсь доминикане поселились съ 1638 г.

е) въ каменецъ-подольской губерніи:

Каменецкаго уѣзда:

76. *Каменецкій;* сюда пришли доминикане въ концѣ XIV вѣка.

77. *Смотрицкій;*—также.

Ушицкаго уѣзда:

78. *Сокулецкій;* время основанія неизвѣстно.—Резиденція.

79. *Солобковицкій;*—тоже

Летичевскаго уѣзда:

80. *Летичевскій*, заложенъ въ 1606 году.

Проскуровскаго уѣзда:

81. *Шаравецкій*, заложенъ въ 1607 г. Яковомъ Претвичемъ, воеводою подольскимъ.

Могилевскаго уѣзда:

82. *Барскій.* Въ 1606 году Станиславъ Гульскій, воевода русскій, обратилъ барскій приходскій костелъ въ доминиканскій монастырь „для распространенія католицизма въ этихъ странахъ“.

Ямпольскаго уѣзда:

83. *Морахвенскій*, заложенный въ 1627 г. Ядвигою Бельзецкою.

Брацлавскаго уѣзда:

84. *Тульчинскій*, заложенный около 1631 г. Адамомъ Ка-

линовскимъ, старостою брацлавскимъ и винницкимъ. Въ 1648 г. уничтоженъ татарами. Въ слѣдующемъ столѣтіи былъ только резиденціею.

Винницкаго уѣзда:

85. *Тывровскій*, построенъ въ 1742 г. Михаиломъ Каличинскимъ, хорунжимъ брацлавскимъ.

86. *Винницкій*, заложенъ въ 1623 г. Степаномъ Черлинскимъ, стольникомъ брацлавскимъ.

До конца XVI вѣка всѣ доминиканскіе монастыри, находившіеся въ западной Россіи, принадлежали къ провинціи польской. Польскіе провинціалы, сосредоточивая всю свою дѣятельность на мѣстныхъ монастыряхъ, мало заботились объ обителяхъ ордена въ Россіи, которыя посему или совсѣмъ опустѣли, или имѣли отъ одного до трехъ монаховъ, какъ наприм. въ Каменцѣ-Подольскомъ. (*Okolski*, Russia florida, p. 18). Потому, несмотря на сопротивленіе польскихъ доминикановъ, учреждена была въ 1596 г. отдѣльная русская провинція. — Польскіе доминикане отказались признавать это дѣленіе, возбуждали противъ него вельможъ, епископовъ, высшее духовенство, и около пятнадцати лѣтъ протестовали противъ этого распоряженія, но наконецъ должны были ему покориться. Въ составъ русской провинціи вошли монастыри: луцкій, владимірскій, кіевскій и каменецъ-подольскій (кромѣ монастырей, находившихся въ Галиціи). Въ 1619 году русская провинція подраздѣлена была на три отдѣла. Такъ какъ цѣль появленія доминикановъ въ Россіи состояла истлючительно въ пропагандѣ латынства, то папа Урбанъ VIII далъ 30 апрѣля 1627 г. предписаніе ввести въ русскіе доминиканскіе монастыри преподаваніе мѣстныхъ нарѣчій, и съ тѣхъ поръ положено было имѣть въ орденѣ по шести человѣкъ русскихъ и армянъ.—Въ 1647 г. учреждена была провинція литовская, члены коей, равно какъ и русской провинціи, отличались въ одѣяніи отъ польскихъ доминикановъ тѣмъ, что носили черный кожаный поясъ, тогда какъ польскіе доминикане имѣли пунцовый, въ память мучениковъ, убитыхъ татарами.—Около этого же времени съ римской коллегіи св. Ѳомы основанъ былъ фундушъ на содержаніе двухъ воспитанниковъ изъ

русскихъ; фундушъ этотъ названъ браховскимъ (fundatio Brachovsciana), потому что юристъ Браховскій пожертвовалъ на этотъ предметъ 500 червонцевъ.—Огромныя бѣдствія потерпѣли доминиканскіе монастыри юго-западной Россіи между 1648 и 1672 гг. отъ татарскихъ опустошеній; не всѣ возобновились и впослѣдствіи. Но въ это же самое время и въ особенности въ концѣ XVII вѣка закладывались доминиканскія обители во множествѣ въ другихъ краяхъ Россіи и все съ тою же цѣлію пропаганды, какъ это очевидно изъ подлинныхъ словъ нѣкоторыхъ ерекціонныхъ записей. Къ началу XVIII вѣка число этихъ монастырей такъ умножилось, что русская провинція подраздѣлялась уже на шесть отдѣловъ, именно: 1) львовскій, 2) іисусъ-польскій, 3) шкловскій, 4) пинскій, 5) минскій и 6) каменецъ-подольскій. — Послѣ раздѣла Польши, галиційскіе монастыри отошли подъ особое управленіе, а русская и литовская провинціи остались внутри Россіи, съ своими отдѣльными провинціалами.

Бо́льшія подробности о доминиканскомъ орденѣ въ западной Россіи можно найти въ сочиненіи доминиканина Садока Баранча: „Rys dziejów zakonu kaznodziejskiego w Polsce. we Lwowie. 1861". 2 тома.

ПРИЛОЖЕНІЕ 21-е.

БЕРНАРДИНСКІЕ МОНАСТЫРИ.

Бернардины пришли въ Литву изъ Польши въ 1468 г. и заложили первый свой монастырь въ Ковнѣ.

Бернардинскіе монастыри находились:

1. въ *Ковнѣ*, во имя св. великомученика Георгія, построенъ въ 1468 г.

2.—*Вильнѣ*, заложенъ въ 1469 г. королемъ польскимъ Казиміромъ Ягеллою.

3 —*Гроднѣ*, во имя обрѣтенія честнаго креста, заложенъ въ 1494 г., оконченъ Сигизмундомъ III.

4.—*Полоцкѣ*, основанъ въ 1498 г. в. к. литовскимъ Александромъ Ягеллою; возобновленъ въ 1696 г. Александромъ Слушкою, воеводою полоцкимъ.

5.—*Несвижѣ*, минской епархіи, во имя св. Екатерины, заложенъ въ 1594 г. княземъ Николаемъ Христофоромъ Радзивилломъ.

6.—*Будславѣ*, минской епархіи.

7.—*Заславѣ*, житомірской епархіи, во имя св. Михаила архангела, заложенъ въ 1606 г. княземъ Іоанномъ Острожскимъ.

8 —*Кретинѣ*, жмудской епархіи, — въ 1610 г. Карломъ Ходкевичемъ.

9.—*Цитовянахъ*, жмудской епархіи, во имя Богородцы,— въ 1614 г. Андреемъ Волловичемъ.

10.—*Трокахъ*, во имя св. Николая,—въ 1617 г. виленскимъ епископомъ Евстаѳіемъ Волловичемъ.

11.—*Минскѣ*, во имя св. Іосифа,—въ 1624 г. Кенсовскимъ.

12.—*Данбровѣ*, могилевской епархіи,—въ 1624 г. Николаемъ Глѣбовичемъ, кастеляномъ виленскимъ.

13. въ *Тельшахъ*, жмудской епархіи, во имя св. Антонія падуанскаго,—въ 1624 г. княземъ Сапѣгою, канцлеромъ в. к. л.

14.—*Слонимъ*, во имя Св. Троицы,—въ 1630 г. братьями Радвановыми; освященъ въ 1671 г.

15.—*Ивъ* (виленской губерніи ошмянскаго уѣзда), во имя св. апостоловъ Петра и Павла,—въ 1631 г. Николаемъ Кишкою, воеводою мстиславскимъ.

16.—*Друѣ*, минской епархіи, во имя Св. Троицы,—въ 1643 г. княземъ Львомъ Сапѣгою, подканцлеромъ в. к. л.

17.—*Луцкѣ*, во имя честнаго креста, Станишевскою.

18.—*Оршѣ*, могилевской епархіи, во имя Богородицы, — въ 1653 г. Андреемъ Млоцкимъ, старостою хелмскимъ.

19.—*Сапѣжинѣ*,—въ 1653 г. княземъ Казиміромъ Львомъ Сапѣгою, подканцлеромъ в. к. л.

20.—*Брестѣ-Литовскомъ*, во имя св. Іоанна крестителя,—въ 1659 г. Галимскимъ.

21.—*Глускѣ*, въ честь безпорочнаго зачатія Богородицы,—въ 1662 г. Александромъ Полубинскимъ, маршаломъ волковыскимъ.

22.—*Витебскѣ*, во имя св. Антонія,—въ 1676 г. Иваномъ Храповицкимъ, воеводою витебскимъ.

23. — *Воложинѣ* (виленской губерніи ошмянскаго уѣзда), во имя св. Іосифа, — въ 1681 году Іосифомъ Слушкою, маршаломъ в. к. л. Монастырь былъ деревянный, а въ 1806 г. возведенъ каменный графомъ Іосифомъ Тышкевичемъ.

24.—*Могилевѣ*, во имя св. Антонія,—въ 1687 г. Θедоромъ Ржевускимъ.

25. — *Трашкунахъ* (ковенской губ. вилькомірскаго уѣзда), во имя Св. Троицы,—въ 1696 г. Владиславкомъ Соколовскимъ, подкоморіемъ инфляндскимъ. Сначала былъ деревянный; въ 1789 г. построенъ каменный.

26.—*Бѣницѣ* (виленской губ. ошмянскаго уѣзда), во имя Св. Троицы,—въ 1700 г. Михаиломъ Казиміромъ Коцеллемъ, подскарбіемъ в. к. л.

27.—*Датновѣ*, жмудской епархіи, въ честь благовѣщенія,—въ 1701 г. Иваномъ Бржостовскимъ, референдаріемъ в. к. л.

28. въ *Пинскѣ*, во имя св. Михаила архангела,—въ 1705 г. графомъ Михаиломъ Корибутомъ, гетманомъ в. к. л.

29.—*Гвождзецкѣ*,—въ 1718 г. Михаиломъ Пузыною, писаремъ литовскимъ.

30.—*Лукомлѣ*, могилевской епархіи, построенъ Иваномъ Лукомскимъ.

31.—*Микулинѣ*, во имя св. Антонія, —въ 1720 г. Маріаномъ Огинскимъ, кастеляномъ витебскимъ.

32.—*Селищѣ*, во имя св. Вероники,—въ 1726 г. Іосафатомъ Сѣлавою, воеводою полоцкимъ.

33.—*Мстиславѣ*, могилевской епархіи, во имя св. Богородицы,—въ 1727 г. Иваномъ Гуркою, хорунжимъ витебскимъ.

34.—*Поставахъ*, виленской епархіи,—Станиславомъ Бѣганскимъ, секретаремъ короля Іоанна III.

35.—*Сѣннѣ*, могилевской епархіи,—Евстаѳіемъ Курчемъ, кастеляномъ витебскимъ.

36.—*Березинѣ*, минской епархіи, во имя Св. Троицы,—въ 1737 г. Владиславомъ Пацемъ, хорунжимъ в. к. л.

37.—*Слуцкѣ*, минской епархіи, во имя св. Антонія падуанскаго,—въ 1739 г. Людвигомъ Оскѣркою, старостою мозырскимъ.

38.—*Велонѣ*, жмудской епархіи, во имя св. Михаила архангела,—въ 1752 г. Михаиломъ Рыкою.

39.—*Дубнѣ*, житомірской епархіи, во имя непорочнаго зачатія Богородицы.

40.—*Житомірѣ*, во имя св. Іоанна,—въ 1764 г. Каэтаномъ Ильинскимъ, канцлеромъ в. к. л.

41.—*Мозырѣ*, во имя св. Михаила архангела.

42.—*Яновѣ*, въ честь непорочнаго зачатія Богородицы.

43.—*Ярмолинѣ*, во имя св. Іоанна.

44.—*Чудновѣ*, житомірской епархіи, во имя св. Іоанна.

45.—*Варковичахъ*, во имя св. Франциска.

46.—*Яновцѣ*, въ честь Богородицы.

47.—*Юревичахъ*, въ честь благовѣщенія.

48.—*Рогачевѣ*, въ честь непорочнаго зачатія Богородицы.

Нѣкоторыя изъ этихъ обителей были въ сущности не монастыри, а только резиденціи; потому общее число ихъ разнствуетъ съ показаннымъ въ одной изъ выносокъ 42.

БЕРНАРДИНКИ.

1. въ *Вильнѣ*, на Зарѣчьи, заложенъ въ 1495 г. въ честь непорочнаго зачатія Богородицы, княгинею Варварою Радзивиллъ и Анною Олехновичевною, францисканкою. До 1794 г. монастырь былъ деревянный.

2.—*Вильнѣ*, во имя св. Михаила архангела,—въ 1594 г. канцлеромъ Львомъ Сапѣгою.

3.—*Гроднѣ*, въ честь рождества Богородицы, заложенъ въ 1621 г.

4.— *Ковнѣ*, во имя Св. Троицы, заложенъ въ 1634 г. Массальскимъ, воеводою минскимъ.

5.—*Слонимѣ*, въ честь непорочонаго зачатія Богородицы, заложенъ въ 1645 г. деревянный Юдицкими и Комаровскими; въ 1670 г. возведенъ каменный; освященъ въ 1696 г.

6.—*Брестъ-Литовскѣ*.

7.—*Минскѣ*, заложенъ въ 1630 г.

Изложенныя здѣсь свѣдѣнія о бернардинскихъ монастыряхъ заимствованы изъ изданнаго въ 1858 году въ Вильнѣ сочиненія графа Евстаѳія Тышкевича: «Wiadomość historyczna o zgromadzeniach i fundacyach męzkich i żeńskich rzymsko-katolickich klasztorow w dyecezyi wileńskiej».

ПРИЛОЖЕНІЕ 22-е.

СПИСОКЪ КАРМЕЛИТСКИХЪ МОНАСТЫРЕЙ.

I. ВЪ ЛИТОВСКОЙ ПРОВИНЦІИ:

а) въ могилевской епархіи:

1. Могилевской губерніи и уѣзда, въ мѣстечкѣ *Бѣлыничахъ.*
2. Могилевской губерніи, въ уѣздномъ городѣ *Чаусахъ.*
3. Могилевской губерніи, въ уѣздномъ городѣ *Мстиславлѣ.*
4. Могилевской губерніи, чаусовскаго уѣзда, въ *Радомлѣ.*
5. Могилевской губерніи, мстиславскаго уѣзда, въ *Мезыканѣ.*
6. Могилевской губерніи и уѣзда, въ *Княжицахъ.*
7. Витебской губерніи, суражскаго уѣзда, въ *Станковѣ.*

б) въ виленской епархіи:

8. Виленской губерніи, лидскаго уѣзда, въ *Колесникахъ.*
9. Виленской губерніи, лидскаго уѣзда, въ м. *Желудкахъ.*
10. Виленской губерніи, въ уѣздномъ городѣ *Лидѣ.*
11. Гродненской губерніи, кобринскаго уѣзда, въ *Крупчицѣ.*
12. Виленской губерніи и уѣзда, въ деревнѣ *Таборижкахъ.*
13. Виленской губерніи и уѣзда, въ мѣстечкѣ *Слободкѣ.*
14. Виленской губерніи, завилейскаго уѣзда, въ мѣстечкѣ *Засвиржѣ.*
15. Виленской губерніи, въ *Вильнѣ.*
16. Ковенской губерніи, упитскаго уѣзда, въ мѣстечкѣ *Помпянахъ.*

в) въ самогитской епархіи:

17. Ковенской губерніи, тельшевскаго уѣзда, въ м. *Хвалойнѣ.*

18. Ковенской губерніи, россіенскаго уѣзда, въ м. *Кейданахъ*.

19. Ковенской губерніи, въ м. *Линковѣ*.

20. Ковенской губерніи, въ уѣздномъ городѣ *Россіенахъ*

II. ВЪ РУССКОЙ ПРОВИНЦІИ:

ВЪ ЛУЦКОЙ ЕПАРХІИ:

1. Волынской губерніи, въ уѣздномъ городѣ *Луцкѣ*.
2. Волынской губерніи, дубенскаго уѣзда, въ *Дорогостаяхъ*.
3. Волынской губерніи, въ уѣздномъ городѣ *Острогѣ*.
4. Волынской губерніи, острогскаго уѣзда, въ *Аннополѣ*.
5. Волынской губерніи, въ уѣздномъ городѣ *Заславѣ*.
6. Волынской губерніи, овручскаго уѣзда, въ м. *Ушомиржѣ*.
7. Волынской губерніи, овручскаго уѣзда, въ *Лабунѣ*.
8. Волынской губерніи, овручскаго уѣзда, въ *Олевскѣ*.
9. Волынской губерніи, владимірскаго уѣзда, въ *Киселинѣ*.

ОБЪ ОРДЕНѢ КАРМЕЛИТОВЪ ДРЕВНИХЪ ПРАВИЛЪ (ANTIQUAE REGULARIS OBSERVANTIAE) ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

Кармелитскій орденъ (древнихъ правилъ) появился впервые въ Помераніи, принадлежавшей Польшѣ, въ концѣ XII вѣка (именно въ 1186 году въ Гданскѣ), а въ началѣ XV вѣка въ самой Польшѣ. Къ концу XV вѣка образовалась польская провинція этого ордена. Въ Литву орденъ этотъ пришелъ въ началѣ XVI вѣка, именно послѣ 1506 года кн. Николай Радзивиллъ, воевода виленскій и канцлеръ в. к. л., выстроилъ кармелитскій монастырь въ предмѣстіи Вильны; фундація эта утверждена была папою Львомъ X въ 1517 году [1].

Въ 1687 г. польская кармелитская провинція подраздѣлена была на двѣ провинціи,—польскую и русскую, при чемъ весьма неправильно распредѣлены были между этими двумя провинціями мона-

[1] *Chodynicki (Ignacy)*,—Wiadomość historyczna o fundacyach klasztorów zakonu Karmelitańskiego niegdyś w Polsce i Litwie, a pozniej pod panowaniem Austryi, Rossyi i Pruss zostających. Lwow. 1846. p. 11, 12, 24.

стыри, такъ напримѣръ: варшавскій кармелитскій монастырь отнесенъ къ русской провинціи, одинъ изъ виленскихъ кармелитскихъ монастырей — къ польской, а другой—къ русской провинціи, монастыри въ Лидѣ (виленской губ.) и Линковѣ (въ Самогитіи)—къ польской провинціи (¹).

Въ 1756 году русская провинція подраздѣлена была на двѣ,—русскую и литовскую. Причины этого подраздѣленія были: 1) обширность провинціи, затруднявшая провинціаловъ въ визитахъ монастырей, и 2) непріязни между русскими и литвинами (²).

По увѣренію ксендза Ходыницкаго, въ концѣ прошлаго или въ началѣ нынѣшняго столѣтія, русская и литовская провинціи подраздѣлены были будто на три провинціи,—русскую (или волынскую), литовскую и бѣлорусскую. Но это неосновательно, ибо оффиціальныя свѣдѣнія удостовѣряютъ, что до 1820 года кармелитскій орденъ имѣлъ въ западной России только двѣ провинціи—русскую и литовскую, которыя въ этомъ году слиты въ одну провинцію (чтò г. Ходыницкому осталось неизвѣстнымъ); притомъ же онъ не приводитъ года, въ которомъ послѣдовало такое раздѣленіе, тогда какъ дѣлаетъ это съ точностію относительно болѣе отдаленнаго времени, и не объясняетъ, когда и какимъ образомъ, вмѣсто трехъ, осталось во все царствованіе императора Александра до 1820 г. только двѣ провинціи (³).

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОКЪ БЫВШИХЪ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ КАРМЕЛИТСКИХЪ МОНАСТЫРЕЙ И РЕЗИДЕНЦІЙ, СЪ ОЗНАЧЕНІЕМЪ ВРЕМЕНИ ИХЪ ОСНОВАНІЯ.

1. Въ *Аннополѣ* или *Глинникахъ* (на Волыни, недалеко отъ Острога), основанъ въ 1753 году княземъ Станиславомъ Викентіемъ Яблоновскимъ, воеводою и генераломъ земель русскихъ.

2.—*Бирахъ* (подольской губ.),—въ 1759 г. княземъ Антоніемъ Любомірскимъ; резиденція.

(¹) *Ibid.* p. 57—58.

(²) *Ibid.* p. 74—75: «Wrodzona jakaś niechęc czyli odraza między pojedynczemi osobani ruskiego i litewskiego narodu, będąca nie raz okazyą do rozmaitych nieporozumień».

(³) *Ibid.* p. 91.

3.—*Брестъ-Литовскомъ* (гродненской губ.),—въ 1754 г. Иваномъ Монковичемъ; резиденція.

4.—*Бѣлыничахъ* (могилевской губ. и уѣзда),—въ 1622 г. кн. Львомъ Сапѣгою, воеводою виленскимъ и гетманомъ в. к. л.

5.—*Вильнѣ* были два кармелитскіе монастыря: а) св. Георгія мученика, основанный княземъ Радзивилломъ послѣ 1506 г.; монастырь этотъ обращенъ былъ въ 1798 г. подъ помѣщеніе виленской епархіальной семинаріи; б) во имя всѣхъ святыхъ,—въ 1620 г. Войцехомъ Хлудзинскимъ, секретаремъ короля Сигизмунда III; здѣсь размѣщены были въ 1798 г. монахи предыдущаго монастыря св. Георгія.

6.—*Городищахъ* (волынской губерніи заславскаго уѣзда), — въ 1670 г. Подгрошевскимъ. Былъ однимъ изъ богатѣйшихъ кармелитскихъ монастырей, содержалъ новиціатъ и былъ мѣстопребываніемъ провинціала.

7.—*Дорогостаяхъ* (волынской губерніи дубенскаго уѣзда),— въ 1679 г. кн. Николаемъ Львомъ Сапѣгою, кастеляномъ волынскимъ, старостою овручскимъ.

8.—*Желудкахъ* (виленской губ. лидскаго уѣзда),—въ 1681 г. Казиміромъ Франчкевичемъ, старостою лидскимъ.

9.—*Засвиржѣ* (виленской губ.),—предполагаютъ, во второй половинѣ XVIII вѣка.

10.—*Заславѣ* (волынской грб.),—неизвѣстно кѣмъ и когда.

11.—*Кейданахъ* (ковенской губ.),—неизвѣстно когда и кѣмъ; предполагаютъ, во второй половинѣ XVIII вѣка.

12.—*Киселинѣ* (волынской губ. владимірскаго уѣзда),—въ 1691 г. Маріаною Голуховскою.

13.—*Княжицахъ* (могилевской губ. и уѣзда),—въ 1632 г. княгинею Анною Сапѣгою; резиденція.

14.—*Колесникахъ* (виленской губ. лидскаго уѣзда),—неизвѣстно кѣмъ и когда; предполагаютъ, во второй половинѣ XVIII вѣка.

15.—*Крупчицахъ* (гродненской губ. кобринскаго уѣзда),—въ 1683 г. Андреемъ Леопольдомъ Оссовскимъ.

16.—*Лабунѣ* (волынской губ. овручскаго уѣзда),—въ 1745 г. княземъ Іосифомъ Любомірскимъ.

17.—*Лидѣ* (виленской губ.),—въ 1676 г. Адамомъ Нарбутомъ, подскрабіемъ лидскимъ.

18.—*Линковѣ* (ковенской губ.),—неизвѣстно кѣмъ и когда; предполагаютъ, въ первой половинѣ XVII вѣка.

19.—*Луцкѣ* (волынской губ.), — въ 1740 г. Антоніемъ Базальскимъ, стольникомъ венденскимъ.

20.—*Мазыкинѣ* (мстиславскаго уѣзда могилевской губ.),—въ 1714 г. Михаиломъ Коціеломъ; резиденція.

21.—*Минскѣ*,—въ 1677 г. Михаиломъ Самуиломъ и Доминикомъ Цѣхановскими.

22.—*Могилевѣ*,—неизвѣстно кѣмъ и когда; предполагаютъ, въ первой половинѣ XVII вѣка. При учрежденіи въ Могилевѣ епископской каѳедры, монастырь этотъ обращенъ былъ на помѣщеніе монаховъ, употреблявшихся для приходскихъ должностей.

23.—*Мстиславлѣ* (могилевской губ.), въ 1620 г. Яковомъ Мадалонскимъ; сначала онъ былъ деревянный, а во второй половинѣ XVIII вѣка выстроенъ каменный.

24.—*Олескѣ* (виленской губ. овручскаго уѣзда),—въ 1670 г. Иваномъ Карломъ Немержичемъ.

25.—*Острогѣ и Монастырекѣ* (волынской губ.): съ 1772 года, по уничтоженіи іезуитскаго ордена, заняли острогскую іезуитскую коллегію кармелиты изъ м. Монастырекъ, гдѣ въ 1741 г. княжна Алоизія Гонзага Сангушко основала кармелитскую резиденцію.

26.—*Помпянахъ* (ковенской губ.).—въ 1675 г. Завадскимъ.

27.—*Радомлѣ* (могилевской. губ. чаусовскаго уѣзда), — въ 1619 году Михаиломъ Суходольскимъ и Карломъ Мадалинскимъ; резиденція. обращенная въ 1743 г. въ монастырь.

28.—*Россіенахъ* (ковенской губ.),—неизвѣстно кѣмъ и когда; полагаютъ, во второй половинѣ XVIII вѣка.

29.—*Слободѣ* (виленской губ. и уѣзда),—въ концѣ XVIII вѣка.

30.—*Станковѣ* (витебской губ. суражскаго уѣзда), — въ первой половинѣ XVIII вѣка.

31.—*Стобыхнѣ* (волынской губ.),—въ 1750 г. Михаиломъ Чарнецкимъ, стольникомъ волынскимъ; резиденція.

32. — *Таборижкахъ* (виленской губ. и уѣзда),—въ концѣ XVIII вѣка.

33.—*Топоржыцѣ* (волынской губ.),—въ концѣ XVIII вѣка; резиденція.

34. — *Ушомиржѣ* (волынской губ. овручскаго уѣзда),—въ 1772 г. Дубравскою.

35.—*Хвалойнѣ* (ковенской губерніи тельшевскаго уѣзда),— во второй половинѣ XVIII вѣка, неизвѣстно кѣмъ; сначала только резиденція.

36.—*Чаусахъ* (могилевской губ.),—неизвѣстно когда и кѣмъ; предполагаютъ, въ первой половинѣ XVII вѣка.

37.—*Чериковицѣ* (могилевской губ.),—въ концѣ XVIII вѣка; резиденція.

38.—*Шенатовцѣ* (виленской губ.),—въ концѣ XVIII вѣка; резиденція.

Женскій монастырь кармелитокъ древнихъ правилъ былъ только одинъ въ *Дубнахъ* (волынской губ.), основанный въ 1702 г. княжною Теофилою Людвикою Любомірскою.

ПРИЛОЖЕНІЕ 23-е.

КАРМЕЛИТЫ БОСЫЕ (DISCALCEATI) ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

Орденъ этотъ появился въ Польшѣ въ 1603 г., именно когда тамъ остались нѣкоторые монахи этого ордена, отправленные папою Климентомъ VIII въ Персію, въ качествѣ миссіонеровъ; первоначально поселились они въ Краковѣ; въ Литву проникъ этотъ орденъ 23 года спустя.

Монастыри кармелитовъ босыхъ составляли одну провинцію,—польскую, но когда они размножились, то провинція эта подраздѣлена была на двѣ,—польскую и русскую.

Въ западной Рѳссіи монастыри этого ордена находились:

1. въ *Бердичевѣ*, основанный въ 1630 г. Иваномъ Тышкевичемъ, воеводою кіевскимъ.

2.—*Глембоцѣ*,—въ 1644 г. Іосифомъ Корсакомъ, воеводою мстиславскимъ.

3.—*Гроднѣ*,—въ 1673 г. Котовичемъ.

4.—*Чаунахъ*,—1707 г. Озѣмбловскимъ.

5.—*Каменцѣ-Подольскомъ*, неизвѣстно кѣмъ и когда былъ построенъ; уничтоженъ турками въ 1673 г.

6.—*Пинскѣ*,—неизвѣстно когда, Симеономъ Оссовскимъ.

7.—*Вильнѣ* было два монастыря этого ордена: одинъ построенный Дубовичемъ, бурмистромъ виленскимъ, въ 1626 году, и б) другой—въ 1695 г. Огинскими.

8.—*Вишнёвцѣ*, начатъ постройкою въ 1722 г. княземъ Михаиломъ Іереміею Вишневецкимъ.

9.—*Загоржѣ*,—въ 1725 г. Иваномъ Францискомъ Стадницкимъ, воеводою волынскимъ.

Кармелитки босыя имѣли одинъ монастырь въ *Вильнѣ*, построенный въ 1638 г. Станиславомъ Пацомъ, вице-канцлеромъ вел. княжества литовскаго.

ПРИЛОЖЕНІЕ 24-е.

О ЗАВЕДЕНІИ И СОДЕРЖАНІИ УЧИЛИЩЪ ВЪ ВОЛЫНСКОЙ, ПОДОЛЬСКОЙ И КІЕВСКОЙ ГУБЕРНІЯХЪ (¹).

СПИСОКЪ ПРИХОДСКИМЪ УЧИЛИЩАМЪ, КОИ СОДЕРЖАНІЕ СВОЕ БУДУТЪ ИМѢТЬ ОТЪ МОНАШЕСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ:

Общества ксензовъ доминикановъ:

Въ губерніяхъ: *волынской:* въ Чарторыскѣ, Каширскомъ, Каменѣ, Влодзимѣржѣ, Казинцѣ, Тарговицѣ, Кахмацахъ, Кульчинахъ, Невѣрховѣ и Овручѣ.

„ „ *подольской*: въ Лятичевѣ, Тыvровѣ, Морафѣ, Тульчинѣ, Сокульцѣ, Солодковцахъ, Шаравкѣ.

„ „ *кіевской*: Чарнобыллѣ, Бышовѣ, Ходорковѣ.

ксензовъ тринитаторовъ:

„ „ *волынской*: въ Берестечкѣ и Луцкѣ.

„ „ *подольской:* въ Браиловѣ.

„ „ *кіевской*: въ Рищовѣ.

ксензовъ кармелитовъ обутыхъ:

„ „ *волынской:* въ Городищѣ, Антополѣ, Лабунѣ, Киселинѣ, Доростаяхъ, Олескѣ, Ушомиржѣ и Топорищахъ.

Въ Дубнѣ дѣвичей монастырь кармелитокъ пріемлетъ на себя содержать дѣвичье училище, по предписанію, какое дано будетъ.

ксензовъ кармелитовъ босыхъ:

„ „ *волынской*: въ Вишневцѣ.

„ „ *подольской*: въ Купинѣ.

(¹) Полн. собр. закон. том. XXVII, № 21089. 1803 г. декабря 19.

ксензовъ францисканов:

въ губерніи *волынской*: въ Межиречѣ острогскомъ, Дрожикополѣ и Ивницѣ.

ксензовъ бернардиновъ:

" " *волынской*: въ Заславѣ, Житомірѣ, Чудновѣ, Дубнѣ, Варковичахъ, Кустинѣ и Яновѣ.

" " *подольской*: въ Яновѣ и Ярмелинцахъ.

ксензовъ капуциновъ:

" " *волынской*: въ Устилугѣ или Розіамполѣ.

ВѢДОМОСТЬ, ГДѢ ИМѢЮТЪ БЫТЬ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ.

ксензовъ доминиканов:

въ губерніяхъ: *волынской:* въ Любарѣ и Старомъ-Константиновѣ.

" " *подольской*: въ Тульчинѣ.

ксензовъ тринитаторовъ:

" " *волынской*: въ Берестечкѣ.

" " *подольсквй*: въ Браиловѣ.

ксензовъ кармелитовъ обутыхъ:

" " *волынской*: въ Городищѣ и Острогѣ.

ксензовъ кармелитовъ босыхъ:

" " *волынской*: въ Бердичевѣ.

ксензовъ бернардиновъ:

" " *волынской*: въ Яновѣ.

ксензовъ капуциновъ:

" " *волынской:* въ Устилугѣ или Розіамполѣ.

ксензовъ францисканов:

" " *волынской:* въ Межирекѣ и Шушскѣ.

ПРИЛОЖЕНІЕ 25-е.

ПРОШЕНІЕ ПОЛОЦКАГО ПОВѢТОВАГО УЧИЛИЩА КАТИХИЗАТОРА ГОЛОДКОВСКАГО. іюля 8 дня 1824 года.

Не будучи въ состояніи перенесть сдѣланной мнѣ обиды, а паипаче всего въ пренебреженіи господствующей нашей религіи полоцкими ксендзами піарами, осмѣливаюсь письменно утруждать Ваше Высокопр—во, принося къ начальничьимъ стопамъ вашимъ мою жалобу вмѣстѣ съ донесеніемъ, что по многимъ требованіямъ училищнаго начальства, и стараніемъ смотрителя училищъ полоцкаго повѣта Антона Дорошкевича, на силу полоцкіе ксендзы піары въ половинѣ истекшаго годоваго курса ученія согласились, дабы въ ихъ училищѣ обучающимся дѣтямъ греко-россійскаго исповѣданія былъ преподаваемъ и законъ Божій; отъ чего они піары чрезъ полтора года разными образами уклонялись, наконецъ принуждены были пригласить меня къ преподаванію упомянутымъ дѣтямъ закона Божія, и такъ въ февралѣ мѣсяцѣ сего 1824 года началъ я въ піарскомъ училищѣ преподавать россійскій катихизисъ, о чемъ смотритель Дорошкевичь и донесъ высшему училищному начальству; послѣднихъ же чиселъ сего года маія потребовалъ отъ меня префектъ полоцкаго піарскаго училища ксендзъ Яцекъ Румяновскій списка пройденнаго мною предмета для помѣщенія въ имѣющемся напечатать общемъ обозрѣніи преподаваемыхъ наукъ въ ихъ училищѣ, который я сейчасъ и подалъ ему, но послѣ сего, во время публичнаго испытанія, т. е. 4-го сего іюля, когда я прибылъ въ залъ, въ которомъ производился публичный экзаменъ, гдѣ нашелъ многочисленное собраніе большею частію составленное изъ помѣщиковъ и католическаго духовенства, въ томъ намѣреніи, что я долженъ буду по порядку представить къ испыта-

нію учениковъ моего предмета, то упомянутый ксендзъ префектъ Румяновскій не далъ мнѣ ни приличнаго мѣста, ни дозволилъ мнѣ испытанія учениковъ изъ моего предмета, и долженъ бы былъ я выйти со стыдомъ изъ публики, ежели бы Его Преосвященство г. уніятскій епископъ Мартусевичь не пригласилъ меня сѣсть около его и не удостилъ заняться со мною прилично; въ семъ положеніи провелъ я цѣлое время экзамена, по окончаніи коего, при выходѣ изъ залы увидѣлъ я на столикѣ одно напечатанное обозрѣніе, и для любопытства осмѣлился взять его съ собою, но съ величайшимъ моимъ прискорбіемъ не нашелъ я ни преподаваемаго въ ихъ училищѣ мною предмета, поданнаго въ запискѣ помянутому ксендзу Румяновскому, ни помѣщенія меня въ спискѣ при концѣ онаго обозрѣнія, тогда, когда въ ономъ не оставили помѣстить танцоровъ и фехтмейстеровъ; таковое напечатанное обозрѣніе честь имѣю Вашему Высокопр—ву при семъ всепокорнѣйше представить на благоусмотрѣніе и защищеніе отъ явнаго пренебреженія полоцкими ксендзами піарами господствующей нашей религіи; при семъ же случаѣ осмѣливаюсь по долгу моей присяги и приверженности къ религіи Вашему Высокопр—ву доложить и то, что ежели полоцкимъ піарамъ не будетъ прекращено самовольство въ заведеніи, безъ доложенія училищному начальству, приходскаго при высшемъ ихъ училищѣ класса, тогда, когда оный при полоцкомъ повѣтовомъ училищѣ по уставу находится, въ которомъ первыя дѣтей понятія основываютъ они на польскомъ языкѣ, на которомъ продолжаютъ и дальшее ученіе на семъ же діалектѣ, отъ чего нельзя надѣяться, чтобы выходящіе ученики, въ числѣ коихъ находятся и русскіе, изъ ихъ училища могли быть приверженными россійскому престолу, религіи и нашему отечеству.

Всепокорнѣйше прошу Ваше Высокопр—во милостивѣйшаго извиненія, что я о прописанномъ выше дѣлѣ осмѣлился утруждать высокую вашу особу, ибо я въ столь явной обидѣ не зналъ куда обратиться.

Препоручая себя Вашего Высокопр—ва начальничей милости и покровительству, честь имѣю и за счастіе почитаю съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и таковою жъ преданностію быть вѣчно.

*

ПРИЛОЖЕНІЕ 26-е.

ВѢДОМОСТЬ О КАПИТАЛЬНЫХЪ СУММАХЪ БѢЛАГО И МОНАШЕНСТВУЮЩАГО ДУХОВЕНСТВА ШЕСТИ РИМСКО КАТОЛИЧЕСКИХЪ И ОДНОЙ АРМЯЯО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЕПАРХІЙ, ЗА 1822 ГОДЪ

№	ЗВАНІЕ ЕПАРХІЙ.		капиталы, зависящіе отъ распоряженія самого духовенства.						капиталы ипотечные, съ коихъ духовенству предоставлено пользоваться одними процентами.					
			червонцы.	талеры.	серебромъ.		ассигн.		червонцы.	талеры.	серебромъ.		ассигн.	
					рубли.	коп.	рубли.	к.			рубли.	коп.	руб.	к.
1	Могилевской	бѣлаго духовен.	12.615	39.875	189.603	80	55.916	50	—	—	—	—	—	—
		монашеств.	10.976	65.010	185.796	$47^1/_2$	86.247	—	—	—	—	—	—	—
		поіезуитскихъ.	2.182	16.550	1.220	—	—	—	—	—	—	—	—	—
		Итого	25.773	121.435	376.620	$27^1/_2$	142.163	50	—	—	—	—	—	—
2	Виленской	бѣлаго духовен.	$58.798^1/_2$	22.385	328.792	$27^5/_6$	—	—	1.600	$19.655^2/_3$	101.618	$56^1/_4$	—	—
		монашеств.	$80.863^1/_4$	18.026	1.003.459	$40^3/_4$	225	—	500	53.000	116.200	—	—	—
		Итого	$139.661^3/_4$	40.411	1.332.251	$68^7/_{12}$	225	—	2.100	$72.655^2/_3$	217.818	$56^1/_4$	—	—
3	Самогитской	бѣлаго духовен.	42.262	131.960	120.749	51	—	—	2.327	20.772	22.455	50	—	—
		монашеств.	25.890	$24.539^1/_2$	50.593	$7^1/_2$	—	—	—	1.600	2.115	—	—	—
		Итого	68.152	$156.499^1/_2$	171.342	$58^1/_2$	—	—	2.372	22.372	24.570	50	—	—
4	Луцкой	бѣлаго духовен.	$3.174^2/_3$	—	447.602	$56^1/_4$	—	—	—	—	62.100	—	—	—
		монашеств.	$7.329^2/_3$	125	852.596	44	—	—	—	—	—	—	—	—
		Итого	$10.503^4/_6$	125	1.300.199	$^1/_4$	—	—	—	—	62.100	—	—	—
5	Каменецкой	бѣлаго духовен.	1.961	—	138.814	21	—	—	—	—	89.615	60	—	—
		монашеств.	55	—	145.908	$12^1/_2$	—	—	—	—	56.499	15	—	—
		Итого	2.016	—	284.722	$33^1/_2$	—	—	—	—	146.114	75	—	—
6	Минской	бѣлаго духовен.	5.644	750	56.183	$77^1/_2$	—	—	2.100	—	28.180	—	—	—
		монашеств.	24.580	700	400.426	$28^1/_2$	7.545	—	5.017	—	86.579	$33^1/_2$	—	—
		Итого	30.224	1.450	456.610	6	7.545	—	7.117	—	114.759	$33^1/_2$	—	—
7	Армяно-католической		—	—	17.972	$8^1/_2$	—	—	—	—	—	—	—	—
		А всего вообще.	276.329	$319.920^1/_2$	3.939.718	$2^1/_4$	149.933	50	11.589	$95.027^2/_3$	565.363	$14^3/_4$	—	—

ПРИЛОЖЕНІЕ 27-е.

ЖАЛОБА НЕСВИЖСКАГО БЕНЕДИКТИНСКАГО МОНАСТЫРЯ НАСТОЯТЕЛЬНИЦЫ НА ЕПИСКОПА ДЕДЕРКУ, 1813 ГОДА.

Минской губерніи несвижскаго бенедиктинскаго монастыря начальница Косцюшковна, жалуясь на минскаго епископа Дедерку, представляетъ слѣдующее:

Епископъ Дедерко, въ намѣреніи пользоваться имѣніями означеннаго монастыря, поручилъ оныя въ управленіе родственнику своему шляхтичу Осипу Дукшинскому, который всѣ съ оныхъ доходы обращалъ по своему произволенію, или какъ угодно епископу, не давая отчета собранію монахинь.

По утвержденіи ея, Косцюшковны, настоятельницею на пять лѣтъ, епископъ возложилъ на нее крестъ, означающій ея достоинство, и требовалъ, чтобъ она, обще съ монахинями, ввѣрила Дукшинскому полную власть на управленіе монастырскими имѣніями; но когда она исполнить сего не хотѣла, то взялъ въ собственное управленіе монастырскій фольварокъ Зѣнковичи, и годичные онаго доходы, мимо вѣдома монастыря, неизвѣстно на что обратилъ, вторженіе жъ непріятеля обезпечило его и Дукшинскаго въ присвоеніи сей власти.

Дукшинскій столько былъ смѣлъ, что въ зимнее время заставлялъ монахинь терпѣть холодъ и голодъ, живучи самъ во всемъ изобиліи. Охраняя монастырскій лѣсъ, онъ велѣлъ ломать и жечь монастырскіе заборы и крѣпкія еще строенія.

Когда монастырь вознамѣрился отобрать отъ Дукшинскаго отчетъ и удалить его, то епископъ Дедерко, часто посѣщая монастырь, прибылъ 19 марта сего 1813 года, утвердилъ его и, уда-

ливъ трехъ монахинь отъ духовныхъ должностей, далъ монастырю отяготительныя правила.

12 мая епископъ также пріѣхавъ, упразднилъ монастырскую музыку и сдѣлалъ другія несообразныя съ правилами притѣснительныя распоряженія, стращая наложеніемъ проклятія.

14 мая паки прибылъ епископъ, удалилъ ее, Косцюшковну, отъ мѣста настоятельницы, перевелъ въ другія комнаты, отказалъ въ управленіи, отобралъ отъ нея крестъ, отдалъ ее подъ судъ, запретилъ видѣться съ родственниками обоего пола и со всѣми лицами, коихъ совѣтами могла бы она пользоваться, учредилъ изъ монахинь администрацію, а Дукшинскаго по прежнему оставилъ управителемъ имѣній. Монахини же, въ администрацію избранныя, отдали въ содержаніе Дукшинскому фольварокъ Зѣнковичи, подъ предлогомъ, что нечѣмъ уплачивать жалованья.

Наконецъ епископъ Дедерко, непереставши притѣснять ее, Косцюшковну, и все духовное собраніе, жаловался минскому гражданскому губернатору, что адвокатъ ея Якубовскій якобы подговаривалъ ее и прочихъ монахинь къ неповиновенію начальству. Почему губернаторъ и предписалъ взять отъ Якубовскаго подписку, что впредь сего дѣлать не будетъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ 28-е.

ВОПРОСНЫЕ ПУНКТЫ,

данные свидѣтельствующимъ о точныхъ качествахъ господина наименованнаго епископа суффрагана могилевскаго Іоахима Грабовскаго, на которыя второй свидѣтель г. Житомірскій каноникъ, радомышльскій депутатъ, краковскаго университета экзаменаторъ, за потентомъ св. богословіи докторъ и коростышовскій пробощъ, Антоній Тафиловскій, имѣющій отъ роду шестьдесятъ два года, по отправленіи сего числа божественной литургіи, бывъ вызванъ, по учиненіи на точное сознаніе справедливости присяги, показалъ:

Вопросные пункты:	*Отвѣты*:
1-й: Знаете ли вы г. нареченнаго епископа Іоахима Грабовскаго, какимъ образомъ знаете, съ котораго времени? Не родственникъ ли онъ вашъ и не своякъ ли? Не привержены ли вы къ нему слишкомъ? Не гонимы ли, или не нетерпимы ли имъ?	*На 1-й:* Г. наименованнаго епископа Іоахима Грабовскаго не только позналъ я предъ 1795 годомъ, но и будучи его землякомъ, еще слыхалъ, и именно отъ моего по отцу роднаго дяди, начальника ломжинскихъ піарскихъ училищъ, ксендза Валеріана Тафиловскаго, что онъ уже по своему желанію вступилъ въ духовное званіе. Впрочемъ онъ не родственникъ, ни своякъ, — я не слишкомъ къ нему привер-женъ, не гонимъ имъ, и не нетерпимъ отъ него.
2-й: Не извѣстно ли вамъ, гдѣ онъ рожденъ; а буде извѣстно,	*На 2-й:* Извѣстно подлинно, что онъ родился польскаго ко-

то въ какомъ городѣ, мѣстѣ и епархіи и какова причина таковаго вашего свѣдѣнія?

ролевства въ городѣ Визнѣ, положенномъ тогда въ плоцкой епархіи, и крещенъ братомъ моего дѣда, то есть, визненскимъ олтаристомъ Григоріемъ Тифиловскимъ; ибо возростая и живя въ смежномъ приходѣ отъ родственниковъ моихъ, довольно хорошо свѣдущихъ о его рожденіи и фамиліи, многократно слыхалъ я о его происхожденіи.

3-й: Изъ чего извѣстно вамъ, что сей нареченный епископъ рожденъ отъ законныхъ и католическаго исповѣданія родителей?

На 3-й: Подлинно извѣстно мнѣ, что онъ наименованный епископъ Грабовскій отъ законныхъ честныхъ и благородныхъ родителей католическаго исповѣданія, потому что находясь въ смежномъ той же стороны приходѣ, слышалъ я отъ многихъ родственниковъ и свойственниковъ, жившихъ въ городѣ Визнѣ, и тамъ имѣвшихъ собственныя земли.

4-й: Незнаете ли, сколько ему отъ роду лѣтъ; а паче кончился ли ему тридцатый годъ?

На 4-й: Что отъ роду ему семьдесятъ лѣтъ, о томъ знаю я изъ метрическихъ книгъ, которыя мною читаны, равно и изъ книжицы, заключающей въ себѣ порядокъ чтенія духовныхъ молитвъ, въ которой напечатаны имена, прозванія, лѣта отъ роду, отъ времени рукоположенія и отъ исполненія предназначенныхъ обязанностей,—какова книжица издана для могилевской епархіи.

5-й: Не извѣстно ли вамъ, имѣетъ ли онъ іерейское рукоположеніе, какое именно, съ котораго времени, особенно не за шесть ли до сего мѣсяцовъ? и почему сіе извѣстно?

На 5-й: Знаю, что онъ іерей; ибо я въ житомірскомъ соборномъ костелѣ (въ которомъ и я пріобщался) видѣлъ его отправлявшаго божественную литургію и отъ прочихъ слыхалъ, что онъ и въ другихъ костелахъ исполнялъ обязанности приходскаго священника.

6-й: Не знаете ли, какъ долго находился онъ у исполненія костельныхъ и іерейскихъ обязанностей? Учащалъ ли къ священнымъ таинствамъ и набоженъ ли? Буде извѣстно, то по какимъ причинамъ?

На 6-й: Знаю, что онъ совершалъ духовныя требы и исправлялъ обязанности, какъ въ житомірскомъ соборномъ, такъ и въ другихъ, то есть, веледницкомъ, коростышевскомъ и звиногродскомъ костелахъ приходскихъ. Что учащалъ къ принятію священныхъ таинствъ, сіе я знаю по личному моему зрѣнію, а частію по слышанію отъ моего начальника прелата, соборнаго кустоша и житомірскаго генеральнаго оффиціала, котораго должность правилъ сей нареченный епископъ въ коростышевскомъ и веледницкомъ костелахъ; я же послѣ занимая его мѣсто въ коростышевскомъ, нынѣ выполняю какъ-бы дѣйствительный настоятель всѣ духовныя обязанности. Сверхъ того слыхалъ отъ многихъ коростышевскихъ прихожанъ, что и теперь прославляютъ его набожность, примѣрное поведеніе и аккуратное выполненіе должностей. Когда

же я посѣщалъ его въ его домѣ, то во всякое время находилъ благочиннымъ и никогда ничего вредительнаго для его чести не слыхалъ.

7-й: Не извѣстно ли вамъ, что онъ всегда велъ жизнь покатолически и пребывалъ непорочно въ сей вѣрѣ? Если извѣстно, то по какимъ причинамъ?

На 7-й: Извѣстно мнѣ, что нареченный сей г. епископъ велъ жизнь свою по правиламъ католическаго исповѣданія, и пребывалъ въ непорочности онаго; потому что, состоя много лѣтъ подъ его вѣдомствомъ, видѣлъ я и прочія знавшія жизнь его лица пребываніе въ оной безпорочное; а тѣмъ самымъ ничего противнаго вѣрѣ не находили.

8-й: Знаете ли вы, что онъ непорочнаго житія и чистой нравственности, честнаго и добропорядочнаго поведенія и мнѣнія, и почему?

На 8-й: Въ вышепрописанныхъ отвѣтныхъ пунктахъ сказано мною, что сей г. нареченный епископъ есть мой землякъ, а потому не только видѣлъ лично и слыхалъ объ немъ, но даже о происхожденіи родителей его и фамиліи, тако жъ о его честной жизни, обычаяхъ, занятіяхъ и славѣ. Теперь добавляю, что знающіе сію особу и свойства громогласно всѣ прославляютъ, чѣмъ и добродѣтелями своими обязалъ всѣхъ, духовно и по должности подвѣдомственныхъ питать къ нему любовь и благоуваженіе.

9-й: Извѣстно ли, что онъ мужъ важный, расторопный и во исполненіи дѣлъ искусный (или

На 9-й: Изъ личныхъ съ нимъ разговоровъ увѣренъ я, что сей мужъ есть важный, растороп-

удачливъ), и какая причина таковаго свѣдѣнія?

ный и дѣятеленъ удачно; да и правленіе его по кіевской губерніи, резолюціи и постановленія, мною и прочими читанныя и слышанныя, безъ сомнѣнія о томъ удостовѣряютъ.

10-й: Не знаете ли, что онъ былъ утвержденъ въ какой-либо степени каноническаго законовѣдѣнія или св. богословіи? Если былъ, то въ какихъ мѣстахъ, котораго времени и съ какою пользою получалъ успѣхи въ ученіи богословскомъ или каноническомъ правовѣдѣніи? И точно ли искусенъ онъ въ той наукѣ, которая нужна епископу на тотъ предметъ, чтобъ прочихъ наставлять? И почему сіе извѣстно?

На 10-й: Знаю, что онъ въ житомірской семинаріи къ познанію богословскихъ ученій и каноническаго правовѣдѣнія прилагалъ всяческое стараніе, о чемъ слыхалъ я и отъ тѣхъ лицъ, кои тамъ же науки сіи преподавали; а лучше удостовѣрился о полученіи имъ отъ оныхъ пользы изъ того, что о семъ свидѣтельствуетъ данная ему о произведеніи его въ степень доктора св. богословіи грамота, мною читанная и по резолюціи могилевской консисторіи объявленная; за тѣмъ вѣдаю, что оный епископъ номинатъ нужныя для сего достоинства науки разумѣетъ; да видѣлъ и слыхалъ я, что онъ въ звиногродской семинаріи съ каѳедры наставлялъ учениковъ, а въ другихъ мѣстахъ проповѣдывалъ слово Божіе и св. Писаніе.

11-й: Знаете ли и почему, что оный г. наименованный епископъ выполнялъ въ приходскомъ или другомъ костелѣ какія обязанности, и какъ въ оныхъ поступалъ касательно до расторопно-

На 11-й: Знаю, что онъ дѣятельно исполнялъ приходскія о спасеніи душъ и о правленіи коростышевскимъ, веледницкимъ и звиногродскимъ костелами обязанности, ведя себя

сти, невредимости и нравственности?

благочинно; чѣмъ заслужилъ прелятуру житомірскаго схолястика и кіевскаго и бѣлорусскаго архидіакона; тако жъ исполнялъ должность въ духовномъ правленіи или архидіаконатѣ кіевской губерніи, а слѣдовательно главнаго намѣстника въ духовенствѣ и предсѣдателя въ главной митрополитской могилевской консисторіи. О каковыхъ его должностяхъ всемѣрно увѣряютъ чиненныя на бумагѣ резолюціи, опредѣленія и распоряженія, равно словесныя увѣщанія отступающихъ отъ пути истины, кои ежечасно читалъ я и слыхалъ.

12-й: Неизвѣстно ли вамъ, что онъ когда-либо относительно до вѣры, нравственности или наставленій сдѣлалъ въ публикѣ соблазнъ? Не имѣетъ ли какого тѣлеснаго или душевнаго несовершенства, либо каноническаго препятствія, недозволяющаго возвесть его на степень епископа?

На 12-й: Ни о какомъ публичномъ соблазнѣ, относительно до вѣры и нравственности или же нравоученія, ниже о другомъ какомъ тѣлесномъ и душевномъ несовершенствѣ и объ иномъ какомъ каноническомъ препятствіи въ лицѣ г-на удостоиваемаго въ санъ епископскій не видѣлъ и ни отъ кого не слыхалъ.

13-й: Можете ли вы предполагать, что онъ способенъ къ управленію соборнымъ костеломъ, а именно тѣмъ, который имѣетъ быть ему врученъ, и достоинъ ли онъ къ таковому предназначенію? равно таковое предназначе-

На 13-й: Полагаю, что сей мужъ предназначенный къ произведенію во епископы, къ управленію костела способенъ и достоинъ и произведеніе его будетъ полезно какъ съ упомянутыхъ выше причинъ, такъ по

ніе будетъ ли оному же костелу полезно? и изъ чего такъ вы заключаете?

нижеслѣдующимъ: поелику онъ, управляя костелами въ губерніи и архидіаконатѣ кіевскихъ, многихъ свѣтскихъ лицъ благосклонными своими разговорами и набожнымъ своимъ вдохновеніемъ побудилъ къ созданію новыхъ приходскихъ костеловъ; звиногродскій же таковый (котораго онъ начальникъ) за испрошеніемъ у г-жи помѣщицы Солтыковой фундуша, усильнымъ своимъ старательствомъ, вмѣсто обветшалаго костела, соорудилъ новый каменный и оный своимъ коштомъ изрядно украсилъ; испросилъ тако жъ фундушъ на кіевско-звиногродскую семинарію, и учинивъ совѣтъ съ настоятелями о надобности римско-котолическихъ костеловъ въ кіевскомъ архидіаконатѣ, склонилъ ихъ на сдѣланіе (пожертвованій) по возможности, и на тѣ складочныя деньги, не сберегая и собственнаго его кошту, построилъ для учениковъ каменный домъ, завелъ въономъ порядокъ, приглася учениковъ и учителей, и въ домѣ помѣстилъ.—Столько созналъ тотъ, которому приказано молчать.

Что все въ вышеизложенныхъ отвѣтныхъ пунктахъ справедливо мною показано и устами моими говорено было, въ томъ собственноручно подписую: Антоній Тафиловскій, каноникъ житомір-

скій, настоятель коростышевскій, депутатъ родомышльскій—соб. рук.

Что вышепрописанныя показанія, по предварительно выполненной свидѣтелемъ присягѣ, самовѣрно мною писаны, въ томъ собственноручнымъ подписомъ завѣряю: Павелъ Антоній Гинвитъ-Петровскій, вице-архидіаконъ кіевскій — соб. рук. — Въ мѣстѣ священническаго пребыванія настоятеля паволочскаго приходскаго костела. 12 генваря 1827 года.

ПРИЛОЖЕНІЕ 29-е.

ПИСЬМО ДИРЕКТОРА ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ТУРГЕНЕВА КЪ АББАТУ ЛАНГЕНМЕЙЕРУ, ОТЪ 1 АВГУСТА 1823 ГОДА.

Le comte Worontzoff, envoyé extraordinaire de S. M. Imp. près la Cour de Bavière, vient de faire part au ministère des cultes et de l'instruction publique des conditions que vous mettez, monsieur, à l'acceptation de la place de chapelain et de maître de langue française et de géographie au lycée de Richelieu à Odessa.

Vous demandez entre autres qu'un décret impérial confirme le mariage contracté par vous avec votre servante, et que les enfants, fruit de ce lien, soient regardés comme légitimes. Vous y ajoutez l'autorisation qui doit vous être accordée de vous élever publiquement, tant de vive voix que par écrit, contre les abus de l'autorité du pape et contre tout ce qui, selon votre opinion, nuit à la pureté de la foi catholique romaine.

Le département des cultes, dont j'ai l'honneur d'être le directeur, n'a eu besoin que de jeter un coup d'oeil sur la dépêche du comte de Worontzoff qui spécifie ces conditions, pour les trouver aussi inadmissibles qu'elles sont surprenantes. La tolérance et la protection que la Russie accorde à tous les cultes peut-elle donc s'étendre à offrir à des opinions individuelles ignorées jusqu'ici un moyen solennel de troubler les conciences? Les enfants que le gouvernement avait l'intention de confier à vos soins ecclésiastiques doivent-ils recevoir les premiers germes des discordes religieuses, au lieu de se pénétrer du plus profond respect pour la foi de leurs pères? Ce serait changer la protection en insulte et la tolérance en une persécution sans exemple. Ce serait faire de l'asile que la Russie a toujours offert à toutes les sectes chrétiennes une

arène ouverte aux plus funestes égarements que le malheur des derniers temps peut expliquer, mais qu'il ne justifie point, et que les gouvernements, dans leur sagesse, s'abstiennent à condamner ostensiblement, parce qu'ils espèrent, sans doute, voir s'éteindre dans l'ombre des étincelles qui éclatent lorsqu'on y touche.

Le département des cultes ne veut point rechercher la source des notions qui vous ont pu porter à manifester des prétentions incompatibles avec votre état de prêtre catholique romain. La notoriété publique des principes suivis par le gouvernement russe en matière de culte, principes aussi justes que généreux et éclairés, suffit pour les repousser.

Je n'ai donc rien à y ajouter, si ce n'est l'expression de regret que fait toujours éprouver une attente trompée.

En m'acquittant ainsi de l'ordre que j'ai reçu de la part du ministre de répondre à vos propositions, j'ai l'honneur d'être, etc.

ПРИЛОЖЕНІЕ 30-е.

ИМЕННЫЙ УКАЗЪ, ДАННЫЙ БѢЛОРУССКОМУ ВОЕННОМУ ГУБЕРНАТОРУ, ГЕНЕРАЛУ ОТЪ КАВАЛЕРІИ МИХЕЛЬСОНУ (1).

Министръ внутреннихъ дѣлъ донесъ Мнѣ о представленіи вашемъ относительно требуемаго римско-католическою коллегіею, со стороны губернскаго правленія, содѣйствія по дѣламъ уніатовъ, перешедшихъ въ латинскій обрядъ и паки изъ онаго возвращающихся въ унію.

Обстоятельство сіе, жалобы, принесенныя отъ уніатскаго бѣлорусскаго духовенства чрезъ повѣреннаго, нарочно сюда присланнаго о разныхъ притѣсненіяхъ и обращеніи духовенствомъ католическимъ къ вѣрѣ ихъ не малаго числа жителей тамошнихъ, и наконецъ предыдущія ваши по послѣднему предмету сему представленія, побуждаютъ Меня, одобривъ осторожность, губернскимъ правленіемъ во удовлетвореніи вышеупомянутаго требованія римско-католической коллегіи принятую и благоразуміемъ вашимъ утвержденную, предписать вамъ на будущее время слѣдующее по симъ предметамъ поведеніе.

Та жъ самая терпимость, которая заставляетъ правительство не прикасаться къ убѣжденію совѣсти въ дѣлахъ вѣры, должна бы была послужить правиломъ духовнымъ католическимъ властямъ въ поведеніи ихъ съ уніатами, и воспретить имъ всякое совращеніе народа изъ уніи въ обрядъ римско-католическій. Если вѣра господствующая не дозволяетъ себѣ никакихъ понудительныхъ средствъ, то кольми паче вѣра терпимая не можетъ ихъ употреблять.

(1) Полн. собр. зак. том. XXVII, № 20837.

Губернское начальство не только не должно давать въ сихъ неправильныхъ притязаніяхъ своего содѣйствія, но и обязано всѣми мѣрами защищать уніатовъ въ притѣсненіяхъ, судахъ и слѣдствіяхъ, какія мѣстныя католическія консисторіи противъ нихъ употреблять могутъ. Сближеніе уніи съ православнымъ греческимъ исповѣданіемъ даетъ ей право на сіе покровительство.

Строго наблюдайте по сему за всѣми покушеніями, какія со стороны духовныхъ католическихъ начальствъ къ стѣсненію совѣсти народной въ губерніяхъ вамъ ввѣренныхъ происходить могутъ и каждый разъ при нарушеніи ими сего правила Мнѣ доносите.

С.-Петербургъ. 4 іюля 1803 г.

На подлинномъ собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:

АЛЕКСАНДРЪ.

ПРИЛОЖЕНІЕ 31-е.

ПИСЬМО ПОЛОЦКАГО АРХІЕПИСКОПА ИРАКЛІЯ ЛИСОВСКАГО КЪ КНЯЗЮ ГОЛИЦЫНУ, ОТЪ ІЮНЯ 1805 Г.

„Encouragé par la justice et la générosité de Votre Excellence si notoirement connues de tout le peuple, ainsi que par la bienveillance avec laquelle vous avez voulu bien défendre la cause si juste des Grecs-unis dans leur affaire, qui est parvenue jusqu'à l'auguste trône, au sujet des persécutions qu'ils endurent des Romains,— je prends la liberté d'importuner encore la personne de Votre Excellence, par ces lignes, dans la même affaire, qui est suffisamment connue de Votre Excellence, comme l'archiprêtre Krassowsky, mandataire de mon diocèse à Saint-Pétersbourg, durant les années 1803 et 1804, a eu le bonheur d'implorer la protection et le secours de Votre Excellence. Le but de ma présente prière consiste en ce qui suit: Après avoir exposé à Votre Excellence l'état actuel de l'Église grecque-unie, mes réflexions sur l'avenir, implorer au nom de tous les Grces-unis l'appui et l'influence de Votre Excellence dans toutes leurs affaires générales dans les cas où Votre Excellence jugera convenable d'intervenir.

„L'ordonnance suprême du 12 juillet 1804, émanée au sujet de l'affaire des Grecs-unis, donna à cette Église une nouvelle existence et l'éleva au degré de dignité conforme aux privilèges de son rite; le clergé latin voyait avec indignation cet état heureux des Grecs-unis, en se persuadant qu'il perdait le droit de les opprimer et de les persécuter, comme il l'avait fait durant les deux siècles précédents et s'efforça par tous les moyens possibles, particulièrement avant l'arrivée des députés Grecs-unis au collége, d'attirer la vengeance sur les Grecs-unis pour leur hardiesse d'avoir osé, dans leur

oppression extrême et au milieu de toutes les offenses qu'on leur faisait endurer, se placer sous l'égide de la justice et de la clémence du monarque vertueux. C'est mon diocèse qui eut le plus à souffrir avec une douleur inexprimable de toutes ces calamités, étant le premier objet d'indignation pour le clergé latin à cause des plaintes portées au gouvernement, et quelques-unes des mesures du clergé catholique eurent même un succès complet, à la profonde douleur des Grecs-unis; ainsi: 1-o Dans différentes parties du diocèse furent nommées des commissions d'enquête directement par le collége catholique romain, sans nécessité aucune, sur un simple soupçon; la suite démontra que ces commissions n'apportèrent aucune utilité, ne découvrirent rien d'important et n'étaient qu'à charge aux employés diocesains par leurs courses continuelles, en leur occasionnant par là beaucoup de pertes. 2-o Dans plusieurs prescriptions du collége on me faisait des menaces blessantes, même au mépris de ma dignité. 3-o Plusieurs décisions du collége dans différentes affaires des Grecs-unis ont statué à notre détriment des jugements, dont quelques-uns ne pouvaient même convenablement être mis à exécution. Et enfin on me blessa successivement par la licence accordée aux subordonnés de porter plainte contre leurs supérieurs, quand même ces plaintes n'étaient basées sur rien. Quoique de pareilles prétentions de l'autorité catholique aient diminué tant soit peu depuis l'arrivée au collége grec-uni des assesseurs et des mêmbres, elles n'ont point cessé encore entierement, car le collége avait par toutes ses résolutions préalables arrangé toutes les affaires grecques-unies, de sorte que son système fut suivi même pour leur conclusion, et c'est pourquoi il fut impossible aux députés grecs-unis de changer quelque chose que ce fût et ils n'eurent aucune voix d'après les lois générales à ce sujet. Quant aux affaires nouvellement entrées, les députés grecs-unis se voyaient forcés de soutenir des discussion avec les Romains pour défendre leurs opinions et leurs voix, quand il s'agissait de parler en faveur et pour la défense des Grecs-unis; en outre, ils se voyaient exposés aux offenses ordinaires. Une pareille situation des Grecs-unis, obligés de souffrir et de supporter les animosités des Romains, se trouvant outre cela dans un péril incessant de leur part, combien ne leur fait-elle

pas de tort et n'entraîne-t-elle d'abaissement pour eux? Combien de lenteur aussi dans la décision des affaires, et par là quel retard à leur accorder justice et à les défendre!

„Et c'est une raison équitable pour les Grecs-unis de regretter que le projet de leur donner une administration de Votre Excellence n'est pas réalisé, et s'ils remettaient entre ces mains leur sort, ils parviendraient au bonheur, à la tranquillité et à une félicité parfaite. Actuellement, les Grecs-unis, se trouvant au même collége avec les Romains, rencontrent non seulement des difficultés dans la juridiction, mais ils doivent, en outre, surmonter plusieurs difficultés que leur opposent les Romains dans leurs présentations et dans leurs démarches qui se rapportent à l'ordre et à la défense de leur Église, ce que maintenant encore l'autorité catholique vient de prouver, car, quand, à la mort de Rostozki, metropolitain grec-uni, j'eus le bonheur de faire la presentation au gouvernement (laquelle affaire est actuellement transferée au ministère de la justice) selon l'ordonance de la diète de Zamosc, confirmée par le pape Benoît XIII, en 1724,—qu'en cas de mort du métropolitain grec-uni, l'archevêque de Polotzk soit appelé à le remplacer; c'est pourquoi j'implorais aussi l'autorisation suprême à remplir cette fonction en ce qui concerne l'autorité spirituelle, à l'exclusion du titre de métropolitain de Kiew et de Galiz, ce qui aurait pu blesser le métropolitain ortodoxe,—dans ce cas-là comme dans les autres, l'autorité catholique ne manqua point de faire des difficultés, ce qu'elle manifesta en faisant une présentation opposée, en alléguant et prétendant que l'autorité spirituelle du métropolitain grec-uni est abolie pour toujours, et que, par conséquent, je n'avais point à démander son rétablissement. Mais pourquoi l'autorité catholique ne cite-t-elle aucune loi? Elle n'a fait cela que dans l'intention que tous les Grecs-unis fussent soumis à l'autorité spirituelle du métropolitain romain en Russie, qui n'y a, toutefois, aucun droit, car, 1-o, les Grecs-unis dans leurs droits, coutumes, rites, dans leurs institutions ecclésiastiques et dans toute leur composition, ainsi que dans leurs dignités, ne sont que des Grecs; et comme ceux-ci lors de leur alliance avec l' Occident jusqu'au neuvième siècle, n'étaient en rien soumis directement à l'autorité des Romains, mais

étaient toujours gouvernés immédiatement par leurs patriarches d'Orient, c'est pourquoi aussi les Grecs-unis, qui, en 1595, conclurent avec le pape Clement VIII une union ecclésiastique et formèrent un corps spécial, en se soumettant en toute chose à l'ancienne alliance des églises, ne sont nullement et en rien subordonnés à l'autorité du métropolitain latin, et, lors de l'union avec le pape, c'était le principal souci des Grecs-unis, afin de conserver leur indépendance, ce qui fut aussi confirmé alors; et toute l'autorité patriarcale sur les Grecs-unis, particulièrement en ce qui concerne la nomination des évêques et des archevêques, la visite des diocèses, la réorganisation de la discipline ecclésiastique, ainsi que d'autres franchises ecclésiastiques, furent dévolues aux métropolitains. C'est pourquoi aussi les papes, à commencer par Clement VIII, ne se permirent jamais, en leur dignité de patriarches de l'Occident, de porter la moindre atteinte aux Grecs-unis, ce que l'autorité catholique, comme nous l'avons dit plus haut, ne remplit pas actuellement. D'ailleurs, dans un acte pareil, l'autorité catholique ne porte aucune attention sur ce que ma présentation est basée sur la teneur exacte des lois, et n'avait pour but unique, non de me procurer quelque privilége personnel, mais de défendre le premier droit des Grecs-unis et le bien de l'Église qui, par la permission que je demande, verrait tous ses besoins ecclésiastiques accomplis, sans aucun concours de l'autorité extérieure. Or tout cela prouve que l'autorité catholique romaine en Russie ne cessera pas de violer les droits et de s'opposer à l'organisation voulue des Grecs-unis, tant que ceux-ci n'auront point leur gouvernement et leur autorité, et par là seront exempts de toute dépendance de Rome. A l'appuis de ces preuves, j'ai l'honneur d'exposer encore à l'examen sagace et pénétrant de Votre Excellence, que l'autorité catholique romaine, par la licence qu'elle accorde à l'autorité locale des diocèses, comme autrefois elle coopéra à répandre le bruit de l'abolition de l'union, et contribua par là à la conversion d'une grande partie du peuple de la Russie Blanche de l'union au latinisme: de même actuellement elle retient par des moyens inconcevables et antilégaux ainsi que par des subterfuges, ces Grecs-unis convertis dans un rite inconnu et incompréhensible pour le bas peuple. En outre, l'autorité catho-

lique, à la plus grande offense des Grecs-unis si humiliés déjà, en cachant la cause naturelle de la conversion d'une si grande partie du peuple, accuse le clergé grec-uni auprés du gouvernement, comme nous le savons positivement, d'avoir porté le peuple, par leurs demandes et extorsions exagérées pour les cérémonies religieuses, une pareille conversion au rite latin. 1-o Jamais à aucune autorité on ne porta de plaintes à ce sujet, comme cela aurait été nécessairement le cas, si l'accusation était fondée, on n'entendit jamais parler durant la conversion même, mais après, et cela provenait des Romains; 2-o des lois claires sur cette matière et une bonne inspection des seigneurs sur leurs paysans n'auraient-elles donc point été en état de s'y opposer? D'ailleurs, cette conversion nombreuse a été faite en une année seulement, et cela dans le rite romain encore, dont le clergé, vu sa position florissante, attache un plus grand prix pour ses services que les prêtres grecs-unis qui, demeurant ordinairement avec tout leur chapitre sur une espace de 36 desiatines de terrain de l'Église, ont à peine de quoi se nourrir; enfin cette injuste calomnie du clergé grec-uni qui se mainifeste encore par là, qu'avec la conversion du peuple grec-uni, ont est parvenu encore à convertir par la séduction quelques prêtres qui, comme autrefois, remplissent les cérémonies religiseuses des leurs paroissiens, et sont non-seulement tolérés à leurs cures par les Romains qui, d'après ce qui a étè dit plus haut, auraient dû les éloigner pour alléger les paroissiens, mais y sont retenus violemment, parce qu'ils séduisent plus facilement le peuple et le retiennent dans le rite latin; car ces prêtres (ce dont je me suis convaincu par un examen personnel et par les renseignements recueillis dans le diocèse), par le seul sacrifice sur le pain des azymes et par le même enseignement de la saint eucharistie aux paroissiens, se considèrent, eux et le peuple, comme passés au latinisme; toutes les autres cérémonies, ils consentent à les célébrer d'après le rite grec-uni, de même que le service divin, et cela 1-o à cause de l'ignorance de ces prêtres de la langue latine et des cérémonies romaines; 2-o surtout parce que le peuple, habitué de tout temps aux cérémonies de l'Église grecque qui lui sont compréhensibles, jamais n'aurait consenti selon sa conscience à les abandonner et à adopter le rite latin avec tous ses accessoires, s'il

n'y avait été amené par toutes les ruses, tous les subterfuges du clergé latin, et par sa bonté et son ignorance.

„Mais de pareils actes du clergé latin et l'autorisation à cet effet de son autorité, dans toute son étendue, se produisent avec un mépris marqué pour les lois ecclésiastiques générales. En outre, un pareil mélange dans la hiérarchie de l'Église présente un scandale public et offre le prétexte à chaque particulier de changer les ordonnances des saints Pères et des conciles oecumeniques et cela surtout à la grande offense et humiliation de l'Église orthodoxe, car ces cérémonies grecques-unies (que les prêtres convertis enseignent lors des offices religieux au peuple attiré à la sainte eucharistie d'après le rite latin) sont introduits par condescendance pour leur rite et pour y retenir les gens simples, ce qui est un surplus de crime. L'affaire à ce sujet ainsi que concernant d'autres objets, portée de mon diocèse auprés du gouvernement et qui, jusqu'ici, s'y traite encore, me donne l'espérance que de pareilles violences arbitraires, que tous ces abus ne resteront point impunis et seront abolis et que mon diocèse, parvenu par là à un grand degré de désorganisation, recerva une satisfaction complète, et que les brebis de mon diocèse seront réunies en un seul troupeau; mais si, contre toute attente, par quelque considération, on voulait, lors de la décision de cette affaire, conserver le peuple et le clergé grecs-latins convertis comme appartenants au rite latin, dans ce cas, par devoir de ma conscience ainsi que pour défendre la sainteté et la dignité du rite grec, auquel je suis sincèrement attaché, je devrai prendre des mesures actives pour mettre fin aux abus qu'on fait des cérémonies grecques en les mêlant au culte latine; et l'autorité latine devait, à cet effet, placer dans les paroisses converties des prêtres qui connaissent à fond leur rite, d'après lequel ils devraient aussi administrer à leurs paroissiens les secours de l'Église, sans employer aucune des cérémonies grecques. Mais, dans une pareille situation, le bas peuple pourrait-il s'habituer à des cérémonies d'église incompréhensibles et nouvelles, ainsi qu'abandonner celles qui lui sont transmises par ses aieux et qui se sont prèsque tout à fait établies dans leur paroisse? Certainement, des incohérences en sortiront, et le même peuple, dont je connais suffisamment l'état local, ne manquera

pas de faire tous ses efforts pour revenir à son rite d'Église primitif. C'est pourquoi, en prévoiyant de pareilles suites et sachant positivement les mauvaises dispositions des Romains d'ici à notre égard et leur tendance constante à opprimer Grecs-unis, et, après avoir présenté les principales preuves, j'ose prier Votre Eminence de daigner porter votre bienveillante attention à ma présentation et, si cela est possible, d'en faire le rapport auprès de l'auguste Trône".

ПРИЛОЖЕНІЕ 32-е.

ЧИСЛО БАЗИЛІАНСКИХЪ МОНАСТЫРЕЙ И МОНАХОВЪ ВЪ 1804 ГОДУ.

I. *Въ полоцкой епархіи*: 1) монастырь Полоцкій, въ немъ монаховъ 17 и клириковъ 6;—2) Вержбиловскій, монаховъ 5 и клириковъ 4;—3) Тадулинскій, монаховъ 7 и клириковъ 7;—4) Онуфріевскій, монаховъ 3;—5) Толочинскій, монаховъ 5;—6) Борисоглѣбскій, монаховъ 7:—7) Махировскій, монаховъ 6;—8) Сиротзинскій, монаховъ 5;—9) Добрыгорскій, монаховъ 4;—10) Ушацкій, монаховъ 5;—11) Бѣзводжицкій, монаховъ 3;—12) Оршанскій, монаховъ 5;—13) Лисковскій, монаховъ 5;—14) Пустынскій, монаховъ 4 и клириковъ 2;—15) Черепжанскій, монаховъ 4 и клирикъ 1;—16) Сирицкій, монаховъ 4;—17) Малашковскій, монахъ 1;—18) Маривильскій, монаховъ 5.

II. *Въ луцкой епархіи*: 1) монастырь Милецкій, въ немъ монаховъ 6;—2) Овручскій, монаховъ 13;—3) Почаевскій, монаховъ 40 и клириковъ 28;—4) Зыдишынскій, монаховъ 7 и клириковъ 2;—5) Дерманскій, монаховъ 6 и клирикъ одинъ;—6) Любарскій, монаховъ 13 и клириковъ 8;—7) Владимірскій, монаховъ 5;—8) Уманьскій, монаховъ 13 и клириковъ 7;—9) Каневскій, монаховъ 6;—10) Барскій, монаховъ 10;—11) Бялостокскій, монаховъ 12;—12) Поддембецкій, монаховъ 10;—13) Верховскій, монаховъ 4;—14) Луцкій, монаховъ 6;—15) Дубенскій, монаховъ 4;—16) Мильчанскій, монаховъ 5 и клириковъ 2;—17) Кременецкій, монаховъ 7;—18) Галчанскій, монаховъ 10;—19) Дорогобужскій, монаховъ 2;—20) Тригорскій, монаховъ 12 и клириковъ 4;—21) Загоровскій, монаховъ 10 и клириковъ 4;—22) Туминскій, монаховъ 3 и клириковъ 4;—23) Пушненскій, монаховъ 6 и клирикъ 1;—24) Нищанскій, монаховъ 4 и клирикъ

1;—25) Зимнянскій, монаховъ 4;—26) Страколовскій, монаховъ 6;—27) Лыссенскій, монаховъ 6 и клириковъ 2;— 28) Маліовецкій, монаховъ 4.

III. *Въ брестской епархіи:* 1) монастырь Виленскій, въ немъ монаховъ 21 и клириковъ 4;—2) Борунскій, монаховъ 16 и клириковъ 2;—3) Подубисскій, монаховъ 7 и клирикъ 1;—4) Тороканскій, монаховъ 14 и клириковъ 16;—5) Брестскій, монаховъ 8;—6) Бытенскій, монаховъ 13 и клириковъ 15;—7) Жировицкій, монаховъ 44 и клириковъ 4; — 8) Лавришевскій, монаховъ 6 и клирикъ 1;—9) Бережвицкій, монаховъ 12 и клириковъ 2; — 10) Ладзинскій, монаховъ 5 и клирикъ 1; — 11) Брацлавскій, монаховъ 8;—12) Геляновскій, монаховъ 6;—13) Сутковскій, монаховъ 6;—14) Гродненскій, монаховъ 4;—15) Черліонскій, монаховъ 5 и клирикъ 1;—16) Кобринскій, монаховъ 6;—17) Новоселецкій, монаховъ 4;—18) Антопольскій, монаховъ 7 и клирикъ 1;—19) Хомскій, монаховъ 4;—20) Рожанскій, монаховъ 5;—21) Новогродекскій, монаховъ 4;—22) Мир...—23) Вальнянскій, монаховъ 9 и клирикъ 1;—24) Даровскій, монаховъ 5;—25) Глушнянскій, монаховъ 4 и клириковъ 2;—26) Лысковскій, монаховъ 5 и клирикъ 1;—27) Поставскій, монаховъ 4;—28) Раковскій, монаховъ 4;—29) Свиржскій, монаховъ 4;—30) Тсеперскій, монаховъ 4;—31) Кассутскій, монаховъ 5;—32) Казиміроловскій, монаховъ 4;—33) Лещинскій, монаховъ 6;—34) Логойскій, монаховъ 4;—35) Селецкій, монаховъ 5;—36) Суховицкій, монаховъ 4 и клирикъ 1;—37) Якобштадтскій, монаховъ 3;—38) Иллукштанскій, монаховъ 2.

ПРИЛОЖЕНІЕ 33-е.

ВѢДОМОСТЬ О КАПИТАЛЬНЫХЪ СУММАХЪ БѢЛАГО И МОНАШЕСТВУЮЩАГО ДУХОВЕНСТВА ЧЕТЫРЕХЪ ГРЕКО-УНІАТСКИХЪ ЕПАРХІЙ, ЗА 1822 ГОДЪ.

ЗВАНІЕ ЕПАРХІЙ		капиталы, зависящіе отъ распоряженія самого духовенства.						капиталы ипотечные, съ коихъ духовенству предоставлено пользоваться одними процентами.					
		червонцы.	талеры.	серебромъ.		ассигнаціями.		червонцы.	талеры.	серебромъ.		ассигнаціями.	
				рубли.	коп	рубли.	к.			рубли.	коп.	рубли.	к.
Литовско-виленской митрополичей	бѣлаго духовенства	--	1.900	12.537	—	—	—	—	—	3.000	—	—	—
	монашествующаго	5.263	6.200	39.501	63	1.000	—	—	—	18.133	33	--	-
Полоцкой	бѣлаго духовенства	—	810	2.481	—	2.400	—	—	—	—	—	1.500	—
	монашествующаго	540	5.040	25.520	—	152.006	—	—	1.300	10.550	—	3.500	—
Луцкой	бѣлаго духовенства	—	—	53.260	—	—	—	—	—	1.905	—	—	—
	монашествующаго	44.431	—	296.416	55	—	—	—	—	28.206	—	—	—
Брестской	бѣлаго духовенства	—	720	9.358	69½	—	—	55	21	20.189	89½	—	—
	монашествующаго	11.123	—	81.237	32¾	—	—	750	—	132.160	4½	—	—
А всего вообще		61.357	14.670	520.312	20¼	155.406	—	805	1.321	214.144	27	5.000	—

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОКЪ ЛИЦЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ОБОИХЪ ТОМАХЪ.

А

Авита-Боли, капуцинъ, миссіонеръ въ Грузіи (1626 г.), т. II, стр. 62. 63.
Азарій, доминиканинъ (1674), I, 98.
Аквавива, генералъ іезуитскаго ордена (XVII в.), II, 77.
Алтіери, кардиналъ (XVII в.), I, 102.
Анджіолини, патеръ, агентъ іезуитскій, II, 196.
Андрей, епископъ виленскій (XIV в.), I, 261.
Антоній, доминиканинъ (1674), I, 98.
Антоній, католикосъ грузинской церкви (XVIII в.), II, 64.
Анцута (Казиміръ), епископъ суффраганъ виленской епархіи (XVIII в.), I, 266. 278.
Ареццо, архіепископъ селевкійскій, посолъ римскаго двора въ Петербургѣ (1803), II, 157. 402—404. 407—409.
Аркети, папскій нунцій въ Петербургѣ (1783), II, 35—38. 67. 241.

Б

Байеръ, іезуитъ (1715), I, 134.
Бакунинъ, русскій консулъ въ Гилянахъ (1746), I, 174.
Балабанъ (Гедеонъ), епископъ львовскій (XVI в.), I, 211.
Баландре, іезуитъ (XIX в.), II, 208.
Бартилій, іезуитъ (XVII в.), I, 233.
Бархманъ, утрехтскій архіепископъ (1727), I, 171.
Бембусъ (Матвѣй), іезуитъ (1629), II, 55.
Бенвенути, аббатъ, повѣренный въ дѣлахъ при русскомъ дворѣ (1802), II, 401—403.
Бениславскій, іезуитъ, коадъюторъ могилевскаго архіепископа (XVIII в.), II, 21. 34. 35. 140. 370. 385.
Бентиволіо, архіепископъ карѳагенскій, папскій нунцій въ Парижѣ (1717), I, 157.
Берентъ, литовскій провинціалъ (XVII в.), I, 112.
Берхгольцъ, камеръ-юнкеръ (1722), I, 130.
Блееръ, доминиканинъ (1691), I, 130.
Блееръ, посолъ нѣмецкаго императора въ Москвѣ (1718), I, 134.
Блумбергъ, посланникъ нѣмецкаго императора въ Москвѣ (1684), I, 127.
Борхъ (графиня), супруга канцлера польскаго (1784), II, 37.
Бржозовскій, генералъ іезуитскаго ордена (XIX в.), II, 195. 197. 199. 207. 211. 221.
Бржостовскій, епископъ виленскій (XVII в.), I, 267. 287. 289.
Бруновскій, іезуитъ (XVI в.), I, 233.
Бувье, епископъ манскій (XIX в.), II, 308. 312. 316.
Булгакъ, уніатскій митрополитъ (XIX в.), II, 376. 397. 381. 386. 391.
Бутурлинъ (графъ), назначенный министромъ къ римскому двору (1803), II, 404. 407. 409.
Бялозоръ, епископъ виленскій (1661 — 1667), I, 270. 286.

В

Варнава, епископъ холмогорскій и важскій (1718), I, 169.
Вартерисовичь, администраторъ могилевской армяно-католической епархіи (1816—1822), II, 349. 353.
Варшевицкій, іезуитъ, ректоръ виленской коллегіи (xvi в.), I, 232.
Вержбицкій (Викторъ), епископъ жмудскій (1565—1567), I, 298.
Вернегъ, французскій эмигрантъ (xix в.), II, 134. 407.
Веселовскій, секретарь русскаго посланника при римскомъ дворѣ, князя Куракина (1707), I, 152.
Викторъ, православный архіепископъ изяславскій и брацлавскій (xviii в.), II, 87.
Виталисъ, кардиналъ (xiii в.), I, 6.
Витвицкій (Станиславъ), епископъ луцкій (xvii в.), I, 312.
Война (Авраамъ), епископъ виленскій (1631—1649), I, 267. 280. 284. 302. 323.
Война (Бенедиктъ) епископъ виленскій (1601—1616), I, 236. 282.
Войничь, іезуитъ (xvi в.), I, 233.
Волловичь, епископъ виленскій (1616—1630), I, 264. 265. 267. 283.
Воллончевскій, епископъ жмудскій (xix в.), I, 296. 399. 300.
Вота, курьеръ римскаго императора въ Москвѣ (1684), I, 111. 150.
Вуекъ, іезуитъ (xvi в.), I, 233.
Выжицкій, латынскій епископъ львовскій (xviii в.), I, 237.
Выховскій (Александръ), епископъ луцкій, I, 311.

Г

Гавронскій, іезуитъ (xvii в.), I, 232.
Гай (Людвигъ де), французскій посланникъ въ Москвѣ (1620), I, 98.
Галанъ, армяно-католическій миссіонеръ (xvii в.), II, 51. 52.
Гваньини (Александръ) писатель (xvi в.), I, 201.
Гварлентъ, посланникъ нѣмецкаго императора (1698), I, 131.
Гваскоиій, италіянецъ, свѣтскій іезуитъ (xvii в.), I, 113.
Гедройцъ (князь Игнатій), коадъюторъ жмудскій, II, 430.
Гедройцъ (князь Іосифъ), епископъ жмудскій (1798), II, 121. 232. 234. 235.
Гедройцъ (князь Мельхіоръ), епископъ жмудскій (xvi в.), I, 295. 298.
Гедройцъ (князь Стефанъ), епископъ жмудскій (1778—1801), I, 297.
Гейденштейнъ, писатель (xvi в.), I, 27.
Гейнрихъ, іезуитъ (xix в.), II, 203.
Георгій, митрополитъ кіевскій (xi в.), I, 9.
Герасимовъ, русскій посланникъ въ Римѣ (1526), I, 19.
Герберштейнъ (графъ), посланникъ папы Юлія III въ Москвѣ (1550), I, 21. 27. 201.
Герзанъ, кардиналъ, (xviii в.), II, 108.
Гефлинъ, кардиналъ, баварскій министръ въ Римѣ (1817), I, 241.
Гинкевичь, іезуитъ, ректоръ несвижской коллегіи (xvii в.), I, 232.
Гловневскій, уніатскій епископъ брестскій (1798), II, 147.
Гозіусъ (Станиславъ), кардиналъ (1579), I, 232.
Гозіусъ (Станиславъ), епископъ каменецкій (xviii в.), I, 307. II, 242.
Головня, уніатскій епископъ литовскій (xix в.), II, 261. 376. 381.
Голшанскій (князь Павелъ), епископъ виленскій (xvi в.), I, 262.
Горбацкій, уніатскій епископъ пинскій xviii в.), II, 91.
Гордонъ (Патрикъ), генералъ (xviii в.), I, 103. 118. 126.
Госнеръ, р. к. священникъ (xix в.), II, 341.
Григорій, армяно-католическій патріархъ (xix в.), II, 353.
Груберъ, іезуитъ, генералъ ордена (xix в.), II, 136. 138. 139. 144. 177.

Д

Дальи, аббатъ іезуитъ (xix в.), II, 207.
Дебоа (Албертъ), іезуитъ (1685), I, 113. 146.
Дедерко, епископъ минскій (1798—1829), II, 121. 234. 235. 430.
Делабордъ, писатель (xviii в.), I, 237.
Делла Дженга, кардиналъ, викарій римскій (xix в.), II, 426.
Дембовскій, епископъ каменецкій (1798—1804), II, 121. 123. 268. 281.

Джиральдо (Іоаннъ), венеціанецъ (1561), I, 22.
Дзялинскій, польскій посланникъ (1704), I, 137.
Довгяйло (Іоаннъ Завиша), епископъ виленскій (1656—1661), I, 264.
Долгорукая (княгиня Ирина Петровна) (1727), I, 171.
Доледжіо, суперіоръ францисканов въ Петербургѣ (1720), I, 139. 141.
Домагальскій, іезуитъ (xvi в.), I, 233.
Дюлорье (Эдуардъ), писатель (1857), II, 61.

Е

Енгель, іезуитъ (1715), I, 134.
Ерошхъ, миссіонеръ (1692), I, 139.
Ефремъ, армяно-григоріанскій патріархъ (xix в.), II, 352.
Ешь, агентъ іезуитскій (xix в.), II, 196.

Ж

Жировскій, посланникъ римскаго императора въ Москвѣ (1684), I, 111. 127. 146.
Жюбе, аббатъ при испанскомъ посольствѣ въ Петербургѣ (1728—1732), I, 171.

З

Зажерскій, прелатъ олыкскій (xvii в.), I, 311.
Залевскій, уніатскій митрополитъ (xviii в.), I, 150.
Залускій (Андрей), латынскій епископъ кіевскій (xvii в.), I, 320.
Захарій, епископъ гардіенскій (xvi в.), I, 18. 188.
Захарій, епископъ фаренскій (1561), I, 22.
Захарій, католикосъ армянской церкви (xvii в.), II, 62.
Зенковичь, епископъ виленскій (1730—1761), I, 273. 286.

И

Ильинскій (графъ), (xviii—xix вв.), II, 187. 212.
Италинскій, русскій министръ въ Неаполѣ, а съ 1817 г. въ Римѣ, II, 174. 336. 342. 417. 418.

I

Іаковъ, епископъ виленскій (xv в.), I, 189.
Іеронимъ прагскій (xv в.), I, 186.
Іоаннъ, митрополитъ кіевскій (xi в.), I, 4. 9.
Іоаннъ, епископъ виленскій (1519—1537), I, 262. 270. 282.
Іоаннъ (Францискъ), епископъ скаренскій, посланникъ папы Климента vii въ Россіи (1526), I, 20.

К

Кавалькино (графъ), посланникъ отъ кёльнскаго нунція при Петрѣ I, въ Амстердамѣ (1717), I, 160.
Каваніоли (Себастіани), италіянецъ (1674), I, 99.
Казимірскій (Христофоръ), латынскій епископъ кіевскій (xvii в.), I, 320.
Кальо, францисканинъ (1726), I, 171.
Каминскій, прелатъ, администраторъ минской епархіи (xix в.), II, 232.
Кампредонъ, французскій посланникъ въ Петербургѣ (1724), I, 143.
Камулей, кардиналъ, посланникъ въ Москвѣ (въ 1594 и 1597), I, 74—77.
Карё (Францискъ), генералъ ордена іезуитовъ (1801—1802), II, 143. 144.
Кассини (графъ), русскій повѣренный въ дѣлахъ при римскомъ дворѣ (1802), II, 134. 196. 400. 402—404. 408.
Келлеръ, агентъ іезуитскій (xix в.), II, 196.
Келлеръ (баронъ), голландскій резидентъ въ Москвѣ (1676—1693), I, 111.
Кишка (Станиславъ), епископъ жмудскій (1619—1626), I, 297.
Кіарамонте, кардиналъ, избранный въ папы подъ именемъ Пія vii, II, 107. 108.
Клементій, латынскій епископъ кіевскій (xv в.), I, 313.
Кленхенъ, докторъ богословія (xvi в.), I, 23. 24.
Кнабе (Себастіанъ), архіепископъ наксиванскій (1684), I, 145.
Кобельскій (Францискъ), епископъ луцкій (xviii в.), I, 311.
Кобенцель, посланникъ римскаго императора въ Россіи (1576), I, 25.
Ковальскій, писатель (xviii в.), I, 239.

Кологривовъ, посланникъ Петра I въ Италіи, I, 162.
Коммедони, кардиналъ, нунцій въ Польшѣ (1564), I, 188. 192.
Консальви, кардиналъ, государственный секретарь, II, 134. 174. 232. 331. 334. 400. 403. 407. 408. 419. 420. 426.
Копыстенскій (Михаилъ), епископъ перемышльскій (XVI в.), I, 211.
Корези, архіепископъ, папскій агентъ въ Константинополѣ (XIX в.), II, 353.
Коссаковскій, епископъ инфлянтскій (1795), виленскій (1798), II, 44. 121. 430.
Костка, іезуитъ (XVI в.), I, 233.
Котовичь (Александръ), епископъ смоленскій и потомъ виленскій (XVII в.), I, 281. 324.
Кохановичь, уніатскій митрополитъ (1814), II, 369. 370. 377. 386.
Красинскій, епископъ каменецкій (XVIII в.), I, 306. 307. II, 44.
Красноставскій, іезуитъ (XVI в.), I, 233.
Красовскій, уніатскій архіепископъ (XIX в.), II, 377. 380—383. 389.
Криштофовичь, армяно-католическій епископъ (1810—1816), II, 346. 349. 354.
Куберіусъ (Петръ), испанецъ (1674), I, 99.
Куракинъ (князь), посланникъ Петра I при папѣ Климентѣ XI (1707), I, 151—156.
Куракинъ (князь), посолъ въ Вѣнѣ (1807), II, 409.
Курбскій (князь), (XVI в.), I, 207.
Курцей, въ 1685 г. секретарь, а въ 1691 посланникъ нѣмецкаго императора въ Москвѣ, I, 113. 119. 146. 147.

Л

Лабунскій, каноникъ, (XIX в.), II, 337. 338.
Лавицкій (Андрей), іезуитъ (XVII в.), I, 80.
Ладыженскій, совращенный іезуитами въ латынство (XVIII в.), I, 133.
Лайнезъ, генералъ ордена іезуитовъ (1564), I, 194.
Лангенмейеръ, баварскій священникъ (XIX в.), II, 341.
Ласко, іезуитъ (XVII в.), I, 232.
Левези (Августинъ), доминиканинъ (XVIII в.), I, 151.
Левинскій уніатскій епископъ луцкій (1798), II, 86. 91. 147. 364.
Левъ XII, папа, II, 426.
Леонтій, митрополитъ кіевскій (X в.), I, 9.
Лесли (графъ), іезуитъ (1673), I, 102.
Лефлеръ, миссіонеръ (1692), I, 130.
Лигаридъ (Паисій), газскій митрополитъ (XVII в.), I, 107.
Лизакевичь, русскій посланникъ въ Римѣ (1801), II, 134.
Линдль, р. к. приходскій священникъ (XIX в.), II, 341. 342.
Лисовскій, уніатскій митрополитъ (1809), II, 85. 91. 359. 360. 362—365. 367. 369. 370. 380. 385. 389. 393. 395.
Литта (графъ), архіепископъ ѳивскій; нунцій въ Петербургѣ (1797), II, 118. 121. 129—135. 241. 244. 403.
Лодыгинъ, русскій посолъ въ Римѣ (1526), I, 20.
Лукашевичь, іезуитъ (XVIII в.), I, 233.

М

Маркевичь, уніатскій каноникъ (XIX в.), II, 381. 382.
Маскле, суффраганъ виленскій (XIX в.), II, 333.
Массальскій (князь), епископъ виленскій (XVIII в.), I, 265. 267. 278. II, 5. 8. 44.
Мацеіовскій (Бернардъ), епископъ луцкій (XVI в.), I, 260.
Мацкевичь, епископъ каменецкій (XIX в.), II, 232. 234—236. 242. 246. 263. 269. 333.
Мекитаръ, армяно-католикъ (XVII в.), II, 52. 53.
Меллеръ (Бартоломей), іезуитъ (1686), I, 113.
Менезіусъ (Павелъ), русскій посланникъ при римскомъ дворѣ (1673), I, 100.
Местръ (Іосифъ де), графъ, папистъ (XIX в.), II, 167. 177. 178. 180. 188. 190. 208. 213—216. 218. 432.
Меѳодій, православный епископъ астраханскій (1758), I, 178.
Миланъ, іезуитъ (XVIII в.), I, 134.
Млоцкій, уніатскій епископъ брестскій (XVIII в.), II, 91.

Мольяниновъ, русскій посланникъ въ Римѣ (XVI в.), I, 61.
Морель, агентъ іезуитскій (XIX в.), II, 196.
Мороній, кардиналъ (XVI в.), I, 23.
Мошоро, армяно-католическій каноникъ (XIX в.), II, 354.

Н

Нектарій, патріархъ іерусалимскій (XVII в.), I, 107.
Нибуръ, прусскій министръ въ Римѣ (1821), II, 425.
Никифоръ, митрополитъ кіевскій (XII в.), I, 9.
Николь, аббатъ, суперіонъ церквей въ Новороссіи (XIX в.), II, 180.

О

Огинскій, польскій посолъ въ Москвѣ (1686), I, 113.
Озга (Самуилъ-Іоаннъ), латынскій епископъ кіевскій (XVIII в.), I, 319. 321.
Оранскій (Адамъ), канцелярій каменецкой епархіи (XVIII в.), I, 305.
Островскій, шляхтичь (1817), II, 279.
Острожскій (князь Константинъ) (XVI в.), I, 210. 215.
Оттобони, кардиналъ (1718), I, 162.

П

Паллавичини, кардиналъ, статсъ-секретарь римскаго двора (XVIII в.), II, 25.
Панцержинскій, епископъ виленскій (1724—1730), I, 278.
Патрицій, суперіоръ капуциновъ въ Астрахани (XVIII в.), I, 139.
Паулучи, кардиналъ статсъ-секретарь папы Климента XI, I, 152. 157.
Пацъ (Казиміръ), смоленскій и потомъ жмудскій епископъ I, 272. 324.
Пацъ (Николай), епископъ жмудскій (1609—1619), I, 275. 298.
Пацъ (Николай), епископъ виленскій (1672—1684), I, 265. 271.
Пенклеръ, агентъ іезуитскій (XIX в.), II, 196. 205.
Перелли, начальникъ іезуитовъ въ Римѣ (XIX в.), II, 207.
Петкевичь (Георгій), епископъ жмудскій (1567—1574), I, 298.
Пиду, театинъ (1666), II, 60.
Плихта (Георгій), епископъ виленскій (XV в.), I, 260. 269.
Познякъ, администраторъ минской епархіи (XIX в.), II, 232.
Полубинскій, маршалъ в. к. литовскаго (XVII в.), I, 228.
Поссевинъ (Антоній), іезуитъ (XVI в.), I, 33—69.
Потоцкій (графъ), палатинъ куявскій (XVIII в.), I, 309.
Потоцкій (графъ Северинъ Осиповичь) (1815), II, 276.
Поцѣй (Ипатій), епископъ владимірскій (XVI в.), I, 211.
Пріамо, іезуитъ (1723), II, 70.
Прокоповичь (Ѳеофанъ), архіепископъ псковскій, нарвскій и изборскій (1718), I, 169.
Протасевичь, епископъ виленскій (1556—1580), I, 192. 194. 265. 270.
Пузына, суффрагатъ виленскій (XIX в.), II, 237. 333.
Пурадіанъ, (Антоній), архіепископъ армянскій (XIX в.), II, 352. 353.

Р

Рагоза (Михаилъ), митрополитъ кіевскій (XVI в.), I, 211.
Рагузинскій (графъ), русскій посланникъ въ Венеціи (1718), I, 162.
Радзивиллъ (князь Войцехъ), епископъ виленскій (1508—1519), I, 188. 255. 262.
Радзивиллъ (князь Георгій), епископъ виленскій (XVI в.), I, 260. 263. 265. 275.
Радзивиллъ (князь Николай), епископъ жмудскій (1514—1522), I, 297.
Радзивиллъ (князь Николай, Черный), воевода виленскій и кальвинистъ (XVI в.), I, 194.
Радзивиллъ (Станиславъ Альбертъ), канцлеръ в. кн. литовскаго (XVII в.), I, 285. 311.
Радошевскій (Богуславъ), латынскій епископъ кіевскій (XVII в.), I, 320.
Рангони (графъ Александръ), папскій посолъ въ Москвѣ (XVII в.), I, 81.
Рачинскій (князь), агентъ іезуитскій (XIX в.), II, 196.
Ростовскій (Станиславъ), іезуитъ (XVIII в.), I, 294.
Ростоцкій, уніатскій митрополитъ (XIX в.), II, 91. 364.

Рупневскій (Стефанъ), епископъ каменецкій (XVIII в.), I, 307. 311.
Рутскій (Іосифъ-Вельяминъ), уніатскій митрополитъ (XVII в.), II, 77.
Рыпинскій, іезуитъ (XVII в.), I, 232.

С

Савицкій (Гаспаръ), іезуитъ (XVII в.), I, 79.
Сангушко (князь Іеронимъ), епископъ смоленскій (XVII в.), I, 324.
Сантакруцій, папскій нунцій (XVII в.), I, 288.
Сапѣга, польскій посолъ въ Москвѣ 1600), I, 77.
Сапѣга (Матвѣй), епископъ виленскій (1679), I, 236.
Сапѣга (князь Александръ), епископъ виленскій (1667—1672), I, 264. 265. 269.
Сапѣга (Антоній-Казиміръ), староста мерецкій (XVIII в.), I, 227.
Сапѣга (Казиміръ - Іоаннъ), палатинъ виленскій (XVII в.), I, 287. 288.
Сапѣга (Левъ-Казиміръ), подканцлеръ великаго княжества литовскаго (XVII в.), I, 197. II, 284.
Североли, нунцій въ Вѣнѣ (XIX в.) II, 168. 205. 408. 409. 426. 427.
Серпосъ (маркизъ), писатель (1786), II, 52.
Сестренцевичь, митрополитъ бѣлорусскій, II, 5—25. 32—42. 66. 67. 102. 103. 106. 112. 118. 123. 126—130. 132. 135. 137—139. 147. 152. 157. 161—163. 166. 169—171 173. 231. 232—234. 236. 237—248. 278. 295. 327. 333. 337. 342. 354. 375. 383. 392. 394. 395. 428. 429. 431.
Сикулъ, іезуитъ (XVII в.), I, 233.
Скарга, іезуитъ (XVI в.), I, 192. 197. 233.
Смогоржевскій, уніатскій митрополитъ полоцкій (XVIII в.), II, 83. 84.
Смотрицкій (Мелетій), писатель (XVI в.), I, 208. 218.
Соколовскій (Александръ), латынскій епископъ кіевскій (1636 — 1645), I, 320.
Солтыкъ (Каэтанъ), латынскій епископъ кіевскій (XVIII в.), I, 319.
Сомагліа (Самалій), кардиналъ (XIX в.), II, 342. 343. 412. 427.
Старосцирскій, іезуитъ (XVII в.), I, 232.
Стефанъ, архіепископъ армянскій въ Астрахани (1755), I, 176.
Стройновскій, епископъ, администраторъ виленской епархіи (1815), II, 236. 258.
Суслига, іезуитъ (XVII в.), I, 234.
Сѣмашко, уніатскій каноникъ (XIX в.), II, 381. 382.
Сѣраковскій, епископъ каменецкій (XVIII в.), I, 306. 307. II, 44. 121. 123.
Сюрюгъ, аббатъ, іезуитъ (XIX в.), II, 206. 209.

Т

Таборъ, епископъ виленскій (1492—1507), I, 261.
Терлецкій, епископъ луцкій (XVI в.), I, 211.
Терпеловскій, іезуитъ (1689), I, 117.
Тизенгаузенъ (Готгардъ Іоаннъ), епископъ смоленскій (XVII в.), I, 324.
Тихавскій (Тихановскій), іезуитъ (1687), I, 113.
Толстой (Петръ) (XVIII в.), I, 165.
Торосовичь (Николай), армяно-католическій архіепископъ львовскій (1626—1681). II, 56—60.
Тремульскій, кардиналъ (XVIII в.), I, 158.
Трусовъ, русскій посолъ въ Римѣ (1526), I, 20.
Тугутъ, баронъ, австрійскій министръ (XVIII в.), II, 108.
Тургеневъ (Александръ), директоръ департамента исповѣданій (1820), II, 233. 387.
Тышкевичь (Антоній), епископъ жмудскій (XVIII в.), I, 299.
Тышкевичь (Георгій), епископъ жмудскій (1633—1649), потомъ виленскій (1650—1656), I, 265. 271. 283. 302.
Тюйль (баронъ), русскій посланникъ въ Римѣ (1815—1817), II, 170. 330. 412.

Ф

Фальконіери, римскій губернаторъ (1718), I, 162.
Феа, аббатъ, адвокатъ (XIX в.), II, 427.
Феслеръ, саратовскій суперъ-интендентъ (1820), II, 277.
Фешъ, кардиналъ, французскій посолъ при папскомъ дворѣ, II, 407.
Фонтень, агентъ іезуитскій (XIX в.), II, 196.

Франкенбергъ, ксендзъ петербургскій, II, 41.

Х

Ходкевичь (Александръ) (1506), I, 202.
Хризологъ, австрійскій капуцинъ (1726), I, 170.

Ц

Центуріонъ (Павелъ), гнуезскій купецъ (XVI в.), I, 19
Цивинскій, виленскій оффиціалъ (XIX в.), II, 232.
Цѣцишевскій, епископъ пинскій (1795), луцкій (1798), II, 44. 121. 234. 235. 276.

Ч

Чарторижскій (князь Михаилъ), польскій посолъ въ Москвѣ (1678), I, 107.
Чарторижскій (князь Адамъ), (XIX в.), II, 257. 262. 287. 384—386. 394. 487.
Чацкій, писатель (XIX в.), II, 258. 268. 269. 287. 288.
Черати (Францискъ-Филиппъ-Магавли), посланникъ папы Пія VII при императорѣ Александрѣ I, (1814), II, 410.
Черневичь, провинціалъ іезуитовъ (XVIII в.), II, 19.
Чернецкій (Николай), іезуитъ (XVII в.), I, 80.
Чертвертинскій (князь), православный епископъ бѣлорусскій (1723), II, 70.

Ш

Шантырь, прелатъ, членъ духовной коллегіи (1805), II, 164. 304. 358.
Шевригинъ, русскій посолъ въ Римѣ (1580). I, 30. 31.
Шереметевъ, фельдмаршалъ (1698), I, 147.
Ширвидъ, іезуитъ (XVII в.), I, 232.
Шмидтъ, іезуитъ (1684), I, 112.
Шомбергъ (Николай), кардиналъ (XVI в.), I, 18.
Штембергъ, посланникъ папы Юлія III въ Москвѣ (1550), I, 21
Шулякевичь, базиліанскій архимандритъ (XIX в.), II, 381.

Э

Эстергази (графъ), австрійскій посолъ въ Россіи (XVIII в.), I, 178.

Ю

Юсуповъ (князь), русскій посланникъ въ Туринѣ (1787), II, 38. 39. 66. 67. 85.

Я

Яворскій (Стефанъ), митрополитъ рязанскій и муромскій (1718), I, 154. 169.
Яворскій, уніатскій епископъ брестскій (XIX в.), II, 381.

Ѳ

Ѳеодосій, игуменъ кіево-печерскаго монастыря (XI в.), I, 9. 10.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

2815.

Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Tolstoj, Dmitrij Andreevič

Rimskij katolicizm v Rossii Istoričeskoe izslědovanie grafa Dmitrija A. Tolstago. (V dvuch tomach)

Bd.: 2

S.-Peterburg 1876

H.eccl. 3197 t-2
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11333402-9